

РУССКОЕ СЛОВО.

IV.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1860.

April

А П Р Ъ Л Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Рюмина и комп.

252897
R

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 1 апрѣля 1860 года

Ценсоръ *А. Ярославовъ.*

УДОВОЛВИЛИСЯ
СЛУЖИТЬ
ВЪ 1860

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ПО МІЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ,

ЧИТАННАЯ ПРОФЕССОРОМЪ Д. И. КАЧЕНОВСКИМЪ

ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТЪ (24-го сентивря 1859 года).

Мм. Гг.

Окончивъ путешествіе, предпринятое съ цѣлью политическаго образованія, считаю долгомъ дать вамъ на первый разъ краткій отчетъ въ своихъ занятіяхъ. Странно было бы мнѣ распространяться о томъ, что мои наблюденія были направлены преимущественно на пользу науки и университетскаго преподаванія, что я старался быть вполне безпристрастнымъ и чистосердечно искалъ истины: этого желаетъ, къ этому стремится каждый путешественникъ, сознающій ясно заданную себѣ цѣль и поставленный въ мое положеніе. Къ тому же мысль о вѣрности и непогрѣшительности всѣхъ добытыхъ мною результатовъ, далека отъ меня. Время, которое я имѣлъ въ своемъ распоряженіи для поѣздки, было не такъ продолжительно, чтобы дать мнѣ средство къ основательному изученію Европы. Нѣкоторыя государства я обозрѣлъ слегка, бѣгло и потому пріобрѣлъ объ нихъ отрывочное, поверхностное понятіе; относительно другихъ могъ быть введенъ въ невольное заблужденіе. Отъ ошибокъ никто не свободенъ. Если изученіе отдѣльнаго человѣка достигается въ жизни не легко, то изученіе народа еще труднѣе. Путешествіе, какъ бы оно ни было добросовѣстно, въ нѣкоторой степени похоже на лоттерей, въ которой выигрышные

билеты смѣшаны съ пустыми; успѣхъ его часто зависитъ отъ удачи, не всегда отъ желанія. Но позвольте увѣрить васъ въ одномъ. Я не составилъ себѣ напередъ тупыхъ и упорныхъ предубѣжденій для оцѣнки того, что приходилось видѣть, не заготовилъ дома запасовъ восторга или проклятія, чтобы немедленно употребить ихъ въ дѣло и пустить въ печатный оборотъ. Я думалъ, что русскіе путешественники въ послѣднее время вполнѣ расточили избытокъ того и другаго чувства. Въ самомъ дѣлѣ давно ли они безусловно поклонялись Западу? Не на глазахъ ли нашихъ наступила другая эпоха всеобщаго и горькаго разочарованія? Энтузіазмъ и отвращеніе достигли такой крайности, что пора намъ принять противъ нихъ мѣры. Замѣчательно, что одни и тѣже люди двѣнадцать лѣтъ назадъ неудержимо хвалили то, что теперь изъ всѣхъ силъ бранятъ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ Европа казалась имъ юною, свѣжею, полною жизни; теперь они видятъ въ ней гнилой трупъ и спѣшатъ заготовить для него могилу. Гдѣ бы не заключалась причина подобнаго переворота въ мысляхъ, онъ произошелъ слишкомъ быстро, чтобы на него положиться. Западный міръ не могъ, не успѣлъ состарѣться такъ неожиданно. Вы хорошо знаете, какъ медленно дряхлѣютъ и разлагаются народы. Величіе Европы не поддерживается дѣтскимъ восторгомъ, ея упадокъ не зависитъ отъ нервнаго расстройства нашихъ путешественниковъ. Дѣло объясняется гораздо проще. Нечего говорить о томъ, что настоящее время есть время переходное. Оно наполнено, отмѣчено борьбою стараго порядка съ новыми идеями. Въ отдѣльныхъ фазахъ этой борьбы счастье склоняется то на одну, то на другую сторону. Въ послѣднія десять лѣтъ потрясеніе произвело почти вездѣ на Западѣ реакцію. Лучшія надежды и стремленія разбиты или, правильнѣе, задержаны. Во многихъ государствахъ, передовая партія, сдѣлавши отчаянныя усилія, потерпѣла большія неудачи; въ каждомъ можно насчитать тысячи, въ иныхъ милліоны побѣжденныхъ. Спѣша жить сами своею умственною жизнью, мы требовали такой же поспѣшности отъ другихъ въ жизни практической, забывая, что она не такъ легко даетъ мѣсто новымъ идеямъ, какъ воспріимчивая голова русскаго человѣка, что ея законы

не такъ гибки и уступчивы, какъ убѣжденія, почерпнутыя изъ послѣдней умной книжки и подкапываемыя ежедневно новыми авторитетами. Обезкураженные и въ отчаяніи, мы не взвѣсили трудностей всеобщаго преобразованія. Намъ долго не приходило на мысль, что теоріи, выработанныя среди раздраженія, могли быть незрѣлы. Мы положились на благодѣтельный результатъ, прежде нежели онъ былъ подтвержденъ опытомъ. Когда наконецъ роковой взрывъ послѣдовалъ и оставилъ за собою неизбѣжныя развалины, когда мы замѣтили, что масса возвращается къ своей рутинѣ и разбиваетъ только что воздвигнутыя кумиры, наше терпѣніе окончательно истощилось. Мы громко провозгласили распаденіе европейскаго міра и образованія. А между тѣмъ послѣдній часъ Европы не пробилъ! Старое, крѣпкое дерево пережило бурю, вытерпѣло реакціи и продолжаетъ расти. Голосъ науки затихъ не надолго среди великихъ событій; даже въ практикѣ вопросы политическіе и международные, задержанныя насильственно, поднялись скоро съ новою стремительностію. Словомъ, человѣчество пошло своею дорогою.

Другая причина нашего разочарованія на счетъ Европы заключается въ насъ самихъ. Не многіе между нами настолько приготовлены къ путешествію, чтобы проникнуть въ глубь западной жизни. Мы любимъ скользить по ея поверхности и упорно ищемъ или однихъ наслажденій, *утѣхъ цивилизаціи*, или же напротивъ ея темныхъ сторонъ, чтобы дать нищу своему большому скептицизму. Вообще мы смотримъ на чуждый намъ міръ изъ гостинницъ, вагоновъ и кофеенъ, вовсе не заботимся о томъ, чтобы сблизиться съ европейскимъ обществомъ, а ограничиваемся кружками крайне восторженныхъ, или отчаянно недовольныхъ людей. Наконецъ многіе изъ насъ путешествуютъ въ такіе молодые годы, когда все кажется розовымъ и, возвращаясь снова, охлажденные годами опыта и сомнѣнія, не узнаютъ того, что прежде видѣли, или устало зѣваютъ на то, что когда-то приводило ихъ въ восторгъ. Русская фізіономія за границею, какъ справедливо замѣтили наши писатели, выражаетъ или наивное удивленіе всему, соединенное съ нѣкоторою робостью и застѣнчивостію, или страшную скуку съ готовою на устахъ

бранью. Между тѣмъ для путешественника нужно спокойствіе и терпѣніе. Онъ долженъ выжидать; ему не слѣдуетъ довѣряться первымъ, такъ сказать, уличнымъ впечатлѣніямъ. Въ каждой странѣ легко подмѣтить дурное, потому что хорошее нигдѣ не бросается въ глаза, не выставляетъ себя на показъ; съ нимъ нужно столкнуться. Путешествіе есть трудная школа, въ которой уроки даются не регулярно и выучиваются не такъ бойко и скоро, какъ изъ учебныхъ книгъ, — гдѣ результаты схватываются не на лету. Чтобы сдѣлать общее наблюденіе и взвѣснить все, что прошло передъ глазами, нужно время, чтобы не обмануться призраками, нужна осмотрительность. А мы такъ привыкли судить съ перваго взгляда и мѣнять приговоры вмѣстѣ съ расположеніемъ духа. Признавая Европу адомъ или раемъ, смотря по наклонностямъ и задушевнымъ скорбямъ нашимъ, мы носимъ всюду за собою *aggrège pensée*, оставляя терпимость и снисходительность въ сторонѣ, какъ будто забывая, что человѣческая природа на Западѣ тоже не безъ слабостей. До сихъ поръ всякая гражданственность на землѣ вмѣстѣ съ хорошими сторонами имѣла свои недостатки.

Гражданственность европейская, несомнѣнно стоящая во многомъ выше греческой и римской, не есть однакоже послѣдняя ступень развитія человѣчества. Мы, русскіе, можемъ наконецъ смотрѣть на нее не съ тѣмъ только, чтобы ее бесполезно превозносить, осмѣивать или оплакивать, а съ цѣлью извлечь изъ ней для себя научныя и практическія указанія. Пора слѣплаго упоенія своимъ или чужимъ величіемъ, какъ всѣ увѣряютъ, для насъ миновала, а между тѣмъ на каждомъ шагу слышатся старыя пѣсни. Мы глумимся надъ итальянцами и надъ испанцами, которымъ ничего больше не осталось, какъ прославлять свои прошедшія заслуги на счетъ сосѣдей, а между тѣмъ сами безпрестанно преувеличиваемъ недостатки ближняго и свои достоинства или впадаемъ въ противоположную крайность. Когда это кончится, сказать трудно, хотя никто изъ нашихъ писателей теперь не сомнѣвается, «что намъ предстонтъ впереди много великаго, что мы имѣемъ передъ Европою разныя физическія и историческія преимущества и что слѣдуетъ только

сознательно усвоить себѣ результаты западной науки и гражданственности. Ни одному юному народу, какъ видно изъ исторіи, не удавалось достигнуть превосходства надъ старѣйшими безъ разработки того, что они произвели. Греки почерпнули многое съ Востока, римляне отъ грековъ, европейцы — отъ евреевъ, грековъ и римлянъ. Мы не можемъ составить исключенія изъ общаго правила.» Итакъ намъ нечего стыдиться заимствованій; смѣшно только обезьянничество, слѣпое подраженіе! Молодой народъ не долженъ слишкомъ бояться своей воспримчивости; только благодаря этому качеству, онъ найдетъ въ себѣ силы догнать народы зрѣлые и опередить ихъ. Если бы опытъ одной націи не передавался другой, если бы каждая была принуждена все начинать съизнова, то слѣдовало бы отчаяться въ успѣхахъ человѣчества. Такъ называемый прогрессъ достигается именно посредствомъ экономіи времени и труда, преемственнымъ развитіемъ идей. Признаюсь, я бы не рѣшился повторять вамъ эти, давно избитыя положенія, если бы вопросъ объ отношеніи европейскаго образованія къ русскому былъ рѣшенъ окончательно и невозвратно. Но къ несчастію, мы согласились только въ принципѣ а не въ подробностяхъ. Необходимость сознательнаго усвоенія; о которой я говорилъ, признана почти всѣми, но границы его остаются неопредѣленными; каждый ставитъ ихъ, гдѣ ему вздумается. Есть люди, которые съ полнымъ убѣжденіемъ доказываютъ, что мы уже приняли и переработали главные результаты западной мысли и гражданственности или, выражаясь нѣмецкимъ философскимъ языкомъ, *dass wir haben den Standpunkt der europäischen Menschheit überwunden*, что пора стать на независимую, болѣе возвышенную точку и открывать новый міръ. Разберемъ внимательно эту громкую фразу.

Не мнѣ одному кажется, что въ отношеніяхъ Америки и Россіи къ Старому міру есть много сходнаго. Въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ и въ нашемъ отечествѣ, потребность духовнаго общенія съ Европою была создана почти въ одно время. Европейская наука и гражданственность проникла за океанъ съ распространеніемъ колоній въ концѣ XVII вѣка; къ намъ со временъ Петра; и тамъ и у насъ

она была опорой прогресса. Но, если сравнить результаты, до которых она довела тотъ и другой народъ, они далеко не одинаковы. Въ Америкѣ европейскія идеи переработали государственнѣйшій бытъ, втѣснились во всѣ отрасли общественной жизни, но дѣйствовали далеко не съ такою силою на литературную самостоятельность націи. Американцы правда читали и читаютъ не меньше насъ, все что выходитъ въ Европѣ, но ихъ собственные писатели мало чѣмъ отличаются отъ англійскихъ; въ наукѣ также нельзя сказать, чтобы они опередили англичанъ. На насъ Европа дѣйствовала обратно; русская практическая жизнь подчинилась ея вліянію въ самой незначительной степени, именно съ внѣшней стороны. Введеніе ассамблей, бюрократическаго порядка, отмиѣна бородъ, — вотъ первыя реформы, предпринятыя у насъ въ XVIII столѣтіи. За ними конечно послѣдовали другія, болѣе важныя, но онѣ зависѣли отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Напротивъ умственная и особенно эстетическая дѣятельность наша была рѣшительно двинута впередъ вслѣдствіе сближенія съ Западомъ. Русская литература, подвергаясь очередному вліянію французской, нѣмецкой, англійской, приобрѣла несравненно болѣе самостоятельности и вѣса въ обществѣ, нежели американская. Мы разумѣемъ здѣсь изящную литературу. Что касается до науки *), она, надобно признаться, не достигла еще такого развитія, особенно если мы будемъ говорить о приложеніи ея къ жизни. Даже сфера нашего умственнаго наблюденія не такъ широка, какъ многіе думаютъ. Эстетическимъ чувствомъ мы обнимаемъ всю Европу. Насъ русскихъ французы, англичане, нѣмцы, даже итальянцы, считаютъ художниками, артистами по призванію и пророчатъ намъ великіе успѣхи. Мы сами въ свою очередь требуемъ отъ ученыхъ непременно художественнаго изложенія. Все это очень хорошо. Русскому человѣку не трудно схватить *последніе результаты знанія* и передать ихъ живымъ, яснымъ, выразительнымъ языкомъ. Но кромѣ художественнаго изложенія чужихъ мыслей, наука требуетъ

---

*) Здѣсь говорится преимущественно о наукахъ нравственныхъ и общественныхъ.

очень многого. Не касаясь творчества, о котором у нас еще мало думаютъ, поговоримъ о сознательномъ усвоеніи. Мы начали съ слѣпаго поклоненія французскимъ энциклопедистамъ, потомъ увлеклись движеніемъ нѣмецкой философіи, прислушивались къ отголоскамъ социализма и политической экономіи, наконецъ сдѣлались англomанамъ и практикамъ, но многіе ли изъ насъ изучали Европу въ цѣлости? А между тѣмъ она именно только въ цѣлости и представляеть богатое и разнообразное содержаніе. Она какъ будто нарочно раздроблена для того, чтобы мы могли воспользоваться опытами каждаго народа и всѣхъ вмѣстѣ, чтобы дать намъ матеріалъ для сравненія и критики. Петръ Великій хорошо это понялъ своимъ практическимъ умомъ. Его любознательность влекла его въ Голландію, въ Англію, всюду, гдѣ онъ могъ найдти для ней удовлетворенія. Тому же обычаю слѣдовали лучшіе изъ нашихъ путешественниковъ въ XVIII вѣкѣ. Послѣ 1815 года ученые заграничныя поѣздки приняли къ несчастію другой характеръ. Русскіе раздѣлились на два лагеря. Молодежь обыкновенно поселялась въ какомъ-нибудь изъ нѣмецкихъ университетовъ; «люди развитые» спѣшили въ Парижъ, чтобы жуируя изучать тамъ Европу. На другія страны мы обращали мало вниманія: Англія казалась поучительною только для механиковъ и купцовъ; Италія для художниковъ и для больныхъ. Что же произошло отсюда? Кругъ нашихъ научныхъ наблюденій становился тѣснѣе и тѣснѣе. Нѣмецкіе университеты, при всемъ ихъ достоинствѣ, далеко однакоже не двигаются общеевропейскою мыслію. Прежде, отъ Канта до Гегеля, въ нихъ по крайней мѣрѣ отражалась философія; теперь и этого нельзя сказать. Парижъ, какъ бы ни были велики его умственные богатства, въ научномъ отношеніи не можетъ замѣнить Европы. Между тѣмъ наши преданія и старыя сочувствія до-сихъ-поръ влекутъ всѣхъ въ этотъ веселый городъ. Число русскихъ, живущихъ въ Парижѣ, превосходитъ огромнымъ процентомъ ихъ количество въ Лондонѣ, въ Римѣ, не говоря о другихъ, менѣе интересныхъ столицахъ.

Къ счастью въ послѣднее время это одностороннее направленіе ослабѣваетъ, по крайней мѣрѣ между русскими ли-

тераторами и учеными. Потребность усвоить себѣ результаты общеевропейскаго знанія становится слишкомъ чувствительною. Мы поняли, что наша отсталость, преимущественно въ юридическихъ и общественныхъ наукахъ, происходитъ оттого, что кругъ нашихъ наблюдений былъ очень ограниченъ. Какъ нарочно, нѣмцы съ 1848 года начали писать меньше руководствъ и диссертаций. Къ тому же у насъ думаютъ о серьезныхъ экономическихъ преобразованіяхъ, объ улучшеніи судопроизводства, администраціи, полиціи, финансовъ. Оказалось нужнымъ сравнить учрежденія разныхъ народовъ.

Что касается до меня лично, я по самой цѣли своего путешествія не могъ и не долженъ былъ ограничиться изученіемъ одного государства. Мнѣ было поручено 1) ознакомиться съ современнымъ состояніемъ и успѣхами науки международного права на западѣ Европы, 2) ознакомиться съ учрежденіями преимущественно Англии, Франціи и отчасти сосѣднихъ съ ними странъ. Позвольте мнѣ остановиться сначала на международномъ правовѣдѣніи. Результаты прочихъ наблюдений я сообщу вамъ въ другой разъ.

Начну съ Германіи. Здѣсь, гдѣ еще такъ недавно работала школа Мартенса, я надѣялся найдти науку въ удовлетворительномъ состояніи. Надежды мои сбылись только отчасти. Преподаваніе международного права въ Бреслау, Лейпцигѣ и Берлинѣ идетъ вяло и не отвѣчаетъ требованіямъ современности, хотя многіе профессора пользуются европейскою пзвѣстностью. Сколько я замѣтилъ, имъ очень вредитъ сухая компендіарная форма изложенія. Они не столько касаются живыхъ сторонъ науки, сколько заботятся о систематикѣ и округленности формъ. Нѣкоторые съ непонятнымъ упорствомъ держатся старой методы сравненія трактатовъ и охотнѣе ссылаются на схоластическія сочиненія, чѣмъ на государственныя бумаги. Въ прочихъ университетахъ Германіи международное право, какъ слышно, читается не лучше. Причина упадка понятна. Государственная карьера почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ остается наслѣдіемъ знатныхъ или бюрократическихъ фамилій. Студенты болѣею частью принуждены избирать адвокатуру или готовиться къ низшимъ административнымъ должностямъ, а потому обра-

щаютъ вниманіе предпочтительно на римское право и на практическую сторону юриспруденціи. Почти единственное исключеніе составляетъ Гейдельбергъ. Здѣсь представителями международнаго права можно считать Моля и Марквардзена. Къ сожалѣнію первый ограничивается энциклопедическимъ изложеніемъ науки. Въ Тюбингенѣ со смертію Фаллати, ему еще не нашли достойнаго преемника. Затѣмъ болѣе видное мѣсто занимаетъ Іена. Здѣсь государственныя науки преподаются практически.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ городовъ въ одномъ Гамбургѣ международные вопросы издавна возбуждали публичный интересъ. Во главѣ гамбургскихъ публицистовъ находился извѣстный К. Ф. Вурмъ, къ сожалѣнію умершій въ 1859 году. Въ этомъ человѣкѣ не было ни тѣни кабинетнаго педантизма германскихъ профессоровъ. Не будучи юристомъ въ строгомъ смыслѣ слова, онъ понималъ современныя потребности науки яснѣе, нежели составители тяжелыхъ учебниковъ и скучныхъ диссертаций. Главное его достоинство — умѣнье группировать, объяснять и крпतिकовать историческіе факты съ точки зрѣнія международной *). Въ практической, полной здраваго смысла, головѣ Вурма совмѣщались неизмѣримыя дипломатическія свѣдѣнія. Его бесѣды и публичныя лекціи были для меня въ высокой степени интересны. Смерть этого замѣчательнаго человѣка оставила такой пробѣлъ въ наукѣ, который едва ли будетъ скоро наполненъ. Я не знаю, найдется ли въ Германіи другой публицистъ, который былъ бы способенъ замѣнить Вурма во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Бельгіи наука международнаго права имѣетъ немногихъ представителей и даже не во всѣхъ университетахъ преподается. Знаменитый Лоранъ читаетъ гражданскіе законы. Но за то кабинетные труды его достойны глубокаго уваженія. Онъ продолжаетъ ихъ съ тою неутомимою ревностью, которая свойственна истиннымъ героямъ науки. Вамъ знакома начатая имъ исторія международныхъ сношеній. Какъ ни мало мѣста занимаетъ въ ней собственно юридическій матеріалъ, ея философское достоинство признано всѣми.

---

*) Подробности о Вурмѣ см. въ Русскомъ Вѣстникѣ, мартъ, 1859 г.

Если Лорану удастся довести до конца свое грандіозное твореніе въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ оно начато, будущія поколѣнія признаютъ въ немъ одинъ изъ славныхъ памятниковъ умственной дѣятельности нашего вѣка. Къ сожалѣнію полемика съ католическою партіею отвлекаетъ знаменитаго изслѣдователя отъ прямой цѣли, мѣшаетъ свободѣ его духа и грозитъ его умственному спокойствію. Въ послѣднихъ томахъ исторіи становится замѣтнымъ богословское направленіе. Намъ остается желать и надѣяться, что авторъ возвратится къ своему обыкновенному безпристрастію, что возвышенныя, общечеловѣческія идеи, которыми онъ глубоко проникнуть, возьмутъ верхъ надъ личными чувствами.

Мнѣ было утѣшительно видѣть, что въ Голландіи, въ отечествѣ трудолюбиваго Гроція и гениальнаго Бэнкерсгукъ, научная дѣятельность не ослабѣваетъ. Правда эта страна не имѣетъ теперь такихъ юристовъ, какими славилась прежде. Голландская школа давно угасла, — но ея слѣды не исчезли. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, здѣсь трудились съ пользою для международнаго права профессора де-Валь и денъ-Тексъ. Они нашли себѣ достойнаго преемника въ ученомъ и даровитомъ *Фреде*. Его введеніе въ исторію голландской дипломатіи бросаетъ яркій свѣтъ на ту эпоху, когда Гага была центромъ европейской политики и равновѣсія. Вообще голландскіе университеты очень производительны. Сочиненій по международному праву выходитъ много въ Лейденѣ, Утрехтѣ и Амстердамѣ. Они пишутся болѣею частію молодыми людьми на ученые степени и достойны вниманія по своему практическому направленію. Между ними попадаются превосходныя изслѣдованія.

Еще удовлетворительнѣе состояніе науки въ Англии. Для этой коммерческой страны международные вопросы представляютъ живой интересъ; здѣсь они разрабатываются издавна. Еще въ началѣ XVII вѣка, до Гроція, мы встрѣчаемъ между профессорами оксфордскаго университета извѣстнаго публициста-изгнанника Альберика Джентилли. Международное право преподавалось и въ Кэмбриджѣ съ конца XVII, а въ нѣкоторыхъ шотландскихъ университетахъ, напримѣръ, въ Эдинборо, кажется съ половины XVIII сто-

лѣтія. Къ сожалѣнію, въ настоящее время эти высшія учебныя заведенія не имѣютъ замѣчательныхъ представителей по наукамъ политическимъ; ихъ дѣятельность направлена на другія отрасли знанія. Впрочемъ со времени преобразованій въ Оксфордѣ, правительство учредило при *коллегіи всѣхъ душъ* (All Souls' College) отдѣльную кафедру международного права. Ее занимаетъ теперь ученый профессоръ Бернардъ. Но не въ стѣнахъ университетовъ слѣдуетъ искать лучшихъ публицистовъ Англіи. Они или занимаютъ мѣста въ парламентѣ, или служатъ въ министерствахъ, или принадлежатъ къ сословію адвокатовъ, или наконецъ, работаютъ для журналистики. Въ юридическомъ обществѣ въ Лондонѣ также происходятъ любопытныя пренія по международнымъ вопросамъ. Впрочемъ, какъ ни велики достоинства нынѣшнихъ англійскихъ писателей, — между ними нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ такое вліяніе на публику, какосе приобрѣлъ когда-то сэръ Джемсъ Макинтошъ своими лекціями. Филлиморъ, Твиссъ, Мэнъ, Весткиисъ слѣдуютъ чисто практическому направленію и сильны особенно въ казуистикѣ.

Французскіе университеты также бѣдны, сколько мнѣ извѣстно, достойными истолкователями международного права. За то нѣтъ страны, гдѣ бы наука, о которой я говорю, была бы столько же доступна для публики, гдѣ бы международные вопросы до такой степени, какъ во Франціи, интересовали общество. Журнальныя статьи и брошюры о виѣщней политикѣ читаются здѣсь всеми классами. Между тѣмъ какъ англичанинъ занятъ исключительно своими внутренними дѣлами и совершенно равнодушенъ къ иностраннымъ, если они прямо не затрагиваютъ его интересовъ, французъ инстинктивно или сознательно понимаетъ свою роль въ Европѣ и заботится о томъ, чтобы поддержать славу, свое вліяніе, идеи своей страны передъ другими народами. Только изъ Франціи могло выйти *déclaration du droit de gens* Грегуара! Вообще революція много содѣйствовала космополитическому направленію французовъ. Это направленіе слишкомъ сильно, чтобы не оставить слѣдовъ въ наукѣ. Современный упадокъ международного права во французскихъ университетахъ слѣдуетъ объяснять случайными обстоятель-

ствами; онъ вовсе не доказываетъ истощенія умственныхъ силъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Если во Франціи нѣтъ хорошихъ факультетскихъ представителей по этой отрасли знанія, за то есть великіе публицисты. Феликсъ, Ортоланъ, Готфелъ ни въ чемъ не уступаютъ своимъ предшественникамъ. Считаю нужнымъ замѣтить при этомъ, что парижская академія дѣлаетъ больше для политическихъ наукъ, чѣмъ всѣ подобныя учрежденія въ другихъ государствахъ. Подъ ея вліяніемъ предприняты были въ послѣднее время глубокія изслѣдованія по разнымъ частямъ международнаго права. Что касается до Италіи, она была до 1848 года, слишкомъ стѣснена, а въ послѣднее время слишкомъ занята своими національными интересами, чтобы содѣйствовать развитію международнаго права. Преподаваніе этой науки почти во всѣхъ университетахъ было запрещено. Только въ 1849 году открыта для нея отдѣльная кафедра въ Туринѣ. Неудивительно, что мысль о политической системѣ, основанной на началахъ народности, нашла сильное сочувствіе между итальянцами и особенно ими была пущена въ ходъ. Съ этой точки зрѣнія разрабатываетъ международное право профессоръ Манчини.

Наконецъ и въ самой Испаніи наука международнаго права, за послѣднія двѣнадцать лѣтъ значительно подвинулась впередъ. Это доказываютъ сочиненія Ферратера, Рикельме, Корсини и, въ-особенности, прекрасное руководство Пандо. Въ 1848 году нѣкто Гоньи читалъ въ мадритскомъ Атенеѣ публичныя лекціи внѣшней политики и составилъ изъ нихъ любопытный трактатъ о сношеніяхъ Испаніи съ другими государствами. Въ испанскихъ университетахъ есть нѣсколько замѣчательныхъ публицистовъ между профессорами. Въ самое послѣднее время, именно въ началѣ 1859 года, въ Мадритѣ основана академія политическихъ наукъ.

Я не буду далѣе обременять васъ библиографическими подробностями. Только знакомясь съ самою наукою, вы увидите, въ чемъ заключаются ея успѣхи какъ въ цѣлости, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Но уже изъ этого бѣглаго

очерка вамъ не трудно замѣтить, что она не достигла такого развитія въ Европѣ, какъ другія политическія науки. Говоря правду, наше время не имѣетъ людей, подобныхъ Гроцію или Бэнкерсгуку, которые бы сдѣлались руководителями обществъ на пути международнаго прогресса: каждая нація до-сихъ-поръ тратитъ свои лучшія умственныя силы на рѣшеніе внутреннихъ вопросовъ. А между-тѣмъ подобные люди очень нужны именно теперь. Когда Гроцій писалъ свое знаменитое сочиненіе — ему предстояла одна задача, такъ сказать отрицательная: онъ имѣлъ въ виду — обуздать нравственнымъ вліяніемъ военныя жестокости. Настоящее время отличается совершенно другимъ характеромъ. Мы живемъ въ эпоху мира и всесвѣтнаго гражданскаго оборота. Съ 1815 года народы тѣсно сблизились между собою. Потребности цивилизаціи вызываютъ безпрестанно совокупную дѣятельность правительствъ на пользу общую; государства чувствуютъ сильнѣе свое сродство; общественное мнѣніе требуетъ новыхъ гарантій для сношеній. Желѣзныя дороги, пароходы и телеграфы произвели такой переворотъ, среди котораго не могутъ удержаться старыя международныя учрежденія. Сокращеніе разстояній сглаживаетъ преграды, уничтожаетъ аномаліи и предрасудки. Заключенность и близорукій эгоизмъ должны уступить мѣсто терпимости и свободѣ. Но, вѣра въ возможность и близость новаго порядка, простительно однакоже желать, чтобы къ нему было приготовлено молодое поколѣніе. Сознательная дѣятельность облегчаетъ успѣхъ. Какъ часто полезныя преобразованія замедляются только оттого, что недостаетъ руководящихъ началъ. Отъ науки и ея органовъ зависитъ разработать и установить эти начала. Сколько наиримѣръ неудобствъ представляетъ современная практика для сношеній частныхъ! Какъ чувствителенъ недостатокъ однообразной системы въ наказаніи совершенныхъ за-границею преступленій! Какія потери терпитъ торговля отъ разнообразія денежныхъ знаковъ въ Европѣ! Я бы могъ указать вамъ и на другіе значительныя пробѣлы въ международномъ правѣ. Мнѣ кажется, лучше было бы заняться ихъ пополненіемъ, чѣмъ читать старыя трактаты и рыться въ забытыхъ диссертацияхъ, которыми изобилуетъ

нѣмецкая литература, которая хранится въ подвалахъ гнилой схоластики! Но что всего важнѣе,—въ самой политикѣ государствѣ совершился благодѣтельный переломъ, на который цеховая наука мало обратила свое вниманіе. Вѣнскіе трактаты видимо оказываются несостоятельными. Политическое равновѣсіе строится на новыхъ основаніяхъ, начало невѣщательства признается закономъ. Можно ли послѣ этого втѣснить науку въ старыя рамки, поклоняться формамъ и преданіямъ отжившей школы Мартенса?

Кромѣ указанныхъ, есть много другихъ причинъ, которыми задерживаются успѣхи науки. Европейскіе публицисты очень часто примѣшиваютъ къ своимъ изслѣдованіямъ историческія претензіи и предрасудки. Истинно-безпристрастныхъ людей на свѣтѣ немного. Политическія и юридическія брошюры пишутся большею частью съ какою нибудь затанною мыслію: читать ихъ нужно съ осторожностью. Англичане рѣдко отдають справедливость французамъ; французы—англичанамъ; нѣмцы имѣють свой зубъ противъ Франціи; италіянцы питають старую, кровную ненависть къ Германіи. Сколько ни толкують о братствѣ народовъ, идеаль этотъ далекъ отъ нашего вѣка; ненависть между ними слишкомъ еще сильна.

При такомъ положеніи науки, она очень нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ и въ свѣжихъ силахъ. Я думаю, что русскій человекъ по складу своего ума очень способенъ понимать международные вопросы и, если захочетъ, найдетъ въ себѣ спокойствіе нужное для основательнаго ихъ рѣшенія. У насъ нѣтъ историческихъ раздоровъ съ Европою. Мы связаны съ нею одними узами гражданственности. Широкое развитіе сношеній намъ въ-особенности полезно: умственная жизнь наша ими обновлена и подвнута впередъ. Въ просвѣщенномъ русскомъ человекѣ нѣтъ національной исключительности, нѣтъ вѣры въ феодальныя преданія, нѣтъ особенной вражды къ тому или другому поколѣнію, какую мы находимъ на Западѣ. Мы отъ души желаемъ добра Европѣ: ея потрясенія отзываются у насъ больно; напротивъ ея успѣхи очищаютъ намъ дорогу. При этомъ космополитическомъ направленіи, въ русскомъ умѣ есть столько тонкости,

чтобы рѣшать щекотливые вопросы практически. Намъ не даромъ считаютъ на Западѣ отличными дипломатами. Эти свойства особенно замѣтны у малороссіянъ, хотя позвольте признаться, они представляются многимъ не столько привлекательными, сколько опасными. Какъ бы то ни было проицательность, находчивость, ловкость, стойкость, знаніе людей, всѣ эти качества нельзя назвать второстепенными, если имъ дать направленіе, подчинить ихъ идеѣ правды и добра, просвѣтить наукою. Къ сожалѣнію мы еще очень мало работали для науки, и всего меньше для науки о государствѣ. Международное право имѣетъ у насъ отрывочную, такъ сказать искусственно созданную литературу. Почти всѣ изданныя по этому предмету книги конечно не явились бы въ свѣтъ, если бы авторы ихъ не искали ученыхъ степеней. Самыя глубокомысленныя статьи и политическія обзорѣнія въ журналахъ не принесутъ пользы, пока на русскомъ языкѣ нѣтъ яснаго, общедоступнаго руководства, въ которомъ были бы изложены основныя начала науки современно и безъ претензій. Отъ молодыхъ поколѣній нужно ожидать болѣе плодотворной дѣятельности. Дорога къ знанію теперь открыта; кто желаетъ, можетъ пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія въ университетѣ и приготовить себя къ дальнѣйшимъ трудамъ.

Я вѣрю, — и отъ васъ, милостивые государи, зависитъ поддержать во мнѣ надолго эту вѣру, что и нашему университету предстоитъ будущность въ дѣлѣ гражданственности. Изъ его школы вышло не мало людей, которыхъ имя записано въ лѣтописи русскаго просвѣщенія. Не смотря на отдаленное положеніе наше, и неудобства жизни, — этотъ университетъ никогда не имѣлъ недостатка въ свѣжихъ сплахъ и дарованіяхъ, въ его стѣнахъ не угасала ревность къ наукѣ — и священный огонь переходилъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Чтобъ ни говорила молва о нашемъ прошедшемъ, борьба противъ злоупотребленій здѣсь не ослабѣвала ни на минуту. Въ университетѣ всегда находились люди, которые держали достойно знамя науки и чести, были вѣрны своему великому призванію и, не требуя ни похвалъ, ни сочувствія, ни посторонней помощи, трудились для пользы общей. Во имя этихъ энергическихъ людей, во имя юноше-

ства, которое переносило здѣсь бѣдность и лишенія, тратило для науки здоровье и даже жертвовало жизнью, во имя достойныхъ воспитанниковъ университета, которые честно подвизались на поприщѣ гражданскомъ, — намъ всегда былъ дорогъ нашъ храмъ. Я самъ выросъ въ его стѣнахъ; мнѣ знакомы эти скамьи и памятно молодое время проведенное здѣсь, потому что съ нимъ соединены первые проблески робкой мысли, первые труды, симпатія къ успѣхамъ государственнымъ и общественнымъ, словомъ пробужденія всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ чувствъ. Мнѣ кажется, что презрительные отзывы, которые слышутся о харьковскомъ университетѣ въ нашихъ столицахъ, особенно отъ людей, знающихъ его только по слухамъ, — несправедливы. Я убѣдился опытомъ, что каждый университетъ имѣетъ свои темныя стороны. Не только въ Россіи, но и въ Европѣ, гдѣ эти учрежденія существуютъ давно, они далеки отъ совершенства. Не будемъ завидовать чужой славѣ! Предоставимъ другимъ говорить о своихъ достоинствахъ и удержимъ за собою дорогое право исправлять свои недостатки!

Во всякомъ случаѣ, вы согласитесь со мною, что университеты принадлежатъ къ высшимъ учрежденіямъ Россіи. Они дѣйствуютъ не только на молодое поколѣніе, но и на цѣлое общество. Труды и добрыя мысли здѣсь не пропадаютъ, какъ думается иногда въ минуту тоски и отчаянія. Нужно только поддерживать въ себѣ энергію и вѣру въ добро. Десять лѣтъ дѣятельности не ослабили во мнѣ надежды на лучшую будущность для нашего университета; путешествіе показало, что нигдѣ успѣхъ не достигается легко и быстро. Я жалѣю объ одномъ, что молодость дается человѣку разъ въ жизни. Инымъ поколѣніямъ суждено провести ювіе годы среди неблагоприятныхъ для развитія условій. Но это — личные жалобы: онѣ къ вамъ не относятся; у васъ много времени впереди! Вы можете не только работать сами, но и поддерживать любовь къ труду въ тѣхъ изъ насъ, у кого она будетъ охлаждаться отъ провинціальной жизни и отъ постепеннаго, къ несчастію, неизбежнаго упадка силъ. Не думайте, что результаты вашихъ трудовъ погибнутъ въ глуши, бесплодно.

Я обязанъ сказать вамъ также, что вездѣ, начиная отъ русской границы до Кадикса и отъ Шотландіи до Генуи, я встрѣчалъ радушное содѣйствіе моимъ изысканіямъ. Оно меня тронуло особенно потому, почему оно должно тронуть и васъ. Я ѣздилъ въ Европу не учить, а учиться, являлся тамъ не на кафедрѣ, не профессоромъ, а путешествующимъ харьковскимъ студентомъ. И мнѣ никогда не приходилось жалѣть о томъ, что я ношу этотъ скромный титулъ: онъ открывалъ мнѣ доступъ всюду, куда влекло любопытство. Напротивъ, я гордился и горжусь связью съ университетомъ, которому я такъ много обязанъ! Надѣюсь, что вы также до конца жизни, во всѣхъ ея искушеніяхъ и тревогахъ, не забудете своего званія и поддержите его честь своими трудами, любовью къ наукѣ, энтузіазмомъ ко всему благородному, сознаниемъ долга и отвращеніемъ отъ всякой несправедливости!

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ВИДОИЗМѢНЕНІЯХЪ ЗВѢРЕЙ И ПТИЦЪ.

(Четыре публичныя лекціи, читанныя въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ въ пользу студентской вспомогательной кассы.)

I.

Историческій обзоръ научныхъ теорій видовыхъ типовъ. — Поднятіе вопроса объ нихъ Бюффономъ. — Критическій очеркъ теорій Ламарка, Кювье, Жоффуа-Сент-Илера. — Новѣйшія измѣненія этихъ ученій. — Способъ опредѣленія видовыхъ типовъ. — Невозможность рѣшить вопросъ логическими выводами изъ другихъ изслѣдованій; необходимость прямыхъ наблюденій.

Въ 1830 году, когда уже всѣ тревожились ожиданіемъ іюльской революціи, возникъ въ парижской академіи споръ между Кювье и Жоффуа-Сент-Илеромъ о методѣ изслѣдованія въ зоологіи, о философіи анатоміи, о сущности видовъ животныхъ и опредѣленіи зоологическаго понятія о видѣ. Этотъ споръ привлекъ такое живое участіе парижской публики, какъ будто ожиданіе революціи и не тревожило ее: и Гёте признавалъ спорные вопросы и рѣшеніе ихъ важнѣе тѣхъ, изъ-за которыхъ вспыхнула революція; восьмидесяти пяти лѣтъ, онъ жадно, страстно слѣдилъ за преніями въ академіи, съ юношески-научнымъ увлеченіемъ. Съ тѣхъ поръ мощно двинулись естественныя науки; но въ 1856 году лучшіе зоологи-систематики Германіи опять обсуждали на ученомъ съѣздѣ вопросъ о сущности и способѣ опредѣленія видовъ — и ничего не рѣшили: все еще путаница. А вопросъ изъ основныхъ въ наукѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ часть вопроса болѣе общаго, о научной методѣ въ зоологіи. Съ этой точки зрѣнія мы его и рассмотримъ.

Рѣшить не беремся; но представимъ въ краткомъ очеркѣ существующія мнѣнія, что покажетъ и степень зрѣлости науки, и сообщимъ, изъ собственныхъ наблюденій, нѣсколько новыхъ данныхъ для его рѣшенія.

Прежде бы всего намъ слѣдовало опредѣлить, что такое видоизмѣненіе у животныхъ — но до этого опредѣленія, чтобы сдѣлать его понятнымъ, нужно еще сказать, что такое видъ; притомъ, опредѣленія вида и видоизмѣненія, примѣнимыя ко всѣмъ частнымъ случаямъ, еще не найдены, не смотря на то, что опредѣлить видъ, species, животного, есть начало всякаго изслѣдованія, чтобы знать, къ кому именно относятся тѣ или другіе замѣченные факты. Ихъ и опредѣляютъ, но болѣе охотно; есть виды вѣрные, на счетъ которыхъ всѣ натуралисты согласны; есть и спорные, которые каждый опредѣляетъ по своему. Есть и теоретическія формулы понятія о видѣ и видоизмѣненіи; но эти выраженія идеи вида далеко не всегда примѣнимы къ практикѣ — уже и потому, что опредѣленія состоятъ хотя и гениальными, но лицами, людьми, и каждый составлялъ свое опредѣленіе общей идеи не на основаніи всѣхъ существующихъ фактовъ, въ настоящемъ случаѣ животныхъ формъ; не могъ даже составить на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему формъ — а только на основаніи тѣхъ формъ и явленій, которыя приходили ему на память, когда онъ обдумывалъ общую идею.

И вотъ почему мы не предполагаемъ извѣстнымъ, что такое видъ, что видоизмѣненіе — и не опредѣляемъ этихъ понятій съ самаго начала, а развѣ къ концу курса опредѣлимъ, по мѣрѣ того, какъ будемъ разсматривать факты, поучительные для уясненія этихъ основныхъ понятій зоологической систематики. А пока напомнимъ общеизвѣстные примѣры: напримѣръ, быки составляютъ родъ; домашній быкъ, *Bos taurus*, есть одинъ изъ видовъ этого рода; породы быковъ, тирольская, холмогорская, черкасская, и пр. — видоизмѣненія; точно также овца есть видъ, мериность видоизмѣненіе, и пр.

На домашнемъ скотѣ и птицѣ мы замѣчаемъ распаденіе каждаго вида на множество видоизмѣненій или породъ; об-

щій ли это процессъ животной жизни, или слѣдствіе порабощенія и искусственныхъ условій, въ которыя поставлены эти животныя? Этотъ вопросъ мы здѣсь еще разсмотримъ, и объяснимъ примѣрами образованіе породъ у дикихъ животныхъ; породъ и племень, какъ у животныхъ домашнихъ, какъ у самого человѣка.

Конкретное, матеріальное бытіе въ природѣ имѣютъ только особи, или животныя и растительныя личности; но эти особи группируются въ подчиненныя другъ другу степени обобщенія: напримѣръ, кряква — утка, водяная птица, вообще птица, позвоночное животное, вообще животное. Народная зоологическая номенклатура указываетъ, что сперва бросаются въ глаза признаки болѣе распространенные и рѣзкіе, составляются и понятія болѣе общія, а уже потомъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго наблюденія и знакомства, эти общія понятія специализируются: такъ народъ вообще только различаетъ утокъ, гусей и лебедей — три рода; а виды, напримѣръ утокъ, кряковыхъ, чиряты, шилохвостей, различаетъ уже далеко не всякій; это охотничье дѣло. За то самыя общія понятія — царства природы, все таки не первыя. Ребенокъ сперва отличаетъ деревья, травы, землю, камни, птицъ, рыбъ, звѣрей, букашекъ, а уже позднѣе понимаетъ, что земля и камни — одинаково минералы; деревья и травы одинаково растенія..... а послѣ этихъ обобщеній опять специализація понятій, дробленіе деревьевъ, напримѣръ на дубы, осины, сосны..... птицъ на орловъ, куръ, утокъ, воробьевъ. И наукѣ, въ ея историческомъ развитіи, приходилось идти также, какъ развиваются понятія о природѣ у cadaго изъ насъ; много разъ повѣрялся синтезъ анализомъ, и обратно, много было переходовъ отъ общихъ понятій къ частнымъ, и отъ частныхъ къ общимъ, для повѣрки, и эти повѣрки еще не кончены. Онѣ нескончаемы, какъ изслѣдованіе безконечной природы; и всякое новое изслѣдованіе измѣняетъ и тѣ понятія, которыя, какъ уже установленныя, служили ему исходной точкой.

Какъ бы то ни было, замѣтимъ здѣсь, что общія понятія образуются сначала безсознательно изъ впечатлѣній; сознательное ихъ образованіе есть уже научная повѣрка.

Сперва различаемъ, потомъ группируемъ различные предметы подъ общія опредѣленія — и доходимъ до опредѣленія вида по сличенію особей, рода по сличенію видовъ, и т. д.

Полная исторія зоологической систематики не входитъ въ предѣлы разсматриваемаго здѣсь вопроса; не будемъ даже слѣдить, какъ, начиная съ Аристотеля, различные ученые опредѣляли виды; скажемъ только, что вообще виды признавались и признаются также существующими въ природѣ, какъ и особи; эта степень обобщенія, доступная самымъ животнымъ, которыя признають свой видовой типъ, и отличаютъ его отъ чужаго; признають даже и родовое средство, напримѣръ, лошадь съ осломъ, глухарь съ тетеревомъ (березовикомъ) .плодятся и даютъ помѣси; но какъ употребить этотъ критеріумъ, когда жизнь огромнаго большинства уже опредѣленныхъ видовъ намъ неизвѣстна, и виды опредѣляются по шкуркамъ, скелетамъ, отдѣльнымъ костямъ, раковинамъ и проч.?

Вообще признавалось, и теперь большинствомъ натуралистовъ признается, что всѣ типы, отличающіеся постоянными признаками, составляющіе, какъ уже сказано, первую степень обобщенія, суть виды. Видоизмѣненія долго считались случайностями, личными уклоненіями особей отъ видоваго типа, игрой природы, на что указываетъ и ихъ прежнее нѣмецкое названіе: Spielarten (Spiel — игра; Art — видъ). Дѣйствительно, есть личныя видоизмѣненія, превышающія нормальную степень различія особей между собой, хоть и не на столько, чтобы назвать эти личныя видоизмѣненія уродствами; но есть и другія — *породы*, какъ у домашнихъ животныхъ.

Сколько намъ извѣстно, Бюффонъ первый занялся занимающимъ и насъ вопросомъ, и сталъ искать типовъ, промежуточныхъ между особью и видомъ, соотвѣтствующимъ породамъ домашнихъ животныхъ. Онъ задалъ себѣ между прочимъ вопросъ: не есть ли образованіе породъ домашнихъ животныхъ искусственное усиленіе общаго процесса видовой жизни организмовъ — и, по извѣстнымъ ему фактамъ, отвѣчалъ утвердительно.

Но эти факты были имъ большей частью вычитаны изъ

чужихъ наблюдений; самъ Бюффонъ наблюдений надъ образомъ жизни животныхъ не дѣлалъ, а изучалъ въ натурѣ только пойманныхъ, доставленныхъ ему, а чаще чучела, скелеты (и то анатомическія изслѣдованія предоставилъ своему сотруднику, Добантону). За то у него и пропасть ошибокъ и неудачныхъ примѣровъ; но метода сличенія фактовъ, для вывода общихъ и фактическихъ же идей, превосходна, и сдѣлала его творцомъ общей или философической зоологии. А изъ систематики, онъ преимущественно занялся *повѣркой видовъ*, которую понималъ несравненно многостороннѣе, нежели огромное большинство не только его, но и нашихъ современниковъ; вотъ нѣсколько его положеній объ этомъ:

По поводу своего положенія, что нѣтъ въ тропической Америкѣ животныхъ Африки и тропической Азии (и это положеніе, болѣе и болѣе подтверждающееся, есть одно изъ только что упомянутыхъ *фактическихъ обобщеній*), онъ говоритъ:

Если бы и нашлись нѣкоторыя исключенія (что мнѣ трудно вообразить) они непременно будутъ малочисленны, и не опровергнуть только-что выведеннаго мной закона, который одинъ можетъ руководствовать насъ въ познаніи животныхъ. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, чтобы судить о животномъ столько же по климату и нравамъ его (*naturel*), какъ по наружному виду (*figure*) и анатомическому устройству (*conformation*) ¹⁾.

Онъ опредѣляетъ видъ тѣмъ, что особи *одного* вида способны размножаться между собой; особи различныхъ видовъ не случаются, а при совокупленіи, или тотчасъ не плодятся, или даютъ бесплодныхъ потомковъ ²⁾.

Но это признакъ, различающій виды, можетъ быть, только въ опредѣленное время, а не во все продолженіе ихъ видоваго существованія.

Можетъ быть, говорить онъ далѣе ³⁾, животныя даже

1) Discours sur les animaux communs aux deux continents.

2) Discours sur les animaux de l'ancien continent, по поводу быка и бизона; во множествѣ частныхъ описаній.

3) Animaux communs aux deux continents.

тропической Америки происходят отъ животныхъ стараго свѣта, но геологическіе перевороты, раздѣливши материкъ, создали и животнымъ новый климатъ, новыя условія, измѣнившія ихъ свойства. Но если и такъ, мы все должны принимать американскихъ за различные виды, не смотря на общее происхожденіе; откуда бы ни взялось различіе, отъ времени, климата или свойства почвы — или началось отъ самого творенія, оно все-таки дѣйствительно.

Въ частыхъ описаніяхъ онъ то и дѣло упоминаетъ постоянныя видоизмѣненія, образовавшіяся отъ распространенія области животнаго, и подчиняетъ ихъ видамъ; въ только-что приведенномъ мѣстѣ, онъ допускаетъ, что видоизмѣненія могутъ переходить въ настоящіе виды.

Этимъ Бюффонъ поднимаетъ вопросъ, много занимавшій и занимающій послѣдующихъ натуралистовъ, особенно зоологовъ, и составляющій предметъ нашихъ чтеній; выйдемъ же въ его опредѣленіе вида, и посмотримъ, почему онъ допустилъ возможность этой измѣняемости въ видовыхъ типахъ органическихъ.

Для этого припомнимъ, что значить органическая жизнь, въ чемъ различіе тѣлъ организованныхъ отъ неорганическихъ: органическое тѣло, пока живетъ, сохраняетъ свою личность, несмотря на постоянный обмѣнъ вещества; и кромѣ этой личной жизни, способность размноженія даетъ организмамъ видовую жизнь. Наконецъ, это же условіе, обмѣнъ вещества въ организмѣ, вещества, получаемаго извнѣ и усваиваемаго организмомъ, дѣлаетъ его зависимымъ отъ среды, въ которой онъ живетъ.

Вотъ чѣмъ различаются виды организмовъ отъ видовъ неорганическихъ тѣлъ, хотя понятія о родѣ и видѣ употребляются во всякой классификаціи чего бы то было и въ химіи, и въ минералогіи, и въ технологіи. Но въ минералогіи что соотвѣтствуетъ особи? кристаллъ — онъ перестаетъ быть самъ собой при первомъ же химическомъ процессѣ, въ немъ происходящемъ. А въ горныхъ породахъ, состоящихъ каждая изъ разнородныхъ минераловъ, что особь? Есть ли особь гранитная, напримѣръ, жила, въ которой могутъ соединиться двѣ горныхъ породы, напримѣръ, гранитъ съ сіа-

нитомъ, переходя одна въ другую безъ рѣзкой границы? очевидно нѣтъ. Но еще можно ли отрицать неорганическія особи, на основаніи только-что сдѣланныхъ сравненій? Едва ли; кристаллъ напримѣръ, какъ намъ кажется, соответствуетъ не цѣлому животному или растенію, а относится къ *цѣлой планетѣ*, которой часть онъ составляетъ, какъ простая, элементарная ячейка къ цѣлому организму; и если есть неорганическія особи, такъ это планеты, тѣла, имѣющія свое развитіе, обмѣнъ матеріи между своими частями; такъ Риттеръ говорилъ объ организмѣ земли — но очевидно метафорически, а если и буквально, такъ все-таки организмы въ обыкновенномъ смыслѣ, *ячеечные* (животныя и растенія) совсѣмъ инаго свойства, чѣмъ планетныя или минеральныя, и минералы правильно противопоставляются животнымъ и растеніямъ вмѣстѣ взятымъ.

Когда въ мірѣ минераловъ является опредѣленная элементарная форма, такъ это кристаллъ ¹⁾; въ органическомъ — ячейка. Ячейка плодится; въ ней развиваются новыя, прорывающія оболочку прежней и выходящая наружу; кристаллъ нѣтъ, и это свойство ячеекъ, плодиться, являющееся при развитіи и ростѣ всякой ткани, обще имъ съ цѣлыми организмами.

Поэтому и правильно Бюффоново опредѣленіе вида; а между тѣмъ, мы вскорѣ увидимъ какъ оно было недостаточно, чтобы руководствовать въ опредѣленіи видовъ.

Что же касается до жизни вида, такъ поставленный Бюффономъ вопросъ допускаетъ два противоположныхъ рѣшенія, если разсматривать отношенія вида къ измѣненіямъ внѣшнихъ условій, напримѣръ, посредствомъ геологическихъ переворотовъ.

Или видовой типъ подчиняется измѣненіямъ внѣшнихъ условій, и измѣняется вмѣстѣ съ ними, что и Бюффонъ, какъ мы сказали, полагалъ возможнымъ ²⁾

1) Есть и минералы, и организмы безформенные; но тутъ можно допустить крайнюю, недоступную даже микроскопу малость кристалловъ, или ячеекъ.

2) При историческомъ разсмотрѣніи вопроса о видахъ мы ограничимся животными, а при повѣркѣ мнѣній даже одними позвоночными, и притомъ

Или этотъ типъ способенъ до нѣкоторой степени противодѣйствовать измѣненіямъ внѣшнихъ условій, т. е., переносить не измѣняясь нѣкоторыя измѣненія ихъ, такъ, что видъ погибаетъ въ данной мѣстности, или и на всей землѣ, когда эта степень измѣненія внѣшнихъ условій перешла назначенный для него предѣлъ.

Таковы эти рѣшенія въ отвлеченной формѣ; переведенныя на языкъ фактовъ, они могутъ быть выражены напри- мѣръ такъ:

Мы знаемъ изъ геологій, что нынѣшнія животныя вовсе не таковы, какъ тѣ, которыя намъ извѣстны только по своимъ ископаемымъ остаткамъ. По первому рѣшенію, нынѣшнія, однако, могутъ быть потомки ископаемыхъ, хоть и измѣнившіеся; по второму, нѣтъ; нынѣшнія составляютъ особое твореніе.

Первая, измѣняемости видовъ, указанная Бюффономъ какъ нѣчто возможное, но невѣрное за недостаточностью подтверждающихъ или опровергающихъ фактовъ, развита преимущественно Ламаркомъ; вторая, постоянство видовыхъ типовъ — Кювье и его послѣдователями, и принимается большинствомъ натуралистовъ, что еще недоказательство истины. Потому — оправдать Ламарка отъ мечтательности: онъ только подробно, на основаніи фактовъ, изслѣдовалъ *возможность* этихъ измѣненій, а не утверждалъ ихъ дѣйствительность.

Относительно *возможности*, Ляйбелль, излагая объ теоріи по поводу примѣненія ихъ къ палеонтологіи, справедливо замѣчаетъ, что ботаникъ или зоологъ могутъ опредѣлять виды, какъ нѣчто самостоятельное и постоянное, по краткости

высшими, звѣрями и птицами, и докажемъ, что не только для класса, но даже для порядка или семейства нѣтъ общей нормы опредѣленія видовъ. По нашему убѣжденію, только тогда будетъ возможно сказать что-нибудь общее о видахъ организмовъ, когда будутъ изслѣдованы эти частныя нормы; но и вопросъ объ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, я первый поднимаю, а относящіяся къ нему, существующіе въ наукѣ факты, хотя далеко не малочисленны, но найдены, между прочимъ, при другихъ изслѣдованіяхъ и болѣе ощупью. Извѣстно всякому зоологу, что видовыя различія въ разныхъ родахъ не одинаковы; но никто не обратилъ вниманія на это явленіе, никто не заваялся его изслѣдованіемъ.

періода человѣческихъ наблюденій; но, если принять въ соображеніе не настоящее, а періоды времени, достаточные для значительныхъ измѣненій климата и физической географіи, указываемые геологіей, и постепенность этихъ измѣненій, то подъ ихъ вліяніемъ признаки особей происходящихъ отъ общаго корня, могутъ неопредѣленно уклоняться отъ первобытнаго типа.

А если допустить эту измѣняемость, такъ можно принимать ископаемыхъ животныхъ за предковъ нынѣшнихъ — и Лайелль приписываетъ Жоффруа Сент-Илеру (отцу) мнѣніе, что отъ древнѣйшихъ геологическихъ періодовъ до нынѣшняго была непрерывная потомственность организмовъ, и нынѣшнія жавотныя происходятъ отъ погибшихъ, хотя и различныхъ. Но Лайелль забылъ тутъ прибавить одно слово, которое совсѣмъ измѣняетъ смыслъ: можно допустить, что происходятъ отъ погибшихъ *соответствующиѣхъ* формъ, говорилъ Сент-Илеръ, между прочимъ по поводу открытыхъ имъ ископаемыхъ крокодиловъ, рассматривая ихъ сродство съ нынѣшними — и чтобы не смѣшивать гипотезы съ фактомъ, Сент-Илеръ описалъ этихъ погибшихъ крокодиловъ, какъ особые роды — не только что виды, и далъ имъ родовыя названія: *Teleosaurus*, *Steneosaurus*. Впрочемъ, Сент-Илеръ только примѣнялъ къ частнымъ случаямъ теорію Ламарка, указывая притомъ какъ ее измѣнить, чтобы дать ей мѣсто въ общей зоологіи; такъ займемся сперва ламарковой философіей зоологіи, гдѣ изложено полное логическое развитіе его теоріи.

Разборъ вопроса о видахъ онъ начинаетъ съ опредѣленія, что видъ — сложность особей, похожихъ между собой, и рожденныхъ сходными же съ ними. Это вѣрно; различіе между родителями и дѣтьми ничтожны: но невѣрно предположеніе, что видовые признаки особей неизмѣнны, что виды безусловно-постоянны.

Далѣе онъ говоритъ о трудности опредѣлять виды, по мѣрѣ того какъ нарастаетъ ихъ количество; они сливаются между собой, различаясь признаками ничтожными, — а съ другой стороны открываются несомнѣнныя видоизмѣненія, личныя, но почти также отличающіяся отъ своего начальна-

го типа, какъ настоящіе виды между собой, и передающія эти различія въ потомство. Кто изучалъ большія коллекціи, составляющія породы, тотъ могъ замѣтить, какъ виды сливаются между собой, а если и есть рѣзко-обозначенные, такъ это потому, что ближайшія формы еще не найдены.

Затѣмъ онъ говоритъ о видоизмѣненіяхъ отъ вліянія перемѣнъ внѣшнихъ условій, и, переходя къ растеніямъ, указываетъ на измѣненія формъ въ горной флорѣ: примѣръ не совсѣмъ удачный; горныя травы, измѣнившія свой habitus, хотя долго принимались за особые виды, но теперь и у нихъ найдены видовые признаки, одинакіе для горныхъ и равнинныхъ особей, то есть, неизмѣняющіеся отъ вліянія внѣшнихъ условій ¹⁾).

Далѣе онъ говоритъ объ измѣненіи растеній отъ культуры, и сравниваетъ садовыя съ ихъ дикими родичами: махровыя цвѣты, капусту, салатъ. И тутъ ученіе Гёте о метаморфозѣ растеній, неизвѣстное Ламарку, измѣнило взглядъ ботаниковъ, когда оказалось, что лепестки, тычинки, плодники суть измѣненные листья: культура производитъ тутъ задержки въ развитіи, гипертрофіи однихъ листовыхъ органовъ на счетъ другихъ — какъ въ домашнихъ животныхъ развитіе напримѣръ жира и мяса съ уменьшеніемъ костей. Однако, сколько намъ извѣстно, вопросъ и въ ботаникѣ не рѣшенъ еще: возникаютъ новыя недоумѣнія....

Переходя къ животнымъ, Ламаркъ напоминаетъ породы куръ, голубей, какихъ нѣтъ между дикими. Домашнія утки и гуси ближе къ дикимъ, говоритъ онъ, но утратили способность летать высоко и далеко, причѣмъ измѣнились у нихъ нормальныя отношенія между органами движенія, ногами и крыльями, и первыя успѣли въ ущербъ послѣднихъ.

Заприте птицу въ клетку лѣтъ на пять, и ея крылья уже ослабѣютъ: тѣмъ болѣе въ нѣсколько поколѣній, и тѣ ли еще будутъ измѣненія, если притомъ измѣнитъ климатъ, пищу, да приучитъ животное къ новымъ приѣмамъ хватать ее.

Гдѣ въ природѣ это множество породъ собакъ, бульдоги,

1) Это я читалъ у Декандоли.

моськи, борвыя, лягавыя, пуделя, болѣе различныя между собой, нежели дикіе виды? Всѣ происходятъ отъ одной дикой породы, близкой къ волку; можетъ быть отъ самого волка. (Теперь допускають, что домашнія собаки происходятъ отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, близкихъ между собой; мы еще возвратимся къ этому).

Несомнѣнно, что значительныя перемѣны внѣшнихъ условій измѣняютъ животный организмъ: только медленно, нежели мы видимъ у растеній, слѣдовательно менѣе примѣтно; распространяясь, встрѣчая новыя жизненныя условія климата, мѣстности, пищи, каждый видъ долженъ измѣняться. Менѣе извѣстно то, что и одна и таже мѣстность измѣняется съ теченіемъ времени, но такъ медленно, что мы считаемъ каждую мѣстность неизмѣнной. Оба рода измѣненія внѣшнихъ условій вліяютъ и на живущіе въ нихъ организмы. Всякое измѣненіе внѣшнихъ условій измѣняетъ потребности животного; измѣненіе потребностей измѣняетъ и способы ихъ удовлетворенія, слѣдственно и образъ жизни. Требуя новыхъ дѣйствій, это измѣненіе слѣдственно доставляетъ однимъ органамъ болѣе противъ прежняго упражненіе, другимъ меньшее; развиваетъ первыя, уменьшаетъ послѣднія, даже до уничтоженія.

На счетъ появленія новыхъ органовъ Ламаркъ не приводитъ никакого факта; а измѣненія въ степени развитія справедливы. Такъ ноги у борзой, сравнительно съ лягавой болѣе развиты, а у послѣдней болѣе носовыя полости и чуты.

Но примѣры уничтоженія несущественныхъ органовъ есть: комблая или безрогая скотина, и примѣры увеличиванія числа нѣкоторыхъ частей тѣла, именно лишніе пальцы. Правда что быкъ, напримѣръ, можетъ вовсе лишиться роговъ, можетъ и представлять чрезмѣрное ихъ развитіе, но форма этихъ роговъ сохраняетъ свой типъ: никогда быкъ не получитъ буйволовыхъ, козель бараньихъ, ни даже роговъ *Sariga ibex*.

Какъ бы то ни было, допуская, что степень упражненія органа имѣетъ вліяніе на его развитіе (что вѣрно), допуская, что измѣненіе внѣшнихъ условій вызываетъ новые ор-

ганы, онъ приходитъ къ тому положенію, что не органическія особенности обуславливаютъ особыя способности и привычки животнаго, а наоборотъ, привычки, образъ жизни, и внѣшнія условія со временемъ произвели опредѣленную форму тѣла, число и степень развитія органовъ, и замѣчаемыя въ животномъ способности. Начиная отсюда, теорія Ламарка перестаетъ опираться на факты, и являются одни предположенія разныхъ возможностей.

Птица, которую добыча привлекаетъ на воду, разставляетъ пальцы при плаваньи; перепонка соединяющая ихъ у основанія расширяется, и что расширеніе, увеличиваясь съ каждымъ поколѣніемъ, произвело полныя плавательныя перепонки гусей, утокъ; точно также у лягушекъ, морскихъ черепахъ, выдръ, бобра.

Примѣръ неудачный. У фламинго, или голенастаго краснаго гуся, который врядъ ли когда плаваетъ, перепонки полныя; у крачекъ (*Sterna*), вовсе не плавающихъ, перепонки тоже довольно развиты: у живущихъ постоянно на водѣ гагаръ и лысухъ онѣ замѣнены перепончатыми оторочками пальцевъ, весьма мало раздвигаемыхъ при плаваньи, такъ что оторочки сходятся; у водяныхъ курочекъ, плавающихъ не менѣе любой утки, нѣтъ ни перепонокъ, ни оторочекъ.

Степныя жвачныя, принужденныя много бѣгать, чтобы спастись отъ хищниковъ, приобрѣли легкій станъ и тонкія ноги, какъ антилопы.

Отчего же не приобрѣла ни легкаго стана, ни тонкихъ ногъ *Antilope* огухъ, бѣгунъ однако неутомимый, и въ рѣзвости не уступающій самымъ тонконогимъ?

«Переднія ноги и шея жирафа вытянулись отъ потребности доставать на деревьяхъ листья, которыми кормится.—» Жирафъ можетъ ѣсть и траву, не хуже живущаго въ тѣхъ же лѣсахъ африканскаго буйвола, который въ свою очередь ѣсть и листья низкихъ кустовъ.

Другую еще причину измѣняемости типовъ Ламаркъ находитъ въ помѣсяхъ между различными видами, въ производствѣ убудковъ, часто бесплодныхъ, но иногда и плодящихся.

Если и допустить всё это, возникает вопросъ о первоначальныхъ типахъ. Мы знаемъ, что видоизмѣненія одного вида можно привести къ одному общему типу, къ общему корню; но только - что приведеннымъ соображеніямъ, это возможно и для видовъ одного рода, для родовъ одного семейства. Но далѣе? Были ли многіе первоначальные типы, или всё нынѣшнее разнообразіе формъ произошло отъ одного типа, какъ египетскіе жрецы выводили всю органическую природу изъ одного яйца?

Тутъ уже нѣтъ положительныхъ данныхъ для теорій; но можно руководствоваться нѣкоторыми соображеніями.

Если разсматривать всѣхъ животныхъ, отъ звѣрей до инфузорій, сгруппировавши ихъ по степенямъ сходства, такъ окажется, хоть и не безъ аномалій, что всѣ организмы, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ, можно разсматривать какъ степени развитія общеживотнаго типа; и чѣмъ сложнѣе организація, тѣмъ выше и болѣе развита жизнь животнаго.

Только тутъ нужно замѣтить, что при сколько-нибудь подробномъ изученіи, этого одного ряда нѣтъ; на каждой степени развитія животнаго типа являютъ нѣсколько рядовъ. Такъ нельзя назвать моллюсковъ высшей степенью организаціи, сравнительно съ ракообразными; но и не низшею. Моллюски вообще сложныя, слѣдовательно выше организованы, нежели животныя лучистыя; но ежевики, хоть и лучистыя, а сложностью организма и развитіемъ жизненныхъ отправленій ничѣмъ не ниже устрицъ, принадлежащихъ къ моллюскамъ, и много совершеннѣе, нежели низшіе моллюски, асцидіи. Но всё таки есть между животными высшія и низшія формы; между растеніями тоже.

Это есть ученіе о единствѣ основнаго типа животныхъ, только затронутое Ламаркомъ, и подробнѣе развитое Жоффруа Сент-Илеромъ (отцомъ), который дѣйствительно, безъ натяжки, доказалъ, что организація всѣхъ позвоночныхъ сводится къ общему типу, а съ небольшою натяжкой подвелъ подъ этотъ типъ и насѣкомыхъ, слѣдовательно и раковъ, которыхъ организація легко сводится на типъ насѣкомыхъ, относящихся къ нимъ почти какъ птицы къ рыбамъ.

Но новѣйшія, болѣе полныя изслѣдованія анатоміи безпозвоночныхъ весьма ограничили это ученіе объ единствѣ животнаго типа. Всякій органъ можетъ скорѣе исчезнуть, нежели сдѣлаться неузнаваемымъ. Такъ кишечный каналъ, сердце, нервные центры; но организмъ есть сочетаніе органовъ, а для этого-то сочетанія есть нѣсколько типовъ, по Кювье четыре: позвоночныя, слизняки, суставчатые, лучистые; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, типъ суставчатыхъ раздробленъ на два, *vermes* и *arthropoda*; у послѣднихъ суставчатыхъ и конечности, у первыхъ только туловище.

Собственно три основныхъ типа: животныя двустороннія, *bilateralia*, у которыхъ есть соотвѣтствіе правой и лѣвой стороны (позвоночныя и суставчатые), слизняки, лучистые; но если располагать животныхъ по степени совершенства ихъ организма, (которая познается по разнообразію органическихъ отправленій и специализаціи органовъ для этихъ отправленій), такъ выйдутъ не три ряда, не четыре и не пять (если признавать за основные типы позвоночныхъ, суставчатыхъ и членистоногихъ, *arthropoda*), а несравненно больше; не только каждый основной отдѣлъ, но каждый классъ, каждый порядокъ животныхъ, распадается на нѣсколько рядовъ.

Но въ этихъ рядахъ есть соотвѣтствующія степени, соотвѣтствующія, хотя не одинакія, и не одинаково развитыя формы, какъ въ рядахъ цифръ: 1, 2, 3....; $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$ ....; только, если не трудно найти соотвѣтствующія степени развитія, коли сравнивать между собой нѣсколько рядовъ, напримѣръ, звѣрей или птицъ, такъ уже гораздо труднѣе опредѣлить соотвѣтствіе, если сравнивать звѣрей съ птицами; еще труднѣе, если сравнивать напримѣръ позвоночныхъ съ моллюсками; тутъ уже слишкомъ легки соотвѣтствія произвольныя, отъ которыхъ лучше воздерживаться.

Какъ бы то ни было, но Ламаркъ признавалъ, что различныя, низшія и высшія формы животныхъ, суть степени развитія животнаго организма; признавалъ ихъ два ряда, водяныхъ и сухопутныхъ; обратилъ вниманіе и на то, что вообще чѣмъ древнѣе геологическая формація, тѣмъ ниже

организованы характеризующія ея животныя и растенія; и на то, что вообще водяныя животныя явились ранѣ сухопутныхъ; онъ даже, повидимому, допускалъ и предположеніе древнихъ геологовъ, что долго послѣ перваго появленія живыхъ организмовъ, земля еще оставалась покрыта первобытнымъ океаномъ, безъ материковъ и даже острововъ.

На этихъ данныхъ и была основана теорія постепеннаго развитія организмовъ; на томъ особенно, что:

1) Между самымъ низшимъ и самымъ высшимъ животнымъ есть множество промежуточныхъ степеней; также и у растеній. 2) Чѣмъ древнѣе организмы, тѣмъ проще.

Но если въ организмахъ есть стремленіе къ совершенствованію, такъ почему же не остались однѣ только высшія формы, почему и теперь столько крайне элементарныхъ организмовъ?

На это отвѣчаетъ другая гипотеза, и опять согласная съ общимъ фактическимъ выводомъ; именно, что въ природѣ постоянно, во всѣ геологическіе періоды, и въ настоящее время, зарождаются (*per generationem spontaneam*) элементарные организмы, которыхъ потомство постоянно совершенствуется: такъ въ каждый геологическій періодъ существуютъ разныя формы, разныя степени развитія, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ разнообразнѣе. И дѣйствительно, разнообразіе органическихъ формъ постоянно возрастаетъ отъ древнѣйшихъ геологическихъ періодовъ до нынѣшняго. Притомъ еще, многія формы задерживаются въ развитіи неблагоприятными внѣшними условіями, что производитъ аномаліи въ общей системѣ.

Такимъ образомъ изъ монадъ, изъ инфузорій, черезъ многіе миллионы поколѣній, могли развиваться птицы, звѣри и даже люди; а чтобы дать образчикъ того, какъ Ламаркъ понималъ механизмъ этихъ превращеній, изложимъ воображаемое имъ превращеніе оранг-утанга въ человѣка ¹⁾.

Еслибы оранг-утангу потерять привычку лазить и приобрѣсти привычку ходить, такъ его заднія руки очевидно превратятся въ ноги; а если ему стараться стоять прямо, такъ

1) Lamarck, Philos. Zool., p. 351—357.

разовьются задніе мускулы ногъ; если ему зубами не хватать и не рвать, а только жевать, такъ лицевой уголъ сдѣлается болѣе открытымъ. А допустивши это усовершенствованіе въ одной изъ высшихъ породъ обезьянъ, можно вывести:

1) Что усовершенствованная порода будетъ господствовать надъ прочими, и по всей землѣ займетъ удобное мѣсто.

2) Вытѣснить остальные высшія породы обезьянъ.

3) Задержать этимъ стѣсненіемъ ихъ развитіе, а сама будетъ совершенствоваться безпрепятственно и слѣдственно

4) Такимъ образомъ наконецъ образуется значительное различіе между этой породой и ближайшими къ ней, какое мы видимъ между человѣкомъ и orang-утангами.

Ламаркъ слѣдовательно и тутъ выводитъ измѣненія организма изъ измѣненія привычекъ; но не объясняетъ, какія бы условія заставили нашихъ мнимыхъ предковъ, orang-утанговъ измѣнить свои привычки, и подвергаться неудобствамъ жизни, несоотвѣтствующей ихъ организаціи, на нѣсколько поколѣній пока организмъ не переизмѣнится ¹⁾. И мы такихъ условій придумать не умѣемъ: развѣ стремленіе къ совершенствованію?

1) Неудобство это, впрочемъ, не очень чувствительно, если измѣненіе привычекъ хотя полное, но постепенное, втеченіе многихъ поколѣній; а измѣненіе привычекъ можно приписать измѣненію внѣшнихъ условій. Рассмотримъ такую измѣняющую причину. Извѣстно, что orang-утангу, и всякой обезьянѣ, всего удобнѣе, по устройству конечностей, лазать; иныя обезьяны лазаютъ по скаламъ; orangутанъ по деревьямъ. Чтобы ему болѣе ходить, нежели лазать, нужно уничтожить деревья; но постепенно, напримѣръ посредствомъ медленнаго подъема лѣсистой страны до высоты, на которой деревья не растутъ, хоть бы на горной площади Памиръ (16,000 футовъ). Если подъемъ также медленъ, какъ теперь поднимается Скандинавія, фута три въ столѣтіе, такъ orangутаны и могли бы приспособиться къ новымъ условіямъ, менѣе и менѣе лазать, по мѣрѣ уменьшенія роста деревьевъ, ѣздить на пицу и проч.; но съ охлажденіемъ климата они становились бы не голѣе, какъ нужно для ихъ превращенія въ людей, а мохнатѣе (развѣ допустить первоначально-голую обезьяну); да и зачѣмъ имъ, переставши лазать, ходить на двухъ ногахъ? отчего не на четверенькахъ? Нѣтъ, какъ Ламаркъ не придумалъ, такъ и мы не умѣемъ придумать условій для превращенія orangутана или подобной ему обезьяны въ человѣка — кромѣ предполагаемаго à priori стремленія организмовъ къ совершенствованію.

Далѣ онъ замѣчаетъ, что орангутаны иногда стоятъ, но если имъ доведется бѣжать по ровному мѣсту, такъ падаютъ на четвереньки. Человѣку же удобно ходить на двухъ ногахъ, но стоячее положеніе для него утомительно, потому что голова сочленяется съ позвоночнымъ столбомъ *сзади* центра тяжести тѣла, который находится *впереди* позвоночного столба.

Потомъ онъ говоритъ о томъ, что у обезьянъ издаваемые ими звуки не совершенствуются, какъ и самыя ихъ потребности и понятія, отъ стѣсненія ихъ людьми; а у породы обезьянъ, сдѣлавшейся, какъ уже сказано, господствующею, такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ не было; развились потребности, понятія, и языкъ для ихъ выраженія, — отъ упражненія голосовыхъ органовъ.

Такимъ упражненіемъ можно научить говорить попугая, ворона, и они будутъ придавать и смыслъ заученымъ словамъ; на примѣръ, называть человѣка по имени, просить ѣсть, а для выраженія другихъ потребностей или впечатлѣній употреблять свои природныя звуки. А обезьяну говорить никто еще не могъ выучить, хотя ручная и привыкаетъ обясняться и съ людьми, и съ собаками — но только мимикой, а не звуками; и сколько съ обезьяной ни говори, она человѣческимъ звукамъ не подражаетъ — потому что ея горло организовано такъ, что можетъ издавать только однообразныя звуки, а горло попугая, ворона — разнообразныя.

Что перемѣна привычекъ производитъ измѣненія и въ организмѣ, усиливаетъ иные органы, ослабляетъ другіе — это несомнѣнно: но эти органическія измѣненія наблюдались только въ относительно тѣсныхъ предѣлахъ, и превращеніе орангутана въ человѣка, или гуся въ курицу ¹⁾, вслѣдствіе перемѣны образа жизни, принадлежитъ къ области чистаго вымысла.

Но отвергая, и вполнѣ правильно ²⁾, это происхожденіе всѣхъ органическихъ формъ изъ элементарныхъ ячеекъ,

1) Сперва въ журавля, а потомъ журавля въ курицу; *Natürliche Geschichte der Schöpfung, aus dem Englischen übersetzt von C. Vogt* (который отвергаетъ эту теорію), zweite Auflage, pag. 223.

2) Какъ отчасти уже показано и еще далѣе объяснимъ.

происшедших *per generationem aequivosam*, или безграничную измѣняемость и постепенное развитіе видовыхъ типовъ, зашли и далѣе; стали отвергать и всякую степень измѣняемости видовыхъ типовъ, признавая ихъ безусловное постоянство. Такова была теорія Кювье и его школы, господствующая и до-сихъ-поръ; по этой теоріи, всякій видъ животныхъ созданъ такимъ, какъ мы его видимъ, и нечего разъискивать черезъ какія измѣненія онъ перешелъ, и вслѣдствіе чего были эти измѣненія. И эта теорія была ближе къ дѣйствительности. Относительно нынѣшнихъ, или вообще современныхъ другъ другу животныхъ, и Ламаркъ допускалъ дѣйствительность видовыхъ различій: но онъ утверждалъ, что эти различія могутъ быть различныя, хотя и современные другъ другу степени развитія потомковъ одинакихъ, простѣйшихъ формъ организма, и оживдалъ отъ палеонтологіи (которой спеціально не занимался) подтвержденія своей гипотезы. Онъ говоритъ: измѣненіе идетъ медленно; нужны тысячелѣтія для примѣтнаго результата.

Возможность измѣняемости видовыхъ типовъ допускалъ сначала и Кювье, именно въ 1795 году въ естественной исторіи орангутановъ ¹⁾, написанной имъ впрочемъ вмѣстѣ съ Жоффруа-Сент-Илеромъ, говорится: то, что называемъ видами, не есть ли это потомственные превращенія (*dégénération*s) одного типа? Но задавши себѣ, подобно Ламарку, этотъ поднятый Бюффономъ вопросъ, Кювье впослѣдствіи рѣшилъ его совсѣмъ иначе, т. е., отрицательно.

Такое отрицательное рѣшеніе имѣло ту выгоду, что избавляло отъ необходимости дополнять факты смѣлыми до произвольности гипотезами превращеній, какія мы встрѣчали у Ламарка — т. е., заключеніями отъ малыхъ, фактически извѣстныхъ измѣненій организма вслѣдствіе замѣченного вліянія виѣшнихъ условій, къ бѣльшимъ измѣненіямъ вслѣдствіе неизвѣстныхъ, но вѣроятно огромныхъ перемѣнъ виѣшнихъ условій и еще придуманнаго безграничнаго стремленія

1) *Magasin Encyclopédique*, t. III, p. 452. Но эта возможность была для Кювье вопросъ, а не мнѣніе, даже не предположеніе; уже въ 1796 году, въ запискѣ объ ископаемыхъ и живущихъ слонахъ, онъ считаетъ вѣроятнымъ, что нынѣшнія животныя замѣнили погибшіе виды.

организмовъ къ совершенствованію. Правда, что и Ламаркъ, въ своей философіи зоологіи, только подробнѣе обсудилъ возможности, неопредѣленно упоминаемыя и Бюффономъ и Кювье, не выдавая этихъ возможностей за нѣчто положительное; онъ опредѣлительнѣе поставилъ вопросъ, котораго рѣшеніе предоставлялось дальнѣйшимъ успѣхамъ науки.

Кювье далъ отвѣтъ: обширныя и основательныя изслѣдованія ископаемыхъ животныхъ привели его къ заключенію, что предполагаемыхъ Ламаркомъ превращеній животнаго организма не было, такъ какъ слѣдовъ ихъ не оказалось.

Напримѣръ, ихтіозавры: это животныя, соединяющія рыбью форму позвонковъ съ плавниками кита, черепомъ и общимъ складомъ скелета крокодила. Рыбы явились раньше его; позднѣе крокодилы и киты. По ламарковымъ идеямъ, ихтіозавръ потомокъ рыбы, предокъ крокодиловъ и китовъ. Но нѣтъ переходныхъ формъ между ихтіозавромъ и рыбами; нѣтъ ихъ между имъ и китами, почему эта потомственность вообще не допускается.

Можно еще было отвѣчать, что при дальнѣйшихъ палеонтологическихъ изысканіяхъ удастся со временемъ и прослѣдить полнѣе потомственные или видовыя превращенія; но этого не оказалось. Увеличеніе палеонтологическаго матеріала вызвало теорію, діаметрально противоположную ламарковой, теорію о слѣдовательныхъ твореніяхъ (*créations successives*), по которой признается, что къ концу каждаго геологическаго періода погибали, вслѣдствіе геологическихъ же переворотовъ, всѣ существовавшіе тогда организмы, а въ началѣ слѣдующаго періода замѣнялись вновь созданными. Эту теорію особенно развилъ d'Orbigny, въ своей палеонтологіи Франціи; онъ не только для каждой формации, но для каждаго яруса ¹⁾ признавалъ особое твореніе всѣхъ организмовъ, не допуская, чтобы хоть одинъ видъ былъ бы

---

1) Извѣстно, что вся сложность осадочныхъ горныхъ породъ дѣлится на формации, каждая формация на ярусы, отличающіеся минералогическими признаками и особыми органическими остатками. Послѣдовательность формаций такая: силурійская, девонская, каменноугольная, пермская, триасъ, юрская, мѣловая, третичная, наносная.

общій двумъ послѣдовательнымъ ярусамъ осадочныхъ породъ.

Это было логическое послѣдствіе идей Кювье о неизмѣнности видовыхъ типовъ; но самъ Кювье не дошелъ до него, хотя эта теорія и представлялась ему въ видѣ вопроса, въ 1796 году, по поводу слоновъ. При болѣе обширныхъ палеонтологическихъ изслѣдованіяхъ, онъ сталъ отвергать послѣдовательныя творенія, смѣны всего итога организмовъ одного періода цѣлымъ же итогомъ организмовъ другаго, такъ что явившіеся въ два разные періода виды одновременно существовать не могутъ. Кювье допускалъ, для каждой страны, что ея погибшіе жители замѣнялись другими видами изъ другихъ странъ ¹⁾; онъ и не допускалъ возможности послѣдовательнаго появленія различныхъ организмовъ ²⁾ — а куда дѣваются потомки типовъ, погибшихъ напримѣръ для Европы, и не находимыхъ нигдѣ, какъ аммониты, ихтиозауры, мамонты, мастодонты, динотеріи?

И откуда переселились многія нынѣшнія животныя, на примѣръ, всѣ нынѣшнія рыбы, которыя ни въ какихъ морскихъ осадкахъ не найдены современными погибшимъ ³⁾ девонскимъ или даже юрскимъ?

Эта теорія слѣдовательно была отвергнута; и теорія д'Орбigny, теорія послѣдовательныхъ нѣсколькихъ твореній, тоже отвергнута, потому что слишкомъ много найдено животныхъ формъ, общихъ не только двумъ соприкасающимся ярусамъ, но и переходящихъ изъ формаціи въ формацію. Д'Орбigny ихъ всѣ различалъ, но указанные имъ признаки найдены несостоятельными; при изученіи большаго числа экземпляровъ оказалось, что такими признаками отличаются и особи одного и того же вида и яруса. Принимая постоян-

1) Ossements fossiles.

2) Dictionnaire des sciences naturelles, 1825, t. XXXIV, art. Nature.

3) Замѣчено, что всѣ рыбы древнихъ періодовъ, до юрскаго включительно, отличаются несимметричнымъ хвостовымъ плавникомъ, т. е., такимъ, котораго лучи прикрѣплены съ боковъ конца позвоночнаго столба, какъ у осетровъ. А рыбы съ симметричнымъ хвостомъ, какъ окунь или лосось, котораго лучи прикрѣплены къ расширенію послѣдняго хвостаго позвонка, и, или всѣ равны, или дѣлятся на двѣ равныя лопасти, являются не раньше мѣловаго періода.

ство видовъ, большинство палеонтологовъ принимаетъ и непрерывную ихъ смѣну; однѣ органическія формы гибнутъ, другія появляются вновь, такъ что каждый ярусъ или формація характеризуются не всѣмъ итогомъ погребенныхъ тамъ формъ, а только нѣкоторыми отличительными, такъ однако, что если сличить двѣ формаціи, раздѣленные нѣсколькими промежуточными, такъ не окажется ни одного общаго обѣимъ вида; и такихъ полныхъ, хотъ и исподволь совершавшихся, смѣнъ всѣхъ земныхъ организмовъ было уже нѣсколько, хотя органическая жизнь и никогда, съ перваго своего появленія, вполне не прекращалась. Но признаются переходныя эпохи, отличавшіяся бѣдностію органическихъ формъ; таковы пермская и конецъ мѣловой.

Кромѣ палеонтологическихъ изслѣдованій, и другія зоологическіе факты побуждали Кювье отвергать ламаркову теорію. Идея постоянства видовъ, замѣтная уже въ его запискѣ о слонахъ 1796 года, подтвердилась и тѣмъ, что муміи крокодиловъ, нбисовъ, быковъ, кошекъ, найденныя въ Египтѣ, показали, что втеченіе 3000 слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со времени ихъ бальзамировки, эти животныя не измѣнили своихъ видовыхъ признаковъ; а если ограничатся сравненіемъ мумій съ нынѣшними египетскими же экземплярами этихъ видовъ, такъ тожество признаковъ еще полнѣе, и различія бальзамированныхъ съ живыми не пресыщаетъ личныя различія тѣхъ и другихъ между собой.

Но на это Жоффруа Сент-Илеръ, котораго идеи мы вскорѣ изложимъ, замѣтилъ, что не отчего было и мѣняться этимъ животнымъ въ Египтѣ, такъ какъ внѣшнія условія, климатъ, почва, растительность, пища, остались тѣ же самыя.

Кювье еще занялся и дѣйствительно-существующими измѣненіями типовъ: самыя рѣзкіе примѣры, какъ извѣстно, замѣчены у домашнихъ животныхъ. Опъ призналъ несущественными эти измѣненія, даже у собакъ, представляющихъ самыя значительныя: нѣтъ исчезанія органовъ, ниже появленія новыхъ; есть только весьма значительныя измѣненія въ качествѣ и обиліи шерсти, относительныхъ размѣрахъ туловища и конечностей, общемъ складѣ тѣла, и особенно въ формѣ черепа и развитіи лицевыхъ костей, а также и

рѣшетчатой кости черепа; послѣднее въ связи съ различными степенями чутья. Наконецъ, говоритъ Кювье, — и это крайняя степень измѣненія признаковъ, — есть собаки съ лишнимъ пальцомъ и соотвѣтствующими ему костями плюсны (*farsus*) на заднихъ ногахъ, какъ у людей есть шестипалыя семейства.

Замѣтимъ, что какъ ни велико это измѣненіе, но оно имѣетъ мало значенія для вопроса о постоянствѣ видовъ; это уже родъ уродства, и весьма легкая степенъ его; притомъ, измѣненіе, не характеризующее у насъ ни породы, ни племена, а личное хотя и передается въ потомство; у собакъ кажется тоже. Я видѣлъ даже шестипалыхъ лягавыхъ собакъ; у нихъ, выше обыкновенныхъ четырехъ пальцевъ, были еще два маленькихъ, съ когтями, но безъ костей плюсны, съ которой и не были сочленены, а висѣли и болтались на связкахъ ¹⁾.

Но при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ соотношенія костей остаются тѣже, и форма зубовъ не мѣняется примѣтнымъ образомъ; только у нѣкоторыхъ особей является лишній лжекоренной зубъ, то съ одной, то съ другой стороны ²⁾.

На это спросимъ, что тутъ разумѣется подъ именемъ соотношенія костей? Если это ихъ относительные размѣры, такъ они напротивъ сильно измѣняются; значить не то; рѣчь идетъ объ относительномъ положеніи, какая кость съ какой напริมѣръ сочленяется. Но тогда этотъ аргументъ ничего не значить для доказательства постоянства видоваго типа у собаки: относительное положеніе костей, какъ показали изслѣдованія самого Кювье и въ-особенности Жоффруа Сент-Илера (отца), одинаково для всѣхъ позвоночныхъ, хотя число и форма разнообразны до безконечности.

Такимъ образомъ Кювье былъ правъ, отвергая предположеніе Ламарка о безграничной измѣняемости видовыхъ типовъ, какъ произвольное, бездоказательное, не основанное ни на одномъ положительномъ фактѣ. И дѣйствительно аргументація Ламарка не логична, а въ родѣ такого силлогизма:

1) Кохинхинскія куры, какъ извѣстно, тоже шестипалыя, съ лишнимъ заднимъ пальцомъ.

2) *Revol. du globe*, p. 131.

Человѣкъ можетъ поднять тяжесть, иной два пуда, иной пять, а иные и до двадцати: слѣдовательно человѣкъ можетъ поднять всякую тяжесть, хотъ бы въ миллионы пудовъ. А спллогизмъ Ламарка въ сущности слѣдующій. Замѣчены нѣкоторыя ограниченныя измѣненія видовыхъ типовъ, слѣдовательно можно допустить измѣняемость безграничную.

Но, какъ мы видѣли, неизмѣнность видовыхъ типовъ тоже не была доказана. Факты, приводимые Кювье, только требовали, чтобы изъ положенія Ламарка о безграничной измѣняемости была бы исключена эта идея безграничности, что исполнилъ Жоффрау Сент-Илеръ.

Ламаркъ приписывалъ огромное значеніе новымъ потребностямъ, новымъ привычкамъ; Жоффрау Сент-Илеръ — весьма второстепенное, признавая, что отправления отдѣльнаго органа зависятъ отъ его устройства, жизнь цѣлаго организма тоже, слѣдовательно и его нравы, и его привычки. Стремленіямъ, привычкамъ, несогласнымъ съ устройствомъ организма, неоткуда взяться; незачѣмъ животному мѣнять удобный образъ жизни на неудобный. И разсматривая дикихъ животныхъ, мы видимъ, что всѣ живутъ при внѣшнихъ условіяхъ, къ которымъ ихъ организмъ можетъ легко приспособиться; если и есть небольшія видоизмѣненія, такъ они скорѣе зависятъ отъ внѣшнихъ матеріальныхъ вліяній на тѣло животнаго, нежели отъ измѣненія отправления отдѣльныхъ органовъ или вообще образа жизни ¹⁾, что можно повѣрить и на приводимыхъ Ламаркомъ примѣрахъ домашнихъ животныхъ. Едва летающій домашній гусь сохраняетъ и размѣры крыльевъ, и объемъ грудныхъ мышцъ многолетающаго дикаго (формы нѣсколько грубѣе). Вообще измѣненія привычекъ дѣйствуютъ на организмъ, на сколько измѣняютъ условія питанія органическихъ тканей, и не производятъ измѣненій организма, имѣющихъ видовое значеніе; иначе сибирскіе нырки (Columbus), ежегодно странствующие не менѣ дикихъ гусей, получили бы такія же крылья, вмѣсто того чтобы сохранить крылья едва летающихъ исландскихъ своей породы.

1) *Vie, travaux et doctrine scientifique d'Etienne Geoffroy St-Hilaire, par son fils, p. 349.*

Вирочемъ, Жоффрау Сент-Илеръ, выводя отправленія изъ органовъ, не отрицалъ реакціи отправленія на органъ, развивающійся отъ упражненія, и на оборотъ; но онъ, какъ и мы, полагалъ что эта причина органическихъ измѣненій довольно второстепенная.

А на счетъ самой измѣняемости, говорилъ онъ, если мы и видимъ, что она ничтожна у дикихъ животныхъ, такъ мы еще не нашли у нихъ ея предѣловъ, потому что каждое животное ищетъ внѣшнихъ условій, сообразныхъ его организму, и распространяется, пока ихъ находитъ, но не далѣе — если не вынуждено особыми обстоятельствами, какихъ наблюденіе для нынѣшнихъ дикихъ животныхъ не показало. Нужны опыты ¹⁾, чтобы рѣшить вопросъ; это совѣтовалъ уже Бэконъ натуралистамъ. Эти опыты, говоритъ Сент-Илеръ, уже сдѣланы; они продолжались тысячилѣтія; результаты ихъ рѣшительны для занимающаго насъ вопроса; это произведеіе породъ домашнихъ животныхъ. Признаки породъ овецъ, козъ, лошадей, быковъ, равнозначащи видовымъ у дикихъ животныхъ; признаки собачьихъ породъ даже родовымъ. Другой рядъ доказательствъ — породы людей, которымъ и Кювье приписываетъ одно общее происхожденіе.

Но противорѣча теоріи Кювье, факты весьма ограничиваютъ и ламаркову, показывая въ нынѣшнемъ порядкѣ природы измѣняемость типовъ сравнительно съ его предположеніями ничтожную.

А если взять видовые типы съ перваго ихъ появленія — тогда нужно еще прибавить вліяніе геологическихъ переворотовъ, не внезапныхъ, какъ полагали приверженцы изложенной уже гипотезы преемственныхъ твореній, но все-таки весьма значительныхъ, хотя и постепенныхъ, какіе-нужны для измѣненія, а не гибели организмовъ. Прибавимъ, что эта постепенность болѣе и болѣе подтверждается современными геологическими изслѣдованіями; но и значительность

---

1) *Vie, travaux, etc.*, p. 350. Приводя это мнѣніе знаменитаго ученаго и его сына, замѣтимъ, что по нашимъ наблюденіямъ измѣненія нынѣшнихъ дикихъ животныхъ гораздо болѣе значительны, нежели они предполагали, а положительныя наблюденія надъ отношеніями этихъ измѣненій къ различіямъ внѣшнихъ условій едва начинаются.

измѣненія жизненныхъ условій для животныхъ этими переломками, по изслѣдованіямъ современныхъ геологовъ, далеко не такъ велика, какъ полагали; такъ, напримѣръ, не вѣрятъ теперь, чтобы измѣнился составъ атмосферы ¹⁾.

Впрочемъ и Жоффруа Сент-Илеръ, по теоретическимъ соображеніямъ склонный къ мнѣніямъ Ламарка, не допускалъ ихъ, по отсутствію фактическихъ доказательствъ, и, въ палеонтологіи, предполагалъ только, что нынѣшнія животныя отчасти происходятъ отъ первобытныхъ соотвѣтствующихъ формъ, потому что повтореніе однихъ и тѣхъ же типовъ въ разныя творенія, да и допускаемая Кювье переселенія, ему казались мало вѣроятными; допускалъ тоже, что многія первобытныя формы погибли окончательно, такъ какъ способность примѣняться къ измѣненіямъ жизненныхъ условій неодинакова у различныхъ животныхъ, что мы видимъ въ акклиматизаціонныхъ опытахъ; а другія, вмѣсто гибели, измѣнились въ признакахъ. Но въ своихъ палеонтологическихъ мемуарахъ, развивая эти мнѣнія, онъ ихъ прямо выдавалъ за гипотезу, которая ему кажется вѣроятной, но еще не доказанной — какъ не доказана и противоположная гипотеза. Главное возраженіе противъ этой теоріи, что первобытныя животныя, различныя отъ нынѣшнихъ имъ соотвѣтствующихъ, напримѣръ, крокодилы, не смотря на то ихъ предки, есть отсутствіе переходныхъ формъ, которыя бы въ такомъ случаѣ должны были быть: но вѣдь если онѣ найдутся, такъ мнѣніе Сент-Илера получитъ уже значеніе не гипотезы, а положительнаго факта; и, не смотря на быстрые успѣхи палеонтологіи, добытыя ею факты все еще имѣютъ характеръ слишкомъ отрывочный, чтобы можно было ненайденное считать не существующимъ. Конечно, мы имѣемъ матеріалы изъ всѣхъ частей свѣта; но много ли странъ, подробно изслѣдованныхъ? да и въ нихъ, разрыта и развѣдана

---

1) Думали, что прежняя атмосфера содержала несравненно болѣе углекислоты, и очистилась въ каменноугольный періодъ, дыханіемъ тогдашнихъ растений. Но девонскіе, дышавшіе легкими гады, и каменноугольные такіе же гады и насѣкомыя дѣлаютъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе о неизмѣнности состава атмосферы. Углекислота, вдыхаемая растениями, возвращается въ воздухъ дыханіемъ животныхъ и дѣятельностью вулкановъ.

палеонтологически самая ничтожная часть ихъ пространства. Сколько органическихъ остатковъ найдено рабочими въ рудникахъ и камнеломняхъ, но пропало для науки, не говоря уже о тѣхъ, которыя еще безвѣстно зарыты въ землѣ даже наилучше развѣданныхъ странъ западной Европы! И если даже ограничиться найденными и сохраненными въ коллекціяхъ, такъ и тѣ бѣльшей частью не сличены между собой, или весьма недостаточно; да и самая степень ихъ сохраненія рѣдко допускаетъ изслѣдованіе довольно точное и подробное, чтобы рѣшить вопросъ о видахъ (за исключеніемъ раковинъ, моллюсковъ и черепа нѣкоторыхъ раковъ); напримѣръ, много ли найдено скелетовъ позвоночныхъ, или хоть полныхъ череповъ? Притомъ, всѣ выводы о жизни прежнихъ животныхъ основаны на изученіи соотношеній отдѣльныхъ органовъ съ цѣлымъ организмомъ и бытомъ нынѣшнихъ, для которыхъ вопросъ о видахъ еще не рѣшенъ, предѣлы измѣняемости не найдены, кромѣ весьма немногихъ, въ чемъ я убѣдился, изслѣдуя самыхъ извѣстныхъ звѣрей и птицъ.

Но со всѣмъ тѣмъ уже теперь можно сказать, что предѣлы даже возможные, еще неизвѣстные видовой измѣняемости далеко не такъ обширны, чтобы, напримѣръ, у звѣрей можно бы допустить хоть такое же различіе между нынѣшнимъ животнымъ и его первымъ предкомъ, какое мы видимъ между лошадыю и коровою ¹⁾; какъ въ математикѣ, до нахождения величины x , можно опредѣлить, что x меньше, напримѣръ, десяти; тѣмъ болѣе переходы изъ класса въ классъ, допускаемые Ламаркомъ. Если, по только что указанному несовершенству палеонтологіи, и нельзя требовать полныхъ рядовъ переходныхъ формъ, такъ невѣроятно, чтобы не были найдены хоть отрывки ихъ: но ихъ нѣтъ даже и въ такихъ случаяхъ, когда это отсутствіе нельзя объяснить однимъ ненахожденіемъ, напримѣръ, между ящеровидными морскими рыбами и морскими же ящерами: сохранились же въ промежуточныхъ, морскихъ осадкахъ ко-

---

1) Даже меньше, нежели различіе человѣка и орангутана, кошки и собаки. Вѣрно также, что эти предѣлы не одинаковы для всѣхъ животныхъ.

сти и черепа ящериць сухопутныхъ; такъ морскія животныя и подавно могли бы уцѣлѣть, не говоря уже о превращеніяхъ безпозвоночныхъ въ позвоночныхъ, тоже нужное по ламарковой теоріи.

Разсматривая и опровергая теорію Ламарка, Ляйелль допустилъ однако измѣняемость видовыхъ типовъ, но такую ограниченную, что онъ принялъ господствующее теперь мнѣніе (которое мы еще рассмотримъ), что виды опредѣляются только своими неизмѣнными признаками, независимыми отъ внѣшнихъ условій. Но при этомъ онъ сравнилъ измѣненія вида съ измѣненіями особи, допустилъ аналогію этихъ явленій — и не обратилъ вниманія, что такая аналогія прямо ведетъ къ отвергаемой имъ теоріи, если принять ея въ полномъ объемѣ. Но онъ беретъ только измѣняемость признаковъ взрослой особи отъ переменъ внѣшнихъ условій, утверждая, что это есть мѣрка видоизмѣненій, что, какъ вскорѣ увидимъ, не точно. А если принять аналогію полную — такъ и для видовъ, какъ для особей, нужно принять зародышевое состояніе, продолжающееся множество поколѣній; что, впрочемъ, только изъ этой произвольной аналогіи и можно вывести. Мы называемъ ее произвольной, потому что наблюденіе, показавши намъ сходныя черты въ жизни вида и особи, показало и такія различія, что сходство выходитъ болѣе метафорическое.

Эта аналогія развита въ книгѣ англійскаго анонима, которая, повидимому, имѣла успѣхъ въ публикѣ; ея вышло въ немного лѣтъ, до 1848 года, шесть изданій и нѣмецкій переводъ, сдѣланный Фогтомъ, тоже имѣлъ два изданія, послѣднее въ 1858 году; Фогтъ снабдилъ свой переводъ примѣчаніями, опровергающими ламарковскія идеи автора.

Успѣхъ книги объясняется тѣмъ, что она даетъ отвѣтъ на всѣ вопросы о началѣ чего бы то ни было въ природѣ, вопросы, не разрѣшенные наукой, — написана понятно, и основана на идеѣ единства законовъ природы: почему авторъ и присталъ къ гипотезѣ Ламарка объ образованіи организмовъ, какъ соотвѣтствующей гипотезѣ Лапласа объ образованіи міра неорганическаго, планетъ и солнечныхъ системъ. Изъ книги видно, что авторъ прочитывалъ хорошія сочиненія

по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, и по всѣмъ имѣетъ познанія довольно обширныя, но поверхностныя: самостоятельныхъ наблюденій, опытовъ, не видно и слѣда, словомъ, авторъ начитанный дилетантъ. Его книга пренеполнена фактическихъ ошибокъ и натяжекъ въ доказательствахъ, такъ что къ наукѣ собственно и не относится, и въ исторіи научной пден я бы и не упомянулъ объ такой вещи, еслибы изложенныя въ ней понятія не имѣли успѣха въ публикѣ, не были распространены между неспеціалистами, для которыхъ и назначаются настоящія страницы.

Неизвѣстному автору сильно не нравится появленіе готовыхъ органическихъ формъ. Какъ, говоритъ онъ, Творецъ создалъ неопредѣленную матерію, туманность какую-то, назначилъ ей физическіе законы, и предоставилъ ее дѣйствию этихъ законовъ, по которымъ и сложились цѣлые міры, миліоны солнечныхъ системъ ¹⁾, и послѣ этого станетъ создавать особо, придумывать органическую форму для всякой жабы, навознаго жука, виши, плѣсени или и того гаже — органической дряни? Нѣтъ! такое низкое занятіе не достойно величія Творца. Иначе и быть не можетъ, какъ то, что организмы сложились изъ неорганической матеріи по законамъ, назначеннымъ сначала, при созданиіи послѣдней, слѣдовательно естественнымъ путемъ — только какъ? А на то теорія есть: *generatio aequivoca*, безграничная измѣняемость видовъ; онѣ должны быть вѣрны, иначе нужно допустить, что Творецъ занимался низкими дѣлами, равняя вошь съ солнечной системой. Авторъ видно забылъ общезвѣстное изреченіе: *maxime natura miranda in minimis*; по его взгляду выходитъ прямо, что оптикъ, который строитъ телескопы, унижается, если вздумаетъ построить микроскопъ.

Но за что Ламарку, превосходному систематику, автору капитальнаго труда о безпозвоночныхъ такое униженіе, что его теорія наконецъ принимается только по соображеніямъ въ родѣ извѣстнаго намъ: что не барское дѣло самому платью надѣтъ, или платокъ изъ шкапа достать!

Бѣдовый же народъ дилетанты, когда начнутъ распо-

---

1) Гипотеза Лапласа.

ряжаться научными теоріями; что для Ламарка было только возможнымъ объясненіемъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ явленій ¹⁾, то его непрощенному послѣдователю кажется дѣйствительностью, да еще необходимой: мы видѣли почему необходимой?

Книга раздѣляется на двѣ части: одна фактическая, исторія образованія планетъ, по Лапласу и краткій очеркъ палеонтологія; другая теоретическая, которая начинается только что рассказаннымъ умозрѣніемъ о необходимости ламарковой теоріи.

Послѣ этого философическаго введенія слѣдуютъ попытки отыскать факты, оправдывающіе теорію, начиная съ *generatio aequivoca*, т. е., происхожденія элементарныхъ организмовъ изъ неорганической матеріи неорганическими же силами. Извѣстно, что въ организмахъ нѣтъ ни одного особаго химическаго элемента, или простаго вещества, а все общіе съ минералами; мало того, и въ организмѣ они соединяются по тѣмъ же химическимъ законамъ, какъ и въ камняхъ; но формы другія, въ организмѣ клѣточка (ячейка), внѣ его кристаллъ. И въ организмѣ производятся кристаллы, напримѣръ, мочевины, алкалоидовъ: но это уже *отдѣленія*, извергаемыя вонъ, не составныя части живаго тѣла. Органическая ячейка внѣ организма не производится. Поэтому нашъ авторъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ, отыскивая въ электричествѣ силу, способную произвести организмъ изъ неорганической матеріи. Онъ приводитъ въ доказательство шарики, образующіеся въ бѣлковинѣ отъ электрическаго тока: но это простое свертываніе бѣлковины, какъ въ яйцѣ, когда его сваряютъ въ смятку, есть въ жидкомъ бѣлкѣ примѣсъ свернушагося ²⁾. Приводитъ древообразныя кристаллизаціи, свинцовое дерево Сатурна, серебряное дерево Діаны (образующееся, если опустить кусочекъ ртутной амальгамы въ растворъ соли серебра; аналогію формы дерева съ электри-

---

1) Разсматривая его теорію, мы видѣли, что не подобныя ребячскимъ ображеніямъ, а трудность разграничить виды отъ видоизмѣненій, были поводомъ къ его теоріи.

2) Да и самая бѣлковина нигдѣ не найдена внѣ организмовъ.

ческой кистью. Такія доказательства жалки, и опровергать ихъ не стоитъ.

Авторъ согласенъ, что есть сильное возраженіе: гнѣды мы не видимъ производства ячейки виѣ организма; но, говоритъ онъ, это потому, что первоначальный переходъ матеріи изъ неорганической формы въ органическую есть дѣло конченое, теперь не зачѣмъ матеріи переходить изъ неорганической формы въ органическую иначе, какъ посредствомъ питанія уже существующихъ и размножающихся организмовъ (именно растений, между тѣмъ какъ животныя питаются уже химическими соединеніями, выработанными въ другихъ организмахъ, растительныхъ или животныхъ же).

Но, говоритъ онъ далѣе, не существуетъ ли *generatio æquivoca* и до-сихъ-поръ? Разумѣется существуетъ, ибо нужна для его теоріи: но всѣ положительныя, опытыя изслѣдованія привели къ отрицанію этого зарожденія; вездѣ, и у инфузорій и у глистовъ, найдено что эти мнимыя случаи беспредочнаго зарожденія суть недосмотрѣнныя прежде явленія развитія зародышей, происшедшихъ изъ готовыхъ организмовъ ¹⁾. Въ числѣ изслѣдователей, которыхъ наблюденія изгнали изъ науки беспредочное зарожденіе, много и матеріалистовъ, которые, по теоретическимъ соображеніямъ не менѣе нашего автора желали бы, чтобъ оно сдѣлалось положительнымъ фактомъ, чтобы согласовать съ своей философіей фактъ перваго появленія организмовъ — но она должны были уступить очевидности.

Впрочемъ, и всѣ опровергнутые факты *generatio æquivoca* выводили зараждающіеся организмы или изъ разлагающихся прежнихъ, напримѣръ, инфузоріи въ настояхъ, или изъ болѣзненнаго измѣненія тканей живаго организма, какъ чесоточную гниду (*Acarus scabici*) и глистовъ. Есть одинъ только фактъ зарожденія животныхъ изъ минеральнаго вещества посредствомъ электричества: это *Acarus Crossii*, родъ гниды, происходящей будто бы изъ кремнекислаго поташа,

---

1) Подробное фактическое опроверженіе заставило бы насъ слишкомъ далеко уклониться отъ предмета; такого опроверженія достаточно на дѣльный особый курсъ.

азотнокислой мѣди, и иныхъ солей: отъ электричества образовалась сперва слизь, потомъ животныя — только не было принято никакихъ предосторожностей, чтобы устранить возможность попасть въ растворъ микроскопическія яички, носящіяся съ пылью въ воздухѣ.

А когда даже органической настой прокипятить и поставить подъ стеклянный колпакъ, куда воздухъ пропускать прокаленный, такъ всѣ химическіе элементы организма на лицо, но и электрической токъ не производитъ наливночныхъ животныхъ; почему опытъ г. Кросса и отвергнуть наукой, какъ бездоказательный. Г. Кроссъ впрочемъ потому дѣлалъ свой опытъ безъ предосторожностей, что изслѣдовалъ не зарожденіе животныхъ, а вліяніе электричества на кристаллизацию солей; животныя оказались въ растворѣ случайно, если вся исторія не пуфъ, на что очень похожа.

Затѣмъ, принявши бездоказательно это электрическое зарожденіе, какъ начало всѣхъ организмовъ, авторъ переходитъ къ ламарковой теоріи, стараясь примѣнить ее къ новѣйшимъ научнымъ даннымъ. Онъ допускаетъ, что значеніе переменны привычекъ отъ измѣненной обстановки, какъ причины измѣняющей устройство организма, Ламаркомъ преувеличено, и выводитъ новую теорію, именно аналогію развитія вида съ развитіемъ особи, прибѣгая къ эмбриологін.

Извѣстно, говоритъ онъ, что развитіе всякаго зародыша начинается изъ одной ячейки яйца (кромѣ размноженія черезъ дѣленіе организма); что потомъ его органы развиваясь проходятъ черезъ формы, которыя для низшихъ животныхъ суть окончательныя; такъ напримѣръ, нашъ мозгъ сперва бываетъ рыбьимъ, потомъ птичьимъ, потомъ звѣршнымъ, также и сердце; у человѣческаго зародыша есть жаберныя щели, какъ у рыбъ, а головастики лягушки уже живетъ самостоятельно съ многими чертами рыбьей организаціи, т. е., собственно организація головастика похожа не на рыбу, а на организацію низшихъ амфибій, съ постоянными жабрами, какъ протей и сирена.

Такъ и у видовъ былъ этотъ зародышевый періодъ, и каждая степень развитія продолжалась множество поколѣній; гипотеза произвольная, не оправданная ни однимъ фактомъ.

Да и аналогіи степеней развитія зародыша высшихъ животныхъ съ состояніемъ зрѣлости низшихъ организмовъ довольно отдаленныя; это сходство летучей мыши съ кузнечикомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Фогтъ, что у обоихъ есть голова, ноги, крылья. Дѣло въ томъ, что различные органы зародыша не съ одинакой быстротой проходятъ свой рядъ превращеній до той степени развитія, когда имъ остается только расти, не измѣняя уже формы; эта степень для иныхъ наступаетъ раньше, для другихъ позднѣе, почему, напримѣръ, зародышъ звѣря ни минуты не бываетъ рыбой или гадомъ.

Ошибка неважная; *научный пріемъ* Жоффруа Сент-Илера нашимъ дилетантомъ *принять за явленіе природы*, вмѣсто того, чтобы только служить къ опредѣленію этихъ явленій, и облегчать сравненіе между собой различныхъ организмовъ.

Конечно, у лягушекъ, а особенно у насѣкомыхъ, развитіе особей состоитъ изъ полныхъ превращеній: но и тутъ, личинка жука или бабочка хотя червеобразна, но въ существенныхъ чертахъ своего устройства не червь, а жукъ, имѣя одинакіе съ нимъ нервы, органы пищеваренія, кровообращенія, дыханія. У другихъ низшихъ животныхъ переходныя формы размножаются, и полный рядъ превращеній совершается черезъ нѣсколько поколѣній, причѣмъ каждое доходитъ до степени развитія, недостававшей преждему, напримѣръ, у глистовъ; но дойдя до своей окончательной формы, рядъ потомственныхъ превращеній, въ слѣдующихъ двухъ, трехъ, четырехъ поколѣніяхъ повторяется совершенно одинаково. Только у глистовъ множество особей гибнетъ, не довершивши своего ряда потомственныхъ превращеній, котораго каждая степень можетъ жить только въ опредѣленномъ чужомъ организмѣ.

Мнимая эмбриологія видовъ можетъ быть выражена такъ: лягушки происходятъ отъ рыбъ, потому что лягушечій головастикъ похожъ на рыбу. Другихъ фактическихъ доказательствъ нѣтъ.

Ламаркъ принималъ, что каждое поколѣніе какой-нибудь формы животныхъ на самую не примѣтную малость различно отъ предъидущаго; черезъ множество поколѣній сумма этихъ ничтожныхъ различій становится различіемъ видовымъ,

потомъ родовымъ. Нашъ авторъ повидимому допускаетъ скачки въ видовомъ развитіи, соответствующія превращеніямъ особи, чтобы объяснить отсутствіе переходныхъ формъ, на примѣръ, между ихтиозаурами и китами, птеродактилами, т. е., летучими ящерицами и летучими мышами; но часть теоріи изложена очень не ясно и сбивчиво, да трудно и описать ясно то, чего никто не впдалъ, чему и слѣдовъ нѣтъ. Авторъ тутъ доказываетъ сравненіемъ съ счетной машиной Бэббэджа, на которой можно вывести рядъ цифръ 1, 2, 3, 4... дойдя до 50,000, всякій скажетъ, что слѣдующее сочетаніе цифръ, которое представитъ машина, будетъ 50,001, и вѣрно; такъ до ста милліоновъ, но вмѣсто 100,000,002, машина выводитъ непремѣнно: 100,010,002, потомъ 100,030,003, потомъ 100,060,004, и т. д. еще множество сочетаній цифръ по различнымъ законамъ; а пока мы видимъ, что до втораго сочетанія девяти цифръ возможны числа ряда 1, 2, 3...; но сочетанія изъ девяти цифръ машина устраниваетъ иначе. Сравненіе въ томъ, вѣроятно, что послѣ ста милліоновъ одинакихъ поколѣній положимъ птеродактиловъ, сто милліоновъ первое родитъ летучихъ мышей: ибо таковъ придуманный авторомъ законъ потомственного развитія организмовъ. Только онъ выраженъ болѣе намеками.

Послѣ этихъ общихъ соображеній, авторъ разсматриваетъ всѣ классы и порядки животныхъ и вѣроятности происхожденія однихъ отъ другихъ, по аналогіямъ въ устройствѣ ихъ организмовъ, принимая въ расчетъ и эмбриологію. Сляшкомъ бы далеко насъ завело критическое разсмотрѣніе этихъ частныхъ родословныхъ; ограничимся немногими примѣрами, но сперва замѣтимъ вообще, что всѣхъ сухопутныхъ животныхъ онъ производитъ отъ водяныхъ.

Напримѣръ, сперва были только водяныя птицы; отъ нихъ произошли всѣ прочія. Отъ альбатросовъ орлы; отъ пеликановъ и баклановъ грифы; отъ гусей журавли и куры, отъ мартышекъ воробьи, а отъ воробьей всѣ пѣвчія птички, и воробьи, и синицы, и ласточки.

А мы сами провходимъ будто бы отъ дельфиновъ черезъ обезьянъ, какъ быки отъ морскихъ коровъ (Manatus), слоны и прочіе твердокожники отъ китовъ, а хищные звѣри

отъ тюленей; только авторъ не объясняетъ, какими судьбами сухопутные твердокожннки, именно палеотеріи, явились ранѣе китовъ; почему тоже есть переходныя формы, хоть по части своихъ признаковъ, между морской коровой и слономъ, именно дипотеріи и мастодонтъ, а между морской коровой и жвачными переходныхъ формъ нѣтъ вовсе; и то дипотеріи, мастодонты явились ранѣе морскихъ коровъ.

Такова большая часть его родословныхъ, противорѣчащихъ палеонтологической послѣдовательности формъ, и не имѣющихъ тоже аналогій съ эмбриологическими явлениями. Конечно, для многихъ формъ можно построить подобныя родословныя и по-искусствѣ, но только аллегорическія, чтобы уяснить законы послѣдовательнаго появленія органическихъ формъ; о дѣйствительной же потомственности не можетъ быть и рѣчи.

Такимъ образомъ ученіе Ламарка, перешедшее въ руки дилетантовъ, доведенное до рѣзкаго противорѣчія съ фактами, до догадокъ, ни на одномъ наблюденіи не основанныхъ, исчезло изъ положительной науки, въ которую было впрочемъ и внесено ¹⁾ только для того, чтобы подробнѣе разъяснить вопросъ. Оставались тѣ факты, признаваемые самимъ Кювье, которые, какъ мы видѣли, Жоффруа-Сент-Илеръ обратилъ противъ него: породы людей и домашнихъ животныхъ, фактическое основаніе Сент-Илеровской теоріи ограниченной измѣняемости видовыхъ типовъ. Послѣдователи Кювье стали доказывать, что это не опыты, рѣшающіе спорный пунктъ, основываясь на томъ, что дикіе родоначальники домашнихъ породъ только предполагаются, а неизвѣстны въ точности. Дѣйствительно, вообще дикое животное, самое близкое къ какому-нибудь домашнему, признается его родоначальникомъ; для козы, напримѣръ *Capra aegagrus*, дикій козелъ Малой Азіи и Закавказья. Вышло такое опредѣленіе вида: видъ есть сложность особей, которыхъ можно представить себѣ происходящими отъ одной первой пары (у раздѣльнополыхъ, у двуполыхъ отъ одной особи); это опредѣленіе Гибеля и Фогта — весьма эластическое: напримѣръ, по этому опредѣленію мо-

1) Гибель и Фогтъ.

жно, какъ вскорѣ увидимъ, и соединить въ одинъ и раздробить на нѣсколько видовъ разныя породы львовъ, леопардовъ, шакаловъ. Но затѣмъ, защищая постоянство видовъ, только что названные зоологи ограничились опроверженіемъ, или, вѣрнѣе, инымъ объясненіемъ фактовъ, которые Сент-Илеръ приводилъ противъ Кювье: породъ людей и домашнихъ животныхъ. Признавая видоизмѣненія дикихъ животныхъ ничтожными, сравнительно съ домашними, они утверждали, что каждый домашній видъ есть сложность нѣсколькихъ порабощенныхъ дикихъ и ихъ помѣсей; это Гибель доказывала особенно относительно собакъ, Фогтъ и относительно прочихъ домашнихъ животныхъ и породъ людей, для которыхъ, по его мнѣнію невозможно предполагать общаго происхожденія; каждая изъ основныхъ людскихъ породъ имѣетъ своихъ особыхъ родоначальниковъ, особую родину, а расселеніе людей изъ одного центра по всей землѣ есть нелѣпость. Напримѣръ, американскіе краснокожіе составляютъ особый видъ, всегда жившій въ Америкѣ; они туда ни откуда не переселялись; также негры, австралійцы, и проч.

Далѣе, послѣ чисто-фактическаго разсмотрѣнія видоизмѣненій дикихъ животныхъ, мы покажемъ невѣрность этихъ мнѣній, произвольность предположенія о нѣсколькихъ видахъ людей, домашнихъ собакъ, кошекъ; докажемъ, что оно вызвано не наблюденіями, а потребностью отстоять теорію о неизмѣняемости видовъ, подвести подъ общее правило исключенія, допущенныя Кювье и давшія противъ него оружіе Сент-Илеру.

Недостаточное изученіе видоизмѣненій дикихъ животныхъ было, для потребности теоріи, признано почти что не существованіемъ ихъ; пріемъ, нерѣдко употребляемый для полемическихъ цѣлей.

Согласные на счетъ неизмѣняемости видовыхъ типовъ, на счетъ опредѣленія ихъ признаками, независимыми отъ внѣшнихъ условій, Гибель и Фогтъ расходятся въ своихъ объясненіяхъ причинъ этой неизмѣняемости. Фогтъ просто принимаетъ ее, какъ фактъ достойно подтвержденный наблюденіями (весьма напротивъ недостаточно, какъ вскорѣ увидимъ); Гибель старается объяснить этотъ фактъ особой,

специфической жизненной силой, образующей и поддерживающей, сопротивляясь измѣняющимъ внѣшнимъ влияніямъ, каждый видовой типъ ¹⁾; причемъ онъ силится доказать, что ученіе объ какой бы то ни было, хоть ограниченной измѣняемости видовыхъ типовъ, есть матеріализмъ. Съ этимъ согласиться нельзя: вооружаясь противъ матеріалистовъ, Гибель приписываетъ имъ объясненіе образованія организмовъ дѣйствіемъ неорганическихъ силъ ²⁾: но это матеріалисты воображаемые, которыхъ слѣдовательно опровергать нечего. Настоящіе и неорганическихъ силъ не признаютъ, говоря что сила есть слово, не болѣе, отвлеченное выраженіе дѣятельности вещества, которое для матеріалистовъ не есть нѣчто страдальное и подчиненное независимымъ отъ него силамъ, а нѣчто дѣйствующее и притомъ самодѣятельное. Матеріалисты нисколько не думаютъ, какъ приписываетъ имъ Гибель, чтобы разнообразіе этой матеріальной дѣятельности зависѣло только отъ физическихъ и химическихъ свойствъ вещества; они признаютъ тутъ значеніе и *формы*, принимаемой веществомъ, какъ элемента, опредѣляющаго его дѣятельность. Для нихъ жизнь, дѣятельность организмовъ, не есть чисто-физическая или химическая, но совершающееся по опредѣленнымъ законамъ сочетанія процессовъ физическихъ, химическихъ, механическихъ — эти законы сочетанія названныхъ процессовъ вольно же г. Гибелю называть жизненной силой. А его доводами въ пользу этой силы, взятыми изъ видовыхъ особенностей формы зрѣлыхъ организмовъ, особенностей независящихъ отъ физическихъ и химическихъ свойствъ органической матеріи, можно доказывать жизненную силу любой машины ³⁾. Напримѣръ онъ говоритъ: изъ

1) Впослѣдствіи приведемъ примѣры видовъ общепризнанныхъ, но которыхъ типы нельзя опредѣлить признаками, вообще независимыми отъ внѣшнихъ условий, — таковы многія кошки, куніцы; всѣ сокола, пѣночки и т. д. Скажемъ болѣе: врядъ ли хоть одинъ типъ дѣйствительно опредѣленъ какъ типъ; до-сихъ-поръ даются для видовъ только *примѣты*, по которымъ можно узнать рассматриваемый экземпляръ, т. е., безошибочно (и то не всегда) дать ему *условное* видовое имя.

2) Матеріализмъ съ точки зрѣнія зоолога, статья К. Гибеля, переведенная въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ, 1859 г., № 12, стр. 1438.

3) Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы организованное тѣло было не

одинаковаго химическаго состава образуются разнообразнѣйшіе организмы, слѣдственно есть въ нихъ жизненная сила. Не все ли равно сказать, что изъ одинакихъ металловъ, хотѣ мѣди и стали, выдѣлываются разнообразнѣйшіе механизмы, и часы, и компасы, и пружинные барометры — и каждый механизмъ (какъ и каждый организмъ) отличается особымъ устройствомъ.

Это хорошая сторона матеріализма, что онъ очищаетъ науку отъ силъ природы и всякихъ аллегорій, поставляемыхъ между идеей и ея выраженіемъ въ матеріальномъ явленіи, между Богомъ и міромъ; невѣрно то, что самую-то идею онъ называетъ самодѣятельностью вещества, и что эта самодѣятельность тоже есть только названіе, ровно ничего не объясняющее. Предѣлы нашего опытнаго изслѣдованія ¹⁾, не ведущаго далѣе явленій и ихъ связи, постигающаго первую ихъ причину только какъ построеніе человѣческой мысли, не суть предѣлы сущаго; сама мысль прорывается дальше, и этотъ порывъ есть фактъ, котораго не устранишь произвольнымъ догматомъ: что необходимо-мыслимое, но недоступное наблюденію, не существуетъ само по себѣ, а непременно выдумка. Вотъ гдѣ мы видимъ недостатокъ матеріализма, въ томъ, что онъ болѣе общее названіе явленій представляетъ ихъ причиной, а не въ отричаніе жизненной силы; машина есть выраженіе мысли механика, который ее сперва вычислилъ, а потомъ построилъ: а міръ, или хотѣ органическое тѣло, чтобы взять примѣръ изъ своей науки, въ которомъ разотчено мѣсто и дѣятельность всякаго мышечнаго или нервнаго волокна, тѣ сами составились?

Анализируя матеріализмъ, по сочиненіямъ его главныхъ представителей, Фогта, Молешотта, я убѣдился, что это не опытный выводъ, а перемѣна словъ въ формулѣ покойной

болѣе, какъ машина, а только то, что идеальный видовой типъ организма не есть жизненная сила.

1) Намъ кажется вполне вѣрнымъ, что сущность духа, анализъ причинъ, почему, на примѣръ, мы можемъ собственное тѣло и даже мозгъ представлять себѣ чѣмъ-то постороннимъ — не есть дѣло естественныхъ наукъ, которыя, относительно духа, изслѣдуютъ только матеріальныя условія его дѣятельности въ организмахъ.

натурфилософiи: что всемірный духъ доходить до самосознанiя въ человѣчествѣ. вмѣсто духа, поставьте вещество вообще, вмѣсто человѣчества его мозговое вещество; да еще пожалуй прибавьте съ Молешоттомъ, что сознаніе есть питаніе мозга ¹⁾, объявите, какъ онъ же и Бюхнеръ ²⁾, что это докажется *будущими* открытіями физиологiи мозга — и основныя положенія готовы; желающіе да вѣруютъ ³⁾. И желающихъ нашлось много, по злоупотребленію въ Европѣ идей, отрицаемыхъ матеріализмомъ, для оправданія отжившихъ учреждений, право сильного, австрійской политики....

А для того, чтобы связать только что сказанныя положенія новой натурфилософiи съ индуктивными общими положеніями физики и химіи, нуженъ еще догматъ: что все сущее выражается каждымъ отдѣльнымъ, чувственнымъ явленіемъ. Такъ на мысль о самодѣятельности вещества всего легче наводитъ химическій процессъ, всякій; достаточно на примѣръ слить вмѣстѣ извѣстковую воду и сѣрную кислоту, чтобы вышелъ гипсъ; сила, образующая его, есть результатъ соприкосновенія двухъ веществъ, которыя являются дѣтельными, слѣдовательно и во всемъ только дѣтельность вещества — это положеніе, что часть равна цѣлому: только такой абсурдъ не сразу окажется въ умномъ и ясномъ изложеніи, на примѣръ, Молешотта, гдѣ онъ прикрытъ общностью химическихъ процессовъ въ природѣ. Вообще, со стороны науки, матеріализмъ есть моментъ научнаго развитія, объясняемый болѣе зрѣлостью физики и химіи, сравнительно съ физиологiей, психологiей, общественной наукой... Это не абсолютная истина и не абсолютная ложь, а одностороннее увлеченіе, продуктъ нашей ограниченности, кото-

---

1) Это сказано въ Kreislauf des Lebens. Именно односторонне-химическія увлеченія Молешотта, въ его Kreislauf des Lebens, вызвали упомянутый протестъ Гибеля, — но Молешоттъ имѣлъ полное право, какъ и всякій физиологъ, не обращать вниманія на разнообразіе организмовъ, описывая жизнь вообще, и Гибель доказываетъ только то, что физиологи не систематичны.

2) Въ Kraft und Stoff.

3) Болѣе подробный разборъ матеріализма читатель можетъ найти въ статьѣ П. Д. Лаврова: Механическая теорія міра (Отеч. Записки, 1859 г., № 4).

рая и частное-то явленіе не вдругъ можетъ обнять, и даже въ кристаллахъ познаетъ отдѣльно форму, отдѣльно цвѣтъ, отдѣльно химическій составъ.

Такимъ образомъ, не смотря на доводы г. Гибеля, намъ кажется, что разсужденія о материализмѣ относятся не къ вопросу объ измѣняемости видовыхъ типовъ, а къ исторіи и критикѣ философскихъ системъ.

Замѣтимъ еще, что вопросъ о допущеніи въ науку или отрицаніи жизненной силы не имѣетъ ничего общаго съ постоянствомъ видовъ. Допустивши эту силу и даже то именно опредѣленіе ея, которое даетъ г. Гибель, можно однако полагать, что къ опредѣленію типа относится и опредѣленіе его измѣненій, т. е., что есть органическій процессъ ихъ образованія, особый для каждаго основнаго типа, точно также, какъ отрицая особую жизненную силу, можно признавать постоянство видовыхъ типовъ. Наконецъ, еще разъ скажемъ изученіе вліянія внѣшнихъ условій на организмъ еще только начинается, критическая повѣрка видовыхъ признаковъ тоже, такъ что еще не разграничено съ точностью, (хотя г. Гибель говоритъ противное), что въ животной жизни зависить отъ внѣшнихъ условій, что нѣтъ. А отъ того, уже и теперь вѣрнаго положенія, что не все въ жизни зависить отъ внѣшнихъ условій, до точнаго опредѣленія предѣловъ ихъ вліянія еще далеко; изъ того, что извѣстны только нѣкоторыя проявленія этого вліянія, нельзя заключать, что другихъ и не существуетъ.

Прибавимъ еще, что правильные опыты съ устраненіемъ того или другаго вліянія для опредѣленія остальныхъ еще слишкомъ малочисленны: къ нимъ можно отнести только образованіе породъ бойнаго скота въ Англии, причинъ кромѣ условій климата, пищи, и вообще содержанія, имѣлъ большее значеніе выборъ производителей; воспріимчивость организма, т. е. его способность подчиняться внѣшнимъ вліяніямъ, оказалось подверженной, не только видовымъ, но и личнымъ различіямъ ¹⁾). Свое крайнее развитіе идея постоян-

---

1) Тутъ особенно поучительны опыты знаменитаго скотовода Бэкуэлла, который избѣгалъ помѣси различныхъ породъ.

ство видовъ получила въ трудахъ извѣстнаго орнитолога 1) Брэмъ, котораго взглядъ всего удобнѣе пояснить частнымъ примѣромъ, именно самой общезвѣстной птицей, воробьемъ *Passer domesticus*. Онъ отличаетъ домашняго воробья отъ полеваго тѣмъ, что у послѣдняго самка и оперенные птицы имѣютъ одинакое цвѣтрасположеніе съ самцомъ, у перваго различное; другіе признаки состоятъ въ томъ, что и самецъ полеваго воробья ростомъ меньше, нѣсколько свѣтлѣе на спинѣ, и что черное пятно горла короче, а краснота на головѣ постоянно инаго оттѣнка чѣмъ у домашняго воробья 2): все такіе признаки, какими вообще характеризуются видоизмѣненія, но которые въ этомъ частномъ случаѣ видовые, потому что полевой воробей ими отличается отъ домашняго въ самыхъ различныхъ климатахъ, гдѣ только оба встрѣчаются. Затѣмъ Брэмъ различаетъ еще обыкновеннаго домашняго воробья, съ широкой сѣрой полосой на темени самца, краснобурыми одинаковой или меньшей ширины по обѣ стороны сѣрой; еще другой видъ, у котораго эти краснобурыя боковыя полосы шире центральной сѣрой, и третій видъ, воробья итальянскаго, у котораго сѣрой полосы нѣтъ вовсе. Большинство орнитологовъ эти три вида принимаютъ за мѣстныя, зависящія отъ внѣшнихъ условій видоизмѣненія.

Но Брэмъ дробитъ воробьевъ еще дальше и различаетъ, въ одномъ Саксенъ-Веймарѣ, съ пять subspecies своего перваго вида, которые всѣ различаются ростомъ и величиной клюва, степенью выпуклости темени, признаками общими обоимъ поламъ. На подобныхъ различіяхъ у него основаны subspecies очень многихъ видовъ; особенно на томъ, образуетъ ли выпуклость темени уступъ надъ лобовой костью, или нѣтъ. А въ различеніи этихъ subspecies его подтвердило то обстоятельство, что когда ему удавалось добыть самца и самку съ гнѣзда, или вообще живущихъ вмѣстѣ, то онъ рѣдко находилъ ихъ принадлежащими къ разнымъ subspecies, а больше все къ одному и тому же; впрочемъ много subspe-

1) Орнитологія — наука о птицахъ, часть зоологіи.

2) Цвѣтъ головы самца домашняго воробья краснобурый, полеваго тоже, но съ краснолиловымъ оттѣнкомъ.

sies, и даже видовъ, species, опредѣлены имъ безъ этой по-
 вѣрки: но онъ утверждаетъ, что вліянія внѣшнихъ условій
 на признаки животнаго типа нѣтъ вовсе, что всѣ его sub-
 species такъ и сотворены, какими мы ихъ видимъ; потому
 что онъ замѣчалъ, что въ ближайшихъ окрестностяхъ его
 жилища появлялись и переселялись туда инныя subspecies,
 которыхъ прежде тамъ не было, которыя встрѣчались только
 въ Голландіи, гдѣ лѣто свѣжѣе, сырости больше — а пе-
 ремѣна климата не измѣняла ихъ признаковъ. Собственно
 Брэмъ признаетъ, что его и виды и subspecies одинакаго
 достоинства, такъ какъ и тѣ и другіе типы различаются са-
 мыми птицами (что онъ впрочемъ замѣтилъ только относи-
 тельно весьма немногихъ), слѣдовательно существуютъ въ
 природѣ: а если они обозначаются различно, такъ потому,
 что значеніе видовъ Брэмъ приписываетъ тѣмъ формамъ,
 которыхъ признаки примѣтны, легко узнаются, а трудно
 узнаваемыя, съ малопримѣтными признаками, которыхъ раз-
 личеніе доступно только опытному наблюдателю — тѣ sub-
 species. Такимъ образомъ онъ четыреста съ небольшимъ об-
 щепризнанныхъ видовъ европейскихъ птицъ раздробилъ на
 тысячу триста, не считая subspecies. Виды, говоритъ онъ
 вслѣдъ за Рейхенбахомъ, хоть и существуютъ въ природѣ,
 но различеніе и опредѣленіе ихъ есть дѣло личнаго взгляда,
 личнаго мнѣнія. Пусть другіе называютъ мои виды видоиз-
 мѣненіями; но различить ихъ можно, признаки не выдуманы,
 а найдены наблюдениемъ, и могутъ пригодиться для другихъ
 наблюденій, на примѣръ, чтобы узнавать птицъ, гнѣздящихся
 въ опредѣленномъ мѣстѣ, при ихъ періодическихъ переле-
 тахъ, и опредѣлять пути, по которымъ летятъ. Какъ бы то
 ни было, почти всѣ замѣченныя, и многія незамѣченныя до
 него видоизмѣненія (variétés) европейскихъ птицъ, Брэмъ
 описалъ какъ особые виды; но врядъ ли десятая доля этихъ
 брэмовскихъ видовъ была признана хоть нѣкоторыми дру-
 гими натуралистами, а большинствомъ и того меньше.

Главнымъ противникомъ Брэма относительно вліянія внѣш-
 нихъ условій, особенно климата, на отличительные признаки
 птицъ и звѣрей явился, въ Германіи, Глогеръ, составившій
 первую общую теорію климатическихъ измѣненій, преиму-

щественно свѣта. Дальнѣйшія наблюденія очень многихъ ученыхъ, у насъ гг. Брандта, Миддендорфа, Нордманна, и мон, дополнили и вообще подтвердили положенія Глогера, хоть и не всѣ; но, несмотря на нѣкоторые частныя неточности, нѣкоторыя физиологическія ошибки, труды Глогера дали прочное основаніе дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣе описывалось видовъ, тѣмъ болѣе оказывалось спорныхъ, и вообще сомнительныхъ; ихъ теперь тысячи, требующихъ повѣрки. Но чѣмъ руководствоваться при этой повѣркѣ? Споры объ измѣняемости видовыхъ типовъ затихли въ то время (съ 1835 года); мнѣніе, что виды опредѣляются признаками, не зависящими отъ внѣшнихъ условій, признавалось за истину огромнымъ большинствомъ ученыхъ; но когда дѣло доходило до частныхъ случаевъ опредѣленія видовъ, такъ единогласіе прекращалось, и особенно въ орнитологіи, такъ какъ передѣлы органическихъ различій у птицъ менѣе обширны, чѣмъ у другихъ позвоночныхъ, и воробей, напримѣръ менѣе различенъ отъ гагары или страуса, чѣмъ мышь отъ кита: а различаемыхъ формъ именно въ классѣ птицъ особенно много, до 8000 видовъ ¹⁾.

Вопросъ о методѣ опредѣленія видовъ, особенно птицъ, обсуждался въ Германіи на многихъ ученыхъ сѣздахъ; тамъ высказывались разныя варіаціи на тему: что видъ опредѣляется признаками, независимыми отъ внѣшнихъ условій: но общія правила, общую методу, по которой бы безошибочно (хоть бы въ большей части случаевъ), примѣнять это положеніе къ практикѣ, къ рѣшенію вопроса: различіе экземпляровъ *A* и *B* видовое или нѣтъ? не нашли; да и вообще было признано, что опредѣленіе понятія: что такое видъ, species, не можетъ служить руководствомъ для частныхъ случаевъ. Почему на сѣздѣ 1853, Рейхенбахъ вывелъ свое, уже сказанное заключеніе: что различеніе видовъ есть дѣло субъективное, дѣло личнаго взгляда; на сѣздѣ 1856 года Блазіусъ сдѣлалъ критическій обзоръ высказанныхъ мнѣній, и каждое нашелъ мало примѣнимымъ къ прак-

1) Рыбъ еще больше; звѣрей принимается до 2000, гадовъ около 1000.

тикѣ, т. е., мало способнымъ руководствовать при рѣшеніи только что сказаннаго вопроса о видовомъ различіи формъ *A* и *B*, и затѣмъ остановился на практическомъ правилѣ, уже оправданномъ своимъ давнишнимъ примѣненіемъ: что вообще каждый видъ опредѣляется не примѣненіемъ общаго положенія къ частному случаю, а сличеніемъ достаточнаго количества экземпляровъ, особей; насчетъ же числа особей, подлежащихъ сравненію, чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Если между особями *A* и *B*, различными по своимъ признакамъ, есть рядъ переходныхъ формъ, такъ обѣ принадлежать къ одному виду; иначе къ различнымъ; таковъ приѣмъ, употребляемый Блазіусомъ, да и большинствомъ зоологовъ, въ случаяхъ, гдѣ видовое тожество или различіе двухъ животныхъ формъ есть дѣло спорное.

Такой способъ опредѣлять виды и я, при критической повѣркѣ весьма многихъ спорныхъ видовъ, нашелъ *единственнымъ* вѣрнымъ, хотя, относительно позвоночныхъ, и есть нѣкоторыя эмпирическія правила (найденныя преимущественно Глогеромъ), которыя могутъ, при недостаточномъ количествѣ сравниваемыхъ особей, привести къ *въроятному* рѣшенію вопроса о видовомъ различіи данныхъ формъ *A* и *B*. Только мы опытомъ убѣдились, что ни одно изъ этихъ правилъ не можетъ назваться закономъ природы настоящимъ, т. е., не имѣющимъ исключеній. Эти правила будутъ упомянуты при критической повѣркѣ изложенныхъ нами опредѣленій вида и теорій постоянства или измѣняемости видовыхъ типовъ, повѣркѣ, посредствомъ примѣненія этихъ теорій къ объясненію явленій.

Такимъ образомъ, точное понятіе о видѣ въ зоологіи не установлено наукой; тѣмъ менѣе рѣшенъ вопросъ объ измѣняемости видовыхъ типовъ, потому что для рѣшенія этого вопроса недостаточно условиться, что такія то различія пусть считаются видовыми, а нужно узнать, какъ и чѣмъ въ самой природѣ опредѣляются видовые типы. А вѣрность опредѣленія видовъ все таки зависитъ слишкомъ часто отъ случайности, отъ числа сравниваемыхъ особей, и во многихъ случаяхъ сомнительно: оттого ли нѣтъ переходовъ между различными формами *A* и *B*, что они не существуютъ,

или оттого, что эти переходы еще не найдены, но могут найдтись. Такое опредѣленіе видовъ есть только предварительное, годное для обозначенія изслѣдуемыхъ предметовъ — но не окончательное, не необходимо совпадающее съ сущимъ въ природѣ, хотя конечно есть и виды безспорные, которыхъ всѣ особи въ существенныхъ признакахъ одинаковы, а видоизмѣненія явно случайныя и личныя: напримѣръ тетеревь-косачь, тигръ, барсукъ. Да и то — глухарь напримѣръ видъ безспорный, и долго не знали другой формы, которой бы видовое тожество или различіе съ глухаремъ было бы сомнительно: а теперь найденъ сибирскій глухарь, съ болѣе длиннымъ хвостомъ и мѣньшимъ, чернымъ, а не желтымъ клювомъ, котораго признаки доставляютъ равносильныя доказательства для обоихъ противоположныхъ рѣшеній.

Еще общее замѣчаніе о видовыхъ признакахъ: казалось бы, по теорическимъ соображеніямъ, что допуская постоянство видовыхъ типовъ, слѣдовало бы считать видовыми только признаки, имѣющіе фізіологическое значеніе: но наблюденіе и опытъ показываютъ, что признаки съ фізіологическимъ значеніемъ могутъ зависѣть и отъ внѣшнихъ условій: напримѣръ густота шерсти и присутствіе или отсутствіе подшерстка; зато есть видовые признаки, которымъ и не придумашь фізіологическаго значенія ¹⁾, напримѣръ расположеніе пятенъ; да еще и то, что многіе признаки для иныхъ животныхъ видовые, для другихъ нѣтъ; какъ опять расположеніе пятенъ.

Тоже нельзя сказать, чтобы анатомическіе признаки были рѣшительны: и тѣ подвержены личнымъ измѣненіемъ, напримѣръ у пустельга, *Falco tinnunculus*, по изслѣдованіямъ Macgillivray, то одна слѣзная кишка, то двѣ, то вовсе нѣтъ, весьма подвержены тоже личнымъ измѣненіямъ величина и форма черепа, и относительные размѣры составляющихъ его костей, и т. д., и есть зато общепризнанные виды, не представляющіе анатомическихъ различій; почему Глогеръ, признавая систематическую важность сравнительной анатоміи для опредѣленія главныхъ дѣленій животныхъ, классовъ, по-

1) Кроме того, что и они результатъ жизненнаго процесса.

рядковъ, семействъ, даетъ анатомическимъ уже для опредѣленія родовъ весьма ограниченное значеніе, а для опредѣленія видовъ никакого; но это уже преувеличеніе.

Однако и то несомнѣнное обстоятельство, что анатомическіе, именно остеологическіе признаки не всегда надежны, уже затрудняетъ и дѣлаетъ сомнительнымъ опредѣленіе видовъ въ палеонтологіи; еще препятствіе для рѣшенія вопроса о постоянствѣ или непостоянствѣ типовъ.

Но этотъ вопросъ не состоитъ ли въ необходимой связи съ другими, удобнѣе разрѣшимыми? такъ чтобы отвѣтъ на него могъ быть логическимъ послѣдствіемъ другаго опытнаго вывода?

Увидимъ, и кстати скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ научной точности и достовѣрности общихъ выводовъ, или теорій, въ зоологіи, и объяснимъ научное значеніе гипотезъ.

Жозефу Сент-Илеръ (сынъ) утверждаетъ, что рѣшеніе вопроса объ измѣняемости видовыхъ типовъ можно вывести, какъ логическое послѣдствіе, изъ теоріи образованія зародыша; именно по теоріи, господствовавшей прежде, защищаемой извѣстнѣйшими фізіологами прошлаго вѣка, Галлеромъ, Бонне, Спалланцани, зародыши не образуются вновь, а сотворены съ самаго начала. Они думали, что зародышъ существуетъ и въ неоплодотворенномъ яйцѣ совѣсьми органами, даже тогда, когда это яйцо еще неразвито, даже въ яичникѣ, напримѣръ поворожденнаго цыпленка. По этой теоріи, органы неоплодотвореннаго зародыша не видны, потому что онъ малъ и прозраченъ; оплодотвореніе заставляетъ ихъ развиваться ¹⁾. Въ яичникѣ, напримѣръ первой курицы содержатся зародыши всѣхъ ея яицъ; въ каждомъ зарод-

---

1) Уже и тогда знали, что есть размноженіе посредствомъ дѣленія, посредствомъ почекъ, какъ у полиповъ, и что многія наѣкомыя могутъ родиться изъ не оплодотворенныхъ яицъ. Бонне наблюдалъ, что десять послѣдовательныхъ поколѣній травяныхъ вшей могутъ родиться безъ оплодотворенія, что и приводилъ, какъ подтвержденіе своей теоріи, объясняя этотъ фактъ тѣмъ, что уже въ первой трапляной вши содержались по крайней мѣрѣ всѣ десять поколѣній. Теперь это объясненіе отвергнуто, а фактъ подтвержденъ.

дышѣ, между прочими органами, и яичникъ, и въ немъ онять зародыши, а въ тѣхъ еще зародыши и слѣдующаго поколѣнія, и т. д.; словомъ, въ первыхъ особяхъ каждаго вида уже готовое потомство, готовые зародыши всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Эта теорія была сильно распространена въ началѣ еще нынѣшняго вѣка; ее держались, напримѣръ Меккель и самъ Кювье. Послѣдствія этой теоріи, говоритъ Изидоръ Жоффрау Сент-Илеръ, для анатоміи и физиологіи — второстепенное значеніе эмбриогеніи, ученія объ образованіи зародыша: потому что тогда самое это образованіе не допускается, а остается только замѣчать, когда органы, уже готовые, достаточно выростутъ, чтобы сдѣлаться примѣтными; въ зоологіи, теорія постоянства видовъ, потому что различія между организмами съ самаго начала назначены творцомъ.

Это послѣдствіе намъ не кажется необходимымъ. И при только что упомянутой теоріи пред-существованія зародышей, или одновременнаго сотворенія всѣхъ потомственно развивающихся особей, для постоянства видовъ нужна еще другая гипотеза: что всѣ эти особи одинаковы. Но можно предположить, что онѣ и различны — и выборъ между этими противоположными гипотезами можетъ быть основанъ только на непосредственномъ наблюденіи.

За то, при этой эмбриологической теоріи, не нужно геологическихъ переворотовъ, чтобы губить виды; трудно предположить, чтобы, напримѣръ, первая курица содержала въ себѣ безконечное, а не ограниченное, хоть бы и очень большое число особей своего потомства. А если число особей каждаго вида ограничено съ самаго начала, то, какъ бы велико не было это число, но существованіе вида все должно кончаться послѣднимъ, бесплоднымъ поколѣніемъ.

Но уже Гарве, въ XVII вѣкѣ, отвергалъ эту теорію, и, подобно Жоффрау Сент-Илеру и всѣмъ современнымъ физиологамъ, признавалъ, что зародышъ не есть полный организмъ въ миниатюрѣ, что его органы не только растутъ, но еще сперва образуются. Теперь доказано неопровержимо, что всякій зародышъ развивается изъ простой ячейки, не имѣющей ни одного изъ органовъ взрослага или даже ново-

рожденного животного; и каждый органъ, развиваясь, нѣсколько разъ измѣняетъ свою форму. Жоффрау Сент-Илеръ вполне справедливо замѣчаетъ, что только эта теорія развитія зародышей и можетъ объяснить образованіе различныхъ уродствъ, которыя онъ производилъ у цыплятъ даже искусственно, измѣняя нормальныя условія развитія зародыша въ яйцѣ: чѣмъ и опровергъ теорію Региса, принимаемую Галлеромъ и Кювье. А потомъ эта теорія была опровергнута и наблюденіями нормальнаго развитія зародыша, особенно микроскопическими, которыя показали происхожденіе зародыша изъ простой ячейки, неимѣющей особыхъ органовъ. Но тогда, говоритъ Изидоръ Жоффрау Сент-Илеръ, въ біографіи своего отца, нужно допустить и измѣняемость видовъ: какъ имъ быть постоянными, когда особи измѣнчивы, когда измѣненіе внѣшнихъ условій имѣетъ вліяніе и на развитіе зародыша.

Между тѣмъ, большинство современныхъ зоологовъ, принимая теорію или, вѣрнѣе, фактъ постепеннаго образованія зародышей животныхъ, отвергаютъ измѣняемость видовыхъ типовъ. И вовсе не противно логикѣ допустить, что нормальное развитіе зародышей во всѣхъ поколѣніяхъ каждаго вида повторяется всегда одинакимъ образомъ, за исключеніемъ явленій болѣзненныхъ и ничтожныхъ личныхъ различій. Значитъ, вопреки мнѣнію Жоффрау-Сент-Илера (Изидора) рѣшеніе занимающаго насъ вопроса не можетъ быть выведено какъ логическое послѣдствіе того или другаго рѣшенія вопроса объ образованіи зародыша.

А вывести это рѣшеніе изъ прямыхъ наблюденій очень трудно; и, во всякомъ случаѣ, изслѣдованіямъ постоянства или измѣняемости видовыхъ типовъ должно предшествовать правильное ихъ опредѣленіе; но какъ узнать, что правильно, что нѣтъ?

Для этого намъ нужно вникнуть въ условія научной достовѣрности вообще зоологическихъ изслѣдованій, въ методу изслѣдованія, какъ средство достигнуть этой достовѣрности, причемъ оставимъ въ сторонѣ разныя системы философіи природы, или апіорическаго построенія ея законовъ независимо отъ наблюденія и опыта, тѣмъ болѣе, что эта не-

зависимость мысли отъ опытныхъ данныхъ въ философіи природы болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Конечно, тутъ мысль имѣетъ дѣло съ общими, отвлеченными понятіями, но беретъ ихъ готовыми и изслѣдуетъ ихъ взаимныя отношенія, не вникая въ способъ ихъ образованія; а эти общія понятія сначала безсознательно образуются изъ частныхъ, еще не различаемыхъ представленій, какъ мы уже замѣтили выше, по поводу народныхъ названій естественныхъ предметовъ. Безсознательное образованіе общихъ понятій о природѣ (но не философическое изслѣдованіе ихъ) можетъ каждый замѣтить у людей, не занимающихся естественными науками.

Здѣсь мы займемся индуктивной методой, которая начинается съ наблюденія частныхъ явленій, съ опытныхъ данныхъ, и посредствомъ сравненія этихъ частныхъ фактовъ стремится понять и объяснить выражаемые ими общіе законы природы ¹⁾. Эта метода теперь исключительно господствуетъ въ естественныхъ наукахъ.

НИКОЛАЙ СЪВЕРЦОВЪ.

---

1) Самый простой примѣръ наведенія: мы видимъ у людей два глаза, видимъ ихъ, напримѣръ, у ста; заключаемъ, что у всѣхъ есть, и заключаемъ вѣрно, не смотря на то, что есть уроды, не то чтобы кривые, а буквально одноглазые, и даже безглазые, какъ есть и люди, по болѣзни или инымъ несчастнымъ случаямъ потерявшіе не только зрѣніе, но и органъ его.

Море и звѣзды.

На море ночное мы оба глядѣли,
Подъ нами скала обрывалася бездной.
Вдали затихавшія волны бѣлѣли,
А съ неба отсталяя тучи летѣли
И ночь красотой одѣвалася звѣздной.

Любуясь раздольемъ движенья двойнаго,
Мечта отвергала недвижную сушу
И съ моря ночнаго и съ неба ночнаго
Цѣлебную силу вѣяло въ душу.

Земныя утраты, гнетущее горе,
По своему каждый, мы оба забыли,
Какъ будто меня убаюкало море,
Какъ будто бы звѣзды тебя побѣдили.

А. ФЕТЬ.

Тополь.

Сады молчать. Унылыми глазами,
Съ уныніемъ въ душѣ, гляжу вокругъ.
Послѣдній листъ растоптанъ подъ ногами,
Послѣдній лучезарный день потухъ.

Лишь ты одинъ со смертью общей споря,
Темнозеленый тополь не увялъ,
И трепеща по прежнему листьямъ,
О вѣшнихъ дняхъ лепечешь мнѣ какъ другъ.

Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни за днями
И осени тлетворный вѣетъ духъ.
Съ подъятыми ты къ небесамъ вѣтвями
Стоишь одинъ и помнишь теплый югъ.

А. ФЕТЬ.

ТЮРГО И МИНИСТЕРСТВО ЕГО.

I.

Значеніе XVIII вѣка доселѣ остается вопросомъ исторіи. Не было ни одной эпохи, которая бы такъ широко и глубоко волновала ветхій міръ, такъ была богата великими дѣтелями мысли и результатами ея; по крайней мѣрѣ, никогда любовь къ истинѣ не заявила себя такими благородными жертвами, не возбуждала такого энтузіазма и сочувствія, какъ въ прошломъ столѣтіи. Это былъ вѣкъ умственнаго потрясенія во всѣхъ человѣческихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и надеждахъ. Его духъ доселѣ живетъ съ нами; его горячее и вдохновенное слово доселѣ раздражаетъ нервы и шевелитъ сердцемъ; его школа была школой всего человѣчества. И за всѣмъ тѣмъ онъ не нашелъ себѣ ни достойнаго критика, ни историка. Его миѣнія, которыя мы принимаемъ за новостъ вчерашняго дня, давно обратились въ мертвый капиталъ архива или библіотеки; многіе изъ его бойцевъ, отмѣченныхъ необыкновеннымъ дарованіемъ и энергіей, едва извѣстны по именамъ; изъ его главной идеи, въ высшей степени человѣческой и миролюбивой, одни сдѣлали пугало разрушенія и смерти; другіе—общее мѣсто похвалы или удивленія; но никто не представилъ полной и живой картины; никто не опредѣлилъ ни внутренняго смысла, ни вліянія его.

Впрочемъ, для спокойнаго воззрѣнія на этотъ вѣкъ еще не пришло время. Кто былъ у подошвы Монъ-Блана, тотъ

знаеть, что «великанъ Альпійскихъ горъ» представляется пигмеемъ въ сравненіи съ другими, болѣе отдаленными вершинами. Этотъ обманъ глади, на близкомъ разстояніи, такъ великъ, что кажется, вы видите весь Монъ-Бланъ передъ собой и, въ нѣсколько минутъ, можете подняться на его темя: на самомъ же дѣлѣ мало трехъ дней, чтобъ подойти къ его снѣжному вѣнду и надо много силъ, чтобъ одолѣть всѣ препятствія опаснаго пути. Точно то же можно сказать о нашемъ взглядѣ на XVIII вѣкъ. Мы слишкомъ близко стоимъ къ нему, чтобъ вѣрно смотрѣть на него. Колоссальные размѣры его то сокращаются, то раздвигаются, смотря потому, съ какой точки зрѣнія анализирують его. Нашъ судъ не можетъ быть безпристрастнымъ, потому что страсти, духъ партій, слава и казни этой эпохи еще не совсѣмъ отдѣлилися отъ насъ. Среди нашего поколѣнія еще живутъ дѣти тѣхъ отцовъ, которые погибли на эшафотѣ или затерялись на чужой землѣ, — есть цѣлыя сословія, сохранившія наслѣдственную ненависть другъ къ другу, послѣ революціоннаго разгрома Франціи. Для католическаго попа имя Вольтера, или для политическаго Тартюфа память Руссо и Мирабо еще долго будутъ предметомъ укора, если не проклятія. Съ этимъ эгоистическимъ чувствомъ, самымъ слѣпымъ изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, соединяется другое обстоятельство. Наши понятія, сбитыя нѣсколькими реакціями, притупились; на сцену исторіи выступили другіе интересы и стремленія; они увлекли за собой усталую и разочарованную Европу, разсѣявъ золотые сны стараго времени. Насъ занимають не общечеловѣческіе вопросы, а разчистка домашней грязи, накопившейся у каждаго: *chacun chez soi, chacun pour soi* — вотъ правило нашего времени. Поставивъ на мѣсто трибуны мелочную лавку и усадивъ банкира на мѣшкѣ хлопчатой бумаги вождемъ современныхъ событій, мы думаемъ, что лучшаго счастья нельзя желать народамъ. Если же они просыпаются для высшихъ требованій, ихъ укладываютъ снова политическими софизмами. Наша вѣра въ принципы, наша логика событій, такъ слабы, что мы, собственно, ничего не предвидимъ дальше завтрашняго утра и ни къ чему не стремимся, кромѣ матеріальнаго спокойствія.

«Осмотритесь, говорилъ Кинендеринъ, надъ какой бездною вы идете по гнилому мосту, и еще увѣряете, что онъ перенесетъ васъ на другой берегъ, на берегъ живыхъ, а не мертвыхъ»... Сквозь эту мутную атмосферу эгоизма и апатии, намъ трудно понимать юношескую жизнь, въ которой было много идеальныхъ увлеченій, ошибокъ и пороковъ, но гораздо больше нравственной силы, отваги и благородныхъ дѣйствій. Въ состояніи ли мы возвыситься до тѣхъ высокихъ началъ, которыя въ концѣ прошлаго вѣка одушевляли философа, политика и солдата? Говорятъ, есть эпохи, въ которыя жизнь измѣряется днями, и эти дни стоятъ нѣсколькихъ лѣтъ другаго времени. Въ такія эпохи, обыкновенно совпадающія съ высшимъ индивидуальнымъ развитіемъ, отдѣльныя личности вырастаютъ до богатырскаго роста; онѣ способны совершить то, что могутъ выполнить только массы; въ такіе періоды гений и воля идутъ рядомъ съ необыкновенными подвигами, общая каждому социальному явленію характеръ оригинальности. Кто изъ современныхъ женщинъ не испугался бы трагической судьбы Шарлоты Корде? Въ цвѣтѣ юности, она приноситъ себя въ жертву идеи, фанатической, но глубоко обдуманной и строго выдержанной. Кто изъ настоящаго поколѣнія рѣшился бы подражать Б. Сенъ-Пьеру, или лучше, какой школьникъ не оскорбилъ бы его названіемъ пустаго мечтателя? Онъ, дѣйствительно, былъ восторженный идеалистъ: распродавъ послѣднія книги въ Парижѣ, съ шестью франками въ карманѣ, онъ идетъ на берега Аральскаго моря — зачѣмъ вы думаете? за-тѣмъ, чтобъ основать тамъ новую республику съ новыми законами и нравами. Но кто же не согласится, что въ этой мечтѣ есть пламенная вѣра въ свое убѣжденіе, есть сила, свойственная здоровымъ организаціямъ. Всѣ эти явленія и характеры теперь представляются въ иномъ свѣтѣ; ихъ закрываютъ отъ насъ пространство семидесяти лѣтъ, исполненныхъ убійства, измѣны, лжи и обманутыхъ надеждъ. Мы слишкомъ расчетливы, чтобъ оцѣнить искреннее увлеченіе, слишкомъ мелки, чтобъ стать на высоту идеальнаго чувства, — мы просто «изношенное платье съ плечъ нашихъ отцовъ», какъ замѣтилъ одинъ комикъ.

Притомъ пониманіе XVIII вѣка, во всѣхъ его направле-

нiяхъ, очень трудное. Это былъ вѣкъ поразительныхъ контрастовъ, въ семейномъ, социальномъ и политическомъ отношенiи. Въ немъ развивались двѣ параллельныя стихiи, совершенно противоположныя другъ другу. Съ одной стороны передъ вами несется жизнь веселая, пустая, обставленная блескомъ роскоши, искусствъ и циническаго разврата; здѣсь все дышитъ условными приличiями, фразами, все вздыхаетъ о любви и презираетъ истинную любовь, все интригуетъ и всего надѣется отъ интриги; здѣсь съ утра до глубокой ночи даются шумныя пиры — *grands diners et petits soupers*, — за которыми вино, розы, каламбуры и красота смѣшиваются съ безстыдной наглостью куртизановъ и королевскихъ любовницъ, съ клеветой и ябедой ползающихъ льстецовъ; здѣсь семидесятилѣтняя Дюдефанъ серьезно влюбляется въ пятидесятилѣтняго Вальполя, и мѣщавка Помпадуръ даетъ тонъ самому шепетильному парижскому обществу. Съ другой стороны тянется жизнь бѣднаго народа, съ толпами бродягъ и нищихъ, съ перiодическимъ голодомъ по деревнямъ, съ невѣжествомъ и рабствомъ въ городахъ; здѣсь все угрюмо, безотрадно; ни протеста за свои страданiя, ни голоса противъ несправедливости. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ зло, изъ среды народа возникаетъ оппозицiя старому порядку вещей; люди всѣхъ нацiй, состоянiй и оттѣнковъ мысли, какъ будто сговорившись напередъ, собираются въ одинъ плотный кружокъ; между ними много вражды, зависти, разнорѣчiя, но ихъ соединяетъ одно чувство — чувство народнаго добра. Влiянiе ихъ, основанное не на покровительствѣ власти или силы, а на любви къ правдѣ и уваженiи къ человѣку, быстро распространяется. Учениками ихъ дѣлаются короли, министры, простые работники, старики и юноши; въ ученiи этихъ людей тотъ же хаосъ, какъ и въ социальномъ положенiи. Всевозможныя системы, — отъ Эпикура до Ньютона, отъ Платона до Локка, — сливаются въ одну капитальную задачу реформы и обновленiя общества. И общество, чувствуя необходимость лучшаго устройства, порывается впередъ, во всемъ ищетъ отвѣта тревожнымъ предчувствiямъ. Въ предчувствiяхъ, какъ обыкновенно бываетъ во всѣ перiоды кризисовъ, ничего не было яснаго и опредѣленнаго; никто не предвидитъ,

чѣмъ окончится драма нѣсколькихъ поколѣній; самые вѣжные и впечатлительные темпераменты тяжело тоскуютъ, и не догадываются въ чемъ источникъ этой тоски; среди всеобщаго броженія лучшіе умы дѣйствуютъ на-угадъ; впереди ихъ нѣтъ никакой положительной дѣли, или специальной и конкретной проблемы; они ясно понимаютъ одно — невозможность продолжать то существованіе, въ которомъ изсякли всѣ жизненные силы. Отъ практическаго міра, кромѣ отрицанія и ненависти, нечего было взять; но чѣмъ дальше они отходили отъ него, тѣмъ выше уносились въ область идеи и мечты. Поэтому, между прочимъ, мы видимъ въ работѣ ихъ мало творческихъ элементовъ, но много критическихъ. Разбивая пошатнувшееся зданіе, они пользуются всякимъ орудіемъ, какое только служитъ имъ на пользу; философія, исторія, юриспруденція, трагедія, комедія, повѣсть — все направлено къ одному результату. Само собой разумѣется, что въ этомъ раздраженномъ состояніи борьба мнѣній, столкновеніе интересовъ, противорѣчіе идей и поступковъ, плоская лесть и зубоскальство фернейскаго патріарха съ его рѣзкими обличеніями, слезы Ж. Ж. Руссо съ истерическимъ смѣхомъ Гольбаха, смѣлость Дидро съ его дѣтской трусостью — все это соединяется на одной и той же сценѣ дѣйствія, и часто въ характерѣ однихъ и тѣхъ же людей. Поэтому уловить истинную фязіономію этой подвижной и лихородочной эпохи чрезвычайно трудно. Ея эклектизмъ обязываетъ изслѣдователя провѣрять нѣсколько вѣковъ умственной работы; ея анализъ заставляетъ собрать громадныя матеріалы прежнихъ ученій; пониманіе ея всеобъемлющаго духа требуетъ, кромѣ яркаго ума, симпатичное сердце и художественную фантазію. Кабинетный или академическій педантъ не долженъ подходить къ этому живому, разностороннему и вѣчно измѣняющемуся міру, потому что онъ не пойметъ сухимъ мозгомъ людей чувства.

Дѣятели XVIII вѣка, конечно, были люди умные и образованные; но не въ этомъ ихъ достоинство. Генія ихъ, какъ бы онъ ни былъ вооруженъ размышленіемъ и познаніями, было мало. Это были люди сердца, и въ этомъ тайна ихъ огромнаго успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснять то

вліяніе, которое они распространяли отъ одного конца Европы до другаго, отъ мастерской фабричнаго работника до кабинета Екатерины II? Сочувствіемъ истинѣ? — Нѣтъ сомнѣнія, истина увлекаетъ массы, но чтобъ дѣйствовать на нихъ, ей необходимо внѣшнее выраженіе, тотъ магическій языкъ, которымъ говоритъ мать сыну, братъ своему брату. Истина, переданная Платономъ, осталась навсегда въ университетской аудиторіи; истина, выраженная Бэкономъ только черезъ двѣсти лѣтъ обобщилась въ Англии. Если угодно, у васъ истинѣ больше, чѣмъ было у нашихъ предковъ, но почему же онѣ такъ медленно прививаются къ обществу, такъ холодно дѣйствуютъ на насъ? — Литературной формой? но одной формы безъ началъ для жизни недостаточно. Нѣтъ, это вліяніе объясняется не столько содержаніемъ и языкомъ, сколько симпатіей писателя съ читателемъ, той внутренней связью, которая, подобно электрическому току, идетъ отъ сердца къ сердцу, отъ нерва къ нерву. Въ ихъ идеяхъ, кромѣ популярности, такъ много наивнаго и искренняго чувства, что какой бы предметъ ни былъ затронутъ, въ изложеніи его есть откликъ души, понятной всѣмъ и каждому. Тамъ, гдѣ недоставало имъ зоркаго взгляда или научнаго свѣдѣнія, они угадывали истину инстинктомъ, который часто служилъ имъ лучше самаго соляднаго размышленія. «Если вы хотите говорить съ народомъ и заставить его слушать себя, замѣчаетъ Миль, говорите о томъ, что ему нужно; говорите отъ души, иначе онъ не повѣритъ вамъ; говорите часто, иначе онъ забудетъ васъ.» (Dissert. and disenss., т. II, стр. 105.) Только такіе люди способны стоять въ головѣ великихъ событій и если не управлять, то начинать реформы. Поставьте на мѣсто ихъ базельскихъ профессоровъ XVI или сорбонскихъ іезуитовъ XVII вѣка; въ ученіи ихъ было бы больше логической строгости; доктрины и фактовъ, но не было бы ни духа, ни сердца; отъ фоліантовъ ихъ вѣяло бы тѣмъ остывшимъ трупомъ, который отталкиваетъ отъ себя живое существо. Оттого же писатели XVIII вѣка были такъ разносторонни; они въ правѣ сказать о себѣ: *nil humanum mihi alienum sit* (ничто человѣческое мнѣ нечуждо). Кто могъ бы теперь подумать, еслибъ не зналъ авторскихъ именъ, что одна и та

же рука писала «Духъ законовъ» и «Персидскія письма»; — что въ одной и той же головѣ созрѣла мысль «Соціального Контракта» и «Новой Элоизы»? Мы можемъ обвинять этихъ людей въ легкомысліи и эффектаціи, мы можемъ, пожалуй, съ московскими Памелами отъ никитскихъ воротъ и съ петербургскими критиками задняго числа, глумиться надъ ихъ сантиментальностью, но отнюдь не можемъ отказать имъ ни въ искренней любви къ прекрасному, ни въ гражданскомъ мужествѣ, ни въ уваженіи къ народному правому дѣлу. Мы можемъ простить имъ многое, потому что они многое любили. Это были люди сердца, и слѣдовательно *d'instinct*.

Въ числѣ мыслителей XVIII вѣка незамѣтно проходитъ кучка людей, не оцѣненныхъ современниками и почти забытыхъ потомствомъ. Въ другое время, менѣе богатое талантами и умственными интересами, они пользовались бы блестящей репутаціей; теперь же едва обратили на нихъ вниманіе. Работая надъ наукой, дотогѣ неизвѣстной во Франціи и едва сознаваемой въ Европѣ, — работая вдали отъ свѣта и литературнаго ареопага, надъ простыми экономическими вопросами, они не искали ни громкой популярности, ни авторитета. Ихъ трудъ походилъ на келейное занятіе средневѣковыхъ отшельниковъ. Говоря объ одномъ изъ этихъ людей, Мармонтель пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Тогда какъ бури поднимались и утихали подъ антресолями доктора (Кене), онъ, равнодушный къ придворному вихрю, какъ будто за сто миль отъ него, спокойно сидѣлъ надъ аксіомами и вычисленіями сельской экономіи». (*Mémoires*. стр. 16.) Типическимъ выраженіемъ и послѣднимъ представителемъ этихъ тружениковъ былъ Дюпонъ де-Немуръ. Онъ провелъ всю жизнь среди непрерывныхъ заботъ о распространеніи ученія; онъ пронесъ чистоту политической вѣры сквозь революціонныя фазисы, сохранилъ ее, какъ во Франціи, такъ и въ Америкѣ, какъ въ подвалахъ своего стараго замка, такъ и въ обсерваторіи, укрываемый то отъ ножа убійцы, то отъ нравственнаго униженія реставраціи, и наконецъ, покинувъ отечество, умеръ вдали отъ него вѣрный юношескому увлеченію. Когда другіе совѣтовали ему отдохнуть отъ трудовъ, поберечь свое здоровье, онъ отвѣчалъ имъ: «да, я отдохну,

но только на другой день послѣ похоронъ своихъ». Между тѣмъ какъ эти люди, въ тиши и неизвѣстности воздѣлывали идею, жатва ея быстро созрѣла; почти въ одно и то же время въ Англии, Итали и Испани она даетъ плодъ; послѣдствія ея были такъ важны, что послѣ философіи не было труда боже интереснаго и полезнаго. Мы говоримъ о *физіократахъ*.

Родоначальникомъ ихъ былъ Кене. Сынъ провинціального адвоката, воспитанный на фермѣ передъ лицомъ южной природы, среди простаго сельскаго класса, онъ до одиннадцати лѣтняго возраста не умѣлъ ни читать, ни писать; впоследствии совершенно случайно попадаетъ ему въ руки книга «La maison Rustique» (Сельскій домъ); онъ читаетъ ее съ наслажденіемъ и задумывается. Когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, отецъ, принимая во вниманіе не склонности юноши, а семейные расчеты, избираетъ ему карьеру медика. Молодой Кене усердно занимается наукой, проходя отъ званія деревенскаго цирюльника до замѣчательнаго столичнаго доктора. Ничего или очень мало мы знаемъ объ этомъ періодѣ его жизни; одно извѣстно, что онъ рано приобрѣлъ имя и славу въ парижскомъ обществѣ, принятый ко двору въ качествѣ домашняго лѣкаря Людовика XV. Постоянно обращаясь между королемъ и его любовницей, исполняя прихоти Помпадуръ и поправляя разстроенный желудокъ французскаго султана, онъ не искалъ у нихъ ни покровительства, ни богатства. Его окружали, со всѣхъ сторонъ, роскошь и этикетъ, и онъ навсегда сохранилъ простоту въ образѣ жизни и бѣдность. Однажды семейство Кене упрашивало его выхлопотать сыну доходное мѣсто генерала-фермера, онъ отказался, примолвивъ: «счастіе моихъ дѣтей не должно быть несчастьемъ для другихъ.» Съ прямою характера и совершеннымъ безкорыстіемъ онъ соединялъ искреннюю любовь къ народу, «къ которому, во Франціи, нѣтъ ни малѣйшаго уваженія», какъ замѣтилъ Вобанъ Людовику XIV. Видя, съ одной стороны необузданное мотовство высшаго класса, съ другой припоминая бѣдность того сословія, среди котораго онъ родился, Кене сталъ размышлять о неравенствѣ состояній. Разбирая причины его, онъ, естественно, сошелся съ

экономическими вопросами, сильно занимавшими его современниковъ. Эти вопросы были извѣстны до него, но они существовали въ видѣ идиллическихъ поэмъ Фенелона или лирическихъ гимновъ Ж. Ж. Руссо; если же появлялись серьезныя сочиненія, то ихъ преслѣдовали, какъ алхимию въ средніе вѣка. Вобанъ первый рѣшился разоблачить бѣдственное состояніе народа и указать средства къ улучшенію его; но его знаменитая «Королевская десятина» (*Dîme Royale*) вооружила противъ него короля и была сожжена рукой палача. Буагильберъ за его «Подробности Франціи» (*Détail de la France*) былъ сосланъ въ Овернь, и книга схвачена. Кене собираетъ разсѣянные идеи въ систему, закрѣпляетъ ихъ своимъ собственнымъ взглядомъ и даетъ имъ право на особенную науку. Такимъ образомъ возникла школа экономистовъ; она воспитала величайшаго спеціалиста прошлаго столѣтія — Адама Смита и положила начало новому званію во Франціи.

Въ одно время съ Кене дѣйствовалъ другой фізіократъ, Гурне. Сынъ негоціанта и самъ негоціантъ, онъ долго изучалъ коммерцію съ чисто практической точки зрѣнія. Съ этой цѣлью онъ объѣхалъ почти всю Европу, наблюдая разнообразныя явленія національныхъ промышленности. Вездѣ, въ бѣльшей или мѣньшей степени онъ имѣлъ случай убѣдиться, что монополия богача и административныя стѣсненія правительствъ мѣшаютъ успѣху народной дѣятельности. Такъ изъ простаго купца образовался горячій защитникъ свободы труда и ремесленника. Переселившись изъ Испаніи во Францію, онъ былъ назначенъ интендантомъ коммерческаго совѣта, гдѣ его умъ и честность были очень полезны. Всякая попытка къ прогрессу находила въ немъ искренняго поборника; всякое угнѣтеніе — открытаго врага. Въ 1756 году, подъ руководствомъ его, устроилось первое земледѣльческое общество въ Бретани, и составилъ кругъ людей, связанныхъ общимъ желаніемъ спеціальной реформы. Это были Мирабо, Рейналь, Ларивьеръ, д'Аржансонъ и другіе. Изъ маленькаго клуба, собиравшагося на антресоляхъ Кене, во послѣдствіи закрытаго, вышла огромная школа учениковъ, которые пронесли идею во всѣ концы Европы. «Около

1750 года, говоритъ Дюпонъ де-Немуръ, два гениальные чело-
вѣка, съ глубокимъ и проникательнымъ наблюденіемъ, съ
неутомимымъ вниманіемъ и строгой логикой, одушевленные
благородной любовью къ отечеству и міру, Кене и Гурне
начали разрабатывать политическую экономію, желая открыть
въ ней науку и опредѣлить ея начала.» (*Oeuvres de Turgot*,
par D. de Nemours. 1811 года. Т. I, стр. 158). Само со-
бою разумѣется, что это ученіе не могло быть совершен-
нымъ, но при всѣхъ недостаткахъ его, оно, подобно фило-
софіи, бросило широкій лучъ свѣта на специальное состояніе
Франціи. (См. *Economistes au XVIII s.*, т. 12. *Dîme Royale*,
par Vauban.)

Прежде чѣмъ мы разъясимъ идею физиократовъ, по-
смотримъ на самое общество, среди котораго они развились
и дѣйствовали.

Лудовикъ XIV умиралъ среди безмолвныхъ проклятій на-
рода и общаго лицемѣрія окружавшихъ его лицъ. Смерть
его была предвѣстникомъ будущихъ золъ Франціи. Онъ оста-
вилъ страну, раззоренную войной, измученную религіозными
гоненіями, униженную самовластіемъ, опутанную безчислен-
ной бюрократіей, безъ уваженія въ собственномъ мѣѣи и
въ глазахъ другихъ націй. Даже артистическій блескъ и
монументальное величіе потеряли прежнее обаяніе. Теперь
было не до триумфовъ и пышныхъ драгонадъ; другія, болѣе
существенныя нужды занимали правительство. Ему грозило
всеобщее банкротство въ казнѣ, промышленности, на фаб-
рикахъ и мануфактурахъ. Болѣе трехъ миллиардовъ долгу
тяготѣло на самомъ бѣдномъ, рабочемъ сословіи; государ-
ство уже давно изворочивалось доходами за два года впе-
редъ; дѣятельность повсюду прекратилась; многія земли ле-
жали заброшенными; лучшіе работники ихъ бѣжали въ чу-
жіе земли или сидѣли въ темницахъ со скованными руками;
десятая часть народонаселенія обратилась въ нищихъ. Мер-
кантильная система, возведенная Кольберомъ въ идеалъ за-
претительной рутинѣ, истощила послѣднія средства народ-
наго труда и довольства.

Въ такомъ видѣ принялъ Францію регентъ, чело-
вѣкъ без-
характерный, лѣвявый и алчный до грубыхъ наслажденій.

Воспитателемъ его былъ Дюбуа, монахъ безъ вѣры и слова, сынъ нищаго аптекаря, впослѣдствіи кардиналъ и одинъ изъ первыхъ богачей Франціи. Онъ систематически растлѣвалъ умъ и волю своего питомца, основавъ на развратѣ отроческой души свою будущую каррьеру. Онъ достигъ ее; во имя герцога Орлеанскаго, Дюбуа безотчетно управлялъ королевствомъ. Въ то время, когда бездарный и безсовѣстный кардиналъ вертѣлъ государственными дѣлами, регентъ пировалъ среди гарема любовницъ и друзей за бутылкой. «Каждый вечеръ, говоритъ Токвиль, онъ приглашалъ своихъ разгульныхъ товарищей, наложницъ, оперныхъ дѣвченокъ, часто герцогиню де-Бери, людей темнаго званія, но игриваго ума и славныхъ пороками. За этими ужинами одушевляли собесѣдниковъ превосходныя вина и яства; предметомъ говора были скандалезныя происшествія двора и города. Пили, горячились, вели сценическіе споры; наконецъ утомленное общество разлучало гостей; кто былъ покрѣпче, — уходилъ; кто не могъ держаться на ногахъ, — того уносили, и на другой день повторялась та же безумная оргія.» (*Histoire du règne de Louis XV, par V. Tocqueville. T. I, стр. 24*). После мрачнаго убожества Лудовика XIV, въ послѣдніе дни правленія его, веселая и буйная жизнь регента прошла разой по Парижу. Онъ, и особенно министръ его, искали спокойствія и прочнаго положенія въ омраченіи мозга и усыпленіи благородныхъ страстей общества, и общество слишкомъ мало сознавало себя, чтобъ не поддаться ихъ политикѣ; послѣ долгаго раболѣпія, оно приняло разгулъ за свободу и распущенность нравовъ за спусходительность властителя. Аристократія, а за ней и богатая буржуазія, уже съ политическимъ значеніемъ, народпировали то, что происходило въ Тюльери. Только нѣкоторыя лица, недовольныя регентомъ или не хотѣвшія участвовать въ его грубыхъ удовольствіяхъ, поставили себя въ сторону. Такъ герцогъ Шартскій, единственный сынъ его, изъ боязни двора, заключилъ себя въ келью, и короталъ скучные часы уединенія изученіемъ теологіи. Старшая дочь его, оскорбленная поведеніемъ отца, и утомленная свѣтскимъ вздоромъ, бросилась въ монастырь, похоронивъ свою молодость подъ черной рясой игуменьи.

Старые бароны и графы, еще не утратившіе патриархальнаго характера XVII вѣка, скрылись въ наслѣдственныхъ замкахъ. Между тѣмъ, какъ во дворцѣ все праздновало, и герцогъ Орлеанскій полной рукой награждалъ свой сераль и приверженцевъ, государственная казна чахла, общественный кредитъ падалъ, долги росли и налоги увеличивались. Въ такую критическую эпоху является на помощь шотландскій выходець, Лоу. Онъ предлагаетъ финансовую систему, основанную на кредитѣ; «чѣмъ больше денегъ, утверждаетъ онъ, тѣмъ больше труда и народнаго богатства». Убѣжденный въ успѣхѣ предпріятія, онъ открываетъ частный банкъ съ чисто-коммерческими операціями. Банкъ началъ дѣйствовать 2-го мая 1716 года. Вліяніе этого учрежденія было огромное. Когда негоціанты увѣрились въ обезпеченіи размѣнной кассы и въ дѣйствительной силѣ билетовъ, выдача ихъ быстро возрасла. «Милльоны, говоритъ Левасеръ, были розданы мануфактуристамъ. Лавки снова открылись; мастерскія, не задолго упавшія, опять огласились ударами молотовъ и фабрики едва постигали удовлетворять запросу покупателей... Лоу даже думалъ обратить въ обширную мастерскую старинный замокъ, Ринкарваль, имъ купленный: это было полное торжество промышленности надъ развалинами феодализма». (*Histoire des classes ouvrières, par Levasseur. T. II, стр. 344. 1859.*) Черезъ два года, купеческій банкъ Лоу обратился въ королевскій, и, чтобъ дать общественному кредиту новую опору, его соединили съ компаніей западной Индіи. Отсюда начинается рядъ самыхъ дерзкихъ спекуляцій; пылкому воображенію французовъ обѣщаютъ несмѣтныя сокровища въ Америкѣ; въ Парижѣ распускается слухъ, что у береговъ Миссиссиппи открыты неистощимые рудники золота, болѣе чистаго, чѣмъ мексиканское. Путешественники, подкупленные правительствомъ, подтверждаютъ слухи. Съ тѣмъ вмѣстѣ компанія захватываетъ въ свои руки почти всѣ отрасли государственныхъ доходовъ. Въ 1718 году, 4-го сентября ей былъ отданъ монополю табаку и торговля неграмм; въ маѣ сливается съ ней китайское и восточно-индійское общество; затѣмъ къ ней переходитъ самый хщный откупъ генеральныхъ фермъ, съ правомъ управленія ими на десять

лѣтъ; далѣе декретомъ совѣта переданы ей всѣ права, обязанности и доходы генеральныхъ сборщиковъ налоговъ, такъ что, не болѣе какъ въ годъ, сосредоточилась въ ея распоряженіи почти вся финансовая система. Акціи, выпущенныя банкомъ до трехъ миллиардовъ, поднялись вдвое, то есть, достигли въ обращеніи до шести миллиардовъ трехсотъ тридцати трехъ милліоновъ ливровъ. Типографскіе станки работали день и ночь надъ бумажными деньгами, вызывая тысячи новыхъ потребностей и предпріятій. Желаніе заставить акціями, подобно эпидемической лихорадкѣ, овладѣло всѣми сословіями отъ королевской семьи до трактирнаго лакея. Въ улицѣ Кэнкампуа (гдѣ находился размѣнный банкъ), съ шести часовъ утра до восьми часовъ вечера, волны народа стекались, и, съ опасностью смертельной давки, ломались къ кассѣ. За немѣнимъ звонкой монеты для размѣна на ассигнаціи *), приносили брилліанты, жемчугъ и серебряныя сервизы. Курсъ измѣнялся иногда нѣсколько разъ въ день, и кто сегодня уснулъ богачемъ, тотъ завтра могъ проснуться нищимъ. Лоу и даже его любовница сдѣлались предметомъ всеобщаго поклоненія; въ ихъ передней толпились дамы лучшаго общества, ихъ благоволенія заискивали самыя гордыя аристократы. «Въ эту эпоху, продолжаетъ историкъ Лудовика XV, не было ни одного порока, которому бы не подало примѣра высшее сословіе. Опошленіе души соединилось съ развращеніемъ правотъ; куртизаны и даже принцы осаждали регента, чтобъ достать отъ него акцій» (*Histoire du règne de Louis XV*, т. 1, стр. 128). Денежный торгъ, основанный на вѣроятности выгодной сдѣлки или спекуляціи, возмутилъ самыя грязныя страсти; ажіотажъ, открывшій подъ ногами Франціи эту бездонную пропасть, которая не менѣе азіатской чумы поглотила сплъ, талантовъ и состояній легкомысленнаго народа, теперь вошелъ въ общее употребленіе. Каждому лѣнивцу и негодяю хотѣлось разбогатѣть въ нѣсколько часовъ, безъ труда и способности. И, дѣйствительно,

*) Последнимъ декретомъ государственнаго совѣта, отъ 1718 года, вмѣнено было въ обязанность уплачивать покупку акцій ассигнаціями. Слѣдовательно правительство очень рано чувствовало упадокъ своей фантастической системы; но оно пользовалось кредитомъ до послѣдней крайности.

бяржевая игра творила чудеса въ превращеніи состояній. Поземельные собственники, не видя особенной выгоды владѣть малоходными имѣніями, спѣшили продавать ихъ; фермы, зѣмки, сады и парки — все переходило въ акціи; благодарный трудъ земледѣльца и фабричнаго работника, и безъ того убитый въ самомъ развитіи, потерялъ послѣднюю цѣну. Роскошь дошла до необычайныхъ размѣровъ; слуги разъѣзжали въ великолѣпныхъ каретахъ по улицамъ столицы; въ магазинахъ не доставало галуновъ для обмундированія новой аристократіи, порожденной волшебнымъ жезломъ кредита; мѣщане торопились усвоить привычки наследственной знати; драгоценные камни блестѣли на рукахъ и шеѣ у дочерей швейцаровъ и дворниковъ; опера, прежде получавшая не болѣе 60,000 ливровъ въ годъ, теперь считала въ своей кассѣ до 740,000. Однимъ словомъ, «Парижъ, прибавляетъ Токвиль, походилъ на сборище дураковъ, пласавшихъ на кладбищѣ» (т. I, стр. 158).

Но это былъ сонъ восточной сказки; онъ продолжался только три года, и пробужденіе Франціи было ужасное. Воображаемое богатство, безъ дѣйствительнаго фонда, также скоро разсѣялось, какъ было создано. Въ послѣдніе мѣсяцы 1719 года обнаружались первые симптомы финансоваго кризиса. Звонкая монета, *злынувшая за-границу къ тѣмъ торговымъ центрамъ, гдѣ она была полезнѣй*, взяскла. Чтобы облегчить размѣнъ денегъ въ самыхъ мелочныхъ сдѣлкахъ между провинціальными жителями, правительство принуждено было выпустить билеты въ сто, пятьдесятъ и десять ливровъ; вслѣдъ затѣмъ оно запретило, при уплатахъ, выдавать болѣе тридцати ливровъ серебромъ и трехсотъ золотомъ. Съ этой минуты начинаются деспотическія мѣры регента и Лоу, которые увидѣли, къ сожалѣнію, поздно, что ихъ картонное богатство, построенное на мечтѣ, не могло долѣе устоять противъ общественнаго недовѣрія; они хотѣли приказать его, забывъ, что кредиту не приказываютъ. Декреты слѣдовали за декретами; за лицемѣріемъ начался обманъ. Въ концѣ 1719 года официально было объявлено, что сумма выпущенныхъ билетовъ не превышаетъ одного миллиарда, на самомъ же дѣлѣ ихъ было до трехъ миллиардовъ.

Когда собственники не хотѣли больше принимать бумажныхъ значковъ, имъ грозили сбавкой процентовъ до двухъ процентовъ; затѣмъ запрещено было нотаріусамъ, подъ угрозой тяжскаго штрафа, принимать квитанціи для уплаты звонкой монетой свыше ста ливровъ; далѣе было указано не носить драгоценныхъ камней, не дѣлать серебряной посуды и каждому частному лицу не хранить у себя болѣе пятисотъ ливровъ металлической монетой. Съ тѣмъ вмѣстѣ были назначены спеціальныя доносчики, уполномоченные осматривать дома и обыскивать семейства. И что особенно было грубо и произвольно, — по первому доносу полицейскаго агента производились конфискаціи. Но все было напрасно; общественный и частный кредитъ невозвратно погибъ, и съ нимъ лопнула и система ловкаго шотландца. Полицейскій произволъ усиливалъ подозрѣнія и распространялъ страхъ; угнетеніе вызывало ропотъ и онозицію; въ 1721 году наступилъ радикальный кризисъ, недалекій отъ всеобщаго взрыва. Въ народномъ мнѣніи поселилась ненависть къ Лоу, который, бросивъ за собой четырнадцать превосходныхъ имѣній, убѣжалъ изъ Франціи и, къ чести его должно сказать, умеръ бѣднякомъ въ Венеціи. Вокругъ Палэ-Ройяля и въ самыхъ комнатахъ регента бунтовала толпа; парламентъ былъ сосланъ въ Понтуазъ и банкъ закрытъ на нѣсколько времени (*Histoire du système de Law, par Levasseur*).

При всемъ томъ, что система Лоу перепутала частныя интересы, разрушила множество состояній и повлекла за собой повсемѣстное банкротство, она имѣла и хорошія стороны. Она познакомила Францію съ общественнымъ кредитомъ, открывъ въ немъ новый источникъ дѣятельности и богатства; она пробудила духъ частной предпріимчивости и подвинула промышленныя силы. Все зло обрушилось на богатые классы и это, можетъ быть, спасло ее отъ болѣе серьезныхъ послѣдствій. Отрицательная подза ея еще была важнѣе; когда акціи испарились и биржевой ажіотажъ уналъ во мнѣніи общества, производительный трудъ возвратилъ себѣ прежнее значеніе; поземельная собственность сдѣлалась единственной твердой опорой народнаго богатства. Многіе жалѣли о временахъ Кольбера, еще болѣе было

тѣхъ, которые вспоминали Сюлли. Эта реакція въ экономическомъ воспитаніи Франціи была тѣмъ сильнѣй, чѣмъ очевиднѣй обнаружались ошибки и предрасудки прошлаго времени. Мыслящіе умы обратили вниманіе на то сословіе, которое болѣе всего страдало и всего менѣе пользовалось общественнымъ уваженіемъ и пособіями правительства. Философія освѣтила его закрытыя раны и боли, и въ то же время старалась найти средства залѣчить ихъ. Теперь было недостаточно ни сладкаго демократизма Фенелона, ни классической лести фанатика-попа Боссюета; нужно было серьезное изученіе соціального положенія земледѣльцевъ. По мѣрѣ того, какъ гнила и замирала городская жизнь, фантазія человѣка искала идеала въ деревнѣ. Здѣсь, кромѣ природы и красоты ея, еще были признаки жизни, были люди, съ надеждой на будущее. Изъ этой реакціи поэты взяли художественную сторону, а экономисты — положительную. Вождями послѣдняго направленія были фізіократы.

Но въ ихъ ученіи была и другая сторона; мы постараемся раскрыть ее. Когда система Лоу рухнула, разсѣявъ мечты правительства насчетъ бумажнаго богатства, оно обратилось къ старой методѣ, — къ отягощенію народа постоянно возрастающими податями и къ развитію такихъ отраслей государственнаго дохода, которыя поставили и монархію и подданныхъ въ безвыходное положеніе 1789 года. Въ этомъ отношеніи правленіе Лудовика XV справедливо сравниваютъ съ самымъ плохимъ воеводемъ французской исторіи. Оно продолжало Лудовика XIV, но тамъ, по крайней мѣрѣ, было много внѣшняго блеску и нѣсколько истинно великихъ предпріятій; здѣсь ничего подобнаго не случилось. Напротивъ, разорительныя войны, предпринимаемыя королевскими любовницами для развлеченія скучавшаго властителя, были неудачны; и Франція, говоритъ Левассёръ, прогнанная на моряхъ, побитая на сушѣ, униженная на конгрессахъ, заплатила ужасными потерями за ошибки и глупости своихъ правителей» (*Histoire des classes ouvrières*, т. II, стр. 377). Относительно промышленности это царствованіе было подражаніемъ Кольберу, то есть, всѣмъ недостаткамъ его, не имѣя и тѣни ни его таланта, ни любви къ народу.

Въ характерѣ Лудовика XV не было ничего симпатичнаго съ той страной, которой онъ управлялъ, какъ будто нехотя или по ошибкѣ. Воспитаніе его было самое несчастное. Наставникъ его, маршалъ Вильбуа, присяжный льстецъ Лудовика XIV, твердилъ молодому принцу: «Смотрите, государь, смотрите, весь этотъ народъ принадлежитъ вамъ; здѣсь нѣтъ ничего, чтò было бы не ваше.» Послѣ того неудивительно, если Лудовикъ XV привыкъ смотрѣть на Францію, въ двадцать лѣтъ возраста, какъ на родовую вотчину, а въ тридцать, какъ на шахматную доску. Учитель его Флёрн, честолюбивый, но посредственный по уму, старался развить въ юношѣ лѣнность и равнодушіе; какъ монахъ и государственный человѣкъ, онъ заставлялъ его думать чужимъ умомъ и чувствовать чужимъ сердцемъ; такъ онъ приготовилъ ему ту гнетущую аناцію, которая мучила Лудовика XV всю жизнь. И если онъ обязанъ этому монаху нѣсколькими годами спокойнаго и бережливаго царствованія, то ему же онъ обязанъ отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ силъ. Странно видѣть въ половинѣ XVIII вѣка, при среди всеобщаго возбужденія умовъ, короля, не умѣвшаго найти себѣ дѣло, и если онъ и находилъ, то не умѣлъ взяться за него. Любимыя занятія его были охота, загородныя вечернія пирושки и карточная игра. Возвращаясь съ охоты, онъ повѣрялъ до мелочныхъ подробностей замѣтки о гонимыхъ собакахъ и затравленныхъ звѣряхъ; играя въ карты, онъ не стыдился опустошать карманы сенъбуровъ и на другой день снова набивалъ ихъ незаслуженными подарками. Въ то же время король былъ хорошей швеей и любителемъ сплетней; онъ вышивалъ ковры, стряпалъ на кухнѣ, точилъ берестниковыя табатерки и съ жадностью слушалъ анекдоты; посланники его обязаны были присылать ему соблазнительныя хроникки отъ иностранныхъ дворовъ. Въ этой холодной и полусонной душѣ одно чувство не совсѣмъ притупѣло — боязнь будущей жизни и страшнаго суда. Окруженный съ юности іезуитами, онъ надолго сохранилъ ихъ вліяніе. Засыпая въ совѣтѣ или подписывая доклады, не читая ихъ, нерѣдко измѣняя свои декреты по одному минутному капризу, онъ вздрагивалъ отъ одного недовольнаго взгляда учениковъ

Лойолы. Впрочемъ, эта боязнь загробной жизни не мѣшала ему имѣть наложницами трехъ сестеръ изъ семейства Неля и барышничать мукой насчетъ голодныхъ подданныхъ *).

Безхарактерность Лудовика XV преслѣдовала его даже въ семейномъ быту. Скоро охладѣвшій къ Маріи Лещинской, онъ сначала тайно, потомъ открыто вводилъ любовницъ въ Версаль. Выборъ ихъ былъ возведенъ при немъ въ государственное дѣло. И это понятно. Кромѣ безразличнаго сердца короля, въ рукахъ ихъ часто находилась судьба всей Франціи. Отъ нихъ иногда зависѣло объявленіе войны, назначеніе и смѣна министровъ, покровительство или гоненіе писателей; передъ ними ползала та аристократія, которая «показывала народу не только ѣдкое презрѣніе, но вызывала все строгости власти, чтобъ удовлетворить своимъ страстямъ или отмстить за оскорбленную гордость.» Помпадуръ двадцать лѣтъ держала короля подъ вліяніемъ, и даже послѣ болѣзни уличной развратницы не потеряла его пассивнаго расположенія. Когда онъ казался усталымъ, она, для возбужденія его чувственныхъ инстинктовъ, придумывала сладострастныя забавы и игры, устроила въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Версаля *Parc-aux-cerfs*. Это былъ настоящій восточный гаремъ, составленный изъ молодыхъ дѣвушекъ, откупаемыхъ агентами у бѣдныхъ отцовъ и матерей. Здѣсь готовили ихъ къ разврату постепенно, какъ подготавливали жертвы, закланные на алтарѣ злыческаго истукана. И если король останавливалъ внимательный взглядъ на какой-нибудь изъ этихъ огроческихъ жертвъ, она, по приказанію Помпадуръ, немедленно и тайно исчезала изъ парка. Хищность этой женщины не знала границъ; она скопила огромныя богатства, которыя, по смерти ея, перешли къ брату, маркизу Мариньи. Придворная роскошь была непремѣннымъ условіемъ жизни

---

*) Извѣстно, что король, посредствомъ своихъ агентовъ, вмѣшивался въ торговлю хлѣбомъ, увеличивая его цѣну произвольно. Народъ простилъ ему многое, но не простилъ этой безстыдной спекуляціи; онъ мстилъ ему слѣдующей эпиграфой:

Français ne faites plus la mine,
Il rend compte sur le charbon
Des vols qu'il fit sur la farine.

куртизановъ, всё старались перешеголять другъ друга пышностью экипажей, баловъ и украшеніемъ жилищъ. Въ самомъ искусствѣ отразился характеръ мѣщанскаго вкуса Помпадуръ; классическая и грандіозная простота XVII вѣка уступила мѣсто вычурнымъ работамъ скульптуры и живописи. На потолкахъ домовъ начали рисовать амуровъ, наядъ и венеръ; по стѣнамъ висѣли картины, представлявшія женщинъ съ открытой грудью и въ будуарныхъ позахъ; въ нишахъ стояли бюсты красивыхъ фигуръ, съ завитыми волосами, замѣчательныхъ однимъ мясистымъ лѣпообразіемъ; вездѣ вводились рококо и длинныя зеркальныя перспективы. Угрюмыя, но полныя выраженія лица, исчезли со сцены, какъ подѣ рѣзцомъ художника, такъ и въ самой жизни. «Что кажется мнѣ, говоритъ д'Аржансонъ въ своихъ мемуарахъ, признакомъ глубокаго упадка нашей эпохи — это отсутствіе всякаго уваженія къ людямъ честнымъ; между тѣмъ въ тонкомъ плутѣ видятъ и умъ и дарованіе и даже честность.» (Memoires d'Argenson, т. I, стр. 105). То же самое подтверждаетъ лордъ Честерфильдъ въ письмахъ къ своему сыну: «Ловкость свѣтскихъ манеръ сдѣлалась средствомъ добиваться счастья; отъ фигуры, удачной фразы или ловкаго каламбура зависитъ нерѣдко высшее общественное положеніе.» Среди этой толпы привилегированныхъ фиглярровъ, одна личность донынѣ еще напоминаетъ о человѣческомъ достоинствѣ; но онъ бѣжитъ отъ двора въ уединенные мѣста Фонтенебло и съ радостью умираетъ тамъ. (Hist. du règne de Louis XV, par Tocqueville, т. I, стр. 238—368, т. II, стр. 53 и проя. Mémoires d'Argenson. Histoires des classes ouvrières, par Levasseur, т. II, стр. 289—311).

Такъ царствованіе Лудовика XV дѣлится на два періода; въ первый именовъ короля управляютъ Франціей его бездарные министры; во второй — его развратныя наложницы. Трудно самому работѣльному историку отыскать въ этой эпохѣ отрадныя явленія или истинно-человѣчскій подвигъ. Если же и находимъ ихъ, то они были не столько слѣдствіемъ добрыхъ инстинктовъ или благоразумной политики, сколько дѣломъ случая или необходимости. Въ такое правленіе, какъ

обыкновенно бываетъ, злоупотребленія власти должны были особенно рѣзко отразиться на провинціальной жизни.

Провинціи попрежнему раздѣлялись на два разряда — на избирательныя области (*paus d'élection*) и генеральныя штаты (*États généraux*). Въ первыхъ административнымъ управленіемъ завѣдывали интенданты съ неограниченной властью; здѣсь все зависѣло отъ личнаго достоинства избираемаго начальника; если онъ былъ человѣкъ благонамѣренный, его управленіе, если не облегчало, то и не увеличивало зла; но такіе люди были рѣдкимъ исключеніемъ. Во вторыхъ было менѣе произвола, потому что они, въ силу актовъ соединенія, удержали нѣкоторую мѣстную независимость отъ центрального правительства. Внутреннее благосостояніе ихъ было гораздо выше, чѣмъ въ первыхъ. «Здѣсь, говоритъ Вивьянъ, совершались полезныя и важныя труды. Дѣйствительное добро представляло разительный контрастъ съ элективными провинціями.» (*Etudes administrat. par Vivien, т. II, стр. 2*). Но независимость штатовъ постоянно падала; еще въ 1629 году генеральныя собранія Лангедока обязаны были представлять свои бюджеты на утвержденіе короля и составлять засѣданія только одинъ разъ въ годъ, и не болѣе, какъ на пятнадцать дней. Лудовикъ XIV, вырывая съ корнемъ послѣднія остатки муниципальнаго начала, подчинилъ штаты надзору королевскихъ комиссаровъ. «Въ концѣ его правленія, собранія ихъ, продолжаетъ тотъ же писатель, были болѣе потѣхой, чѣмъ дѣломъ; сеньоры имѣли случай щеголять здѣсь нарядомъ; королевскіе агенты — расточать угрозы, хитрости, продажность, чтобъ вырвать подарки (*dons gratuits*), которые власть, не имѣвшая силы установить подати въ свою пользу, принуждена была выпрашивать.» (Тамъ же, т. II, стр. 3). Наконецъ въ 1764 году, при Лудовикѣ XV, уничтожили послѣдніе признаки политическаго существованія штатовъ; счетный контроль, займы и контрибуціи были строго подчинены одобренію королевскихъ чиновниковъ; комуны, безъ позволенія ихъ, не могли протестовать, т. е., онѣ не смѣли вмѣшиваться въ свои собственныя интересы. Вездѣ сдѣлалось необходимымъ присутствіе королевской власти. Нужно ли было перестроить колокольню или огородить поле,

общество испрашивало у интенданта особенное позволеніе государственнаго совѣта. Оффиціальная жизнь повсюду вытѣснила древній обычай самоуправленія, разъединяя сословія и отдаляя ихъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Но чѣмъ шире правительство раздвигало кругъ своей дѣятельности, тѣмъ больше администрація усложнялась и запутывалась. Тамъ, гдѣ прежде было совершенно достаточно одной частной воли, теперь необходимъ былъ спеціальныи законъ и неизбѣжны съ нимъ формы. И такъ какъ духъ времени, особенныя положенія провинцій, смѣсь феодальныхъ началъ съ новыми учрежденіями, постоянное столкновеніе одной власти съ другой, наконецъ самый произволь ея — все это вмѣстѣ не могло дать закону прочнаго основанія, то онъ измѣнялся, изворачивался, противорѣчилъ, каралъ и миловалъ въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. «Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ характеровъ XVIII вѣка, говоритъ А. Токвиль, въ дѣлѣ городского управленія не столько было уничтоженіе всякаго общественнаго участія въ дѣлахъ публичныхъ, сколько необыкновенная подвижность самихъ правилъ, которыми руководилась администрація; права то раздавались, то отбирались, то увеличивались, то уменьшались, измѣняясь въ тысячи видахъ и непрерывно. Ничто лучше не обнаруживаетъ глубокаго упадка мѣстной независимости, какъ это вѣчное передѣлываніе законовъ, на которые собственно никто не обращалъ вниманія. Одно это непостоянство разрушало всякую индивидуальную мысль, всякое уваженіе къ воспоминаніямъ и любовь къ отечеству.... (L'Ancien Regime, стр. 380). Такимъ образомъ, муниципальная жизнь, отстоявшая короля противъ феодализма, безслѣдно умираетъ. Съ паденіемъ ея парламенты не могли имѣть дѣйствительной силы; не выражая ни народной воли, ни юридическаго смысла, они обратились въ пустой призракъ конституціоннаго преданія. На чьей сторонѣ и за кого они стояли? Трудно сказать. Нынче они дѣйствуютъ за одно съ духавенствомъ, завтра съ королемъ; въ одномъ случаѣ они защищаютъ вѣротерпимость, въ другомъ являются врагами ея. Отсутствія принциповъ, самый составъ ихъ изъ привилегированнаго сословія, не имѣвшаго ничего

общаго съ народомъ, лишили ихъ всякаго соціального значенія. Правда, парижскій парламентъ долѣе другихъ сохранилъ первоначальную форму и право демонстрацій противъ королевскихъ эдиктовъ, но въ сущности это была жалкая комедія нѣсколькихъ чиновниковъ. Король могъ разогнать, арестовать непокорныхъ членовъ и закрыть парламентъ, когда ему было угодно, такъ что Лудовикъ XV, уничтоживъ его въ 1770 году, не встрѣтилъ никакой оппозиціи въ общественномъ мнѣніи. Вотъ какъ писалъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ ясныхъ умовъ своего времени: «Уничтожить продажность должностей, возвратитъ правосудію неподкупный характеръ, избавитъ просителей отъ путешествія въ Парижъ, куда они идутъ со всѣхъ концовъ Франціи разоряться, возложить на короля уплату судебныхъ издержекъ предъ трибуналомъ сеньоровъ, не есть ли это великая услуга народу? При томъ неужели эти парламенты не были властью преслѣдующей и варварской? Признаюсь, я удивляюсь тѣмъ сеньорамъ, которые берутъ сторону этихъ надменныхъ и своевольныхъ мѣщанъ. По моему мнѣнію король справедливъ а если ужъ надо служить, то ужъ лучше служить подъ лапой смирнаго льва, который сильнѣе меня, чѣмъ въ когтяхъ у двухсотъ крысъ, подобныхъ мнѣ.» (Тамъ же, стр. 253). Все это доказываетъ, что старая французская конституція была сухой вѣтвью на живомъ деревѣ; ей именно не доставало муниципальнаго начала, безъ котораго можно творить тысячи юридическихъ формъ и учреждений, но если онѣ не вытекаютъ изъ народнаго духа, дѣятельность ихъ чистосполіотивная. Въ этомъ отношеніи Англія представляетъ діаметрально-противоположное явленіе Франціи. Тамъ представительная власть вырабатывалась тяжело и медленно, но всегда вмѣстѣ съ комунѣй, по-крайней-мѣрѣ не въ подрывъ и не во вредъ ей. И чѣмъ сильнѣй становилась комунѣ, тѣмъ крѣпче — авторитетъ парламента. Въ его организаціи доселѣ много недостатковъ и нелѣпостей, но его сила постепенно растетъ и конституція совершенствуется. «Въ комунѣ, говоритъ авторъ американской демократіи, заключается мощь свободныхъ народовъ; коммунальныя учрежденія также относятся къ свободѣ, какъ низшія народныя школы — къ наукѣ.»

(La Démocratie en Amérique, par Tocqueville, т. I, стр. 315). Теперь переверните пирамиду вверхъ дномъ — это будетъ исторія Франціи въ послѣднія двѣсти лѣтъ; между ея правительствомъ и народомъ было много враждебныхъ отношеній, но почти никогда живой связи и единства. «Высшимъ земнымъ желаніемъ образованныхъ умовъ, говорилъ Арнольдъ, должно быть желаніе — принимать дѣйствительное участіе въ великомъ трудѣ правительства.» (On the Constitution, Creasy, London, стр. 5).

Паденіе французской комунѣ тѣмъ печальнѣе, что оно, въ общемъ результатѣ, было слѣдствіемъ чисто-финансовой или фискальной мѣры, дурно понятой. Въ самомъ дѣлѣ, изъ за чего Лудовикъ XIV враждовалъ съ генеральными штатами? Изъ-за денегъ. Его неограниченной власти было мало добровольныхъ приношеній; она желала безусловнаго контроля. Изъ-за чего преемникъ его тѣснилъ ремесленные корпораціи? Опять ради денегъ. Изъ-за чего Наполеонъ I обратилъ Францію въ военный лагерь и администрацію ея въ рекрутскаго наборщика? Опять ради солдатъ и денегъ. Но никто не примѣнилъ эту жалкую политику такъ неловко и грубо, какъ Лудовикъ XV. Уничтоживъ послѣднія гарантіи законодательной и судебной власти, онъ выразилъ ея турецкій характеръ и хотѣлъ безотчетно располагать сборомъ податей, какъ одной изъ главныхъ прерогативъ монархіи.

Главный источникъ государственныхъ доходовъ составляла личная и поземельная подать, называемая *taille*. Она была самой обременительной для народа. Кольберъ уменьшилъ ее до тридцати шести милліоновъ вмѣсто сорока восьми. Не смотря на то, бѣдность деревень, по увѣренію Буагильбера, утроилась. (*Détail de la France*, ч. II, гл. III.) Почему это? потому, что раскладка этой подати была самая произвольная и несправедливая. «Богатые, замѣчаетъ тотъ же экономистъ, почти всегда сваливали подать на бѣдныхъ.» (Гл. VII.) Сборщики, подкупаемые сеньорами и собственниками, дружившіе родственникамъ и пріятелямъ, распредѣлили ее такъ, что приходъ въ тысячу пятьсотъ душъ часто платилъ вдвое противъ прихода въ семьсотъ пятьдесятъ душъ. Притомъ это были люди невѣжественные, иногда неумѣвшіе

писать, смѣняемые каждый годъ безъ всякаго уваженія къ личной способности или честности, и между тѣмъ уполномоченные безмѣрнымъ произволомъ; отъ ихъ собственнаго взгляда зависѣло опредѣленіе налога и оцѣнка состоянія. Здѣсь они имѣли случай вымѣщать зло на недругѣ, притѣснять или мстить тому, кто имъ не нравился. И что особенно удивительно, законъ, принимавшій на себя трудъ мѣтить барановъ или голубей, предоставлялъ простому случаю судьбу двадцати миллионовъ людей. Самый процессъ сбора производился съ комической наглостью; сборщики гурьбой обходили дома и не рѣдко не менѣе ста разъ посѣщали одну и ту же семью, чтобъ взыскать деньги. Если бѣдный крестьянинъ отдавалъ ихъ легко, онъ могъ быть увѣренъ, что на слѣдующій годъ налогъ его надбавится; если же онъ продолжалъ упорствовать или, дѣйствительно, не могъ уплатить, тогда призывались отряды гусаръ или сержантовъ, и начиналась военная расправа. Въ болѣе части случаевъ онъ лучше предпочиталъ послѣднюю мѣру, чѣмъ первую; онъ притворялся нищимъ, какъ гонимый еврей XIII вѣка, доносилъ на своего сосѣда, лгалъ и клеветалъ на близкаго родственника, и тѣмъ готовилъ въ своемъ потомкѣ будущаго полицейскаго тирана Наполеону I-му или III-му. «Есть приходы, говоритъ Токвиль, которые сборщикъ никогда не обходитъ безъ гарнизонной команды.» (Стр. 194.) Гусара, прежде всего, надо было угостить въ кабакѣ или дать ему взятку, чтобъ спастись отъ побой или отъ заключенія въ отдаленной тюрьмѣ, вмѣсто приходской. Въ случаѣ же несостоятельности вѣсколькихъ лицъ въ деревнѣ, забирали скотъ, домашнюю утварь, не разбирая и тѣхъ, кто уже внесъ свою долю. «Самая кровопролитная война, продолжаетъ Буагильберъ, объявленная народу, была бы не такъ разорительна для него, какъ беспорядочное собираніе податей съ народа.» (Ч. II, гл. III.) Небогатые землевладѣльцы, желая избѣжать чрезмѣрныхъ налоговъ и притѣсненій, соединенныхъ съ ними, продавали имѣнія за самую ничтожную сумму дворянамъ *),

---

*) Этою словомъ мы переводимъ *gentilhomme* за неизмѣнимъ болѣе точнаго, въ нашемъ языкѣ. Извѣстно, что къ этому сословію относила

которые были освобождены отъ платежа этихъ податей. При Лудовикѣ XV система осталась въ прежнемъ видѣ; но обманъ и насиліе, вслѣдствіе продажной администраціи, увеличились; толпы нищихъ, порождаемыхъ періодическимъ голодомъ и еще больше королевскими комиссарами, наводнили государство и сдѣлались опасными. Въ 1724 году было издано первое постановленіе противъ уничтоженія нищенства; по примѣру poor-laws Англии, кромѣ строжайшихъ полицейскихъ мѣръ, предполагено было устроить богадѣльни, но недостатокъ капитала остановилъ планъ, ограничивъ его одними жандармскими арестами. Аресты нищихъ раздражали народъ; полиція, пользуясь удобнымъ случаемъ, хватала мальчиковъ за тѣмъ, чтобъ матери являлись для выкупа ихъ. По этому поводу въ Парижѣ вспыхнулъ бунтъ, стихнувшій только передъ вооруженной силой; въ городѣ ходила молва о кровавыхъ баняхъ, и не было ни одного мнимаго или дѣйствительнаго злодѣянія, въ которомъ бы не подозрѣвали короля. Если эта подать была бѣдствіемъ для народа, то она не представляла особенной выгоды и для казны. Въ нее поступало не болѣе третьей части той суммы, которую платило общество.

Вторымъ источникомъ государственнаго бюджета были палогн съ напитковъ (Les aides), отдаваемыхъ на откупъ частнымъ компаніямъ. Компанія состояла изъ людей, «у которыхъ, по выраженію Мерсье, совѣсть была не чище болотной грязи». Все, что можно было взять — они брали; чего нельзя — они выжимали. Въ 1604 году откупъ на десять лѣтъ былъ проданъ правительствомъ за 510,000 ливровъ, а въ 1684 году акцизная сумма, черезъ надбавку от-

---

тотъ разрядъ людей, которые приобрѣтали себѣ привилегированное положеніе жалованными грамотами, покупаемыми у королей. Зажиточный мѣщанинъ (bourgeois), за нѣсколько сотъ или десятковъ ливровъ, могъ сдѣлаться дворяниномъ. Филологическое значеніе французскаго слова *gentilhomme* и англійскаго *gentleman*, одно и то же; но социальное различіе огромное. Достоинство перваго — чисто номинальное, зависѣвшее отъ лоскутка бумаги съ королевской подписью; достоинство втораго — болѣе нравственное, оно опредѣляется общественнымъ мнѣніемъ. Первое потеряло свой историческій смыслъ во Франціи; второе болѣе и болѣе получаетъ силы въ англо-саксонскомъ обществѣ.

купщиковъ, доходила до 21,000,000. При Лудовикѣ XV она удвоилась; не было ни одного напитка, кромѣ воды и кофе, не обложеннаго пошлиной. Изъ оффиціального документа за 1758 годъ видно, что на заставахъ только однимъ провинціальнымъ сенъорамъ платилось пошлины 2,500,000 ливровъ. Откупщики, по временамъ, захватывали къ себѣ почти всю финансовую систему королевства; само собой разумѣется, что они не щадяли ни денегъ, ни втригъ для пріобрѣтенія покровительства свыше; съ ними участвовали втихомолку принцы, министры, и вообще люди, близкіе къ престолу. Эта котерія была самая ненавистная народу; послѣдній расчетъ съ ней принадлежалъ гильотинѣ....

Послѣ откуповъ народъ особенно жаловался на соляныя пошлины (Gabelle). Это была подать, «платимая, какъ говорилъ Вольтеръ, за право ѣсть супъ съ солью». Она лежала на всемъ народонаселеніи; каждый членъ семейства обязанъ былъ покупать опредѣленное количество соли изъ государственныхъ магазиновъ; обыкновенно отпускалось на одно лицо, всякаго пола и возраста, девять и одна шестая ливра, по шестидесяти два ливра за квинталь. За исключеніемъ четырехъ или пяти провинцій, освобожденныхъ отъ этого налога, всѣ прочія были строго подчинены ему. Казна пріобрѣтала чистаго дохода до пятидесяти четырехъ милліоновъ.

Но чтò особенно обременяло и притомъ самый бѣдный классъ, это постройка и содержаніе дорогъ (Corvées). Правительство вышло ихъ, въ видѣ натуральной подати, въ обязанность народа. Каждый крестьянинъ долженъ былъ отдать извѣстное число рабочихъ дней для исполненія этой повинности. Кто не имѣлъ лошадей, быковъ и повозокъ, тотъ принужденъ былъ платить собственнымъ трудомъ, безъ всякаго вознагражденія. Работниковъ обыкновенно отдавали отъ ихъ деревень, такъ что если семейство кормилось трудомъ одного человѣка, оно часто обречено было голоду и нищетѣ за отсутствіемъ его. Строгость приказаній и обращенія, похищеніе скота въ рабочую пору, штрафы и разныя взысканія обратили эту подать въ поголовное бѣдствіе. Невѣжество инженеровъ и воровство начальниковъ вполне вознаграждало себя пѣтомъ и кровью народа. И за всѣмъ тѣмъ

проселочныя и провинціальныя дороги, подалыше отъ столицы, были такъ дурны, что перевозка товаровъ и даже почтовая ѣзда, по временамъ, совершенно прекращалась.

Мы не станемъ говорить о другихъ отрасляхъ этой хитросплетенной финансовой системы, не потому, чтобъ въ нихъ было менѣ злоупотребленій, а потому, что онѣ не такъ были чувствительны для Франціи. Монополя господствовала вездѣ. Государственныя нужды, особенно во время войны, требовали чрезвычайныхъ налоговъ, которые потомъ обращались въ постоянные. Наконецъ дурное управленіе и произволь въ министерствѣ финансовъ запутали его до того, что Лудовикъ XV, смѣнивъ тринадцать генераль-контролеровъ, не находилъ больше охотника на это мѣсто. Онъ хотѣлъ передать его дю-Бари, подъ именемъ и фирмой канцлера Шуазёля; къ счастью, намѣреніе его не удалось. Портфель былъ отданъ аббату Терэ. «Аббатъ, говорилъ ему канцлеръ, мѣсто генераль-контролера свободное; это славное мѣсто, много денегъ дастъ; я хочу вручитьъ его тебѣ.» И эта мрачная, сгорбившаяся фигура, смотрѣвшая изъ подлобья, ложная и вѣроломная, равнодушная къ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ, алчная до денегъ и способная на всякую подлость, стала въ головѣ самаго важнаго и роковаго управленія. Терэ, вступая въ должность, прежде всего постарался заискать благоволеніе дю-Бари, и онъ нашелъ его, упрочивъ за ней 200,000 ливровъ годоваго дохода. Любовница короля не осталась въ долгу у аббата: однажды онъ, отдавая на откупъ порохъ, взялъ съ откупщиковъ 300,000 ливровъ въ подарокъ; эта вродѣлка министра дошла до короля. Аббатъ посѣдѣшилъ отдать всю сумму сполна дю-Бари, и она спасла ему министерство. Сильный такимъ покровительствомъ, онъ пользовался властью неограниченно; онъ позволялъ своимъ кліентамъ открытое воровство, своей наложницѣ Лагардъ публичный торгъ должностями; онъ участвовалъ съ барышниками въ продажѣ хлѣба, поднимая цѣны тамъ, гдѣ было выгодно ему и понижая ихъ въ другихъ провинціяхъ. Уваженіе къ собственности потеряло при немъ даже внѣшнее приличіе; онъ произвольно уменьшилъ ренты, дѣлалъ насильственные займы, разорилъ индійскую компанію, стоявшую

государству, въ продолженіе ста лѣтъ, нѣсколькихъ милліоновъ, возвысилъ старые налоги и распространялъ новые; онъ уполномочилъ сборщиковъ *du vingtième* *) употреблять комиссаровъ для справокъ въ домахъ, до какой степени могутъ восходить ихъ наймы; онъ говорилъ королю: «государь, всё состояніе гражданъ ваши и всё долги короля — государственные долги». Аббатъ стащилъ себѣ огромное богатство, но уничтожилъ частный кредитъ и разорилъ государство. Банкротства, процессы и самоубійства при немъ дошли до необыкновенной цифры; такъ въ 1771 году было двѣсти самоубійствъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Брессе нъ, этотъ политическій вампиръ сосалъ кровь Франціи; извлекалъ деньги отъ каждаго и никому не платилъ государственныхъ долговъ.» Но если предшественники бездушнаго аббата были лучше его въ нравственномъ отношеніи, то нисколько не выше его по способностямъ. (См. *Histoire financière de France*, par Bresson, т. I, стр 18—52 и 527—562. *Histoire du règne de Louis XV*, par Tocqueville, т. II, стр. 113 и проч.)

Гораздо глубже правленіе Лудовика XV повредило промышленности. Не смотря на горькіе уроки прежнихъ эпохъ, оно не воспользовалось ни однимъ изъ нихъ. Продолжая ложно-понятую систему Кольбера, оно отяготило ее новыми злоупотребленіями; подобно XVII-му, XVIII вѣкъ наводнилъ монополемъ всё источники народнаго труда. Ремесленныя корпораціи, уже давно отжившія свой историческій смыслъ, все еще развивались дальше. Съ 1722 года возобновлена продажа цеховыхъ патентовъ (*lettres des maîtrises*), которыя, помимо самой корпораціи, открывали въ нее двери ремесленнику. Эта мѣра была установлена не изъ желанія помочь рабочему классу, а изъ чисто фискальныхъ видовъ. Министръ Лаверди распространилъ ее по всей Франціи, въ 1767 году, чтобъ пополнить опустѣвшую казну, послѣ семилѣтней войны. Съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣльные цехи испрашивали себѣ исключительныя права. Такъ, въ Монпелье купеческая общи-

*) *Vingtième* — такъ называлась двадцатая часть, платимая собственниками съ доходовъ, собираемыхъ съ недвижимаго имущества. Эта подать возникла въ 1749 году, и впоследствии была распространена даже на съѣстные припасы.

на, по королевскому декрету, получила позволеніе имѣть въ одномъ городѣ не болѣе двѣнадцати мастеровъ золотыхъ дѣлъ; парикмахеры Пима энергически протестовали противъ хирурговъ, которымъ парламентъ далъ право завивать волосы и поправлять парики. «Если королевская власть, говоритъ Левасеръ, сохранила тотъ же духъ фискальной системы относительно корпорацій, то корпорація отчего не измѣнилась въ духѣ своего эгонизма». (*Histoire des classes ouvrières* т. II, стр. 351, 352 и проч.). Дѣйствительно, положеніе ремесленника попрежнему было рабское; при Кольберѣ, правительство, по крайней мѣрѣ поощряло его, теперь и этого не было; онъ вполне зависѣлъ отъ хозяина, не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Старшина цеха опредѣлялъ его способности и поведеніе; онъ не могъ, прежде извѣстнаго времени, выйти изъ учениковъ или оставить мастерскую, и ни въ какомъ случаѣ не могъ протестовать — *de facto* — противъ насилія или несправедливости. Впрочемъ въ 1755 году, каждому французскому подданному позволено было свободно переходить изъ одного города въ другой, но и здѣсь положено ограниченіе: четыре лучшіе города Парижъ, Ліонъ, Лиль и Руанъ остались на прежнихъ правахъ, т. е., работники ихъ не могли заниматься на фабрикѣ другого города, кромѣ того, гдѣ они были записаны въ цехъ. Но что было особенно вредно, Лудовикъ XV старался подчинить ремесленный классъ дисциплинѣ. Вѣроятно, опасаясь будущаго развитія новыхъ элементовъ, враждебныхъ абсолютной власти, такъ какъ они были нѣкогда враждебны феодальной, онъ предупреждалъ всякую свободную ассоціацію, запрещалъ собранія и тайныя общества; онъ хотѣлъ приковать работника къ мастерской или цеху, какъ американскій плантаторъ приковываетъ негра къ цѣпи. Все это вмѣстѣ не только убило духъ изобрѣтенія и предпримчивости, но отняло всякую охоту и энергію у индивидуальнаго труда. Французскій ремесленникъ XVIII вѣка не многимъ разнился отъ безличнаго раба древней Спарты или новаго Каира. (см. *Levasseur. Hist des classes ouv.*, т. II, стр. 419 — 436).

Закрѣпляя корпорацію, Лудовикъ XV, въ то же время,

торговалъ служебными мѣстами. Лоу избавилъ промышленность отъ многихъ стѣснительныхъ узаконеній; онъ открылъ границы и порты свободному ввозу кожи, шелка, угля, хлѣба и пеньки; онъ уничтожилъ много должностей на таможенныхъ и рынкахъ, и такъ какъ деньги ничего не стоили ему, то онъ вознаграждалъ упраздненные мѣста очень легко. Лудовикъ XV возобновилъ ихъ. Этого мало; онъ придумалъ и распространилъ много новыхъ. Такъ во всѣхъ ремесленныхъ корпораціяхъ были введены инспекторы, приставные контролеры и смотрители въ купеческихъ общинахъ; за мѣрой, вѣсами, перевозкой и нагрузкой товаровъ, за складкой ихъ въ магазины, за выставкой на площадяхъ, — вездѣ наблюдали особенные чиновники. Въ одномъ Парижѣ число ихъ простиралось до 3,200. Съ увеличеніемъ бюрократіи и полицейскаго надзора, за частными интересами, по необходимости, усложнялось самое законодательство: къ старымъ статутамъ прибавлялись новые; ихъ поправляли, передѣлывали, плодили новыми предписаніями, такъ что въ этомъ хаосѣ регламентовъ терялось всякое чувство законности, и простому купцу, какъ и самому опытному юрисконсульту, не было возможности знать ихъ подробно и точно. Притомъ, когда чувство справедливости существуетъ у народа только на одной бумагѣ, толкованіе и примѣненіе законовъ допускаетъ удивительную эластичность; однимъ и тѣмъ же пунктомъ можно казнить и миловать, обвинять и оправдывать, смотря потому, какъ взглянетъ судья или «какъ варить его желудокъ», выражаясь языкомъ Беккариі. Но чѣмъ же занималось это законодательство? Цвѣтомъ и формой ткани, качествомъ нитокъ, вкусомъ покупателя и производителя; оно предписывало дѣлать бумагу извѣстнаго формата и запрещало другой; оно обязывало накладывать нѣсколько стѣмповъ на фабричнае произведеніе, прежде чѣмъ оно поступитъ на рынокъ. И подъ этой мелкой и липкой тиранніей, оно разумѣло нравственное воспитаніе ремесленника. Теперь трудно представить, съ какими препятствіями соединялось введеніе новаго изобрѣтенія, сколько нужно было средствъ и усилій, чтобъ распространить его въ обществѣ. Спрашивается, съ какой цѣлью правительство втиралось въ область

индивидуальной дѣятельности? Для уничтоженія обмана. «Законодатель, говоритъ Левасеръ, повсюду видѣлъ плутовство, и чтобъ предупредить его, онъ осуждалъ самыя певныя средства для приманки покупателей. Многія постановленія были изданы затѣмъ, чтобъ запретить купцамъ раздавать у дверей или на улицахъ афиши или объявленія, «потому что, прибавляетъ королевскій указъ, они не должны употреблять никакой хитрости для обольщенія покупателей». (Levasseur, т. II, стр. 360). По крайней мѣрѣ, достигалъ ли законодатель своей цѣли? Напротивъ, онъ систематически воспитывалъ фабриканта и потребителя для воровства и контрабанды, принимая это слово въ его же собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какія средства у него были для того, чтобъ предупредить подлогъ или обманъ? Одна строгость наказанія, т. е., средство палки, опредѣленной въ наставники. И нельзя не удивляться до какого цинизма простиралась кара законовъ, душившихъ промышленность подъ гнетомъ формальностей. «Вы знаете, пишетъ Гримъ, въ 1755 году, что всякая цвѣтная матерія запрещена во Франціи. Этимъ запрещеніемъ хотѣли предупредить зло, которое будто бы угрожало нашимъ шелковымъ и льнянымъ мануфактурамъ. Узаконенія эти до того жестоки, что они позволяютъ сторожамъ и комиссарамъ у заставъ, стаскивать цвѣтныя платья съ жепцинь, еслибъ онѣ показались въ нихъ публично. Контрабанда же этихъ тканей наказывается галерами». (Цит. Levasseur. т. II, стр. 361). Галеры и конфискація поражали самыя ничтожныя таможенные проступки. Очевидно, позорнаго столба Кольбера уже было недостаточно, но еслибъ эта система просуществовала еще сто лѣтъ, навѣрное можно сказать, что галеръ и конфискацій также было бы мало: такова участь всѣхъ законодательствъ, карающихъ, но не воспитывающихъ. Притомъ, могло ли, дѣйствительно, самое умное правительство, еслибъ оно состояло изъ однихъ Солоновъ, предупредить всѣ возможные случаи въ обществѣ, гдѣ каждая минута жизни, какъ бы эта жизнь мелка ни была, непременно представляетъ новое явленіе, новую потребность и новую форму? Разумѣется, нѣтъ. Какъ бы ни былъ дальновидѣнъ законодатель, онъ никогда не можетъ предусмо-

трѣть далѣе того момента, въ который является узаконеніе; онъ отнюдь не можетъ угадать и выразить тѣхъ безчисленныхъ желаній, намѣреній и инстинктовъ, которые постоянно измѣняются и должны измѣняться въ душѣ нѣсколькихъ миллионовъ мыслящихъ существъ. Если же законъ, не обращая вниманія на индивидуальное состояніе и развитіе общества, сочиняетъ свой собственный міръ, тогда онъ не предупреждаетъ, а угнетаетъ; тогда онъ охраняетъ не дѣйствительную жизнь, а лишь правила, какъ бы они ошибочны ни были. Такъ это и было — съ фискальной системой Лудовика XV. Она заботилась не объ интересахъ народа, а имѣла въ виду однѣ выгоды привилегированнаго класса; но и въ этомъ горько заблуждалась. Повидному, королевская казна должна была богатѣть, потому что не было ни одного обще-необходимаго предмета, свободнаго отъ пошлины, когда подати постоянно росли и съѣтъ фискальной системы разбросалась по всему королевству. И за всѣмъ тѣмъ Лудовикъ XV былъ бѣденъ; для продолженія послѣдней войны онъ принужденъ былъ продать серебряные сервизы, заимать деньги у придворныхъ кучеровъ для уплаты вошіющихъ долговъ и прибѣгать къ самымъ унижительнымъ просьбамъ передъ частными капиталистами. «Съ перваго взгляда, кажется, замѣчаетъ Сэй, что абсолютнымъ правительствамъ гораздо легче собирать деньги для дѣйствительныхъ или воображаемыхъ нуждъ государства, чѣмъ правительствамъ конституціоннымъ: опытъ доказываетъ противное». (*Cours complet d'économie politique*, т. III, стр. 83).

При такихъ условіяхъ индивидуальнаго труда и промышленности, народъ не могъ наслаждаться счастьемъ. Мы еще повторимъ добросовѣстный отзывъ Вобана, писавшаго королю, что десятая часть Франціи состоитъ изъ нищихъ. (*Dîme Royale*). Такъ было въ концѣ жизни Лудовика XIV. При намѣстникѣ его это состояніе не могло измѣниться. Тотъ же періодическій голодъ, опустошавшій страну, та же запретительная система торговли хлѣбомъ, тѣ же внутреннія заставы и таможи, та же бездарность и хищность въ управленіи финансами, тѣ же гоненія протестантовъ, преслѣдуемыхъ аббатами и «горячей палатой», тѣ же конфискаціи и бѣдность,

но обремененная новымъ полицейскимъ произволомъ и насиліемъ; тотъ же глухой и безсильный ропотъ народа, пздали предвѣщавшій грядущую бурю. Земледѣльцы и ремесленники, благосостояніе которыхъ могло быть единственнымъ ручательствомъ за социальный прогрессъ Франціи, бѣдствовали попрежнему. Такъ въ мемуарахъ д'Аржансона мы читаемъ слѣдующія строки: Въ ту минуту, какъ я пишу это, (въ 1736 году), при полномъ мпрѣ и, повидному, если не обильномъ, то удовлетворительномъ урожаѣ, вокругъ меня умираютъ люди, какъ мухи, отъ бѣдности и голоду. Провинціи Менъ, Ангума, Турень, верхняя Пуату, Перигоръ, Орлеане, Берп—самыя жалкія. Нищета подходитъ къ самому Версалу. Повсюду недостатокъ денегъ и жизненныхъ средствъ; при такой бѣдности зерновой хлѣбъ и съѣстные припасы возвысились въ цѣнѣ; трудъ вездѣ прекратился... Въ послѣднее время герцогъ Орлеанскій принесъ въ государственный совѣтъ кусокъ корневаго хлѣба, который мы дали ему. При открытіи засѣданія, положивъ его на столъ короля, онъ сказалъ: «Государь, вотъ чѣмъ питаются ваши подданные». (Mémoires d'Argenson, 1739 годъ).

Къ такому результату неизбѣжно приходятъ всѣ народы, лишеныя производительныхъ силъ и свободы труда. Защитниками той и другой задачи во Франціи явились фізіократы. Ихъ ученіе не было плодомъ отвлеченной теоріи или капризомъ раздраженнаго чувства; нѣтъ, оно выходило изъ духа самой эпохи, какъ мы это видимъ, и вполне отвѣчалося практическимъ цѣлямъ. Первая заслуга этого ученія въ томъ, что она, рассматривая человѣка въ связи съ матеріальнымъ міромъ, сняла съ него ложно-теократическій характеръ. До него политическая наука, опредѣлявъ одинъ разъ навсегда общественныя нормы, приняла ихъ за аксіомы; въ силу этой теоріи, въ судьбахъ націй играютъ главную роль фирма правленія и чисто-внѣшнія обстоятельства. Такъ напримѣръ, Монтескью создалъ идеалъ возрѣнія на основаніи греко-римской республики, не подозрѣвая того, что у каждаго народа должна быть своя собственная исторія и форма жизни; Гоббесъ, неудавшійся школьникъ Макиавелли, искалъ его въ безусловной тиранніи. Но почему

возникаетъ та или другая политическая форма, почему она срastaется съ одной націей и не удовлетворяетъ другой — эти вопросы остались нетронутыми. Физіократы первые взялись объяснить ихъ естественными законами. Для нихъ нѣтъ общества безъ личной собственности, а личная собственность заключается въ свободѣ труда, т. е., въ неограниченномъ правѣ располагать физическими и умственными силами. Отъ этого вопроса они прямо перешли къ соціальной задачѣ, открывшей имъ множество новыхъ соображеній. На первый разъ они старались опредѣлить главный источникъ общественнаго спокойствія и прогресса; они видѣли его въ богатствѣ, а богатство *), по ихъ ученію, скрывается въ производительныхъ силахъ земли. Поэтому цвѣтущее земледѣліе для нихъ было высочайшимъ совершенствомъ государственнаго устройства. Къ нему должны стремиться всѣ человѣческія желанія, ему должны помогать всѣ средства, потому что только имъ можетъ существовать и благоденствовать народъ. На этой идеѣ Кене построилъ свое собственное царство, въ которомъ развитіе и покровительство агрикультуры должно быть первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ правительства. «Раздѣленіе обществъ, говоритъ Кене, на различные классы гражданъ, изъ которыхъ одни господствуютъ надъ другими, уничтожаетъ общій интересъ націи и вводитъ раздоръ въ частные интересы отдѣльныхъ сословій. Это раздѣленіе разрушило бы порядокъ земледѣльческаго правительства, которое главнѣе всего должно заботиться объ одномъ капитальномъ предметѣ — о процвѣтаніи агрикультуры; она служить органомъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ богатствъ». (*Maximes du gouvernement d'un royaume Agricole*, стр. 81. *Econom. au XVIII s.*, т. XII).

Изъ этого видно, что Кене допускалъ одно дѣятельное сословіе — въ общественномъ устройствѣ — земледѣльческое; его онъ называлъ производительнымъ, всѣ же другія — бесполезными. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ ученіи былъ

---

*) Кене называлъ его словомъ *produit net*, т. е., чистымъ доходомъ, получаемымъ съ произведеній земли, который остается за уплатой расходовъ на обработку ея и проценты съ того капитала, котораго требуетъ эта обработка.

уже зародышь будущей школы коммунистовъ. И та и другая, по неотразимому закону логики, должна была придти къ отрицанію индивидуальной свободы, убивъ ее фатализмомъ. Но медикъ Лудовика XV не умѣлъ развить идеи до яснаго результата; онъ только даетъ предчувствовать, какимъ отвратительнымъ деспотизмомъ могло окончиться его ученіе, по цѣли, въ высшей степени гуманное. Впослѣдствіи ученикъ его, Лемерсье Ларивьеръ, дѣйствительно, впалъ въ эту ошибку. Его «теорія естественнаго порядка политическихъ обществъ», провозгласивъ свободу труда, въ то же время поставила ее въ строгой зависимости отъ внѣшней и случайной силы; онъ и его послѣдователи думали, что для развитія этой свободы надо больше дѣйствовать на королевскую власть, чѣмъ на самый народъ. Мы понимаемъ, что всякая власть, тѣмъ болѣе абсолютная способна къ величайшимъ и самымъ крутымъ переворотамъ, но мы не знаемъ ни одного историческаго примѣра, гдѣ бы привлеченное согласіе охотно поступилось личными выгодами въ пользу противной партіи, мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ социальное возможно-лучшее устройство вытекало бы изъ простаго самоотверженія человѣческаго эгоизма. Возьмите самую богатую англійскую аристократію, и спросите, гдѣ и когда она добровольно уступала наследственные права для облегченія участи нѣсколькихъ милліоновъ пролетаріевъ? Не она ли, напротивъ, образовала изъ колониальной системы строго-обдуманную споліацію Востока? не она ли обратила Ирландію, одну изъ прекраснѣйшихъ частей свѣта, въ пошлицу нищеты и порока? Не она ли, въ продолженіе послѣднихъ столѣтій, оставила безъ измѣненія поземельныя подати и поразила таксами самыя существенныя предметы внѣшней торговли? Не она ли организовала косвенные налоги такъ, что бѣднякъ, покупая фунтъ чаю за шесть пенсовъ, платилъ ту же пошлину, какую богачъ за тотъ же фунтъ чаю, пріобрѣтая его за два шиллинга. «Тѣ, которые отягощаютъ хлѣбъ народа пошлиной, замѣтилъ Фоксъ въ 1842 году, обложили бы таксами свѣтъ и воздухъ, еслибы могли. (La ligue de Cobden, par Bastiat. стр. 109). И когда народъ страдалъ, британская аристократія, съ библіей въ рукѣ, говорила ему:

«ты бѣденъ, потому что слишкомъ расплодился; я приготовлю тебѣ обширную систему эмиграціи, т. е., я отниму у тебя могилы отцовъ, родину, семейный очагъ, и тѣмъ спасу тебя отъ голодной смерти; ты умираешь отъ истощенія, я убавлю часы работы и дамъ каждому семейству корову и нѣсколько метровъ сада, но я сохраню монополь труда и обимѣна, потому что онъ связанъ съ моимъ существованіемъ.» Такъ дѣйствовала англійская аристократія. Наконецъ, почему физиократы ожидали больше отъ посторонней силы и чистаго случая, чѣмъ отъ сознанія и нравственнаго развитія самихъ массъ? Ясно, что они не поняли человѣческой личности вполне; они свели ее съ богословскихъ ходулей Боссюета, но не умѣли поставить на дѣйствительную почву. Ихъ эмпиризмъ та же крайность, только съ другимъ, болѣе тѣлеснымъ, угнетающимъ началомъ. Въ этомъ главная ошибка этой благородной школы.

Притомъ, провозгласивъ превосходство земледѣлія, какъ единственный источникъ производительныхъ силъ, они слишкомъ стѣснили границы человѣческой дѣятельности. Они поставили геній и волю разумнаго существа въ зависимость отъ матеріальной природы, какъ въ послѣдствіи Мальтусъ — отъ клочка земли и урожая картофеля. Нѣтъ сомнѣнія, земля самая благородная кормилица человѣка, но она питаетъ его только по мѣрѣ труда и искусства. Вся наша планета, со всѣми ея сокровищами дана намъ, какъ кусокъ мрамора — художнику; изъ этого куска онъ можетъ извлечь большую выгоду и дать ему высокую цѣну, если только обратитъ его, силой ума, въ изящное произведеніе. Мы видимъ въ Турціи, Ирландіи, Италіи и той же Франціи, что однѣхъ плодородныхъ почвъ для богатства общества недостаточно; иногда бываетъ и то, что онѣ, за недостаткомъ средствъ и орудій для воздѣлыванія, скорѣе обременяютъ, чѣмъ облегчаютъ земледѣльца. Лучшія земли въ Индіи брошены. Напротивъ, мы видимъ много скудныхъ земель, но обращенныхъ въ богатые съ помощію энергіи и руки человѣка. Голландія и Венеція не имѣли никакихъ полей, но въ состояніи были располагать громадными богатствами. Дѣло не въ томъ, земледѣліе или промышленность больше произ-

водить, а въ томъ, въ какой степени трудъ человѣка пользуется данными ему средствами, и какъ эти средства распределяются между отдѣльными членами общества. Важности этого вопроса физиократы не оцѣнили. Честь открытія его принадлежала гениальному шотландцу, Адаму Смиуту. Родившись и образовавшись въ странѣ, гдѣ индивидуальная свобода всегда была краеугольнымъ камнемъ соціальной жизни, онъ взглянулъ на человѣка, какъ на полнаго хозяина своей судьбы и окружающаго міра; онъ возвратилъ ему достоинство, сказавъ: что «изъ труда истекаетъ всякое богатство». Послѣ этой истины, соціальная наука получила право гражданства у всѣхъ народовъ и измѣнила ходъ европейскихъ обществъ. Ей мы обязаны открытіями и лучшими реформами нашего вѣка. Само собой разумѣется, что на этомъ вопросѣ не могъ остановиться. Смитъ только открылъ намъ перистиль, но самое зданіе впереди. Какимъ образомъ эманципировать трудъ отъ монополя, какъ урвать его вознагражденіе между различными сословіями, такъ чтобъ онъ не былъ проклятіемъ и по́томъ для однихъ и орудіемъ споліаціи для другихъ, какъ развить его до возможно-лучшихъ результатовъ въ массахъ и найти въ немъ дѣйствительное счастье человѣка — вотъ задача настоящаго поколѣнія. Послѣ ученія Смита школа физиократовъ не могла дѣйствовать; ея теорія разсыпалась въ прахъ подъ ударомъ шотландскаго философа, который указалъ міру новый путь развитія изъ рыбацѣй хижины Киркголда.

За всѣмъ тѣмъ мы не вправѣ отказать имъ въ тѣхъ неоспоримыхъ заслугахъ, безъ которыхъ можетъ быть не возможно было бы ученіе Смита. Обвинять ихъ въ томъ, почему они не предупредили его, это значило бы тоже, что обвинять предковъ XVII столѣтія, почему они не изобрѣли желѣзныхъ дорогъ, или унижать современниковъ за то, почему они не думаютъ такъ, какъ будутъ думать наши потомки черезъ двѣсти лѣтъ. Не надо забывать, въ какую эпоху физиократы дѣйствовали, въ какомъ положеніи находилась Франція и что такое была ея администрація. Они работали на пивѣ, покрытой, подобно репейнику, предрасудками восьми вѣковъ; они вооружались противъ привилегіи, когда она

господствовала повсюду; они подрывали монополь и меркантильную систему, когда она задушила всѣ отрасли дѣятельности; они преувеличили значеніе земледѣлія, но это неудивительно, потому что они защищали его въ то время, когда всѣ правительства и народы полагали богатство въ деньгахъ; они не поняли сущности труда, но угадали спасительныя дѣйствія его свободы. И въ этомъ главная ихъ заслуга. Здѣсь они являются передовыми людьми вѣка, наставниками Адама Смита. Притомъ фізіократы отнюдь не были такъ односторонни, какъ обыкновенно думаютъ о нихъ; они не требовали никакого исключенія въ пользу своей системы, исключенія вреднаго общему праву. И если личность человѣка не поднята ими на должную высоту, то, по крайней мѣрѣ, они первые положили на нее святую печать любви къ человѣчеству.

Къ этой школѣ принадлежитъ Тюрго. Онъ соединилъ въ себѣ все, что выработали его предшественники и о чемъ думали его современники; онъ очистилъ отъ ложной примѣси ученіе фізіократовъ, и провелъ въ самую жизнь то, что было докзано только теоріей. Какъ мыслитель и государственный человѣкъ, онъ первый во Франціи пркушается слить науку съ политикой и, во имя знаній и честности, облегчить состояніе бѣдной страны. До него на языкѣ министровъ любовь къ народу была пустой официальной фразой; онъ далъ ей дѣйствительный смыслъ, и доказалъ, какъ возвышеніемъ, такъ и паденіемъ своимъ, что безъ нея нѣтъ ни силы у правительствъ, ни жизни у обществъ. «Я узналъ, пишетъ Вольтеръ въ 1774 году, что Тюрго, *государственный* министръ, издалъ эдиктъ, по которому, не смотря на самыя священные предразсудки, каждому жителю Перигора позволено покупать и продавать хлѣбъ въ Овернѣ и каждому Шампенуа можно ѣсть хлѣбъ, купленный въ Пикардіи. Мнѣ случилось видѣть въ самомъ контонѣ кучку земледѣльцевъ моихъ братьевъ, которые читали этотъ эдиктъ подъ липами, называемыми здѣсь *росни*, потому что ихъ посадилъ Росни, герцогъ Сюлли. Какъ! сказалъ умный старикъ, — шестьдесятъ лѣтъ я читалъ указы, которые только лишали насъ естественной свободы, самымъ крючковатымъ языкомъ; но вотъ первый эдиктъ, написанный понятнымъ слогомъ и онъ

возвращаетъ намъ свободу. Въ первый разъ король разсуждаетъ съ своимъ народомъ и подписываетъ узаконеніе, составленное человѣческой рукой. Теперь хотѣлось бы пожить, о чемъ я прежде почти не заботился, но особенно желаю здравствовать королю и министру.» (*Revue des deux mondes*. 1859, decem. 15, стр. 401.) Дѣйствительно, въ первый разъ Франція услышала въ словахъ Тюрго и министра и гражданина, въ одно и то же время.

Но что же это былъ за человѣкъ? Кто внимательно изучалъ внутреннюю физиономію людей XVIII вѣка, тотъ знаетъ, что большая и лучшая часть изъ нихъ отличалась страстнымъ темпераментомъ; въ ихъ безконечной дѣятельности было что-то тревожное, нервное, юношески-горячее, часто лишавшее ихъ того ровнаго такта, которымъ замѣчательны другія эпохи. Это зависѣло, между прочимъ, оттого, что они работали подъ вліяніемъ политическаго стѣсненія; ихъ раздражали препятствія, ихъ энергію подстрекала та же сила, которая хотѣла заставить замолчать ихъ. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, были бы кладнокровнѣе, не подняли бы оппозиціоннаго знамени такъ высоко, еслибъ на этомъ знамени не было слѣдовъ руки палача или тюремной цѣпи. Но раздраженіе души нарушаетъ ея гармонію; оно мѣшаетъ видѣть предметы въ настоящемъ свѣтѣ. Умственная горячка есть особенный родъ лунатизма, въ которомъ фантазія творитъ свой собственный міръ съ своими законами, границами и вещами. Такое состояніе иногда хорошо для поэта, артиста, но не для капитана корабля у подводныхъ скалъ или государственнаго человѣка во время реформы. Въ характерѣ Тюрго ничего подобнаго не было. Его спокойный темпераментъ, всегда осторожный взглядъ, какъ нельзя лучше отвѣчали его общественному положенію. Въ его мнѣніяхъ не было ни рѣзкихъ скачковъ, ни запальчивости; въ его поступкахъ замѣтна строгая выдержанность; онъ оставался вѣренъ самому себѣ во всѣ моменты жизни, что необыкновенно трудно даже въ частномъ быту. Это качество мы могли бы приписать опытности лѣтъ или служебной рутинѣ, которая изъ бездарнаго чиновника легко образуетъ существо, немного похожее на амфибію; но Тюр-

го былъ еще молодъ, когда получилъ министерскій портфель и никогда не переставалъ быть мыслителемъ, какъ бы мелки ни были его обязанности. Его сдержанность и умѣренный тактъ были слѣдствіемъ той внутренней гармоніи, которую даетъ намъ полное развитіе; когда умъ не противорѣчитъ волѣ, а воля совѣсти. Такого свойства люди увлекаются рѣдко, но предположивъ себѣ цѣль, они достигаютъ ее съ бѣльшей твердостью, чѣмъ темпераменты пылкіе. Стойкость и самоуѣренность въ силахъ были главной характеристикой Тюрго. Въ этомъ отношеніи, онъ стоитъ выше многихъ современниковъ, съ болѣе блестящимъ талантомъ и гораздо болѣе громкой извѣстностью. Его любовь къ истинѣ перешла въ потомство, и «этому качеству, замѣчаетъ Кондорсе, напрасно будутъ подражать лицемѣріе пли шарлатанство, напрасно будутъ стараться унижить или оклеветать его». (Eloge de Turgot). Эта черта тѣмъ замѣчательнѣе, что она рѣдко встрѣчается въ государственныхъ людяхъ Франціи; въ числѣ ихъ насчитывается много ренегатовъ, предателей, людей, лишенныхъ всякой политической вѣры, но мало искреннихъ друзей народа; они слишкомъ плохо воспитаны, чтобъ удержаться отъ соблазна служебныхъ интересовъ. Послѣ іюльскихъ дней 1830 года, Лудовику Филиппу только стоило пожелать, какъ Гизо, Тьеръ, Кузэнъ, Вильманъ, Минье, Барантъ и другіе, оставивъ свои кафедры или ученый кабинетъ, бросились на чиновничьи мѣста. Только одна прекрасная личность — Арманъ Карель — устоялъ противъ искушенія: онъ не оставилъ рядовъ народа ради «золотой канцеляріи» префекта. Тюрго былъ человѣкъ другой эпохи и школы; его уваженіе къ истинѣ было неразлучно со всѣми убѣжденіями и дѣйствіями. Когда онъ оставилъ должность пріора въ Сорбоннѣ, онъ въ то же время рѣшился оставить и ливрею католическаго духовенства; товарищи и друзья, предвидя въ будущемъ епископѣ даровитаго адвоката своихъ интересовъ, упрашивали его продолжать начатую каррьеру; они предсказывали ему блестящее положеніе, богатство и почести сановитаго монаха, и на этотъ разъ, конечно, не ошибались. Тюрго, выслушавъ ихъ, отвѣчалъ: «что до меня, я считаю совершенно невоз-

возможнымъ всю жизнь носить маску на лицѣ,» и онъ отбросилъ эту маску. Впослѣдствіи онъ вездѣ искалъ правой стороны и въ каждую обязанность вносилъ духъ безпристрастія. «Я знаю, говорилъ онъ, что у меня будетъ больше враговъ, чѣмъ друзей, но одинъ честный и умный другъ всегда лучше цѣлой тьмы глупыхъ непріятелей». Поэтому люди, отношенія и связи были для него совершенно постороннимъ дѣломъ, когда надо было поддержать народный вопросъ или отстоять справедливость мнѣнія; онъ попеременно боролся то съ парижскимъ архіепископомъ за вѣротерпимость, то съ парламентомъ за облегченіе податей, то съ дворомъ за необходимость реформы, то съ народомъ за предразсудки, и всегда одинъ, крѣпкій единственно своей собственной совѣстью. Замѣчательно, что онъ не принадлежалъ ни къ одной партіи, когда кругомъ его все замыкалось въ особенныя котеріи. Тюрго презиралъ духъ секты, потому что не былъ *человѣкъ стада* и не терпѣлъ посторонняго вліянія въ чистотѣ убѣжденій. «Духъ секты, говорилъ онъ часто, вооружаетъ вражду и преслѣдованія противъ полезныхъ истинъ. Когда независимый человѣкъ скромно предлагаетъ то, что кажется ему истиной, — его слушаютъ, если онъ правъ; его забываютъ, если онъ вретъ. Но когда мыслящіе люди заключаются въ корпорацію, и кричатъ *мы*, думая предписать законы общественному мнѣнію, оно справедливо возстаётъ противъ нихъ, потому что для него нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ законовъ истины. Всякая партія осуждена рано или поздно видѣть свою ливрею на бездѣльникахъ, дуракахъ и самохвалахъ, изъ которыхъ каждый норовитъ попасть въ знаменитость. (См. *Oeuvres de Turgot, par Dupont de Nemours, стр. 47. Oeuvres de Turgot collect. des économ. au XVIII s. t. I. стр. 33 и прочія*). Точно съ такой же независимостью Тюрго велъ себя передъ королемъ; онъ облагородилъ званіе министра, который до него служилъ между дворцовой передней и развратной гостиной дю-Бари. Когда Людовикъ XVI, вступая на престолъ, задумался надъ состояніемъ Франціи, Тюрго писалъ самодержавному монарху съ благородной откровенностью: «Государь, причина зла въ томъ, что ваша нація не имѣетъ конститу-

ціи. Это общество составлено изъ разныхъ классовъ, дурно соединенныхъ, и изъ народа, коего члены едва связаны какими-либо социальными нитями; здѣсь каждый занятъ своей личной выгодой, и почти никто не затрудняется исполненіемъ обязанностей или опредѣленіемъ своихъ отношеній къ другимъ. Въ этой хаотической борьбѣ стремленій и предпріятій, не руководимыхъ ни образованіемъ ни разумомъ, вы обязаны за всѣхъ рѣшать сами собой или посредствомъ своихъ агентовъ. Отъ васъ ожидаютъ особыхъ приказаній даже для того, чтобъ помочь общему благу, чтобъ уважать право другаго или воспользоваться своимъ собственнымъ. Вы принуждены судить и рядить все, и очень часто подъ вліяніемъ частныхъ желаній, между тѣмъ какъ вы гораздо спокойнѣе могли бы управлять общими законами, еслибъ отдѣльные части вашей имперіи имѣли стройную организацію и опредѣленные отношенія». (Тамъ же стр. 75). Въ этихъ словахъ, кромѣ откровенности, ясно выраженъ политическій взглядъ Тюрго. Онъ первый заговорилъ о самоуправленіи, недостатокъ котораго доселѣ чувствуется во Франціи; онъ понималъ, что централизація, поглощая частные интересы, препятствуетъ гражданскому воспитанію народовъ; она поступаетъ, какъ дурной опекунъ, желающій продлить несовершеннолѣтіе юноши ради собственнаго интереса. Но если Тюрго, на высотѣ государственнаго поста, дѣйствовалъ съ достойнымъ мужествомъ, то онъ показалъ его еще больше въ своемъ паденіи. Когда Людовикъ XVI, опутанный интригами тѣхъ,» которые, по выраженію Тальмана, «ѣдятъ насъ,» удалилъ отъ себя министра и предложилъ увеличить его содержаніе, онъ отвѣчалъ королю такъ: «вы знаете, государь мое мнѣніе о денежныхъ обстоятельствахъ; ваше доброе расположеніе было для меня дороже всѣхъ наградъ. Я приму жалованье министра, потому что иначе доходы мои были бы почти втрое меньше того, что я получалъ въ качествѣ лиможскаго интенданта. Быть болѣе богатымъ я не имѣю надобности, и не хочу подавать собой примѣра тѣмъ, кто служить въ тягость государству». (Тамъ же стр. 113). Всѣ эти факты ясно освѣщаютъ нравственный характеръ Тюрго; для него мысль и жизнь, слово и дѣло не были тѣмъ двухцвѣт-

нымъ плащемъ, которымъ драпируются тартюфы нашей эпохи.

Другимъ отличительнымъ качествомъ Тюрго была разносторонность свѣдѣній, необходимыхъ экономисту и государственному дѣятелю. Говоря вообще, всякое специальное знаніе бываетъ полезнымъ знаніемъ только тогда, когда оно построено на широкомъ и прочномъ основаніи общаго образованія. Можно быть хорошимъ химикомъ, лѣкаремъ, инженеромъ, математикомъ, и въ то же время совершеннымъ невѣждой; можно быть превосходнымъ специалистомъ и человекомъ крайне-ограниченнымъ, не имѣющимъ никакого гражданского достоинства. Такія личности, столь обыкновенныя въ настоящемъ поколѣніи, развиваются угловато, подобно тѣмъ несчастнымъ уродамъ, у которыхъ спинной горбъ или брюшные наросты поглощаютъ развитіе головы или ногъ. И въ томъ и другомъ случаѣ диспропорція зависитъ оттого, что одинъ органъ живетъ насчетъ другаго. Нѣтъ спору, эти люди полезны въ матеріальномъ отношеніи, какъ крѣпкіе молотки на кузницѣ или острые топоры въ рукахъ плотниковъ; но они бесполезны и если угодно, вредны въ социальномъ отношеніи. Ихъ человѣческія симпатіи простираются не дальше личнаго успѣха или, по болѣшей мѣрѣ, своего specialнаго интереса; имъ нѣтъ дѣла до-того, что происходитъ въ самой жизни, когда ихъ формула, анализъ или операція хорошо удаются. Кто-то очень мѣтко сравнилъ ихъ съ рыбами, которыя отлично умѣютъ плавать въ водѣ, но въ своей природной стихіи не могутъ дышать. Съ эгоизмомъ, какъ признакомъ умственного кретинизма, у нихъ соединяется поразительная тупость во всемъ, что выходитъ за черту ихъ ремесла. Въ народныхъ вопросахъ, требующихъ энергіи, нѣкотораго самоотверженія, столько же сердца, сколько ума, общество всего менѣе можетъ разсчитывать на нихъ. Въ такія минуты, обыкновенно, они страдаютъ столбнякомъ. Есть другаго рода люди, которые также дѣлаются специалистами, но здѣсь specialность не есть узкая односторонность или забитость мозга; она не опережаетъ общечеловѣческаго развитія, а на немъ возводится и имъ оплодотворяется. И это очень важно; если воспитаніе обра-

зуетъ въ насъ человѣка, тогда всякое знаніе, какая бы ни была его степень и направленіе, служить на пользу; напротивъ, отнимите у него этотъ жизненный элементъ, оно, пожалуй, прибавитъ нѣсколько новыхъ томовъ къ библиотекѣ, нѣсколько новыхъ фактовъ къ наукѣ, но самому обществу ничего не дастъ. Доктрина, какъ египетская тайна, падаетъ съ той минуты, когда образованіе переходитъ въ самую жизнь. Тогда подъ мундиромъ генерала, химика или профессора вы прежде всего видите не простую опору табели о рангахъ, а дѣйствительное существо. Если это вообще такъ, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ спеціальному дѣятелю; его наука обнимаетъ всѣ общественные интересы, страсти и явленія; онъ непременно долженъ быть энциклопедистъ, съ самымъ разностороннимъ образованіемъ и глубокой симпатіей къ человѣчеству. Въ этомъ отношеніи Тюрго можетъ служить примѣромъ для своихъ соотечественниковъ, даже въ настоящее время. Младшій сынъ небогатаго семейства, съ датскимъ происхожденіемъ, онъ началъ свое ученіе въ школѣ Лудовика-Великаго, потомъ перешелъ въ коллегію дю-Плесса и окончилъ его въ семинаріи св. Сюлпиція. Изъ всѣхъ его учителей только одинъ стоялъ выше обыденной посредственности — это профессоръ Сигорнъ, который ввелъ философію Ньютона въ публичное преподаваніе Франціи. Монашеская школа, съ закрытыми дверями и іезуитской дисциплиной, разумѣется, не могла воспитать будущаго защитника свободы труда. Все чтó она въ состояніи была дать ему — матеріальныя средства, для самостоятельной работы, и Тюрго воспользовался ими превосходно, остальное онъ угадалъ инстинктомъ, благодаря свѣжей умственной атмосферѣ, вѣявшей за оградой католическаго заведенія. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, онъ соединялъ рѣдкую любознательность; изъ-за стѣнъ полумертвой семинаріи онъ внимательно слѣдилъ за современными событіями вѣка. Ни одна отрасль знанія не охлаждала его молодого пытливаго воображенія. Нельзя не изумляться, съ какимъ терпѣніемъ онъ проводитъ безсонныя ночи за чтеніемъ книгъ, которыя только украдкой могли попасть въ училище св. Сюлпиція; изучаетъ новѣйшіе иностранные языки тамъ, гдѣ ихъ

никогда не изучали. Онъ говоритъ на латинскомъ такъ хорошо, «какъ только можно было современному знатоку его» прибавляетъ біографъ Тюрго (Dupont de Nemours, стр. 14), онъ знаетъ греческій, еврейскій, англійскій, итальянскій и нѣмецкій. Впослѣдствіи онъ перевелъ съ англійскаго пѣсни Оссиана, исторію Юма и кое-что изъ произведеній Джонсона и Шекспира; съ нѣмецкаго онъ передалъ нѣсколько строчъ изъ Мессіады Клопштока и первую книгу идиллій Геснера; отрывки изъ Циперона, Овидія, Тацита и пастора Гидо были переведены имъ, какъ пробныя работы. Въ то же время онъ занимается математикой, исторіей, философій, политической экономіей, и во всемъ успѣваетъ. На двадцать второмъ году возраста Тюрго — въ числѣ сотрудниковъ энциклопедіи, гдѣ онъ опровергаетъ скептическую систему клойнскаго епископа, Берклея; на двадцать третьемъ году, онъ составляетъ письмо о денежномъ курсѣ (*lettre sur la monnaie*), разрушая послѣднія мечты системы Лоу. Это письмо, составленное подъ вліяніемъ Локка, вѣрно опредѣлило значеніе кредита и бумажныхъ денегъ, такъ вѣрно, какъ впоследствии смотрѣли на тотъ же предметъ Адамъ Смитъ и Сэй; около того же времени, въ качествѣ сорбонскаго пріора, онъ произноситъ рѣчь, въ которой предвидитъ судьбу американскихъ колоній. «Колоніи, говоритъ онъ, подобно плодамъ держатся на деревѣ только до поры своей зрѣлости; развившись до самостоятельности, онѣ дѣлаются тѣмъ, чѣмъ нѣкогда былъ Кароагенъ и чѣмъ будетъ Америка» (*Collect. des économ. au XVIII s. Oeuvres de Turgot, t. I, стр. XVII*). Это было сказано за двадцать лѣтъ до эманципаціи Американскихъ-Штатовъ.

Вотъ то przygotowательное развитіе, которое Тюрго заложилъ въ основу своего спеціального образованія. Съ нимъ можно было взяться за рѣшеніи соціальныхъ проблемъ; и все это онъ приобрѣлъ самъ собой, въ юношескіе годы. По выходѣ изъ Сорбоны, онъ вступилъ въ дѣйствительную жизнь съ отличнымъ образованіемъ, литературнымъ именованіемъ и благородными инстинктами. При всемъ томъ келейное уединеніе школы не могло не оставить на немъ слѣдовъ своей рутинны; въ сочиненіяхъ Тюрго, писанныхъ имъ въ молодости,

при всемъ внутреннемъ достоинствѣ ихъ, при всей свѣжести молодаго чувства, есть запахъ «семинарской гнили». Самыя смѣлыя и яркія идеи часто омрачаются схоластическими воззрѣніями, и любовь къ прогрессу не совсѣмъ свободна отъ аскетическихъ понятій, юношеская рѣчь невольно обличаетъ извнѣ прінятую монашескую ложь. Притомъ, онъ вынесъ отсюда какую-то робость, которая потомъ много вредила ему. Обладая даромъ увлекательнаго слова, онъ былъ застѣнчивъ въ присутствіи постороннихъ. Мать смотрѣла на него, какъ на идіота, потому что онъ былъ мелковокъ и дикъ въ обществѣ; она не могла простить ему незнанія манеръ и этикета, не понимая, что для этого нужна извѣстная пустота головы и сердца. Можетъ быть, дерзость свѣтскаго нахала утѣшила бы ее больше, чѣмъ наивная скромность въ ея сынѣ. За то не было болѣе общительнаго и симпатическаго собесѣдника, какъ Тюрго, въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ.

Послѣдней и лучшей школой его было самое общество. Обративъ на себя вниманіе, какъ даровитый сотрудникъ энциклопедіи *), онъ былъ принятъ въ литературномъ обществѣ Жофренъ. Салоны ея, послѣ знаменитыхъ собраній Рамбулле, были самыя блистательныя въ Парижѣ. Въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ города стояла великолѣпная отель, роскошно обставленная классическими статуями и картинами. Здѣсь каждую недѣлю давались два обѣда — одинъ для артистовъ, на которомъ присутствовали Верне, Ванлоо, Буше, Латуръ, и проч., другой — для литераторовъ, за которымъ были постоянными посѣтителями Даламберъ, Гельведій, Морелье, Гримъ, Гольбахъ, Сэнъ-Ламберъ и ихъ двузья. Ни одинъ замѣчательный иностранецъ не проѣзжалъ столицей, чтобъ не заглянуть въ домъ Жофренъ; здѣсь провели лучшіе вечера своего путешествія Юмъ, Каричоли и Галиани; здѣсь былъ взаимный и искренній обмѣнъ идей всѣхъ націй и состояній; здѣсь Гибонъ щеголялъ эпикурейскими

---

*) Въ Энциклопедіи были помѣщены слѣдующія его статьи: Existence, Expansibilité, Foires, Fondation и Théorie des valeurs. Последняя статья упрочила за авторомъ литературную репутацію и обратила на него вниманіе лучшихъ писателей этой эпохи.

разказами объ Италиі, Рюлье читалъ въ первый разъ свои мемуары, Гольбахъ острилъ и Рейналь хмурился. Въ кругу ихъ предсѣдательствовала свѣтская и умная дама, бывшая жена стекольнаго фабриканта, потомъ любовница регента, другъ Станислава Понятовскаго и Екатерины II. Жофренъ, слышавъ за патронессу энциклопедистовъ, умѣла расположить ихъ въ свою пользу. Ея мягкій взглядъ, серебряные волосы, всегда простая, но изящная одежда, ея ровный тонъ обхожденія и сдержанныя манеры управляли шумными и горлыми спорами гениальныхъ гостей; ея знаніе всѣхъ парижскихъ новостей и обширныя знакомства во всѣхъ слояхъ общества, самая тайна ея прежней жизни интересовали публику. На этихъ вечерахъ Тюрго познакомился съ Монтескью и узналъ Вольтера; эти вечера были для молодаго таланта величайшей школой умственнаго и эстетическаго образованія; здѣсь онъ могъ узнать, лучше чѣмъ изъ книгъ, потребности времени и общества; здѣсь прояснѣли многія изъ его идей и очистились инстинкты. Впослѣдствіи, когда уже онъ былъ министромъ, Тюрго съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этихъ вечерахъ: «здѣсь я дышалъ, пишетъ онъ, новымъ воздухомъ, неизвѣстнымъ за желѣзными рѣшетками Сорбонны; у Жофренъ я встрѣтился лицомъ къ лицу съ тѣми людьми, о которыхъ прежде только могъ слышать или мечтать. Ихъ бесѣда, кромѣ наставленія, оживляла меня надеждой и любовью. Только съ-этихъ-поръ я началъ цѣнить и уважать себя» (*Congrespond. de Turgot*, I. 16). Какъ много смысла въ послѣднихъ словахъ для юноши, который чувствуетъ въ себѣ какія-то добрыя силы и не находитъ имъ симпатичнаго отклика. Благородная самоувѣренность необычайно полезна тому, кто идетъ въ міръ съ пращей Давида противъ Голиафа.

Наконецъ, около 1755 года, онъ вошелъ въ близкія сношенія съ Кене и Гурне. Онъ особенно полюбилъ послѣдняго. Съ нимъ онъ путешествовалъ по Франціи, ощупавъ рукой общественныя язвы, распространенныя повсюду администраціей и запретительной системой. «Съ этого времени, замѣчаетъ Деръ, Тюрго не переставалъ говорить и дѣйствовать за свободу труда» (*Econom. au XVIII*, s. Turgot,

т. I, стр. 33). По смерти Гурне, которая глубоко огорчила любящее сердце Тюрго, онъ отправился въ Монпелье искать утѣшенія близъ Трюдэна, друга и покровителя его официальной карьеры. Отсюда онъ поѣхалъ въ Швейцарію, поѣхалъ въ Женеву, взглянулъ на лѣвый берегъ Лемана и Альпы, и возвратился черезъ Базель и Алзасъ во Францію.

Здѣсь ожидало его новое назначеніе лиможскаго интенданта. Мы не будемъ говорить подробно о служебномъ поприщѣ Тюрго, потому что внѣшняя сторона его не заслуживаетъ особеннаго вниманія, а внутренняя—раскроется изъ анализа самого министерства. Тюрго началъ свою службу съ адвоката; онъ искалъ этого званія, потому что любилъ говорить публично. Въ 1752 году онъ былъ принятъ совѣтникомъ парламента, и вскорѣ за-тѣмъ секретаремъ въ государственномъ совѣтѣ. Представляя рапорты королю и разбирая самые запутанные процессы, онъ отличался яснымъ и строго-логическимъ изложеніемъ дѣла, что было особенно важно при общей темнотѣ двусмысленныхъ законовъ и подъяческомъ языкѣ старой монархіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, имѣя много досужнаго времени, онъ продолжалъ заниматься наукой. Къ этой эпохѣ относится специальная разработка тѣхъ аналогическихъ вопросовъ, которые занимали его въ остальной періодъ жизни. Наконецъ, въ 1761 году онъ былъ назначенъ интендантомъ Лиможа.

Доселѣ Тюрго былъ слишкомъ зависимымъ лицомъ, чтобъ дѣйствовать самостоятельно. Только теперь, въ качествѣ полнаго хозяина провинціи, онъ могъ подумать о примѣненіи своихъ задушевныхъ плановъ. Принимая область бѣдную, разоренную, скудную землей, безъ кадастра и контроля, онъ на всякомъ шагу встрѣчался съ злоупотребленіями и препятствіями. Въ народѣ, привыкшемъ видѣть въ интендантахъ однихъ притѣснителей и людей, совершенно равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ, образовался предразсудокъ, относительно его правителей; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на враговъ, посылаемыхъ въ провинцію для отягощенія его судьбы новыми налогами и формальностями; онъ пересталъ искать въ нихъ помощи и сочувствія, надѣясь единственно на свое терпѣніе и неизвѣстное будущее.. Тюрго

возвратилъ довѣренность народа, и скоро убѣдилъ его въ искреней любви къ общему дѣлу. Гораздо труднѣй было дѣйствовать на самое правительство: онъ, повидимому, потерялъ всякую вѣру въ прогрессъ, всякую надежду на улучшеніе. Слово *реформа* или *нововведеніе* звучало въ ушахъ короля, министровъ и парламента чѣмъ-то зловѣщимъ, и Людовикъ XV, думая, что «*après moi le déluge*» (послѣ меня — потопа), совсѣмъ забылъ, что кромѣ дю-Барри, онъ обязанъ еще нѣкоторыми заботами двадцати двумъ милліонамъ его подданныхъ. Поэтому Тюрго не только не находилъ содѣйствія своимъ цѣлямъ, но долженъ былъ ссориться, настаивать и, почти насильно, вырывать согласіе короля или парламента для утвержденія своихъ преобразованій. Его энергіи на все достало.

Пораженный неравенствомъ и хищнымъ сборомъ поземельныхъ податей, онъ опредѣлялъ норму и лучшей способъ взиманія ихъ. Съ этой цѣлью онъ закрылъ въ своей провинціи двѣ конторы, вѣдавшія сборомъ налоговъ и состоявшія изъ множество праздныхъ чиновниковъ; на-мѣсто ихъ онъ опредѣлялъ комиссаровъ, изъ которыхъ каждому ввѣрилъ небольшой округъ. Онъ далъ имъ самыя подробныя инструкціи; «не пренебрегайте, писалъ онъ имъ, свѣдѣніями объ агрикультурѣ въ каждомъ приходѣ, о количествѣ невоздѣланныхъ земель, объ улучшеніяхъ, какія только возможны, о произведеніяхъ природы, о промышленности жителей, о томъ, что можно посоветовать имъ, о мѣстахъ, гдѣ лучше сбываются предметы торговли, о состояніи дорогъ, и удобны ли онѣ для проѣзда каретъ или только для прохода вьючныхъ животныхъ..... Вы постараетесь, сколько возможно больше, разузнавать о злоупотребленіяхъ всякаго рода, отъ которыхъ страдаетъ народъ; о безпорядкахъ и притѣсненіяхъ администраціи, и народныхъ предразсудкахъ, вредныхъ спокойствію или здоровью общества.» Призывая всѣхъ и каждого помогать его дѣлу, онъ искалъ честныхъ и способныхъ сотрудниковъ во всѣхъ рядахъ общества. «Если вы встрѣтите, продолжаетъ онъ, людей замѣчательныхъ талантомъ, или съ любовью къ наукѣ и искусству, вы обяжете меня увѣдомленіемъ о нихъ. Я постараюсь употребить ихъ

въ дѣло и не дамъ заглохнуть ихъ дарованіямъ.» Въ той же инструкціи онъ рекомендуетъ чиновникамъ кроткое и вѣжливое обхожденіе съ народомъ, вниманіе къ его просьбамъ и жалобамъ, и самъ лично подаетъ примѣръ благороднаго поведенія съ крестьяниномъ. Его оффиціальныя приказы писаны языкомъ яснымъ; въ нихъ нѣтъ ни абсолютнаго тона команды, ни угрозъ наказаніями, ни солдатской фразеологіи его предшественниковъ; они не повелѣваютъ, а убѣждаютъ, растолковываютъ и совѣтуютъ. Въ его кабинетъ часто приглашаются простые ремесленники, фермеры и садовники; со всѣми онъ говоритъ, какъ человекъ и наставникъ; въ его манерахъ и разговорѣ нѣтъ ни презрѣнія, ни барина передъ низшимъ, ни лакея передъ высшимъ. Облегчая подать — вообще, онъ освободилъ отъ нея шестидесятилѣтнихъ стариковъ и отцовъ, обремененныхъ многочисленными семьями; онъ уничтожилъ налоги съ волноваго скота и ослабилъ тысячи узъ, заключавшихъ промышленность земледѣльца и купца.

Вторымъ главнымъ дѣломъ его было преобразование подорожныхъ налоговъ (*corvées*). Онъ перенесъ этотъ каторжный трудъ на самое государство, обязавъ комуны нанимать подрядчиковъ и уплачивать имъ въ счетъ казначейства; Тюрго улучшилъ внутреннія сообщенія провинцій; старыя дороги были вездѣ поправлены, и сто шестьдесятъ миль новыхъ было построено; бѣдные жители, которыхъ штрафъ и тюрьма заставляли работать безъ вознагражденія, теперь охотно участвовали и помогали этой отрасли труда. Въ то же время онъ старался уволить ихъ отъ военныхъ постоевъ, соединенныхъ съ грабительствомъ и всевозможными притѣсненіями солдатъ. Наконецъ онъ открылъ свободную торговлю хлѣбомъ и убѣждалъ рядомъ прекрасныхъ писемъ министра Терэ распространить эту мѣру на всю Францію. Тупой аббатъ возражалъ Тюрго на основаніи общихъ мѣстъ, и если не принялъ совѣта, то долженъ былъ согласиться съ неопровержимыми доводами гениальнаго экономиста. Къ сожалѣнію, эта благодѣтельная реформа встрѣтилась съ голоднымъ годомъ въ Лиможской области. Народъ, подобно дѣтямъ, не видя непосредственныхъ плодовъ свободы, приписалъ ей

случайное бѣдствіе и, поджигаемый партией барышниковъ, негодовалъ противъ нововведенія. Тюрго постарался убѣдить его, доказать выгоды реформы и успокоить взволнованные умы провинціи. Послѣдствія не замедлили оправдать его мысли, и снова и гораздо крѣпче расположили къ нему народное сердце.

Такъ десять лѣтъ управленія Лиможемъ показало что можетъ сдѣлать человекъ, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, съ горячей любовью къ добру и просвѣщеннымъ умомъ. Сосѣднія провинціи завидовали участи Лиможа, Франція обратила вниманіе на маленькій уголокъ юга, и «народъ, говоритъ Деръ, благословилъ перваго правителя, который душевно сочувствовалъ его страданіямъ.» (Collect. des econom. au XVIII s. Turgot. т. I. стр. 42, 105, 107 и проч.) Долго память Тюрго была свято бережена лиможцами; не одинъ старикъ, подъ тѣнью липъ, пожелалъ ему здоровья; многія матери и отцы, въ кругу утѣшенныхъ дѣтей, отвѣчали ему слезой радости и спокойнымъ вздохомъ. Народъ скорѣе прощаетъ своимъ тиранамъ, чѣмъ забываетъ своихъ друзей и благодѣтелей: въ этомъ — его высокая нравственная сила.

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Парижъ. 26-го декабря 1859 г.

РАЙГА.

— Что такое?
..... Житейское дѣло.

— И прекрасно! на что лучше!

— Что здѣсь дурнаго?

— И, конечно, ничего дурнаго.

— Наконецъ, право, что же такое?

— Что дочь съ матерью спорить, это по твоему ничего?

— О, разумѣется, маменька, вы скажете: что это все ученые да воспитанныя; а прежнія дочери не смѣли слова сказать — и я молчу, не скажу болѣе ни слова, сказала дочь огорченнымъ голосомъ, облокотилась обѣими руками на окошко и замолчала.

Окошко было въ садъ; въ саду цвѣли вишни; подъ вишнями густо зацѣла высокая трава, межъ травую пробивалась узенькая дорожка: она, вѣроятно же всего, вела къ колодезю и пропадала въ густыхъ вербахъ. Дочь не смотрѣла ни на вишни, ни въ садъ, ни на дорожку.

— Что жъ? вотъ это оно и хорошо! похвалить можно! начала немного погодя мать. — Съ матерью сидишь часъ битый и слова не выговоришь.

— Ахъ! тихонько проговорила дочь. — Маменька! что же мнѣ дѣлать? начну я говорить — вы сейчасъ едва не сказали мнѣ: молчи! я замолчала — и опять выходить, что я не хочу говорить съ вами.

— Гм! мать всегда виновата.

Дочь не отвѣчала. Самоваръ на столѣ тихонько шипѣлъ, вызванивая на разные тоны.

Странно было бы силиться живописать всякую мелочь; но не хорошъ ли былъ этотъ маленькій крадущійся лучъ, проскользнувшій сквозь золотую съ изумрудомъ сережку невесело склонившейся у окна дѣвушки и потянувшійся трепетной подвижною гранью на середину бѣленькой комнатки, раздѣляя ее на двѣ случайныя половины. Изъ угловъ выступили ему на встрѣчу баночки, стеклянчки, разные хозяйственные связочки, большая бутылъ съ уксусомъ; на лежанкѣ сидѣла красавица рябенькая кошка; тонкій лучъ солнца, какъ замороженный, остановился и сверкалъ у нея въ зеленыхъ глазахъ.

— Брысь ты, поди! усѣлась, вишь, гляди на нее, ворчала мать, вовсе не въ досадѣ на кошку, а на кого другаго.... Вотъ и теперь я, чай, запрещаю ей говорить. Задумалась какъ! было бы еще о чемъ думать. Пьеть, ѣсть готовое и платье носить — слава Богу, пока мать жива: она доставляетъ.

— Ахъ, маменька! Право, иногда слова не принцешь, хотя бы и хотѣла что сказать! съ грустнымъ нетерпѣнiемъ возразила дочь.

— Да такъ, я знаю, съ матерью какія слова! что ей говорить! Много будетъ знать. Извѣстное дѣло, мы сами на ноги подыялись, все знаемъ — люди ученые — гм! что хочешь, скажи намъ, порѣшимъ тотчасъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, въ тонѣ, какимъ они были произнесены и еще болѣе въ прикашливаньи многозначительномъ, было что-то особенное, какъ бы намекавшее стороною на что-то и, видно, не даромъ. Дочка у окна пошевелинулась нетерпѣливо, краешки ея тоненькихъ хорошенькихъ ушей медленно засвѣтились насквозь розовою краской. Она пристально стала смотрѣть на узенькую дорожку: и куда она идетъ, и гдѣ пропадаетъ, не сводя съ нея глазъ.

— На что это тамъ засмотрѣлась такъ, словно, чего вѣкъ не видела!

— На дорожку я смотрю, маменька!

— Подлинно, невидаль какая! Тебѣ же Дашка каждый день по десяти разъ по воду бѣгаетъ.

— Бѣгаетъ, машинально повторила дочь.

— А что? скажешь: не бѣгаетъ.

— Я говорю: что бѣгаетъ.

— То-то, васъ не разберешь. Вы все по своему, по ученому; а мы, старые люди, по простотѣ.... Хочешь чаю?

— Благодарю.

Минуты съ двѣ молчала мать и съ какой-то странно-суровой нерѣшительностію взглядывала на дочь.

— Да что же это, какъ? Благодарю — хочешь, или благодарю — не изволишь хотѣть?

— Я не хочу, покорно благодарю.

— Оно, конечно, такъ; материнскій хлѣбъ горекъ. У чужихъ людей, видно, слаще.... Всѣмъ бы ты обижала меня, дтя мое, да не тѣмъ, что постыла тебѣ моя хлѣбъ-соль!

Дочь оборотилась и отъ изумленія, и въ совершенномъ испугѣ поднялась со стула: въ голосѣ матери слышались почти отчаянныя слезы.

— Развѣ я у тебя мачиха или мать, помилуй Богъ, какая, горько присовокупила она, — что я пожалѣла бы для тебя чашку чаю. Я, можетъ, душу свою готова тебѣ отдать. Вамъ-то кажется, что неученія матери и дѣтей своихъ не умѣютъ любить.

Совсѣмъ растерявшаяся, выступивъ на средину комнаты, стояла, опустя руки по своему шелковому переднику, молоденькая дочь и изъ глазъ у нея капали слезы.

Словомъ: здѣсь произошла одна изъ тѣхъ сценъ, такъ частыхъ и неотвратимыхъ между людьми, несходными другъ съ другомъ, часто ни въ чемъ, что можетъ соединить два разумныя существа, и между тѣмъ, какъ эти люди связаны крѣпкой жизненной долей въ одну родную семью, иногда въ одинъ неразрывный союзъ плоти и духа, не имѣя ничего одинаковаго ни въ мысляхъ, ни даже въ наружномъ проявленіи чувствъ, ни въ побужденіяхъ — когда и самый смыслъ жизни открывается каждому совершенно иначе. Сколько надобно любви, сколько тихой благодати пролить, какъ елей, на эти мелкія язвыны всевозможныхъ столкновеній, недораз-

умѣній, непонятныхъ одинъ другому оскорбленій! Образова-
ніе сближаетъ людей; но для порядочной доли нашего об-
щества, оно, какъ первопрповѣданное Евангельское Слово,
вноситъ знаменательный мечъ, разъединяя мать и дочь, не-
вѣстку и свекровь. Это огонь, вверженный въ средину
насъ — и да пылаетъ онъ, разгораясь все полнѣе и шире,
и какъ отъ небесной теплоты солнца, никто да не укроется
отъ теплоты его! Но у высокаго пламени есть свои мелкія
отлетающія искры, которыя могутъ горѣть вдали, зажигать
или одиноко гаснуть, не пересиливъ сырости, въ которую
попали онѣ....

Но куда попали и мы по вольной волѣ нашего разсказа?—
Въ Сороковку. — Гдѣ это? надобно описать, если не на-
звать прямо.... Но что дѣлать съ описаніемъ нашихъ мѣст-
ностей! Вокругъ до того все широко, привольно и раз-
дольно, что нечѣмъ его обозначить; ничего нѣтъ такого вы-
ступающаго, что бы картинно легло на печатную страницу.
Одинъ просторъ да широта западающей дали, да къ тому
еще зелень, и зелень какъ яркое море. — Вотъ теперь эта
Сороковка.... Если, такъ сказать, поселена вдоль по лугу —
слѣдовательно, можно положить, что довольно живописно по
гористымъ скатамъ и рѣчка какая нибудь навѣрное есть;
ну, берется во вниманіе оживленіе большаго селенія, на что
какъ будто намекаетъ самое имя Сороковки; вѣроятно, цер-
ковь гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ сіяетъ своей главой, раз-
горается маковка святаго креста, — словомъ, отчего бы,
кажется, не описать и, кто съумѣетъ, хорошо? — Да спра-
шивается одно: будетъ ли вѣрно? Логъ ли это по тому
картинному понятію, какое мы привыкли имѣть о логгахъ?
Гдѣ у него заросшая перелѣсками глубь, кудрявый чапыж-
никъ, крутые скаты, обнаженные бока — эти рытвины чер-
нѣющія, повывытыя весенней водою, живописно обозначив-
шійся откосъ глины или мѣла, какое нибудь разнообразіе,
что придало бы краски ландшафту и за тѣмъ картинность
описанію? Ничего не бывало. Это шла и шла казацкая степь,
застилаясь травою, да увидѣла татарина. «Дай-ка», сказала,
«я подползу къ нему» — и поползла, да такъ тихо, осторожно,
понемножку, чтобъ узоглазый не замѣтилъ ее, что ползла

она часъ цѣлый, и начала еще медленно, крадясь приподниматься — оглянуть хотѣла: «а что, вражій татаринъ»? А татарина и слѣдъ простылъ. Степь шелохнулась зеленой травой и пошла своимъ чередомъ.

Вотъ такой это логъ съ чуть-подающимися, медленными, пологими склонами и рѣчка течетъ по немъ; но у этой рѣчки даже береговъ нѣтъ. То есть, оно видимо, что когда-то, въ незапамятные времена, рѣчка текла широко, великолѣпной разливной рѣчкой. Пологіе, разлужистые скаты лога были ея тихими зелеными берегами. Теперь берега, какъ небывалые, широко отступили въ степь; рѣчка течетъ прямо по низкой красноватой травкѣ и имени у нея никакого нѣтъ: такъ она себѣ рѣчка, а по ней сидитъ Сороковка.

— Но у Сороковки же, по-крайней-мѣрѣ, есть имя.... Есть ихъ сорокъ, если вамъ угодно.

Почти на десять верстъ разбросалась, разсыпалась какъ стадо, заглянула во всѣ отвершки лога, загнула по всѣмъ его вольнымъ кривизнамъ и поворотамъ Сороковки: вотъ вамъ Кутки, а вотъ Дубки; вотъ она кружечкомъ сидитъ, Перемелица; сосѣдка ея — Нетуды-хатка; въ ложку Прилѣпы.... Все это хуторки и пониже, и повыше; здѣсь живетъ панъ, а тамъ сама пани и все, какъ ягоды, паны и пани, и хотя бы дорога соединяла ихъ — зачѣмъ вамъ? нѣтъ. Хуторки сами собою, а дорога сама по себѣ: идетъ низомъ, никуда не заворачивая и мѣры верстъ ей нѣтъ: только подбываютъ изъ хуторковъ дорожки. И что за чудный, тихенькій, самостоятельный міръ эти хуторочки! У cadaго стоитъ на вѣтрѣ своя мельница, свой длинный журавль надъ колодеземъ, и бочкомъ, и передомъ столпились и повытянулись бѣленькія хатки; вишневый садикъ есть у cadaго, у всѣхъ свои высокія вербы; въ саду панскія горенки и даже за солью ѣздить не надо: чумаки идутъ мимо и завозятъ соль по Куткамъ и Дубкамъ, по всей Сороковкѣ. И что за диво, что здѣсь живутъ и умираютъ люди, не умѣя показать дороги за десять верстъ! Крымъ они знаютъ по соли; свой уѣздный городъ — по одному имени, да еще они знаютъ славную *Пиставу*; а что весь остальной міръ? Онъ могъ бы очень легко не существовать для Сороковки.... За-

литая зеленой степью, густымъ своимъ вишнячкомъ, Сороковка очень рѣзко и даже картинно выставила на яркомъ сверкающемъ горизонтѣ свои длинные, всторчъ стоящія взводы надъ колодезями. Почернѣлые отъ времени, какъ обгорѣлые и кажущіеся массивными въ легкомъ, сине-трепетномъ, прозрачномъ воздухѣ, они протянулись какъ медвѣжьи лапы и медленно, съ тяжелой усталю бревна опускаются и поднимаются, ведро, покачиваясь, дрожить и брызжетъ сверкающими каплями воды; а свѣжій голосокъ поетъ родную задушевную пѣсенку:

Ой, у саду, въ огороди
Я копала вишни —
Ой, дай мени, Боже!
Жениха пидъ мысли:
Що бъ люлечки не курывъ,
Табаку не нюхавъ —
Чужихъ жиннокъ не любивъ,
Та все мени слухавъ!

Болѣе рѣшительно нечего сказать о Сороковкѣ; кромѣ еще того, что ей удалось привить столько прозвищъ своимъ панамъ и паньямъ, сократить ихъ настоящія имена, кое-что присоединить къ другимъ, — что попасть въ Соровку и отыскать тамъ кого-нибудь потому только, что знаешь его имя, отчество и фамилію, вовсе не легкое дѣло.

Такъ и лицъ заговорившихъ въ началѣ этого разсказа было бы довольно трудно отыскать... Впрочемъ не слѣдовало только спрашивать Катерину Логвинову Ромашенко; а — спросить пани Павлиху-воеводушу. Павлихою Катерина Логвиновна называлась по мужу; а прозваніе воеводши носила еще отъ отца своего свекра. Онъ былъ послѣднимъ окружнымъ воеводою; съ нимъ вмѣстѣ отмѣнилось это званіе; но по самую смерть онъ его сохранилъ, какъ прозвище, и, умирая, передалъ сыну. Отъ сына оно, по наследству, досталось внуку; внукъ умеръ, оно перешло къ женѣ его въ полномъ титулѣ воеводши и даже къ самой правнучкѣ — молодой воеводовнѣ, дочери Катерины Логвиновны. Но хуторокъ пани Павлихи былъ Вербовка и это правда: такихъ высокихъ, прямыхъ и кривыхъ вербъ, и такъ ихъ

много не было нигдѣ въ Сороковкѣ. Къ сторонѣ у плетня, надъ колодеземъ, стояла еще одна старая дупластая верба — «бабуся», ее называли. Къ ней кое-какъ, помощію обруча, прицѣплено было длинное бревно и, съ едва запамятнаго времени стараго воеводы, эта верба понла всю Вербовку, служа ей вмѣсто взвода надъ колодеземъ и другое, что она съ отмѣннымъ успѣхомъ исполняла, это — выводила въ своемъ дуплѣ несчетное множество воробьевъ. Но о положеніи Вербовки надобно сказать пообстоятельнѣе.

Логъ, по которому узорочно лѣпилась Сороковка, загибался при самомъ началѣ, образовывая не очень вѣрный, холмистый треугольникъ; острую оконечность его составлялъ, вдаваясь въ поле, довольно длинный, пологій отвершекъ; по пемь-то приютились Кутки, такимъ образомъ вѣрно носившіе свое имя, отдѣлившись въ уголокъ — въ куточекъ отъ своей Сороковки. Нанскось отсюда, по поперечной кривизнѣ поворота, сынались Петренки, Сидоренки, Трпли, сидѣль въ отдѣлѣ панъ Мокрый и здѣсь же, между хатками, мельничками, вербами и будто сторожевыми взводами надъ колодеземъ, выказывался ангелъ съ послѣдней трубою, вмѣсто креста, на тоненькой деревянной колокольнѣ и сама церковь стояла такъ низменно, что зеленый куполъ ея, въ прозрачныя сумерки, чуть-чуть не сливался съ зеленою степью. А Вербовка открывала уже вступленіе въ настоящую, безраздѣльную, вдоль по Лугу засѣявшуюся Сороковку. Отдѣлившись отъ бѣдныхъ, заброшенныхъ Кутковъ почти на цѣлую версту, оставивши между собою и ими такъ называемую Лисью-балку (маленькій перелѣсокъ, въ которомъ никто не запомнилъ ни лислицъ, ни лѣса, а только зеленый, воспѣваемый въ пѣсняхъ, барвинковъ устилалъ сырую ложбинку, да по краямъ густо засѣлъ тернъ и кустились полевья вишня), — Вербовка вдругъ высоко поднимаетъ свои густыя вербы; чумаки съ дороги приговяютъ понть воловъ къ «бабусѣ»; церковь Божія въ самыхъ глазахъ на ту сторону. Зимой, когда ѣздить по рѣчкѣ прямо черезъ лугъ, это такъ близко, что можно, не полѣнившись, дойти пѣшкомъ; но лѣтомъ дорога идетъ по повороту лога, косогоромъ, загибался къ самымъ Куткамъ; оттуда подіизу лугомъ и на Лисью-балку, что составитъ версть до трехъ;

но какая нужда! Изъ Вербовки все видно по дорогѣ, кто бы ни шелъ, ни ѣхалъ. Съ горшками ли возъ, — такъ и говорятъ, что съ горшками; а не съ чѣмъ другимъ.

Дознано и очень вѣрно, что мѣстность: лѣса, поля, встающіе вокругъ насъ гребни горъ — вся эта, повидимому, такъ безучастно къ намъ и подвластно нашей рукѣ, окружающая насъ природа имѣетъ неотразимое вліяніе на душу и характеръ людей. И, обращая это общее положеніе въ примѣніе къ частному случаю, не любопытно ли было видѣть, какъ ровная — не шумящая лѣсомъ — тихо-зеленая, безпредметно въ ширь раскинувшаяся мѣстность Сороковки такой же неуклонной ровнотою жизни, не многообразной тишью и раздольной, какъ сама степь, широкой безконечностью лежала на своихъ обитателей? Но рѣдко бываетъ самое общее правило безъ исключеній — и Катерина Логвиновна Ромашенко, такъ называемая пани Павлиха-воеводша, довольно замѣтно выступала изъ-подъ помѣстнаго вліянія, такъ ладно приходившагося къ Сорокѣ. Самая ея наружность вела къ особенностямъ. — Женщина въ пятьдесятъ лѣтъ и на головѣ ни одинъ черныи волосъ не засеребрился — высокая, прямая, полная, такая собою хорошая, что дорого было на нее посмотреть! Ротъ свѣжій, глаза каріе, веселые; сама она чернобровая — бойкая, судя по виду, можно бы было сказать, если бы бойкость не предполагала нѣкоторой увертливости движеній и не совѣмъ большой скромности въ словахъ, что никакъ не могло согласоваться съ прирожденной малороссійской важностью всѣхъ пріемовъ Катерины Логвиновны, съ ея сановитымъ достоинствомъ и всесовершеннымъ приличіемъ ея разговоръ. По своему состоянію пани воеводша не могла быть первостатейнымъ лицомъ Сороковки; но за всѣмъ тѣмъ она, какъ лебедь величавая межъ стадомъ сѣрыхъ гусей, выступала впереди всѣхъ сороковскихъ господъ. Она, по преимуществу, была *пани*: и высокой ея воеводскій родъ, и сама она съ виду; держала же она себя такъ сановитоважно; гости нигдѣ лучше ея не угощались; пили предъ обѣдомъ водку изъ старинныхъ серебряныхъ чарокъ; но ни передъ обѣдомъ — никогда бы то ни было, Катерина Логвиновна и въ руки не брала серебряной чары.

Но, кажется, главное отличие пани воеводши, по крайней мѣрѣ, большая часть правъ ея на первостатейность едва ли не заключалась въ томъ, чего не было во всей Сороковкѣ. Въ приемной ея для гостей комнаткѣ, надъ окномъ противъ солнышка, въ клѣткѣ съ кусочкомъ краснаго сукна и кусочкомъ сахара, сидѣла птичка да не чижь, или щегликъ, какъ вначалѣ хотѣлъ всѣхъ завѣрить панъ Мокрый, а сама канарейка — настоящая, желтенькая пѣвушья-канарейка! и здѣсь же въ углу стояли боевые стѣнные часы... Изъ всей Сороковки привозили дѣтей послушать, какъ бьютъ часы у воеводши. Какія постарше, лѣзли на стулья; маленькихъ отцы и матеря поднимали выше себя, надъ головами, посмотрѣть: что за птичка такая канарейка? Одинъ изъ Трилей, называемый обыкновенно въ большую шутиливую ласку Зозуленька-Триль, вспомнилъ, что, когда онъ служилъ въ полку, то слышалъ онъ пѣсню:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня...

Далѣе онъ зналъ, что какъ-то приходилось: *слезна*; но болѣе ничего не могъ припомнить панъ Триль и, когда бы онъ ни пожаловалъ въ гости къ пани воеводшѣ, онъ садился подъ клѣтку съ канарейкою и заунывно напѣвалъ:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня...

Словомъ: канареечка и часы были такія вещи, къ которымъ не могла приглядѣться Сороковка.

Этихъ свѣдѣній довольно, чтобы обратиться къ дочери Катерины Логвиновны.

Съ перваго раза кажется невозможнымъ: какими путями сороковская барышня могло достигнуть того, на что въ досадѣ и съ упрекомъ указывала мать: «люди ученые, воспитанные». Легко понять, что учености здѣсь никакой не было; извѣстна наша ученость:

Всей Европы географья,
По французски ореографья.

Но дочь пани воеводши точно была воспитана въ богатомъ домѣ и подѣ надзоромъ очень утонченной, требовательной дамы.

Долго будетъ обстоятельно разсказывать, какъ все это случилось и тѣмъ болѣе, что случай былъ очень простой, выходявшій изъ столкноенія двухъ-трехъ обстоятельствъ.

Василій Петровичъ О—скій, богатый значительно чело-вѣкъ, съ хорошими связями, во время оно, разцвѣтая (даже значительныя связи не могли помочь ему), за невыразимыя шалости, переведенъ былъ изъ кавалеріи въ пѣхоту и, по распоряженію ближайшаго начальства, поступилъ на особое попечительное вниманіе въ роту къ штабсъ-капитану Романшенкѣ. Что еще и здѣсь проказничалъ онъ! что навелъ хлопотъ бѣдному штабсъ-капитану! и что тотъ вытерпѣлъ за него этихъ пріятныхъ выговоровъ по начальству и замѣчаній по службѣ, такъ это «сила твоя Господи!» брался за голову Павелъ Ведененчъ, такъ звали въ Сороковкѣ Романшенко, вмѣсто Венедиктовича. Можно безъ преувеличенія сказать, что перспектива всегдашнихъ опасеній подвергнуться отвѣтственности за чужую бѣду, утратить свое единственное достояніе, незапятанный формуляръ, побудила штабсъ-капитана, не смотря на то, что ему скоро слѣдовалъ чинъ и что онъ только лѣтъ трехъ не дослужилъ до пенсіона, оставить все и безъ отлагательства подать въ отставку. Лишне говорить, какъ Павелъ Ведененчъ жилъ въ Сороковкѣ; женился онъ еще въ первый годъ своего производства въ офицеры; дѣтей у него было чело-вѣкъ съ пять; но вотъ наступилъ грозный, голодный 833 годъ. Въ слѣдующемъ году дожди, казалось, хотѣли омыть землю отъ предшествовавшихъ бѣдствій засухи и холеры; но бѣдствіе неурожая явилось то же, только вслѣдствіе другихъ причинъ. Отъ частыхъ дождей, хлѣбъ выросъ въ ростъ чело-вѣка и полегъ зеленымъ, сгнилъ на корню. «Божья воля — не переможешь, собираясь тужили люди; и поѣхалъ Павелъ Ведененчъ разжиться гдѣ нибудь хлѣба. Повезъ серебряныя ложки, часы свои (только не стѣнные), свою военную арматуру, состоящую въ дуствольномъ ружьѣ и въ пистолетахъ, будто бы турецкихъ: не заложить-ли гдѣ это добро, или не закабалить-ли себя въ управляющіе, или въ смотрители какіе? Изъѣздилъ онъ разными путями верстъ полтора, ничего не выѣздилъ; добро его было при немъ и уже поворотилъ

было онъ, опуствя голову, домой, какъ попадаетъ среди бѣлаго дня въ большое селеніе. Другой бы увидѣлъ барскій домъ, великолѣпно расположенный на полугорѣ, садъ какой отъ него книзу! легенькія бесѣдки съ разноцвѣтными стеклами, будто плавающія на широкихъ прудахъ; но въ глазахъ у Павла Ведененча остановились два гумна съ несчетными скирдами хлѣба, хлѣбные амбары и за ними онъ ничего болѣе не видѣлъ. — «Чье такое имѣніе?» спрашиваетъ. «Господа живутъ?» — «Изволятъ жить-съ — Василій Петровичъ О—скій». — Батюшка! скажи еще, какъ зовутъ? точно-ли Василій Петровичъ?» своимъ ушамъ не вѣрилъ Павелъ Ведененчъ. «Гдѣ баринъ служилъ? Служилъ онъ въ пѣхотѣ?» — «Всюду-съ», отвѣчалъ угрюмо старый отставной лакей, сосланный въ деревню на покой. Павелъ Ведененчъ далъ ему своихъ послѣднихъ денегъ. «Явлюсь, ей Богу явлюсь!» бормоталъ онъ. Хотя оно, того — подъ командою былъ; ну, да... въ карманъ ее, амбицію! Авось ему Господь на мысль наведетъ, что я изъ-за него повиытерпѣлъ и чай онъ у насъ, бывало, сколько разъ пивалъ; Катенька, мое сердце, вареничками подчивала». И еще болѣе голодный отъ воспоминанія того, что прежде въ изобиліи было и чего теперь вовсе нѣтъ, одѣлся въ мундиръ и явился въ домъ Павелъ Ведененчъ.

«Что вамъ угодно?» довольно рѣзко спросилъ О—скій, показываясь изъ кабинета, съ сигарою и чашкой кофе въ рукахъ. — «Отставной капитанъ Ромащенко.» — «Слышалъ, мнѣ человѣкъ докладывалъ, что вамъ угодно?» — «Служилъ-съ въ такомъ-то и въ такомъ-то пѣхотномъ полку, гренадерской второй ротой командовалъ...» — «Очень хорошо; что же вамъ угодно? Не задерживайте меня; у меня гости.» — «Василій Петровичъ!...» началъ прерывающимся, не своимъ голосомъ Павелъ Ведененчъ. (Онъ думалъ, что его фамилія, потомъ названіе полка и роты напомнятъ Василю Петровичу). «Извините смѣлость такую... Я имѣлъ честь, когда вы изволили быть переведены въ нашъ полкъ, начальство благоволило прикомандировать васъ состоять при моей ротѣ...» — «Ба! то-то мнѣ помнится, что-то знакомое: Ромащенко... Садитесь же, садитесь, господинъ командиръ. Извините, что

не узналъ. Человѣкъ! трубку. Остался кофе? Подать сюда кофе... или, можетъ быть, лучше водки, штабсъ-капитанъ?... Господа, mesdames! продолжалъ громко со смѣхомъ по-французски Василій Петровичь. Извините, въ гостиную не поведу; а не угодно ли кому пожаловать сюда. Я покажу любопытную вещь: своего ротнаго командира... Да можетъ быть, господинъ Ромашенко, вы не ѣли, ѣсть хотите? Я велю накормить. Безъ церемоніи», сказалъ обязательный Василій Петровичь. «Вѣдь нынче, говорятъ, голодный годъ.» Но Павелъ Ведененчъ послѣ сказывалъ, что Богъ его знаетъ, почему оно?... кажется, еслибы онъ три дня не ѣлъ, то и здѣсь бы всѣми святыми побожился, что покорно благодарю, обѣдалъ-съ; а вѣдь ничего, очень добрый человѣкъ Василій Петровичь. И въ самомъ дѣлѣ, онъ оказалъ довольно добра Павлу Ведененчу. Не будемъ разбирать, столько ли онъ его сдѣлалъ; сколько бы могъ Василій Петровичь при своемъ положеніи, при его средствахъ, въ такомъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ могъ животворно обвѣяться воспоминаніями своей буйной, потерянной молодости и, выкупая ихъ, успокоить эту смиренную сѣдоватую голову, довольно терпѣвшую за вздоры и порывы его, еще необразумленной, невывѣтрившейся, праздною головы...

Но, нѣтъ! ожидая всего, не будемъ слишкомъ многого требовать отъ людей. Всякій даетъ, что онъ можетъ дать — и Василій Петровичь далъ четверти съ три хлѣба Павлу Венеденчу, кажется, стогъ сѣна и принялъ его въ управляющіе въ одно свое по-близу небольшое имѣніе, съ жалованьемъ немного болѣе ста рублей серебромъ. Почти пять лѣтъ управлялъ этимъ имѣніемъ хлопотливо-старательный Павелъ Венеденчъ. Онъ бы уже и воротился въ свои сороковскія «палестины» (говоря его собственнымъ выраженіемъ), гдѣ завѣдывала всѣмъ и жила одна съ дѣтьми Катерина Логвиновна; но какъ оставить, не зналъ своего благодѣтеля. «Помогъ онъ мнѣ въ лютое время, а теперь я вотъ и брошу его — помпнай, какъ звали!» И Павелъ Венеденчъ продолжалъ жить вдалекѣ отъ своего семейства, одинъ какъ перстъ, старѣясь въ хлопотливыхъ заботахъ о чужомъ добрѣ и вспоминая съ грустью семью свою милыхъ. О—скій расчи-

талъ своего главнаго управляющаго, замѣтивъ его очевидныя плутни и, до присканія на его мѣсто другаго, поручалъ завѣдываніе всѣмъ имѣніемъ Павлу Венедепчу. Какъ возгордился старикъ оказаннымъ ему довѣріемъ! Онъ будто вдругъ помолодѣлъ. Неусыпно старался быть здѣсь и тамъ, за всѣмъ присмотрѣть; все къ лучшему принаровить и устроить. Василій Петровичъ былъ очень доволенъ въ молчаніи и присканіе поваго управляющаго забылось, или замедлилось на цѣлые два года, пока не умеръ Павелъ Венедепчъ. Въ весеннюю распутицу переправлялся онъ изъ одного имѣнія въ другое, завязъ на логу, провозился цѣлую ночь почти по грудь въ водѣ, получилъ горячку и умеръ, все бредя въ безпамятствѣ пшеницей арнауткою, которую онъ располагалъ гдѣ-то сѣять на избранномъ мѣстѣ. Умеръ старикъ на чужихъ рукахъ, не простившись съ женою, не благословія своихъ пятерыхъ дѣтей! «Жаль, куда какъ мнѣ жаль!» твердилъ О—скій. «Посмотрѣть, онъ будто и немного общалъ, а золотой былъ старикъ.» Василій Петровичъ велѣлъ выдать вдовѣ всѣ сто рублей серебромъ сполна, не смотря, что покойникъ не дослужилъ мѣсяцевъ двухъ и со днями до годичнаго срока — и также не смотря на то, что въ главномъ завѣдываніи имѣніями, ему можно бы было дать что-нибудь болѣе.

Тѣмъ временемъ, у Василя Петровича начала учиться его единственная дочь Лена. Къ ней привезли двухъ гувернантокъ; но для дѣвочки это были два разнородныя ига: ей скучно было учиться одной, гулять съ гувернантками одной и всегда одной. Madame О—ская очень хорошо понимала, что для дочери необходима маленькая сверстница, подруга ей въ играхъ и занятіяхъ... «И какъ нарочно», жаловалась она всѣмъ: «у нашего священника все сыновья!» Думали даже взять дочь у дьякона; но fi donc! Кромѣ всего, такая раскормленная блинами и пирогами, жирная дѣвочка! Татьяна Николаевна не любила толстенькихъ здоровыхъ дѣтей. Въ это самое время Катерина Логвиновна привезла всю свою осиротѣлую семью поклониться на могилу отца. Ихъ призвали въ домъ. Когда хозяйка увидѣла маленькую, бѣленькую дѣвочку и еще такую худенькую отъ лихорадки, — «это намъ

сама судьба посылает!» подумала она по-французски. «Какъ зовутъ вашу маленькую дочку?» — «Людмилочка», отвѣчала Катерина Логвиновна. «*Quel nom!*» посмотрѣла съ удивленіемъ *madame O*—ская на мужа. И хорошенькое имя рѣшило судьбу бѣдной осиротѣлой дѣвочки. Супруги переговорили между собою; потомъ Василій Петровичъ, въ ясныхъ, очень благовольтельныхъ выраженіяхъ, объявилъ Катеринѣ Логвиновнѣ, что, помня услуги ея мужа, онъ думаетъ сдѣлать доброе дѣло и вмѣстѣ отблагодарить покойника, взявши его маленькую дочь къ себѣ на воспитаніе, что она будетъ учиться и содержаться наравнѣ съ его единственной дочерью. «Довольны ли вы, матушка?» добавилъ Василій Петровичъ.

Вотъ вслѣдствіе какихъ мелкихъ, немногозначащихъ обстоятельствъ, дочка пани Павлини воевожди получила одно и тоже воспитаніе наравнѣ съ дочерью богатыхъ, важныхъ людей. И несправедливо было бы сказать, чтобы дѣвочка терпѣла суровости, или нападки какія — нѣтъ, этого не было. Что ей почти всегда случалось голодать, такъ это потому, что ихъ кормили, какъ мышекъ, почти крупинками, чтобы дѣвочки были легенькія, тоненькія, такъ очень любила Татьяна Николаевна. Она изъ двухъ ихъ имецъ составила маленькую фразу и, полулежа на диванѣ, изъ гостиной звала ихъ совершенно дѣтскимъ голоскомъ, будто немного картава: «*Мила-Лена!*» что какъ бы говорила: милая Елена; а между тѣмъ оно было: Мила-Людмила и Лена! подите къ ней. Татьяна Николаевна ждетъ васъ, слегка зажмурясь, полу-запрокидывавая назадъ голову и, какъ кокошь собираетъ подь крылья птенцовъ своихъ, такъ она приподнимаетъ и раскидываетъ кисти и кружева своей мантильи, чтобы вольнѣе обнять васъ и выказать гостямъ, какъ хороши эти молоденькія головки на груди у ней... И все бы было хорошо, Богъ съ ними совсѣмъ! да зачѣмъ это такъ? Взяли маленькую дѣвочку, восемь лѣтъ на глазахъ росла она; вытянулась, какъ стебелекъ въ густой тѣни; ей скоро минетъ семнадцатый годъ — и ничего не видать! На нее не перестаютъ смотрѣть; какъ на ребенка, тѣми же самыми глазами, какъ то время, когда зашнуровали на ней дѣтскій шелковый передничекъ и поучили ее сдѣлать первый реверансъ! Татьяна Николаевна, въ

простодушномъ изумленіи, даже замѣчала: откуда вдругъ у Людмилы такіе умные глазки? «Ты философствуешь, Мила?» спрашивала она. Василій Петровичъ мимоходомъ, будто заигрывая съ восьмилѣтней дѣвочкою, показывалъ Милѣ языкъ и щипалъ ей щеки (потому что, вопреки своей супругѣ, онъ любилъ свѣжія румяныя лица еще поболѣе, нежели Татьяна Николаевна томпыя, матовой бѣлизны). Щеки у Милы жарко вспыхивали; но отъ одного ли прикосновенія неперемонныхъ рукъ Василя Петровича? Она надолго потупляла глаза, — можетъ быть, чтобы Татьяна Николаевна не прочла въ нихъ, что она философствуетъ.

Но доброе дѣло было кончено. Если не Мила, то Лена была уже вовсе не ребенокъ, котораго можно забавить молоденькой подругою—отпустили Милу домой; ласкали, цѣловали ее на дорогу. Татьяна Николаевна даже расплакалась и вовсе непритворно. Будь Мила не Мила — не такая она бѣленькая, хорошенькая, легко можетъ быть и не любилъ бы ее; но Татьяна Николаевна очень любила куда-нибудь въ большое общество, или въ церковь показаться съ двумя молоденькими дѣвушками по сторонамъ. Всѣ такъ широко разступаются; она становится въ городѣ, въ соборѣ на видномъ мѣстѣ; чувствуетъ маленькое безпокойство нервъ отъ духоты *этой толпы*... «Мила, мой ангелъ! вы не забыли?» говорить она довольно слышно по-французски. Дочь спѣшить принять у нея молитвенникъ, или бинокль Татьяны Николаевны, потому что она близорука; а Мила такимъ ловкимъ граціознымъ движеніемъ передаетъ маленькой, 'затянутой во французской перчаткѣ рукою граненный хрустальный флаконъ. «Какая изящная группа!» сказано было какимъ-то заѣзжимъ львомъ — и эта группа разстроивалась. Но какъ бы то ни было, а очень нѣжно и съ большою любовью разстались благодѣтели съ своей воспитанницею. «Смотри, Мила, плутовка! ты позабудешь насъ», прищуриваясь и грозилъ пальцемъ Василій Петровичъ. Лена цѣловала Милу, сжимала ей обѣ руки и требовала писать къ ней, писать... «Нѣтъ, Мила, тебѣ грѣхъ будетъ, я тебя такъ люблю... не забывай насъ», говорила съ одышкой огорченія Татьяна Николаевна. «Ты будешь гостить у насъ, пріѣзжай къ намъ, Мила! Смо-

три, не выходи же безъ меня замужь... Бѣдная Мила! гдѣ она тамъ возьметъ себѣ жениха — какъ это деревня, позабываю? Со-ро-ков-ка.»

Но Мила, не безъ слезъ, а рада была, какъ новому платью, своей Сороковкѣ... Нѣтъ, надобно сказать болѣе. У нея были слишкомъ умные, ясные глазки, чтобы они хорошо не видѣли разницы между существованіемъ, хотя повидимому блестящимъ, но вполне зависимымъ: гдѣ все изъ милости, все не твое, а чужое; гдѣ ничего не хотятъ оставить памяти задушевнаго чувства, а при каждомъ случаѣ выставляютъ тебя на показъ, какъ мѣрку своихъ великихъ благодарній, — разницы, говорю, передъ этой пустой и простой, и очень простой, но вольной, своей собственной, никому необязанной жизни. Милу очень впечатлительную, живую, развитую образованіемъ, обступили, какъ навѣвающійся сонъ, воспоминанія почти забытаго дѣтства. Эта старая верба-бабуся! кланялась ей Мила. «Здравствуй, бабуся!» и бабуся, будто отвѣчая поклономъ на поклонъ, нагибала къ колодезю ведро. «Дай я напьюсь», нехотя пила, черная изъ ведра прямо горстью веселая, всѣмъ довольная Мила. А сколько она ѣла! Завтракала и прежде еще немножко подзавтриковала, обѣдала, полдничала, забравшись въ густыя вишни и кормя остатками своихъ трапезъ собакъ, сорокъ и воробьевъ. Воробьи тучами проносились надъ Вербовкою и, спускаясь почти у самыхъ ногъ Милы, оглушали ее крикливымъ, неугомоннымъ чирканьемъ, заводили драки за крошки, потѣшала очень Милу, самымъ забавнымъ образомъ принявшую изучать нравы воробьевъ. Но воробьи, хотя и прожорливые, а слишкомъ маленькія птички. Съ нихъ довольно и одиѣхъ крошекъ; но тѣмъ, кто повыше и позначительнѣе гораздо стаи воробьевъ, давала ли что-нибудь щедрая Мила? напимѣръ, своей Сороковкѣ? Послѣ восьми лѣтъ, такъ прекрасно употребленнаго отсутствія на образованіе ума и сердца — возвратившись, что новаго, что хорошаго Людмила Павловна внесла въ свои родныя мѣста? А! очень много хорошаго. Свою хорошенькую развитую талию, свой милый изящный поклонъ, локоны съ умѣвьемъ такъ къ лицу легко подвить и откинуть ихъ; наконецъ старое фортепяно безъ

двухъ басовыхъ струнъ, подарокъ Татьяны Николаевны и новую прелестную шляпку, бѣлую съ тремя мшистыми розами у низенькой тульи, такъ чудно живыми, что двѣ сороковскія барышни просили позволенія однимъ пальчикомъ притронуться къ нимъ, чтобы увѣрить себя, точно ли цвѣты дѣланные? И я еще забыла, какую снисходительную улыбку полу-пренебреженія привезла Людмила Павловна, и какъ она охотно дарила ея и всѣхъ, и все въ Сороковкѣ.

Молода она была, слишкомъ неопытна, чтобы остановить внимательный взглядъ и рассмотреть, что вокругъ нея такое происходитъ? А происходила замѣтная борьба. — Мать ея, какъ нѣсколько можно было видѣть, женщина съ достоинствомъ и съ характеромъ, съ большимъ самоуваженіемъ къ себѣ, замѣчала, что у нея странное, необычайное водворилось въ воеводской Вербовкѣ, Хозяйка она и словно не хозяйка; дочь ли, мать ли старшая въ домѣ? Людмила Павловна встаетъ поздно и весь домъ поднимается къ ея уходамъ. Чтобы не затѣвать дважды самовара, ея милость ждутъ чай пить; она не поспѣвая, исподоволь совершаетъ свой туалетъ. Мать успѣла уже устать и нахлопотаться по хозяйству; а Мила, ничѣмъ не озабоченная, свѣженькая, садится у окна, пьетъ непремѣнно жиденскій чай, поддѣваетъ шутя канарейкѣ и не шутя, рассказываетъ, что надобно бы забить и заколотить знаменитые часы, чтобы они не били и не покушались звонить — что это уши разрываются, какъ они шипятъ, хрипятъ и, понатужась, едва ударятъ разъ и потомъ опять жди два, — что пока они пробьютъ двѣнадцать часовъ, такъ уже давно четверть перваго. Людмила Павловна не научилась еще знать, что иногда не такъ обидишь человѣка, обижая его самого, какъ задѣвая его въ чемъ-нибудь такомъ, что хотя изъ пустой фантази, да дорого ему. Она виновата была неумышленно. Часы именно такъ шипѣли и хрипѣли; послѣ каждаго своего удара, какъ-будто давились имъ; но взять все это виѣстѣ, оно казалось Катеринѣ Логвиновѣ чѣмъ-то въ родѣ сильнаго непочтенія, неоказываемаго уваженія. По любви своей, она все бы допустила Людмилѣ Павловнѣ: и поздно вставать, и ничего не дѣлать; готова была не дать на нее порошинки сѣсть;

но вѣдь только въ плохихъ романахъ человѣкъ ведется исключительно однимъ какимъ-нибудь чувствомъ, въ дѣйствительной же жизни эти исключенія бываютъ совсѣмъ рѣдко и не надолго. Перекрестный огонь нашихъ большихъ и мелкихъ стремлений и ощущеній движетъ насъ и толкаетъ туда и сюда. — Пани воеводша наталкивалась на подозрительную мысль, какъ сказано выше — что, — можетъ, это дочь и не уважаетъ ее, что такіе ея поступки? А не уважаетъ потому, что она, видите, воспитанная; а мать хотя и не воспитанная, да мать.... И глубоко огорченная въ душѣ, сознавая свои неотъемлемыя права, пани воеводша рѣшалась показать то, что она мать. Но пропуская многое, на чемъ бы точно можно было остановить со всею дѣльностью и разсудкомъ, она, какъ это водится, привязывалась къ совершеннымъ пустякамъ. Мила широко открывала глаза и не вѣрила своимъ ушамъ. Нѣсколько разъ ошеломленная, какъ можно было видѣть въ самомъ началѣ разсказа, она рѣшалась молчать и не отмалчивалась. Материнская любовь дѣлала пани воеводшу прозорливою. Она понимала, что дочь тѣмъ болѣе терпитъ, чѣмъ покорнѣе молчитъ. Такъ или иначе, часто съ новой болью для себя и для нея, она желала заставить говорить дочь и здѣсь какою ворчливою и придирчивой являлась пани воеводша!

Но любопытно видѣть, какъ люди простые, обыкновенно вѣрные одному своему природенному чувству, взволнуются имъ, напугаютъ, какъ буря лѣтомъ, и еще скорѣе порыва бури стихнуть; волненіе въ нихъ улегается безъ слѣда, какъ камень брошенный въ воду: разбѣжался кругъ и нѣтъ ничего.

Не прошло и получаса, какъ мы оставили пани воеводшу почти до слезъ взволнованную и разогорченную, какъ ей казалось, въ чувствѣ ея материнской любви; и уже пани воеводша обставилась штофами и полуштофами, и съ преспокойной заботою переливала уксусъ изъ большой бутылки.

Мила, улыбая, сидѣла на прежнемъ мѣстѣ у окошка. Воробей на подоконникѣ чиркалъ передъ нею. Осмѣлившіеся

взлетѣть сюда, завидя крошки, нахаль уже не обращалъ вниманія, что здѣсь лежала рука Людмилы Павловны; хватывалъ крупинки почти изъ-подъ самыхъ пальцевъ и какъ-то задорно попрыгивалъ и поварачивалъ въ садъ свою кофейную головку, гдѣ на ближней вербѣ обсѣли всѣ нижніи вѣтви ея и съ крикливымъ шумомъ вспархивали и перелетали воробьи. Это, однакоже, мало-по-малу увлекло Милу. Кажется, ей захотѣлось испугомъ наказать самодовольнаго хвостуна и она стала потихоньку пододвигать руку....

— Ахъ, воръ! легонько вскричала она съ шутливой досадою.

Воробей клюнулъ ее въ палецъ и улетѣлъ.

— Кто воръ? что такое? отозвалась надъ укусомъ пани воеводша. И когда ей объяснили, въ чемъ дѣло: — дитя мое, дитя мое! проговорила она съ тихой нѣжностію: — и куры тебя домашнія заклюютъ, когда отъ воробья ты не могла оборониться.... Такъ это ты сама укладывала, что не приходила чай пить и чашка твоя совсѣмъ простыла?

Вопросъ сполина относился къ той первоначальной сценѣ, которая и поднялась-то именно изъ-за этой простылой чашки. Людмила Павловна утвердительно отвѣчала, что — да, укладывала въ дорогу вещи она сама.

— И очень нужно самой! А Дашка-то что дѣлаеть?

Какъ-то Мила не разслышала этого вопроса и, заглядывая пристально въ окно, сказала:

— Какое вынче утро тихое, ясное!

— Утро утромъ; а Дашка-то, я спрашиваю: отчего не изволила потрудиться уложить? Эй, кто тамъ? Кликните Дашку.

— Ея нѣтъ, маменька. Я ее послала въ лугъ за цвѣтами.

— И дѣло, дитя мое. У насъ всегда такіе распорядки: надобно укладываться, а тутъ Дашка иди, цвѣты рви. Балуется Дашка.

— Утро прекрасное, потирая себѣ слегка лобъ рукою, проговорила Мила.

Но прекрасное замѣчаніе осталось безъ отвѣта. Людмила Павловна въ саду и подъ вишнями, казалось, въ густой

травѣ искала, что бы такое сказать, чтобы только заговорить и не сидѣть молча. Нечаянно она взглянула по дорогѣ къ церкви.... (Я еще не сказала, что было воскресенье). Отъ церкви, раздѣляя народъ православныхъ по сторонамъ, показались эти дрожки, называемыя «пролетки», запряженные тройкой, не очень завидной масти, булашыхъ лошадей. Но надобно отдать справедливость, лошади шли отлично, какъ одна, ровной, какой-то веселою рысью. Долгогривая пристяжная, которая съ правой стороны видна была, разсыпала изрѣдка хвостъ; не рвалась она и не прыгала, какъ бываетъ у записныхъ любителей удалой ѣзды, а вся понатянувшись, выказывая широкую грудь и, отогнувъ не много голову, и еще слегка понуривъ ее, неслась, забирала крупную рысью и, какъ золотая, отливалась отъ солнца. На дрожкахъ сидѣлъ мужчина въ сѣроватомъ картузѣ, что оказалось послѣ; но теперь въ отдаленіи и при яркомъ свѣтѣ сіяющаго весенняго утра, всѣ цвѣта принимали усиленный блескъ и на господинѣ картузъ казался совершенно бѣлымъ. Фантастически-удлиненные тѣни лѣгонькаго открытаго экипажа и бѣгущихъ широкогрудыхъ, долгогривыхъ лошадей падали внизъ по косогору и лугомъ; по росистой равнинѣ, черезъ рѣчку, шагая гигантски, неслась эта чудесная, вполне поэтическая тѣнь.

— Маменька! сказала вдругъ, живо оборачиваясь, Людмила Павловна и такимъ голосомъ, въ которомъ была своя доля маленькаго испуга и какъ бы досады, небольшого смущенія или, что еще вѣрнѣе, непріятной внезапной неожиданности, поразившей ее... Кто-то ѣдетъ, маменька, по дорогѣ отъ церкви.

— Куда же ты идешь? подожди. Кто бы это ѣхалъ? Мужчина, что ли?

— Мужчина ѣдетъ.

— Да что ты, голубка моя, какъ воды въ ротъ набрала: говоришь и не говоришь? Вотъ бѣда, нельзя мнѣ укуса оставить.... Мужчина, да кто такой мужчина? Лошади-то какія?

Очевидно, что по лошадямъ ли, по сѣрому картузу или по чему бы то ни было, только Людмила Павловна знала

хорошо, кто это ѣдетъ. Но она избѣгала объявить матери. А пани воеводша, наклонивши съ большимъ трудомъ и предосторожностями почти двухведерную, огромную бутылъ съ уксусомъ, не могла же вдругъ бросить все: лейку и штофы, и бѣжать смотрѣть къ окну, кто тамъ такой ѣдетъ.

— Ты мнѣ скажи только: лошади-то какія? допрашивалась она у дочери. Не Мокраго рыжія?

— Нѣтъ, это не Мокраго. Лошади желтыя, что ли? дрянныя какія-то.

— Вотъ тебѣ грѣхъ какой! удивилась пани воеводша. Такой масти лошадей и не слыхано... Ой! что-то ты не то говоришь, Людмила Павловна. На-ка поддержи бутылъ, я сама посмотрю.

Людмилѣ Павловнѣ этого, какъ Богъ знаетъ чего, не хотѣлось. Она немножко покраснѣла, медленно встала отъ окна, чтобы идти къ матери, и на двухъ шагахъ у нея что-то сдѣлалось у башмака; она наклонилась, потомъ поднялась, очень милымъ, смущеннымъ маленькимъ движеніемъ, поправляя назадъ небольшіе завяточки волосъ, чуть надавшіе ей на бѣлую шейку.

— И какая вамъ охота, маменька, безпокоиться! Еще уксусъ неравно прольется. Пусть бы ѣхаль, кто-тамъ ни ѣдетъ. На что онъ нуженъ намъ?

— Охота, или не охота, про то я знаю. Изволь-ка поддержать бутылъ; я сію минуту...

Пани воеводша, кажется, что-то догадывалась. Она, во все не поспѣшав, подошла къ окну и не ахнула, не оказала никакого знака удивленія, только вздохнула стоя. Ей будто довольно было однимъ глазомъ взглянуть, чтобы увидѣть, кто это ѣдетъ и чьи лошади. Напослѣдокъ она оборотилась къ дочери.

— Такъ вотъ это — будьте здоровы, пани воеводовна! — у всѣхъ желтыя лошади? И ты не изволишь знать, кто такой ѣдетъ? Позволь уже я скажу...

— Не безпокойтесь, маменька, возразила Людмила Павловна. Я очень хорошо знаю; это ѣдетъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Отвага ли, или неожиданность этого отвѣта была такова, что замолчала Катерина Логвиновна.

— Хорошо, сказала она. Прошу тебя теперь мнѣ толкъ дать, я вѣдь человѣкъ темный, кнпгамъ не ученый, — какииъ это родомъ такииъ то вы знаете, а то ты вдругъ не знаешь?

— Маменька милая! возьмите отъ меня бутылъ, чтобы я могла хотя взглянуть на васъ. Я стою къ печкѣ лицомъ и боюсь пошевелиться.

Катерина Логвиновна приняла бутылъ.

— Извольте. Вотъ и бутылъ тебя не тяготитъ... Такъ какъ же это такъ? По какому учсию мать душой дѣлаютъ?

— Маменька! вы обижаете самое себя, сказала дочь. Разумѣется, я знала и сейчасъ увидѣла, что это ѣдетъ Алексѣй Леонтьевичъ; но за чѣмъ?... приостановилась немного Людмила Павловна... Вы сами знаете, почему я избѣгала сказывать вамъ.

— Ничего я не знаю! важно возразила пани воеводша. Я только то знаю, что Затолока, Алексѣй Леонтьевичъ, дѣлалъ вамъ честь и намъ, по совмѣстности, тутъ же, искалъ согласія вашей руки и что вы, не спросивъ ума, не сказавъ матери ни добраго ни худаго слова, изволили отказъ ему дать на всѣ четыре стороны и еще ты оскорбила, обидѣла человѣка!...

— Вотъ чего я избѣгала! горячо, даже зарумянувшись вся, сказала Людмила Павловна. Упрековъ, этихъ разныхъ намековъ и укоризнъ, которыя при имени Алексѣя Леонтьевича, третій день осыпаютъ меня... Я не привыкла къ этому.

— Къ чему? спросила пани воеводша. Правду-то слушать? Къ этому, голубка моя, и вѣкъ не привыкнешь. Правда глаза колетъ.

— Какая правда, маменька? — Я не говорю, чтобы я вовсе была не виновата: но въ чемъ однакоже? Развѣ я обязана выходить за всякаго и кто еще черезъ пятыя руки объяснитъ мнѣ свое удовольствіе имѣть меня женой!

Молодая дѣвушка, совсѣмъ разогорченная, едва не плакала и только ее удерживала гордость.

— Маменька! Алексѣй Леонтьевичъ ѣздитъ къ намъ, какъ онъ ѣздитъ ко всѣмъ...

— Ну, будетъ почаще немножко, остановила ее мать.

— Пусть и чаще, я не буду спорить. Онъ вашъ знакомый старинный; вы съ нимъ едва не дѣтей крестили...

— Не крестила, сказала пани воеводша.

— Очень жаль. — Бываетъ онъ у насъ запросто, прямо отъ обѣдни. Приѣзжаетъ иногда такъ рано, что я сплю.

— Ну, да спишь ты всегда допоздна.

— Хорошо; я и на это согласна... Будетъ ему лѣтъ за сорокъ...

— И не будетъ, Людмила Павловна, извините. Ну, подь сорокъ будеть; а за сорокъ не насчитывай!

— Подь-сорокъ, за-сорокъ — все равно. Могла ли я думать что-нибудь? Миѣ и въ голову не приходило. Мы, случалось, шутили съ нимъ, что онъ вовсе не глупъ, этого никто не отниметъ у Алексѣя Леонтьевича. Веселый онъ; вы говорите, что единственный хозяинъ; онъ прекрасно рассказываетъ всякіе малороссійскіе и не малороссійскіе анекдоты и у него ихъ бездна. Далѣе, я только знаю, что Алексѣй Леонтьевичъ куритъ тѣ же самыя сигары, какъ тамъ, у О—хъ, самъ Василій Петровичъ курить; что у него на вискахъ сѣдые волосы и его буланья лошади, которыя прославились по Сороковкѣ.

— Только? спросила Катерина Логвиновна. Говоришь ты хорошо, дитя мое, да не договариваешь.

— Позвольте, я сейчасъ договорю. — Были мы третьяго дня у Петренковыхъ; я пошла съ барышнями въ садъ, — откуда ни взялся Мокрый, подходитъ ко миѣ. Вы знаете, какой онъ. — «А вы все цвѣточки рвете!» киваетъ миѣ головою. «А вѣтъ, чтобы о дѣлѣ подумать.» — «О какомъ?..» Что другое я могла ему сказать? О такомъ: разогналъ онъ онъ всѣхъ и вдругъ начинаетъ миѣ говорить, что Алексѣй Леонтьевичъ поручилъ ему узнать: какого я объ немъ мнѣнія и приму ли я его предложенье? Я была разсержена, разумѣется, я очень удивилась и не помню, какъ я сказала: «полноте, вздоръ какой! человекъ старый, ему сорокъ лѣтъ,

я не хочу...» Да и что другое я могла бы сказать пану Мокрому? Пусть умѣютъ выбирать своихъ ходатаевъ.

— Ну, сказала выслушавши все до конца пани воеводша: теперь ты, голубка моя, совсѣмъ оправдалась. Виновата-то кошка, что бѣжала мимо... Слушала я тебя; не поскучай и ты меня послушать.

Пани воеводша поставила бутылъ, взяла со стола чистое полотенце и утерла имъ губы.

Самая живая житейская мудрость не могла бы говорить наставительнѣе, толковитѣе—такъ оно чинно, каждое слово къ дѣлу, съ разстановкою, съ чувствомъ достоинства...

— Разогорчила ты меня, — начала пани воеводша... Нѣтъ, стой, мое дитя! обожди говорить... Не тѣмъ ты меня много огорчила, что тамъ сказала, или не сказала ты, не спросилась матери—это наше дѣло, свое домашнее; сору изъ избы не вынесемъ, да какимъ ты родомъ отказъ дала? Вотъ чѣмъ ты меня, какъ пожемъ, по сердцу прошла! Черныя брови свои сдвинула пани воеводша. — Кому, кому, голубка моя, уже Богъ и люди простятъ, не зная ему благоприличія, да не тебѣ, Людмила Павловна, другъ ты мой! Ты у меня ученая, не за печкой гдѣ у матери жила, а въ большомъ домѣ, между хорошими всегда людьми обхожденіе имѣла, — и тебѣ передаютъ предложеніе, искательство твоей руки отъ прекраснѣйшаго, могу сказать хорошаго такого человѣка, — и ты прямехонько въ отвѣтъ (утѣшила мать): «какой старій: я не пойду!...» Да еще начала года ему высчитывать!

— Маменька! развѣ я хотѣла? Я вовсе не думала. Это нечаянно.

— Чайно, или нечаянно, другъ ты мой, да старые люди такъ намъ говорили: что трехъ вещей на свѣтѣ воротить нельзя: стало быть, т. е., невинности, да потеряннаго времени, да еще сказаннаго слова.

— Кончили вы, маменька?

— Нѣтъ еще, дочь моя; я буду говорить. — Все бы еще, и то и сѣ, будь это человѣкъ такой — съ конца свѣта взятый; а то человѣкъ истинно знаемый; съ матерью его мать твоя вѣкъ свой изжила; да и съ нимъ, по какой частъ,

не забывали мы родительской пріязни. Вотъ уже болѣе десятка лѣтъ и въ Сороковкѣ не живетъ; Алексѣй-то Леонтьевичъ въ гору пошелъ, съ большими господами вѣдается; а когда онъ не со всякимъ уваженіемъ ко мнѣ—что говорится, почтеніемъ?

— Маменька, скажите прямо: вы хотѣли бы меня отдать за Алексѣя Леонтьевича?

— Хотѣла бы, или не хотѣла, дитя мое, не о моемъ хотѣньи рѣчь идетъ; а о томъ, чтобы мнѣ матерински, какъ самъ Богъ повелѣлъ, наставить тебя, оберечь твою молодость. Видно, книги-то не все говорятъ, хоть и много въ нихъ писано. Миръ умнѣ насъ всѣхъ; а миромъ идутъ поговорки: кто спѣшитъ, людей смѣшитъ; дурной женихъ сватается, хорошему дорогу показывается. Что бы тебѣ случилось—убыло ли бы тебя, дорогаго дитя моего, когда бы ты не поспѣшила, да отпавила Мокраго, Матоія-то Яковлевича, ко мнѣ? Я на то на свѣтѣ пожила, чтобы знала этимъ дѣломъ повести какъ и ни да, ни нтъ твоего не сказала бы. А заговорила бы, можетъ быть, и такъ: что дѣло оно еще Божіе; что вотъ весна у насъ — сѣнокосы, рабочая пора идетъ; а дѣло это такое, что на свободѣ, гуляючи, пораздумать о немъ; вотъ велитъ Богъ дожидаться намъ осени совѣтливой да привѣтливой... Вотъ тебѣ, дитя мое, и ни приказу ни отказу никакого; а Алексѣй-то Леонтьевичъ ѣздилъ бы и люди не безъ глазъ бы смотрѣли чего онъ ѣздитъ? А тамъ уже что Богъ далъ бы; отказать всегда будетъ время. А теперь Алексѣй Леонтьевичъ не захочетъ, такъ не скажетъ: что онъ и не думалъ сватать тебя и въ умѣ своемъ не полагалъ; а что это Матоій Яковлевичъ Мокрый такъ, изъ своей головы, чтобъ посмѣяться только.

Замолчала наконецъ пани воеводша.

Дочка ея сидѣла, перебирая тоненькими пальцами по платью; въ комнатѣ жужжала одна толстая сизая муха.

— Маменька!

— Что голубка моя?

— Вѣдь вы именно сказали: что разъ сказаннаго слова воротить нельзя?

— Нельзя, дитя мое, никакъ его нельзя.

— А чего воротить нельзя, — стало не зачѣмъ о томъ беспокоиться. Когда оно было, такъ ему и быть.

— Вишь ты, какое у ней разсужденіе! Нѣтъ о томъ-то жалѣть и беспокоиться должно, чего воротить нельзя.

— Але-ксѣя Леонтьевича! съ разстановкою произнесла Мила... Что это Даши такъ долго съ цвѣтами нѣтъ?

— Нѣтъ, ты, дочь моя, Людмила Павловна! не о Дашкѣ заботься, а поважнѣй о комъ. У меня дѣло на рукахъ; укусь не доцѣженъ... Посмотри ты мнѣ хорошенъко; что Алексѣй-то Леонтьевичъ? Бывало это онъ къ намъ заѣзжаетъ. Куда его теперь Богъ несетъ?... Къ Мокрому не заѣхалъ? къ Матою тому?... откровенно спрашивала пани воеводша, видимо нерасположенная къ Мокрому по отношенію его къ сватовству. Кажется, она едва ли не подозрѣвала, что это онъ нарочно исторію такую подвелъ. Какъ будто онъ не могъ бы прежде этого сказать ей?

— Нѣтъ,—засматривала въ окно, нельзя сказать, чтобы вовсе безъ вниманія Людмила Павловна. «Онъ проѣхалъ Мокраго и Петренковыхъ вотъ проѣзжаетъ.»

— Ну, знаю: какъ разъ ѣдетъ въ Кутки. Это онъ къ Настенькѣ Алешковой; онъ же такъ ее всегда хвалить.

— И къ Настенькѣ—что здѣсь такого? пожалала нѣсколько плечомъ Мила. «Пусть его ѣдетъ... Говорить же онъ: что это золотая дѣвушка и цѣны ей нѣтъ; однако ей уже двадцать лѣтъ...»

Къ чему здѣсь упомянулось это: *однако?* Для того надобно заглянуть поглубже въ женское сердце.

— Ну, это еще не какіе года! спѣшила возразить и говорила какъ-то особенно скоро пани воеводша. А что хозяйственная, то хозяйственная и добрая, грѣхъ сказать. Весь домъ у матери держитъ; хотя, правда и держать-то не много чего есть... Конечно, воспитанія такого нынѣшняго не гдѣ взять; ну, да разумная, толковитая; изъ себя чернобровая...

— Однакоже, маменька, онъ и Настеньку проѣхалъ! Какъ бы находила особенное удовольствіе Людмила Павловна прервать долгую рѣчь маменьки.

— Алексѣй Леонтьевичъ? говоришь ты: проѣхалъ? подступила къ окну съ бутылкою пани воеводша. Истинно про-

ѣхаль... Куда жъ-бы это онъ ѣхаль? Ума не приложу. Вотъ ѣдетъ человекъ и не знаешь, куда ѣдетъ?

Къ этому недоумѣнію присоединилось еще другое. Буланья Алексѣя Леонтьевича внесши въ рысяхъ въ Лисью-балку, не выѣзжали оттуда, и ничего не показывалось. Вороны и ласточки, которыя любятъ слѣдить за человекомъ въ полѣ, надлетали надъ балку и вертѣлись...

— Вотъ бѣда! Вѣрно, изломалось что, достовѣрно полагала панн воеводша.

Но пока оно еще не рѣшено и вдоль по дорогѣ къ Сороковкѣ ничего не видно, я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы сказать нѣсколько: что это за лицо Алексѣй Леонтьевичъ? Помѣщикъ, да какой помѣщикъ?

Прежде всего, Алексѣй Леонтьевичъ Затолока, былъ древнѣйшимъ сороковскимъ помѣщикомъ, отъ дѣда и прадедовъ, жилъ по близу Кутковъ и по сосѣдству съ Мокрыми. Во владѣніи у него было семь душъ крестьянъ, въ томъ числѣ двѣ мертвыхъ; а сколько земли? Невозможно опредѣлить, потому что о полюбовномъ размежеваніи еще и не думала Сороковка. Кажется, онъ и въ уѣздномъ училищѣ не учился; служилъ въ поселеніи въ уланахъ и къ нему очень шель синій съ красными лацканами мундиръ. Когда его произвели въ офицеры и онъ пріѣхалъ къ старенькой своей матери (которая столько разъ кукушечкамъ и ласточкамъ и орлу снизу наказывала, чтобъ полетѣли къ ея сыну милому, да сказали ему: что старая его мать и поздно ложится, и рано встаетъ, все по зарямъ выглядываетъ: когда онъ пріѣдетъ къ ней? чтобъ такъ — не умерла она, посмотрѣла на сына во всемъ его великомъ государевомъ одѣяніи) — такъ, когда пріѣхалъ Алексѣй Леонтьевичъ въ Сороковку въ уланскомъ мундирѣ, серебряные эполеты, грудь вся алая и шапка алая, такъ и цвѣтетъ, важный Мокрый, еще отецъ Матѳея Тимоѣевича, называлъ Затолоку снѣгиремъ и позвалъ къ себѣ отъ обѣдни на водку. И куда бы ни шель Алексѣй Леонтьевичъ: коноплянниками ли, чтобъ пострѣлять воробьевъ, такъ ли куда дорогою — словно кто насылаетъ ему такое наважденіе: спереди и съ боковъ, и въ слѣдъ ему — затаясь гдѣ-нибудь за вербою, припавши въ высокую

траву, или наконецъ цѣлою ватагою нахлынувши въ густую коноплю — его высматривалъ отовсюду зоркіе плутоватыя глазки и когда Алексѣй Леонтьевичъ за-частую самъ хотѣлъ поближе взглянуть на нихъ — отъ него, смѣясь, бросались въ рассыпную бѣжать не однѣ простыя дѣвушки, перекипувъ на плечо цвѣтную отъ косы ленту; но случалось и сорковскія барышни, подбирая свои длинныя платья и хватаясь рукою за гребень, чтобъ на бѣгу не обронить его. Не разстался бы иной легко съ такимъ чудодѣйственнымъ мундиромъ; но Алексѣй Леонтьевичъ скоро снялъ его. Умерла его старенькая мать, похоронили ее у церкви и вышелъ въ отставку Алексѣй Леонтьевичъ. Встала на него, какъ одинъ человекъ, вся Сороковка. «Уже видно,» говорили, «что умерла старая мать: бо некому поучить молодого сына.» вмѣсто того, чтобы жить паномъ, хотя маленькимъ — какимъ ни-на-есть, да все паномъ, помнить свое панство, — онъ пошелъ въ купцы: позавелъ компаніи съ купцами, началъ перепрадовывать лошадей, скупать овецъ... Не зазывалъ уже болѣе Мокрый Алексѣя Леонтьевича на водку; перестали его высматривать изъ конопель дѣвушки, да и самого его почти невидать было въ Сороковкѣ. «Навернется», говорили ближніе сосѣди, «какъ огня ухватить, да и былъ таковъ.» Гдѣ онъ пристанище имѣлъ? что дѣлалъ? Полагали даже, что едва ли не подъ разбой ходилъ; только разбоевъ нигдѣ не слыхать было. Когда на улицѣ начинали пѣть старинную малороссійскую пѣсню:

Нема їй спыну да вдовыному сыну...

Нѣту удержу да вдовы ли той сыну:

Что полночь наступаеть, разбой разбиваеть...

«Нема спыну да вдовыному сыну!» важно повторялъ панъ Мокрый. «Вотъ такъ оно, какъ нашему.» Оно и было отчего говорить такъ: то въ хуторочекъ къ «вдовыному сыну» приведаютъ лошадей такихъ, что кому не надо, каждая рублемъ двѣсти и болѣе стоитъ; то пригонитъ онъ откудова-то воловъ и коровъ на удивленіе, что вся Сороковка сходится смотрѣть: и гдѣ онѣ росли въ такой роскоши, на какомъ привольи и еще, пуще всего, какъ достались онѣ «вдовыному сыну?» Гдѣ, гдѣ его нѣтъ, а уже на весеннихъ яр-

маркахъ онъ здѣсь: похаживаетъ между купцами, скупааетъ скоть; завелъ свою отару овецъ въ Сороковкѣ и на Донъ пробивалъ, по Черноморью всѣ мѣста извѣдалъ — «нема спы-ну да вдовыному сыну!»

Послѣ пяти-шести лѣтъ такой никѣмъ не стѣсняемой жизни, Алексѣй Леонтьевичъ вдругъ явился къ Мокрому и предложилъ ему, какъ сосѣду и достаточному человѣку, купить у него его часть Сороковки. «Такъ я хоть и старый человѣкъ», рассказывалъ Мокрый, «а у меня морозъ по за-спиною пошелъ. Продать отцовщину! Сороковку! Что вы, молодой мой панычъ, собираестесь жениться, или какъ оно въ пѣсни поется: або жъ я женюся, або утоплюся?» «Ни того и ни другаго», отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. «А вы располагаете купить у меня, или нѣтъ?» «Нѣтъ!» рѣшительно сказалъ Мокрый. «Ни!» повторилъ старикъ, съ силой за-душевнаго убѣжденія. «Грѣху брата моего не послужихъ», попѣ-батъко въ церкви читалъ; а вы, молодой панычъ, сы-номъ могли мнѣ быть, такъ мнѣ, старому дѣду, учить васъ; а не подводить на такое богопротивное дѣло — ни! не хочу я. Коли вы не совсѣмъ еще отказались отъ сороковской хлѣба-соли, то оставайтесь, псобѣдаемъ; а сего дѣла — не хочу! дважды повторилъ Мокрый. «Очень жаль», кажется, былъ нѣсколько тронуть и вмѣстѣ раздосадованъ молодой Затолока. «Благодарю васъ, панъ Мокрый, что вы захотѣли поучить меня безроднаго. Я самъ дорожу отцовщиной на сколько могу. Людей я оставляю за собою, хотя, вы знаете, тамъ немного добра, гдѣ двое старыхъ, да одинъ малый; а на землю у меня покушчикъ есть. Но я, можетъ быть, по-тому и пришелъ называться вамъ, что мнѣ хотѣлось бы лучше, чтобы земля моя была у васъ, у нашего стариннаго сосѣда и своего брата помѣщика. Счастливо вамъ оставаться.» «Съ Богомъ, молодой панычъ. На добрый путь... Такъ кому вы продаете вашу землю? спросилъ, провожая гостя, уже на крыльцѣ панъ Мокрый. «Мѣщанину изъ города...» Вернемтесь, панъ, въ хату, чтобы вонъ та рябая сорока, что на плетнѣ, не послышала насъ... Садитесь, мой панъ!» сказалъ Мокрый. «Еще какъ стало на свѣтѣ считаться лю-бая Сороковка, не было въ ней того сраму, чтобы жили-

жили паны, да замѣшалась сюда всякая дрянь.... Что вы хотите за вашу землю? Я не торгуюсь плачу. Намъ купцами не быть и на барыши мы не рассчитываемъ. Мы дурни — паны; дѣды наши такъ жили, да и намъ, панѣ, заказали»...

Такъ выбылъ Алексѣй Леонтьевичъ изъ Сороковки. «Батьковщину уже продалъ», махали будто въ слѣдъ ему рукою сороковскія панн, «не постоитъ и душу заложить.» «Ни!» крѣпко раздумывая, напиралъ на свое ни панѣ Мокрый. «Еще панычъ нашъ не совсѣмъ пропалъ. За барышъ души не положитъ. Важность она панская въ немъ есть. Я уже такъ было и думалъ: возьметъ онъ съ меня въ три-дорога; благо, что дурень такой попался сказать: что не торгуюсь плачу — и заплатилъ бы, бисову сыну, слова бы не сказалъ, заплатилъ!» разгорячился панѣ Мокрый. «Такъ нѣтъ его, говорятъ: — кладите вы пѣну, земля вамъ знакомѣе, и купчую пополамъ возьмемъ. Такъ оно межъ панами ведется, по-пански оно!» тихонько притопывалъ сапогомъ Мокрый. Алексѣй Леонтьевичъ взялъ въ верстахъ двадцати отъ Сороковки значительную аренду, гдѣ довольно большое количество земли, и сверхъ того, возможность паннмать степь у сосѣднихъ помѣщиковъ, развили его торговые обороты. Онъ скупалъ и выкармливалъ на сало отары овецъ, головъ двѣсти и болѣе украинскихъ быковъ. Алексѣй Леонтьевичъ былъ не такой человѣкъ, чтобы могъ остановиться, когда видѣлась возможность идти впередъ — и онъ завелъ свои бойни, свое небольшое саловаренное заведеніе; черезъ восемь лѣтъ онъ купилъ свою аренду. Казалось бы, такого рода не пустые успѣхи, устанавливающееся значеніе Алексѣя Леонтьевича, какъ человѣка «при деньгахъ», и самый его новый высшій кругъ сосѣдства и знакомства давали ему все право забыть Сороковку и навсегда.

Но вышло совершенно на оборотъ. Когда Алексѣй Леонтьевичъ жилъ въ ней и принадлежалъ, какъ рыба водѣ, своей Сороковкѣ, она точно была ему ничѣмъ. Забывалъ онъ про нее и будто немножко презиралъ; по крайней мѣрѣ, отъ недосуговъ ли, или почему другому, только вовсе не хотѣлъ знаться съ ея панами и паньями. Теперь совсѣмъ не то. Оставилъ онъ Сороковку и она будто стала ему и близка,

и мила. Подъ рядъ перезнакомился онъ совсѣми ея Петренками, Проценками, Сидоренками; полюбилъ отъ души еще маленькую и всюду говорилъ о ней, расхваливалъ свою бывшую сосѣдку по Куткамъ, бѣдную Настеньку Алешкову и случалось, что его звали куда-нибудь въ важный домъ и не совсѣмъ на обыденный случай — «нѣтъ, господа», говорилъ онъ, «поѣду въ свою Сороковку».

И чтобы настояще видѣть Алексѣя Леонтьевича, сколько въ немъ было самороднаго, своего особеннаго, дѣятельнаго и какъ бы немножко удалаго, это надобно было посмотрѣть на него на весеннихъ ярмаркахъ, гдѣ обыкновенно продается скотъ и большіе и мелкіе торговцы кишатъ по заставленной площади. Приѣзжаетъ Алексѣй Леонтьевичъ. Ему надобно прибыть иногда за восемнадцать и двадцать верстъ. Самая только грязь, весенняя распутица; буланья его взмылены, сѣдѣютъ отъ пара, но еще рвутся на возжахъ: ярмарочный шумъ и толкотня горячатъ ихъ. «Берегись, поди!» не замолкаетъ кучеръ... «Прочь съ дороги, баба! зазѣвала — берегись!» Еще лошади и не совсѣмъ остановились, какъ Алексѣй Леонтьевичъ встаетъ. На немъ оригинальный — лоснится весь — какъ смоль вороной, калмыцкій ергакъ забрызганъ мѣстами грязью. Алексѣй Леонтьевичъ веселъ, видимо доволенъ; англійскіе невыразимые опущены въ сапоги съ узенькой сафьянной сторочкой; ничто не мѣшаетъ свободнымъ его во всѣ стороны движеніямъ; на головѣ красная кругленькая шапочка, что-то на манеръ ермолки, приподвинута на брови и замшевыя темно-зеленыя перчатки — нарядъ Алексѣя Леонтьевича. «Наше вамъ низжайшее почтеніе! Всенижайшее наше почтеніе, Алексѣй Леонтьевичъ! по добру ли, г. е., ваша милость, по здорову?» подступаютъ къ нему съ разныхъ сторонъ. «Матвѣй Ивановъ Скорняковъ всепокорнѣйшее свое почтеніе Алексѣю Леонтьевичу!» протискивается въ засаленомъ балахонѣ скудородый молодецъ купчина. «А мы этакъ-съ, того, посматриваемъ. Не ѣдетъ-съ! говоримъ; а и торгъ бы онъ какъ-то вольнѣе пошелъ-съ. Дорога-съ оченно, того, распутная-съ». Весело, какъ-то особенно довольно, бодро оборачивается по сторонамъ Алексѣй Леонтьевичъ, приподнимаетъ свою красную шапочку — «Богъ

помочь! А! здравствуйте. Спасибо, господа. . А! умная голова, неладная борода — Матоей Ивановъ! здорово, братъ. Хозяйка, дѣтки? каково поживаешь? — «Слава Богу, слава Богу! на всемъ-съ слава Богу». — «Слава Богу!» въ свою очередь повторить Алексѣй Леонтьевичъ. «Что? Какова площадь, господа? Хорошъ ли товаръ есть?» — и отправляется въ кружкѣ бородъ обойдти ярмарку, осмотрѣть ее. Не потому, чтобы это было ему нужно, — иногда онъ уже «накупился», т. е., купилъ все необходимое ему количество скота и теперь приѣхалъ на ярмарку такъ, не почему другому, какъ потому что въ немъ шевелится живая дѣятельность, и усидѣть дома, не посмотрѣть хотя, какъ поведутъ свои дѣла другіе, Алексѣй Леонтьевичъ не могъ. И, кажется, онъ все не смотритъ; идетъ по ярмаркѣ, рассказываетъ, кланяется съ своими знакомыми и только, будто мимоходомъ, ударитъ по бедру рукою то одного, то другаго быка; но торговцы знаютъ это клеймо зеленой перчатки Алексѣя Леонтьевича. Какъ бы ни держался хозяинъ, а скотина у него будетъ куплена: потому что глазъ Алексѣя Леонтьевича въренъ и рука его мѣтко обозначаетъ хорошее.

И вотъ эта мѣткость вѣрнаго взгляда, дѣльность Алексѣя Леонтьевича, умная голова, не пустозвонная — вовсе не обороты его, не превышавшіе тысячъ семи серебромъ на рогатомъ скотѣ — дали ему вѣсь и почетъ между людьми не его сословія, ворочавшими десятками тысячъ, и которые вначалѣ очень небрежно посмѣивались надъ его честью, «дворянческимъ купцомъ». Но чтобы все сказать объ Алексѣѣ Леонтьевичѣ, надобно не пропустить и тѣхъ слуховъ, которые ходили объ его деньгахъ. Одни говорили, что у него даже тридцать тысячъ серебромъ; другіе поумѣрнѣе, клали только на пятнадцать. Разумѣется, то и другое было чистый вздоръ. Вѣрнѣе всего можно сказать, что едва-ли у него какой десятокъ тысячъ, и то не серебромъ, а развѣ ассигнаціями, былъ наличными, лежалъ въ шкатулкѣ; а остальные деньги находились въ оборотѣ: въ скотѣ, въ овцахъ, въ зерновомъ хлѣбѣ, которымъ засыпаны были сплошь амбары и наконецъ не должно забывать, что нѣтъ еще и двухъ лѣтъ, какъ Алексѣй Леонтьевичъ купилъ свою аренду. Но

въ томъ и состояла вся задача, что Алексѣй Леонтьевичъ и не было того, чтобы когда распространялся о своихъ дѣлахъ: какъ они? удачно, не удачно ли шли? Даже, когда навѣрное знали, что онъ выгодно и превыгодно продалъ свой гуртъ, или овецъ своихъ и только такъ хотѣли спросить: «А что? не хорошъ барышъ? Мало, чай, взяли?» — «Будетъ съ меня», отвѣчалъ съ своей веселой улыбкою Алексѣй Леонтьевичъ. «Миѣ не семью кормить». — «А отчего бы и не семью?» живо вступалась какая-нибудь тутъ бывшая сороковская и не сороковская дама. Алексѣй Леонтьевичъ шутилъ и отсмѣивался; но въ этомъ отношеніи судьба его сильно интересовала Сороковку. Его женили и на вдовѣ какой-то, даже княгинѣ, — гдѣ-то она жила, никто не зналъ — и козачку онъ съ Дону привозилъ; Настеньку Алешкову чуть-чуть только не сваталъ и даже былъ явно помолвленъ — это всѣ знали — на дочери того, у кого онъ держалъ имѣніе на арендѣ; хотя у него всѣхъ дѣтей было только два сына. «Истинно вотще трудишися!» качали головами и въ печали жмурились старушки, приводя очень близко тексты изъ св. Писанія. «Нынѣ душу твою истяжутъ отъ тебѣ и вся твоя не вѣси, кому собираеши. Ни жены, ни близкаго рода». Приѣхала Людмила Павловна... Вся Сороковка въ одинъ голосъ положила, что вотъ уже невѣста Алексѣю Леонтьевичу — не идти ему дальше. И Алексѣй Леонтьевичъ, то часто ѣзжалъ въ Сороковку, а то будто и еще чаще сталъ навѣщать того и другаго въ ней, и все по дорогѣ, мимоѣздомъ и такъ прямо, заѣдетъ къ Катеринѣ Логвиновнѣ. Но ѣздитъ онъ мѣсяцъ и два ѣздитъ мѣсяца — не малое время, и годъ прошель; а Алексѣй Леонтьевичъ бываетъ и бываетъ, и будто правъ себѣ, что онъ бываетъ. Потомъ вдругъ — Богъ послалъ весну — и словно вѣтромъ какимъ пахнуло на Алексѣя Леонтьевича: черезъ Мокраго — извольте вамъ — дѣлаетъ предложеніе, или, что одно: просить узнать, какъ примутъ его? Все это, отъ давняго ожиданія, пришло совершенно неожиданно, было какъ-то оно странно; не отзывалось дѣльностью, всѣмъ извѣстной послѣдовательностію Алексѣя Леонтьевича... «Гм!» часто произносила за это время въ большомъ раздумьи пани воеводша, и теперь, заглядывая въ окно

и не понимая, что такое сдѣлалось въ Лисей-балкѣ съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ? — «Гм!» сказала она, но здѣсь же увидѣла, какъ вспугнутую ширококрылую птицу, поднявшуюся изъ за-кустовъ балки.

Эта птица была тройка Алексѣя Леонтьевича.

Прямо противъ солнца, румяное, маслянистое лицо кучера ясніло, какъ красной мѣди самоваръ; буланья неслись; задержка въ балкѣ, видимо, разгорячила ихъ. Коренной конь, какъ левъ (да онъ и немного похожъ былъ на него золотистой гривой), кажется, отсюда слышно было какъ храпѣлъ, напирая крутою грудью п высокими взмахами копытъ за-гребая подъ себя пыль и дорогу.

— У! добрый конь! — не могла чтобы не проговорить Катерина Логвиновна, не смотря, что такъ она была озабочена вопросомъ: куда ѣдетъ Алексѣй Леонтьевичъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, куда же это онъ ѣдетъ? Мила? тебѣ будто и нужды нѣтъ...

— Мнѣ же какая нужда, маменька! — сказала Людмила Павловна. Вѣдь онъ навѣрное ѣдетъ не къ намъ; да хотя бы и къ намъ...

— Навѣрное или не навѣрное — не узнаешь ты, дитя мое, что у человѣка на умѣ. А ѣдетъ, szybko ѣдетъ.

— Вотъ прекрасно! зачѣмъ же это онъ поѣдетъ къ намъ? требовать объясненій, что ли?

— Нѣтъ, дитя мое, ты ему все хорошо объяснила. Если онъ ѣдетъ, такъ зачѣмъ другимъ, а уже объясненій твоихъ не надобно.

— И совершенно ясно, что онъ старъ...

— Людмила Павловна!..

Но укорительный голосъ пани-восводиши замолкъ. Она вдругъ отступила назадъ отъ окна и проговорила: — поворачиваетъ онъ! къ намъ поворачиваетъ...

Хотя она сей-часъ только предъ этимъ какъ будто полагала это возможнымъ, но на самомъ дѣлѣ, видно, никакъ того не ожидала.

— Что же мы теперь, дитя мое, какими глазами будемъ смотрѣть?

— Я не выйду, сказала Мила.

— Не думай того! возвратилась вдругъ къ пани воеводшѣ вся ея серьезная плавность и чинность рѣчей и пріемовъ. Наварила, сударыня, пива, такъ и пожалуй его распивать, переступила она въ свою пріемную комнату... Вонъ и Дашка твоя съ цвѣтами идетъ.

Какъ я люблю, когда въ тихую комнату, слышишь идетъ, входитъ человѣкъ; прислушиваешься, какъ онъ ступаетъ.... Неожиданно, начинаешь понимать его. Шаги, это такое же разнообразіе, какъ и тоны голоса: подъ инымъ вялъ, чуть движется отголосокъ шага; подъ другимъ онъ звученъ, силенъ.... Алексѣй Леонтьевичъ входилъ, неся какую-то бодровеселую звучность по слѣдамъ своимъ.

— А я вотъ отъ обѣдни да и къ вамъ, Катерина Логвиновна. Незванный гость пироги ѣсть.

— И милости просимъ, Алексѣй Леонтьевичъ! Незванный, такъ я теперь зову: милости просимъ, не откажите.

— Извините, право. Нельзя, какъ будто грѣхъ какой: въ церкви былъ и не захватить къ вамъ.

— Видно, не знаетъ онъ, себѣ на умѣ подумала пани воеводша.... И помилуй васъ Богъ отъ этого! возразила она. Чтобы однимъ разомъ сказать: да не только я и пироги мои на васъ бы осердился.... Одаряя! Наталка! давайте намъ, родныя, сюда пироги. Гость пожаловалъ, ждетъ.

Къ пирогамъ явилось все, что подается для закуски.

— Вотъ и канареечка вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, запѣла. Это она слышала, что тарелки стучать.... Съ воскреснымъ днемъ будьте здоровы! и таки дай Богъ здоровья вамъ! наливала собственноручно въ свою серебряную чару гостю водку пани воеводша. — Ыи не забываете нашего храма Божія; ѣздите помолиться къ намъ. Просимъ одолженія выкушать.

— Дай же Богъ, чтобы вы были здоровы и мы были здоровы, всѣмъ на здоровье! выпилъ чарку Алексѣй Леонтьевичъ и, по приглашенью, придвинулся къ столу съ закускою.

— А вѣдь такъ, Катерина Логвиновна, странное дѣло,

говорилъ онъ. Мальчишкой ли я еще, безъ шапки, привыкъ бѣгать въ нашу сороковскую церковь; бывало матушка дастъ въ руку грошикъ: «бѣги, Алексіе, до Бози. Свѣчечку поставишь, Богъ счастья дастъ», — или что здѣсь прахъ родительскій; но какъ не въ сороковской церкви, — нигдѣ будто и не помолишься.

— Родительскій прахъ, повторила пани воеводша, ничего не поясняя болѣе... А вотъ и пирожекъ съ печеночкою, съ легенькимъ, какъ вы вкусъ имѣете, Алексѣй Леонтьевичъ, съ засушенкою и прирумяненный, какъ и матушка ваша покойница любила.

— Такъ вотъ это все мнѣ, ради матушки, на здоровье скушать? обѣими руками указывалъ на свою наполненную тарелку Алексѣй Леонтьевичъ. Извольте, Катерина Логвиновна. Я мастеръ пироги ѣсть. Матушка спозаранку приучала.... Родная моя! когда бъ это она встала, да пожила теперь со мною!

— Порадовалась бы душа ея, истинно порадовалась, отвѣчала пани воеводша.

Затѣмъ только канареечка начала сильно насвистывать, подзадориваемая стукомъ ножей и вилокъ.

Алексѣй Леонтьевичъ, какъ человѣкъ дѣятельный, не могъ быть слишкомъ полонъ и толстъ, и не былъ онъ. Вся верхняя часть его открытаго хорошаго лба на столько, какъ надѣвается картузь и можетъ затѣнять козырекъ, была бѣла и даже очень; остальную часть лица широко захватывалъ румяный весенній загаръ помѣщика, который самъ бываетъ въ полѣ. Отсутствіе усовъ и бакенбардъ, бѣлокурые мягкіе волосы, сами подвигающіеся легоцько на вискахъ, свѣтъ сѣрыхъ глазъ и улыбка веселая Алексѣя Леонтьевича давали ему столько молодости, что грѣхъ было Людмигѣ Павловнѣ назвать его старымъ. Даже самый костюмъ его, простой лѣтній, не имѣя никакихъ булавокъ и перстней и хорошее бѣлье, дымокъ настоящей гаванской сигары говорили довольно въ его пользу...

— А, Алексѣй Леонтьевичъ! а, гость мой! а, нѣтъ! заговорила пани воеводша. Салфетки вовсе не слѣдъ класть. Я васъ еще поподчую.

— Чѣмъ же это, Катерина Логвиновна? я совѣмъ съѣтъ. Обѣдъ пропадетъ.... Я, видите, безъ церемоніи у васъ и обѣдать собираюсь.

— Эта статья своимъ чередомъ. Кто бы и пустилъ васъ безъ обѣда. Коли одолженіе ваше было такое захватить кони, то и борщъ мой кушать: — ужъ такъ водится.

— Да нѣтъ, Алексѣй Леонтьевичъ, вы на такой часъ поспѣли, что угощеніе всякое слѣдуетъ, угощала пани воеводша. Мы вѣдъ совѣмъ на выѣздѣ; завтра въ путь пускаемся, туда, къ благодѣтелямъ своимъ. Дочь тамъ имянинница, вотъ царя Константина и матери его Елены, пріятельница дорогая...

Надобно бы было добавить: чья? но пани воеводша, осторожная и совѣтливая, избѣгая всячески напомнить Алексѣю Леонтьевичу.... не упомянула имени дочери.

— Такъ, гость мой любезнѣйшій! то вы всегдашніе кушали пироги воскресные; а это я васъ своими дорожными поподчюю. Уже не обидьте, не откажите и дорожку намъ погладить.... Какъ хотите, Алексѣй Леонтьевичъ, хотя вы и не пьете двухъ передъ завтракомъ, а другую надобно выпить.

— Да вѣдъ я же не пью, Катерина Логвиновна.

— Дорогу вспырнуть, Алексѣй Леонтьевичъ. Пыль столбомъ — не откажите. А тѣмъ часомъ мы съ вами хорошо сядемъ да побесѣдуемъ; я еще посоветоваться съ вами хочу.

— Что такое? зорко взглянулъ Алексѣй Леонтьевичъ. За совѣтами, кажись, пани воеводшѣ ни къ кому не ходить.

— Не говорите того, хорошій мой. Съ совѣтомъ да съ привѣтомъ только человѣку межъ людьми жить... Выкушайте, прошу васъ, сказала Катерина Логвиновна. Я вамъ лекарственной, человѣчьяго вѣку рюмочку налью. А вотъ и пирожекъ съ яичками, съ поджареннымъ на меду макомъ, сдобность какая! такая пріятность въ дорогѣ закусить.

— Пани моя хорошая! говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, я же никуда не ѣду; остаюсь у васъ. Помилуйте.

— Что жъ такое? побезпокойтесь. Пирожокъ одинъ... Это же мои, Алексѣй Леонтьевичъ. любимые.

— Ну-те, такъ и быть, Катерина Логвиновна! забавно тряхнулъ головою Алексѣй Леонтьевичъ. Съѣлъ я свои любимые и матушки покойницы пирожки любимые и ѣмъ ваши любимые, это же еще на блюдѣ что за грибочки такіе загнутые, варенье течеть? вѣрно Людмилы Павловны любимые? Давайте ужъ и ихъ съѣмъ... Кончилъ! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, веселымъ размахомъ кладя салфетку на столъ. Теперь позвольте покурю.

— Такъ оно по-пріятельски бываетъ! вотъ эта старинная дружба видна, предовольная свободной мѣрой своего гостя, благодарила пани воеводша. Она нѣсколько пріостановлена была вопросомъ о любимыхъ пирогахъ Людмилы Павловны. Но Алексѣй Леонтьевичъ, спокойный и чего-то немного улыбаясь, курилъ свою сигару и похаживалъ... Гдѣ-то ума взялъ Мокрый, не сказалъ ему — или что же это такое? спрашивала себя пани воеводша.

— Такъ чтожъ такое, Катерина Логвиновна? о чемъ вы хотѣли поговорить со мною? началъ разговоръ Алексѣй Леонтьевичъ. Душой радъ служить вамъ.

— Всепокорѣйшую мою благодарность приношу, Алексѣй Леонтьевичъ. Дѣло это такого выходитъ рода — эй! кто вы тамъ? умницы мои. Наталка! подите принять тутъ, — что какъ вамъ сказать? и не хотѣлось бы малостию неравно скуку вамъ навести.

Пани воеводша, какъ настоящая малороссіянка и чинная такая, говорила съ большимъ предисловіемъ.

— У васъ и своихъ дѣловъ, Алексѣй Леонтьевичъ, голова не обниметь; а тутъ мнѣ съ своимъ.

— И слава Богу, Катерина Логвиновна. Лучше много дѣлъ, чѣмъ сидѣть безъ дѣла. Что вамъ такое угодно? Позвольте, я вотъ такъ поближе прислуду къ вамъ.

Усѣлся на диванчикъ Алексѣй Леонтьевичъ и диванчикъ хорошо рышнулъ.

— Соблазнили вы насъ всѣхъ, хорошій мой, говорила пани воеводша. Въ торгъ хочу пуститься. Съ весны, знаете, слышать было, что падежъ на скотъ идетъ, такъ я и поопаслась: лишній какой по хозяйству скотъ и продала, и теперь думаю, мысль мнѣ такая приходитъ: что дай я ку-

плю овецъ. Онѣ къ осени поотгуляются, а тамъ я ихъ и продамъ, и что нибудь, знаете... Деньги теперъ, становятся нужны.

— Слушаю-съ, особенно весело помолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Вспомянули вы мнѣ, пани воеводша, хорошее время, какъ я самъ ходилъ за совѣтами.... Ищу, гдѣ бы мнѣ потолкаться между купцами. Въ городѣ была ярмарка; захожу я въ трактиръ, сидятъ два купца, — здѣсь это я въ первый разъ сошелся съ своимъ пріятелемъ Скорняковымъ, — пьютъ купцы чай и разговоръ дѣловой идетъ. Подсѣлъ и я къ нимъ, и вотъ также какъ у васъ, у меня въ головѣ овечки бродили. «Господа! говорю, вотъ такъ и такъ: что, примѣрно, прибыли? сколько можно съ овцы нагулу, т. е., сала получить? что вотъ, говорю: хотѣлось бы по осени заняться овцами». — Ничего-съ, очень хорошая статья, говорятъ. Посмотрѣли они значительно на меня. «Да вы, сударь-съ, это впервые желаете заняться? Женаты, смѣю спросить-съ?» сказалъ Скорняковъ. «Нѣтъ,» говорю я. И, примѣрно положить-съ, не располагаете жениться-съ въ этомъ годѣ? — Не думаю... Переглянулись купцы между собою. «Ну, говорятъ: барышъ есть. Нагулъ на овцахъ будетъ.»

— Какъ же-съ это оно, Алексѣй Леонтьевичъ. Я такой матерія не понимаю.

— Ну, извольте видѣть, пани воеводша! я и самъ тогда не понималъ. «Что вы, говорю, господа честные, посмѣиваетесь надо мною, что ли? какое дѣло нагулу на овцахъ до моей женитьбы?» А теперь и я знаю: чтобъ барыши взять да сало на овцахъ было, такъ и не мѣшаетъ хозяйну не женатымъ быть.

— Ну, и воля же ваша Алексѣй Леонтьевичъ, чинно улыбалась пани воеводша. Мнѣ не жениться и замужъ не моя пора идти.

— Э-эхъ, пани воеводша! да мужчиной надобно быть. Не засыпаться до зари, да не нѣжиться; верхомъ ѣздить и этакъ на рукѣ стегачку, чтобы пошевелить случаемъ чабана, носить.

Помолчала немного пани воеводша.

— Стало быть, Алексѣй Леонтьевичъ, такое разсужденіе выходитъ: что наврядъ миѣ покупать овецъ?

— Нѣтъ, пустое, сударыня моя! Покупайте смѣло. Прибыльнѣе овцы ничего по хозяйству и въ торговлѣ нѣтъ... *А мои-то овцы, Катерина Логвиловна, съ нагульцами будутъ?* — шуточно и вмѣстѣ серьезно вдругъ спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Слова были шуточные, но голосъ и то, какъ они сказались, было очень серьезно. Покачалъ онъ головою.

— Я не знаю... такъ ли оно? Алексѣй Леонтьевичъ, родной мой! понимаю ли я васъ?

— Понимаете, пани воеводша.

Какъ ни была она неожиданно и врасплохъ застигнута; но пани воеводша не потерялась и бановито повыпрямилась. Разговоръ пошелъ тихимъ голосомъ.

— Такое произошло дѣло, что какъ и сказать? Простите вы насъ...

— Да что тутъ? какое прощеніе, пани воеводша! когда человѣку талану нѣтъ.

— Позвольте; одного я въ разсудокъ не возьму.... Можетъ, оно и не такъ бы было... Какъ это вамъ, отецъ мой родной, пріятель мой задушевный! да вздумалось поручить такое дѣло Матѣю Тимоѣевичу Мокрому?

— Дѣдъ лысый ему поручалъ! съ комической досадою отвѣтилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Извольте послушать, какъ оно было. — Въ прошлое воскресенье собралось ко миѣ человѣкъ шесть нашихъ сороковскихъ и Мокрый былъ. Ну, и начали они, пристають: не женюсь, да почему не женюсь? Такъ-то бы вотъ и женился, какъ хочется! «Давайте же невѣсту», говорю я. Мокрый вотъ и называетъ ее.... А слышали ли вы, панъ Мокрый, сказалъ я: какъ цыганъ сватался за королеву? Не слыхалъ онъ..

— И я, чтоже? не слыхала такого, шенотомъ замѣтила пани воеводша.

— Такъ вотъ послушайте, говорю я. — Идетъ цыганъ разряженный... «Постой! куда ты?» спрашиваютъ его. — «Не трогайте меня, говорятъ, братцы! Иду свататься за королеву.» — «Съ ума ты сошелъ цыганъ! поидетъ же она за тебя?» — «А чтожъ, братцы? говорятъ цыганъ;

уже половина дѣла сдѣлано. «Какъ сдѣлано?» спрашиваютъ его. — «Да такъ, братцы, говорить: я со всей душою; только — какъ она?» Вотъ такъ и мы съ вами, пань Мокрый, говорю я: *только какъ она?*

Разсмѣялся Алексѣй Леонтьевичъ.

— Такое горе! сказалъ онъ: вы знаете, что уже Мокрому въ голову вошло, того и сухимъ клиномъ не выбьешь. «Такъ я же узнаю, — въ одно сталъ: спрошу и узнаю: *какъ она?*» Вотъ тебѣ и узналъ на мою голову!

Опустилъ свою умную голову Алексѣй Леонтьевичъ.

— Что теперь будемъ дѣлать, Катерина Логвиновна?

— А что же вамъ такое дѣлать, Алексѣй Леонтьевичъ? Я какъ и постигала все, что это однѣ выдумки Мокраго.»

— Вотъ-те и на! — закусилъ губу Затолока. А я-то что? за болвана сталъ? Такъ бы вотъ Мокрый за меня рассказывалъ, и женилъ меня, когда бы я самъ того не хотѣлъ! Мы, Катерина Логвиновна, къ этому празднику, какъ говорится, пѣшіе бѣ шли. Я рассказываю вамъ, какъ случилось.

— А случилось оно такъ, Алексѣй Леонтьевичъ, что — не погнѣвайтесь — доброму здѣсь не много чему быть.... Позвольте! не потому, чтобы я мать родная того не хотѣла, или бы находила какой порокъ въ васъ Алексѣй Леонтьевичъ! я съ вами, какъ съ другомъ моимъ давнимъ, душу открывши, буду говорить. Намъ не въ первый разъ сегодня знаться. Пусть ваше богатство при васъ; да человѣкъ-то вы, что другаго въ жизнь не сыщешь, хорошій мой! Сулилъ намъ Богъ счастье, да не умѣли руками взять. Ну, чтобы вамъ мнѣ-то было сказать? Пошло бы оно тихо и ладно; авось бы что-нибудь и вышло. А то дитя молодое, явился тотъ Мокрый, какъ съ цѣпи сорвался; она наговорила, не подумавши и не раздумавши; а теперь она еще у меня такая, что отъ своего слова потому одному, что сказала его — не вотъ-то она и отступится.

— Такъ-то Катерина Логвиновна: вѣкъ живи, вѣкъ учись; а дуракомъ умрешь и еще скажутъ: старымъ.

Что-то другое еще думалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Такъ какъ же пани воеводша? Вотъ мнѣ совсѣмъ и чистая отставка?

— Не оставляю я васъ, другъ вы мой возлюбленный! въ грусти развела руками и сложила ихъ у сердца хорошая пани воеводша: — Я объ этомъ дѣлѣ уже и плакала, и Богу милосердому молилась... Помогай онъ вамъ на ваше счастье! А мнѣ здѣсь, сами видите, ничего нельзя. Дочери я приневолявать не стану.

— Что приневолявать, пани воеводша! Здѣсь нужна добрая, вольная воля.

Оба разговаривающіе замолкли и не смотрѣли другъ на друга. Часы начали бить двѣнадцать. Били они и били...

— Надѣлалъ мнѣ Мокрый, — въ раздумьи, подъ бой ихъ заговорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: какъ медвѣдь тому человѣку, что хотѣлъ ему прислужиться, со лба муху согнать, да засадилъ камень въ лобъ — что теперь, умѣючи и вынимай его.... Да что же это, Катерина Логвиновна? — не весело и не грустно, а какъ-то шутливо съ грустью сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Людмила-то Павловна раскоррдила меня въ прахъ, да еще и сердится, глазки свои показывать не хочетъ. За что же такъ? Это хоть и пѣсню нашу пой:

Прости жѣ мене, мила,
Що ты мене била.

— Нѣтъ, Алексѣй Леонтьевичъ! отозвалась со всѣмъ достоинствомъ пани воеводша, даже поднялась она: — Мы вамъ этого оскорбленія не подадимъ... Мила! возвысила она голосъ: что ты тамъ? Брось. Полно тебѣ въ дорогу сбираться. Иди къ намъ; скоро обѣдать пора. Двѣнадцать пробило. — Она еще за цвѣтами посылала, добавила Катерина Логвиновна: такъ съ ними возится. Мила! пожалуй ты къ намъ.

Милѣ точно было довольно возни; только не съ цвѣтами, а съ свопми не очень пріятными мыслями. Ей ужасъ было не ловко остаться одной въ комнатѣ и притомъ, какъ въ засадѣ, вмѣстѣ съ рябенкой кошкою. Выхода не было. Надо было или лѣзть въ окно, или проходить черезъ приемную комнату. Томилась она. Громкій вначалѣ, оживленный разговоръ Алексѣя Леонтьевича звучно доходилъ къ ней. «Однако онъ вовсе не огорченъ», сказала она себѣ. «Раз-

умѣется, я, тѣмъ менѣе, огорчаюсь этимъ. Мнѣ какое дѣло — огорченъ ли онъ, или не огорченъ? Зачѣмъ онъ прїѣхалъ!» Эти и тому подобныя мысли Мила готова была выбросить, какъ крошки, за окно воробьямъ; но тупые носы воробьевъ не клюютъ мыслей. Прямо сказать, ей тяжела была эта вышедшая непрїятная исторія съ человѣкомъ, котораго она привыкла такъ часто видѣть и на котораго теперь ей не ловко было взглянуть послѣ своего рѣзкаго, неосторожнаго отвѣта.

— Эта Даша, право, именно балуется. Куда не попли се, не дожدهшься два часа.

Мила въ первый разъ рѣшилась замѣтить, что Даша балуется; а Даша совсѣмъ избаловалась. Совершивъ вмѣстѣ съ барышнею курсъ воспитанія въ знатномъ домѣ, смазливенькая, какъ горничная, съ выпутыми бровями, она производила много закулиснаго шуму по Сороковкѣ, завоеывая вниманіе паньчей и фамиллярно предлагая панночкамъ свои неоцѣненныя совѣты по части ихъ нарядовъ.

— Ахъ барышня-съ! явилась она у окошка, совершенно свободно выражая свое удивленіе. — Вы сидите-съ въ заперти, какъ птичка въ клѣткѣ.

— Пожалуста, безъ замѣчаній, была очень недовольна Мила. — Вотъ это и всѣ цвѣты? спросила она.

Даша не стѣсняясь, отвѣчала другимъ вопросомъ:

— Ахъ! я не знаю, право, барышня, что вы въ нихъ находите хорошаго-съ? Простые цвѣты.

Мила рѣшилась промолчать, чтобы не вступить съ своей горничной въ споръ о разности вкусовъ.

Та викакъ не унималась.

— Вы сегодня что-то, Людмила Павловна, не въ духѣ-съ? замѣтила она.

— За то ты, Даша, слишкомъ въ духѣ! что это такое? Ты забываешься.

— Вотъ вы и сердитесь, барышня! А я такъ спѣшила къ вамъ-съ. Лестила себя надеждою... Я все это время говорила о васъ.

— Во всякомъ случаѣ было бы не худо, если бы ты меньше говорила.

— Да я съ кѣмъ говорила, барышня, скажу вамъ. Затолока нагналъ меня въ Лисей-балкѣ, остановился, спросилъ о старой барынѣ, тутъ мы и о васъ... Онъ, право, вовсе не старъй мужчина.

— Поди прочь! даже топнула своей легкой ногою Мила: — Принеси мнѣ кружку, поставь цвѣты.

Мартышка, какъ объяснилось послѣ, не помнила себя и болтала, что ни попало, взнесенная чуть не до облаковъ тѣмъ, что подарилъ ей рубль серебра Алексѣй Леонтьевичъ.

Милѣ надобно было нѣсколько времени, чтобы успокоиться. Она ходила по комнатѣ. За дверьми тоже говоръ стихъ и слышалось что-то такое на подобіе шептанья листьевъ въ не совсѣмъ тихую погоду. Даша распорядилась такъ, занятая въ кухнѣ разказами о своемъ походе, что даже не повесла барышнѣ требуемой кружки, а сунула ее съ толчкомъ и приказомъ встрѣчному мальчишкѣ, чтобы отнесъ онъ — что тотъ и исполнилъ съ большимъ ощущеніемъ удовольствія. У окна мальчикъ остановился выслушать, какъ бьютъ часы, и затѣмъ раздался призывающій голосъ пани воеводи: «Мила! пожалуй ты къ намъ». Надобно было волею, или неволею, выходить... «Вотъ вздоръ какой! Если это не стѣсняетъ *его*, я зачѣмъ буду стѣсняться? Я будто ничего не знаю», сказала предъ зеркаломъ Мила, поправляя немного свои волосы и вышла.

Въ ней не было никакихъ такъ, чтобы отдѣльно поразительныхъ, частности; но общность, полная ея особа была чрезвычайно мила. Бѣленькая, какъ нельзя быть бѣлѣ; длинныя рѣсницы приподнятыя кверху и взглядъ прелестный. Даже Татьяна Николаевна замѣчала, что у Милы умныя глазки и затѣмъ у Милы была такая хорошенькая улыбка! Мила входила въ комнату, неся кружку съ цвѣтами, кажется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отстранить цѣлованіе руки, бывшее въ своей силѣ въ Сороковкѣ. Не смотря однако на ободрительное: «какой вздоръ!» ушки у ней слегка зарумянились и она смотрѣла на цвѣты прежде, нежели взглянула впередъ.

— Здравствуйте, Людмила Павловна.

— Здравствуйте, Алексѣй Леонтьевичъ.

— Что это, сколько вы цвѣтовъ несете? На васъ, право, надобно жалобу подать; только не знаешь: кому? Всѣмъ желя оборвали.

— Не я собственно; мнѣ самой только сейчасъ принесли... Мой любимый барвничокъ, сказала Мила, немножко лѣниво, закладывая вѣточку темныхъ листьевъ и темносинихъ цвѣтовъ въ свои русые волосы. — Вы были у обѣдн у насъ? Кто еще былъ?

— Вы не были, Людмила Павловна.

— Я это знаю, улыбнулась Мила.

— Не грѣхъ ли вамъ, *молодымъ* такимъ, въ свою очередь улыбался Алексѣй Леонтьевичъ: — лѣниться въ церковь ходить и еще такъ близко? Започивалъ, Людмила Павловна?

— Да-съ, — что и колокола не могли меня разбудить.

— Нѣтъ, она сегодня рано встала, сказала паня воеводша.

— Маменька! я немножко ѣсть хочу, я не завтракала, съ той же лѣнивой граціей обратилась къ матери Мила... — Скажите, пожалуйста, вступила она, нѣсколько оживленнѣе въ дальнѣйшій разговоръ, задѣтая, какъ видно, удареніемъ Алексѣя Леонтьевича на слово: *молодымъ*. — Это все пріятная Сороковка — преимущественно панъ Мокрый, сообщаютъ вамъ такія интересныя свѣдѣнія: что я сплю — что и колокола меня не могутъ разбудить?

— Помилуйте, Людмила Павловна! Про колокола-то вы сказали самѣ.

— Наконецъ я должна была что-нибудь сказать, когда вы мнѣ въ глаза только что не сказали, что я заспанная.

— А еще я вамъ этакъ, Людмила Павловна, ничего другаго не сказалъ? съ пріостановкою и съ улыбкой спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Ничего! посиѣшно возразила Мила. — Ахъ, маменька, милая! улыбаясь говорила она: — Какъ вы добры! самимъ безноконтясь подавать мнѣ, принимала она отъ матери тарелку, полную воскресныхъ и дорожныхъ пирожковъ.

Съ минуту Мила, нѣсколько улыбаясь, смотрѣла на свои пирожки.

— Вы извините меня, сказала она, въ извиненье передь своимъ гостемъ. — Я немножко позавтракаю.

— Кушайте, кушайте, Людмила Павловна, на здоровье вамъ. А мнѣ уже позвольте покурить сигару?

— Извольте.

— Нѣтъ, право, сказала Мила: — какіе, маменька, вкусные ваши пирожки! — Я вовсе не такъ поздно встаю, какъ Сороковка предполагаетъ, то есть, не потому, чтобы я хотѣла угодить на Сороковку — я этого никакъ не говорю; но что воробьи не даютъ мнѣ, чуть съ зарею, ни малѣйше заснуть.

— Она бы еще больше ихъ приучила! сказала пани воеводша.

— Но вѣдь это ужасно! говорила Мила: — надъ окномъ начинается трещанье, щебетанье, воробьи даже въ стекла ко мнѣ бьются.

— Любятъ васъ, Людмила Павловна.

— Прекрасная, однако, любовь, что не даетъ покоя.

— А вотъ вамъ и покой, Людмила Павловна, когда угодно. Извольте знать пани Швачку? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Примѣръ можно получить.

— Какого рода?

— Рода такого, Людмила Павловна, лукаво смотрѣлъ Затолока: — чтобы воробьи васъ не беспокоили. — Пани Швачка, когда ложится послѣ обѣда отдыхать, то посылаетъ мужа, вокругъ дома, куръ и воробьевъ отгонять. И славно дозоромъ ходитъ Петръ Тимофѣевичъ! «Кишь! кишь!» помахиваетъ лапами — и уже, Людмила Павловна, ни одинъ воробей не смѣетъ чивикнуть.

— Покорно благодарю, не смотря проговорила Мила.

Она чувствовала, что ходитъ по очень зыбкому грунту. Два уже раза Алексѣй Леонтьевичъ, ничего не говоря, умѣлъ подвести разговоръ къ неопредѣленному намеку. «Однако это забавно», кушала Мила, или по крайней мѣрѣ показывала видъ, что она хочетъ кушать свой пирожокъ.

Разговоръ свободно, не стѣсняя никого замолкъ. Потомъ, мало-по-малу, онъ снова зашелся — не такъ узорно, какъ плетутся кружева, а просто, какъ плетется чулокъ: петля

за петлею и выходить незамѣтный рядъ, и пошли ряды и ряды, всѣ ряды похожіе одни на другіе. Хозяйство, весна, сѣнокосы, хлѣбъ — эта благодать Творца... Люблю я эти серьезные, простые бесѣды въ сосѣдскомъ міру, безъ шума, безъ лишняго хвастовства — гдѣ, какъ перлами, усыпана рѣчь: «Богъ дастъ, какъ Богъ благословитъ; какъ уродитъ Богъ. Не порости, а позерни Господи; какъ Господь милосердый въ руки внесетъ».

Миля не любила этихъ разсказовъ; они наводили на нее если не сонъ, то постоянную дремоту скуки; но сегодня ей что-то новое дохнуло стъ нихъ. Людмила Павловна усѣлась уютно въ сторонѣ, на большомъ дѣдовскомъ ларцѣ, писанномъ цвѣтами, который парадно былъ выставленъ въ комнату и занималъ мѣсто другаго дивана. Тихо она сидѣла и еще тише улегалась молодая мысль; Миля опустила на обѣ свои руки голову. Она не видѣла передъ собою разговаривающихъ; но голоса ихъ будто лились на нее. То обдавалъ ее звучный мужской голосъ, подъ полные тоны котораго ниже опускалась ея голова; то опять слегка приподнимала ее мѣрная, пѣвучая рѣчь матери. И за этими голосами слышалась такая полная, обдающая васъ тишина маленькаго домика, когда прислуга ушла обѣдать; всѣ случайно пронсящіеся перерывомъ звуки имѣютъ силу не пугать, какъ бы это было вечеромъ, а какъ-то мягко шевелить, раскрывать душу. И въ этомъ маленькомъ обаяніи, сложившемся изъ тишины и переливныхъ звуковъ, ведущаго мирную бесѣду голоса — изъ тепло-грѣющаго свѣта полудня и собственнаго лучшаго обаянья молодой души, раскрывающейся принять полное ощущение земныхъ благъ жизни, сложилась у Миля кака-то новая мысль, осмысленная, какъ казалось, силою простаго здраваго смысла этихъ долгослышимыхъ рѣчей.

— Однако, что же это? сказалъ наконецъ Алексѣй Леоновичъ. — Мы заговорились и оставили Людмилу Павловну сидѣть одну. Взгляните на насъ, да скажите намъ что-нибудь, Людмила Павловна! поднялся онъ съ мѣста, чтобы подойти къ ларцу.

— Нѣтъ, пожалуйста! остановила Миля: — Продолжайте

вы говорить съ маменькою. Мнѣ было такъ хорошо тихо сидѣть, и слушать, и не слушать васъ.

— Благодарствуемъ за вниманіе. Да что хорошаго ти хо-то сидѣть? Такъ будто и сдается, что, помилуй Богъ, съ грусти. Уже какъ хотите, Людмила Павловна, а у меня такой неприятный нравъ, и самъ знаю: чуть замѣтилъ, что человекъ попрямолкъ — сидитъ, такъ меня и толкаетъ разговаривать его. Такъ что же вы намъ скажете?

— Ничего, право, съ милой серьезностію улыбнулась Мила.

— Какъ ничего? Во всемъ, Людмила Павловна, ей-ей! самое не хорошее слово: *ничего*. Ну, не хотите говорить и Богъ съ вами! такъ съиграйте намъ что-нибудь, или пропойте канареечку.

— А! нѣтъ, сдѣлайте милость! даже испугалась Мила, чтобы нестройными, нелѣпыми звуками своего еле-живаго фортепіано нарушить эту славную тишину, которая впервые сказалась ей и будто приголубила ея молодую головку. — Нѣтъ! пожалуйста, избавьте.

— Мила, у тебя голова болятъ? спросила мать.

— Нѣтъ. Что вы меня спрашиваете, маменька? Алексѣй Леонтьевичъ говоритъ, будто я грущу; вы думаете, что я больна. Я совсѣмъ здорова.

— А я говорить не хотите, Людмила Павловна.

— Послушайте однако: это же и что дѣлаю?

— Вотъ это-то? Много, сударыня, воды; воробью по колѣно!

— Да воробью и не падо больше.

— А кто же этотъ воробей? Я, то есть, старый воробей? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Нѣтъ: я, я! поспѣшно возразила Мила. — Я люблю воробьевъ.

— Э-эхъ! Людмила Павловна, нашли что любить!

— Одаря, Наталка! дѣти мои, что вы это тамъ? Накрываюте на столъ, озаботилась вдругъ пани воеводша и примолкла затѣмъ, и всѣ немножко примолкли.

— Вотъ посмотрите, что ны надѣлали, черезъ минуту вызвалась съ шутливой пенией Мила, глядя и не то чтобы

во всё глядя на своего гостя. — То вы такъ хорошо говорили съ маменькою и мнѣ было хорошо слушать васъ — и зачѣмъ вамъ вздумалось заняться моимъ молчаніемъ? Вотъ мы теперь и всё молчимъ, а стѣны насъ прекрасно слушаютъ.

— А мы васъ слушаемъ, съ предовольной миною отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— То есть, вы находите, что я разговорилась? Правда. Это я сама вижу. Говорите же теперь вы съ маменькою, а я сяду васъ слушать; — подвинулась дальше на своемъ ларцѣ Мила и, будто уже внимательно слушая, прислонилась къ стѣнѣ свою розовую, довольно разогрѣвшуюся щечку.

— Хорошо, Людмила Павловна. Что же мнѣ вамъ такое говорить, чтобы вы пріятно слушали? спросилъ, раздумывая, Алексѣй Леонтьевичъ.

— Я ничего особеннаго не прошу у васъ. Говорите, продолжайте разговаривать, какъ вы говорили съ маменькою.

— О чемъ тутъ толковать? сказала пани воеводша. — Безпокойствіе только наводитъ Алексѣю Леонтьевичу. Я уже и забыла, родной мой, куда насъ съ вами наша рѣчь привела?

— Я-то помню, отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Привела насъ наша рѣчь къ озимой пшеницѣ пана Мокраго.

— Что же эта пшеница? какъ? спросила Мила, не терявшая надежды завязать разговоръ.

— Ничего, Людмила Павловна. Хорошая озимая пшеница.

— И Мокрый ее насѣялъ?

— Посѣялъ.

Разговоръ какъ оборвался. Алексѣй Леонтьевичъ смотрѣлъ въ окно; пани воеводша позвала опять Наталью и Одарью, чтобы накрывали на столъ.

— А вѣдь, скажите-ка вы, панъ Мокрый?... сказалъ, раздумывая у окна Алексѣй Леонтьевичъ.

— Да, сказала Катерина Логвиновна.

— Да, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Не будь у моего батюшки коня-савраска, что боялся всякой кучки земли —

вотъ бы вамъ и панъ Мокрый! А славный старикъ отецъ былъ.

— Поймалъ въ мутной водѣ рыбку и самъ выплылъ.

— А! какъ хотите, пани воеводша, я ничѣмъ не виню! На то щука въ морѣ, чтобъ карась не зѣвалъ.

— Что это такое? спросила Мила. — Какой карась?

— А вы не знаете? Вотъ славно! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Я никогда о томъ разговора не имѣю. Что такое вспоминать? Богъ съ нимъ, отвѣчала за дочь пани воеводша.

— Такъ стало вы, Людмила Павловна, ничего и не слышали, что было между вашимъ дѣдушкою и моимъ батюшкою? продолжалъ спрашивать Затолока. — Э! такъ вамъ же надобно рассказать.

— Алексѣй Леонтьевичъ! извините мое слово: что вамъ охота такая поднимать изъ гроба мертвыхъ?

— Нѣтъ, пожалуйста, маменька! Они не встанутъ, просила Мила. — Такъ что же вашъ батюшка и мой дѣдушка, Алексѣй Леонтьевичъ? Нынче такъ всѣмъ любопытно слышать про старину.

— И ничего тутъ любопытствующаго нѣту, даже повела рукою пани воеводша. — Жили люди лучше насъ и померли, царство имъ небесное!

— То-то и любопытно знать: какъ они жили?

— И скажу вамъ, Людмила Павловна: славно жили по своему, входилъ въ колею рассказа Алексѣй Леонтьевичъ.

— Такъ вотъ я вамъ докладываю, потиралъ онъ руки: — вашъ дѣдушка и мой батюшка (на поминъ души ихъ) были хорошіе люди и большіе друзья между собою. Дѣдушка вашъ, Веденей Саввичъ, важный отставной воевода и теперь я еще иногда во снѣ его вижу: въ желтомъ шелковомъ кунтушѣ, сафьянные сапоги на подборахъ и что ни говорить, а усы гладить. Ну, и батюшка мой только что не воевода, а рослый, видный, молодецъ изъ себя, что, право, будто подъ стать имъ люди перевелись теперь на бѣломъ свѣтѣ! — Вотъ-съ, была у вашего дѣдушки крашеная таратайка, а у моего батюшки доморослый конекъ-савраско — и мой батюшка, и вашъ дѣдушка взлюбили этого

конька, кажется, потому одному, что его не за что было вовсе любить. Простая толстоногая лошаденка и еще одно ухо, какъ жеробенкомъ совраско былъ, чужая кобыла откусила. Дѣдушка вашъ давалъ за него двухъ лошадей на выборъ, а батюшка просилъ еще одного воеводскаго уса на придачу — дѣло не сошлось. Но куда бы ни ѣхалъ батюшка, или приходилось ѣхать воеводѣ, въ таратайку запрягался савраско и нужно-ли было другому изъ нихъ ѣхать, или не пужно, они оба, и вашъ дѣдушка и мой батюшка, сажались въ таратайку; батюшка бралъ возжи и они отправлялись вдвоемъ ва совраскѣ. Надобно же вамъ объяснить главную матерію, отъ которой стало все дѣло. — Какая же мудрость водилась за савраскомъ? — Такъ онъ ничего не боялся; но чуть савраско увидѣлъ кучку земли — кончено! уперся передними и задними ногами, наставилъ одно свое ухо и, хоть что вы хотите, ни съ мѣста! Слѣдовало непременно кому-нибудь встать, подойти къ кучкѣ земли и покопать ее немножко палочкою. — Тогда савраско всхрипнетъ, увидитъ, что здѣсь бояться нечего и отправляется далѣе до новой кучки. Кажется, эта потѣха болѣе всего нравилась покойникамъ. — Разъ были они на пиру еще у старой пани Швачки, на томъ концѣ Сороковки, позасидѣлись тамъ и уже покойники про то знаютъ какъ они съ дороги по-низу да попали на гору въ степь; это, знаете, было подъ осень, что потурои начали по степи свои кучки рыть. Известно, какія у насъ въ степи дороги? Пишутъ старички вавилоны; какъ вдругъ савраско наткнулся на потуройную кучку и сталъ, не трогается. Батюшка зналъ свое дѣло: слѣзъ съ таратайки, поконалъ кучку. Не проѣхали трехъ саженьей, опять кучка и съ другой стороны кучка; уже и совсѣмъ ночь; батюшка то и дѣло, что сядетъ да встанетъ; напоследокъ уже и садиться пересталъ, покапываетъ по всей степи кучки. — «А можетъ, пане воеводу, и вы бы не много проходку сдѣлали?» замѣтилъ сильно уставшій батюшка. — «А конь на что?» отвѣтилъ воевода. — «Да оно, пане, конь на то, чтобъ хозяинъ пѣшкомъ не шелъ.» — «А что же тебѣ? Воевода пѣшкомъ пойдетъ?» — Всякъ себѣ воевода своего огорода,» замѣтилъ батюшка.... «И я панъ моей таратайки! —

«И я же пань своему коню!» — «А что ты будешь дѣлать съ своимъ конемъ?» насмѣшливо спросилъ воевода. «Покопай ему.» — «Да мы и покопасмо,» отвѣчалъ батюшка, уже досада его разобрала. «А что вы будете дѣлать, пань воевода, съ своей таратайкою?» — «Поѣду на ней.» — Поѣзжайте, какъ поѣдете, а съ чужаго коня среди грязи долой.» Выпрягъ батюшка своего савраска, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Остался, Людмила Павловна, — вы извишите, — вашъ дѣдушка ночевать въ степи въ своей таратайкѣ. Такъ онъ всѣхъ святыхъ молилъ, чтобы пришли волки и его съѣли — чтобы досталось вражьему сыну Затолокѣ! Но, на горе вашему дѣдушкѣ, не съѣли его волки. На утро нашли его невредимымъ, въ таратайкѣ спящимъ. — «А что ты думаешь, брате?» пришелъ онъ къ батюшкѣ. «Я тебѣ этого дѣла не подарю. Ты меня осрамилъ на всю Сороковку. Не погнѣвайся, брате, я съ тебя «безчестье» возьму. Да еще какое возьму, пане брате: чтобы ты у меня въ судѣ, при собраньи, прощенье просилъ. — «Ой ли?» поднялись брови у батюшки. «Смачнаго захотѣлось пану воеводѣ.» — «И дашь, пане брате. Бо скажи: какъ ты не дашь?» спрашивалъ воевода. — «Я не скажу, пане брате,» отвѣчалъ батюшка; «а докажу...» И вашъ дѣдушка и мой батюшка, Людмила Павловна, немало не сердясь другъ на друга, не измѣняя ни въ чемъ своихъ пріятельскихъ отношеній, завели между собою дѣло.

— Какъ дѣло? удивилась Мила. — Изъ чего же здѣсь заводить дѣло?

— Вотъ легко ли, нашли заботу, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Дѣло можно изъ всего завести, лишь бы была охота. — Поѣхалъ вашъ дѣдушка въ городъ, и недѣлю слишкомъ тамъ прожилъ, пока ему писали, писали и на цѣлыхъ пяти листахъ написали: «что оный, отъ отца своего ненадежный Затолока, будучи съ нимъ въ пріятельскомъ собесѣдованіи въ гостяхъ, дьяволу вложившу ему такую чертову думку, завезъ его ночью въ степь и тамъ бросилъ, и что кромѣ всякаго поруганія и посрамленія, и обиды чина чина паче для воеводской чести — и душегубства разныя души христіанской могли изъ онаго воспослѣдовать, яко и

усмотрѣть можно: волкамъ нашедшимъ и приключившуся вору, и всякому хотѣнію лихаго человѣка предѣлъ не есть положенъ, а тѣмъ паче ночью...»

Мила любопытно смотрѣла во всѣ глаза, едва схватывая смыслъ этихъ рѣченій.

— Что же это такое? сказала она. Я не совсѣмъ понимаю. Здѣсь будто выходитъ....

— Гдѣ вамъ, Людмила Павловна, выходитъ? Тутъ уже совсѣмъ вышло, что моего батюшку едва ли не обвинили въ томъ, что онъ имѣлъ покушеніе на жизнь воеводы. — «А что ты тамъ, пане брате, накрутилъ на меня?» спрашивалъ батюшка — какъ я теперь могу понимать, говорилъ Затолока, то онъ очень доволенъ былъ тѣмъ, что дѣло пошло такъ широко.

— Но мой дѣдушка! даже немного смутилась Мила.... Какъ онъ могъ обвинять ...

— Что? Богъ съ вами, Людмила Павловна, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. — У него и въ помысленіи не было. «А бѣсъ ихъ знаетъ, что тѣ судейскіе писаки пишутъ? говорилъ онъ, — уже хорошаго ничего не напишутъ: не таково ихъ созданье.» И мой батюшка я вашъ дѣдушка пріискалп себѣ по «писулямъ», какъ они называли своихъ повѣренныхъ, и сказали имъ на-крѣпко: что вотъ *таке дило*: одинъ — чтобъ панъ Затолока попросилъ у него прощенье — непременно. Хочетъ онъ того и ничего больше не хочетъ! а панъ Затолока объявлялъ, что пока онъ живъ будетъ, не попроситъ! Такъ онъ и сдѣлалъ: умеръ и не попросилъ — а чтобы прочее и сули дѣлали, какъ знаютъ; то уже ихъ было дѣло.... И повезли писулямъ изъ Вербовки и изъ всѣхъ Кутковъ (потому-что Кутки когда-то всѣ затолоковскіе были) повезли муку и пшено, сало и масло съ яйцами; боченками палвнн, кадочкамъ меда. Помню, съ улыбкою говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, покойницѣ матушкѣ не такъ того было жаль, что въ кадочкахъ, какъ самихъ кадочекъ. Было у нашихъ отцовъ, Людмила Павловна, земли довольно — всякія угодыя по Сороковкѣ; ваша Лисья-балка была.... Какое насѣчное мѣсто въ лѣсу, надъ Ворсклою, съ лугами по ту сторону было у моего батюшки! Такъ я вамъ говорю, Люд-

мила Павловна: будь оно теперь у меня, я бы васъ силою посадилъ и повезъ посмотрѣть, что тамъ за рай душѣ былъ!... «А уже пасѣчка-то фить-фить-фить!» присвистывалъ вашъ дѣдушка воевода. — «А уже Лисья-балка фу, фу, фу!» отвѣчалъ батюшка. «А что, пане брате, мы давно не знаемъ: что тамъ тѣ писули на насъ понаписали? Поѣдемъ, провѣдаемъ» — и вдвоемъ они сѣли въ таратайку и отправлялись на савраскѣ. И этакъ они семь лѣтъ ѣздили вмѣстѣ судиться!

— На ту пору Мокрый вышелъ изъ службы, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, — и привезъ одну ту несчастную тысяченку раззоренныхъ денегъ. Нашимъ, Людмила Павловна, то и пало на-руку. Писули, что ни дальше, все больше подавай имъ денегъ.... Разъ чуть-чуть было не рѣшилось дѣло, что батюшкѣ прощенье просить. Онъ пошелъ къ Мокрому: «брате, бери пасѣчное мѣсто хоть задаромъ — что хочешь давай, только не погуби моей головы». Далъ Мокрый одну сотню, какъ теперь знаю, синими бумажками, — дѣло перевернулось. Начались опять справки да выправки. Воевода видитъ, что плохо: дѣло изъ рукъ ушло — онъ къ тому же Мокрому: «Бери Лисью-балку....» А отчего человѣку не брать, когда ему вольной волей даютъ, да онъ еще свои деньги приплачиваетъ? Позабиралъ у насъ Мокрый всѣ наши хорошия мѣста по Сороковкѣ: вишневые сады, конопляники, огороды съ вербами; пообрѣзали наши кругомъ всю свою землю; да это еще батюшка на седьмой годъ въ концѣ умеръ....

— И царство ему небесное! повершила пани воеводша, которую видимо томили эти тяжелыя былинны прошлаго. Она все время молчала. — Алексѣй Леонтьевичъ! борщъ на столѣ простынетъ.... Такъ, чтобы не вспоминать уже, выкушайте водочки, да и Богъ съ нимъ, что было!

— Такъ вотъ что! сказала немного подумавши Мила.... Однако я еще пользуюсь Лисей-балкою. Я тамъ барвинокъ рву.

— Дитя дѣтское и разсуждаетъ, махнула рукою пани воеводша. Пожалуйте, гость мой дорогой! попользуемся обѣдомъ, какой намъ Богъ послалъ.

Удивительно, как иногда простота может замѣнить самое утонченное искусство — простота силы простаго, вѣрнаго ума. На что было щекотливѣе положенія Алексѣя Леонтьевича? Отверженный женихъ и еще такъ рѣзко, безпощадно отверженный: «такой старый!» сказали ему. И самый искусственно умѣющій изворотиться человѣкъ, ловкій на слова и довольно ловкаго ума, обдержаннаго привычкою общества, поотступился бы чрезъ три дня послѣ отказа явиться въ домъ и быть тамъ тѣмъ же, чѣмъ и былъ прежде: разговорчивымъ, дѣльнымъ и вмѣстѣ веселымъ, занимательнымъ собесѣдникомъ. Алексѣй Леонтьевичъ чрезвычайно выигралъ во мнѣніи Милы.

Безпокойство ея тотчасъ стихло, когда она только взглянула на довольную и еще какъ бы немпожко самодовольную улыбку Алексѣя Леонтьевича. Она перестала упрекать себя въ чемъ бы то ни было и рада была его вольной, не пріостановленной извѣстнымъ случаемъ, развязной говорливости, которая давала ей полную свободу тоже быть вовсе не стѣсненной. Но за первыми мыслями очень часто слѣдуютъ вторыя и бывають довольно противоположны первымъ.

Не въ первый а можетъ быть, въ сто первый разъ слушала Людмила Павловна рассказы и разговоры Алексѣя Леонтьевича. Особеннаго ума въ нихъ не было; но теперь положеніе свободнаго рассказчика заставляло повнимательнѣе вслушиваться въ его слова. Въ нихъ являлась занимательность отъ совершенно посторонняго случая — особенно отъ этой маленькой улыбки, съ которою господинъ какъ будто находилъ удовольствіе намекать на свое начальное отверженіе. Это придавало оригинальную физиономію его рѣчамъ, выраженіе его глазамъ; возбуждало нѣкотораго рода любопытство; а извѣстно, что такое маленькое любопытство въ женщинѣ? Мила немпожко заинтересовалась Алексѣемъ Леонтьевичемъ по совершенно женской причинѣ: потому, что онъ казался не довольно заинтересованъ ея отказомъ.

Обѣдъ прошелъ чрезвычайно занимательно, обвѣянный веселой свѣжестью рассказа Алексѣя Леонтьевича о памятной проказѣ его дѣтства. Это было въ связи съ тою пасѣкою, которой лишилъ его батюшкинъ любимый конекъ-са-

враско. И какъ былъ отъ сердца милъ и задушевно веселъ Алексѣй Леонтьевичъ, размашисто, жестами рисуя старые дубы, пни, повалившіяся по лѣсу колоды, густую лозу у пребрежья, и эту ступу, которую онъ поджегъ, выдолбленную посреди пасѣки въ вѣковомъ пнѣ... Этотъ отблескъ дѣтской свѣжести, радости, дѣтскаго горя на волосахъ мелькающихъ сѣдиною, какая неувядаемая поэзія человѣческой души!

Алексѣй Леонтьевичъ превосходно рассказывалъ; да и было же что рассказать: въ глуши надъ Вореклою, на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ, ниже занушенномъ лозами, въ прорѣзанныхъ дубовыхъ кустахъ — словомъ, въ томъ затаенномъ прилѣсьи, которыя въ малороссійскихъ пѣсняхъ зовутся «темными лугами по-надъ берегами,» стояла ихъ пасѣка. И дѣдъ сидѣлъ на пасѣкѣ, и дубъ когда-то стоялъ посреди пасѣки; отъ него остался мохнатый пнище, выдолбленный и выжженный внутри ступою и къ ступѣ, на желѣзной цѣпи, прикованъ былъ толкачъ. Какъ и сказать, что толкалось и растиралось въ этой ступѣ? — Порохъ. — Отецъ Алексѣя Леонтьевича былъ большой охотникъ, много стрѣлялъ и, для своего обихода, самъ мастерилъ себѣ на пасѣкѣ порохъ; дѣдъ пасѣчникъ помогалъ ему; сынъ, десятилѣтній мальчикъ, здѣсь же все зналъ и видѣлъ. Разъ въ сѣнокосную пору отецъ былъ по ту сторону на лугахъ съ гребцами. Дологъ, жарокъ іюньскій день! птица не очнется, не отзовется по залѣсью. Сыннишка проказникъ бѣгать набѣгался и спать выпался и даже ѣсть всего наѣлся. Два раза былъ у отца, переплывалъ въ плавь и на лодкѣ рѣку; одинъ разъ подкрался, чуть было не схватилъ за хвостъ дикаго селезня и опять воротился на пасѣку — нечего дѣлать. Вотъ уже стало немного вечерѣть; шелохнулись по камышамъ утки и дѣдъ выползъ изъ куреня къ своему огнищу. Нечего ребенку дѣлать. Передъ нимъ ступа и прикованный къ ступѣ толкачъ — и дѣдъ вѣдъ смѣшной: поставъ его на ноги, онъ семь верстъ до Сороковки, не присядясь, пройдетъ; а чуть сѣлъ, не поднимется съ ровнаго мѣста... «Дай, я подожду ступу: посмотрю, какъ дѣдъ станетъ подниматься?» И мальчикъ, обрадованный тѣмъ что нашлось ему дѣло, забѣжалъ

по закустамъ, схватилъ пылающую головню такъ, что дѣдъ не примѣтилъ, и пустилъ ее швыркомъ въ ступу; а самъ однимъ махомъ очутился въ дальнихъ лозахъ и присѣлъ. Посыпались искры, упала головня въ середину ступы — какъ загудеть что-то по лѣсу, какъ сорвется съ желѣзной цѣпи толкачъ и ну невидимой силой колотить по одному улью, по другому! и девять ульевъ въ рядъ положилъ — и какъ зашевелится земля вмѣстѣ съ жужжаньемъ пчелъ, какъ рванется ступа съ кореньями вонъ... всполохнулаеь вся птица изъ лозъ и камышей. Трескъ и громъ, и ступа жжи-и! И какъ вѣдьма полетѣла по воздуху. Вокругъ листь осыпался на деревьяхъ... Бѣдный дѣдъ, въ первую мавуту со всѣмъ ошеломленный, метался ползкомъ туда и сюда, старался подняться на ноги, попалъ въ свою яму съ огнищемъ, едва не спекся; на четверенькахъ доползъ до перваго дерева, обхватилъ его обѣими руками, и здѣсь уже, вскочивши на ноги, пустился дѣдъ бѣжать прытче молодаго. Но шалууну изъ всей ожидаемой потѣхи неосталось ровно ничего: онъ самъ, на половину живъ, на половину мергвъ, забился въ кусты и ночевалъ тамъ. Отецъ на сѣнокосѣ, по первому треску и грому, объявилъ: «Глядите! Это ни что больше, какъ мой Алексѣй ступу поджегъ». И вызывалъ онъ сына изъ кустовъ ласкою и грозою, обѣщалъ ему и ступу простить. «Да выходи, гдѣ ты у бѣсова сына запрятался, Алексіе? тебя волкъ съѣстъ». Но Алексіе не явился. И только на другой день къ вечеру, когда отецъ, выманивая его всѣми способами изъ засады, сказалъ громко: «Вотъ спасибо, дѣдъ, нашей любой пани; прислала намъ пироговъ съ макомъ на ужинъ....» Тогда Алексіе выставилъ изъ кустовъ голову....»

— Довольно, улыбаясь, слегка похлопывала Миля въ ладони. Вы остановите здѣсь Алексѣй Леонтьевичъ, вашъ рассказъ, какъ вы выставились изъ кустовъ за пирогомъ съ макомъ. Это превосходно.

— Да нѣтъ, не довольно. Зачѣмъ же я остановлю рассказъ? Я еще буду продолжать.

— Пожалуйста....

— Да чего вы боитесь?.. Э-тэ-тэ! Людмила Павловна! Вы думаете то... а! т. е., того — что лозы-то кругомъ ро-

сли? Нѣтъ-съ, докладываю вамъ: извините-съ! не было того, увѣрялъ Алексѣй Леонтьевичъ. А батюшка просто легонько потянулъ меня за ухо и сказалъ: «удалой хлопецъ! уже научился изъ пушки стрѣлять. А счастливъ ты, сыну, что не попался мнѣ вчера.... Да тебѣ за сегодняшнее надобно еще лучшаго лозана дать!» напустился вдругъ на меня батюшка — я не понималъ за что? сказывалъ Затолока. «Поганецъ ты! дурень не хлопецъ! Какъ назвали тебѣ пирога съ макомъ, такъ ты и вылъзъ; а не могъ ты самъ съ собою разсудить: развѣ сегодня постный день, чтобы тебѣ мать пироги съ макомъ пекла? Ты бы еще отцу сказалъ: «подожди, тату, до пятницы; не засмагуй усовъ,» или какъ-нибудь по другому; а то-глядите видѣли дурня и лѣзеть изъ кустовъ!... Эй, Алексіе! смотри: за ступу простылъ, а уже за пирога съ макомъ дважды не прощу.»

Такъ прошелъ обѣдъ. Вставая изъ-за стола, пани воеводша, съ обычными извиненіями, чтобы не погнѣвались на ея простую хлѣбъ-соль, предложила гостю:

— А чтоже, Алексѣй Леонтьевичъ? какъ вы положите! По сороковскому чину вѣдь оно такъ: послѣ обѣда отдыхъ принять слѣдуетъ. А тамъ вы встанете, опочивши немного, и кофій у меня будетъ готовъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, пани воеводша! просилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Пусть я лучше не приму отдыха. А мы, позвольте, распорядимся такъ: можетъ, вамъ и отдохнуть угодно; нахлопотались вы по хозяйству съ зарн и всякое дѣло и распоряженіе есть; вы же уѣзжаете — надолго уѣзжаете, пани воеводша?

— Такъ — Богъ его знаетъ, какъ выпадетъ; а недѣли на полторы будетъ.

— Вотъ видите. А кто только домомъ не живалъ, тотъ не знаетъ, сколько въ немъ дѣла. Пожалуйста, чтобы я не былъ вамъ помѣхою. Извольте идти себѣ: отдыхайте, распорядитесь, кончайте всѣ дѣла до одного и тогда, какъ покончите, пожалуйста и на отъѣздѣ побесѣдуемъ, и кофій свой оставьте, право. Мы лучше послѣ, по старинному, какъ отцы наши любили, подъ яблонью чаю напьемся — вотъ это такъ.

— Оно-то и все такъ, Алексѣй Леонтьевичъ, коли вы хотите; да какъ же я васъ оставлю одного.

— Вотъ маленький-то ребенокъ, съ печки убьется!... Да и не одного же меня: вотъ у васъ Людмила Павловна, молодая хозяйка, есть.... Можетъ и у Людмилы Павловны тоже свои дѣла есть? И прекрасно. Всякой дѣлай свое дѣло, и я себѣ найду дѣло. Пойду посмотрю лошадей и своихъ, и вашихъ.

— Посмотрите, сдѣлайте одолженіе.... Вотъ такъ мы и разойдемся? перѣшительно сказала хозяйка.

— И разойдемся, пани воеводина; я только картузь возьму.... И вы, Людмила Павловна, за свои дѣла?

— О! у меня большія дѣла; произнесла Миля, обрывая вѣточку своего полузавядшаго барвика.

— Я думаю, подсказала, уходя, пани воеводина.

— А вы что же не идете за своимъ дѣломъ?

— Да я уже Людмила Павловна, картузь взялъ.

— А теперь берете сигару? Это, однако выйдетъ маленькое замедленіе.

— Э! да какія же вы прилежныя, Богъ съ вами, Людмила Павловна! И одной минуты не хотите дать человѣку прогулять.

— Это же вы распредѣлили такъ: всякой дѣлай свое дѣло.

— Ну-те; а вы же какое будете дѣлать?

— Свое.

— Э! да еще какое славное могло бы быть за вами дѣло.... Иду, Людмила Павловна.

— Однако Алексѣй Леонтьевичъ! смотрѣла въ слѣдъ ему, забавно улыбаясь Миля.

Она осталась одна въ тишинѣ ненарушаемой своего маленькаго домика. Въ окно видно было какъ на дворѣ суетилась мать; переходила изъ кладовой въ амбаръ и въ ледникъ; за нею послали мѣшки и разныя кадочки.... Миля ходила по комнатѣ, пося за собою маленькое недовольство: что ей нечего было дѣлать. Подошла она къ фортепіанамъ. Людмила Павловна играла очень хорошо; но фортепіано, не настроенное съ-тѣхъ-самыхъ-поръ, какъ оно поступило въ

Сороковку, съ разбитымъ басомъ и недостающими струнами, съ какимъ-то старческимъ дребезжаньемъ по клавишамъ вмѣсто звуковъ — на первомъ аккордѣ стала наша музыкантша и задумалась, сидя за своимъ инструментомъ. Есть очень нелегкія думы, которыя выражаются легонькой улыбкой... Почти полчаса сидѣла за фортепіанами Мила, не принимая рукъ съ пожелтѣвшихъ, изъѣвшихся, клавишей — тихая, милая. Какою мыслию горѣли ея опущенные глазки, прикрывшіеся длинными рѣсницами? По крайней мѣрѣ эта мысль пробуждена была тѣмъ самымъ ощущеньемъ, на которое я указывала: «Когда въ тихую комнату, слышишь, идетъ — входитъ человекъ; прислушиваешься, какъ онъ ступаетъ...»

— Дѣло идетъ! сказала Мила, не перемѣняя своего положенія; но съ освѣжившейся улыбкою, вслушиваясь въ отголосокъ свободной, несдерживаемой походки смѣло входящаго Алексѣя Леонтьевича.

— А! вотъ вы и за вашимъ дѣломъ, Людмила Павловна.

— Ошибаетесь: только *передъ* дѣломъ. Это большая разница.

— Какая разница?

— Довольно ощутительная: сидѣть за фортепіано и играть на фортепіано.

— Развѣ вы все это время не играли?

— Сидѣла, сказала Мила.

— Только?

— Какъ видите, не больше.

— Фить-фить! комически просвисталъ Алексѣй Леонтьевичъ. — И теперь не сыграете, когда васъ попросятъ.

— Нѣ сыграю.

— Что такъ?

— Такъ.

— Такъ, чтобъ я и не слыхалъ, какъ вы поете и играете!

— Именно такъ... Посмотрите, пожалуйста — ну, послушайте! въ нетерпѣнья ударила рукою по клавишамъ Мила. — Можно ли играть на такомъ разбитомъ, изувѣченномъ скелетѣ? Это все равно, что калѣку недвижимаго заставлять плясать... Съ вашего согласія, Алексѣй Леонтьевичъ, — за то, что я сегодня въ другой разъ грубо от-

казываю вамъ — позвольте мнѣ не только не играть, но даже не сидѣть за фортепіанами.

Мила встала и пересѣла на диванчикъ.

— Что же вы стоите? Садитесь, прошу васъ.

— Гдѣ прикажете, Людмила Павловна?

— Вотъ вопросъ! Гдѣ вамъ угодно... только, если вы рѣшились просить моего указанія, сказала Мила, — пожалуйста не тамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, — не подъ канарейкою. Во-первыхъ: она осыплетъ васъ своимъ сѣменемъ и обрызжетъ водою; а потомъ — право, это такъ невольно напоминаетъ Якова Ивановича Триля и какъ онъ поетъ:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня.

Прогѣла немного Мила.

— Прекрасно! и еще бы что говорилъ, да смѣлся Алексѣй Леонтьевичъ. — Такъ, если не садиться подъ канареечку, позвольте мнѣ здѣсь сѣсть возлѣ столика, напротивъ васъ. — Первое-то куда ни шло, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, усѣвшись, гдѣ онъ говорилъ; — пусть брызжетъ водою канарейка, не замочить; а второе, Людмила Павловна — чтоже? вѣдь и мнѣ, какъ пану Трилю приходится запѣвать:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня!

— Никогда! сказала Мила, немножко краснѣя, но живо, съ прекраснымъ, открытымъ взглядомъ открыто выражаемой мысли. — Вы слишкомъ умны, Алексѣй Леонтьевичъ, и всегда найдете, чѣмъ утѣшить себя гораздо бѣльшимъ канареечки.

— Положимъ и такъ, Людмила Павловна, что я уменъ, да развѣ умъ во всемъ утѣха?

— Во всемъ, Алексѣй Леонтьевичъ, во многомъ; по крайней мѣрѣ, какая же утѣха можетъ быть безъ ума?

— Гм! хорошо-съ, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.... То есть, продолжалъ онъ, подумавши: — я говорю, Людмила Павловна: этотъ столъ липовый? А вы мнѣ отвѣчаете: какая же комната будетъ безъ стола?

— И вы напрасно меня спрашиваете, почтеннѣйшій Алексѣй Леонтьевичъ: липовый ли онъ, или другой какой? Я, право, ничего не знаю.... И сдерживала свою улыбку, и никакъ не могла сдержать ее, разсмѣялась Мила.

— Смѣйтесь же, смѣйтесь, Людмила Павловна, повеселѣе. Я подожду, пока вы пересмѣтетесь. Что-то бы сказать вамъ надобно, чтобы случая какого не вышло.

— Что такое?

— Вотъ уже у васъ и смѣха не стало! Какъ это все живо, посмотришь: и разсмѣются, и не смѣются.

— Да что такое, Алексѣй Леонтьевичъ?

— Вамъ очень нужно туда ѣхать, куда вы ѣдете?

— Очень. А вамъ на что?

— Пошли вопросы!... На то, чтобы узнать, можно ли вамъ отложить поѣздку?

— Нельзя.

— А какъ надобно будетъ отложить?

— Вовсе не надобно. Мы завтра ѣдемъ.

— Хорошо, Людмила Павловна. А какъ вы будете ѣхать, ѣхать да и дорога вся, то есть, дорога-то и будетъ передъ вами, да вамъ не на чемъ будетъ ѣхать по дорогѣ?

— Почему.

— А вотъ-съ потому.... Слыхали вы про такую штучку: гайка?

— Гайка? сказала Мила. — Это что-то тамъ маленькое, у колеса?

— Оно маленькое, да стоитъ большаго.

— Ну-те, Алексѣй Леонтьевичъ: пока я еще ни большаго ни маленькаго, ничего не вижу. Въ чемъ дѣло?

— А въ чемъ-съ дѣло? Какъ ходилъ я смотрѣть своихъ и вашихъ лошадей, и бричка ваша выдвинута изъ сарая въ которой вы поѣдете, я и ее осмотрѣлъ.... Ненадежна. Въдъ вамъ верстъ восемьдесятъ ѣхать? И всѣ гайки по-свертѣлись, никуда; а одна на заднемъ колесѣ просто потому только и держится, что тамъ грязь да мази подъ нее набилось; а считится, разогрѣется мазь въ дорогѣ, бѣда!

— Пожалуйста, не пророчте. Какая же бѣда?

— Такая, что гайка спадетъ и колесо спадетъ.

— А Еремей гайку подниметь, колесо надѣнетъ, мы и поѣдемъ.

— Вы шутите, Людмила Павловна, а съ этимъ въ дорогъ шутить неловко. А какъ бричка и сами вы попадете? Все Еремей будетъ поднимать? А лошади дрогнуть да понесутъ?

— Наши? съ маленькимъ юмористическимъ изумленіемъ спросила Мила. — На этотъ счетъ я совершенно покойна.

— Да что вы покойны! Говорятъ люди: на дорогъ найдешь мертвую лошадиную голову и той не довѣряй! Не зауздавши, не ѣзди.

— На мертвой головѣ?

— Вотъ то-то и есть! А не то, чтобъ довѣрять живой тройкѣ.

— Да вѣдь это наша тройка, Алексѣй Леонтьевичъ. Вы судите по своей.

— Эхъ! Да не говорите же мнѣ, Людмила Павловна!

— Только вы, пожалуйста, не говорите этого маменькѣ, сказала Мила. — Поѣхать мы все-таки поѣдемъ, не посмотримъ на пустую гайку. Намъ откладывать никакъ нельзя. Черезъ два дня Лена именинница, да маменька меня за руку поведетъ, если бы я сама не захотѣла идти. Вы только этимъ прибавите суеты и безпокойствъ, поднимете совершенно напрасную тревогу.... Я прошу васъ, Алексѣй Леонтьевичъ.

Вздвигнувъ плечами Алексѣй Леонтьевичъ.

— Что вы такъ удивляетесь, право? убѣждала Мила. — Вѣдь мы сколько времени ѣздимъ въ этой бричкѣ, и въ прошломъ году ѣздили.

— Да, Людмила Павловна! Вѣдь и человекъ живетъ, живетъ, пока умретъ. Вы вспомните, сколько она на своемъ вѣку ѣздитъ? Пора ей вовсе перестать ѣздить.

— Ахъ, Алексѣй Леонтьевичъ! Пусть еще разъ съѣздитъ.

— Ну-те, Людмила Павловна, напрашивастесь вы сами на бѣду.

— Да нѣтъ.... Разсудите вы и такъ: все равно, въ Сорочковѣ некому починить брички; а тамъ кузнецы и слесари

намъ въ одинъ мигъ ее исправятъ.... Видите, доказательно улыбалась Мила, — для самой брочки намъ необходимо ѣхать и повѣрьте, что, ради собственной пользы, она пренсправно доведетъ насъ.

— Довезетъ! доведетъ! съ сомнительнымъ подтвержденьемъ кивалъ головою Алексѣй Леонтьевичъ.

— Да, наконецъ, если бы и не довезла? Что это, въ самомъ дѣлѣ? Поѣдешь и приѣдешь, и больше ничего?

— А какъ, Людмила Павловна? Такъ вы хотѣли бы поѣхать и не приѣхать?

— А это васъ чрезвычайно удивляетъ? Да. Отчего не испытать чего-нибудь? И сегодня живешь такъ, и завтра такъ, — это наскучить жить. Надобно, чтобы подтолкнуло что-нибудь. А со мной еще въ жизни никакого происшествія не было, ни самага маленькаго.

— И дай Господи, чтобы во вѣкъ его не было!

— Прекрасно однакоже.... Я не говорю за вами вашей молитвы. Развѣ съ вами самими не было никакихъ приключеній въ жизни?

— Избавляъ Богъ. Никакихъ, слава Богу, отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ крестясь.

— Какъ можно? говорила Мила. — Вы столько ѣздили по разнымъ дорогамъ, на Дону были и по Черноморью, и чтобы съ вами никогда ничего не случилось? Это невѣроятно.

— Да что же у насъ-то, Людмила Павловна, въ Россіи, можетъ случиться? Ничего такого. Разбойниковъ въ поминѣ нѣтъ. Воришка развѣ стянетъ что, или метель замететь, вотъ только и всѣ происшествія. Правда.... Разъ будто и хотѣло что случиться.... Да отошло, благодарить Бога, ничего не было.

— Что же это такое, что хотѣло съ вами случиться? Вамъ можно рассказать, Алексѣй Леонтьевичъ? съ легенькимъ движеніемъ головою спросила Мила.

— Оно можно-съ, отчего нельзя? Да любопытнаго ничего нѣту... то есть, для меня-то оно и очень любопытно: что это первая моя, какъ есть, поѣздка была, попытка по

торговому дѣлу.... Помолодить вы меня хотите, Людмила Павловна, этимъ разсказомъ, замолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Истинное диво какое! сказалъ онъ, подумавши. Вспоминается, какъ будто все и недавно было; а какъ перечесть года — Господи, Твоя воля! Сколько жизни утекло.... Что жъ? говорить вамъ, что ли, Людмила Павловна?

— Если только это не наведетъ васъ на какія нибудь тяжелыя воспоминанія, Алексѣй Леонтьевичъ, съ добротой тихаго участія сказала Мила. — Въ послѣднемъ случаѣ будь вашъ разсказъ занимателенъ, какъ лучшая книга, не говорите мнѣ его.

— И, Людмила Павловна! Черезъ пятнадцать, шестнадцать лѣтъ какимъ быть слишкомъ тяжелымъ воспомина- ниямъ? Все перемелется, мука будетъ....

— Въ ту пору, правда, было то время тяжелое для меня. Схоронилъ я свою матушку, — спать, родная, у церкви.... Съ нею я будто еще и богатъ былъ; а какъ воротился съ похоронъ, сѣлъ одинъ въ углу, да взглянулъ вокругъ: пусто! такой я себѣ показался горюнь, бѣдная моя доля, несчастливая! Панскія мои горенки, смотрю, покосилися; оглядѣлся, такъ у меня земли и на квасъ нѣтъ. Живи тутъ, какъ поживется, какъ молодой головѣ надумается! А молода моя голова была, Людмила Павловна; сидѣлъ на мнѣ не плохо офицерскій мундиръ.... Надумалъ я такъ: голова и руки есть, не пронадать же человѣку даромъ. И началъ я ко всему присматриваться, и прислушиваться: какъ люди живутъ и чѣмъ промышляютъ? Гдѣ на ярмаркѣ два купца толкуютъ, а уже третій я слушаю тамъ. Скоро свелъ меня Богъ съ истинно хорошимъ человѣкомъ, теперь моимъ большимъ пріятелемъ, купцомъ Матвѣемъ Ивановымъ Скорняковымъ. Вы бы на него, Людмила Павловна, и не взглянули; а человѣкъ, что за душа дорогая! Вели ему Богъ на свѣтѣ положить. Началъ онъ мнѣ совѣты давать, ободрять.... Что жъ что съ ничего приходится начинать? Абы воля Божья, и большимъ чѣмъ доведется кончить. Что вотъ такъ и отецъ его: купилъ шапку да продалъ, съ того и торговать пошелъ.... Такъ-то вотъ я, Людмила Павловна, чужимъ умомъ наставляемый и своимъ не плошая, началъ изворачиваться:

чтобы мнѣ какую ни на есть себѣ маленькую копейку сбить, чтобы было чѣмъ взяться, прислонить руки къ чему. Отъ похоронъ матушки остался у меня дѣлковый рубль, да два старыхъ пятака; вся казна моя. На этотъ рубль купилъ я по Сороковкѣ четвертей семь овса и къ тому купилъ, что была у меня офицерская тройка лошадей. Вотъ я и началъ ее откармливать. Выходилъ, вычистилъ, вывелъ ее на ярмарку; моя тройка играетъ, какъ солнышко, — продалъ! Здѣсь же себѣ другую тройку купилъ и, не сводя съ ярмарки, съ барышами продалъ. Лошадь свою верховую продалъ, перекупилъ ее и опять, сердечную, продалъ. Часы свои, серебро, какое мнѣ досталось, Проценкамъ заложилъ и перекрестился я: слава Тебѣ, Господи! на тысячу рублей ассигнаціями собралось у меня денегъ, что можно и счастья попытать. Вотъ эту послѣднюю ночь на выѣздѣ не спится мнѣ, Людмила Павловна, и лѣтняя ночь, да никакъ ее не скоротаю; думы меня разбираютъ. Всталъ я куда до зари, помолился въ родномъ углу.... Эхъ, тысяча моя, тысяча! думаю. Тутъ все, что есть моего. Только самого себя не продалъ, да Проценку душу не заложилъ. Оборвусь, и не за что разу зацѣпиться.... Э! подумалъ: воля Божья! Что будетъ, то будетъ. Уже утопиться не утоплюсь.... Запрягай, ѣдемъ. Выѣхали мы, еще и свѣтъ не начиналъ брезжиться; мицуемъ церковь, вздумалось мнѣ: пусть-ка отецъ Стефанъ пронется, панихидку мнѣ на могилѣ матушки отслужить. Въ самомъ дѣлѣ! Приниматься за такое важное дѣло, что, то есть, жизнь твоя въ томъ и не помянуть родителей. Ровняемся мы съ домошдствомъ отца Стефана (уже онъ тогда вдовъ былъ), соскочилъ я, чтобъ постучать въ окно; а у него окно и на дорогу совсѣмъ отворено, и только занавѣшено. На сколько я могъ, пролѣзъ къ нему въ окно; — вставайте, отецъ Стефанъ! бужу его: панихидку служить. Всталъ онъ, спасибо ему; пономарь куда-то запропастился, не нашли его. — Да что? Я вамъ самъ сослужу за пономаря и прочитаю не хуже его, говорю я отцу Стефану. Пойдемте. Пришли мы въ ограду; отворили церковь; достали, что было нужно; затеплили свѣчку, я раздулъ угольевъ въ кадило; а ночь, Людмила Павловна, тихая ночь! Что свѣча

прямо на могилѣ, поверхъ креста прилѣплена, горитъ. То есть, какъ вамъ сказать: я будто до тѣхъ поръ въ первый-то разъ и въ послѣдній на своемъ вѣку слышалъ, какъ служится панихида.... Умилился отецъ Стефанъ. Сначала старикъ началъ было скорсенько читать; но потомъ все тише и тише, будто самъ онъ вслушивался въ свое каждое слово и скажу вамъ, что и ночь вокругъ насъ, и небо — кажется, и всѣ святые съ неба слушали насъ! Потекли у старика слезы на трепникъ; я тоже въ слезахъ стою; начали мы пѣть *вспиную память*; а соловей съ нами поетъ, поетъ да такъ сладко переливается, что у насъ своихъ голосовъ не стало.... И слова мы не сказали другъ съ другомъ; обнялись крѣпко на могилѣ, да такъ и разстались молча.

И замолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ, и Мила тоже ни слова не говорила; канареечка одна посреди тишины тихонько высвистывала.

— Вотъ такъ я вамъ, Людмила Павловна, не смотрѣлъ, кому говорилъ онъ: — вызвался говорить одно, а насказалъ совсѣмъ другаго. Чайтельно, васъ въ скуку ввелъ, простите великодушно. Я уже ничего больше говорить не буду.

— Алексѣй Леонтьевичъ! отозвалась Мила: — а если я вамъ скажу: нѣтъ! Вы не ввели меня въ скуку и вы сами взглянете и увидите, что это такъ — вы станете мнѣ продолжать? Скажите мнѣ.

— Ахъ, Людмила Павловна! голосокъ вашъ сладко, какъ тотъ соловей поетъ... Что вамъ угодно: начинать ли, продолжать ли? Я бы передъ вами всю свою душу открылъ?

— Какъ жарко!.. Позвольте, пожалуйста, я принесу холодной воды для себя и для васъ. Я васъ поподчую вареньемъ... ускользнула Мила.

— Вотъ тутъ-то лови такое легкое! указалъ ей вслѣдъ рукою и махнулъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Мила возвратилась, неся собственноручно на подносѣ ледъ, воду и банку съ вареньемъ.

— Приглашаю васъ, сказала она: — Чѣмъ вы безцеремоннѣе, достаточнѣе будете кушать, тѣмъ болѣе я увижу, что вы цѣните мое угощеніе.

— Хорошо, Людмила Павловна. А какъ я, подаваясь на ваши слова, да цѣлую банку съѣмъ?

— Только оставьте мнѣ въ стаканъ немножко, размѣлась своей хорошенькой улыбкой Мила. — Ничего, кушайте. Это будетъ мое вознагражденіе вамъ за ваши рассказы.

Я не берусь отрицательно утверждать, чтобы здѣсь вовсе не было маленькаго кокетства; чтобы цвѣтокъ не пахъ, пѣвчая птичка не пѣла и хорошенькая дѣвушка не желала нравиться, за немѣніемъ кого другаго, хотя бы тому самому, кому она вовсе не хотѣла нравиться. Къ тому же у Милы этотъ процессъ жизненнаго отправленья женщины совершался такъ просто, легко, безъ малѣйшей натяжки и если она теперь немножко кокетничала, то кокетничала передъ былымъ Алексѣемъ Леонтьевичемъ, а не настоящимъ; кромѣ, разумеется, невольнаго легенькаго отсвѣта, который всегда былое наводитъ на наше настоящее.

— А, что же, Алексѣй Леонтьевичъ! Насъ, кажется, разбойники ждутъ? облокотилась она на столъ и съ улыбкою, понемногу припивала изъ своего стакана воду съ вареньемъ такъ, что капли малиновой влаги оставались на ея свѣженькихъ губкахъ.

Разсказъ начался простой и именно интересный въ живомъ словѣ мелкимъ перечнемъ всѣхъ обстоятельствъ: какъ со своей горемычной тысячью въ карманѣ затерялся одинъ въ степи Алексѣй Леонтьевичъ. Увидѣлъ землянку и подъѣхалъ, чтобы пойдти узнать, нѣтъ ли тамъ кого поспросить дорогу. Когда онъ ставилъ лошадь, его будто толкнуло что бросить бумажникъ съ завѣтной тысячью въ бурьянъ и травюю прикрыть его. Вошелъ Алексѣй Леонтьевичъ въ землянку, а тамъ болѣе полдюжины молодцовъ на печи и по лавкамъ сидятъ, и говорятъ ему, что они всѣ Вѣтры и отецъ ихъ Вѣтеръ; а старая матеръ — Степь. Будь съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ въ карманѣ его тысяча, онъ, если бы и вышелъ живой изъ землянки, то уже завѣтной своей тысящи не вынесъ бы онъ! Но панихидка на могилѣ матери, вѣрилъ Алексѣй Леонтьевичъ, что это она спасла его. Оставя свои деньги на дворѣ, онъ беззаботно, съ отвагой, пустился въ раздобары съ молодцами, умѣлъ очевидно по-

казать имъ, что у него въ кошелекѣ всей казны только два полтинника, которыми онъ по братски и подѣлился съ ними, съ Вѣтрами степными, спросилъ дорогу, выпилъ еще у нихъ чарку простой водки и вышелъ благополучно.

Еще съ половины этого разсказа пожаловала пани воеводша, принесла за большую рѣдкость моченыхъ грушъ и чай пили въ саду подъ яблонью, и солнце въ глазахъ всѣхъ заходило, великолѣпно-тихое, румяное. Румянецъ его горѣлъ на облакахъ и на чайной бѣлой скатерти, и на молодомъ лицѣ Милы, одѣвая всю окрестность, всю даль въ рдѣющій, затихающій вечеръ.

— Прощайте, Людмила Павловна! распростился Алексѣй Леонтьевичъ съ паней воеводшею. — Вотъ завтра васъ здѣсь не будетъ; уѣдете вы... Веселитесь, Людмила Павловна; только ворочайтесь къ намъ поскорѣе, а мы васъ будемъ ждать. А вѣдь, вы знаете, что вамъ мимо меня ѣхать? Другой дороги нѣтъ.

— Я знаю, отвѣчала Мила.

— Да что это вы все изволите быть въ перчаточкахъ? И чай намъ наливали въ перчаточкахъ — хотя бы вы сняли свои перчаточки! Долгъ велить на прощаньи ручку поцѣловать; а вы ихъ запрятали.

— Я избавляю васъ этого долга, сказала съ обязательной улыбкою Мила.

— Мало-ль бы чего вы избавляли! да я-то хочу исполнить свой долгъ.

— Однако, Алексѣй Леонтьевичъ, вѣдь вы не въ Сорковкѣ живете и очень хорошо знаете, что этотъ долгъ во все не лежитъ на васъ.

— Э! Людмила Павловна, мы — *люди старые* и кому, какъ не намъ, держаться старины! Извольте пожаловать вашу ручку, хитро улыбаясь Алексѣй Леонтьевичъ.

На минуту, въ маленькомъ смущеніи, приостановилась Мила и ея ушки живо зарумянились.

— Нѣтъ! сказала она: — Вы забываете, что я слишкомъ молода и, изъ уваженія къ вашимъ лѣтамъ, не могу позволить себѣ такой чести. Извините меня.

— То есть, втюпикъ поставили старика! смѣясь, тря-

пулъ головою Алексѣй Леонтьевичъ. — Ну-те, какъ же тамъ будетъ по вашему? Вы и на прощаньи не протянете ручку?

— Напротивъ, я съ большимъ удовольствіемъ подаю ее вамъ. — Благодарю васъ за ваши рассказы, за день приятной бесѣды, приостановясь немного: — благодарю васъ, повторила Мила.

— Покорнѣйше благодарю, Людмила Павловна, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ: А я вамъ сказку скажу.

— На вечеръ глядя?

— Коротенькую. — Жилъ-былъ, Людмила Павловна, въ пустынѣ пустынный и медвѣдь присосѣдился къ нему; хотѣлъ услужить другу, со лба муху согнать и засадилъ ему камень въ лобъ... Какъ, вы думаете, теперь должно вынимать его?

— Я думаю, что это будетъ довольно трудно.

— А почему?

Алексѣй Леонтьевичъ ловилъ легкую улыбку Милы.

— Потому — чтобы пустынный не водился съ медвѣдями.

— А гайка, Людмила Павловна? шопотомъ сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— А! пустяки...

— Мила! что это Алексѣй Леонтьевичъ остановился, съ Еремой говоритъ? смотрѣла вслѣдъ уѣзжающему Алексѣю Леонтьевичу паня воеводша.

Мила догадалась, о чемъ разговоръ долженъ былъ идти, и ничего не сказала.

— Ерема, стой! шель вдалекѣ Ерема: — стой! Что это тебѣ Алексѣй Леонтьевичъ говорилъ?

— Гайка! махнулъ рукою Ерема.

— Что ты говоришь? Галка?

На этомъ недоразумѣніи дѣло и кончилось.

— Гдѣ онъ здѣсь видитъ галку? осмотрѣлась паня воеводша.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Никто не отрицает — или пусть и отрицают, что разумное что-то какъ будто движется и дышитъ въ окружающей насъ природѣ. Этого-то разума вездѣ присущаго, можетъ быть, соприкасается душа, когда, безо всего особеннаго, надобно только пройти передъ нами четыремъ временамъ года: разцвѣсть веснѣ, зазолотиться колосьями лѣту, пахмуриться, оброняя листья, осени и широко лечь бѣлыми снѣгами зимѣ, чтобы мы нашли столько новаго, столько не того, что было въ насъ — возмужалаго, заглянувши въ свою молодую душу. Эта молодая Мила ничего особеннаго не испытала въ этотъ годъ жизни у своей матери, ничего, чтобы она сильно почувствовала въ Сороковкѣ; но какъ будто на нее что навѣвало изъ широкой степи, когда она, поклоняясь, сидѣла у низенькаго окна за пальцами! Пронеслись невольныя какія-то мысли, возникая совершенно такъ, какъ по самому чистому голубому небу показываются легенькія волокнистыя облачки. Этотъ миръ и тишина, широкія поля, неощутимо, чѣмъ-то такимъ же тихимъ, умиряющимъ сказывались быющемуся сердцу. И сказывались потому, что какъ бы тихо и незамѣтно не проходила жпзнь, какъ бы, казалось, ни прожили мы мало впечатлѣній; но годъ времени — самое это отсутствіе впечатлѣній есть уже своего рода большое впечатлѣніе и на душу иначе, по все также жпзненно умудряя, ложится и оно. Людмила Павловна на видъ была все таже ип во что не входившая, беззаботная молоденькая дѣвушка. Въ ней проглядывало еще дѣтство въ веселенькой радующей улыбкѣ; а между тѣмъ какъ бы выигралъ тотъ и какъ бы вдругъ сдумѣла отвѣчать ему Мила, кто бы, минуя эти признаки, серьезно заговорилъ съ нею, потребовалъ бы отъ нея женщины, рѣшимости, ея тихаго невозвратнаго слова.

Но теперь мысль Милы, съ затаенной заботою, все обращалась къ предстоящему путешествію. Розно оно сказывалось ея молодой мысли. Съ одной стороны, какъ бы не поѣхать? Мила какъ рыбка окунется въ родной жпвой водѣ, узнаетъ, что новаго — что случилось въ томъ свѣтѣ, который давался и не дался ей, и къ которому тянула ее при-

житые инстинкты ея новой, не сороковской природы... И къ тому еще рояль, или имперьяль Лихтенталя въ пространной залѣ, и Лена эту зиму провела въ Петербургѣ — сколько рассказовъ! О, какъ бы не поѣхать? И затѣмъ — какъ ѣхать? Судите сами: на эти рассказы о балахъ, о выѣздахъ, о торжествахъ Лены, что отвѣчать, когда та спроситъ: «а ты рассказывай, говори Мила.» Что Мила цѣлый годъ, только и знай сидѣла у низенькаго окна за пальцами, да за прошлогодними книжками? что въ туманѣ и безъ тумана плоской шпротою облежала ее степь? Что просились слезы? Проносились какіе-то урывчатые мысли? И какое дѣло Ленѣ до этихъ мыслей и что можетъ быть общаго между сороковской барышнейю и богатой красавицею большого свѣта? И зачѣмъ ѣхать, и къ чему ѣхать? Чтобы занимать то мѣсто въ парадной гостиной, которое ассигновано воспитанницамъ, или какой-нибудь дальней бѣдной родственницѣ? А Мила? Она въ своей Сороковкѣ уже такъ привыкла къ лестному почету первенства и такъ отвыкла отъ этихъ маленькихъ уколовъ полувниманія, полупренебреженія съ милостивымъ благоволеніемъ.

Мила еще не ѣхала, а уже думала о томъ, какъ хорошо будетъ возвращаться! А ѣхать было надобно, чтобы не оказаться неблагодарною, непомнящею благодарній. И къ тому еще самая процедура этого путешествія, что за несносная тягость! На полтора дня сжиматься, затиснуться въ брику; сорокъ верстъ ѣхать безпредметной степью; взъѣзжая на нее, Ерема закидываетъ на мѣдный столбикъ у козелъ возжи, достаетъ изъ кармана трубочку и начинаетъ курить. «Такъ сно себѣ, пусть такъ,» одобряетъ нани воеводша. «Пусть лошадки сами пройдутся». И лошадки идутъ, помахивая хвостами и головами. Вначалѣ это страшно смѣшило Милу; потомъ ей становилось досаднымъ; наконецъ вывело ее изъ терпѣнія. «Помилуйте! кто такъ ѣздитъ?» спрашивала она. «Мы», коротко отвѣчали ей. «И слава Богу, что это только мы, а никто болѣе.

И, наконецъ, то же слава Богу, что и возвратное путешествіе, къ началу котораго такъ тяжело въ затаенномъ сознаніи обращалась мысль, подходило уже къ концу. Ми-

новали ту безотрадную степь, спустился отъ нея подъ гору; слѣдовало только версты на три проѣхать лугомъ между огромныхъ торфяныхъ кочекъ, подняться потомъ въ большую пологую гору, усаженную коренастыми пнями, зазеленѣлыми и кудрявыми отъ молодыхъ погоновъ и между нихъ словно бѣлыя мурашки расползлись по взгорью, — а это ходило стадо испанскихъ овецъ. И вотъ, взвѣзжая въ гору, на право подъ широкимъ темнѣющимъ садомъ и двѣ трубы дома Алексѣя Леонтьевича; а уже отсюда верстѣ восемнадцать, двадцать и Сороковка.

— Эхъ, поди ты! Да прійдется въ дорогѣ почевать; не доѣдемъ, Мила, говорила наши воеводша.

И это было болѣе чѣмъ вѣроятно. Совсѣмъ уже вечерѣло, или по-крайней-мѣрѣ становилось очень сумрачно. За тучами нельзя было опредѣлить совершенно ли сѣло солнце, или оно только садилось, проведя узенькую золотистую каемку на окраинѣ неба? Липоватый мимолетный отблескъ едва вспыхивалъ и погасалъ въ медленно идущихъ, тяжелыхъ тучахъ. Онѣ весь день обледали небо, и дождь сильный шелъ, и теперь еще рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ «москаль», какъ его называютъ по Малороссіи, вырывалъ изъ тучъ крупныя холодныя капли и билъ ими въ залубенѣлую кожу, застегнувшейся на всѣ фартуки, на всѣ свои ремешки и застежки, брики. При поднятомъ переднемъ фартукѣ, Дашѣ не оставалось возможности сидѣть подъ нимъ и она нашла очень довольною прилечь и совсѣмъ заснуть, положи голову къ колѣнамъ барышни. Барышня оставалась постоянно молчаливою отъ холода, въ темнотѣ закупоренной брики, спустивъ вуаль и въ непріятномъ положеніи чловѣка въ дорогѣ, когда дорогу испортилъ дождь и темнѣеть, москаль въ уши дуетъ и надобно добираться до какого ни на есть ночлега. «Не въ пору мы, душа моя, выѣхали. Хоть бы намъ на гору поскорѣе выбратъся... Ухъ! кочки растолкали бока — а?» на новомъ толчкѣ привскрикнула наши воеводша. Голосъ у нея оборвался; а ей показалось, что это Мила что-то говорить ей. «А?» спросила она. Но Мила безотвѣтно молчала.

Не холодомъ крѣпнло молодья губы, а скрѣпили ихъ такія мысли, что какъ пройдутъ онѣ надъ бровями и слѣдомъ

морщинака поползетъ за ними. Она потомъ сойдетъ и разглядится; но для будущаго уже начало есть.

Это слово будетъ слишкомъ широко, чтобы сказать: Мила любила; но первое пробужденіе чувства, эту робкую нѣгу, несознающую ни надеждъ, ни желаній — сладость тихо приливающей жизни къ сердцу, ихъ ощущала Мила. И подь какимъ плѣнительнымъ представленьемъ это сказалось! Старшій сынъ О...скихъ блестящимъ образомъ окончилъ науки въ одномъ изъ высшихъ заведеній столицы; два года онъ не былъ дома. Татьяна Николаевна, какъ страстно-любящая, радостная и гордая своимъ сыномъ мать, и какъ женщина, любившая всѣ случаи торжественности и пышныхъ представленій, положила устроить ему блистательную встрѣчу. Онъ долженъ былъ пріѣхать лѣтнимъ позднимъ вечеромъ. Заданъ былъ балъ; созваны гости, фасадъ дома освѣщенъ; Лена и Мила, предназначенныя къ главной роли, въ бѣлыхъ балльных костюмахъ; ихъ шестнадцатилѣтнія головки пышно увиты свѣжими розами, на столѣ приготовленъ зеленый лавровый вѣнокъ и всѣ ждутъ радостнаго вѣстника, когда онъ прискачетъ сказать: «ѣдетъ, ѣдетъ!» И вотъ онъ ѣдетъ... Съ задушаемымъ крикомъ радости бросается къ нему съ ступеней крыльца мать, обнимаетъ его отецъ; юноша входитъ въ сіяющій залъ и на порогѣ роднаго дома встрѣчаютъ его двѣ молоденькія дѣвушки, въ бѣломъ, въ дышущихъ свѣжимъ ароматомъ розахъ и надѣваютъ ему на голову лавровый вѣнокъ. «А genoux!» шепнула ему мать и онъ, улыбаясь, сталъ передъ ними на одно колѣно. Одна изъ нихъ ему родная сестра, другая почти тоже сестра, выросшая въ семьѣ его; юноша, растроганный, крѣпко обнялъ ихъ обѣихъ вмѣстѣ и, пылко цѣлуя, поцѣловалъ ихъ милыя лица. И что ему этотъ балъ и чужія люди? Онъ хочетъ быть съ *своими*. Онъ увелъ ихъ въ садъ, обнялъ ихъ обѣихъ за талии, и, прохаживаясь по широкимъ аллеямъ, въ отдаленномъ сіяніи сверкающаго окнами дома, подь музыку, которая переливаясь песетя къ нимъ, онъ говоритъ имъ, рассказываетъ, ласкаетъ ихъ обнаженныя руки. Какъ сестрѣ Ленѣ, онъ и Милю почти говоритъ *ты*. «Одинъ лавръ,» осматриваетъ онъ свой вѣнокъ: «чтобы немного примѣшать мирта, Мила?» цѣ-

луетъ онъ ея руку и наклоняетъ къ нимъ свой свѣтлый радостію, прекрасный юношескій лобъ, чтобы онъ поцѣловалъ его... Такая плѣнительная страница читалась въ свѣтломъ представленіи Милы. Когда теперь вечеромъ подъѣхали къ дому и въ освѣщенномъ окнѣ вдругъ Милѣ показался онъ, у нея занялось дыханіе.... «А! вы, mademoiselle Мила! неожиданное явленіе,» бралъ онъ невольно, несдержаннымъ порывомъ протянувшуюся къ нему руку. «Mais comme elle se gante bien», посмотрѣлъ онъ любопытно на руку или на перчатку. На завтра онъ былъ споленъ занять собою, своими гостями; но быть въ его присутствіи дѣлало удивительно-хорошенькой Милу. «Вы посмотрите, право,» указывала на нее гостямъ Татьяна Николаевна. «Она хорошеетъ тамъ, въ своей... какъ ее? Мила!» подставляла ей щеку Татьяна Николаевна. «А, mademoiselle Мила! да какъ вы милы!» Набрелъ онъ нечаянно на Милу, сидѣвшую подъ деревомъ на маленькой скамьѣ. «Я не прошу даже позволенія сказать это вамъ...» И эта властительная полунебрежность тона! Сѣлъ онъ къ ней на скамейку и хотѣлъ взять руку; Мила крѣпко взялась ею за сукъ дерева. «Что это? какъ вы одичали, Мила, въ своей Сороковкѣ... Chère maman забываетъ всегда, гдѣ вы живете; а я, видите, помню. Pensez donc, развѣ мы чужіе? Даже одинъ учитель французскаго языка у насъ съ вами былъ!» Мила что-то отвѣчала и пошла къ дому. Ей хотѣлось немного заплакать; но она не заплакала... Пусть этимъ усиленіемъ и возмужала она къ жизни; но теперь, сидя въ закупоренной бричкѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ, въ такой унылой обгановкѣ молодой мечты, чѣмъ думала утѣшить себя, чѣмъ вознаградить, Мила?...

....Ай! ой! Господи.... отцы мои!... Пру! стой! остановитесь.... Ерема! Мила! ой.... что съ нами? Пантелей, падаемъ.... Поднимайте, спасайте.... Ай, барышня, ай! въ ровъ валимся— ай, ай, ай! перевернулись.... Ахъ, Боже мой! это гайка....

Всѣ эти восклицанія вмѣстѣ и одно наперерывъ другаго, вырывались изъ брички, послылись вокругъ брички; сдерживали лошадей. Что такое, что? Ъхали тихо въ гору и вдругъ задъ брички началъ однимъ колесомъ будто отходить, пода-

ваться въ бокъ, въ бокъ—ай! И расшатнулася, падая брика, только не въ ровъ, какъ вопла съ просонья Даша, а среди ровной дороги. Последнее восклицанье о гайкѣ объясняетъ все.

Именно, это была гайка, какъ предсказывалъ Алексѣй Леонтьевичъ и какъ, менѣе всѣхъ крича, сильно ушибенная въ правой локоть и почти задушаемая навалившимися на нее подушками и узлами, чуть слышно проговорила Мила. Здѣсь только ей пришло въ голову, что приѣхавши къ О...скимъ, она забыла позаботиться о своей брикѣ; мать не знала ничего; а Еремей, по пословицѣ, только про себя разумѣй, — и теперь вотъ соскочила гайка!

Вѣроятно то, чѣмъ она была подвернута, стерлось въ дорогѣ и, могло быть, что и самая дорога лугомъ, по кочкамъ и толчкамъ, окончательно развертѣла гайку; только брика страшно накрепилась. Желѣзная ось съ размаха на полчетверти вошла въ разрыхляющую землю и надобно было удивляться, что къ одной бѣдѣ не приключилась другая: не сломалась ось, выдержала на себѣ брику и весь грузъ брики. Но тутъ снѣжили отстегнуть фартуки; старый Пантелей, не жалѣя послѣднихъ зубовъ, грызъ не подающіеся ремешки и застѣжки. Папи воеводша высвободилась и первымъ дѣломъ перекрестилась; Милу на руки принялъ Пантелей изъ брики, цѣлуя размахивающіеся рукавички ея бурнуса, чтобы тѣмъ успокоить барышню, или извиниться въ бѣдѣ передъ нею,—онъ и самъ того хорошо не зналъ и, для облегченія сердца, обругалъ совою Дашу.

— Не подь часъ мы выѣхали.... Мила, Господь съ тобою! другъ ты мой, мы тебя задавили.... Какъ же тебя называть, старый! спрашивала Ерему папи воеводша. Что ты это съ нами сдѣлалъ? Вѣкъ ѣздилъ, того не было. Дурную дорогу по лугу переѣхалъ, на хорошей было намъ головы посломалъ.

Папи воеводша, не осмотрѣвшись, еще не знала настоящей причины паденія; а Ерема, находя излишнимъ отвѣчать, шелъ по дорогѣ назадъ, тыкая въ землю кутомъ и отыскивая гайку.

— Что ты тамъ батька своего ищешь? Простительно осердясь, спрашивала пани воеводша.

Но собственный ея, одинъ короткій взглядъ на запрокинутуюся брику, на колесо, которое, откатясь, лежало близъ дороги, объяснилъ ей что такое ищуть и что надобно всѣмъ иѣрами искать.

— Пантелюшка! Даша! голубчики мои, такая надъ нами бѣда стряслась! идите и вы къ Еремѣ, ищите. Здѣсь не далеко гдѣ нибудь гайка соскочила.... Мила, простудишься ты, дитя мое! говорила пани воеводша. Стань за лошадыми, чтобы тебѣ не на вѣтрѣ быть. Успокойся, золото мое дорогое! только бы тебя не ушибло; а это еще не иш-вѣсть какая бѣда — найдемъ гайку.

Но что-то не рано ли обнадеживала пани воеводша на счетъ гайки? Конечно, гдѣ ей болѣе быть, какъ не на дорогѣ и не могло же колесо много проѣхать безъ гайки; но Ерема уже изъ виду скрылся, сошелъ со всѣмъ подъ гору; а стало еще не нашелъ гайку и, по слѣдамъ его, Даша и Пантелей шли и все шли дальше, не возвращались; а со всѣмъ уже темнѣетъ....

— Охъ! что-то мудреное съ ними дѣется. Куда они такъ далеко идутъ? Здѣсь поблизу гдѣ нибудь гайка, пошла сама пани воеводша.

Мила, чувствуя свою вину, не возражала, что она остается одна при лошадахъ и опрокинутой бричкѣ и хотя какой бы нибудь прохожій, или проѣзжій, случился! Въ ихъ положеніи онъ и мало могъ бы помочь имъ; но все одинъ видъ человека имѣетъ что-то облегчительное.... Черезъ дорогу начали перегонять овецъ; старый чабанъ, опершись на свою герлыгу, посмотрѣлъ издалека на брику. «Чьи вы?» спросилъ Мила. «Алексѣя Леонтьевича,» отвѣчалъ онъ и погналъ стадо.

....Пани воеводша, запыхавшись, шла

— Нѣту, Милочка! нѣту, дитя мое! И что намъ дѣлать? нѣту.

— Маменька! куда же ей было дѣваться?

— Одно слово: нѣту!...

И Даша пришла, и Пантелей пришел, и Еремей пришел — нѣту, что хотите.

При самомъ взѣздѣ на гору была рывина, полная воды и толчокъ большой. Тамъ, по всей вѣроятности, должна была соскочить гайка и колесо еще могло держаться потому, что сейчасъ подъемъ въ гору шелъ косогоромъ на противоположную отъ колеса сторону и оно, не свертываясь, могло идти, пока не взѣхали на ровную дорогу; здѣсь въ нѣсколько оборотовъ колесо должно было соскочить... Такъ ли оно точно было, или какъ иначе? Можетъ статься, гайка попала и въ траву, что довольно высокая была при дорогѣ; можетъ быть, она лежала и на самой дорогѣ, зававши въ грязь и въ сумеркахъ не могли разглядѣть? Но только теперь, когда по дорогѣ перешло тысячи полторы овецъ и взгрузило ее своими острыми копытцами, искать на дорогѣ чего нибудь другаго, кромѣ комовъ замѣсившейся грязи, было совершенно напрасно.

— И что намъ на свѣтѣ приходится дѣлать? разводила руками пани воеводша. Вѣдь совсѣмъ ночь...

Еремей и Пантелей подняли бричку и надѣли колесо на ось.

— Мила, я думаю послать къ Алексѣю Леонтьевичу. Что намъ тутъ дѣлать?

— А! нѣтъ, маменька! Богъ съ вами! заговорила Мила. Что же намъ Алексѣй Леонтьевичъ сдѣлаетъ?

— Все-таки мужская голова не то, что наши жепскія: что нибудь онъ намъ да нагадаетъ. Гайки ли, совѣтъ ли какой дастъ.

— Да нельзя ли какъ нибудь безъ гайки ѣхать?... Маменька! къ чему мы призовемъ Алексѣя Леонтьевича? Что ему здѣсь дѣлать! — и безъ него досадно.

— Да уже твоя досада не въ счетъ, коротко отвѣчала мать.

— Но вѣдь намъ надобно гдѣ нибудь почевать? говорила Людмила Павловна. Что же мы будемъ стоять здѣсь, ждать его? Можетъ быть, его дома нѣтъ. Пойдемте лучше какъ нибудь пѣшкомъ.

— Что такое говорить, что и слушать нечего! прого-

ворила пани воеводша.... Она, видите, пойдетъ иѣшкомъ по грязи и по такому вѣтру! Хотя бы кто на волахъ ѣхалъ, желала Катерина Логвиовна. Я бы васъ посадила съ Дашею на возъ и отправила бы къ матушкѣ отца Тимофея: а то никого не видать, ни души христіанской!... Пантелей, ступай... отпрягай лошадь — что здѣсь? нечего думать, — ступай къ Алексію Леонтьевичу, что вотъ такъ и такъ молъ, скажи: такое намъ несчастье, что я ему просьбу мою посылаю; пусть онъ намъ помощь свою дастъ, какую знаетъ.

— Маменька милая! право.... почти взялась за Пантелея руками Мила, да нельзя ли намъ какъ ибудь ѣхать?

— Сядь въ брику дитя мое; не стой на мокромъ мѣстѣ.... Оставь мать дѣлать; она лучше знаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ приходилось ночевать посреди дороги! Хотя бы въ степь куда, къ стогу сѣна подвернуть было можно, такъ никуда податься нельзя, колесо спадетъ. И неприятность такая Милѣ, что она себѣ глаза закрывала рукою, — увидѣтъ Алексія Леонтьевича! опъ будто напророчилъ эту бѣду; просить его объ одолженіи.... «Вотъ и проишествіе!» скажетъ онъ, котораго она желала; непременно подсмѣетъ ей. Мила была достаточно огорчена и еще рука болѣла, иззябла она. Сильное безпокойство, котораго она еще не испытывала, возросло въ ней до степени грустнаго нервнаго страданія.

— Даша! потри мнѣ, душенька, ноги, въ совершенно наступившей темнотѣ тихонько просила она. Ноги у меня совсѣмъ нѣмѣютъ.

И лошади пани воеводши, какъ ни любили покой, а начинали уже не стоять на мѣстѣ; продрогли онѣ. Еремей подтянулъ возжи.... вдругъ одна изъ лошадей весело заржала и другая за нею; на голосъ ихъ третья отозвалась имъ издали. Фырканье и сильный галопъ ея послышались всѣмъ, и темный силуэтъ всадника и лошади быстро выросталъ и показывался передъ глазами.

Хотя не было такъ темно, чтобы вблизи не различить, кто такой ѣдетъ, да и не такимъ горячимъ, сильнымъ махомъ шла лошадь, чтобы можно было предположить, что это сухія и нетвердыя колѣнки Пантелея сжимали ей бока,

по пани воеводша, слышавши, что ржала ея лошадь, и не всматриваясь ни во что болѣе, «Пантелеюшка!» спрашивала ѣздока: «что ты, что привезъ намъ?»

— Это Алексѣй Леонтьевичъ! сказала Мила.

— Я, я! подскакивалъ онъ въ галопъ, безъ сѣдла, на лошади пани воеводши. Дай Богъ здоровья вамъ, Людмила Павловна, что ваши глазки въ темнотѣ меня узнали.... Я чуть услышалъ, крикнулъ, чтобъ запрягали лошадей; прочь — долой Пантелея! чтобы онъ съ моими прѣѣзжалъ, и самъ сюда ѣду, не доѣду, спрыгнулъ съ лошади Алексѣй Леонтьевичъ.... «Что будемъ дѣлать? Гайка! Здравствуйте.... Богъ съ вами! не безпокойтесь.... что такое?» отвѣчалъ онъ на извиненія пани воеводши въ ея ошибкѣ.

— Алексѣй Леонтьевичъ! Бога ради, дайте намъ гайку! съ серьезнымъ огорченьемъ сказала Мила. У нея едва ли не слезы были на глазахъ.

— Людмила Павловна! перешелъ къ ней на сторону Алексѣй Леонтьевичъ. Вѣрьте Богу, что я отцу родному не хотѣлъ бы такъ.... какъ всей душою готовъ для васъ, что вамъ угодно. Но вѣдь гайка не такое дѣло; она не приладится съ одной оси на другую.... Извольте, я на вашихъ глазахъ переиробую вамъ всѣ свои гайки; но, Людмила Павловна извольте знать: брочка ваша немпожко давняя, пынче уже ни такой толщины осей, ни гаекъ такихъ нѣтъ.»

— Родной нашъ! чтоже намъ дѣлать? Пригадайте. Вѣдь темнота какая и вѣтеръ съ ногъ человѣка рветъ.

— Катерина Логвиновна! пани воеводша! я пригадалъ пельзя лучше, не отгадайте только вы, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Когда я вамъ отъ отца и матери человѣкъ знаемый и дружбу мы съ вами не этого года ведемъ, и самъ я по себѣ не зазорный какой показываюсь вамъ, осчастливьте меня, заплатите за всѣ тѣ разы, что я несчетно бываю у васъ, пожалуйте переночевать ко мнѣ! (Вѣдь все равно вамъ ѣхать, никуда нельзя ѣхать. Одинъ я поблизу; не ночуете же вы среди дорогъ?) А завтра мой кузнецъ гайку вамъ сдѣлаетъ, или мы эту по вѣдному отыщемъ.... Весь домъ мой къ всепокорнымъ вашимъ услугамъ и я самъ, при-

казывайте мнѣ! Катерина Логвиновна, осчастливте меня и вы, Людмила Павловна.... Вотъ и лошади мои прїѣхали.

— Алексѣй Леонтьевичъ! начала пани воеводша и не находила она, какъ ему сказать: что будь она одна, она бы съ дорогой душою; но дочь съ нею—ночевать къ неженатому человѣку... Что заговорять въ Сороковкѣ!...

Алексѣй Леонтьевичъ стоялъ безъ картуза... Мила пазвала его по имени и уже по одному голосу можно было судить, что такое происходило въ ней? Какая тревога!

— Мы и безъ того доставляемъ вамъ всевозможныя безпокойства, сказала она: — пожалуйте, надѣньте вашъ картузъ, чтобы вы еще не простудились.

— Только о картузѣ вамъ угодно было мнѣ сказать, Людмила Павловна?

— Нѣтъ-съ... Я хочу просить васъ, Алексѣй Леонтьевичъ, не быть на насъ въ претензїи — извините, что намъ хочется поскорѣе быть дома... Мы вамъ такъ благодарны за ваше предложеніе.

— Что вамъ, Людмила Павловна, во что бы то ни стало хочется отдѣлаться отъ него?... Извольте, какъ же вы приказываете?

— Я не приказываю, Алексѣй Леонтьевичъ—не имѣю на то никакого права, — не зная, чѣмъ смягчить ему свой отказъ, Мила протянула руку Алексѣю Леонтьевичу: — но маменька и я убѣдительно просимъ: нельзя ли намъ на этихъ лошадяхъ, что вотъ пришли и въ вашемъ экипажѣ доѣхать до Сороковки? Вы насъ премного обяжете.

— Людмила Павловна! вѣрьте мнѣ, что я не такъ только говорю; а говорю честнымъ словомъ: будь у меня дома, не въ починку отдавъ крытый экипажъ, я бы первое—что не довелъ васъ до непрїятности просить меня и десять разъ предложилъ бы его вамъ. Но по такой ли погодѣ, въ вашей шляпкѣ и лоскуточкахъ, которые вы—извините-съ—за мѣсто теплаго носите на плечахъ, осьмнадцать-двадцать верстъ проѣхать ночью на дрожкахъ и еще дождь срывается? Ваша ручка, которую вы мнѣ пожаловали, какъ застылая въ моей рукѣ... Накушайтесь у меня чаю. Ну, согрѣйтесь немного и

вотомъ, если вамъ угодно будетъ ѣхать хоть въ полночь, лошади вамъ будутъ готовы.

Мила, въ нерѣшительности, побѣжденная и пѣтъ, обратилась къ матери спросить ее: какъ ей будетъ угодно?

— Алексѣй Леонтьевичъ, родной нашъ! мы вамъ столько безпокойства всякаго нанесли, что, что и дѣлать? Коли ваша милость, берите пасъ.

— Насилу-то — слава тебѣ, Господи! Допросился радости... Самсонъ! живо распорядился Алексѣй Леонтьевичъ: — подъѣзжай ближе, ближе... ловчѣе... Смотри въ оба!

Заднее колесо пролетокъ стало у самой брички.

— Катерина Логвиновна, пожалуйста! Боже, благослови! и Богъ васъ любя... Не безпокойтесь, садитесь смѣло; лошади не шелохнутся... Людмила Павловна! если бы вамъ было угодно, я бы васъ просто на рукахъ перенесъ.

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе! Меня и такъ сегодня Пантелей на рукахъ носилъ.

— Какъ вамъ угодно— все какъ совершенно вамъ угодно, Людмила Павловна! Прикажете васъ поддержать неинного? Вы бы прямо переступили въ дрожки.

Мила такъ и сдѣлала.

— Теперь, ребята, слушай: есть тормась у брички? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Счастливъ ты, Ерема, шеннулъ онъ:— что ѣдишь кучеромъ у пани, а не у пана — была бы тебѣ гайка!

— Тормась есть, медленно отвѣчалъ Ерема.

— Затормазить колесо безъ гайки и за нами шагомъ... Трогай, Самсонъ!

Алексѣй Леонтьевичъ сталъ на рессорахъ позади дрожекъ.

Милѣ показалось, что они въ минуту доѣхали къ дому: такъ она желала бы на возможно дольше время отдалить отъ себя это появленіе въ домъ къ человѣку, которому она — нѣтъ и двухъ недѣль, какъ отказала въ рукѣ и теперь, по самой пошлой случайности, какъ въ романахъ бываетъ, изъ-за дрянной гайки, она ѣдетъ найдти у него пристанище — Господи мой! почевать къ нему въ домъ и онъ, какъ хозяинъ, нѣкоторымъ образомъ будетъ имѣть ее въ

своей власти и какими торжествующими взглядами въ его волѣ подарить ее! «Бываютъ произшествія, горько себѣ говорила Мила, но не такія оскорбительныя, чтобы они не увижали того, съ кѣмъ случаются...» Если бы не вѣтеръ, который дулъ и вывѣтривалъ дождевую влагу и росу на поляхъ и цвѣтахъ, и холодомъ высушалъ глаза, Мила съ каплями слезъ на рѣсницахъ ступила бы на порогъ этого дома.

Лошади пронеслись въ широкія растворенныя ворота... Мила ничего не видѣла и не хотѣла видѣть что и какъ было въ дворѣ. Она только слышала шумъ и колыханье деревьевъ близкаго сада. Хозяинъ, видимо, былъ увѣренъ, что онъ привезетъ къ себѣ гостей: изо всѣхъ оконъ той части дома, которая выходила на подъездную галерею, широкими бѣлыми полосами простирался свѣтъ. Въ немъ съ рѣзкой картинностью вдругъ выступилъ, остановившійся водъ крыльцомъ, буланый съ разметанными вѣтромъ на сторону и на другую гривами и въ полусвѣтѣ дикимъ звѣремъ, а не лошадью, выглянувшій изъ-за густаго напередѣ вихра волосъ, которымъ забросало и засыпало имъ на половину морды и глаза. Бѣлая съ пятнами, большая собака съ крыльца бросилась, ласкаясь, къ Алексѣю Леонтьевичу; человекъ спѣшилъ вынести свѣчу и вѣтромъ задуло ее...

— Поди прочь, Турка! отстань, не до тебя, Турка! говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, принимая съ дрожекъ своихъ гостей и первой Милѣ пришлось ступить на это освѣщенное крыльцо.

Она приостановилась пообождать мать и видѣла въ окнахъ, какъ нѣсколько большихъ и дѣтскихъ головъ, мужчинъ и женщинъ, припавши лицами къ стекламъ и заслоняя себѣ свѣтъ руками, высматривали съ напряженнымъ вниманіемъ ихъ любопытный прїездъ и даже указывали на нее пальцемъ. Милѣ показалось, что и лакей, появившійся вновь со свѣчею, съ какой-то нахальностью отворялъ ей дверь и просилъ ее пожаловать...

— Пожалуйте, Людмила Павловна! милости прошу васъ, подтверждалъ слова своего лакея Алексѣй Леонтьевичъ, такъ казалось Милѣ. — Катерина Логвиновна, вотъ сюда-съ, прямо... Такіе мы съ вами давніе прїатели и вы не знаете,

какъ у меня дверь отворяется. На силу Богъ привелъ... Самоваръ! самоваръ живѣе! Хлопотливо приказывалъ Алексѣй Леонтьевичъ, на минуту отлучаясь изъ залы.

По старинному, благочестивому обычаю отцовъ, няня воеводша, какъ вошла въ домъ, три раза къ образамъ перекрестилась и поклонилась.

— Гдѣ же вы, добрый нашъ, ласковый хозяинъ? обратилась она съ предорогой простотою и искренностью.

— Здѣсь, здѣсь! шелъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Дайте же мнѣ поздороваться съ вами въ вашемъ дому, чтобы и углы свои домашніе слышали, какъ хозяину здоровья и счастья желаютъ... Богъ святой вамъ въ помощь на домашнемъ быту! Здравствуйте, родной мой! здравствуйте, Алексѣй Леонтьевичъ! И не думалось мнѣ, не гадалось у васъ гостьей быть.

Но что было дѣлать Миля? Она не молилась къ образамъ и неужели еще ей было здороваться съ хозяиномъ въ его дому? Прошла бы она въ гостинную; но кто знаетъ, гдѣ у неженатаго челоуѣка положено быть его гостинной? Она видѣла двѣ полуотворенныя комнаты и, боясь попасть въ кабинетъ, стояла среди залы и мяла въ нерѣшительности завязки своей шляпки.

— Я все заставляю васъ ждать... Простите, Людмила Павловна. Такая мнѣ новость — счастье великое принимать васъ, отворилъ широко обѣ половинки двери въ боковую линію комнатъ Алексѣй Леонтьевичъ. Домъ, какъ видно, былъ довольно великъ, строенный еще прежнимъ помѣщикомъ.

Миля рада была мѣсту: опуститься на диванъ и оставаться тамъ по возможности въ тѣни, не выказываясь на глаза, и сама она не смотрѣла никуда. Показалось ей, когда она входила, что должно быть Алексѣй Леонтьевичъ большой охотникъ до картинъ, потому что стѣны будто нестрѣлины; но надъ мѣстомъ, гдѣ она сѣла, стояло большое зеркало, она даже не замѣтила его и не посмотрѣлась въ него. Сняла свою шляпку и здѣсь же положила ее возлѣ себя на диванъ: какъ бы ей покойнѣе было окружить себя своими вещами. Но это уединеніе между шляпкою и скинутыми перчатками, продолжалось всего нѣсколько минутъ.

— Какъ прикажете, Катерина Логвиновна? спѣшилъ предложить чай Алексѣй Леонтьевичъ. — Какъ вамъ угодно чай кушать? Сюда ли пусть подають самоваръ, или тамъ намъ будутъ разливать?...

Пани воеводша, однажды превозмогши странность такого положенія: быть ли, не быть ли у Алексѣя Леонтьевича, — явиться къ нему съ дочерью и, призвавъ себѣ на увѣреніе свою достаточную гордость и достоинство (что она здѣсь порока никакого не находитъ, случай такой пришелся, а случаями Богъ владѣетъ — пусть въ Сороковкѣ хоть Лазаря поють) — пани воеводша вступила въ свое полное распоряженіе духа. Ея чинная свобода и важность, и веселость такая величавая просіяли въ ней... И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не чувствовать удовольствіи? Люди столько лѣтъ знаютъ другъ друга и отцы ихъ жили братьями, увѣрились они другъ въ другѣ, что никому ихъ въ свѣтѣ не разувѣритъ — и вотъ привелось такимъ случаемъ нечаяннымъ побывать у пріятеля своего дорогаго! Катерина Логвиновна ото всѣхъ слышала (мужчины, кто изъ Сороковки бываютъ, всѣ говорятъ), что живетъ Алексѣй Леонтьевичъ прекраснѣе и порядкомъ всякимъ у него въ домѣ не налюбуеться. Теперь пани воеводша все увидѣла своими глазами и наиболѣе того. «Какіе покои барскіе!» осматривала она. Куда ни повертись, такое тебя пріятство встрѣчаетъ. Коверъ по гостинной и занавѣски цвѣтами большими съ листьями; на картинки глаза разбѣгаются... «Умѣетъ мой пріятель родной пожить, какъ ему Богъ послалъ чѣмъ», не завидуя, а можетъ быть, немножко вздыхая при мысли... искренно радовалась довольству своего друга пани воеводша. А что насчетъ чая отвѣчала она:

— Такъ ибѣтъ же, Алексѣй Леонтьевичъ! подружески вамъ сказать, какъ пріятелю: не люблю я разлитаго за глазами чая. Коли мое слово не противъ вашего станетъ, пожалуйста — велите, пусть намъ лучше сюда подадутъ. Людмила Павловна разольетъ намъ чай и еще комната отъ самовара тепломъ пройдетъ.

— Безпокойтъ Людмилу Павловну... безпокойно взглянулъ на диванъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Разумѣется, та должна была отвѣчать: что какое же безпокойство? ей очень пріятно.

Приказано было подавать сюда чай и Мила сѣла разливать его. Она должна была пересѣсть на кресло передъ круглый столъ; мать заняла ей мѣсто на диванѣ; сѣва придвинулся по немногу къ столу Алексѣй Леонтьевичъ. Самоваръ такъ славно примѣнившійся къ условіямъ русскаго быта, такой шипуиъ, кипуиъ — шипѣлъ и кипѣлъ; Алексѣй Леонтьевичъ отослалъ челоуѣка и взялся самъ прислуживать, что будетъ нужно. Показалось ему, что нужно опустить занавѣски, чтобы холодомъ не тянуло отъ оконъ на сидѣвшую Людмилу Павловну — и онъ опустилъ ихъ. Турка лапоу отворилъ дверь изъ залы и сколько тамъ сильно не шептали ему: «Турка! Турка! куда ты? Сюда, басурманъ!» Но басурманъ, рослый и велпчавый, какъ только можетъ быть велпчава лягава породистая собака, смѣло вошелъ и сталъ, поднявъ одну лапу, посреди гостиной. Онъ будто чуялъ незнакомую ему дичь.

— Ваша собака дѣлаеть на насъ стойку, сказала Мила, находя неприличнымъ вовсе молчать и показывать хозяйну, что дуешься на него въ его собственномъ домѣ.

Мила только хотѣла казаться чрезвычайно усталоу, въ чемъ много было и правды — и оттого серьезною и молчаливою; но на лицѣ само собою показывалось, что она была сильно разстроена и смущена. Она нехотя, чуть улыбулась своимъ словамъ.

— Вамъ, Людмила Павловна, можетъ быть неприятно? Я вышлю Турку, поднялся было Алексѣй Леонтьевичъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не безпокойте себя и никого изъ своихъ. Если кому не надобно здѣсь быть, то вѣрно не Турку... Такъ его и зовутъ — Турка? что бы сказать еще нѣсколько словъ, спросила Мила: Или онъ вѣроятно Турокъ?

— Нѣтъ-съ, Людмила Павловна, такъ онъ и есть Турка, отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ, чрезвычайно внимательный и какой вѣжливый, но тоже совсѣмъ серьезный, такъ, что онъ ни подшутилъ, ни засмѣялся ни одного раза; говорилъ онъ умѣряя свой полный голосъ и только Людмила Павловна не замѣчала, какая нѣжная забота владѣла имъ. — Видите-съ: Турка, продолжалъ Алексѣй Леонтьевичъ: когда я его до-

сталъ, назывался монплеэиръ какой-то; а, Катерина Логвиновна, изволите помнитъ: когда батюшка изъ турецкаго похода пришелъ и собаку такую лягавую привелъ? Ее и прозвали Турка — вотъ, Людмила Павловна, я и своей далъ такую кличку: Турка.

— Турка, машинально повторила Мила и довольна была, что могла замолчать, занявшись разливаньемъ чая.

Пани воеводша съ Турки обратила разговоръ на своихъ овецъ, которыя она предполагала купить: и какъ, и почему она ихъ купила, и когда дѣло будетъ посылать за ними — и что же вы Алексѣй Леонтьевичъ, сигарку свою не курите? И закурилъ Алексѣй Леонтьевичъ сигарку, и затихалъ, выкипая, самоваръ. Мила разливала густой струею по чашкамъ чай и прекрасный его запахъ ласкалъ тонкое обонянье Милы, когда она печально подняла глаза и увидѣла противъ себя въ зеркалѣ всю прекрасно отразившуюся комнату съ затворенными дверьми, съ спущенными занавѣсками въ ихъ яркомъ узорѣ — чайный столъ, Алексѣя Леонтьевича, въ дыму сигары наклонившагося къ столу, и себя, распоряжающуюся чаемъ, розовую, разогрѣвшуюся отъ самовара — въ маленькомъ чепчикѣ, который она, снимая шляпку, позабыла снять... У Милы вся кровь прилила къ лицу. Вспыхнувъ, она устремила глаза на Алексѣя Леонтьевича, боясь и ожидая повстрѣчать его дерзкій взглядъ, готовая отразить его... Мила не находила мысли на то чувство, которое волновало и оскорбляло ее.

— Вамъ что-то угодно, Людмила Павловна? съ тихой, предупредительной заботою спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Ничего... Какъ однако становится тепло...

Мила сѣшшла открыть свою молодую голову, свою дѣвчью косу и бросила чепчикъ на диванъ къ шляпкѣ.

Алексѣй Леонтьевичъ почти сейчасъ вышелъ на нѣсколько времени изъ комнаты.

— Какъ живетъ прекраснѣйше, Мила! сказала пани воеводша.

— Я устала, мамепька.

— Тебѣ говоришь одно, а ты другое.

Мила молчала.

Вошелъ Алексѣй Леонтьевичъ; припяли чай. Чтобы избавить себя какимъ нибудь занятіемъ отъ участія въ общемъ разгорѣ, Мила подозвала Турку и начала ласкать его и растилать у себя на колѣнахъ его атласпстыя велколѣпныя ушп. «Славный Турка!» говорила она, наклоняясь къ нему; но умный взглядъ животнаго искалъ ласки въ ея глазахъ и подозрительнѣе ревнища слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Милы... Турка зарычалъ и отошелъ.

— Это совершенное несчастье! думала Мила, оставаясь на краю дивана одна въ этой гостиной, гдѣ ей было тѣсно и душно, какъ никакому чужу въ его клѣткѣ. И часа полтора ожидать ужина, ждать еще... Но Мила не окончила мысленнаго перечня всего, что еще ей приходилось ждать.

— Людмила Павловна! всталъ къ ней на одинъ шагъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Извините меня... смѣю предложить вамъ: вы пзволили довольно устать... Просить васъ обождать ужина — не смѣю. Какъ вамъ угодно? Можетъ быть, вамъ угодно послѣ дороги покой имѣть?

Мила обратила глаза по направлению взгляда Алексѣя Леонтьевича и встрѣтила въ противоположныхъ отъ залы дверяхъ свою Дашу, которая только что не присѣдала, рисуясь въ своемъ появленіи.

— Я вамъ благодарна, родной мой — Богъ видитъ, за безпокойствіе ваше, сказала панп воеводша. — Она мнѣ только что жаловалась... Поди, Мила. Здѣсь, знаете, дорога такая, съ ранняго утра ѣдемъ, дождь поливаетъ; а тутъ, помплуй Господи! перенугъ вѣдь: гайка-то наша!

— Я точно очень устала, сказала Мила, отказываясь отъ предлагаемой ей присылки ужина; и она была почти за дверьми, когда панп воеводша воротила ее и, по обычаю, перекрестила на сонъ грядущій

— Слава Богу! Веди меня скорѣе, Даша, скорѣй! Затворяй плотнѣе за собою дверь... Куда? шепотомъ, торпливо говорила и спрашивала Мила, проходя узенькую пзъ гостиной комнату. — Здѣсь, что ли?... Смотрѣла она на дверь прямо.

— Сюда-съ.... отвѣчала Даша. — То есть, право, ба-

рышня-съ, мы здѣсь на удивленіе. Какія намъ, я вамъ скажу-съ приготовленія...

— Прочь! прочь! — войдя въ комнату и сильно покраснѣвъ, заговорила Мила: — Съ чего ты взяла давать мнѣ все чужое? Подай мнѣ мое. Я не хочу другаго — слышишь? Я этого не хочу!

Дашѣ предстоялъ трудъ вновь убирать постель барышни, развязывать свои дорожныя узлы; но она столько щебетала — восхваляла шелковое одѣяло, удивлялась, какъ это не хотѣть его, — что надобно было удивляться, какъ Мила не отвѣчала ни слова. Но оказавъ довольно своей власти въ большемъ, она великодушно находила, что здѣсь достаточно вниманія.

— Готово-съ.

— Это еще что? спросила Мила, встрѣтивъ за легопынкми шпрмами на столикѣ банку съ вареньемъ и здѣсь же блюдечко и десертную ложку.

— Это-съ? спѣшила ей отвѣчать ея горничная: — Алексѣй Леонтьевичъ спрашивали: можетъ быть, вы любите, отходя на сонъ, чѣмъ-нибудь полакомиться? Я сказала, что очень любите-съ — что еще какъ мы у О-скихъ жили, старая барыня привезуть, бывало, варенья или пирожковъ какихъ, я такъ пригѣтовлю, чтобъ англичанка рыжая своимъ аспиднымъ глазками не видала и вы все съ Еленой Васильевною въ постеляхъ кушаете-съ.

— Но ты забыла вспомнить, что тамъ намъ почти ѣсть не давали? Съ ума ты сошла, Даша?

— Этого я, право, барышня, не знаю, только у насъ въ Сороковкѣ не по комъ и съ ума сойти — какъ бы здѣсь едва ли не обрѣла Даша этотъ интересный предметъ.

— Ну, Бога ради я тебя прошу, Даша! не слушала дагѣ Людмила Павловна. — Если любишь меня, отдай это варенье тому, кто тебѣ его далъ; не трѣгай его! Пусть оно какъ было, такъ и примутъ его отъ меня. Я не хочу, чтобы думали, что я его ѣла.... Даша, пожалуйста! сдѣлай это для меня.

— И вотъ какъ-съ, барышня, сдѣлаю, отвѣчала съ паосомъ Даша. — Я оставлю ложку и блюдечко здѣсь, чтобы

вы сами видѣли и понесу-съ банку; а уже руками, извините-съ, я помужичью не могу, извинялась съ достоинствомъ Даша.

Людмила Павловна хотѣла разомъ окончить всё эти мелкія тревоги, заснуть; но малѣйшій шорохъ за стѣною — что-нибудь чуть уловимое слуху, все пробуждало ея вниманіе. Какъ маленькія дѣти, думая избавиться отъ воображаемыхъ страховъ, натягиваютъ себѣ на голову одѣяло, такъ она прятала свою голову подъ подушку, чтобы ничего не слышать и съ этимъ вмѣстѣ напряженно прислушивалась: слышитъ ли она что-нибудь? точно ли она ничего не слышитъ? Она уловила всё малѣйшіе звуки, которые могли долетѣть къ ней, когда тамъ ужинали за тремя дверями: дребезжащій стукъ тарелки, металлическій звонъ ножа; одного голоса Алексѣя Леонтьевича Мила никакъ не могла различить, не подозрѣвая вовсе, что это онъ нарочно такъ умѣрялъ его, чтобы не обезпокоить сна.... И это напряженное бдѣніе почти столько же истомило Людмилу Павловну, какъ и всё случившіяся происшествія. Жизнь, съ недавняго времени, стала сильно сказываться ей своими мелкими волненіями, какой-то тревожащей мыслью безъ опредѣленной мысли — и Мила заснула только подъ шопотъ молитвы матери.

На другой день.... Мы такъ привыкли ко всему, а новый день? Кто можетъ сказать, что занимающійся лучезарный день вотъ *то* и *это* именно свершить и принестъ намъ? Съ закатомъ солнца будемъ ли мы неизмѣнно тѣ же и все наше въ насъ тоже, чѣмъ мы были и что было въ насъ при его восходѣ?

Но новый сіяющій день довольно долго не свѣтилъ тихому пробужденью Милы. Она спала, какъ спятъ отъ усталости, послѣ дороги и безпокойствъ, не слишкомъ заботясь о наступающемъ днѣ, который что особеннаго можетъ принести имъ? Такъ думаетъ. — Но послѣднее не примѣнялось къ Милѣ. Она была очень озабочена, просіявшимъ ей въ открытыя окна днемъ. «Что это? Можно ли не разбудить?»

говорила она. «И маменька оставила, ушла, — гдѣ же маменька?» спрашивала она Дашу. Отвѣтъ слыгъ, «что онѣ накушались чаю и пошли осматривать хозяйство съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ.» — «Какъ же ты не разбудила меня?» спрашивала барышня. Но Даша открыто извинялась своей совѣстливостію: что Алексѣй Леонтьевичъ, уходя, такъ ее просили не беспокоить, оставить поживать, пока барышня сами проснутся, что Дашѣ совѣстно было не исполнить, когда насъ такъ просятъ. «А для меня ты забыла оставить сколько-нибудь твоей совѣстливости?» слынула Мила одѣться, чтобы, по возвратѣ съ хозяйственного осмотра, не застали ее неготовою.

— Можно ли такъ заспаться? На что это похоже? Какъ будто я рада, что расположилась здѣсь? вошла она, тихая и розовая въ гостинную...

Никого не было; лежала ея шляпка на диванѣ и на столѣ готовъ былъ весь чайный приборъ, бѣлый хлѣбъ и сливки. За самоваромъ видно заботливо слѣдили, потому что онъ кипѣлъ, какъ сей часъ поданный.

— Дашенька! воротилась назадъ Людмила Павловна: — Бога ради, скажи, чтобы все принимали — я не хочу, ничего хочу! Мила не пошла далѣе той узенькой комнаты, которая находилась передъ гостинною.

Здѣсь во всю стѣпу подъ окномъ, выходившимъ въ садъ, былъ устроенъ турецкій диванъ съ подушками на обѣ боковыя стѣны, у дивана разостланъ грузинскій пестрый коверъ и два кресла по сторонамъ — болѣе и стола не было. Но еще меньшимъ въ два раза была бы совершенно довольно Мила.

Нельзя было налюбоваться ея тихой жеманной прелестію. Что вчера волновало ее такъ гнѣвно, то на утро въ чувствѣ души осталось тоже. Но тонкій инстинктъ женственности, вызванный обиднымъ, страннымъ положеніемъ Милы, утративъ въ ней вчерашнюю рѣзкость и порывы, несравненно полнѣе, тонѣе, какъ бы какимъ паремъ обливалъ всю ея милую граціозную особу. Людмила Павловна тихо ступала, съ нѣжной робостію будто сторонясь ото всего; никуда она не смотрѣла своимъ застѣнчивымъ, не-

любопытствующимъ взглядомъ. Нѣжно розовенькая, съ полуоткрытыми рдѣющими губками, которыя ежеминутно какъ бы хотѣли что-то сказать, и въ прозрачномъ смущеніи не сходило съ нихъ кроткое слово — Мила была, какъ никогда ей не удавалось быть милѣе. Въ простенькомъ холстинковомъ платьѣ сидѣла она на турецкомъ диванѣ, легко касаясь его, такую тихую, доброю Милою; какъ бы она затаилась въ уголокъ ото всего міра, и немножко она здѣсь размышляетъ....

Если бы окно въ садъ не было открыто, Людмила Павловна не коснулась бы его своей рукою. (Пусть все, что ни есть вокругъ нея, остается, какъ оно есть. Она не даетъ себѣ права подвинуть въ этомъ домѣ стулъ хотя на волосъ). Но въ открытое не ею окно, на нее сильно вѣяло майское послѣднее утро, пронитанное вчерашнимъ ливнемъ, еще съ грядами тучъ, какъ рамою, по краямъ горизонта; но весь глубокий куполъ неба сіялъ своею чистотою.

Мила совсѣмъ оборотилась къ окну и оперлась на него рукою. Этотъ садъ, котораго шумъ лѣсной она вчера слышала, помятый мпновавшей бурей, обронивъ нѣсколько вѣтвей и осыпавъ много листа, не колыхаясь теперь, стоялъ темный, съ просвѣтами какъ пятнами, западающими въ его глубокую сѣнь — чудо садъ! совсѣмъ задичалый, безъ извѣженныхъ цвѣтовъ — коренастые, порѣнавшіеся стволы да ни безъ коры, да вѣтви какъ стволы и тучами листья!

— Что за видъ долженъ былъ быть вчера, подъ бурей, когда расколыхался садъ по всему своему широкому склону! думала Мила, слѣдя за мощной игрою дневнаго лучезарнаго блеска по зазубринамъ отклонившихся вѣтвей, недвижныхъ и безшестистыхъ, какъ очарованныхъ подъ тихую красотою утра.... И это очарованіе блеска солнца вошло невыразимо въ душу Милы; задумала ее могучая игра жизни въ его лучахъ....

..... подъ яснымъ блескомъ солнца.....

Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,

Играище всеспяльнаго мгновенья!

Людмила Павловна все чутко слышала въ своей душѣ и въ тихомъ домѣ, и повалегшей тишиѣ надъ мощнымъ зеленымъ

садомъ — все чуть слышимое она какъ бы осязала его. Въ душѣ у нея была какая-то тихая прозрачность, какъ поверхность яснаго озера, ждущая серебрянаго удара весла, чтобы съ легкими брызгами разсѣчь ее и указать ея свѣтлую, открывшуюся глубину. Въ саду у самыхъ оконъ и совсѣмъ заплѣннаго лѣсными кустами балкона, свиристѣла маленькія сѣренькія птички съ острыми погостками. Цѣпляясь за молодые поросли, онѣ ровняли свою маленькую живую трель; а по дому все было тихо полною жизненною тишиною рабочаго утра.... Но вотъ наконецъ что-то слышала Мила, провела рукою по лбу и немножко заслонила ею глаза. Но она сейчасъ открыто смотрѣла ими съ тѣмъ же мягко застѣнчивымъ взглядомъ, но встрѣчающимъ съ достоинствомъ, что такое ему хочетъ явиться, когда на порогѣ изъ гостиной появился Алексѣй Леонтьевичъ.

— Съ добрымъ днемъ, Людмила Павловна, будьте здоровы!

— Здравствуйте... не назвала по имени Мила. — И прекрасный день послѣ вчерашняго.

— Сыро еще очень. Не вредно ли будетъ, что окно.... хотѣлъ притворить...

— Нѣтъ, оставьте; я не боюсь простуды. — Извините, что я на первомъ словѣ, сейчасъ же предлагаю вамъ два вопроса.

— Сколько вамъ угодно, Людмила Павловна, совсѣмъ вошелъ въ эту узкую комнату и сѣлъ въ кресло у дивана Алексѣй Леонтьевичъ. — Сдѣлайте ваше одолженіе.

— Первое: куда вы дѣвали мою маменьку? Я слышала, что она пошла съ вами; а потомъ — гайка, Алексѣй Леонтьевичъ? смотрѣла въ окно Мила.

И Алексѣй Леонтьевичъ, кажется, радъ былъ душевно, что она на него не смотрѣла: потому что онъ самъ такъ смотрѣлъ на эту милоотворотившуюся отъ него головку, хотѣвшую немножко улыбнуться при словѣ: гайка, и покраснѣвшую, поворотившую на вѣтеръ свои вспыхнувшія румяныя щечки.

Мила, не получая вдругъ отвѣта, оборотилась.

— Съ маменькою вашей, Людмила Павловна, мы обошли

все мое хозяйство, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: — были на пасѣкѣ-съ (а пасѣка моя вонъ за садомъ подъ горою, гдѣ дымокъ выходитъ); я же пошелъ сюда, мнѣ нужно было распорядиться; а тамъ рой началъ выходить — маменька ваша осталася.

— А другое? тихо спросила Мила.

— Другое? Все идетъ какъ слѣдуетъ; не беспокойтесь, куютъ. Я самъ чуть-свѣтъ былъ два раза въ кузнѣ.

— Но если вы сами рано такъ беспокоились, то уже должно быть готово?

— Не совсѣмъ, Людмила Павловна. Сдѣлаютъ одну гайку, легко можетъ другая свадеть: такъ позвольте, пусть всѣ четыре сдѣлаютъ.

Замолчала Мила.

— Какъ хорошъ вашъ садъ!

— Скучный, Людмила Павловна.

— Это грѣхъ про него сказать.

— Задичалъ, какъ старѣй холостякъ. Заниматься я имъ не занимаюсь, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: — не для чего. Гулять по немъ у меня не кому; самъ я каждый день въ полѣ нагуляюсь. Лѣто пройдетъ, я и развѣ пятъ въ него не загляну.

— Но не для одной прогулки — какъ отсюда далеко ваша пасѣка! не видно, чтобы маменька шла, смотрѣла Мила: — развѣ здѣсь нельзя бы было почему стоять вашей пасѣкѣ?

— Не настоящее мѣсто для пасѣки, Людмила Павловна.

— Этотъ садъ не мѣсто? немножко удивилася Мила.

— Да-съ; разросся не въ мѣру, темень — пчела въ чешъ будетъ лѣнивая: не видя солнца, засыпаться будетъ, не рано вставать и рано въ улей садиться.

— Я полагаю, что я по крайней мѣрѣ одно знаю въ хозяйствѣ, съ наивной искренностію сказала Мила: — что пчела уже непремѣнно любить лѣсъ; а выходитъ, что я того не знала: какой лѣсъ?

— Не знаете вы одного, такъ много знаете другаго — это все равно. Всякой свое знаетъ, что ему Богъ далъ.

— А маменьки нѣтъ... сказала Мила.

— Я разумею, Людмила Павловна, въ чемъ остановка, или задержка есть: роувъ много стало выходить. Вчера былъ день пасмурный и сегодня имъ ходъ большой — такъ и занялась Катерина Логвиновна. Это же ея такое любимѣйшее занятие.

— Кажется, оно и ваме тоже, Алексѣй Леонтьевичъ? Безъ сомнѣня, вы желаете быть при томъ, какъ рои выходятъ и маменька тамъ... Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйте себя нивало ради меня. У меня есть книга и работа, я займусь.

— То есть, Людмила Павловна, это выходить такъ: чтобы я шелъ себѣ подальше.

Мила замаялась въ отвѣтъ на минуту.

— Я не буду понимать смысла вашихъ словъ, Алексѣй Леонтьевичъ, сказала она: — и очень жаль, что вы его нашли въ моихъ словахъ. Я просто предлагала вамъ: если угодно, пойдти на вашу настѣку и маменька же тамъ — вамъ будетъ гораздо пріятнѣе. Мы васъ такъ странно, тяжело обезпокоили, что во крайней мѣрѣ въ отношеніи себя собственно, я хотѣла бы избавить васъ отъ церемоніи замчатъся мной, какъ настоящей гостей.

— Людмила Павловна! а если вмѣсто церемоніи здѣсь вся моя душа? Я Бога милосердаго не знаю какъ благодарить, что онъ меня привелъ видѣть васъ въ моемъ домѣ — какой же мнѣ болѣе еще дорогой гостыи ждать?

— Повѣрьте, что маменька... я, Алексѣй Леонтьевичъ... мы... (перебирала слова, какъ клавиши, впрочемъ нежелли сказала Мила): — что въ свою очередь онѣ чрезвычайно благодарны останутся навсегда, что Алексѣй Леонтьевичъ не принялъ за большой трудъ...

— Что такое, Людмила Павловна.

— Все, чѣмъ — я говорю — мы обезпокоили васъ.

— Вамъ угодно повторять... замолкъ на этомъ словѣ Алексѣй Леонтьевичъ. — Людмила Павловна! бываетъ такой часъ съ человѣкомъ, какъ будто самъ Богъ его за руку приводитъ на него... Такъ и меня будто Онъ привелъ къ такому великому часу.

— Я не понимаю васъ, Алексѣй Леонтьевичъ! И вамъ

не зачѣмъ говорить мнѣ объ этомъ. Всякой нашъ часть, мы знаемъ, что онъ съ рукъ Божіей!

— Пусть же и мой будетъ въ Его святой рукѣ... Людмила Павловна! хотя вы изволите знать, о чемъ такомъ я говорю вамъ — думаю говорить; но мое дѣло не хорониться при такомъ разѣ, а сказать вамъ честно и прямо...

— Но это не честно и не благородно, Алексѣй Леонтьевичъ! выросла на мѣстѣ въ пылкомъ негодованіи Мила: — говорить мнѣ въ вашемъ домѣ, куда я приведена такимъ случаемъ... Вамъ стыдно! Вы, стало, думаете, что это даетъ вамъ право — что меня можно заставить выслушивать теперь, хочу ли я, или не хочу того!

— Богъ съ вами, Людмила Павловна! Успокойтесь, родная. Ничего у меня такого и въ головѣ не было. Просто я началъ, какъ говорится: что за хозяина въ домѣ и углы его говорятъ — выслушайте меня.

Въ голосѣ убѣдительномъ Алексѣя Леонтьевича, въ чудесной простотѣ его была правдивость неотразимая, въ этомъ словѣ: *родная* — такая искренность сердца, что Мила сама не понимала, какъ это вдругъ въ ней все утихло.

— Что мнѣ выслушивать, Алексѣй Леонтьевичъ? сказала она, съ застѣнчивой доброю необходимостью выговорить неприятное, тяжелое слушателю. — Я уже слышала разъ. Избавьте себя и меня.

— Нѣтъ, Людмила Павловна: по воду простая женщина ходить въ день сколько разъ, а то человѣку не хотѣтъ попытать дважды своего счастья? Не стоилъ бы онъ и счастья!.. Отказали вы мнѣ разъ и правы были; не начинать бы было такимъ образомъ. Я все матушкѣ вашей рассказывалъ, какъ оно случилось, какъ на грѣхъ какой стало... но теперь, всталъ Алексѣй Леонтьевичъ: — я передъ вами всей душою и своимъ лицомъ, Людмила Павловна, не посла шлю. Богъ милосердый велѣлъ человѣку искать себѣ жену по сердцу — Людмила Павловна! я человѣкъ не молодой, но и не старый — простой, не злой человѣкъ; честность и Богъ у меня въ душѣ есть — угодно вамъ пожаловать меня великимъ счастьемъ: быть мнѣ по сердцу дорогой, милой моей женою, Людмила Павловна?

— Алексѣй Леонтьевичъ! я, право... послушайте меня... бразась за голову Мила, смятенная, и что сказать, и какъ отказать не находила. — Благодарить васъ за честь, которую вы мнѣ оказываете, я васъ искренно, отъ души моей благодарю! Я даже готова радоваться этому случаю, что онъ мнѣ дастъ возможность извиниться передъ вами въ томъ вѣтреномъ, пустомъ словѣ, которое, я увѣрена, вы мнѣ простили: потому что я чувствую, что вы очень добры; но, Алексѣй Леонтьевичъ, чтобы вы сами увидѣли, убѣдились — позвольте вамъ немного показать... (Мила говорила совершенно искренно, одушевленно, съ маленькой остановкою, чтобы легче выразить то, что могло быть жестокаго въ ея словѣ), тамъ ли вы ищите, Алексѣй Леонтьевичъ, гдѣ бы вы могли найдти ваше достойное счастье?

— А почему же не тамъ, Людмила Павловна?

— Потому.... потому наконецъ, Алексѣй Леонтьевичъ, что вы вправѣ ожидать отъ жены, которую вы выберете себѣ, всего, чѣмъ вы богаты сами — тѣхъ положительныхъ, прекрасныхъ достоинствъ, которыхъ у меня во все вѣтъ.

— А развѣ я не могъ бы подѣлиться, Людмила Павловна, съ вами, коли у меня ихъ такъ много?

— Вы очень добры, немножко лукаво отвѣчала Мила. — Но, безъ сомнѣнія, вы хотите имѣть очень разумную, хорошую хозяйку, которая бы вполнѣ согласовалась съ вами — умѣла бы не только сохранять ваши интересы, но и сама еще, можетъ быть, сильно работать въ нихъ; — я вовсе не хозяйлива, Алексѣй Леонтьевичъ! У меня ничего нѣтъ такого, что вы имѣете полное право цѣнить: я не умѣю ни считать по пасмамъ талекъ, ни разбирать ихъ. Не умѣю дѣлать никакихъ пастоекъ — ни сушить, ни солить грибовъ... я даже ихъ не ѣмъ, Алексѣй Леонтьевичъ!

— Такъ я все это умѣю, Людмила Павловна, и грибы охотно ѣмъ, разсмѣялся Алексѣй Леонтьевичъ, и Мила, какъ ни сплилась не улыбаться, а улыбнулась при исчисленіи своихъ несовершенствъ... — Но вамъ еще что-то угодно мнѣ сказать? Говорите же, Людмила Павловна; а послѣ уже позвольте, я буду говорить.

— Ничего, сказала Мила: — я только хотѣла замѣтить на ваши слова, что тѣмъ, кажется, хуже для жены, если мужъ все будетъ знать, а она — ничего.

— А почему, позвольте спросить, хуже, а не лучше оно, что мужъ будетъ лелѣять и покоить...

— И примется учить, Алексѣй Леонтьевичъ... Позвольте мнѣ, я немножко подумаю. Я хорошо понимаю эту мысль; но какъ бы прямѣе ее выразить?.. Будемте говорить такъ: хотя бы вы, Алексѣй Леонтьевичъ, по добротѣ своей вы сейчасъ начнете учить меня и, безъ сомнѣнія, приметесь за это очень ревностно. Я не говорю, чтобы я вовсе не захотѣла понимать васъ; но всякій новый предметъ — его такъ трудно объять съ перваго раза и такой еще не слишкомъ интересный — хозяйство...

...И зачѣмъ вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ! говорила Мила, такимъ прекраснымъ тономъ разсудительности и искренности, съ примѣсью немножко — вы сами увидите чего: — зачѣмъ вамъ, въ ваши покойныя лѣта, хотѣть принимать на себя этотъ трудъ ученья? Вы сами создали себѣ очень выгодное, прекрасное положеніе, обладаете хорошими средствами, вамъ стоитъ только захотѣть, и вы получите все готовое и лучшее... Вотъ Настенька Алешкова — прекрасная хозяйка! и она же съ дѣтства пользовалась вашимъ замѣтнымъ расположеніемъ. Что я передъ нею? Ничего болѣе, какъ слабый, изнѣженный ребенокъ и еще съ маленькимъ капризомъ, Алексѣй Леонтьевичъ: не хотѣть вовсе, чтобы взрослые считали его такимъ, и думали играть съ нимъ какъ съ своею куклой... Алексѣй Леонтьевичъ! я должна слишкомъ уважать васъ, чтобы сказать то, что я говорю: есть пора надеждъ и стремленій сердца и пора разсудка, — позвольте мнѣ надѣяться, что я еще въ той порѣ, когда могу вступить въ домъ, не потому только, что тамъ недостаетъ хозяйки, а что меня призоветъ туда другое, болѣе высокое чувство того, кто пожелаетъ назвать меня своей женою.... Я все кончила.

— И теперь мнѣ начинать, Людмила Павловна.... Такъ это вы думаете, что я такъ только, подперся на колѣно рукою Алексѣй Леонтьевичъ: — чтобы запасть на старость

женой и чтобы хозяйка у меня въ домѣ была, пристаю къ вамъ? На что мнѣ, Людмила Павловна, хозяйка, когда я самъ не глѣннѣвъ, не то за двухъ, за трехъ схожѣнничая; да вотъ душа счастья просить... Вы, можетъ быть, думаете: гдѣ ему жеучу такому, полюбить меня? Онъ и что любовь-то есть не понимаетъ!...

— Алексѣй Леонтьевичъ! я никогда такъ не думала, сказала Мила.

— Покорно васъ благодарю, коли вы не думали.

— Но развѣ вы?.. Это въ самомъ дѣлѣ?.. мягкимъ, неопредѣленнымъ шопотомъ выговаривала Мила...

— Людмила Павловна! спросите прямо любилъ ли я васъ? И я вамъ скажу: ей-Богу, любилъ и по сію минуту душа моя не нарадуется на васъ... Я вамъ все расскажу, — некуда было подвигать кресла, но Алексѣй Леонтьевичъ двинулъ его къ дивану. — Это я васъ, Людмила Павловна, въ жизнь свою другую люблю.

— Другую? это очень любопытно, внигъ обнаружилася полной женщиной Мила. — Кому же это вы измѣняли, Алексѣй Леонтьевичъ, ради меня? Не Настенькѣ ли?

— Никому я не измѣнялъ, Людмила Павловна. — Вы знаете мою жизнь трудовую, какъ я начиналъ ее, — серьезно, съ правотою мысли и чувства видно было, что говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Давно было Людмила Павловна. Душа моя безъ закрышки передъ вами и посмѣтесъ вы — воля ваша. Любилъ я — и какъ оно, то есть, чудно со мною сталося... Былъ я въ первый разъ на Дону, извѣстно вамъ по какимъ своимъ причинамъ; человекъ новый и молодой я еще тогда былъ; ѣду степью верхомъ и самъ я, такъ сказать, не знаю, куда ѣду. Сказали мнѣ, что по хуторкамъ можно товара скупить. Забѣлѣлось мнѣ и сверкнуло озеро вдаль; въѣзжаю я шпрокой балкою — и домикъ стоитъ, и такой себѣ тихенькій хуторочекъ въ двѣ хатки приютился надъ озерцомъ! Лошадь ходитъ недалеко по лужку и заржала ко мнѣ и больше никого не вижу, ни души. Заѣхалъ я съ задней стороны поселка, подъѣзжаю къ озерцу, камень большой положенъ съ берега, лежитъ, чтобы, видно, хорошо было мыться; напилъ я съ камня лошадь и здѣсь же закинулъ

поводья за лозовый кустъ — иду, направился къ дому; выхожу изъ-за угла къ крылечку.... а на крыльцѣ сидитъ женщина-казачка, какъ всѣ онѣ ходятъ, въ пестромъ колпачкѣ, наклонилась, закрыла себѣ глаза бѣлой рукою и такъ она плачетъ, такими слезами льется, что, Людмила Павловна, я вамъ и сказать не могу!

Не говорилъ съ минуту Алексѣй Леонтьевичъ.

— Стою я передъ нею и она ничего не видитъ, не слышитъ; плачетъ, не переставая, не отнимаетъ руки отъ лица; упала она себѣ почти на колѣна; руки такія бѣлыя, на обѣихъ серебряныя, что козачки носятъ, запыстая узорныя, во всемъ она шелковомъ и все то ей не на радость, плачетъ, какъ словно съ душой разстается! Не знаю, какъ я ей то слово вымолвилъ: что вѣду ли у нихъ скота продажнаго? Она, ничего не говоря мнѣ, только подняла руку и махнула ею мнѣ: «ступай дескать, иди, человекъ добрый! Не трогай меня!» И залилась еще пуще слезами.... У меня, Людмила Павловна, свѣтъ въ глазахъ заступился. Господи! Красота какая и слезы такія горькія—о чемъ она и плачетъ? Стою я и не знаю, куда идти; да уже конь заржалъ, такъ я будто пробудился. Иду отъ нея и ноги меня не несутъ, останавливаюсь поглядѣть—она все плачетъ, закрываясь рукою, и поѣхалъ я, гляжу назадъ — сидитъ на крылечкѣ и плачетъ; и не видать мнѣ стало ея, воротился я съ дороги, она не переставаячи, не глядитъ на свѣтъ Божій и плачетъ.... И будто всю душу мою взяли эти слезы! Распрашивать о ней некого. Ничего я не узналъ. Годъ прошелъ, не позабуду ея; гдѣ бы я ни былъ, чтобы я такого ни дѣлалъ — сидитъ казачка передо мною и плачетъ, машетъ мнѣ рукой. На другой годъ, вошелъ я съ Скорняковымъ въ часть воловъ купить; поѣхалъ я, и тянетъ меня, силою тянетъ понавѣдаться въ тѣ мѣста: что тамъ такое? «Неужто и теперь плачетъ она?» думаю, и ѣду я, Людмила Павловна, не доѣду. Приѣхалъ на радость: пусть хуторочекъ, не живутъ въ немъ; покинуто все. Озерцо-то будто на лужокъ расплескалось, пообросло осокой оно; изъ домика окна повынуты и антъ на немъ гнѣздо свилъ. Вѣхалъ я въ дичь такую непочатую! лошадь моя по высокому бурьяну шарахается;

прошелся я вокругъ — ни-ни, ничёго! На крылечко солнце яркое свѣтитъ, да гадина степная ползеть.... Воротился я къ своему коню, припалъ ему на гриву, распростился. Цвѣтите вы, цвѣты алые, гдѣ плакали ея слезы горькія!... Вотъ такая, Людмила Павловна, моя любовь была: безъ счастья себѣ, безъ доли, безпривѣтная, безотвѣтная! только душу молодую какъ въ полонъ заплѣнила и радостью ни единой не подарила. Тосковалъ я года три съ нею.

Многое, очень многое чувствовалось Миѣ подъ этотъ простой и сильный рассказъ любви, заронившейся въ душу слезою и ничёго не принесшей, кромѣ слезы. Но между всѣмъ этимъ у Людмилы Павловны мелькала мысль: что Сороковка же не вовсе неправa была, какъ ходили слухи: была казачка въ жизни Алексѣя Леонтьевича, только не со-всѣмъ такъ, какъ о ней говорили.

— Вы кончили? тихо отозвалась Миѣ.

— Кончилъ Людмила Павловна.... Заплѣнили меня эти слезы, что я за ними свѣта Божьяго не видѣлъ; работалъ и отдыха мнѣ не было. Нароботался я вдоволь и нѣтъ того приволья душѣ, какъ оно думалось: какъ вотъ то и другое получу я, что то легко и хорошо мнѣ будетъ! И неправда все вышло, Людмила Павловна, и скука къ тому такая пришла! Получилъ я вчетверо больше, чѣмъ я желалъ и всего у меня довольно стало, да счастья не попало.. И, то есть, Людмила Павловна, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: что это въ человѣкѣ дѣется такое, только Бога гнѣвить. Недовольство у меня такое зародилось, что все мнѣ и вполонину не мило. Кажется, такъ бы вотъ и воротилъ горемычные тѣ года, какъ съ одною тысячею я бился и въ степи подъ повозкою спалъ! Кажись, тамъ-то и настоящая жпзнь была и счастье было, что такого теперь гдѣ-то его и взять? Смотрю я: и жениться бы мнѣ пора, волосъ сѣдой пробивается; да какъ же такъ я женюсь, мудреное дѣло — сидѣлъ человѣкъ, всталъ да и женился, какъ воды напился? Не приберу я себѣ по сердцу желанной.... Чтожь, хотя и Настенька? Всѣмъ она дѣвушка хорошенькая, ни въ чемъ ее покорить нельзя; какъ словно она меньшая сестра мнѣ, такъ я ее отъ всей души люблю; да не то оно, не ладится къ сердцу. Ну, мы и же-

вися, что же здесь лучшего-то, хорошего выйдет? Она будет хозяйничать и я буду хозяйничать, и все у насъ одно и тоже хозяйство—прахъ его бери, оно мнѣ и одному надоле!

И замолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ; махнулъ онъ рукою, задумался немного и точно будто что хорошее душу ему повеселило: такъ у него отсвѣтомъ какими-то радостнымъ, яснымъ заиграло лицо.

— Какъ увидѣлъ я васъ самое-первое въ церкви, Людмила Павловна, заговорилъ онъ. Вхожу въ храмъ Божій, поютъ *аллилуйя, аллилуйя!* помоляся я святымъ образамъ.... нѣтъ! такъ меня будто и тянетъ посмотреть въ сторону. Взглянулъ — Господи, Боже мой! думаю: что оно, такое худенькое, бѣленькое, показывается такое легенькое, что на одной рукѣ его за тридцать земель занесешь; а поглядишь—сердце не на мѣстѣ!... И глядѣлъ я на васъ, Людмила Павловна, долго глядѣлъ; глазъ моихъ не отведу и такъ оно показалось мнѣ: вотъ то моя голубка бѣлая припорхнула! Вотъ она суженая моя, желанная, здорова была! Стоялъ я передъ намѣстнымъ образомъ Спасителя и подыгалъ къ нему глаза, молюсь въ душѣ: «Господи, Царю мой! далъ ты мнѣ волы и козлы, и вся скоты польскіе, возьми всего на половину, только пожалуй мнѣ эту бѣленькую».... Я бы за васъ Людмила Павловна, и все до послѣдняго отдалъ: но чтобы было чѣмъ лелѣять васъ, молилъ у Бога милосердаго оставить мнѣ половинку... А! Людмила Павловна! не переставай говорить Алексѣй Леонтьевичъ: человекъ я неученый, не могу вамъ рассказать того, какъ-то вдругъ мнѣ легко и хорошо безо всего на сердцѣ стало и все мнѣ такое такое у Бога на свѣтѣ показалось! А какъ я заговорилъ съ вами, да вы улыбнулись мнѣ, такъ мнѣ будто солнце какое другое съ неба объявилось, лучи свои показало и самъ я пріѣхалъ домой, все себѣ улыбаюсь, не знаю чего. И повидать-то мнѣ васъ, послушать, какъ вы слово тамъ ваше маленькое скажете, такъ это мнѣ счастье полное! И сытъ я, доволенъ, какъ будто обутъ, одѣтъ шь, весело хожу. По хозяйству всему ревность ко мнѣ такая приступила; точно будто я все вновь начинаю, готовлю; для васъ бы это я все готовилъ, Людмила Павловна; думка у меня такая была.

А какая думка жила у Милы, когда она не поднимая во все глазъ на Алексѣя Леонтьевича, но оборотивъ къ нему свое нѣжное лицо, разцвѣтающее краскою и живымъ волненіемъ, слушала его и не прерывала?

— Затѣжваетъ ко мнѣ Людмила Павловна, нашъ предводитель, истинно хорошій человекъ. При большомъ собраніи посмотрѣть на него, такъ видно, что — человекъ; а когда одинъ съ нимъ оставишься, онъ еще лучше. Сидимъ мы вотъ именно здѣсь съ нимъ, сигары закурили. «Хорошо у васъ все, очень хорошо», говоритъ онъ мнѣ; да одно не хорошо, — отчего я не женюсь?» спрашиваетъ. И ему и объясняю, Людмила Павловна, что я какъ. Все о васъ въ подробности рассказалъ ему. Выслушалъ онъ меня внимательно до конца и говоритъ: «Дай Богъ, Алексѣй Леонтьевичъ; только — говоритъ — послушайте моего совѣта: ведите это дѣло скорѣе, не откладывайте. Эти молодежьи дѣвушки (извините Людмила Павловна), говоритъ, на первыхъ порахъ мнѣ только бы чепчикъ поскорѣе надѣть; но что послѣ — дѣвушки, говоритъ, не смотрятъ на насъ нашими глазами и до разныхъ вашихъ достоинствъ мнѣ дѣла нѣтъ»... У меня Людмила Павловна, передъ вами и достоинствъ никакихъ нѣтъ; но, т. е., онъ меня въ такую тревогу и сомнѣніе привелъ. «Спѣшите», говоритъ.... Только онъ уѣхалъ, я вслѣдъ ему велѣлъ запрягать лошадей, ѣду, совсѣмъ готовъ вашей матушкѣ предложеніе сдѣлать; но увидѣлъ я васъ, Людмила Павловна, и посмотрѣлъ на вашу улыбку, такъ мнѣ будто показалось, что я и васъ хочу украсть, и улыбку эту милую у васъ украсть.... «Не хочу!» сказалъ я самъ себѣ. «Пусть будетъ, что Богъ дастъ, не хочу я неправяго счастья.» И такъ я положилъ себѣ, Людмила Павловна: коли не будетъ находиться вамъ другаго жениха, не сватать я мнѣ васъ, пока годъ минетъ: чтобы вы, моя голубка бѣлая, подъ крылышкомъ матери родной осмотрѣлися, обозналися и, коли быть счастьемъ, чтобъ было оно вольной волею, разумомъ и охотою.

Мила тихо поднялась.

— Куда же вы это идете? Что я вамъ здѣсь разобид-

наго такого сказалъ, что вы и дослушать меня не хотите? огорчился сильно Алексѣй Леонтьевичъ.

— Я васъ слушаю, тихо и внятно сказала Мила и опять сѣла на диванъ.

— Я васъ цѣлый годъ не сваталъ, — не чувствовалъ самъ, какъ пересѣлъ тоже на диванъ Алексѣй Леонтьевичъ. Вы теперь не дитя молодое; вы какъ есть въ полномъ разумѣ и въ своей волѣ, готовящаяся быть жена молодая человѣку, кому Богъ васъ судилъ на святое счастье: разсудите вы теперь долю мою. Люблю я васъ, Людмила Павловна, то есть, такъ люблю, какъ больше любить, пусть любить васъ Божьи ангелы!.. Да взгляните же вы на меня! Посмотрите вы, какъ человѣкъ на васъ не посмотрится, не налюбуется... Людмила Павловна! мнѣ будто мой домъ просіялъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вошли въ него, — не выходите, моя заря ясная, моя прекрасная!.. Богъ вамъ судья, Людмила Павловна! а коли идти, берите за собою и мое счастье: не вы, такъ никто! Жилъ и свѣкую бобылемъ. Дорогая моя!.. И словъ для васъ нѣту... полюбите вы теперь немножко меня; а послѣ, я знаю, вы меня полюбите.. Людмила Павловна! разсудите же вы судьбу мою.

Мила почти вздрогнула, и тогда, когда она поднялась съ дивана, она вовсе не хотѣла уходить; а это было внутреннее сильное движеніе, невольно сказавшееся движеніемъ наружнымъ. Мила какъ бы ступила шагъ впередъ по невидимому пути и послѣ, можетъ быть, во избѣжаніе, чтобы ея руки не очутились неожиданно въ жаркой сильной рукѣ, она оперлась ими обѣими на под конникъ и скрыла въ нихъ свое лицо, когда вопросъ Алексѣя Леонтьевича раздался у нея почти надъ самымъ ухомъ.

Мила осталась, какъ бы, неподвижною, прижимая сильнѣе руки къ своей головѣ.

Проходила не одна минута, а двѣ-три... пять минутъ проходило перѣшительности и полного молчанія.

— Людмила Павловна, разсудите же вы судьбу мою.

— Алексѣй Леонтьевичъ! у меня все звенитъ въ ушахъ; я едва ли что понимаю, почти сквозь слезы проговорила

Мила. — Я слышу, къ вамъ ѣдутъ... къ вамъ кто-то пріѣхалъ, живо сказала она.

И точно съ двора пронесся стукъ колесъ и громко заржала лошадь.

— Это я знаю: Скорпякова лошадь ржетъ. Что же, Людмила Павловна? говорите, рѣшайте.

Мила сжала руки такъ, что онѣ у нея слегка по суставамъ хруснули.

— Къ вамъ идутъ, Алексѣй Леонтьевичъ... пришли въ залу. Подите... дайте мнѣ... я подумаю... послѣ...

— Не пойду, Людмила Павловна! Алексѣй Леонтьевичъ притворилъ дверь изъ гостиной въ к-мнату.

Напрасно посѣтитель въ залѣ легонько покашливалъ и мѣрно расхаживалъ, видимо вызывая къ себѣ хозяйина. «Не пойду, Людмила Павловна», говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. «Пока не узнаю судьбы своей, не пойду!»

Мила, припавъ у окна на одну руку, хотѣла было что-то сказать; но сильная краска, жарко выступающая и слезы не давали ей вымолвить слова. Алексѣй Леонтьевичъ, вставшій, чтобы затворить дверь, сѣлъ къ ней на диванъ.

— О чемъ же вы плачете? отъ какого горя? взялъ онъ другую ея руку. — Мнѣ горе, Людмила Павловна, поднесъ онъ ея руку къ своимъ влажнымъ глазамъ:— а вамъ что? Не плачьте; сердца не надрывайте.

Мила сильнѣе плакала.

— Грѣхъ, Людмила Павловна, томить человѣка между жизнью и смертью, говорите!

Мила блѣдная встала. Ея живая краска сбѣжала съ лица и только на немъ слезы остались не стертая.

— Спрашивайте, сказала она.

Кажется, Алексѣй Леонтьевичъ былъ остановленъ этой рѣшимостью.

— Что мнѣ у васъ спрашивать, Людмила Павловна? Я все уже переспросилъ.

— Спрашивайте, тише сказала Мила.

— Сядьте, Людмила Павловна! не стойте такъ, будто передо мною... Простите меня. Я будто чѣмъ огорчилъ васъ!

самъ былъ огорченъ и въ сильномъ смущеніи, необъяснимо чѣмъ-то растроганъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Отчего вы меня не спрашиваете? почти шепотомъ проговорила Мила.

Ея рѣшимости не ставало отъ этого замедленія, и она сѣла на диванъ.

— Не буду спрашивать, Людмила Павловна! сильно, взволнованно отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Скажите мнѣ, что вы сами скажете... Вы чѣмъ-то мнѣ какъ огнемъ разжигаете душу. Коли вы мнѣ счастье даете, такъ дайте же, дайте! отворотилъ онъ въ сторону голову, чтобы стекли его горячія слезы и протянулъ обѣ руки.

Мила смотрѣла ему въ лицо..

— Не дѣлайте такъ, какъ дѣти, тихо сказала она: — что просятъ и не берутъ.

Алексѣй Леонтьевичъ всталъ, какъ выросъ. Смотрѣлъ онъ на Милу съ такимъ восторгомъ, съ такимъ невѣрующимъ себѣ безмолвнымъ счастьемъ, что она, краснѣя улыбулась, и слезы у нея наступили въ глаза; наконецъ она протянула ему свою ручку.

— Голубъ мой бѣлый! первое слово, которое выговорилъ Алексѣй Леонтьевичъ и затѣмъ это былъ цѣлый потокъ простыхъ, нѣжныхъ наименованій... Алексѣй Леонтьевичъ сѣлъ возлѣ Милы, взялъ обѣ ея руки и сильно прижалъ ихъ къ своей головѣ. «Вѣдь она сѣдая, Людмила Павловна, какъ же ты будешь ласкать ее своей молодою ручкой?» былъ онъ ослепенъ своимъ волненіемъ, растроганъ, умиленъ несказанно... «Ласкай ее, голубка моя, горляника моя тихая!» ласкалъ онъ у себя на головѣ руки Милы, пожимая ихъ. «Моя сѣдина честная, не позорная; честь твоя — моя трудовая сѣдина.» И Мила тихо приласкала поцѣлуемъ эту сѣдую голову, которая, впрочемъ, вовсе не была такъ сѣдая, а только на вискахъ съ маленькою просѣдью. «Но маменька! маменька!» какъ бы спрашивая, повторяла Мила.

А между тѣмъ посѣтитель въ залѣ, не болѣе громкимъ, но болѣе частымъ покашливаніемъ и постукиваніемъ сапога о сапогъ, выражалъ ясно, если не нетерпѣніе, то свое довольно долгое терпѣніе.

— Васъ ждуть, Алексѣй Леонтьевичъ, краснѣя замѣтила Мила, и кромѣ того, ей хотѣлось немного остаться одной.

Алексѣй Леонтьевичъ шелъ и не шелъ изъ комнаты; глаза его оставались назади; но проходя еще гостинную, онъ громко заговорилъ:

— А! Матвѣй Ивановъ Скорняковъ! добро пожаловать! Большимъ гостемъ будешь... Ну, извини, братъ! радостно, откровенно говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ уже въ залѣ: — извини, не погнѣвайся, что маленько прождалъ. Такое, другъ, дѣло кончалъ, что, не до тебя, пріятеля дорогаго, и отца роднаго не грѣхъ заставить подождать... Обнимемъ-ка, да поцѣлуемся: Богъ счастье человѣку далъ; да такое счастье, что и не угадать твоей бородѣ, будь она и подлиннѣе, какъ есть!

Обнялся, поцѣловался Алексѣй Леонтьевичъ; обѣ свои руки положилъ на плеча Матвѣя Иванова и усаждалъ его.

Въ немъ, какъ говорится, душа расходилась. Радости его нужень былъ широкій русскій просторъ и открытое, ея полное выраженье. Но Матвѣй Ивановъ Скорняковъ не удовлетворялъ въ этомъ случаѣ Алексѣя Леонтьевича и они заговорили о дѣлахъ.

А Мила? Вставши притворить дверь, она и не садилась, стояла посреди комнаты, смутно рѣшая: точно ли все то съ нею случилось, что случилось? Въ этомъ не было ни раскаянія, ни сожалѣнія; но такая неносящая имени, захватывающая дыханье тревога и замиранье сердца, что Мила почти упала въ кресло.

Свѣжій вѣтерокъ помогъ ей. Какъ сознательно-тихо принимала она на умненное сердце совершившуюся судьбу свою! Мила чувствовала, что она увлечена живымъ чувствомъ и это увлеченье покоряло ее, эти простыя слова, голосъ ихъ; это прямота, сила, — и Мила, нѣжно-стыдливая, находила, что не можетъ противиться этой силѣ. Она почти протянула руки къ начинавшему шумно шелестить своей густой зеленой листвою саду, какъ бы прося принять ее, такъ неожиданно вступающую подъ его могучее оствѣненье.

У двери появился Алексѣй Леонтьевичъ.

Хотя онъ вовсе не зналъ обычая легенькимъ стукомъ пред-

увѣдомить о себѣ, прежде нежели войдти; но собственное чувство почтительной вѣжности остановило его у порога притворенной двери, за которою была его милая голубка-невѣста.

— Вы затворились, Людмила Павловна. Позвольте войдти къ вамъ?

Мила дала свое маленькое односложное согласіе.

Алексѣй Леонтьевичъ вошелъ. Онъ уже вполне совладалъ съ восторженнымъ, смятеннымъ состояніемъ своихъ чувствъ и былъ обычнымъ Алексѣемъ Леонтьевичемъ; только сіянье глазъ, широко раскрытые зрачки, какъ у сокола, и на лицѣ эта полнота жизни, проведенная кистью великаго художника—счастья, сказали бы всякому, что съ этимъ человѣкомъ совершилось что-то очень прекрасное.

— Людмила Павловна! я къ вамъ за дѣломъ.

— А маменька? Пошлите, я прошу васъ, немного застѣнчиво попросила Мила.

— Сейчасъ, сію минуту! — Воротился въ залъ Алексѣй Леонтьевичъ и отдалъ приказаніе человѣку пойдти на пасѣку и отыскать, просить пожаловать Катерицу Логвинову. За дѣломъ, Людмила Павловна, — шелъ онъ назадъ, поспѣшая. А вѣдь вы были правы не на шутку, говоря что я сейчасъ примусь ревностно учить васъ. Пожалуйте-ка въ залъ похозяйничать.

— Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ? Пусть будетъ это шуткою. Увольте меня, Алексѣй Леонтьевичъ.

Но Мила оказалась совершенно слабою, не энергичекой женщиною, которая не умѣетъ поставить на-своемъ — и вошла въ залу объ руку съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ.

— Людмила Павловна! покорнѣйше прошу васъ полюбить и жаловать пріятеля моего большаго. Это Скорняковъ, Матвѣй Ивановъ.

Матвѣй Ивановъ раскланялся разъ и въ другой, отступая назадъ.

— Прикажете ему, Людмила Павловна, сѣсть. Онъ поклонами испишетъ всю залу. Садись, садись, сдѣлай одолженіе.

— Пожалуйста, сядьте, съ застѣнчивой прिवѣтливостію сказала купцу Мила.

Но сидѣть было некогда. Алексѣй Леонтьевичъ провель Милу въ свой кабинетъ и Скорняковъ вступилъ туда за нею.

Ничего не могло быть милѣе и граціознѣе ея бѣленькой стройной фигурки между двухъ довольно суровыхъ по виду, загорѣлыхъ мужчинъ, обступившихъ ее въ этой дѣловой комнатѣ, гдѣ стоялъ большой темный шкафъ, висѣли по стѣнамъ сѣти на куропатокъ, лежалъ растянувшись на окнѣ, Турка и сидѣла Мила въ большомъ кожанномъ креслѣ. Алексѣй Леонтьевичъ просилъ ее записать въ его книги, вотъ только что проданные ленъ и пшеницу и на столько вступить въ права полновластной хозяйки, чтобы получить слѣдующіе деньги.

— Давай, Матвѣй Ивановъ, давай братъ! говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: да не засаленными ассигнаціями, а давай чистымъ золотомъ — что бы въ золотыя ручки не обидно было взять... Больше! сколько есть, сыпь: ты у меня еще овецъ возьмешь... Золото, золото!... Людмила Павловна, можетъ быть, только свое первое золото я получалъ съ такимъ удовольствіемъ — и золото будто подорожало, какъ перешло черезъ ваши ручки.

А оно переходило такимъ образомъ, что Мила едва видѣла, что было передъ нею и отодвигала отъ себя обѣими руками звонко падающіе червонцы на уголь стола, гдѣ присѣлъ на широкомъ диванѣ Алексѣй Леонтьевичъ. Червонцы слагались въ неправильную разсыпную кучку и, казалось одинъ Скорняковъ, если и считалъ ихъ, то считалъ про себя и никому другому не было до нихъ дѣла. Алексѣй Леонтьевичъ говорилъ то, что онъ говорилъ — душа его говорила и бѣлая ручка заступила ему глаза.

— А! маменька идетъ! чрезвычайно краснѣя, поднялась съ мѣста Мила.

Но это была большая ошибка. Входила ключница мѣрными шагами въ кабинетъ; взяла связку ключей и вышла.

— Счастливо вамъ оставаться, Алексѣй Леонтьевичъ! откланялся Скорняковъ. — Ваша милость про овечки проговорить изволили-съ?

— Продаю, продаю.... готовить завтракъ! приказывалъ ключницѣ Алексѣй Леонтьевичъ. — Бери, Матвѣй Ивановъ!

Потрудился я, поработалъ для-ради денегъ; пришла и ихъ пора — пусть же онѣ позабавятъ мое счастье! Обѣ отары хоть сейчасъ берп, то есть, до осени пусть у меня походятъ, взглянулъ на Скорнякова Алексѣй Леонтьевичъ.

— Оно-съ ничего.... Отчего бы не взять? Наше дѣло, почему не взять-съ?... не улыбался, а съ прищуринкою утиралъ свои губы Скорняковъ: — да, Алексѣй Леонтьевичъ, нагульцу-съ на овцахъ маленечко не будетъ-съ.

— А! поднесъ руку ко лбу Алексѣй Леонтьевичъ. — Ну, братъ, послѣ потолкуемъ.... Борода! улыбался Алексѣй Леонтьевичъ. — Довольно съ тебя, что прежніе разы съ нагульцемъ бралъ, и безъ нагульцу возьмешь.

— Просимъ прощенія, — прощенія просимъ, низко раскланялся Скорняковъ и вышелъ.

Надобно было видѣть, когда въ тиши, оставшись одинъ съ нею въ кабинетѣ, какимъ онъ долгимъ взглядомъ задумавшагося въ себѣ самомъ счастья и нѣжности тихой и свѣтлой смотрѣлъ на нее! То Алексѣю Леонтьевичу показалось будто въ комнатѣ душно (Мила немножко неровно, прерывисто дышала), онъ отворилъ окно, то будто опять вѣтеръ сильно потянулъ — хотѣлъ онъ затворить его....

— Нѣтъ, оставьте, прошу васъ.... А маменьки все нѣтъ!

— Позвольте, Людмила Павловна, не безпокойтесь. Я пойду, еще пошлю, вышелъ и скорыми шагами назадъ вошелъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Людмила Павловна! сѣлъ онъ такъ на диванъ, что могъ положить на спинку ея кресель свою мужественную руку. — Вы думаете: куда это вы въ такую комнатку зашли, гдѣ вы вѣкъ не бывали? А вы, повѣрьте мнѣ, здѣсь годъ цѣлый живете и для того, Людмила Павловна, не проходило, чтобы вы, ровно какимъ воздухомъ, не провѣялись здѣсь? Вотъ сѣти, что я куропатокъ ловлю, и нѣтъ той клѣточки въ старыхъ сѣтяхъ, изъ которой бы не глядѣли на меня ваши ясные глазки! Бывало, зимой, запропащусь сюда на цѣлый вечеръ, забьюсь, какъ кротъ въ свою нору, и огня себѣ не вѣлю давать; а вы мнѣ будто свѣтомъ какимъ по стѣнамъ отражаетесь, радость моя отъ Бога взятая!

— Дайте мнѣ воды....

Милѣ почти становилось дурно отъ глубокаго волненья. Алексѣй Леонтьевичъ, подавая воду, нечаянно толкнувъ столъ, и нѣсколько червонцевъ, звеня и прыгая скатилось на колѣна къ Милѣ.

— Вотъ еще! весело обрадовался онъ. — Не сумѣли побольше унасть, захватилъ Алексѣй Леонтьевичъ полную руку....

— Что вы дѣлаете? Я не хочу, не возьму....

Мила поднялась съ мѣста и червонцы, упавшіе ей на колѣна, покатались по полу.

— Людмила Павловна! да чего вы будто испугались? гнѣваетесь будто чего?

— Ничего.... Дайте мнѣ лучше ту руку, которой вы держите деньги. Бросьте ихъ!

— Хорошо; да что же это такое!... Что, моя желанная? И Богъ нашими приношеньями ему, копеечной свѣчкой не пренебрегаетъ; а здѣсь человѣкъ трудился отъ молодости до сѣдыхъ волосъ въ головѣ, показывалъ съ улыбкою свои сѣдые волосы Алексѣй Леонтьевичъ: — дождался человѣкъ того счастья, чтобы отъ своего труда подѣлиться ему съ милой своей, дорогою; а милая, невѣста дорогая на полъ бросаетъ и глядѣть не хочетъ.... Не обижай меня, дитя мое! тихо сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, наклоняясь на ухо къ Милѣ.

Она не знала, что отвѣчать ему.

— Вамъ и не надобно самимъ беспокоиться. Еще протягивать ручку и брать.... Вотъ у васъ въ платищѣ кармашекъ раскрылся немного....

И горсть червонцевъ сыпнулась въ кармашекъ Милы, прежде, чѣмъ она успѣла тому воспротивиться.

— Людмила Павловна! сей часъ же заговорилъ онъ: — знаете ли вы, что вѣдь не васъ однихъ тамъ у васъ, но со сѣдству, призываетъ Господь къ великому дѣлу замужства. Вѣдь и Настенька выходитъ замужъ.

— Не за Гальченка ли? спросила Мила. — Такъ часто объ этомъ говорилъ.

— За него, и это теперь навѣрное. Люблю я этого Гальченка, Людмила Павловна.

— И они, кажется, давно любятъ другъ друга, замѣтила Мила.

— Очень; да недостаточность такая горькая по рукамъ и ногамъ связываетъ. Ни съ той, ни съ другой стороны не за что взяться.

— А теперь какъ же? съ участіемъ спросила Мила.

— Все также, махнулъ рукою Алексѣй Леонтьевичъ. Онъ при казначействѣ служить.... Ума-разума много, да денегъ нѣтъ. — Надобно было конецъ какой положить этому дѣлу: вѣдь оно лѣтъ пять ведется. Голубушка моя, Настенька! что она сердцемъ переболѣла!... Я вамъ, Людмила Павловна, расскажу, какъ я первое-наперво узналъ этого Гальченко, и какая-то забавная печальность начинала рисоваться въ чертахъ у Алексѣя Леонтьевича.

— Ъду я изъ города; а надобно вамъ сказать, говорилъ онъ, — что тамъ въ городѣ я слышалъ, смѣхъ такой по людямъ ходитъ, что не старый молодого, а молодой да повезъ стараго сватать въ нашу Сороковку и еще на своей невѣстѣ. Ничего я не знаю, кто это? какъ? Тогда еще я не очень былъ вѣзжъ въ нашу Сороковку; ѣду и забылъ про все, вдругъ послышалъ я кто-то поеть.... Ни вперед, ни позади по дорогѣ никого нѣту; а чудно поеть! Въ сторонѣ ярушка небольшая съ кустами — показывается, будто тамъ поеть. «Стой, Самсонъ!» говорю: «пойду.» — Даже идучи, я останавливаюсь — чудно человѣкъ поеть! Вижу: на кустахъ чернѣетъ что-то развѣшанное; подхожу ближе — сертукъ, какъ служащіе носятъ съ выпушкою, брошень, новись полами.... Удивленіе меня беретъ. Сидитъ человѣкъ въ ярушкѣ и какой малый славный! молодой, да черные кудри сами завиваются; наклонилъ онъ голову безъ шапки, подперся рукою и вѣдь какъ онъ плачетъ и эту пѣсню поеть:

Ой у поли крыныченька
Обрубленная —

(и самъ Алексѣй Леонтьевичъ немного запѣлъ)

Е у мѣне дивчинонька
Возлюбленная.

Полуштофъ передъ нимъ и стаканчикъ на травѣ стоятъ.... Увидѣлъ онъ меня — указываетъ молча на полуштофъ: «пей, дескать!» а самъ плачетъ и поетъ:

Ой у поли крыныченька
Дэ голубъ купався;
Е у мене дивчинонька,
Що я женихався.

Я знаю то, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: — не прерывать же стать человѣку пѣсню, чтобы меня подчивать? Налилъ я себѣ стаканчикъ и выпилъ. Онъ не переставая, поетъ:

Ой у полп крыныченька
Волю воду пьютъ;
Уже жъ мою дивчиноньку
Къ винчанью ведутъ....

И опять указываетъ мнѣ на полуштофъ.... Я и то-таки знаю, что у насъ въ Малороссіи по первой ничего не дѣлается — налилъ я себѣ другую чарку, выпилъ. «Къ винчанью ведутъ,» заливадается онъ горькими слезами, поетъ:

Одинъ ведѣ за рученьку,
Другій за рукавъ;
Третій стоитъ, сердце болить —
Любивъ та й не взявъ!....

То есть, какъ души своей онъ въ это слово не положить! Жаль мнѣ его крѣпко стало. — «Горе поетъ, горе и плачетъ,» сказалъ я ему. «Оно же, проклятое горе и скачетъ,» вдругъ какъ поднимется онъ — «танцуй!»... Что жъ, Людмила Павловна? Смѣхъ сказать: пустились мы съ нимъ въ плясъ. Кусты вокругъ насъ ломаются, листья летятъ; а мы носимся другъ передъ другомъ. Сначала подъ пѣсни, а потомъ поумаялись; только — ту, ту, ту, ту-ру-ру! ру-ру-ру! ваигрываемъ на губахъ. Утомились мы до послѣднихъ силъ; повалился онъ на траву, говоритъ: «Будетъ! Напљасалось чертово горе.» Вотъ это, Людмила Павловна, былъ Гальченко. — Видѣвши, что нѣтъ ему способовъ жениться на Настенькѣ и мать ея плачетъ, говоритъ ему, чтобы онъ не топилъ бѣдную, не клалъ напрасно на дѣвушку худой славы — рѣшился онъ пріискать ей жениха. «Отдамъ свою Настеньку,» сказалъ онъ: «своими руками отдамъ. Пусть жи-

ветъ покойна при достаткѣ. И отыскалъ онъ ей какого-то богатенькаго старичка, вотъ-то и повезъ его, чтобы свадьбу сейчасъ сыграть и музыку самъ нанялъ, хотѣлъ онъ отпраздновать Настенькину свадьбу на славу. Распоряжался на сговорахъ всѣмъ, подчивалъ гостей и будто ничего ему, и весело; но когда посадили Настеньку за столъ и съ нею рядомъ сѣлъ женихъ-то.... Не стерпѣлъ Гальченко. Ушелъ онъ, куда глаза глядятъ и не помнилъ, какъ изъ Кутковъ вышелъ и это онъ верстъ шесть по дорогѣ прошелъ; зашелъ къ шинкаркѣ, она повѣрила ему въ долгъ — чтобы съ горя напиться и не журиться; такъ, нѣтъ! лютое горе и хмѣль не беретъ. — Вотъ я его и взялъ къ себѣ, т. е., не горе, Людмила Павловна — помилуй Богъ! а Гальченко.

— А Настенька?

— А съ Настенькой милость Божія вышла, рассказывалъ Алексѣй Леонтьевичъ. И Настенька еще крѣпилась, пока на глазахъ Гальченко былъ. Можетъ и не вѣрила, глядя на него, что съ нею такое совершается? А какъ увидѣла, что Гальченко нѣтъ и ищутъ его, не отыщутъ — не смогла она; залилась слезами и она плачетъ, и мать, глядя на нее, плачетъ; подчуютъ жениха. А что-то вы мнѣ горькое дайте, — сказалъ онъ, прямо — честная душа. Не пьются мнѣ пани-матерь ваши слезы... Люди добрые! — говорить гостямъ: — не хочу я заступать свѣтъ молодой дивчинѣ. Пусть ей Богъ помогаетъ на ея счастье! Отступаюсь я и все чѣмъ я издержался, всѣ мои подарки пусть ей на веселье... Музыка, играй! потанцуемъ, любые братья, что не загубили молодой дивчины. Старикъ, какъ пустился въ плясъ и притопываетъ; да вѣдь пиръ какой пошелъ, куда веселѣе, чѣмъ на сговорахъ былъ! Осталась Настенька опять своему Гальченкѣ.

Помолчалъ немного Алексѣй Леонтьевичъ и Мила молчала.

— Вотъ это безъ васъ, Людмила Павловна, прѣбываетъ онъ ко мнѣ. Дядя! — говорить: — дай денегъ на свадьбу. А, племянникъ! чѣмъ отдавать будешь? — спрашиваю я. Мать смотрѣла, смотрѣла на нихъ — на ихъ любовь да на безпомощье и говорить: — бери ты у меня ее, чтобы она мнѣ пѣсенъ жалобныхъ не пѣла. Людмила Павловна!..

(Алексѣй Леонтьевичъ взялъ со стола полную горсть).

Настенька отъ васъ не далеко. Позолотите ея и наше счастье. Откройте вашъ кармашекъ.

Мила открыла его — и ни слова болѣе не было сказано между ними.

Алексѣй Леонтьевичъ постукивалъ въ маленькомъ раздумьи ногою; потомъ взялъ одну ручку Милы и другую; сложилъ ихъ у себя на ладони, прикрылъ другой своей рукою и началъ рассказывать Милѣ свои предположенія, какъ онъ поведетъ дѣла: что теперь онъ опять живо примется за нихъ и о Гальченкѣ мысль ему приходитъ: взять его къ себѣ, пустить въ эти дѣла; голова не плохая и можно поручиться, что человекъ пойдетъ... но далѣе пани-воеводша шла, поспѣшная къ дому.

Теперь, смотря, какъ высоко было солнце, она и сама видѣла, что позамѣшкалась она и не примѣтила, какъ время ушло. Но причина къ тому была слишкомъ уважительная. Въ первой еще разъ пани воеводша видѣла богатое степное хозяйство, которое ей извѣстно было въ мелочи, маленькое, недостаточное, а здѣсь въ полномъ довольствѣ и полнотѣ всего — не вымѣренное на нѣмецкую питку, а простое, широкое русское хозяйство. Пасѣка почти въ тысячу ульевъ, раздѣленная на три пасѣки, съ образами Изосима и Савватія, даже съ костью лошадиной головы при входѣ и съ дѣдами одинъ другого хмурнѣе и бородатѣе, привела пани воеводшу въ несравненное состояніе удовольствія и веселости духа. А когда пригрѣло солнце и зашумѣли рон, пошла играть пчела и надъ пасѣками спій воздухъ помутился, и слышійся гулъ пошелъ по окрестности, когда живые золотистые комы осѣвшихъ роевъ разнѣздились по вѣткамъ и началась, ни съ какой утѣхой несравнимая для пчеловода, забота убирать рон, тогда пани воеводша, по собственному ея выраженію, встала бы и легла здѣсь! Но явился первый посланный звать ее. Оставивъ его при себѣ, она, по его же приглашенію, зашла и на другую пасѣку, гдѣ пасѣчникомъ сидѣлъ дѣдъ посланнаго и тамъ немного позамѣшкалась. Затѣмъ еще въ кузницу завернула пани воеводша и своими глазами удостовѣрилась, что гайки всѣ готовы; по-

томъ она шла въ гору между разсыпанными стадами овецъ; проходила гумно — поставленные въ рядъ амбары и такая мысль сильно расходилась въ ея головѣ и замедляла ея шаги: — Господи, Боже мой! все это могло бы быть ея, принадлежать ей! Куда ни взглянешь... Дитя мое, дитя мое! межъ пальцевъ упустила ты свое счастье!

Должно быть, въ разсѣяніи отъ этой мысли, пани воеводша зашла въ домъ съ задняго крыльца. Прошла скорѣе въ комнату, гдѣ ночевали — нѣтъ дочери, и въ гостинной — нѣтъ; входитъ пани воеводша въ залъ.

— Мила! гдѣ ты, что тебя нигдѣ нѣту? Алексѣй Леонтьевичъ!

Дверь изъ кабинета немного только не была притворена; Алексѣй Леонтьевичъ, поспѣшая, отворилъ се.

— Здѣсь, Катерина Логвиновна. Пожалуйте.

Пани воеводша, съ яркаго свѣта, не совсѣмъ зорко обзрѣвала предметы въ комнатѣ, гдѣ наполовину была спущена стора.

— Маменька! съ робостью подошла Мила, цѣлуя руку матери и по какому-то безотчетному чувству положила ее себѣ на голову.

— Что ты, дитя мое? — Здравствуй! — будто нездорова? Я велѣла сей-часъ запрягать, ѣдемъ... Ну, Алексѣй Леонтьевичъ, можно вамъ честь такую отдать: хозяйство, такъ хозяйство! Пасѣка — кажись, я бы сама у васъ на пасѣкѣ пасѣчицей сѣла.

— Милости просимъ, Катерина Логвиновна!.. съ непонятной для нея улыбкою говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, усаживая ее на диванъ. Вотъ и хорошо выходитъ: пока вы на пасѣкѣ были, а мы здѣсь медъ сварили.

— Продали что? — сказала пани воеводша, видя на столѣ деньги. Мила, ты бы пошла, дружечекъ, чтобы Даша поживѣй тамъ собиралась, пора.

Мила и пошла было; но только ступила разъ и стала, не двигаясь, у конца стола.

— Какой же вы это, Алексѣй Леонтьевичъ, медъ сварили? — съ своей отмѣнно-чинной, деликатной шутивостію

спросила пани воеводша. Не будете ли и насъ на сливанье звать?

— По пословицѣ, Катерина Логвиновна, что на сливаньи и медъ пьютъ. Истинно такъ: запьемъ и ворота забьемъ... нѣтъ! мы еще лучше сдѣлаемъ: растворимъ ихъ на весь мѣръ, на всю нашу Сороковку!

— Да что же это у васъ за пиръ такой великій, Алексѣй Леонтьевичъ?

— Истинно великій, Катерина Логвиновна. Людмила Павловна мнѣ свое слово дала.

— Что-о? Алексѣй Леонтьевичъ! — во весь свой большой ростъ поднялась пани воеводша. Мила, что такое!

— Исполнилось то, Катерина Логвиновна, что мы съ вами желали; слово мнѣ дала Людмила Павловна.

Мила робко, смущенно приблизилась. Она было хотѣла сказать матери почти тоже, что сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ: что она исполнила ея желаніе; но чувствуя, что въ минуту исполненія у нея не было о томъ мысли, она не умѣла солгать.

— Да, маменька... одно сказала она.

— Да, дитя мое. Твоя добрая воля.

— Но ваша, маменька, ваша воля?..

Этотъ жаркій, повторенный вопросъ, былъ вызванъ потою сильнаго огорченія въ голосѣ пани воеводши, и такой кроткой, задушаемой скорби сердца, что Мила подняла на мать слезами наполнившіеся глаза и сложила передъ нею руки, какъ на молитву.

— Катерина Логвиновна! подступилъ встревоженный Алексѣй Леонтьевичъ — что это такое? скажите, Катерина Логвиновна, что вы съ нами дѣлаете?

— Скажу, Алексѣй Леонтьевичъ. О чемъ вы меня спрашиваете?

— О томъ, Катерина Логвиновна: вы мнѣ свое согласіе оказали, лишь бы была воля Людмилы Павловны; а теперь...

— Теперь я, Алексѣй Леонтьевичъ, не оказываю вамъ своего согласія. Коли вамъ нужда какая до моего согласія, такъ у меня свой домъ, хотя не великъ, да есть... Не хочу я, Алексѣй Леонтьевичъ, чтобы вамъ во снѣ-то невзначай

приснилось, что до вашего порога приходила я къ вамъ называться моей дочерью...

— Катерина Логвиновна! пани воеводша!

— Такъ, Алексѣй Леонтьевичъ. Хотя вы и богаты, да наша честь при насъ и дочь мнѣ моя замѣсто богатства... Чтобы вы подь йной часъ не подумали, Алексѣй Леонтьевичъ, что осмотрѣлись мы больно скоро, что вамъ отказъ дали и, не дожидаясь вторично, будетъ ли отъ васъ искательство объявлено — на что вамъ труды задавать? мы и сами къ вамъ явились. Гайка у насъ сломалася или потерялася; такъ-то ей и потеряться пришлось у воротъ вашего дома! Мать дочку переночевать завезла; а дочка безъ матери слово дала.

Это было единственное жестокое слово, которое пани воеводша вымолвила противъ дочери.

— Алексѣй Леонтьевичъ! всѣ мы грѣшныя люди, всѣ называемся человѣки. И на меня случись подобное послышать и я бы своимъ языкомъ не умолчала, сказала — я въ Сороковкѣ всѣ вольны говорить. Такъ уже, государь мой, будетъ съ насъ одной Сороковки... Мила, бери свою шляпку; я слышу, лошадей подаютъ... Уже сдѣлайте одолженіе, примите нашу чувствительную благодарность за безпкойствіе ваше.

— Катерина Логвиновна! что же это такое? вы мнѣ отказъ даете, что ли?

— Благодарность мою вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, приношу за гостепрїимство, что вы оказали... Ты готова, Мила? счастливо вамъ съ Богомъ оставаться.

— Нѣтъ, Катерина Логвиновна! позвольте... Людмила Павловна! развѣ я отступлюсь отъ васъ?.. Такъ когда же мнѣ, пани воеводша, прикажите прїѣхать въ вашъ домъ?

— Гости у меня, Алексѣй Леонтьевичъ, завсегда бываютъ, когда ихъ благорасположеніе ко мнѣ есть... идемъ, Мила. Кланяюсь вамъ, государь мой.

— Хорошо, сударыня; такъ я же буду завтра съ зарею... Извините, пани воеводша; я знаю, что не могу обезпокоить васъ: вы встаете раньше зари.

И пани воеводша не сказала даже обычнаго: — милости

просимъ. Мила была уничтожена словами матери — огорчена, оскорблена; она садилась въ брику и почти не видала брики, не подняла глазъ на Алексѣя Леонтьевича и уѣхала такъ.

Какъ выросла хорошая пани воеводша! Низкій верхъ стародавней брики не могъ, казалось, вмѣстить высоко поднятую голову и гордые черныя брови дугою выставлялись наружу — впередъ вся новывдвинулась пани воеводша. Кто бы встрѣчный сказалъ, что подъ этой осанисто-гордой посадкою затаилась скорбная печаль сердца, огорченье невыдаваемого, про себя захороненнаго чувства: что дочь, дитя родное, не утѣшила, а дважды на томъ же оскорбила мать! и того мало: слухъ какой межъ народа пойдетъ; вольны люди всего надуматься...

Такое горькое горе горевала пани воеводша и ни слова она не сказала дочери. Конечно, она уже говорила и разсужденіе долгое вела, совѣты свои материнскіе изъясляла; а теперь замолчала пани воеводша. Мила не могла оцѣнить того, не знакомая существенно съ окружающею ее дѣйствительностію, какихъ пожертвованій и усилій, мелкихъ назойливыхъ хлопотъ по хозяйству стоила она матери — стояли ея красныя ленточки, башмачки, перчаточки. А чего стояли эти заботливыя крѣпкія думы съ полущкою! Что не досыпала мать, гадая сердцемъ о судьбѣ ея! какъ она клала земные поклоны!.. Ничего того не разсуждала, къ лицу причесанная, къ лицу одѣтая Мила, читая французскую книжку. И одной той награды ждала себѣ пани воеводша — и даже не награды, а просто материнскаго счастья: когда придетъ судьба ея дочери, посудить - порядить, какъ говорится — совѣтъ благой раздѣлить: что вотъ такъ-молъ и такъ, дитя мое; замужство — великое дѣло, и прочее и другое... И ничего того не вышло!

Осыпая свою скорбь, не желая выдать тѣни горделиваго огорченія, пани воеводша, обыкновенно молчаливая въ дорогѣ, теперь заговорила съ дочерью: что вотъ и мужикъ ѣдетъ, и мельница стоитъ, и луговина какая большая...

Грустно, трогательно было на нее смотрѣть, когда она пріѣхала домой и хотѣла бы озаботиться чѣмъ къ завтрашнему дню — и заботы никакой не оставалось ей! Въ ихъ отсутствіи домикъ былъ выбѣленъ и полы чисто вымыты; заказала на завтра пироги пани воеводша и вотъ ея все попеченье о сговорахъ дочери! Но дочь?..

Чего она до-сихъ-поръ не понимала, на чемъ не останавливала легкой молодой мысли, то все она теперь больно почувствовала. Какія крупныя слезы въ глазахъ замѣтила бы пани воеводша, если бы она не въ сторону глядѣла, а посмотрѣла бы въ лицо своей Милы! Новость ощущеній сердца вносить большое измѣненіе въ самую глубину насъ и какъ ново представляются намъ, въ просвѣтленьи новыхъ чувствъ, знакомые, вовсе не новые предметы! Это колыханье большихъ Вербовскихъ вербъ невыразимымъ чувствомъ умиленія всколебало грудь Милы — родной, уютный домикъ, отъ крова котораго она уже отказалась... Другой домъ и не эти, ея отцомъ и матерью, всѣмъ родомъ взлелѣянные, вербы наклонятся надъ нею и другихъ деревьевъ листь густой зашумить надъ головой ея! Мила была въ слезахъ. Но другая тягость еще томила ее: это — золото въ карманѣ.

Слова матерп трубою звучали въ ухахъ у ней — и сказать ей, что у дочери есть деньги, что ей дали ихъ и она ихъ взяла... У Людмилы Павловны словъ не находилось. Вышла она изъ дому и пошла. Рѣшимость сосредоточеннаго въ себѣ самой чувства и дѣйствія шла съ нею ея легкой, неприостанавливаемой походкою. Мила не оборачивалась и не видѣла, какъ долго, съ безмолвнымъ, скорбнымъ вопросомъ: куда идетъ она? провожала ее глазами пани воеводша.

Перешла она Лисью-балку и скрылась за нею. Идти одной, день вечерѣть; собаки за каждымъ возомъ возвращаются съ поля; но Мила шла, не останавливаясь и шла прямо въ Кутки. Она знала Настеньку потому только, что нельзя было въ Сорочковѣ не знать другъ друга; но она никогда не была у нея и Настенька только въ церкви подходила, краснѣя, поклониться пани воеводовнѣ. Въ своемъ полузабытѣи, сосредоточивая вниманіе на томъ, что внутренно занимало ее, Мила прошла и не замѣтила мало проторенную

дорожку, поворачивавшую въ Кутки. Она шла дагѣе низомъ по-надъ ихъ огородами и вишневыми садками, когда заунывная протяжная пѣсенка остановила ее. «Настенька!» сказала Мила себѣ самой. Она перешла черезъ заросшія земляной окопъ и раздвигая вѣтви и кусты, пробиралась на голосъ пѣсенки. «Думаетъ ли Настенька, что я иду къ ней? что я несу ей?» подумала Мила. И эта мысль заронила въ ней другую: подкрасться къ Настенькѣ и посмотрѣть издали; нѣтъ ли на лицѣ у человѣка какой примѣты близкаго, подходящаго къ нему счастья? Не просіяваетъ ли оно въ невольной улыбкѣ, или въ чемъ нибудь свѣтломъ въ глазахъ?... Судя по Настенькѣ, кажется, нѣтъ.

Три повислыя вѣтвями, понаклонившіяся вербы, стояли въ затишьи неподвижномъ; четвертая отломлена была отъ нихъ бурей и лежала поперегъ чистой полянки. На стволѣ ея сидѣла Настенька. Не отводя глазъ отъ работы, видно, поспѣвая окончить ее, пока догарала заря, Настенька шила воротъ мужской рубашки... Въ темномъ ситцевомъ платьѣ, съ позавявшими пунцовыми маками въ черныхъ волосахъ — простая, милая дѣвушка — красавица на зоркіе молодецкіе глаза, сидѣла Настенька, задумчивая безъ печали и счастливая безъ большой радости — и привычка ли къ безвеселью, къ тоскливой жалобѣ сердца выводила эту заунывную, все на долю плачущуюся тихую пѣсенку? Мила сама не зная, чѣмъ растроганная, зашла со стороны и прижала Настенькѣ на плеча обѣ свои руки. Настенька живо оборотилась. Можетъ быть, и не того рода поцѣлуй она ожидала встрѣтить и приняла его въ несказанномъ удивленіи.

— Панна воеводовна! не вѣря себѣ, проговорила она.

Она хотѣла-было встать, но Мила не допускала. Перевѣсья Настенькѣ черезъ плечо, она ей улыбалась своей хорошенькой улыбкою.

— Настенька милая! заговорила она. — Я не хочу васъ томить; не буду заставлятъ васъ угадывать: какъ и зачѣмъ я пришла? Вы поцѣлуйте меня. Я вамъ радость большую принесла.

Сама цѣловала Настеньку Мила, обвивая ей шею нѣжной рукою.

— Вы, безъ сомнѣнія, слышали, Настенька, разсказъ Алексѣя Леонтьевича: «какъ Богъ дастъ, то и въ окно по-дастъ?» Посмотрите, какая правда. «Господь прямо въ руку даетъ вамъ», опустила Мила свою руку въ карманъ и посыпала на колѣна къ Настенькѣ жаркое, яркое, засверкавшее золото.

— Еще! вотъ и еще, берите все... Я не сама себѣ, Настенька, сыпала это золото; но съ какимъ удовольствіемъ я объими руками достаю его вамъ! Берите все, чтобы у меня ничего не оставалось... Я не хочу! оно все ваше...

Можно судить, до чего разросталось изумленіе Настеньки; но безмолвная, никакимъ рѣзкимъ жестомъ или словомъ не выражая, что чувствовала, она только попеременно быстро взглядывала на увеличивающуюся у себя на колѣнахъ пригоршню золота и переводила взглядъ большихъ страстно-нѣжныхъ глазъ на лицо Милы. Когда Мила передала все и, обыскивая у себя въ карманѣ, нашла еще одинъ червонецъ и положила его въ колѣна Настенькѣ, та какъ ребенокъ, заплака навзрыдъ.

— Настенька моя дорогая! о чемъ же плакать?... и къ чему плакать?... Мила рада была случаю самой поплакать...

И я не передамъ вамъ граціозной нѣжности двухъ молодыхъ дѣвушекъ, въ слезахъ и улыбающихся другъ другу! Мила цѣловала Настеньку въ лобъ и поправляла ей ея красные маки.

— Вы посмотрите на меня, сказала она съ плѣнительной стыдливостью. — Не кажусь ли я вамъ, Настенька, такой же невѣстою, какъ и вы?

— Алексѣй Леонтьевичъ! угадала Настенька. Какъ я рада! слегка прихлопнула она въ ладоши и, наклоня къ себѣ на грудь Милу, молча цѣловала ея полузакрытые глазки, ея пахучіе волосы; съ улыбкою посмотрѣла — и поцѣловала ея улыбающіяся губки.

— Это онъ черезъ меня переслалъ вамъ; а вашъ Гальченко, Настенька? Покажите мнѣ его.

Но Гальченка не было въ Сороконкѣ.

Мила не совсѣмъ связною, ласкающей рѣчью объяснила Настенькѣ предположенія Алаксѣя Леонтьевича насчетъ Галь-

ченко; просила отъ нея поклониться Гальченку, сказать ему, что она знаетъ его пѣсенку: *Ой, у поли крыныченька* и попросить его спѣть ей — и затѣмъ обѣ дѣвушки видѣли, что имъ пора разстаться, что *у поли* уже совсѣмъ потемнѣло. Не успѣла одна изъ нихъ подумать, какъ ей будетъ идти, какъ другая собралась провожать ее. Чтобы не брать съ собою сокровища, онѣ захороняя его въ кусты и рука въ руку, бѣгомъ пустились черезъ лугъ и на Лпсью-балку. Въ виду своихъ вербъ Мила остановилась и игривымъ, летучимъ поцѣлуемъ разсталась съ Настенькою. Оглянувшись, она увидѣла, что Настенька стоитъ на томъ же мѣстѣ, чтобы видѣть, какъ дойдетъ Мила — и Мила побѣжала домой, чтобы не заставляя долѣе ждать Настеньку.

— А гдѣ-съ это вы, барышня, были?

Но вопросъ остался безъ отвѣта. Барышня входила въ домъ и къ ней возвращалось тяжелое чувство ея положенія въ отношеніи къ матери.

Не зная, чего можетъ ожидать она и что ее встрѣтитъ, Мила медленно, тихо ступая, вошла въ комнату.

Самоваръ на столѣ уже совсѣмъ потухалъ; давно прошла обычная пора чай пить — объ этомъ только здѣсь вспомнила Мила. Пани воеводша пасмурная сидѣла за самоваромъ и при входѣ дочери подняла руку къ чайнику — только, ничего болѣе. Мила сѣла къ столу.

— Маменька! сказала она, не вынося молодымъ, пылкимъ сердцемъ этого молчанія. — Маменька! и вы не спрашиваете, гдѣ я была и откуда пришла такъ поздно?

— Не зачѣмъ, дитя мое. Была ты, гдѣ хотѣла — ненадо. Когда дѣти малыя, мать за руку водить; а выростутъ дѣти — сами пойдутъ.

— Но, маменька! спросите меня, гдѣ я была...

Мила съ слезами на глазахъ готова была стать на колѣна.

— Спросите меня только — я вамъ все расскажу! Я все сдѣлаю, что вы хотите... Маменька! скажите мнѣ.

— Кушай свой чай, дитя мое... сказала пани воеводша.

На утро Мила почти бѣжала изъ дома. Ей было тяжело, невыносимо. Никогда она не вставала такъ рано и опять,

хотя неумышленно, а жестоко оскорбила мать. Когда та готовилась, какъ чинъ велить, къ приему жениха; думала на послѣ-обѣда посылать гостей звать и чехлы съ кресель снимала, Мила одѣлась просто во всегдашнее свое будничное платье. «Будто ей мать ничего лучшаго доставить не могла!» горько себѣ подумала пани воеводша; но не сказала дочери, чтобы она переодѣлась. А у дочери такой туманъ налегъ на молодые глаза, что она не видѣла, куда она шла и не думала, зачѣмъ она шла? И остановилась только тогда, когда ее придержало что-то: это въ Лисей-балкѣ терновый сучекъ зацѣпилъ ей за платокъ. Въ маленькой тѣни и въ цвѣтахъ кругомъ увидѣла себя Мила. Ея любимый синій барвинокъ — наклонилась она къ нему, протянула руку, чтобы сорвать и не сорвала цвѣтовъ, а заплакала Мила. Долго ли, коротко ли, да она наплакалась; а тѣмъ временемъ птичка напѣлась въ кустарникѣ. Птичку испугнуло ржанье съ звонкимъ топотомъ бѣгущаго коня; Мила сама встрепенулась и стала къ сторонѣ за терновый кустъ, полагая, что возможно будетъ проѣхать и не разглядѣть ее. Лошадиный топотъ наступалъ и въ одиночку запряженный конь на-рысяхъ внесся въ Лисью балку.

— А-а-а! Стой буланый, стой!

Алексѣй Леонтьевичъ ѣхалъ одинъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Бросивъ возжи, онъ потянулся обѣими руками за терновый кустъ.

— Людмила Павловна, пожалуйста! Что такъ рано встали? Цвѣточки рвали?

Мила съ невольной улыбкою показала свои пустыя руки, въ которыхъ ни одного цвѣточка не было.

— Такъ чтожъ такое? Вы сами цвѣточекъ, зорко вглядывался въ нее Алексѣй Леонтьевичъ: — на что вамъ цвѣточки? Добрый день, Людмила Павловна! хороший день.

Будь Алексѣй Леонтьевичъ болѣе свѣтскій человѣкъ, онъ бы давно соскочилъ съ дрожекъ; но онъ только свѣсилъ съ нихъ и протягивалъ руки.

— Позвольте, Алексѣй Леонтьевичъ, съ граціозной серьезностью сказала Мила. — Я была вчера у Настеньки.

— Были? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Хорошо-съ, Людмила Павловна. И вы сами были?

— Сама и одна была.

— Прекрасно! То есть, такъ оно хорошо, Людмила Павловна, что — или вы меня поцѣлуйте, или я васъ на старости лѣтъ поцѣлую.

Мила уклонилаь отъ обоюднаго предложенія.

— Я все отдала, Алексѣй Леонтьевичъ, сказала она.

— Все? Многонько немножко, остановился Алексѣй Леонтьевичъ. — Ну, да какая нужда? У васъ, Людмила Павловна, больше осталось... Ваша воля; вы, какъ хотѣли, такъ и распорядились — какая нужда! Пошли вамъ Богъ здоровья — и только. Что, объ этомъ и говорить нечего!... А о чемъ другомъ вы мнѣ не скажете? засматривалъ Алексѣй Леонтьевичъ въ недавно плакавшіе глазки Милы и ближе, потихоньку приводилъ ее къ своимъ дрожкамъ и положилъ ей руку къ себѣ на плечо. — И спрашивать, Людмила Павловна, не надобно?

— Не надобно, съ улыбкою сказала Мила.

Помолчали они не много.

— Чтожъ? сядете, Людмила Павловна? ѣдемъ. Зароспте вы ваши ножки по дорожкѣ.

Милѣ не пришло въ голову отказаться. У благодѣтелей она ѣздила немного верхомъ и припомнила эту штуку, чтобы стумѣть легко и ловко присѣсть на узенькой досточкѣ, которая предлагалась ей.

Алексѣй Леонтьевичъ былъ чрезвычайно доволенъ.

— Веселье мнѣ какое, Людмила Павловна! Я провезу васъ.... Эхъ, ты, буланый! чувствуешь ли, честь какая тебѣ оказывается?... Садитесь же, Людмила Павловна, хорошехонько — вотъ передо мною. Мѣстечко вамъ ѣсть. Мплости просимъ.

Мила весело улыбалась веселой улыбкѣ Алексѣя Леонтьевича и своей мысли ѣхать на бѣговыхъ дрожкахъ.

Сѣла она.

— И прекрасно! неподобно оно. Словно птичка легенькая, вспорхнули.... вотъ только бы платьете ваше — сборочки, эти сборочки не попали въ колесо; ну, да мы ихъ

уладимъ, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: присоберемъ немножко — можно?

— Можно.

— Ну, и ладно; хорошо теперь. Слава Богу... Поставьте ваши ножки на мой сапогъ; повѣрьте ему, не тяжело будетъ. — Ей, ей, Людмила Павловна! Говорятъ, что люди есть — будто имъ мѣръ тѣсень; а мнѣ, ей Богу! ненадо мѣра шире теперяшняго.

— Ёдемте же, Алексѣй Леонтьевичъ.

— Да куда намъ спѣшить, Людмила Павловна? вѣдь это я въ другой разъ наѣзжаю на Лисью-балку. Наѣхалъ въ первый — тишь такая кругомъ стоитъ! только перепела по стени проснулсь. Думаю: приѣду я, поднимется суета; неравно разбудятъ васъ, Людмила Павловна — нѣтъ! поворачивай, буланый, назадъ! Пустились мы съ нимъ маяться въ степь; исколесили ее вдоль и поперегъ.... Мудренъ тотъ будетъ, забавно качнуль головою Алексѣй Леонтьевичъ — кто бы захотѣлъ распутать мои слѣды. Будь въ лѣсу, сказали бы: лѣшій кружилъ чловѣка туда и сюда.

Смѣялся Алексѣй Леонтьевичъ.

— Вѣдь такая оказія, Людмила Павловна — Богъ васъ любил! что вы мнѣ надѣлали. Не спится мнѣ цѣлую ночь, я жмурю глаза, а они не жмурятся. Совѣстно передъ людьми. Брожу какъ словно я деньги по ночамъ караюлю. Вышелъ на дворъ; Самсонъ мой непробудно спитъ и еще изъ особеннаго усердія отворилъ конюшню и прямо въ дверяхъ легъ, чтобы кто не вывелъ лошадей; а я въ конюшню вошелъ и лошадь вывелъ безъ того, чтобы Самсонъ мой рукой ворохнулся! Запрягъ я самъ, и поѣхалъ.

Алексѣй Леонтьевичъ увидѣлъ маленькій сухой листокъ, занесенный какимъ-то случаемъ на волосы Милы — онъ не посмѣлъ рукою его снять и съ какой нѣжностью и заботой, подувая тихонько, онъ едучъ его! Солнце взошло и начинало уже ударять; но Мила не чувствовала того, потому что Алексѣй Леонтьевичъ наклонился немного и приводилъ свою голову въ то и другое положеніе, чтобы тѣнь отъ него защищала Милу.

— Нѣтъ, ёдемъ, Людмила Павловна! сказалъ онъ. Здѣсь

на васъ и листъ падаетъ, и солнце васъ сжетъ, ѣдемъ...
Съ Богомъ! Трогай, добрый конь!

Конь тронулъ; но дорога въ ярочкѣ, между кустарниковъ была выѣзжена большими колеями и еще необходимо попорчена недавнимъ дождемъ. Узенькій ходъ бѣговыхъ дрожекъ не приходился по широкому выѣзженному слѣду воловьего воза. Заскочивъ однимъ колесомъ въ глубокую колею, дрожки поднимались другой своей стороною и совсѣмъ становились на бокъ.

— Ай! легонько вскрикнула Мила.

— Ничего Людмила Павловна не беспокойтесь. Это дорога такая. Вотъ мы сейчасъ переѣдемъ.

— Ай, ой! Алексѣй Леонтьевичъ повторила Мила.

Лошадь стала.

Усмѣхаясь этой пріостановкѣ, Алексѣй Леонтьевичъ опять потронулъ лошадь.

На этотъ разъ Мила рѣшилась не вскрикивать, чтобы тамъ ни было, чтобы лошадь болѣе не останавливалась; но лошадь стала.

- Случилась маленькая исторія, бывающая на узкихъ дорогахъ нашихъ проселковъ.

На поворотѣ изъ-за кустовъ, лошадь голова на голову столкнулась съ другою лошадью. Ёхаль на встрѣчу мужичекъ.... Обнюхавъ неожиданную сосѣдку, буланый гордо, какъ бы съ презрѣніемъ тряхнулъ своей львиной гривой и подался назадъ. Разѣхаться было бы довольно мудрено, если бы лица были неуступающія другъ другу; но хохоль хотя медленно, а своротилъ свою лошадь на терновый кустъ и такимъ образомъ очистилъ маленькій проѣздъ для пана. Но разстояніе было черезчуръ не велико и встрѣтятся такъ близко съ человѣкомъ, и не заговорить съ нимъ и еще на зарѣ такого счастливаго дня, было дѣломъ совершенной невозможности для Алексѣя Леонтьевича.

— Здоровъ бувъ, человѣкъ добрый! сказалъ онъ.

— Здоровы булы, пане.

— Промѣняй намъ — спасибо тебѣ — кукушку на ястреба.

— А можетъ, пане, еще придачи дадите?

— Дадимъ.... Людмила Павловна, какъ вы скажете? старался съ улыбкою заглянуть ей въ глаза Алексѣй Леонтьевичъ.... Вотъ промѣняй намъ человиче, свою лошадь на нашу.

Чтобы понять забавную остроту этого предложенія, надо было видѣть, что за кляча предстояла на вымѣнъ гордаго буланаго коня!

— Чтожъ, человиче? не везетъ, — говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Все пла моя лошадь хорошо; а вотъ — показывалъ онъ обѣими руками — и немного будто тягости взялъ, да не везетъ. Вотъ хоть самъ посмотри, не везетъ.

Алексѣй Леонтьевичъ пустилъ лошадь. — Держа обѣ вожжи раздѣльно, онъ протягивалъ руки довольно далеко впередъ, представляя тѣмъ вѣрную опору для Милы. Куда бы не пошатнулась она — назадъ или впередъ — готова была сильная рука поддержать ее; но при этомъ Алексѣй Леонтьевичъ, сводя руки, долженъ былъ неминуемо притянуть вожжи и лошадь останавливалась.

Такъ было и теперь.

Лошадь, порываясь, подалась впередъ. Изъ колен въ колею ее должно было поворотить, чтобы миновать заднія колеса телеги, невошедшія въ кустарникъ. При этомъ толчекъ былъ такъ силенъ, что Мила въ испугѣ искала рукою ухватиться за руку Алексѣя Леонтьевича и онъ тихонечко придержалъ ее за талию; лошадь стала.

— Людмила Павловна, извините! послѣдній толчекъ — Чтожъ, человиче? обратился Алексѣй Леонтьевичъ. Видишь, не везетъ!

— Не везетъ же, паве, не везетъ.... Она счастье ваше великое везетъ — нехай съ Богомъ везетъ!

И повезъ буланыи....

Пани воеводша, со всѣмъ принаряженная, въ чепцѣ, распорядилась при старой «бабусѣ» (мыли тамъ какую-то посуду), когда топотъ буланаго коня заставилъ ее поворотить голову — у нея руки опустились.... Дочка ея Людмила Павловна! воспитанная! на бѣговыхъ дрожкахъ съ мужчиной сидитъ!...

Еще Одарья и Наталья, съ открытыми ртами, смотрѣли на эту певичаль, а уже Катерина Логвинновна ея не видѣла.

Отвортаясь, она глубоко смотрѣла въ глубь тешаго колодезя и на отражающіеся тамъ трепетныя листья старой бабуси пала не Божья ранняя роса, а горькая человѣческая слеза оскорбленной матери.

Пане воеводша подняла голову. Времени прошло достаточно для того, чтобы дочкѣ встать съ бѣговыхъ дрожекъ и не позорить въ лицо своей матери. Пани воеводша направилась медленно къ своему бѣленькому, тихому домику.

Еще въ сѣняхъ она слышала звучную веселую походку гостя, быстро ходившаго по ея приѣмной комнаткѣ. Хоть бы *ее* на первую минуту тамъ не было! даже сама себѣ сказала шепотомъ пани воеводша. И Милы точно не было. Алексѣй Леонтьевичъ одинъ весело шагаль по небольшой комнаткѣ. Но слухъ его былъ на сторожѣ. Едва взялась за дверь Катерина Логвиновна, какъ уже Алексѣй Леонтьевичъ слышалъ ея приходъ и стоялъ передъ нею и передъ дверью, раскланиваясь одной и притворяя рукой другую.

— Что вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, безпокойствіе такое принимать? — замѣтила по своей обычной вѣжливости пани воеводша на счетъ притворенной двери.

— Нашли нѣженку! также съ своей всегдашней веселостію отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Совсѣмъ выбился изъ силъ человѣкъ, что пошевелилъ двумя пальцами. Да я теперь, Катерина Логвиновна въ такой силѣ, что мнѣ хоть сто вудъ на плеча давайте — понесемъ съ Богомъ.

— Оно, конечно, все съ Богомъ, — подтвердила пани воеводша. Прошу милости садиться, сказала она. Вотъ и весна у насъ, истинно сказать, Божія: майской золотою капелькою не обидѣлъ насъ Господь. И теперь день другой лѣта, а роса какъ колодезь, стоитъ.

— Стоитъ, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Почитай, люди добрые, благословясь, черезъ недѣлку сѣнокосы начнутъ.... Вы, Алексѣй Леонтьевичъ, по лугамъ вашимъ, какъ рано думаете?

— Извините, пани воеводша! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Благодарить Бога, я уже наговорился о своемъ хозяйствѣ; а теперь Господь Богъ дастъ мнѣ великую милость поговорить съ вами о чемъ другомъ, получше хозяйства.

Алексѣй Леонтьевичъ всталъ.

— Пани воеводша! дорогая пани матеръ—какъ Господь Богъ приводитъ меня называть васъ, поцѣловаль Алексѣй Леонтьевичъ руку у Катерины Логвиновны и сѣлъ близко возлѣ нея.

— Вы помните, моя матеръ, какъ недѣли двѣ тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, мы съ вами горе горевали, что не приходится намъ подѣлиться великимъ счастьемъ: вамъ дочку вашу въ замужество мнѣ отдать, а мнѣ ее въ жены себѣ дорогую взять. И вы еще, пани матеръ, такъ мнѣ вашимъ словомъ сказали. «Пусть мнѣ Богъ помогаетъ на мое счастье! И помогы мнѣ Господь Богъ вчера, велико помогы, пани матеръ! Началъ я говорить — слово такое глубокое отъ сердца сказалъ, что оно достигло къ самому сердцу Людмилы Павловны — и она мнѣ согласье свое дала. Дайте же намъ, пани матеръ, ваше материнское согласье на то, въ чемъ насъ Господь Богъ согласилъ на вѣки вѣчные ненарушимо намъ быть.

Катерина Логвиновна не смотрѣла на Алексѣя Леонтьевича. Кажется, слезы сердечнаго умиленія дрожали въ ея потупленныхъ глазахъ; но тѣ двѣ слезы, упавшія въ глубь темнаго колодезя камнемъ легли на материнское сердце Катерины Логвиновны и не дали этимъ слезамъ проступить наружу.

— Алексѣй Леонтьевичъ! сказала пани воеводша, на всѣ его сердечныя наименованія «матери и пани матери» не отвѣтивъ ни однимъ словомъ, не назвавши Алексѣя Леонтьевича «родной мой», какъ часто, прежде того, называла пани воеводша. — Алексѣй Леонтьевичъ! помолчавши, повторила она... Коли пришелъ часъ воли Господней, нашему человѣческому хотѣнью, или нехотѣнью, не слѣдъ тамъ быть. Я, Алексѣй Леонтьевичъ, ни вамъ, ни дочки моей въ вашемъ дѣлѣ не помѣха. Боже благослови въ житіѣ и въ добрѣ, во всякомъ Его благословеніи!

Всталъ Алексѣй Леонтьевичъ. Грустно ему было.

— Покорно васъ благодарю, пани матеръ! сказалъ онъ, низко кланаясь Катеринѣ Логвиновнѣ. Такъ если вы насъ благословите Божьимъ благословеніемъ совѣстнаго добра и

житья, пани воеводша — на какой же часъ опредѣлите вы принять намъ то Божье благословеніе отъ лица самого Господа Бога, во святомъ Его храмѣ, пани матеръ?

Катерина Логвиновна, кажется, не ожидала такого положительнаго вопроса.

Она помедлила немного.

— Извѣстно вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, — сказала она: что эти дѣла не дѣлаются скоро. По осени.

— Извините, пани воеводша. Божье дѣло не за печкой лежитъ, а въ міръ глядитъ. Осени долго ждать, пани матеръ.

— Подождете, Алексѣй Леонтьевичъ. Сами вы изволите знать, какая пора идетъ. Съ полей Божью благодать принимать и вмѣстѣ свадьбу играть — суетно и намъ, и вамъ будетъ.

— Пани матеръ! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. А что Божью благодать вы отъ моего сердца отрѣете, — это вамъ не грѣхъ будетъ? Долго я ждалъ и молилъ у Бога милосердаго счастья и теперь еще вы мнѣ велите три мѣсяца ждать? Нѣтъ, пани воеводша! съ веселой рѣшимостію сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Извините, не погрѣвайтесь: на такія рѣчи у вашего сына ушей нѣтъ. Суетно, вы говороте? Такъ дайте мнѣ, пожалуйста: я всю эту суету на себя возьму... И, Катерина Логвиновна, пани моя дорогая! пани хорошая! началъ той простой, открытой рѣчью, въ которой такъ хорошъ былъ Алексѣй Леонтьевичъ. И вы думаете, что это вамъ хозяйливѣе будетъ, какъ ни у васъ, ни у меня сердце не на мѣстѣ? Какое намъ хозяйство на умъ пойдетъ? Вѣдь уже вы меня не выгоните; а я что день, то буду толочься у васъ. И самъ ничего не сдѣлаю, и у васъ всякое дѣло отобью. Да если уже на хозяйство помолвка пошла, улыбался Алексѣй Леонтьевичъ, такъ прямымъ путемъ слѣдуетъ, пани воеводша, что я хочу взять, а вы мнѣ извольте дать хозяйку на сѣнокосы да на рабочую пору. Вѣдь оно извѣстное дѣло: коли нашъ братъ, хлѣбопашецъ, прозѣвалъ, не женился въ рождественскій мясоѣдъ — такъ онъ спѣшитъ теперь поправиться и на рабочую пору въ домъ себѣ хозяйку-работницу взять.

Даже Катерина Логвиновна будто улыбулась тому, что ея Мила могла хозяйкой-работницею у мужа-хлѣбопашца стать! Алексѣй Леонтьевичъ открыто смѣялся.

— Такъ вотъ какъ, пани матерь! сказалъ онъ. Это дѣло у насъ съ вами порѣшеное; а что другое прочее, что приданымъ зовуть — Христось съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ за нею и солнца краснаго въ приданое не давайте. Она сама мнѣ красное солнце... И дочка у васъ, пани матерь, не за горами будетъ. Почитай, можно сказать, и дома, и за мужемъ. Нѣтъ! вы другой намъ судъ судите, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, пѣлюя руку у Катерины Логвиновны — такой судъ, пани матерь — не подъяческій; а чтобы онъ былъ покороче воровьянаго носа, да побыстрѣ соколинаго лета.

— Скоро вы гоните, Алексѣй Леонтьевичъ, замѣтила пани воеводша... Но чтожъ мы это вдвоемъ съ вами принялись судъ судить — не привелось бы разсуживать... Дочка моя, Людмила Павловна! возвысила голосъ пани воеводша: пожалуйте на совѣтъ къ намъ.

Въ комнатѣ стало такъ тихо, такъ напряжено было вниманіе услышать, что вотъ сей часъ отворится дверь, — что когда она отворилась и тихій шелестъ пошелъ отъ нея, въ ушахъ у присутствующихъ словно встали гремучіе звуки и вся звономъ дрогнула прежняя тишина. Мила, не доходя двухъ шаговъ до матери, остановилась противъ нея. Она всѣмъ неотступнымъ взглядомъ молодыхъ, видно опять плакавшихъ глазъ, приковалась къ лицу матери. Мила смотрѣла такъ на мать, что не видѣла никого болѣе. Но взаимнѣ того мать вовсе на нее не смотрѣла.

— Людмила Павловна! сказала пани воеводша, прозвывая куда-то вдаль своими карими недвижными глазами: Алексѣй Леонтьевичъ просить, чтобы свадьбѣ скорѣй быть; я, мать, говорю: чтобы обождать до осени; а вы, дочка, что скажете?

Мила ничего не говорила. Она смотрѣла и смотрѣла, выжидая на себя взгляда матери и съ той же напрасной томительной тоскою, какъ если бы она стала выкликать лучъ дневной на иглу и высоту полуночнаго неба.

Пани воеводша не пошевелила одной зѣницей глазъ.

— Чтожь, Людмила Павловна! какъ же вы скажете? когда свадьбѣ быть?

— Завтра! сказала Людмила Павловна. Мать, въ непобѣдимомъ изумленіи, всѣми глазами взглянула на свою дочь. Но теперь уже дочь не смотрѣла болѣе на мать. Ея молодые глаза, полные томительнаго жара молодой души и полныя слезъ, отворотились, чтобы поискать себѣ другаго отвѣтнаго взгляда и нашли его.

Молчаніе на минуту было до того полное, что о немъ мало сказать: беззвучно; оно, казалось, было бездыханно.

— На завтра, такъ и на завтра, сказала пани воеводша и въ убитомъ снлю воли голосѣ даже не слышалось — ничего не слышалось.

Катерина Логвиновна взглянула на Алексѣя Леонтьевича. Какая-то ѣдкая полоса какъ бы горькой ироніи прошла надъ высокими бровями пани воеводши. Казалось, глядя на завтрашняго зятя, она хотѣла сказать ему: «вотъ же вамъ, сударь мой, Алексѣй Леонтьевичъ, по вашему сказанному слову вышло: что короче воробьиного носа» — но не сказала пани воеводша.

А помедля, Катерина Логвиновна произнесла такъ:

— Коли оно на завтра, такъ, можетъ быть, сегодня благословеніе нужно дать — священника позвать... Людмила Павловна! вы, Алексѣй Леонтьевичъ! судомъ своимъ разсудите какъ? А мой судъ, про меня, такой, сказала пани воеводша, что хотя оно дѣло снѣшное, да все же не краденое и, хоронясь отъ добрыхъ людей, я такого дѣла зачинать не стану. Завтра завтраемъ; а сегодня я пошлю гостей на сговоръ звать.

Алексѣй Леонтьевичъ всталъ и взялся за картузь.

— Вы это куда, Алексѣй Леонтьевичъ?

— За священникомъ, пани матеръ. На мое счастье никто не работникъ. Я самъ поѣду.

Вслѣдъ за Алексѣемъ Леонтьевичемъ вышла и пани воеводша изъ комнаты, и Миля осталась одна сидѣть подъ клѣткой съ канарейкою. Канарейка пѣла и высвистывала, полоскалась въ водѣ, разбрызгивая мелкія капли; а Миля все

неподвижно сидѣла съ поникшей головой и не будила ее малыя брызги.

Алексѣй Леонтьевичъ болѣе часу проѣздилъ за священникомъ. Не засталъ его дома; батюшка былъ на пасѣкѣ. Нужно было отыскать его пасѣку; потомъ еще отыскать и дьячка, который уже былъ на своемъ сѣнокосѣ и только послѣ всѣхъ этихъ розысковъ, Алексѣй Леонтьевичъ воротился, усталый до пота лица, везя на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ батюшку съ его широкополой шляпой и съ большимъ узломъ церковныхъ вещей; между тѣмъ какъ дьячекъ и пономарь пѣшеходомъ старались догнать могучую рысь буланого коня.

Начались приготовленія къ молебну. По указанію матери, Алексѣй Леонтьевичъ снялъ со стѣны древнюю икону Пресвятой Богородицы Озарянской съ Христомъ младенцемъ и съ символическими звѣздами, разсыпанными въ серебряныхъ лучахъ вѣнца и въ складкахъ древней потускнѣвшей ризы. Начали пѣть молебенъ съ радостнымъ акаѳистомъ Божіей Матери. Катерина Логвиновна клала земные поклоны за всѣми «кондаками» и «икосами». Кажется, она усиливалась не плакать и сдерживала слезы почти до самого конца; но когда священникъ началъ повторительное: *О, всепѣтая Мати!* пани воеводша припала головою къ землѣ и когда она поднялась,—на томъ мѣстѣ, гдѣ склонялась Катерина Логвиновна остались на полу большія влажныя пятна отъ слезъ и слезы у нея ручьями катились изъ глазъ. Мила стояла на коленяхъ на порогѣ отворенной двери изъ своей комнатки въ эту большую комнату, гдѣ пѣлся молебенъ. И это раздѣльное ея положеніе какъ бы указывало на внутреннюю раздѣльность молитвеннаго состоянія ея души. То Мила горячо молилась; губы ея, шептавшія тихую молитву, даже какъ бы улыбались отъ внутренней сладости ея и вѣры умиленнаго сердца; то мало-по-малу жаркій свѣтъ молитвеннаго одушевленія сходилъ съ лица и молодое лицо, блѣдное и унылое, наклонялось къ груди, пока опять сила благодатнаго внутренняго движенія не шевелила души. Но Алексѣй Леонтьевичъ молился такъ, какъ привыкъ русскій человѣкъ, въ горѣ ли, въ его ли сердечной радости, молиться одинаково

милосердому Богу: все тѣмъ же большимъ крестомъ отъ чела до груди, отъ одного плеча до другаго и съ тѣмъ же смиреніемъ, поминающимъ свои людскіе грѣхи и неправды передъ Создателемъ Богомъ.

По окончаніи молебна началось благословеніе жениха и невѣсты. Здѣсь была минута, когда дочь могла безъ словъ, безо всякихъ объясненій примириться съ матерью въ одномъ жаркомъ обоюдномъ объятіи. Но робость Милы помѣшала тому. Стѣсняемая новостью своего положенія, чувствуя на себѣ неудовольствіе матери, смятенная и запуганная имъ, Мила не дала воли своему чувству и робко едва осмѣлилась поцѣловать мать. Пани воеводша такимъ же глубоко сдержаннымъ поцѣлуемъ поцѣловала дочь — и раздѣленіе шире прежняго залегло между ними.

Когда все это грустно окончилось, Катерина Логвиновна не рѣшила, что велѣтъ прежде подавать: чай ли, пироги ли, или и самый обѣдъ? Потому что и пироги были готовы, и обѣдъ поспѣлъ и уже солнце почти прямо стало въ окна пріемной комнаты, что означало полдень и если бы кто подумалъ усумниться въ этомъ, то знаменитые часы пани воеводши, начиная шипѣть и хрипѣть, приступали къ великой натугѣ: ударить двѣнадцать.

Пани воеводша рѣшила такъ: что чай таки чаемъ и батюшка не откажется выкупать; а пироги чтобы были къ обѣду. Они и безъ того слывутъ: «пироги — обѣду враги», такъ пусть уже не спорятъ межъ собою.

И вотъ отлично помиривши пироги съ обѣдомъ, батюшка посадилъ дьячка за кучера и думалъ было не менѣе отлично прокатиться на буланомъ Алексѣя Леонтьевича. Но едва только непривычныя руки тронули возжи буланаго, какъ онъ поднялъ такую кутерьму, что Алексѣй Леонтьевичъ, волею и неволею, а долженъ былъ везти батюшку въ такомъ же точно порядкѣ, какъ онъ привезъ его.

Поджидала ли Мила своего нареченнаго жениха, беспокоилась ли она объ его отсутствіи? Только Алексѣй Леонтьевичъ какъ поѣхалъ и проходилъ часть, другой и третій, а онъ все еще не пріѣзжалъ. У пани воеводши шли большіе сборы и приборы къ приему гостей; Мила, затворившись

отъ грусти и суеты, сидѣла въ своей комнаткѣ и, кажется, что она забылась короткимъ сномъ, склонясь себѣ на руку. И вотъ въ подобныхъ обстоятельствахъ бойкія и назойливыя горничныя въ родѣ Даша получаютъ высокую цѣну. Даша, не дожидаясь приказаній барышни и не спрашивая о нихъ, сама сообразила, что невѣстѣ приличнѣе всего быть въ розовомъ — (что когда сама Даша будетъ невѣстою, она тоже непременно надѣнетъ розовое) — и на этомъ основаніи Дарья Самсоновна приготовила для барышни розовое кисейное платьѣ и все необходимое, что шло къ нему, разгладила все отличнѣйшимъ образомъ и такимъ же точно образомъ Дарья Самсоновна перебралась со всѣми въ кухню будто бы за утюги. Наконецъ Даша явилась передъ Людмилой Павловною и объявила ей голосомъ, не принимающимъ возраженій: «Вамъ-съ, барышня, пора одѣваться». Можно бы было подумать, что барышня съ горничною помѣнялись ролями, слыша кроткій и почти робкій отвѣтъ Милы: «а когда пора, Даша, то и пора».

Но процессъ туалета мало-по-малу возбудилъ въ Людмилѣ Павловнѣ ея женственную энергію и быть хорошенькой для нареченнаго повѣяло такимъ живительнымъ обаяньемъ, что тоска и томленье Милы гдѣ дѣлись. Молодые глаза свѣтло сіяли въ старомъ зеркалѣ и полуобнаженная рука легко и ловко свивала и подвивала локонъ... но вдругъ обѣ руки, какъ мраморныя, недвижно легли на колѣна у Милы — полные звуки мужскаго полнаго голоса раздались въ смежной комнатѣ и подъ ихъ мощную, захватывающую душу полноту поднялась грудь и опустилась головка Милы.

— Я, право, не понимаю-съ, барышня, о чемъ вы все задумываетесь? — желала знать Даша.

Но, по крайней мѣрѣ, барышня поняла, что задумываться такъ нѣжно и трепетно, какъ задумалась она, нельзя и не должно при назойливыхъ горничныхъ. Мила стала поспѣшно одѣваться. Гости прибывали. Полнота мощныхъ звуковъ не доходила уже во всей чистотѣ; къ ней примѣшивались разные, не ей принадлежащіе тоны и мало-по-малу она совсѣмъ стихла. Но взамѣнъ ея другой строй отдающейся музыки шаговъ сталъ все ближе и ближе подходить къ за-

творенной двери и неотступно чѣмъ-то вызывающимъ отдаваться въ ухахъ... Людмила Павловна вышла.

— А!.. встрѣтило ее одно короткое восклицаніе...

И затѣмъ оно разомъ покрылось привѣтствіями и поздравленіями пани Швачки и Сухомлички пани, Додуленковъ и Проценковъ; панъ Триль всталъ изъ-подъ канареечки; барышни Петренковы обступили Милу. Матфій Тимофѣевичъ Мокрый, скрыпя своими сапогами, шелъ быстро на встрѣчу и, прихлопывая по рукамъ, повторялъ: «похвально! похвально! За такое похвальное дѣло позвольте вамъ, Людмила Павловна, ручку поцѣловать и поцѣловалъ панъ Мокрый. Но Мила, отвѣтивъ маленькою улыбкою свѣтлой широкой улыбкѣ, которая всюду провожала ее и глядѣла ей прямо въ лицо, — Мила протянула обѣ руки къ Настенькѣ. Та стояла не вдалекѣ отъ дверей и, въ своей застѣнчивости, медлила приблизиться и сказать что-нибудь своей вчерашней подругѣ. Но Мила не медлила. Она подошла къ Настенькѣ и поцѣловала ее точно такъ, какъ вчера цѣловала надъ вербами. «А вашъ Гальченко?» шепнула Мила, чтобы на робкую застѣнчивость Настеньки вызвать веселую улыбку — и вызвала ее. Затѣмъ дѣвушки сѣли рядомъ и едва только пани воеводша, можетъ быть, успѣла спросить себя: «что это? откуда эта дружба съ Алешковой? Вчера, можно сказать, въ глаза ее не знала» — какъ въ глаза Милы смотрѣлись зоркіе проникающіе глаза и самымъ лукавымъ взглядомъ.

— Людмила Павловна! побойтесь вы милосердаго Бога! — говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, становясь прямо передъ нею.

— Это же по какому случаю вы меня призываете, Алексѣй Леонтьевичъ, ко страху Божию? спрашивала Мила, немного смѣясь и будто рѣшительно не понимая, въ чемъ дѣло ни изъ самой улыбки.

— А вы не знаете? качалъ онъ головою, — такъ поглядите на себя въ зеркало.

Мила осталась очень довольна этой своеобразной пенею.

— А я вамъ скажу, гдѣ я пропадалъ, — сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, — спалъ, Людмила Павловна.

— И хорошо спали? — спрашивала она.

— Отлично — какъ человѣкъ, который ночь не спалъ. Буду съ батюшкою — жаръ, сонъ меня клонить и къ тому еще подумалъ: все же я пока лишнее бревно здѣсь. Матушка будетъ суетиться да прибираться, гостей ждать, а я буду только помѣха ей. Заѣхалъ вотъ я къ нимъ, говорю: «Настенька, дорогая душа! дайте что-нибудь въ головы. Пойду къ вамъ подъ вербы спать». Настенька подушку мнѣ принесла, да еще въ головы рассказала мнѣ все, какъ вы были у нея: такъ я, Людмила Павловна, такъ сладко заснулъ — будто васъ во снѣ видѣлъ! заключилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

И это былъ его единственный разговоръ во весь вечеръ съ дорогою нареченной невѣстою. Радость Сороковки о женитьбѣ Алексѣя Леонтьевича была такъ велика, многопытлива и по-малороссійски лукаво-шутлива; столько возбуждала толковъ, подразумѣній и многообразныхъ недоразумѣній, что Алексѣй Леонтьевичъ совсѣмъ его веселымъ умѣньемъ долженъ былъ управляться здѣсь, давать всему свой разумъ и пуще огня беречься, чтобы то или другое слово веселыхъ гостей не показалось какимъ-нибудь неприятнымъ словомъ пани воеводшѣ. Но, кажется, не уберегся Алексѣй Леонтьевичъ и Мила съ своей Настенькою не порадовала матери. «Всѣ другія барышни, хоть бы и Мокраго и Петренковыхъ, сидятъ; а она нашла какіе длинные разговоры съ Алешковой вестя!» Катерина Логвиновна перестала удивляться всему; но это еще не значило, что она перестала огорчаться всѣмъ.

Наконецъ гости разъѣхались. Небольшія комнатки, передъ тѣмъ туго набитыя пьющимъ, жующимъ и смѣющимся веселымъ народомъ, казались совершенно пустыми; особливо когда взглянуть было на три лица, которыя оставались въ нихъ и до того чувствовали крайнюю стѣсненность своего положенія, что боялись заговорить другъ съ другомъ.

Алексѣй Леонтьевичъ всталъ.

— Матушка! сказалъ онъ: вы намъ ничего не позволили приказать о завтрашнемъ днѣ, и я полагаю лучше всего, чтобы намъ изъ церкви, когда благословитъ Господь, отправиться прямо ко мнѣ. Тамъ и народу этого никакого нѣтъ и всякихъ сборовъ и суеты меньше.

— Это какъ вамъ угодно, Алексѣй Леонтьевичъ и Людмила Павловнѣ—въ этомъ ваша воля, а не моя. Какъ вамъ угодно, — отвѣчала пани всеводша.

Алексѣй Леонтьевичъ, прощаясь, поцѣловалъ у нея руку и таковъ былъ гнетъ, который несли на себѣ женихъ и невеста, что, разставаясь до завтрашняго великаго дня, они не посмотрѣли другъ другу въ лицо. Алексѣй Леонтьевичъ даже не поцѣловалъ руки у Людмилы Павловны; онъ только крѣпко сжалъ ее и будто потянулъ слегка за собою. Мила приняла этотъ знакъ и вышла въ темныя сѣнники за Алексѣемъ Леонтьевичемъ.

— Вы, Людмила Павловна? — спросилъ онъ, нѣсколько минутъ ожидая ея прихода и, улучивъ одну ея руку, онъ просилъ, чтобы она подала ему другую. Людмила Павловна! сказалъ онъ, крѣпко сжимая обѣ ея руки вмѣстѣ:—горько вамъ далось это дорогое мнѣ *застра!* И только развѣ завтра я буду смѣть поблагодарить васъ за него... Но Господи какая здѣсь тѣмень! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, я не вижу васъ, Людмила Павловна. Надо поискать свѣту.

Но его трудно было найдти. Отворить маленькую дверь на дворъ нельзя было ни какъ, потому что прямо въ нее бился сильный порывистый вѣтеръ, обѣщая къ завтраму едва ли не надуть дождя. Впустить немного свѣта изъ комнаты, гдѣ сидѣла сумрачная пани всеводша—ну, нѣтъ! Алексѣй Леонтьевичъ лучше соглашался оставаться въ совершенномъ мракѣ. Но однакоже лучъ свѣта нашелся.

Въ сѣнникахъ, въ самомъ верху, было вмазано стеклышко какъ разъ надъ тѣмъ примосточкомъ, гдѣ обыкновенно у малоросійскихъ хозяекъ ставится кадочка съ водою и накрывается кружкомъ или полотенцомъ. Алексѣй Леонтьевичъ поставилъ на примосточекъ одну ногу, поднялъ съ земли Людмилу Павловну и посадилъ ее къ себѣ на колѣно. Такимъ образомъ все, что только проходило въ стеклышко свѣта отъ мерцающаго мѣсяца, пало на лицо Милы.

— Я боюсь, Людмила Павловна, чтобы вы не соскользнули и буду придерживать васъ,—сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ и въ самомъ маленькомъ свѣтѣ различая, какъ зардѣлось нѣжное молодое лицо и къ землѣ опустились ясныя

глазки. Гнѣвается на насъ наша матушка, сказала Алексѣй Леонтьевичъ. — Что будемъ дѣлать? Перетерпимъ, Людмила Павловна. Материнскій гнѣвъ, что весенній свѣгъ: и много его нападетъ, да скоро потаетъ... Взгляните на меня, моя дорогая.

Но Алексѣй Леонтьевичъ долженъ былъ самъ наклонить ниже свою голову, чтобы поискать взгляда, о которомъ просилъ онъ.

— Такъ какъ же, Людмила Павловна? Вы изволили слышать: изъ церкви — и прямо домой... *Домой* Людмила Павловна? — наклоняясь поближе, спросилъ онъ. — Скажите словечко.

— *Домой*, — чуть слышно сказала Мила. Алексѣй Леонтьевичъ взялъ и поцѣловалъ ее руку.

— Такъ поговоримъ же о домѣ, моя дорогая... Извините, Людмила Павловна! я такъ васъ въ домъ принимаю, какъ вы мнѣ съ неба даръ внезапно даетесь. Ничего у меня ни приготовленнаго, ни принаровленнаго къ вашему приему нѣтъ, т. е., всякаго дрома я, пожалуй, и много натаскалъ къ себѣ какъ грачъ въ гнѣздо; но чтобы этого пріюту пріятнаго, пуху мягкаго какъ въ ремезиномъ гнѣздынкѣ, гдѣ бы вы могли расположиться, успокоиться, ничего этого у меня нѣту. Снесите его вы мнѣ сами на вашихъ голубиныхъ крыльшкахъ; больше и снести его было-бъ нѣкому! извините меня, Людмила Павловна, не погнѣвайтесь.

Мила и совсѣмъ было хотѣла что-то сказать; но слова не сказались, за то рука ея поднялась и тихо легла на плечо Алексѣя Леонтьевича.

Алексѣй Леонтьевичъ сильнѣе прижалъ ее къ себѣ.

— Благодарю васъ, моя дорогая... Такъ стало, Людмила Павловна, — помолчавши сказалъ онъ: я завтра съ утра приплю къ вамъ подводу и за Дашей особо приплю. Вы уже сами потрудитесь тутъ распорядиться, какія вамъ нужно вещи — не забудьте чего, дорогая! и Даша пускай не медлитъ, а ѣдетъ поживѣе — *домой*, Людмила Павловна, какъ только она вамъ здѣсь не подъ-нужду станетъ...

— Теперъ еще вопросъ, — сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, мой экипажъ въ починкѣ, какъ вы знаете. Прикажете взять

коляску по сосѣдству, или какъ, Людмила Павловна?.. не лучше ли мы въ своихъ пролеткахъ и на нашихъ буланыхъ, Людмила Павловна? Богъ не безъ милости: не все же будеть бушевать этотъ вѣтрище... такъ какъ вы скажете?

— На нашихъ, сказала Мила.

— Отлично! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. И какъ я васъ, Людмила Павловна, Богъ дастъ, прокачу степью! не хочу пыльной дорогой вести, мы лучше степью возьмемъ. Оно хоть и дальше версты на четыре, да за то степь родная! Небо звѣздами, а степь цвѣтами будутъ встрѣчать и провожать насъ... Прощайте, Людмила Павловна! я бы этакъ всю ночь продержалъ васъ и пробесѣдовалъ съ вами, да нельзя — некогда, надобно еще въ ночь за колечкомъ на эту ручку посылать. Прощайте!.. повторилъ Алексѣй Леонтьевичъ медленно и пріостановился на одну тихую минуту... Людмила Павловна! сказалъ онъ: мы, слава Богу, благословенные женихъ и невѣста, и завтра, милостию Божию, будемъ уже и повѣнчанные мужъ и жена; такъ тутъ вовсе грѣха великаго нѣту — Людмила Павловна, поцѣлуйте вы на дорогу меня.

Алексѣй Леонтьевичъ приблизилъ свое лицо и трепетный, милолетный поцѣлуй не то коснулся, не то не коснулся его.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ взволнованно.... Но знаете, Людмила Павловна, это — забава, а не поцѣлуй... А вотъ этотъ, Мила, беретъ и отдаетъ душу....

Алексѣй Леонтьевичъ слегка приклонилъ къ себѣ Милу и поцѣловалъ ее мощнымъ долгимъ поцѣлуемъ. Когда онъ отнялъ свое лицо, Мила осталась у него на плечѣ и онъ изъ устъ и рукою навѣвалъ ей прохладу на закрывшіеся глаза и, хотя немного открытыя, но не дышавшія губы.

— Теперь ты моя! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, слегка цѣлуя лобъ Людмилы Павловны, когда она открыла глаза. — Отдохни еще у меня... не поднимай головки. Пусть еще она полежитъ у меня, принимая близко къ Милѣ, смотрѣлъ на нее Алексѣй Леонтьевичъ. — Ну, теперь пора, Мила! Загорѣлись румянцемъ щечки.... Когда бъ ты знала, какъ мнѣ трудно оставлять тебя! Но дѣлать нечего — пора. Прощай, Мила!...

Алексѣй Леонтьевичъ спустилъ съ колѣна Людмилу Павловну и перекрестилъ ее.

— Христось съ тобою! почивай здорово.... Не выходи провожать меня — вѣтеръ! быстро сказалъ онъ, захлопывая за собою дверь.

И Мила не вышла, послушная сказанному слову; но она дождалась въ темныхъ сѣнчикахъ, пока звонкое ржанье и тонотъ рьянаго коня перестали проноситься даже въ порывахъ вѣтра и тогда Мила вошла въ свои материнскія комнаты. Пани мать сидѣла у открытаго окошка. Вѣтра съ той стороны не было; но большія Вербовскія вербы, сбитыми комами закрученныхъ и перепутанныхъ вѣтвей и разсыпчатыхъ листьевъ, мигали въ темнотѣ и словно заглядывали въ окошко. Но Катерина Логвиновна того не видѣла — не видѣла и того, что дочь, въ красотѣ и сплѣ новоданной души, пришла и стала въ двухъ шагахъ отъ матери. Вся озаряясь тихой улыбкою, постояла Людмила Павловна и тихо пошла къ себѣ.... Заколыхайте вы, Вербовскія вербы, думу пани своей!

«Богъ не безъ милости,» какъ сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, — тому, кто просто, всѣмъ сердцемъ уповаешь на Его милость. День на утро вышелъ чудеснѣйшій, что лучшаго и желать было нельзя. Ночью полоснулъ дождичекъ, буря опала и утро съ своимъ краснымъ солнышкомъ вышло, какъ женихъ изъ чертога....

Но паша невѣста спала, спала подо всѣми тихими обаяньями дѣвственнаго сна и прикоснувшася поцѣлуя жениха, и мирной тишины роднаго домика, лелѣвашаго въ послѣднее ея утренній сонъ.

— Не стучитѣ, родныя! не разбудите мнѣ ее! всѣмъ одно говорила пани воеводша, ходя не слышно и, въ тоскливой заботѣ, все что-то собираясь дѣлать и не дѣлая, а только поводя руками.

Наконецъ такъ дорого лелѣемый сонъ все-таки снялся съ молодыхъ рѣсницъ. Порханье и щебетанье у окна бьющихся воробьевъ привычно наполнило слухъ Милы. Съ улыб-

кою она подвлялась было.... Но вся память сегодняшнего дня — все, что въ немъ ожидало ее, прилило къ ней нахлынувшей волною и Мила опять упала на свою подушку, закрывая глаза прижавшимися къ лицу руками. Часы начали бить разъ и два, и до десяти — и каждый ударъ ихъ, тяжело замедляющійся, какъ бы послѣдній и опять, и снова застающій, билъ въ самое сердце Милы. Еще бы три, или четыре такихъ удара и она бы не выдержала; Милѣ сдѣлалось бы дурно. Она поспѣшно встала.... Въ домикѣ у пани воеводши окна не растворялись, а поднимались, какъ въ избахъ у нашихъ поселянъ. Мила подняла окно и оттолкнула ставень.... И свѣтъ, и воздухъ животворно теплый, и жаркій, разсыпчатый лучъ въ капляхъ росы, и оглушающее щебетанье веселаго народа пташекъ, напрасно все это вмѣстѣ прилило и дышало, какъ дышитъ животворное мировое счастье въ молодое лицо! Мила не лицо, а свою наклоненную голову отдавала подъ привѣтъ этому счастью. — Пойду, сказала она съ той томительной тревогою, которая заставляетъ наше сердце живымъ словомъ нашихъ собственныхъ устъ говорить съ нами. И Мила пошла, т. е., она стала на стулъ и черезъ окно переступила въ садъ.

Полянки по саду уже обсохли; на нихъ по травѣ не стояла роса; но въ тѣни она стояла колодеземъ. Мила шла въ тѣни и пополянкамъ.... Поперемѣнно то жаркій лучъ всю обнималъ ее, то задѣтая вѣтка встряхивалась и осыпала ее каплями росы. Но скоро это безцѣльное блужданье нашло себѣ чудно умиряющій исходъ. Въ глаза Милѣ засіялъ крестъ сороковской церкви и вся тоскливая тревога молодой души прилилась къ нему въ жаркомъ молитвенномъ пылѣ. Напрасно отдѣляли ее широкой лугъ и безыменная рѣчка Сороковки, и густо сплошныя тѣни сада пана Мокраго — все проникая собою и возносясь поверхъ всего — святой крестъ сіялъ и сіялъ золотыми лучами на склоненную голову Милы.

Она встала съ травы. Что-то промелькнуло мимо густыхъ вербъ; но Мила не обратила на это вниманія. Она шла по дорожкѣ къ дому. Отворя камитку, она, вмѣстѣ со скрипомъ ея, слышала лошадиный топотъ — обороти-

лась.... и подводы, присланные Алексѣемъ Леонтьевичемъ, взѣзжали на дворъ. Съ минуту Мила стояла, держась за калитку, не идя впередъ и не подаваясь назадъ. Люди Алексѣя Леонтьевича ее замѣтили и та поспѣшность съ какою они сняли шляпы и соскочили съ повозокъ, чтобы издали поклониться ей, говорили ясно Милѣ, что они видятъ въ ней не чужую барышню.... Она быстро прошла, почти не отвѣтивъ поклономъ на эти знаки смущавшаго ее вниманія. Но другая встрѣча ожидала Милу при самомъ ея входѣ въ домъ. На порогѣ стояла пани воеводша, ничего не зная о присылкѣ подвоя и удивляясь, что это за крашеная хорошенькая таратайка съ ковромъ, съ франтовски запряженой лошадыю и кучеръ не менѣе франтъ: молодой красивый паренъ въ синемъ армякѣ на распашку и въ красной александринковой рубашкѣ. Пани воеводшѣ и въ умъ того не приходило, чтобы эта таратайка назначалась для Даши — чтобы эти прибывшія подводы должны были забрать и увезти вещи ея дочери.... Мила стала передъ лицомъ матери. Въ живомъ, непередаваемомъ чувствѣ любви и трепета, прощальной тоски, порывомъ охватившей душу, Мила всѣмъ лицомъ припала къ рукамъ матери, цѣлуя ихъ; взяла ихъ вмѣстѣ, прижала къ своей груди; но прежде, чѣмъ опомнилась пани воеводша, дочери уже не было.

— Барышня-съ! за нашими вещами Алексѣй Леонтьевичъ прислалъ-съ! ворвалась въ комнату Даша, позабывъ открытъ ставни и не помня того, что это она такимъ вихремъ вносится въ комнату барышни, которая по ея понятіямъ должна была еще почивать. — Ахъ, вы уже встали! какъ въ свое извиненіе добавила Даша. — И какой-съ, право, Алексѣй Леонтьевичъ внимательные! скажу вамъ, барышня. Прислала-съ за мною таратайку, и Даша начала трещать о таратайкѣ.

Мила, блѣдная и спокойная, сидѣла у окна.

— Когда же Алексѣй Леонтьевичъ прислалъ за вещами, то надобно собирать вещи, Даша. Начнемъ, сказала она.

И можно навѣрное сказать, что Людмила Павловна сама уложила свои вещи, а Даша только помогала ей неуловимымъ трещаньемъ. Наконецъ все было уложено. Мила

нѣсколько разъ останавливалась и ей припоминались слова : «не забудьте чего, дорогая!»

— Кажется, я ничего не забыла, сказала она и вышла изъ своей комнатки, вышла даже совершенно изъ дому, чтобы дать людямъ Алексѣя Леонтьевича войти и вынести ея вещи. Было уже два часа.... Какъ грустна и пуста, какъ велика показалась Миѣ ея опустѣлая комната, когда она опять вошла въ нее — та маленькая комнатка, которая такъ часто давила ее своею тѣснотою! Ни комода, ни рабочаго столка не было; гардеробный шкафъ стоялъ растворенный и пустой; одно подвѣчное платье лежало на кровати, на которой уже подушки не было.... Не знаю, какимъ бы знакомъ безмолвнаго томленія выразилась эта грусть отлетающей изъ родимаго угла на новую жизнь пташки, если бы Даша не явилась тотчасъ съ своимъ заливымъ щебетаньемъ, неся на тарелкѣ, обложенный льдомъ, зеленый вѣнокъ изъ свѣжихъ барвинковъ — вѣнокъ для подвѣчнаго наряда Людмилѣ Павловнѣ. Мила занялась вѣнкомъ, занялась своимъ предстоящимъ нарядомъ. Сама подметала къ бѣлому платью съ короткими рукавами другіе рукава по длиннѣе и охорашивая ихъ, закладывая маленькія складочки, которыхъ изящная тайна доступна только очень изящной молодой дѣвушкѣ, — Мила не вспомнила того, что это бѣлое платье, которому такъ неожиданно выпадала доля быть ея подвѣчнымъ нарядомъ, это платье было то самое, въ которомъ Мила, вмѣстѣ съ Леною, подносила лавровый вѣнокъ сыну Татьяны Николаевны.

А между тѣмъ лошадь въ таратайкѣ, оставаясь одна, безъ своихъ сотоварищей, увезшихъ вещи, порывалась на привязи и громко ржала, выбивая подъ собою землю. Даша сердечнымъ нетерпѣньемъ отвѣчала ржанію лошади. Ъхать одной, прибыть въ домъ къ Алексѣю Леонтьевичу, распорядиться тамъ, быть главной — у Дарьи Самсоновны духъ занимался, и выгнутыя брови ея еще болѣе выгинались. «Барышня! извольте одѣваться,» объявила она. «Миѣ, право, вѣкогда ждать. И Алексѣй Леонтьевичъ просили, и сами вы, барышня, повиняете, что миѣ надобно сѣшнить, — чтобы тамъ хоть что-нибудь на что-нибудь было похоже!» разво-

дила руками Даша. И Людмила Павловна принуждена была согласиться съ доводами своей горничной. «Давай одѣваться,» тихо и медленно сказала она. И Мила совсѣмъ одѣлась; только не надѣла на голову своего свѣжаго вѣнка, чтобы онъ не завялъ немного — да и увядать ему было уже нѣкогда. Было пять часовъ.

Гости начали съѣзжаться и всѣ съѣхались; не было только жениха. Невѣста тоже не выходила изъ своей затворенной комнатки, и какой тяжелый получасъ пережила она, сидя совершенно одна въ своемъ полуразоренномъ гнѣздышкѣ дѣвичьей жизни! Въ шесть часовъ пріѣхалъ Алексѣй Леонтьевичъ съ Гальченкомъ. По суетѣ, поднявшейся вокругъ, Мила догадалась о его пріѣздѣ; хотѣла было встать и не могла. Блѣдная и не трогаясь съ мѣста, она слушала, какъ входилъ Алексѣй Леонтьевичъ, какъ начиналъ говорить онъ.... И никого не было, кто бы на этотъ голосъ улыбнулся съ дружеской ласкою Милѣ! Кто бы сказалъ ей тихо и нѣжно: «пора, наша Мила!» и подалъ бы ей ея свѣжій зеленый вѣнокъ.... Мила сама взяла его. Отряхнувъ нѣсколько капли воды, она надѣла вѣнокъ влажный и холодный на свою голову, и этотъ холодъ дрожью прошелъ по ней по всей. Низко, къ самой землѣ наклонилась передъ Богомъ своей увѣнчанной головкою Мила и когда она поднялась, крестясь, — на мѣстѣ остались капли.... отъ слезъ ли, отъ тѣхъ ли капель воды, которыя кое-гдѣ стояли на листкахъ и цвѣткахъ свѣжаго барвинка.

Алексѣй Леонтьевичъ за обѣ руки принялъ Милу, когда она вышла, и представилъ ей Гальченка, какъ своего шафера.

— Въ такомъ случаѣ я знаю, кого мнѣ просить принять эту обязанность у меня, — сказала Мила Гальченку и вѣстѣ съ нимъ и Алексѣемъ Леонтьевичемъ она подошла къ Настенькѣ и, на удивленіе всей Сороковки, попросила ее поддержать ей въ церкви вѣнецъ.

За тѣмъ жениха и невѣсту, по обычаю, посадили за убранный столъ; но это сидѣніе продолжалось не долго. Изъ-за стола мать благословила ихъ хлѣбомъ-солью и тѣмъ же благословеннымъ образомъ Озарянской Божіей Матери, и

такъ какъ молодые не должны уже были возвращаться, то пани воеводша передала образъ Алексѣю Леонтьевичу, а благословенный хлѣбъ дочери. Женихъ тотчасъ уѣхалъ съ шаферомъ къ церкви и въ слѣдъ за нимъ невѣсту начали готовить и собирать къ отъѣзду. Пани Швачка везла ее на своихъ лошадахъ и въ своемъ экипажѣ; Настенька ѣхала вмѣстѣ съ нею и все ѣхало, оставляя пани воеводшу одну въ ея опустѣломъ домикѣ. Извѣстно, что у насъ ни мать, ни отецъ не бывають въ церкви при вѣнчаніи дѣтей. Мила переступала за порогъ материнскаго домика и вдругъ сказала пани Швачкѣ: «позвольте» и воротилась къ матери. «Перекрестите меня, матушка!» проговорила она глубоко взволновано. «Хотя вы благословили насъ, но перекрестите меня, повторила она, «какъ вы всегда меня крестили, отпуская отъ себя.» — И пани воеводша три раза перекрестила дочь.

Вѣнецъ прошелъ глубоко просто, т. е., онъ совершился глубоко торжественно. Панъ Триль и панъ Мокрый нѣли на клиросѣ. У невѣсты не было ни обморока, ни слезъ, ни улыбокъ; а взамѣнъ всего этого, у жениха и у невѣсты, было одно глубокое, сосредоточенное вниманіе къ таинству. Когда оно совершилось и священникъ подалъ новосочетавшимся мужу и женѣ — вино, вкусить имъ въ знакъ ихъ духовной радости, у Алексѣя Леонтьевича губы первически дрожали и вся грудь колыхалась, какъ со два моря движимая волна. Людмила Павловна вкусила уже не одно вино, а оно было растворено слезою умиленія ея мужа. Когда вышли изъ церкви, Алексѣй Леонтьевичъ провелъ свою молодую жену къ одному мѣсту въ углу церковной ограды. «Людмила Павловна!» сказалъ онъ: «это могила моей матушки. Поклонимся ей, нашей родной, и тутъ же батюшка по близу лежитъ» — и молодые вмѣстѣ поклонились три раза могиламъ родителей. За тѣмъ она сѣли въ свои пролетки. Людмила Павловна не помнила, кто надѣлъ на нее бурнусъ и кто ей положилъ на колѣна благословенный хлѣбъ; но всѣ люди долго помнили, какъ Алексѣй Леонтьевичъ привсталъ на дрожкахъ, оборотился назадъ къ церкви, перекрестился на нее и потомъ поклонился народу на всѣ стороны: — «Съ Богомъ, Самсонъ! пошелъ!» — проговорилъ онъ.

Не напрасно Алексѣй Леонтьевичъ говорилъ вчера Милю и обѣщалъ себѣ великое удовольствіе прокатить ее степью. Они и ѣхали степью, но другое, сладчайшее удовольствіе захватило всю глубину души Алексѣя Леонтьевича. Безмолвный, онъ держалъ на колѣнахъ благословенный образъ и какъ захватилъ руку Милы, такъ и не выпускалъ ее, прижимая вмѣстѣ съ своею рукою къ образу. Людмила Павловна тоже всеполно молчала и они неслись. Степь раступалась передъ ними. Вчерашняя буря полосами понаклонила по ней траву и теперь эти полосы, подъ росой и отъ свѣта мѣсяца, лучисто расходились по землѣ и тускляя звѣзды на ризѣ Богоматери загорались отъ блеска небесныхъ звѣздъ, и серебряный вѣнецъ ея обливался свѣтомъ. Этотъ часъ времени, который необходимъ былъ для переѣзда по степи, промелькнулъ совершенно незамѣтно, неощутимо ни для Людмилы Павловны, ни для Алексѣя Леонтьевича. Она даже слегка вздрогнула, когда не смѣлый, почти не узнаваемый голосъ мужской силы и звучности, сказалъ ей трепетно вѣжно: «Вотъ и нашъ домъ, Людмила Павловна!» Она невольно подняла глаза и домъ всѣми своими освѣщенными окнами глянулъ прямо въ лицо прибывшей хозяйки.

— Прочь собаку! — сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, неся въ одной рукѣ образъ, а другою вводя въ свой домъ молодую жену себѣ, молодую госпожу своему дому.

Въ залѣ, подъ образами, накрытъ былъ небольшой столъ и на немъ горѣла восковая свѣча. Алексѣй Леонтьевичъ на этотъ столъ положилъ образъ, принялъ отъ Людмилы Павловны благословенный хлѣбъ матери и здѣсь же положилъ его. За тѣмъ молодые супруги поклонились три раза въ землю, поцѣловали образъ, поцѣловали и хлѣбъ святой, и обротились лицомъ другъ къ другу.

Наконецъ нужно было излиться той затаенной силѣ чувства, которое, не все же нѣмѣя, могло оставаться въ нихъ.

— Здравствуйте, Людмила Павловна! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, обѣими своими руками принимая за обѣ руки Милу и, во взаимномъ соединеніи, руки ихъ одинаково трепетали. Здравствуйте же, молодая хозяйка, въ вашемъ дому!... О, благодарю васъ, что вы захотѣли быть ею! О, Людмила

Павловна! благодарю васъ, припалъ Алексѣй Леонтьевичъ всѣмъ лвомъ къ рукамъ Милы и не цѣловалъ ихъ; онъ прижимался къ нимъ и плакалъ на взрыдъ.

— Алексѣй Леонтьевичъ!... въ любви и въ тревогѣ, въ непередаваемомъ волненіи души, одно это: — Алексѣй Леонтьевичъ! — произносила Мила.

Но онъ едва ли могъ слышать этотъ трепетный голосъ. Крестъ-на-крестъ сложившимися руками, онъ продолжалъ прижимать къ груди руки Милы и она слышала, какъ его сильное мужское сердце трепетно билось и на мгновение замирало подъ ея рукой.

Мила совсѣмъ изнемогла.

— Алексѣй Леонтьевичъ, наконецъ взгляните на меня! — почти тихимъ воплемъ произнесла она.

И одного взгляда было достаточно, чтобы собственная тревога Алексѣя Леонтьевича вся перешла въ заботу и въ тревогу о ней, о молодой хозяйкѣ, которая сама вся въ слезахъ, стояла передъ нимъ и потому только стояла, что онъ сильно прижималъ ея руки къ своей груди.

Алексѣй Леонтьевичъ отвелъ Милу и посадилъ на диванъ. Онъ совершенно былъ не свѣдущъ во всѣхъ этихъ заботахъ и попеченіяхъ, которыя неминуемо требовались для Милы, но онъ любовью, инстинктивно понималъ ихъ. Алексѣй Леонтьевичъ не обременялъ Милу ни распросами, никакими успокоивающими словами; онъ только молча, не выпуская, держалъ одну ея руку, а другою Мила оперлась на подушку дивана и, склонясь на нее, тихо плакала.

Но самое это молчаніе, эта страдательная покорность нервамъ Милы, дала ей силу преодолѣть ихъ.

— Алексѣй Леонтьевичъ! сказала она, поднимая къ нему заплаканныя глаза: — я или сама плачу, или васъ заставляю плакать — простите меня.

— О, Людмила Павловна! Богъ васъ простить! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ со всею улыбкою своего счастья, и онъ долго и нѣжно цѣлуя, потихоньку сжалъ и поцѣловалъ обѣ ея руки. Теперь что будемъ дѣлать, Людмила Павловна? Я хочу васъ напоить чаемъ. Вотъ и готово все, показалъ Алексѣй Леонтьевичъ на приготовленный въ гостиной столъ съ

чайнымъ приборомъ. Вы ли сами захотите разлить, или я налью вамъ; только Людмила Павловна, надобно чай кушать.

Алексѣй Леонтьевичъ вышелъ и это дало Милю возможность совершенно оправиться; но она все не имѣла силы взглянуть прямо въ лицо своему мужу и когда онъ вошелъ — слегка зардѣвшееся личико Людмилы Павловны было обращено къ нему, но глаза потуплены.

Алексѣй Леонтьевичъ и самъ казался въ не маломъ затрудненіи.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, Людмила Павловна, началъ говорить онъ: — и отказать тоже нельзя. Люди наши просятъ — комнатная прислуга, чтобы вы дозволили имъ явиться къ вамъ. Поздравить они насъ хотятъ...

— Ахъ, да! Отчего же?... встала Мила, протягивая руку къ Алексѣю Леонтьевичу и они вышли въ залу.

Тамъ, выглядывая изъ полуотворенныхъ дверей, ожидали съ нетерпѣніемъ этого появленія, и Даша, во главѣ десятка и болѣе лицъ, выступила передъ господами.

— Поздравляю васъ, барышня, вѣнца принявши, сказала Даша, не смотря на свое великосвѣтское образованіе, сохранившая форму сороковской рѣчи: — и желаю-съ вамъ, барышня, счастья, здоровья и всякаго что ни есть на свѣтѣ благополучія-съ.

Даша хотѣла было поцѣловать руку Людмилы Павловны, хотя хорошо знала, что ея барышня никому не давала цѣловать рукъ; но барышня отвела свою руку назадъ и сама поцѣловала Дашу, какъ цѣлуютъ сестру.

— И васъ, баринъ Алексѣй Леонтьевичъ, тоже поздравляю-съ...

Но Алексѣй Леонтьевичъ не далъ излиться поздравленіямъ Даши, а взявъ обѣими руками ея голову и тоже крѣпко поцѣловалъ ее.

Затѣмъ приступила вся новая прислуга Людмилы Павловны. Смущеніе съ той и съ другой стороны было обоюдное. «Здравствуйте!» говорила Мила и слегка кланялась своей милою головкою, и цѣловала всѣхъ; но она почти не видѣла никого. Зато какимъ широкимъ объѣтомъ обнимался Алексѣй Леонтьевичъ съ своими домашними! «Кажется, вамъ

грѣхъ сказать», въ радости и въ умилеши говорилъ онъ. «Вы отъ меня ни въ чемъ обижены не были и эта нѣжная ручка, не бойтесь, не обидитъ васъ. Прежде жили хорошо, а теперь, Богъ дастъ, заживемъ въ десятеро лучше.... Спасибо, друзья. Ступайте съ Богомъ. Марья!» махнулъ рукою Алексѣй Леонтьевичъ.... И ключница Марья хорошо поняла, какимъ обиліемъ водки, и наливки, и всякихъ закусокъ долженъ былъ сказаться людямъ этотъ выразительный знакъ.

— Но давайте же памъ чаю, чаю! повторялъ Алексѣй Леонтьевичъ. Самоваръ! живѣе, други!

И живо все было принесено, подано, поставлено. — Спасибо, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Теперь намъ никого не нужно здѣсь. Ступай себѣ, не стой, молодецъ. Затвори за собою дверь.

И въ то время, когда человѣкъ притворялъ за собою дверь пзъ гостиной въ залу, Алексѣй Леонтьевичъ широко распахнулъ другую дверь на балконъ.

Ночь любопытно глянула своєю незрячею темнотою въ уютную озаренную комнату съ шипучимъ блистающимъ самоваромъ, съ молодою хозяйкою въ зеленомъ вѣнкѣ — и любопытно поглядѣла ночь на этого счастливаго человѣка, полной грудью выдыхавшаго въ прохладу ея сладостный жаръ и полноту своего человѣческаго счастья.

Алексѣй Леонтьевичъ оборотился и увидѣлъ Милу занятую чаемъ. Онъ молча придвинулъ къ столу кресло, и сѣлъ въ него молча. Рука его, лежавшая на столѣ, оставалась въ совершенномъ покоѣ и все лицо, одухотворенное выраженіемъ чего-то всеполнаго, вседовольнаго, все заключавшаго въ себѣ — лицо Алексѣя Леонтьевича было прекрасно.

— Людмила Павловна! сказалъ онъ такимъ чистымъ голосомъ ровноты звуковъ и ихъ музыкальнаго покоя — позвольте мнѣ говорить вамъ, Людмила Павловна.

— Я васъ слушаю, Алексѣй Леонтьевичъ! сказала Мила, и она истинно слушала зардѣвшимися, нѣжными ушами эту знакомую звучность мужскихъ тоновъ его голоса, инкогда не доходившую до такой музыкальной полноты.

— Людмила Павловна! мнѣ представляется, что до-сихъ-поръ я все шель и шель тяжело въ гору; а теперь я взо-

шелъ на нее и отдыхаю — какъ я, Людмила Павловна, отдыхаю! — вздохнулъ переполненной грудью Алексѣй Леонтьевичъ.... Я не пила, не ѣла сегодня, не курила сигары, чтобы мнѣ достойно постомъ и молитвою принять, Людмила Павловна, святое таинство, которое отдало васъ мнѣ и меня вамъ...

— И я тоже, — тихо проговорила Мила, здѣсь только вспомнивши, что и она въ свою очередь не пила, не ѣла, хотя и не думала о постѣ.

— Начнемъ же съ перваго куска хлѣба все по-поламъ, разломилъ Алексѣй Леонтьевичъ пополамъ ломоть бѣлаго хлѣба и подалъ одну половину его Милѣ, другую оставилъ у себя.

— Все пополамъ, Людмила Павловна!.. Чудно какъ Господь Богъ устроилъ судьбу человѣка въ великомъ таинствѣ брака! Вѣдь три дня, Людмила Павловна, — бралъ Алексѣй Леонтьевичъ руку Милы въ обѣ свои руки — всего три дня тому назадъ, вы точно также сидѣли здѣсь и разливали чай. Душа моя умирала за вами, я не смѣлъ не то, чтобы приступить — я не смѣлъ поглядѣть на васъ. Я, Людмила Павловна, пзналъ ту ночь; Богу высказалъ мое сердце. Говорю: — Господи! Ты — мой, а я — Твой: да будетъ воля Твоя! — И тому прошло только три дня, Людмила Павловна, и вотъ вы опять сидите у меня — и какое съ нами великое чудо случилось! Уму непостижимое, Людмила Павловна! — прикрылъ себѣ Алексѣй Леонтьевичъ глаза рукою Милы и замолчалъ на минуту.

— Истинно непостижимое... То, что было мнѣ далеко какъ небо, стало для меня близко — такъ близко, что ближе ничего мнѣ на землѣ и во всемъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть — вы, моя голубка Людмила Павловна! сочеталъ насъ Господь на крѣпкую любовь и на вѣрную душу другъ другу. Вы — мнѣ, я — вамъ, Людмила Павловна и вся жизнь наша въ томъ! поцѣловалъ Алексѣй Леонтьевичъ руку Милы, нѣжно, долго ее поцѣловалъ.

— Да, Людмила Павловна! теперь ни моего, ни вашего отдѣльнаго счастья нѣту для насъ. Все, что мнѣ Господь Богъ благоволитъ послать, радости и счастья, Онъ пошлетъ

миѣ въ васъ и черезъ васъ. Минуя васъ, нѣтъ для меня и не хочу я никакого счастья! Также и для васъ, Людмила Павловна, моя дорогая — вѣдь я для васъ ваше счастье?

— Да, Алексѣй Леонтьевичъ! тихо сказала Мила и, впервые касаясь руки мужа, она подняла ее и тихо прижала ее къ своему лбу.

Алексѣй Леонтьевичъ медленно наклонился и тоже впервые поцѣловалъ склоненную къ своей рукѣ головку жены.

— Мы, Людмила Павловна, велимъ сюда, на этотъ столъ, подать намъ и ужинъ, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ по окончаніи чая.

И ужинъ подали.

Наливъ рюмку вина, Алексѣй Леонтьевичъ предложилъ ее Мигѣ. Та обмакнула губы и хотѣла было возвратить.... «А все пополамъ?» замѣтилъ онъ съ улыбкою. «Нѣтъ, я вашей половины не пью.»

Мила отпила половину и подала рюмку мужу.

— Вотъ и прекрасно! а я ее, Людмила Павловна, долюю и полную за ваше здоровье выпью, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, доливая рюмку и выпивая ее.

— А за ваше?... отозвалась Мила....

— Нѣтъ-съ, Людмила Павловна, не беспокойтесь! оставилъ Алексѣй Леонтьевичъ ручку, потянувшуюся къ бутылкѣ. На что миѣ вино? Здоровымъ я, благодарить Бога, здоровъ и нынѣ радости у меня — Господи! сколько... не хочу я, Людмила Павловна, къ этой моей радости примѣшивать опьяненіе вина! всталъ изъ-за стола Алексѣй Леонтьевичъ.

— Позвольте благодарить васъ, хозяйшку, сказалъ онъ, помолясь Богу; и не то, чтобы въ этомъ слышалась шутка — вовсе нѣтъ. Алексѣй Леонтьевичъ приблизился къ Мигѣ и поблагодарилъ ее съ улыбкою любви и счастья, но вовсе не шутки.

Мила вышла на балковъ. Столъ прибирали и убрали его; Алексѣя Леонтьевича не было. Въ домѣ стало все тихо до замиранья сердца... Людмила Павловна сошла ниже по ступенямъ балкона и прислонилась къ первому дереву.

— Гдѣ же вы, Людмила Павловна? пришелъ Алексѣй

Леонтьевичъ... Вы свѣтитесь въ темнотѣ! увидѣлъ онъ и сошелъ къ Миѣ. Сыро, моя дорогая! и роса вамъ съ дерева будетъ падать на головку.

Миѣ молчала.

— И уже не рано, Людмила Павловна, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ: двѣнадцатый часъ, а намъ еще надобно помолиться вмѣстѣ. Угодно вамъ пожаловать мнѣ вашу ручку и пойдемъ?

— Пойдемте, Алексѣй Леонтьевичъ! сказала Миѣ, въ его спокойной простотѣ, въ его простой почтительности нанося силу идти за нимъ, куда бы онъ ни велъ ее.

Алексѣй Леонтьевичъ привелъ Миѣ въ ту комнату, гдѣ она ночевала. Благословенный образъ ихъ стоялъ въ кивотѣ и передъ нимъ горѣла лампадка. Алексѣй Леонтьевичъ затворилъ за собою дверь. «Читайте вы, Людмила Павловна, молитвы.» сказалъ онъ. «Ваши уста чище и святѣе моихъ». Миѣ начала читать молитвы — тотъ неизмѣнный тысячелѣтній рядъ молитвъ, которыя читаются нами утромъ и вечеромъ, отъ отрочества и до гроба. Голосъ ея, поднятый до полутона, тихо будилъ комнату и неслышный шопотъ устъ Алексѣя Леонтьевича вторилъ ему. Миѣ прочитала *Достойную*, опустилась на колѣна и не поднималась. Алексѣй Леонтьевичъ приблизился и склонилъ свою голову надъ ея склоненной головою.

— Господи, Отецъ нашъ небесный! приведи насъ къ сему великому часу... Дай же ей, чтобы она любила меня и чтобы я любилъ ее, какъ я люблю ее — и чтобы Ты, нашъ Господи, принялъ насъ въ Твое общеніе божественной любви!

Алексѣй Леонтьевичъ съ минутой стоялъ въ молчаніи съ наклоненной головою; но эта минута прошла. «Вставайте же, Людмила Павловна!» сказалъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки... «Вставай, моя богоданная, дорогая жена!» полнымъ, широкимъ объѣмъ обнялъ жену Алексѣй Леонтьевичъ, поднялъ ее съ колѣнъ и сильно прижалъ къ своей груди. Головка Людмилы Павловны искала схорониться, припадала къ его плечу... «Нѣтъ, Миѣ! поцѣлуй мужа ждетъ тебя», поднялъ ея лицо Алексѣй Леонтьевичъ. «Принимай его въ радости... Бери мою душу, Миѣ, и отдай мнѣ твою!» отдаю-

щимъ душу подѣлуемъ приникъ Алексѣй Леонтьевичъ къ устамъ жены, и, насладившись ихъ, онъ прижалъ свой лобъ къ ея молодому увѣнчанному лбу и двѣ крупныя слезы скатились на лицо Милы. Посадивъ въ кресло жену, Алексѣй Леонтьевичъ тихими шагами вышелъ изъ комнаты и послалъ горничную къ Людмилѣ Павловнѣ.

Но что подѣлывала пани воеводша? Не легко сказать. Когда сосѣди и знакомые, провожавшіе къ вѣвцу молодыхъ, и во главѣ ихъ пани Шважка, явились обратно и всѣмъ миромъ доложили матери: «поѣхали же наши молодые — пусть имъ Богъ помогаетъ!» пани воеводша, конечно, приняла эту вѣсть и гостей своихъ, какъ подобало, со всякимъ достоинствомъ и угощеніемъ, и всѣмъ ея благодареніемъ ко всѣмъ гостямъ. Но когда уѣхали гости и кончилась эта, какъ законъ, непреложная забота домовитой хозяйки: убрать серебро послѣ гостей, пересчитать салфетки, узнать не разбита ли какая заповѣдная чашка; когда все это окончилось и погашены были въ немаломъ количествѣ зажженные свѣчи и Вербовскія вербы безшелестно встали въ ночной тиши, и затихала сама Вербовка, упокоиваясь обычнымъ сномъ, послѣ необычно проведеннаго дня; когда ярче вспыхнула лампадка въ ночной глуши, озаряя уголь святыхъ иконъ, — тогда материнское сердце пани воеводши исполнилось такой скорбью и мольбою, еще не пережитой борьбою ея души, что съ паней воеводшею сдѣлалась первическая дрожь, о которой и понятія не имѣла Сороковка.

Воображая, что это лихорадка, пани воеводша думала укрыться подъ одѣяломъ; но, въ самомъ сердцѣ потрясенныя, всѣ фибры крѣпкаго организма дрожали и трепетали вмѣстѣ съ сердцемъ. Какую силу воли надобно было имѣть, чтобы въ одинъ — въ два дня перенести столько огорченій и ни упрекомъ, ни намекомъ не облегчивши души отъ гнетущаго груза!

Но на утро какъ была грустна, какъ одинока въ своемъ опустѣломъ домикѣ пани воеводша! Дочь у нея какъ въ воду упала. Ни мать надумалась, ни пагоревалась сердцемъ

о разлукѣ съ нею: такъ все оно, Богъ вѣдаетъ какъ, сѣшшо сталося! Даже ни одной свадебной пѣсни Людмигѣ Павловаѣ не было пропѣто! Сороковскія дѣвушки не успѣли ни разу повеличать невѣстою дочку пани воеводши! И пани воеводша, все чего-то смутно ища и не находя, вошла въ свои кладовыя и глянула по нимъ — все, чѣмъ она озабочивалась рано и поздно, что издавна берегла и откладывала въ приданое — все ея заповѣдное добро было съ ней и при ней, только дочери у нея не было.... «Но вѣдь она будетъ сегодня», думала пани воеводша и, судя по старинному, какъ бы казалось, не быть молодымъ у матери? Но молодые не были. Перетерпѣвъ этотъ день, какъ сама знала, пани воеводша тѣмъ съ бѣльшею вѣроятностію ждала дѣтей на другой день; но и на другой день ихъ не было. На третій день шелъ дождь и около обѣда прибылъ посланный отъ Алексѣя Леонтьевича сказать, что господа, слава Богу, здоровы, приказали кланяться — баринъ и барыня. «Они сегодня безперемѣнно хотѣли быть, да дождь помѣшалъ». Пани воеводша угостила посланнаго, какъ отца роднаго. Перетерпѣла и этотъ день; но на завтра вѣтеръ ли, сыро ли — только молодые у матери не были. Наступилъ пятый день — пани воеводша ходила какъ потерянная. Ей совѣстно было на своихъ домашнихъ взглянуть. Отдала дочь замужъ и дочь не хочетъ ногой ступить къ матери! Всѣ Одарыя и Наталы съ сожалѣніемъ посматривали на пани воеводшу. «Бѣдная старая барыня!» качали онѣ головами. «Грѣхъ Людмигѣ Павловиѣ забывать матушку родную.» Но наконецъ сердце матери не стерпѣло ждать. «Ерѣма!» выглянула изъ окна пани воеводша — «запрягай, малый!» — «Запрягать, значить?» спросилъ Ерѣма и, не получая подтвержденія, ушелъ живо запрягать. «Бѣдетъ! значить, сама ѣдетъ!» толковалъ домашній людъ, въ умиленіи простыхъ сердець, сказывая великую истину. «Что-то значить мать родная! Солнышко свѣтитъ да померкаетъ; а мать свое дитя родное ни въ горѣ, ни въ счастіи не забываетъ.» И поѣхала пани воеводша. Она не приказывала, куда ѣхать, Ерѣма не спрашивалъ ее; а между тѣмъ пани воеводша ѣхала, куда сердцемъ хотѣла, и старый Ерѣма везъ ее, куда самъ зналъ.

Вечерѣю. Алексѣй Леонтьевичъ былъ на гумнѣ, гдѣ у него перечищали и веревѣвали пшеницу, проданную Скорнякову.

— Живѣй, ребята! говорилъ онъ, похлопывая руками и, чтобы придать дѣлу болѣе живости, онъ самъ взялся за метлу и началъ очищать и подгонять къ вороху пшеницу.

Хотя ее насыпали двумя мѣрками, но для болѣе скорости, Алексѣй Леонтьевичъ послалъ еще къ ключнику за третьей. Молодой малый, который самъ вызвался идти, возвращался съ мѣркою и несъ ее надъ головою, подкидывая и ловя руками.

— Что ты это вынычнулся, какъ мамка съ лялькою! въ истеричѣшии замѣтилъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Живѣй, ребята! повторилъ онъ. — Молодая жена ждетъ чай пить.

— Эе, маме! такъ бы вы и давно сказали, обозвался одинъ изъ чистильщиковъ пшеницы.

— *Ще-съ йде*, замѣтилъ другой.

Алексѣй Леонтьевичъ оборотился и ему не нужно было долго смотрѣть, чтобы узнать, кто это такой ѣдетъ?

— Ну, ребята! сказалъ онъ:— оставайся сами. Гдѣ токовой? махнулъ рукою такому Алексѣй Леонтьевичъ, указывая ему на свое мѣсто и живо отправился на перерѣзъ приближающемуся экипажу.

Алексѣй Леонтьевичъ не вошелъ въ домъ; но подойдя къ окну въ одной комнатѣ, онъ постучалъ въ стекло рукою. «Людмила Павловна! матушка жалуетъ», сказалъ онъ.

И пани воеводша въ это самое время пожаловала къ крыльцу, такъ, что Алексѣй Леонтьевичъ въ самую пору нашелся тутъ, чтобы принять и встрѣтить матушку.

Онъ еще держалъ ее подъ руку и начиналъ говорить ей: «Какую вы это, пани мать, милость намъ вашу оказали», какъ что-то стремительное метнулось съ ступеней крыльца и къ груди матери припала дочь безъ словъ, все сказывая однимъ жаркимъ, неострывающимся объятіемъ.

— Людмила Павловна! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ:— чѣмъ мы это матушку у крыльца держимъ? Пусть она къ намъ пожалуетъ въ домъ. На то вы и хозяйка молодая, чтобы просить матушку.

— Пожалуйте, матушка! сказала Людмила Павловна, все еще на груди матери, исполняя свою обязанность молодой хозяйки.

И наконецъ пани воеводша, провожаемая съ одной руки зятемъ, а съ другой дочерью, вступила въ домъ. Она была до того взволнована, что только сказала: «здравствуйте!» и ничего не говорила болѣе. Сѣла на диванъ.

Людмила Павловна опустилась передъ нею на колѣни. Обѣими руками она, на сколько могла, обнимала мать и смотрѣла ей въ лицо такими глубоко нѣжными, задумавшимися глазами. «Мама! мама!» тихо шептала ей тихія уста. Кажется, все, что было пережито непонятаго, нераздѣленнаго въ ихъ короткой жизни матери и дочери—вся эта дробная нить мелкихъ недоразумѣній проходила передъ памятью живаго чувства Людмилы Павловны и уже не дочь только, а любящая и любимая жена, Людмила Павловна, въ ея расширеншемся сердцѣ, давала миръ всему и никогда она такъ не любила и не чтילה матери!

— Позвольте-ка, Людмила Павловна. Приподнимитесь немножко...

Алексѣй Леонтьевичъ приподнялъ немножко съ колѣнъ жену и подложилъ ей съ дивана подушку.

— Вотъ теперь стойте передъ матушкою, коли вамъ сладость такая въ душу вошла, чтобы постоять такъ... А я вамъ, дорогая пани мать, онять свое начну: какую вы это намъ милость вашу великую оказали, что пожаловали вы къ намъ! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, садясь къ матери и цѣлуя ей руку. — Мы передъ вами въ великой винѣ показываемся; и коли вы насъ да вашимъ материнскимъ сердцемъ разсудите, то и вины тутъ ни яковой нѣтъ. На другой день, пани мать, намъ было самимъ до себя. Насъ Господь Богъ такъ неожиданно свель, что мы еще учились смотреть другъ на друга и называть-то себя мы едва умѣли. Ну, поприсмотрѣлись къ себѣ въ этотъ денекъ; а на завтра надобно было подумать Бога поблагодарить. Послалъ я священника позвать, молебень отслужили; на новосельѣ молодой хозяйкѣ домъ святою водой окропили; тутъ вмѣстѣ и люди поздравить сошлись... Сами извольте знать, какъ надобно

привѣтить народъ. Спасибо еще, на счастье молодой барыни, подоспѣлъ къ намъ въ обѣдъ разнощикъ. Пошла наша барыня дары дарить, покупки людямъ покупать... улыбался Алексѣй Леонтьевичъ и протянулъ руку съ видимымъ желаніемъ, чтобы барыня взялась за нее и поднялась съ колѣнъ.

Но барыня не поднималась. Взявъ руку мужа, она оставила ее у себя и все смотрѣла на мать тихимъ, глубоко задумавшимся взглядомъ.

— Встань, дитя мое! надрывающимся шопотомъ проговорила пани воеводша и, не сдерживая болѣе порыва души, она обняла обѣими руками голову дочери и припала къ ней. Слезы, какъ зерна, падали на шею, на плеча, на лицо Людмилы Павловны.

— Мама, мама! чуть слышалось изъ этого порывистаго объятія, полного обоюдныхъ слезъ:—мигъ теперь этого мало, мама! Чтобы вамъ приласкать меня, приласкайте *ею*, мама!

Алексѣй Леонтьевичъ слышалъ это.

— Позвольте, матушка! сказалъ онъ глубоко растроганно:—я вамъ приподниму ее и посажу рядомъ... Коли я и въ смертной какой винѣ виновать передъ вами, то не ради меня, а ради этого голубя чистаго приголубте меня.

Пани воеводша тихимъ порывомъ встала.

— Прости меня ты, Алексѣй Леонтьевичъ! сказала она.—И пусть тебя и меня Богъ простить, и колѣ ты взялъ ее у меня... не окончила пани воеводша и всею силою своихъ бѣлыхъ рукъ обняла зятя и замолкла она!

— Ну, слава Богу! вотъ и конецъ всему. Распуталась наша путаница; а куда она, пани мать, и намъ и вамъ — Христось съ нею! — не къ ладу была, сказалъ Алексѣй, цѣлуя одну и другую руки пани воеводши; и чтобы заговорить эту свѣжую смуту, Алексѣй Леонтьевичъ продолжалъ: — А я вамъ, пани мать, все-таки кончать буду, какъ и что мы подѣлывали это время безъ васъ. — Вотъ-то и другой день прошелъ. Нашей молодой хозяйкѣ и оглянутса некогда было. Зацѣловали ее бабы и мужики. «Да ну-те васъ къ Богу!» даже вступился я. «Этакъ, говорю, вы и

мнѣ у барыни поцѣлуя не оставите.» На силу отвоевалъ я свою барыню! Наредъ куражный, отступу мнѣ не дастъ. На третій день мы непремѣнно хотѣли быть, да дождь помѣшалъ... А я, хорошъ муженекъ! говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Взять-то жену взялъ да и лапки склалъ, и думать забылъ, что не въ чемъ жену къ родной матери повести: экинажа нѣтъ. Волею и неволею остались мы дома сидѣть; вотъ-то я послалъ сказать вамъ.... А дальше, пани матеръ, т. е., вчера — какъ вамъ и доложить? Всего съ нами случилось по немножку. — Немножко у Людмилы Павловны головка болѣла, и съ утра немножко на дворѣ сыро было. Подъ обѣдъ времени пошла Людмила Павловна въ свой старый садъ проходиться — чтобы по немъ цвѣты молодые послѣдамъ ея поросли — и слышу, зоветь меня. Иду я — и Людмила Павловна мнѣ свою затѣю милую сказываетъ, что вотъ такъ бы отъ балкона вкось провести на-сторону дорожку, такъ и этакъ поворотить ее и вотъ тамъ, подъ кленомъ да подъ яблонью, устроить намъ бесѣдку на славу: и чай пить, и въ жаръ отдохнуть, и чтобы тамъ когда новое фортепiano поставить и васъ, пани матеръ, первую дорогую гостью принять.... Взялись мы сгоряча за работу; Людмила Павловна показываетъ, я размѣчаю, самъ съ топоромъ, гдѣ нужно, проську рублю.... Кликнулъ я кличъ: что-моль молодая барыня работу даетъ.... Явились къ намъ кучера и лакеи, весь дворовый людъ, старый и малый. Барыня, какъ водится, на починъ поподчивала; грянули пѣсни, и мы, пани матеръ, не оглянулись, какъ и день прошель. Сегодня и такъ и сякъ мы рядили: и къ вамъ-то намъ хочется, и работа наша подъ конецъ не подошла. И захотѣлось намъ такъ, чтобы нынче, пани матеръ, окончить намъ свою работу, а завтра безотлагательно быть къ вамъ (я и за коляской послалъ) и упросить, умолить васъ, родную нашу матеръ, вмѣстѣ съ нами пожаловать къ намъ и чтобы, то есть, Людмила Павловна похвалилась передъ вами своимъ хозяйствомъ.... Вотъ полюбуйтесь, посмотрите, редвая! поднился Алексѣй Леонтьевичъ, подавая руку матери и другую съ улыбкою отдавая молодой женѣ.... Я десятокъ лѣтъ жаль здѣсь, считался хоанномъ и ничего мнѣ такого въ голову

не приходило; а она пяти дней не прожгла, а вы извольте повидать, что она за рай душѣ устроила!...

Всякій изъ насъ хорошо знаетъ, что будь только у челоуѣка на душѣ рай, то ему, что хотите, покажется за рай. Но здѣсь, въ самомъ дѣлѣ; мѣсто было очень хорошо. Свѣжій уютный уголокъ въ мощной лѣсистой глуши. Старая яблоня, расколотившаяся на двое, вся мшистая и позеленѣлая красивою лѣсною плѣсенью, опрокинулась одною половиною на мощный раскидистый кленъ, а другою почти легла къ землѣ, образуя кривыми перепутавшимися вѣтвями родъ натурального свода, подъ который, чтобы пройти, слѣдовало очень и очень наклонить голову, особливо такую высокую и радостно поднятую, какою являлась голова Алексѣя Леонтьевича.

Мѣстечко было совсѣмъ убрано, усыпано пескомъ; дерновый полукруглый диванъ обхватывалъ расколотившуюся яблоню и былъ зеленъ и свѣжъ въ прохладной тѣни.

— Вотъ здѣсь садитесь-ка, матушка! приглашалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Да сами вы, старая хозяйка, полюбуйтесь-ка, повелѣ онъ руками вокругъ.

Пани воеводша тоже самое сдѣлала своими карими пронзительными глазами.

— Ахъ, Милочка! ахъ, Алексѣй Леонтьевичъ! заговорила она. — Это вамъ хорошо! Оно, Богъ знаетъ, какъ вамъ хорошо... Рой, рой!

И пани воеводша показала густой золотистый рой, который, осѣвши шапкой, повисъ межъ листвою яблони и прямо спускался надъ новоустроеннымъ диваномъ.

— Ахъ, мои дѣтки дорогія! въ восторгѣ говорила мать. — Это вамъ счастье какое! Лучше такой примѣты и на свѣтѣ нѣтъ, какъ прилетный рой. Ласточки да рой, это Божья благодать и благословеніе видимо себя являютъ! Миръ и счастье дому принести.

— Еще бы! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Когда въ домъ слетѣлъ такой ангелъ, показывалъ онъ: — и чтобы не было счастья и благословенія?... Рой-то мы съ вами, пани матеръ, отряхнемъ; а благодать Божія и благословеніе пусть надъ нами стоятъ дѣвѣку!

И рой отряхли, огребли рой; помѣтили улей именовъ Людмилы Павловны и она сказала, что это будетъ ея рой и она разведетъ отъ него цѣлую пасѣку.

Въ этой маленькой суетѣ и чай былъ забытъ; но скоро чайный столъ вступилъ въ свои неотъемлемыя права, и на дворѣ, въ тиши, въ зелени, въ проступающемъ ночномъ ароматѣ лѣсныхъ травъ и въ новоустроенномъ раѣ пили чай; но пани воеводша не отводила глазъ отъ дочери. Она наблюдала ее съ возрастающимъ, внутреннимъ непобѣдимымъ изумленіемъ. Мила ли это передъ нею, или другая какая Людмила Павловна? — Что въ ней новаго? Что въ ней показывается такого, чего прежде не замѣчала въ дочери пани воеводша? И будто новаго на взглядъ и нѣтъ ничего. Платье знакомое материнское, еще голубенькая кисейка цвѣточками, которую пани воеводша сама у разнощика купила и даже ей цѣну вспомнила — и новаго ничего на Людмилѣ Павловнѣ надѣтаго нѣтъ, даже прическа ея дѣвичья локонами къ лицу вьется; а между тѣмъ... Новая сила жизни проступала новой нѣжной красотой во всѣ, такъ сказать, поры существа Людмилы Павловны. Она будто и выросла; шире раскрылись и потемнѣли глаза — потемнѣли не цвѣтомъ, а глубиною взгляда, которымъ они смотрѣли вокругъ. И пани воеводша точно не видала въ дочери ничего подобнаго тому, что показывалось передъ нею теперь, когда эти свѣтлыя глазки недавней Милы съ медленнымъ, глубоко-сдержаннымъ вниманіемъ самосознающей любви обращались на мужа и темнѣлъ отъ глубины чувства взглядъ ихъ, и все розовѣло тихо приподнятое въ нѣжной улыбкѣ лицо, и вся Людмила Павловна, облитая свѣтомъ какого-то полузабытыя думы сидѣла въ кроткомъ покоѣ; а старая яблонь склоняла надъ нею пуки зеленыхъ вѣтвей....

Чай кончился. Перешли сидѣть на балконъ, на этотъ старый заплѣненный кустами балконъ — на его старыя ступени, кой-гдѣ проросшія травой. Людмилу Павловну вызвалъ за чѣмъ-то лакей. Не теряя съ лица своей свѣтлой думы, она переговорила съ нимъ и пришла, сѣла ђ-бокъ матери. Не много погодя, Даша вызвала ее опять, махая рукой. И съ своей Дашею переговорила молодая хозяйка о комнатѣ для

почлега матушкѣ, пошла взглянуть на приготовляемую постель и, воротясь, застала разговоръ о сѣнѣ, о пшеницѣ, о благодати лѣта...

— Вотъ мы съ матушкою забрались въ свою степь на сѣнокосы — милости просимъ къ намъ, Людмила Павловна, кашу кушать.

— Что косарямъ варять, добавила пани воеводша.

Улыбаясь, Людмила Павловна пріостановилась въ маленькой нерѣшимости: гдѣ присѣсть ей? И къ мужу тянуло, и мать тоже не хотѣлось оставить въ сторони.

— А мы этому дѣлу пособимъ, Людмила Павловна, скажь съ улыбкою Алексѣй Леонтьевичъ. Сердце-то ваше дорогое, какъ ласточка, прибывается; чаешь разорваться пополамъ... Садитесь-ка вы, ласточка, на колѣни къ мужу! вотъ и матушка поблизу, и всѣ мы втроемъ собьемся въ одну кучку... Пожалуйте-ка къ намъ.

Алексѣй Леонтьевичъ протянулъ обѣ руки и усадилъ къ себѣ на колѣни жену.

— Вотъ такъ оно и всѣмъ хорошо, коли только вамъ не плохо, замѣтилъ онъ. А я вамъ, пани мать, одно скажу, продолжалъ говорить онъ: такой силы травы, какъ нынѣшнее лѣто Господь Богъ даетъ, я съ десятокъ годовъ не запомню. Вотъ то, какъ я ранымъ-рано прибывался къ вамъ и самъ увидѣлъ, что попалъ черезъ чуръ рано. Поворотилъ я коня въ степь и, хоть мнѣ не до травы было, но я просто диву дался! Завезъ меня буланый въ какую-то лощину-луговину, что я и мѣста того не опозналъ. Трава на меня живой силой наступила. Конь ее мнетъ, чуть не грудью буланый на прорѣзъ беретъ; нѣтъ! она, густая да не проемная, изъ-подъ копытъ, изъ-подъ колесъ встаетъ — ходу не даетъ... Такъ-то, Людмила Павловна! заключилъ Алексѣй Леонтьевичъ, повидимому совершенно занятый травой, а между тѣмъ уловившій то легкое, несмѣлое движеніе, какимъ Людмила Павловна искала тихо приподнять руку и положить ему на плечо.

Алексѣй Леонтьевичъ самъ взялъ эту робко нѣжную ручку, наклонилъ подъ нее свою голову и когда рука жены

обвилась и легла кругомъ его шеи, онъ поцѣловалъ жену съ тихимъ задумчивымъ счастьемъ.

— Можетъ быть, Людмила Павловна, и вы бы немножко прилегли — склоника, Мила, свою головку, примолвилъ онъ шопотомъ, а мы васъ нашей зеленой травой, Людмила Павловна, какъ пологомъ прикроемъ. Не даромъ и въ пѣсняхъ поютъ: «травя шелковая».

Мила склонила свою головку и совсѣмъ прилегла къ плечу мужа. Принявъ на себя это легкое бремя, Алексѣй Леонтьевичъ, кажется, заговорилъ еще бодрѣе и веселѣе.

— Такъ вотъ, пани матеръ, трава-то какова! Да вѣдь это еще восемь дней назадъ было, да за это время дождикъ немалый перешель; а что пало въ эту траву, то не даромъ пропало. Солнце изъ нея влаги не пьетъ. Она теперь выросла да взбогѣла, гляди куда! Только что на пологъ Людмилѣ Павловнѣ, а съ дрожками да съ буланымъ не новоюешь этой травы. Она и дрожки по осямъ повесть, и доброму коню чуть не путы сплететь...

И Алексѣй Леонтьевичъ къ слову припомнилъ, какія онъ еще по Черноморью травы-то видалъ! Тамъ еще какую силу износить изъ себя земля! И рассказъ, и разговоръ о томъ пошелъ литься, какъ живая струя.

Но въ полусумракѣ замѣтно было, какъ въ переливахъ этого рассказа, тихо и волнообразно иногда колебалась рука Алексѣя Леонтьевича, какъ бы убаюкивая по временамъ этимъ мѣрнымъ движеньемъ и неустаяющею течъ заливной струею жизненныхъ, простыхъ, могучихъ рѣчей. Но голосъ Алексѣя Леонтьевича замѣтно слабѣлъ въ силѣ и сходилъ все ниже и ниже, пока наконецъ остановился на полусловѣ...

— *Започивала!* сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, и всѣ рѣчи смолкли.

Мать не говорила и мужъ молчалъ, и только на краю сада поздній ночной соловей начиналъ урчать и свистать, пробуя затихающими, отрывчатыми нотами свое начальное соловьиное пѣнье.

— Чтожъ мы, матушка, только будемъ смотрѣть на нее? Такъ мы никогда не насмотримся. Пусть она привы-

каетъ почивать подѣ голосъ мужа, какъ вѣдь она засыпала же, пани матерь, подѣ вашу колыбельную пѣсенку.

Голосъ Алексѣя Леонтьевича былъ не то, чтобы утишенный до шопота голосъ, нѣтъ! онъ былъ почти весь разговорный голосъ, но въ его звуки влилась такая сердечная мягкость, что онъ показывался тихимъ, какъ самый нѣжный ласкающій шопоть.

— Пусть почиваетъ... Вѣдь она сегодня, пани матерь, встала наравнѣ со мною, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ этими мягкимъ голосомъ: Зачѣмъ это? говорю я. На какую заботу поднялась, Мила? О чемъ нужно, я позабочусь. Спи, моя Мила дорогая... Она спать не хочетъ, пани матерь! Она говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ, что у нея мысли такія новыя находятъ въ голову и что она думаетъ эти мысли, не надумается ими! И даже когда спитъ она, эти мысли словно лучъ какой свѣтять ей въ сердце, пани матерь... Чудно она это говорить!

— И посмотрите, матушка, у нея спящее лицо сказать бы свѣтитса этими мыслями — вы поглядите, родная! приподнялъ Алексѣй Леонтьевичъ съ смѣлой нѣжностію развитые и напустившіеся локоны на лицо Людмилы Павловны и откинулъ ихъ назадъ.

И онъ былъ правъ: лицо точно свѣтилось, и отъ внутреннего свѣта, и отъ избытка тѣхъ лунныхъ лучей, которыми мѣсяцъ, перевысившій деревья, прямо лилъ и свѣтилъ на молодое нѣжное лицо.

Но излишекъ этого послѣдняго свѣта видимо начиналъ беспокоить Людмилу Павловну. Она въ полуснѣ искала защититься отъ него и ся развившіеся локоны опять спустились и осѣнили ея лицо.

— Матушка! сказалъ заботливо Алексѣй Леонтьевичъ: — вѣдь это, говорятъ, вредно — нездорово бываетъ, когда мѣсяцъ свѣтитъ прямо на соннаго въ лицо? Я не хочу... Пусть Богъ милуетъ! Я боюсь того. Разбудите се, матушка.

— Нѣтъ, Алексѣй Леонтьевичъ! отвѣтила пани воеводша. — Будить и поконить, это теперь ваше супружеское дѣло; а я здѣсь — сторона... Мнѣ и самой на покой пора.

Вотъ перекрестить ее, какъ мать, я могу, перекрестила дочь пани воевоеша и удалилась въ домъ.

Оставалось Алексѣю Леонтьевичу самому будить свою дѣтски уснувшую на его плечѣ, жену.

— Мила!.. усиливался онъ позвать довольно мужественно и громко; но зовъ сказался такимъ невѣрнымъ, не звучнымъ голосомъ, что имъ едва ли можно было разбудить птичку, чутко прикорнувшую на вѣткѣхъ подъ зеленымъ листкомъ.

Алексѣй Леонтьевичъ осмотрѣлся вокругъ. Онъ видимо хотѣлъ подняться и унести на рукахъ жену; но, какъ человѣкъ разсудительный и опытный, прежде онъ попробовалъ ногой ветхія подающіяся ступени своего балкона и увидѣлъ ясно, что шаткимъ ступенямъ не сдержатъ его сильнаго упора ноги подъ дорогой ношею.

Что было дѣлать?..

— Мила!.. позвалъ опять Алексѣй Леонтьевичъ и даже будто тронулъ ее мужниной полновластной рукою.

Но Людмила Павловна въ ея снѣ не признавала никакой власти.

— Вѣдь это разоръ головѣ започивала какъ! Мила! Какая ты, выходишь соня, Мила!... Да проснись, моя Мила! Матушка была да пошла и благословила тебя, Мила, слышишь? Крестомъ перекрестила тебя и соловей, Мила, наше счастье поетъ — а ты и не слышишь, Мила!..

И соловей точно пѣлъ — и яриады звѣздъ тихо, недвижно, какъ безчисленные очи, приникая, смотрѣли на счастье человѣка.

КОХАНОВСКАЯ.

ВЕСЕННІЯ ПѢСНИ.

I.

О удались навѣкъ, тяжелый духъ сомнѣнья,
О не тревожь меня печалью старины,
Когда такъ пламенно природы обновленье,
И такъ свѣжительно дыханіе весны;
Когда такъ радостно надъ душными стѣнами,
Надъ снѣгомъ тающимъ, надъ пестрою толпой
Сверкають небеса горячими лучами,
Пророчать ласточки свободу и покой;
Когда во мнѣ самомъ, тоски моей сильнѣе,
Тѣснятъ ее гурьбой веселья мечты,
Когда я чувствую, дрожа и пламенѣя,
Присутствіе во всемъ знакомой красоты;
Когда мои глаза, объятые дремотой,
На встрѣчу тянутся къ мелькнувшему лучу...
Когда мнѣ хочется прижать къ груди кого-то,
Когда не знаю я, кого обнять хочу;
Когда весь этотъ міръ любви и наслажденья
Съ природой заодно такъ молодъ и хорошъ...
О удались навѣкъ тяжелый духъ сомнѣнья,
Печалью старою мнѣ сердца не тревожь!

II.

Опять я очнулся съ природой!
И кажется вновь надо мной
Все радостно грезить свободой,
Все вѣтъ и дышитъ весной.

Опять въ безотчетномъ томленьи
Усталый, предавшись труду,
Я дней безъ труда и волненья
Съ какимъ-то волненіемъ жду.

И слышу, какъ жизнь молодая
Желанія будить въ крови,
Какъ сердце дрожить, изнывая
Тоской безпредметной любви....

Опять эти звуки былова,
И счастья томительный бредъ...
И все, что понятно безъ слова,
И все, чему имени нѣтъ.

III.

Весенней ночи сумракъ влажный
Струями льется предо мной,
И что-то шепчетъ гулъ протяжный
Надъ обновленною землею.

Зачѣмъ, о звѣзды, вы глядите
Сквозь эти мягкія струи,
О чемъ такъ званью вы журчите,
Неугомонныя ручьи?

Вамъ долго слухъ безъ мысли внемлетъ,
Къ вамъ безъ тоски прикованъ взоръ...
И сладко грудь мою объемлетъ
Какой-то тающій просторъ.

IV.

Затихъ утомительный говоръ людей,
Потухла свѣча у постели моей,
Ужъ близокъ разсвѣтъ; мнѣ не снится давно...
Болишь мое сердце, устало оно.
Но кто же приникъ къ изголовью со мной?
Ты ль это, мой призракъ, мой ангелъ земной?
О вѣрь мнѣ, тебя я люблю глубоко...
Какъ дѣвственной груди дыханье легко,

Какъ свѣтитъ и грѣетъ твой ласковый взглядъ,
 Какъ кротко въ тиши твои рѣчи звучать!
 Ты руку мнѣ жмешь — она жарче огня...
 Ты долго и нѣжно цѣлуешь меня...
 Ты тихо уходишь... о Боже! постой...
 Останься, мой ангелъ, останься со мной!
 Вѣдь этихъ лобзаний, навѣянныхъ сномъ,
 Вѣдь этого счастья не будетъ потомъ!
 Вѣдь завтра опять ты мнѣ бросишь едва
 Холодные взгляды, пустыя слова,
 Вѣдь сердце опять запылаетъ тоской...
 Останься, мой ангелъ, мнѣ сладко съ тобой!

V.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Проснулся я.... Въ раскрытое окно
 Повѣяло прохладой и цвѣтами;
 Ужъ солнце ходитъ по небу давно,
 А соловей не молкнетъ за кустами....
 Я слушаю: такъ пѣснь его полна
 Тоскливаго и страстнаго желанья,
 Такъ радостно проносится весна,
 Что кажется, ~~на что бь~~ еще страданья?

Но мнѣ всю ночь ужасный снится сонъ,
 Но дважды я все съ той же грезой бѣгся,
 И каждый разъ былъ стономъ пробужденъ,
 И послѣ долго плакалъ и томился....
 Мнѣ тяжело. О нѣтъ, въ нѣмой ночи
 Отраднѣ сносить такія грезы,
 О, слишкомъ жгутъ весенніе лучи
 Еще недавно высохшія слезы!

VI.

УТѢШЕНІЕ ВЕСНЫ.

«Не плачь, мой пѣвецъ одинокій,
 «Покуда кипитъ въ тебѣ кровь.
 «Я знаю: коварно, жестоко
 «Тебя обманула любовь.

«Я знаю : любовь незабвенна....
 «Но слушай : тебѣ я вѣрна,
 «Моя красота неизмѣнна,
 «Мнѣ вѣчная юность дана!

«Покроютъ ли небо туманы,
 «Приблизится ль осени часть,
 «Въ далекія, теплыя страны
 «Надолго я скроюсь отъ васъ.

«Какъ часто въ томленьяхъ недуга
 «Ты будешь меня призывать,
 «Ты ждать меня будешь какъ друга,
 «Какъ нѣжно-любимую мать!

«Приду я... на душу больную
 «Навѣю чудесные сны,
 «И язвы легко уврачую
 «Твоей безразсудной весны!

«Когда же по мелочи, скупю
 «Растратишь ты жизнь, и — старикъ —
 «Начнешь равнодушно и тупо
 «Мой ласковый слушать языкъ, —

«Тихонько, родными руками,
 «Я вѣжды твои опущу,
 «Твой гробъ увѣнчаю цвѣтами,
 «Твой темный пріютъ посѣщу,

«А тамъ — подъ покровомъ могилы
 «Умолкнутъ и стоны любви,
 «И смѣхъ, и кипѣвшія силы,
 «И скучныя пѣсни твои!»

А. АПУХТИНЪ.

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГІИ ГАВЛИЧКА.

Гавличекъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей чешскихъ въ послѣднее время. Въ 1848 и 1849 году онъ былъ редакторомъ «Народныхъ Новинъ», лучшей газеты чешской и получилъ посредствомъ этого органа великое и благотворное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Онъ принадлежалъ всею душою дѣлу возрожденія славянской народности, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ не видѣлъ для чеховъ другаго спасенія отъ преобладанія германизма, представителемъ котораго былъ франкфуртскій парламентъ, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ австрійскимъ правительствомъ, обѣщавшимъ покровительство и равноправность всѣмъ народностямъ въ своей державѣ. Потому Гавличекъ дѣятельностью своею оказалъ этому правительству важныя услуги. Но въ 1850 году, когда опасность для Австріи миновалась, она стала преслѣдовать Гавличка неумолимо за его ревность къ славянской народности и противодѣйствіе ультрамонтанскимъ стремленіямъ клерикальной партіи. Его сперва принудили удалиться изъ Праги и предали его сочиненія судебному разбору; но судъ оправдалъ его. Не смотря на то, въ 1851 году его схватили и отправили съ жандармомъ въ крѣпость Бриксенъ, въ Тиролю. Въ 1855 году, большою чашоткою, онъ былъ прощенъ и возвращенъ въ Прагу, гдѣ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Предлагаемая здѣсь въ подлинникѣ и дословномъ переводѣ стихотворенія писаны были Гавличкомъ въ Бриксенѣ; они пользуются у чеховъ необыкновенною популярностью.

Примѣчаніе. Печатавъ чешскій текстъ русскими буквами, мы должны замѣтить только слѣдующія правила, относительно чешскаго произношенія:

1) *и* имѣетъ звукъ твердаго, *í* — звукъ мягкаго *и*, подобно какъ въ малороссійскомъ нарѣчій; *ы* не выговаривается такъ твердо, какъ у насъ,

а почти также, какъ малороссійское *и*; но когда на немъ приходится долгота (ы), то оно получаетъ протяжный звукъ, почти какъ эй.

2) *е* произносится всегда твердо, *е* — мягко, какъ въ малороссійскомъ нарѣчїи.

3) *о* произносится какъ протяжное *у* или *уо*.

4) *ѹ* послѣ гласной имѣетъ значеніе полугласной и относится къ *у*, какъ *ѹ* къ *и*; такъ сочетаніе *оѹ* составляетъ двугласную, выговариваемую почти какъ нѣмецкое *au* въ словѣ *aus*, или какъ англійское *ou* въ словѣ *out*.

5) *г* произносится какъ *у* малороссїянъ, т. е., придыхательно (латинское *h*); гдѣ у чеховъ (въ иностранныхъ словахъ) встрѣчается звукъ латинскаго *g* или великороссійскаго *г*, тамъ мы ставимъ латинскую букву *g*.

6) *л* произносится какъ *у* малороссїянъ.

7) *р* имѣетъ звукъ слитно выговариваемаго *рж*, какъ польское *rz*.

8) *ъ* передъ согласными *р* и *л* въ серединѣ слова означаетъ присутствіе скрадываемаго въ произношенїи гласнаго звука, вслѣдствіе котораго *р* или *л* съ другою согласною составляетъ отдѣльный слогъ, напримѣръ *кърча* читается не односложно, *кърча*, а двумя слогами: *к'рч-ма*.

9) Знакъ *'*, ставимый надъ гласными, выражаетъ у чеховъ долготу или протяженіе; различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, подобно какъ въ древнихъ языкахъ, составляетъ особенность чешскаго языка между славянскими нарѣчїями. Различіе протяженія гласныхъ не имѣетъ у чеховъ ударенію, которое находится у нихъ постоянно на первомъ слогѣ каждаго слова, и не отмѣчается особымъ знакомъ.

ТИРОЛЬСКІЕ ЭЛЕГИИ

(въ раздумьяхъ съ мѣсичкомъ).

I.

Свѣтъ, мѣсичку, по легоўчку
Скързъ тень густы мракъ!
Якъ пакъ се ти Бриксенъ либи?
Не шкаредь се такъ!

Не поспїхей, позаставъ се,
Не ходъ еште спать,
Абыхъ съ тебоу ень хвїлинку
моглъ

Дишкуруировать.

Нейсемъ здейши, мой мѣсичку,
То знашь подіе крїку,
Не утїкей, нейсемъ *tren und
bieder*,
Семъ зде ень ве цвїку.

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГИИ

(въ разговорахъ съ луною).

I.

Свѣти, луна, полегоньку
сквозь этотъ густой туманъ!
Ну, какъ тебѣ нравится Брик-
сенъ? Не ужимайся такъ!

Не спїши, приостановись,
не ходи еще спать. Дай-ка мнѣ
минуточку съ тобою побесѣдо-
вать.

Я не здѣшній, моя луна, ты
знаешь это по голосу. Не бѣги,
я не *вѣрный* и *благонадежный*,
я здѣсь пока только въ ученїи.

II.

Семь-ть я зъ крає музыкантовъ,
 На посоунъ семь грагъ,
 А тенъ порадъ ты Виденскэ
 паны
 Зе сна бурцовалъ.

Бы се по свѣхъ тяжкѣхъ пра-
 цехъ

Годнѣ выпали,
 Едноу въ ноци кочаръ полицай-
 товъ

Про мене послали.

Двѣ години по полноци
 Кдыжъ на третѣ шло,
 Ту ми давалъ жандармъ у по-
 стеле

Штястнэ добрытро!

Се жандармемъ славны оурадъ
 Целы въ парадѣ,
 Пупекъ певнѣ кордемъ обва-
 заны,
 Злато на краглѣ:

Вставаі, пане редакторъ,
 Не лекаі се,
 Деме въ ноци, нейсме вшакъ
 злодѣи,
 Еномъ комисе.

Одъ вшехъ зъ Вѣдне поздравені,
 Панъ Бахъ е любá,
 Соу-ли прѣ здравъ? а тугле-то
 псані
 По насъ посыла.

II.

Я изъ страны музыкантовъ*),
 игралъ я на тромбонѣ, да тром-
 бонъ мой все тревожилъ сонъ
 этихъ вѣнскихъ господъ.

Чтобы послѣ своихъ тяже-
 лыхъ трудовъ хорошенько вы-
 спаться, они однажды послали
 за мною карету съ полицей-
 скими.

Было два часа по полуночи,
 уже пошелъ третій часъ, когда
 жандармъ сказалъ мнѣ въ по-
 стели: доброе утро!

Съ жандармомъ было по-
 чтенное присутствіе, всѣ въ па-
 радной формѣ, брюхо крѣпко
 перетянуто шарфомъ, на ворот-
 никахъ золотое шитье.

Вставайте, господинъ редак-
 торъ, не пугайтесь **). Ходимъ
 мы ночью, однако мы не раз-
 бойники, а только комиссія.

Всѣ въ Вѣнѣ кланяются
 вамъ, господинъ Бахъ цѣлуетъ
 васъ, спрашиваетъ, здоровы ли,
 и посылаетъ съ нами вотъ эту
 бумагу.

*) Известно, что Чехія отечество музыкантовъ.

***) Въ чешскомъ оригиналѣ чиновники обращаются къ поэту въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, какъ вѣнцы.

Я семь и на лачны́ животъ
Вждыцкы здворилы́ :
«Одпустъ, славна́ комисе,
Же семь въ кошили!»

Але Джокъ, мой черны́ бульдогъ,
Тень е гробіанъ,
На *habeas corpus* тузе звыклы́,
Онъ е англичанъ.

Малемъ бы былъ хлапъ пре-
стоупилъ
Еденъ параграфъ,
Ижъ на славны́ оурадъ зъ-подъ
постеле
Удягъ : вррѣ, хафъ, хафъ!

Годилъ семь му тамъ подъ по-
стель
Ришскы́ законникъ :
Добрѣ, же семь мѣлъ тень моу-
дры́ нападъ,
Ижъ ани неквикъ.

III.

Обчанъ звыклы́ на поря́декъ, —
Было то въ просинци,
Преде впйамъ семь си обуль
пунчохи
Въ славнѣ ассистенци.

Пакъ семь тепървъ четлъ псані,
Вшакъ го тугле мамъ :
Розумйшь-ли оуреднй нѣмчинѣ,
Прѣчти си го самъ.

Бахъ ми пйше, яко докторъ,
Же ми не свѣдши́

Я и на тощій желудокъ всегда
вѣжливъ : «Простите, почтенная
коммиссія, что я въ одной ру-
башкѣ!»

Но Джокъ, мой черный буль-
догъ, тотъ грубиянъ, черезъ-
чуръ привыкшій къ *habeas cor-
pus* : онъ англичанинъ.

Едва успѣлъ читавшій кон-
чить одинъ параграфъ, вдругъ
онъ изъ-подъ кровати на по-
чтенное присутствіе : вррѣ,
хафъ, хафъ!

Я бросилъ въ него подъ по-
стель *Reichsgesetzbuch* *) : хорошо,
что я такъ умно догадался : уже
бульдогъ не пикнулъ.

III.

Гражданинъ привыкшій къ
порядку, я прежде всего (дѣло
было въ декабрѣ) надѣлъ чулки
въ торжественномъ присутствіи.

И тогда только прочелъ я
бумагу, — впрочемъ, вотъ она
здѣсь у меня. Коли понимаешь
канцелярскій нѣмецкій языкъ,
прѣчти себѣ ее сама.

Бахъ пишетъ мнѣ, какъ док-
торъ **), что мое здоровье не

*) Подъ этимъ заглавіемъ издается въ Австріи собраніе законовъ и постановленій.

**) Извѣстно, что г. Бахъ, бывшій австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣеть степень доктора.

Въ Чехѣхъ здравіи, же пры по- поправляется въ Чехіи, что-де
требую мнѣ нужна перемѣна воздуха.

Змѣну повѣтрїи;

Же е въ Чехѣхъ тузе душно, Что въ Чехіи очень душно,
Горкѣ вѣпары, жаркія испаренія и много вони
Много смраду по тѣ октроирце, послѣ этой *октроировки* *), про-
Голѣ нездравіи; сто тлетворная атмосфера.

Же онъ теды свѣальнѣ про мене Что онъ поэтому послалъ
Кочаръ семъ послалъ, сюда за мною нарочно карету,
Абыхъ се гнедъ на стѣтнїи чтобы я тотчасъ же отправился
оўтраты въ путь на казенный счетъ,
На цесту выдалъ.

А жандармѣмъ же набїднїлъ, И что онъ поручилъ жан-
Ать мене годнѣ нутїи, дармамъ пристойнымъ образомъ
Кдыбыхъ не хтѣлъ зе скромности понудить меня, если бы я изъ
прїймоутъ скромности не захотѣлъ при-
Его набїднуги. нять его приглашенія.

IV.

IV.

Цожъ е дѣлать? же пакъ Что же дѣлать, что у меня
мусїмъ, такая глупая привычка: не могу
Глоупы звукъ тенъ мїтъ, ни въ чемъ отказать жандар-
Же не могу жандармѣмъ съ мамъ съ ружьями.
Флинтами

Праницъ одепрїтъ.

Дедера мене такѣ нутилъ, *Дедера* **) тотчасъ сталъ то-
Абыхъ ѣлъ енъ гнедъ, ропить меня ѣхать, не теряя
Же бы хтѣли Бродштїи, ажъ се времени: а то бродскіе ***) жи-
збудїи, тели, когда проснутся, пожалуй,
Треба съ нами ѣтъ. захотѣли бы ѣхать съ нами.

Правилъ ми, же не мамъ съ Онъ говорилъ мнѣ, что я не
себоу долженъ брать съ собою ни-
Збране жаднѣ братъ, какого оружія, такъ какъ они

*) Конституція, *октроированная* въ 1860 году австрійскимъ правитель-
ствомъ.
**) Имя полицейскаго чиновника.
***) Бродъ — городъ въ Чехіи.

Небъ же они маі наризени
Мне охранёвать.

Же мамъ тежъ покудъ сме въ
Чехахъ

Иноконито ётъ,
Сицъ намъ даі дотіраві lidé
Грбзу комисъ гнедь.

Ештъ ми далъ панъ Дедера
Вице моудрыхъ радъ,
Дле нихъ-жъ се Бахові пациенти
Маі справовать.

Такъ мне вабилъ якъ Сирёна,
Ажъ сомъ обулъ боты,
Облікъ весту, кабатъ пакъ и
кожихъ,
Дряве вшакъ калготы.

Конє а жандарми стали
Давно предъ домемъ :
Милі браши, малічкє стърпени,
Гнедь іжъ поѣдемъ.

V.

О мѣсичку! вшакъ ты женскє
Добре знашь а вѣшь,
Якѣ съ ними чловѣкъ на томъ
свѣтъ
Часто мѣва крѣжъ.

Такє-съ многого лоучені
Тайнымъ свѣдкємъ былъ,
Ты знашь лѣпъ нежъ кажды
новелиста,
Горкостъ тѣхъ-то хвилъ.

Матка, жена, сестра, дцєрка
Малá Зденчинка
Стáлы около мнє въ тихємъ
плачи :
Горкá хвѣленка!

имѣють приказаніє охранять
насъ ;

Что я долженъ, покуда бу-
демъ въ Чехіи, вѣхать *инноконито*,
иначе докучливые люди нада-
дутъ намъ пропасть комиссій.

Еще далъ мнѣ господинъ
Дедера много мудрыхъ совѣ-
товъ, которымъ должны слѣдо-
вать пациенты Баха.

Такъ манилъ онъ меня, будто
Сирена, покуда я напялил са-
поги, надѣлъ жилетъ, сертукъ
и шубу, а прежде, однако, брюки.

Лошади и жандармы стояли
давно передъ домомъ : братцы
милые, немножко терпѣнія, сей-
часъ поѣдемъ.

V.

О луна! ты вѣдь женщинъ
знаешь хорошо, ты знаешь, ка-
кой онѣ часто врєсть для че-
ловѣка на этомъ свѣтъ.

Также не разъ бываєа ты
тайною свидѣтельницею про-
щанья, ты лучше всякаго писа-
теля повѣстей знаешь горечъ
этихъ мгновеній.

Мать, жена, дочка, малень-
кая Зденчинка, стояли вокругъ
меня въ тихомъ плачѣ : горькая
минута!

Я семъ сиде стары козакъ
Въ лѣткѣхъ тужены,
Тенкратъ семъ мѣлъ троху тѣсна
пѣрса
А зракъ скалены.

Втискнулъ семъ вшакъ подѣ-
брадку
Сильнѣ до чела,
Абы се тѣмъ полицайтѣмъ съза
Не заблѣштѣла.

Небъ ти вшицкни бліже двѣри
Посудъ стѣли стражъ,
Абы мѣла та-то смутнѣ сцена
Цисарскоу стафѣжъ.

VI.

Трубка брешті, кола гърчи,
Їдемъ къ Іглави,
Взаду, абысме ницъ не стратили,
Клюшоу жандарми.

Тень Боровскы костелічекъ
Стои на вѣршку,
Скързы лѣсы смутнѣ на мене
гледѣлъ:
«Си то, мой гошку?»

Поде мноу есть твѣ колибка,
Я те видѣлъ крѣтитъ,
Старѣму викари министроватъ,
Пильнѣ се учить.

Тагноутъ свѣтемъ на скушеноу,
Пакъ съ походни ѳтъ,
Наші хасы съ пламенемъ весе-
лымъ
На цесту свѣтитъ.

Я хотя стары козакъ, за-
твердѣлый въ бояхъ, однако
въ этотъ разъ почувствовалъ
немножко стѣсненіе въ груди и
темноту въ глазахъ.

Я надвинулъ шапку - *подъ-
брадку* *) крѣпко на лобъ, чтобы
передъ этими полицейскими не
блеснула слеза.

Потому что всѣ они держали
до тѣхъ поръ караулъ у две-
рей, дабы эта печальная сцена
имѣла казенную декорацию.

VI.

Рожокъ трубить, колеса сту-
чатъ, чдемъ къ Іглавѣ. Сзади,
чтобы мы ничего не обронили,
трясутся жандармы.

Боровская церковка стоитъ
себѣ на вершинкѣ. Грустно гля-
дѣла она на меня сквозь лѣса.
«Ты ли это, мой молодчикъ?»

Подо мною твоя колыбель,
я видѣла, какъ тебя крестили,
какъ ты прислуживалъ старому
священнику, какъ ты прилежно
учился;

Какъ ты побрелъ по свѣту
за опытностью и потомъ пошелъ
съ свѣточемъ, освѣщать весе-
лымъ пламенемъ дорогу нашимъ
племенамъ.

*) Шапка, какую носили чехи-патріоты: названа она именемъ великаго героя чешскаго, Юрія Подѣбрадскаго.

Видишь, якъ ты роки плыноу : Видишь ли, какъ бѣгутъ
Зна́мъ те тридцетъ лѣтъ..... года. Знаю тебя ужъ тридцать
Але, хланче, якé то облуды лѣтъ. Но скажи, молодчикъ, что
Види́мъ съ тебоу ѣтъ?» это за уроды ѣдутъ съ тобою?»

VII.

Кдыжъ сме ѣли пресъ Иглаву
Мѣлъ семъ Шпильбергъ въ
мысли,
За Линцемъ засъ мышленкы на
Куфштейнъ
Зъ главы ми не вышли.

Тепърва кдыжъ сме нехали
Куфштейнъ вправо стáтъ,
Зачла се ми альпейскá краина
Пріємнѣйши здáтъ.

Глоупá їзда, милы браху,
Кдыжъ се не ви камъ :
Веселé те трубки постильоновъ
Соу енъ бідны камъ.

Вшуде коломазъ а вшуде
Препраговали :
Кдыбысте рачъ ве Видни пре-
прагли

А намазали!

Телеграфъ с преце сномъ
Гезкы выналезъ :
Тенъ предъ нами вшуде нежъ
сме пришли
Огмáшені несъ,

Бы намъ могла полиціе,
Старостлиvá мáти,
Вшуде, дрѣве нежъ тамъ приѣ-
деме,
Камна розеграти.

VII.

Когда мы ѣхали черезъ
Иглаву, у меня былъ въ мысли
Шпильбергъ; а за Линцемъ не
выходилъ у меня изъ головы
Куфштейнъ.

Только когда остался у насъ
Куфштейнъ направо, альпійская
страна начала казаться мнѣ
пріятнѣе.

Глупая ѣзда, любезный бра-
тецъ, когда не знаешь, куда
ѣдешь. Эти веселые рожки поч-
тильоновъ лишь плохая шутка.

Вездѣ смазка колесъ, вездѣ
перепряжка. Лучше бы было
вамъ въ Вѣнѣ перепрячь и сма-
зать колеса.

Телеграфъ, впрочемъ, пре-
красная выдумка. Онъ повсюду
передъ нами несъ объявленіе,

Чтобы полиція, попечитель-
ная мать, повсюду могла, до
пріѣзда нашего, нагрѣвать ка-
минъ.

Не смѣй аме запоменуотъ
Будеѡвице:
Тамъ Дедера коупилъ Мельниц-
кѣго

Чтыры лагвице.

Чли се въ немъ властенецкѣ
Гнулы мышлѣнкы,
Чли доуфалъ, же то про мне
буде

Лете на Чехы.

Мельницкѣ семъ давно допилъ,
Плю власкѣ засъ,
Але здѣ се, же е въ обоу стейны
Непокойны квасъ.

Нельзя мнѣ, однако, забыть
про Будеѡвицы: тамъ Дедера
купилъ четыре бутылки мель-
ницкаго *):

Заговорила ли въ немъ па-
триотическая мысль, или онъ
надѣялся, что оно будетъ мнѣ
Летою для Чехи.

Мельницкое я давно выпилъ,
теперь пью итальянское, но
кажется, что въ обонхъ бро-
дитъ одинаковая безпокойная
закваска.

VIII.

VIII.

Тедь мѣсичку! нехме елегне,
А прейдѣме въ героинцкы тонъ,
Небо цо ти хци тедь выправо-
вать,
То былъ чертовъ сгонъ.

Цеста зъ Рейхенгаллу до Вай-
дрингу, —
Ты і мусішъ такѣ добре знѣтъ, —
Та се не да жадноу ордоннанці
Преоктройоватъ.

Голѣ скалы, огромнѣйшіи еште
Нежъ естъ глупость мези на-
роды,
Ведле цесты пропасть безедна
якъ

Държка армады.

Темна ноцъ, якъ наше сватѣ
църкевъ,

Ну, луна! оставимъ элегію
и перейдемъ въ героическій
тонъ, потому что то, о чемъ
хочу рассказывать, было чер-
товской ѣздою.

Дорога отъ Рейхенгалла до
Вайдринга, ты ее должна также
знать хорошо: это такая дорога,
что ея не передѣлаешь указомъ,
какъ конституцію.

Голыя скалы, еще огромнѣе,
нежели глупость въ народахъ,
вдоль дороги пропасть бездон-
ная, какъ издержки на войско.

Ночь темная, какъ нашъ
католицизмъ, а мы ѣдемъ съ

*) Мельницкое вино почитается лучшимъ чешскимъ виномъ.

А мы ѣдемъ съ копце яко мжикъ, горы какъ вѣтеръ, нарасно
Дармо кричи Дедера: «държь Дедера кричить: «держи лоша-
коне!» — дей!» на козлахъ нѣтъ никого.

Праздны е козликъ.

Кочаръ прапті а коне ве вѣтру, Слышенъ стукъ кареты и
Ижъ е дябелъ горемъ падемъ лошадей при свистѣ вѣтра; самъ
несе, дьяволъ мчитъ ихъ въ гору и
А постильонъ нѣкде тамъ за подъ гору, а почтильонъ гдѣ-то
копцемъ за холмикомъ высѣкаетъ себѣ
До дымкы си кресе. огонь для трубочки.

Долу яко съ вѣже цеста плитка, Дорога внизъ крута какъ
Возъ якъ шипка клоуже гы! а лѣстница съ башни, карета
гать! скользятъ какъ кусокъ стекла,
Снадъ насъ годля нѣкде до хипъ-хопъ, — какъ будто бы
пропасти хотѣла насъ *интернироватъ* въ
Интернироватъ. пропасти.

Ахъ, то была про мене хутна Ахъ, это была для меня
хвилька, пріятная минута, ибо я не знаю
Неботъ не знамъ жадноу вѣтши большего наслажденія, чѣмъ
сладсть, видѣть, какъ почтенная полиція
Нежли видѣть славноу полиции трясется отъ страха.
Оузкости се трасть.

Нападнулъ ми (семъ-ть я чте- Миѣ вспомнился (я вѣдь
наръ библе), чтець Библии) тотъ печальный
Смутны прибѣгъ тенъ, случай, когда Іону, для утише-
Якъ Ионаше къ утишенію боуре, нія бури, выбросили вонъ изъ
зъ лодкы корабля.

Выгодили венъ.

«Метейме лось, правимъ: мези «Бросимъ жребій, говорю:
нами между нами кто-то долженъ
Мусі нѣкдо велькы грѣшникъ быть великій грѣшникъ, и этотъ,
быть, для усмиренія неба, обязанъ
А тенъ къ усмиренію неба мусі выскочить изъ кареты.»
Зъ возу выскочить!»

Енъ то выркну, ейгле, полицайти Только вымолвилъ я это,
Ани свѣдомі не спытовали, глядь, полицейскіе даже не стали

А каіцпѣ, выравнвшѣ двѣрка,
Зѣ возу выскáкали.

испытывать своей совѣсти, и
кающіеся, отворивши дверцы,
повыскакали изъ экипажа.

Ахъ ты свѣте, обрацены свѣте!
Взгбру ногами ве шкарпѣ лежй
стражъ,
Але съ панемъ делинквентемъ
самымъ,
Клюше экипажъ!

Ахъ ты свѣтъ, выворочен-
ный свѣтъ! Вверхъ ногами, въ
шарфахъ лежать стражники, а
съ господиномъ преступникомъ
однимъ ѣдетъ себѣ карета.

Ахъ ты влáдо, преврáцена влáдо!
Нáроды на шнурце водить
хцешъ,
Але чтырми кони на опратіхъ
Влáдноугъ не мóжешъ!

Ахъ ты Австрія, опрокину-
тая Австрія! ты хочешь вести
народы на шнуркѣ и не мо-
жешь совладать съ чтырьмя
лошадьми на возжахъ.

Безъ кочыго, безъ опрати, по
тмѣ,
У сильнице пропасть мѣсто
шкарпы,
Такъ семъ двáлазъ самъ а самъ
въ кочáре,
Якъ вѣтръ съ Альпы.

Безъ кучера, безъ возжей,
въ темнотѣ, съ пропастью подъ
бокомъ вмѣсто шарфа, такъ
мчался я съ Альпъ, какъ вѣ-
теръ, одинъ одиноконекъ.

Свѣрвити свѣй осудъ такé едноу
Коньбмъ сплашенымъ се я мамъ
бáтъ,
Я, обчанъ Ракоускы? Цожъ се
ми мóже
Горшыго іжъ стáтъ?

Да чего же мнѣ бояться
ввѣрить свою судьбу испуган-
нымъ лошадямъ, мнѣ, гражда-
нину австрійскому? развѣ мо-
жетъ со мноу случиться что-
нибудь хуже *)?

Такъ семъ, хладноу ресигнаци
въ главѣ,
Въ губѣ але вѣлоу цигару,
Черствѣй нежъ царъ рускы приѣлъ
къ поштѣ
Въ добрѣмъ розмару.

Такъ, съ холоднымъ равно-
душіемъ въ головѣ, съ горячей
сигарой во рту, приѣхалъ я,
скорѣе чѣмъ ѣздитъ русскій
царъ, на станцію въ пріятномъ
расположеніи.

Тамъ семъ затѣмъ, мустръ де-
линквентѣвъ,

Затѣмъ я, образецъ пре-
ступниковъ, прѣкрасно поужи-

*) Т. е., чѣмъ быть такимъ гражданиномъ.

Безъ охраны повечерель гезкы,
Нежь за мноу стражь съ одре-
ными носы
Приклюсала пѣшки.

Я спалъ добре, але полицайти
Мѣляту ноцъ ве Вайдрингу злоу,
Мазали ся шпиритусемъ зада
Носы арникоу.

Ту е конецъ тѣто епопее,
Къ нѣжь семъ не прибасниль
ани клупъ :
Вшехно вамъ досвѣдчи ве Вай-
дрингу
Поштмистръ Дальрупъ.

IX.

Приѣли сме до Бриксену
Безъ вши турбацѣ,
Крайскá влáда дала Дедерови
На мене квитанцѣ.

Мисто мне тенъ кусъ папѣру
Вратили до Чехъ,
Мне зде черны двойглаватѣ
орелъ

Държи въ клеветехъ !

Крайскоу влáду, подкрайскѣго,
Жандармерии,
Ты ми дали за анделе стражце
Въ тѣ Сибири.

наль тамъ безъ охраненія, пока
не приплелись за мою пѣшкомъ
стражники съ ободранными но-
сами.

Я спалъ хорошо, но для
полицейскихъ эта ночь въ Вай-
дрингѣ была плоха: они мазали
себѣ задъ спиртомъ, носы ар-
никою.

Тутъ конецъ этой эпопеи:
въ ней я не прибавилъ къ ис-
тинѣ ни волоска: все засвидѣ-
тельствуетъ вамъ въ Вайдрингѣ
почтмейстеръ Дальрупъ.

IX.

Приѣхали мы въ Бриксенъ
безъ всякой помѣхи; окружное
начальство дало Дедерѣ кви-
танцѣю во мнѣ.

Вмѣсто меня этотъ клочекъ
бумаги отослали въ Чехію, а
меня здѣсь держить въ ког-
тяхъ черныи двуглавыи орелъ.

Окружное начальство, по-
мощника окружнаго, жандарме-
рію, вотъ кого дали мнѣ анге-
лами хранителями въ этой Си-
бири.

ТИШИ И МРАКЪ.

(Сонъ *).

Я спалъ — и гнетущаго страха,
Волненье хотѣлъ превозмочь —
И видѣлъ я сонъ — будто свѣтитъ
Какая-то странная ночь.

Дымясь, неподвижныя звѣзды
Въ эфирѣ горять какъ смола,
И запахомъ ладона сильно
Ночная пропитана мгла.

И мѣсяцъ, холодный, какъ будто
Мертвецъ, посреди облаковъ
Стоптъ надъ долиной, покрытой
Рядами могильныхъ холмовъ.

Недвижно поникли деревья;
Далеко лежитъ тишина: —
Природа, какъ будто не дышитъ
Въ объятіяхъ мертваго сна.

И весь я вниманье, — и сердцемъ
Далеко я въ ночь уношусь,
И жду хоть одинаго звука —
И крикнуть хочу и — боюсь!

---

*) Стихотвореніе это относится къ серіи «Сновъ», изъ которыхъ три помѣщены въ изданіи «Стихотвореній» 1859 года, на страницахъ 26—29 и въ юльской книжкѣ «Современника» 1859 года, на страницѣ 98-й.

И вдругъ, съ легкимъ трескомъ все небо
 Подвинулось, — звѣзды текутъ —
 И катится мѣсяцъ, какъ будто
 На немъ гробъ тяжелый везуть.

И темныя тучи печальнымъ
 Надъ нимъ балдахиномъ висятъ,
 И красныя звѣзды, какъ свѣчи
 Повитыя крепомъ горятъ.

И катится мѣсяцъ все дальше
 И дальше въ бездонную ночь —
 И звѣзды за нимъ въ безконечность
 Уходятъ изъ глазъ моихъ прочь....

Ихъ слѣдъ, какъ дымокъ отъ фосфора,
 Какъ облачко, въ черной дали
 Расплылся — и мракъ непроглядный
 Одѣлъ мертвый черепъ земли.

И сталъ я блуждать въ этомъ мракѣ
 Одинъ — какъ слѣпецъ. — Не ночной —
 Могильный былъ мракъ — и повсюду
 Была тишина и покой.

Такой былъ покой, и такая
 Была тишина, что листокъ
 Въ гѣсу покачнись — или капля
 Скатись — я услышать бы могъ.

То весь замиралъ я, — и долго
 Стоялъ неподвижно — то билъ
 Я въ землю ногами, не видя
 Ни ногъ, ни земли; — то ходилъ

Кружась какъ помѣшанный — падалъ. —
 Лежалъ — самъ съ собой говорилъ —
 Вставалъ — щупалъ воздухъ руками —
 И вдругъ, — чью-то руку схватилъ....

И мигомъ я понялъ, что это
 Была не мужская рука,
 У ней были нѣжныя пальцы
 Она была стройно легка.

И такъ эту руку схватилъ я,
 Какъ будто добычу поймалъ —
 И такъ я былъ радъ, что казалось,
 На время дышать пересталъ.

Ага! не одинъ я — не всё мы
 Пропали! — я думалъ. — Есть грудь
 Другая, которая можетъ
 И закричать и вздохнуть.

О кто ты? шепталъ я — хоть слово
 Скажи мнѣ — хоть слово! — и мнѣ
 Оно будетъ музыкой въ этой
 Могильной, нѣмой тишинѣ....

Откуда ты шла? — Гдѣ застигла
 Тебя эта тьма! — говори!
 Мнѣ звуки рѣчей твоихъ будутъ
 Сіяніемъ новой зари.

Молчанье — молчанье — ни слова
 Ни вдоха.... Одна лишь рука
 Незримая руку мнѣ жала
 И трепетала слегка.

Напрасно порывисто, жадно
 Уста я устами ловилъ,
 Напрасно лобзалъ ее въ очи,
 И плечи слезами кропилъ.

Она предавала все тѣло
 Мучительнымъ ласкамъ моимъ;
 А я — я шепталъ: умоляю,
 Порадуй хоть словомъ однимъ.

Молчанье, молчанье — и вотъ уже
 Я самъ пересталъ говорить
 И помню, во снѣ какъ безумецъ
 Готовъ былъ ее укусить!!

Но въ эту минуту, рванувшись,
 Какъ змѣй ускользнула она,
 И стала опять — мракъ во мракъ —
 И въ тишинѣ — тишина....

Съ простертыми долго руками
 Ходилъ я рыдая, стень,
 Шатаюсь — и тьму обнималъ я,
 И тьма обнимала меня.

Споткнувшись на что-то, я поднялъ
 Какую-то книгу — раскрылъ
 Страницы — и легъ съ ней на землю —
 И лбомъ къ ней припалъ — и застылъ.

Изъ книги, мнѣ чудилось, буквы
 Всплывали, — и ярче огня
 Сверкали — и въ жгучія строки
 Слагались въ мозгу у меня.

И страшныя мысли читалъ я
 Въ невидимой книгѣ — какъ вдругъ
 На словѣ проклятье — очнулся —
 И оглянулся вокругъ. —

О Боже мой! гдѣ я!! — сквозь щели
 Затворенныхъ ставень глядятъ
 Лучи золотыя, то солнца
 Глаза золотыя глядятъ.

Глядятъ и смѣются — и сердце
 Очнулось — и жизни привѣтъ
 Почуя, выиграло, какъ будто
 Впервые увидѣло свѣтъ....

Я. ПОЛОНСКИЙ.

К Р И Т И К А.

Стихотворенія Ивана Никитина. С.-Петербургъ. 1859 г.
Въ типографіи Карла Вульфа. IX. 152.

(Н. И. Второвъ.)

Исторія русскихъ стихотвореній за послѣднее двадцатилѣтіе — прѣзанимательная исторія. Читатель припомнить, въ какомъ ограниченномъ числѣ появлялись они въ лучшихъ нашихъ журналахъ въ сороковыхъ годахъ, какъ число ихъ стало постепенно возрастать съ перваго года текущаго полулѣтка и въ какомъ, наконецъ, размѣрѣ наводнили они нашу литературу подъ именемъ *патріотическихъ* во время послѣдней войны; читателю же предоставляемъ судить — уступаетъ ли теперешнее число ихъ патріотическимъ и на сколько? Но то несомнѣнно, что блестящая эпоха дѣятельности нашихъ стихотворцевъ начинается не ранѣе 1849 года, до того же времени стихотворческое поприще представляло рѣшительную пустыню, гдѣ свободно расхаживали Лермонтовъ, Кольцовъ и немногіе избранники. Гдѣ же искать причины такого безплодія? На недостатки талантовъ нельзя было пожаловаться: кромѣ звѣздъ первой величины, Лермонтова и Кольцова, на поэтическомъ горизонтѣ засіяли имена и теперь стояція во главѣ стихотворческой дѣятельности. Виновникомъ такого стихотворнаго безплодія — странно сказать! — былъ тотъ, кѣмъ двигалась наша литература, наше эстетическое воспитаніе, наше самосознаніе, — незабвенный Бѣлинскій, тотъ Бѣлинскій, который объяснилъ намъ Пушкина и Гоголя, который горячо привѣтствовалъ все талантливое, но который неумолимо преслѣдовалъ бездарность, рутину, профанацію искусства,

литературное барышничество и преднамѣренно проповѣдуемая общественную ложь и безнравственность. Велико было значеніе этого человѣка въ исторіи нашего просвѣщенія, преимущественно распространяемаго у насъ литературой. Можно спорить съ Бѣлинскимъ о многомъ, легко указать на его ошибки, даже, пожалуй, на ученическіе промахи, какъ легко теперь даже семиклассному гимназисту подсмѣиваться надъ Карамзиннымъ. При широкой, многосторонней дѣятельности, обнимающей, кромѣ литературы, и публицистику, и научныя идеи, что выпадало перѣдко на долю нашихъ знаменитыхъ писателей, мудро сосредоточиться на одной какой-нибудь специальности и не разбѣяться на мелочь. Всѣ мы плохіе спеціалисты, и почти каждому изъ насъ приходится дѣлать по два и болѣе дѣла: ученый Ломоносовъ сочиняетъ стихи на фейерверки, Сумароковъ берется за все, компкъ фонъ-Визинъ проповѣдуетъ педагогическія идеи, гениальный Державинъ хлопочетъ о чинахъ и силится играть роль государственнаго человѣка, художникъ Карамзинъ пишетъ статью о модныхъ нарядахъ. И Бѣлинскій былъ не просто критикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогъ и публицистъ, на сколько входятъ въ публицистику проповѣдываемые имъ идеи. Но, не смотря на наше уваженіе къ этой гениальной личности, его, единственно его, должны мы обвинить въ причинѣ того стихотворнаго безплодія, о которомъ говорилось выше.

Бѣлинскій запугалъ нашихъ стихотворцевъ. Мы увѣрены, что многіе изъ нихъ, пока живъ былъ критикъ и душа *Отечественныхъ Записокъ*, таили подъ спудомъ свои произведенія, вышедшія на свѣтъ Божій уже тогда, когда взгляды Бѣлинскаго и дѣло, завѣщанное имъ русской критикѣ, начали нѣсколько ослабѣвать. Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще, сопутствуемый гениальными талантами Пушкина, Гоголя и Лермонтова, — триумvirатомъ, кажется, не скоро имѣющимъ повториться въ нашей литературѣ. Независимо отъ прирожденнаго поэтическаго чутья, эти писатели дали Бѣлинскому такой богатый и ни съ чѣмъ несравнимый поэтическій матеріалъ, такой широкий взглядъ на искусство, который для современнаго критика, если онъ не хочетъ повторять Бѣлинскаго, рѣшительно не мыслимъ. Бѣлинскій слишкомъ былъ избалованъ поэтической роскошью, которою онъ былъ окруженъ. Существо страстное, онъ не всегда умѣлъ воздержаться отъ насмѣшки, не всегда отличался снисхожденіемъ. Привѣтствуя молодыхъ даровитыхъ стихотворцевъ, которые въ настоящее время стоятъ во главѣ

нашей лирико-поэтической литературы, онъ ѣдко трунилъ надъ стихослагателями, а иногда рѣзко выражался о самыхъ стихахъ вообще: отсюда понятна робость молодыхъ дарованій; этимъ же объясняется сравнительно небольшое число стихотвореній, появившихся въ сороковыхъ годахъ. Нельзя не замѣтить, что взглядъ Бѣлинскаго отличался несомнѣнною крайностію; но крайность эта имѣла самыя рациональныя причины. Во взглядѣ на поэзію вообще и лирическую въ-особенности, Бѣлинскій былъ только истолкователемъ идей Пушкина, этого могучаго генія, слетѣвшаго къ намъ съ *небесныхъ круговъ* какъ бы для того только, чтобы сказать русскому міру, что такое поэзія, что такое лирическій поэтъ?

У Пушкина есть цѣлый циклъ произведеній, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на поэта; это — роскошнѣйшій букетъ его поэзіи, недавно собранный г-жею Кохановскою (*Русская Бесѣда* 1859 года кн. V. Критика), оказавшей несомнѣнную услугу русской критикѣ какъ самымъ собраніемъ, такъ и объясненіемъ собраннаго, на сколько это объясненіе относится прямо до поэзіи *). Высоко смотрѣлъ Пушкинъ на поэзію и поэта! По его мнѣнію, поэтъ рожденъ

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,

а —

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

(Изд. Анненкова, т. II, стр. 466—467.)

Въ гармоніи могутъ соперничать съ поэтомъ только

---

*) Но г-жа Кохановская въ своихъ объясненіяхъ *пушкинскаго букета* пошла дальше: она придаетъ лириѣ Пушкина какое-то пророческое, поучающее значеніе, «чего въ самомъ дѣлѣ не было и что, впрочемъ, вовсе не идетъ къ дѣлу,» какъ справедливо замѣтила ей редакторъ одного изъ петербургскихъ журналовъ. Здѣсь же, кстати, скажемъ, что *Отвѣтъ г. Г—ву*, напечатанный г-жею Кохановскою въ VI книжкѣ Русской Бесѣды за прошлый годъ, нисколько не измѣняетъ нашего взгляда на произведенія даровитой писательницы, мадо этого — онъ вполне подтверждаетъ наше мнѣніе объ исключительности ея направленія. Собственно говоря, г-жѣ Кохановской нечего было отвѣчать похваляющему ее критику. *Отвѣтъ* г-жи Кохановской тѣмъ не менѣе замѣчательнъ: въ немъ высказывается взглядъ ея на искусство, стремленіе ея къ автокритикѣ.

Шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйвой,
Иль вполгъ напѣвъ живой.
Иль ночью моря гуль глухой,
Иль шепоть рѣчки тихоструйной.

(Тамъ же, стр. 365.)

Ты, говорить Пушкинъ своему поэту (*эхо*)

Внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ.

Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... (Т. III, стр. 10)

Онъ переносить съ собою всюду все видѣнное и слышанное:

Прощай же море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гуль въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полны,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнь.

(Кн. II, стр. 356.)

Поэтъ *упосаается* также воспоминаніемъ:

И чувствую, въ очахъ родились слезы вновь,
Душа кипитъ и замираетъ,
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;

(Тамъ же, стр. 267.)

Сладкая тишина также *усыпляетъ* его воображеніе —

И пробуждается (говорить онъ) поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и шипитъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —

(См. *Осень*.)

Поэтъ находитъ наслажденіе

Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой (продолжаетъ онъ) опять гармоніей уюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

(Тамъ же, стр. 514.)

А вотъ и самый актъ творчества: «И тутъ», говорить поэтъ,
т. е., когда пробуждается въ немъ поэзія —

ко мнѣ идетъ незримый рои гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвѣгѣ,
И рѣмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.

(См. *Осень*, т. II, стр. 519—520.)

Этих выводов довольно. Кажется, не нужно большой проникновенности, чтобы видѣть, что пушкинскій поэтъ есть поэтъ лирическій, пѣвецъ по преимуществу того, что мы называемъ поэтическимъ въ нашемъ смыслѣ этого слова (см. статью нашу о *Дворянскомъ Гильдѣ* въ XI книжкѣ «Русскаго Слова» за прошлый годъ). Одно свѣтлое, упойтельное, изящное вдохновляетъ его; во всему остальному онъ почти равнодушенъ: онъ не прикасается къ прозѣ жизни, онъ проклинаетъ исторію за то, что она развѣчала его кумира, властителя думъ его; для него дороже *тѣмъ низкии истины, насъ возвышающій обманъ*. Живя въ идеальномъ, мечтательномъ мірѣ, онъ сознаетъ, что — *праздномыслие было мнѣ отрада*. Не правда ли, какой свѣтлый, милый, юношескій образъ? Не правда ли, что этотъ образъ вполне воплотился въ томъ, кто такъ художественно начертилъ его? Но поэтъ, даже поэтъ лирическій, не пѣвецъ-музыкантъ, не импровизаторъ, не вѣчно поющій юноша. На чувствѣ покоится лирическая поэзія, но не состоитъ изъ одного только выраженія субъективнаго чувства. Въ душѣ лирическаго поэта, какъ въ фокусѣ, отражается весь міръ; изъ души, какъ изъ горнила, выходитъ онъ одухотвореннымъ художникомъ, разумѣется, безъ тѣхъ подробностей, съ какими сопровождается представленіе его въ эпосѣ и драмѣ. Осуждать лирическую поэзію на одну юношескую, хотя бы и очаровательную пѣсню невозможно: по полнотѣ и пластичности представленія, лирическая поэзія не можетъ сравниться съ эпической и драматической; не въ силахъ она обнять всего того, что составляетъ жизнь, но за то только она одна въ состояніи извлечь изъ жизни все, что есть въ ней духовнаго. Какъ великій художникъ, Пушкинъ понималъ это, доказательствомъ чего служить собственная его поэтическая дѣятельность; онъ похоронилъ свой любимый образъ вмѣстѣ съ Менскимъ и почтилъ его задумшевиѣнней эпитафией. Но образъ до такой степени былъ очарователенъ, но Пушкинъ до такой степени былъ поэтъ по преимуществу, что никогда—и, слава Богу!—не умѣлъ онъ отдѣлится отъ прелести его обаянія. Прелесть поэтическаго обаянія въ образѣ пушкинскаго поэта особенно дорога для лирической поэзіи.

Лирическая поэзія состоитъ, во-первыхъ, въ художественномъ, т. е., въ образномъ и картинномъ представленіи мыслей и чувствъ поэта, относящихся не только къ собственному его я, но и происходящихъ отъ *размышленія* о челоѣкѣ, о судьбѣ всего челоѣчества, о безконечномъ царствѣ духа; это—лиризмъ

внутренний, субъективный, предполагающий широкое мирозерцание поэта. Во-вторых, она состоит в выражении мыслей и чувств, происходящих *от созерцания* всего существующего в мире, причем это существующее представляется в главнейших, существеннейших чертах своих; это — лиризм *внѣшній*, объективный, так сказать, *фактический*. Изъ этого слѣдуетъ, что, съ одной стороны, лирическая поэзія по природѣ своей близка къ музыкѣ: отсюда понятна необходимость въ гармоническомъ стихѣ; съ другой — съ пластическими искусствами и преимущественно съ эпической поэзіей: отсюда вытекаетъ необходимость въ образности и картинности при представленіи предметовъ внѣшняго міра. Самая трудная задача для лирическаго пѣвца — это выраженіе чувствъ и мыслей, лично ему принадлежащихъ: легко расплыться въ чувствѣ, вдаться въ многословіе, фразерство, легко впасть въ прозаизмъ и въ дидактическую холодность или наскучить читателю безпрестанною выставкою своего любезнаго *я*. Поэтическое чувство не есть только простое, прозаическое выраженіе чувства: надобно, чтобы оно не расплывалось, а сдерживалось (п тогда оно будетъ казаться глубже); надобно, чтобы оно одѣвалось въ поэтическій покровъ, чтобы оно не усыпляло читателя. Талантливый поэтъ всегда сумѣетъ преодолѣть всѣ трудности при выраженіи поэтическаго чувства. Средства для такого преодоленія даетъ ему обаяніе пушкинскаго поэта. Это обаяніе — ширь поэтическаго полета, парящаго, какъ *пробудившійся орелъ*, внимающаго въ *священномъ ужасѣ* архѣ Серафима, полета, который не приковывается къ факту, не влечется во слѣдъ ему, а обнимаетъ въ величавомъ своемъ бѣгѣ весь міръ, всю вселенную. Еще Бѣлинскій замѣтилъ, что у Пушкина личность его не отдѣлима отъ поэзіи, что онъ и думалъ и чувствовалъ поэтически. И это такъ на самомъ дѣлѣ, и это даже не требуетъ никакихъ особенныхъ выписокъ. Прочтите всѣ лирическія произведенія Пушкина: то, что прежде всего бросится вамъ въ глаза, — это будетъ живая, дѣйствительная личность поэта, обставленная событіями не вымышленными, а на самомъ дѣлѣ къ ней относящимися, — и все это горитъ заревоиъ поэтическимъ, окружено обаяющимъ ореоломъ. Откуда берется этотъ ореолъ, это поэтическое зарево? — Отчасти изъ внѣшняго міра, преимущественно же изъ самой души поэта. Нѣсколько въ лучшемъ положеніи находится лирическій поэтъ при созданіи произведеній, навѣянныхъ ему извнѣ. Здѣсь самъ внѣшній міръ снабдитъ его обаяніемъ и придастъ особен-

ную силу полета его лиризму. Но съ другой стороны, виѣшній міръ, какъ ни мало и, можно сказать, воздушно входитъ онъ въ лирическое представленіе, можетъ подавить лирическій элементъ, т. е., мысли и чувства, возбуждаемые тѣмъ или другимъ явленіемъ. Преобладаніе въ лиризмѣ эпическаго элемента нерѣдко встрѣчается у многихъ даровитыхъ поэтовъ. Пушкинъ не страдалъ этимъ недостаткомъ; онъ даже не любилъ этого бросанія фактовъ щедрою рукою, фактовъ, нерѣдко требующихъ комментарія. Если и бралъ онъ событіе, если и рассказывалъ фактъ, то никогда не бросалъ онъ *своихъ* лирическихъ приемовъ. Припомните сцену прощанія поэта съ его возлюбленной (т. II, стр. 514—515), *покидавшей край чужой для береговъ отчизны дальней*. Здѣсь высокая драматичность событія прикрывается роскошнѣйшей поэтической картинной:

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой....

Припомните посѣщеніе родины, эту поэзію, встающую изъ-за сѣверныхъ озеръ и бѣднаго ландшафта, поэзію, дующую на васъ съ вершины вѣчно зеленыхъ сосенъ. А *Наполеонъ* (ч. II, стр. 304 — 307), эта дивная ода, въ которой не знаешь, чему болѣе удивляться: образу ли *моушаю баловня победы*, не подражаемой ли прелести элегій, чуднымъ ли картинамъ, или металлически упругому стиху, какъ вотъ этотъ:

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ. —

До какой степени владѣлъ Пушкинъ изумительными лирическими средствами, по нашему мнѣнію, самымъ превосходнымъ доказательствомъ служить піеса его *Бьсы* (кн. II, стр. 521). Эту піесу принято называть балладой; но, говоря по совѣсти, вы затруднитесь сказать съ перваго разу: что это такое? Впрочемъ, дѣло не въ названіи: пусть это будетъ — *Зимнія дорогахъ*. Чтобы оцѣнить эту піесу, возьмемъ Зимнія дорожныя сцены Полонскаго. Въ первой поэтъ ѣдетъ ночью:

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
 Свѣтитъ пасмурный призракъ луны;
 Вой протяжный голодныхъ волковъ
 Раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ....
 Мнѣ мерещатся странные сны.

(Стихотвореніе Я. Полонскаго, стр. 7.)

Сны эти — поэтически рассказанная сказка. Во второй, также зимней, ночной сценѣ, Звонъ Колокольчика (стр. 68 — 69) погружаетъ поэта въ сонъ;

Бѣлый призракъ луны
 Смотритъ въ душу мою — и былую печаль
 Наряжаетъ въ забытые сны.

Эти сны — два прелестныхъ женскихъ образа, которые встаютъ въ душѣ поэта при грустномъ звонѣ колокольчика. Не правда ли, какъ милы эти двѣ піесы Полонскаго? Но (да не подумаетъ уважаемый нами поэтъ, чтобы мы умышленно хотѣли уменьшить его достоинство сравненіемъ) сравните ихъ съ пушкинскими *Бѣсами*; — какая огромная разница! Прелесть Полонскаго — элегическая; прелесть Пушкина — сама богиня поэзіи, которая вѣется въ вихрѣ мятели, звенитъ въ звяканьи колокольчика, пугаетъ суевѣрнаго возницу причудливыми образами народныхъ суевѣрій, которыя, по мѣрѣ того, какъ *вьюга злится, вьюга плачетъ*, растутъ, кружатся въ вихрѣ снѣга и наполняютъ собою все воздушное пространство. Самъ поэтъ, сознательный наблюдатель сцены, подавляется этимъ *сильнымъ*, поэтическимъ обаяніемъ.

Послѣ всего, сказаннаго нами о лиризмѣ Пушкина, понятно будетъ увлеченіе Бѣлинскаго, понятна робость стихотворцевъ — поэтовъ прежняго времени, когда еще слышался какъ бы пѣза свѣжей могилы голосъ незабвеннаго критика. Но безусловно оправдать ни робости, ни увлеченія невозможно: ни одинъ родъ литературныхъ произведеній (слѣдовательно и лирика) не можетъ ограничиться произведеніями только гениальныхъ писателей (много ли ихъ!); и лирическому поэту, если онъ только поэтъ дѣйствительно, нечего таится во вракѣ изъ опасенія, что ему не дойдти до Пушкина, Лермонтова и Кольцова; вѣдь не такъ робки, какъ извѣстно, напримѣръ, поэты эпические. Хотя съ другой стороны, да снидеть эта спасительная скромность на тѣхъ, которые надоѣдаютъ читающему миру своимъ талантомъ, своимъ крошечнымъ міросозерцаньемъ. Надѣмся, читатели извинятъ насъ за длинное предисловіе: при разборѣ ли-

рическаго поэта, такое отступление необходимо не для сопоставленія разбираемаго автора съ Пушкинымъ, а собственно для идеи вообще о лирической поэзии. Всякій эстетическій разборъ долженъ же руководствоваться какой-нибудь идеей, если только критикъ пожелаетъ избѣгнуть упрека въ сухости, неизбежной при всякомъ разборѣ.

Г. Никитинъ сдѣлался извѣстнымъ въ литературѣ въ самое стихотворное время — въ 1854 году. Въ первый разъ стихотворенія его были изданы въ 1856 году книжкою въ семнадцать печатныхъ листовъ. Критика встрѣтила ихъ не очень благосклонно. Нельзя не замѣтить, что книжка была составлена не совсемъ удачно: многое слѣдовало бы выбросить, многое передѣлать; особенно неприятно бросалось въ глаза сравнительно большое число пѣснь чисто-лирическихъ, однообразныхъ по мотиву, слабыхъ по выраженію. Но въ другихъ отдѣлахъ книжки много было хорошаго: вездѣ звучалъ, мѣстами сильный, поэтический стихъ, нельзя было не замѣтить несомнѣнный объективный лиризмъ, силу мысли. Такія пѣсы, какъ *Бурлакъ*, *Ночь* и нѣкоторыя картины природы могли бы, казалось, удовлетворить самой взыскательной критикѣ. Но критика (мы говоримъ о критикѣ лучшихъ нашихъ журналовъ: газетные отзывы, кажется, были благосклоннѣе) была уже слишкомъ строга къ г. Никитину. На неблагоклонность отзывовъ имѣли, кажется, не малое вліяніе слѣдующія обстоятельства: г. Никитинъ какъ-то невольна сравнивался съ Кольцовымъ — и по мѣсту рожденія, и по одинаковости происхожденія; сверхъ того, какъ извѣстно, г. Никитинъ усвоилъ себѣ кольцовскій размѣръ стиха и въ нѣкоторыхъ пѣсахъ замѣтно подчинился вліянію своего талантливаго согражданина. Думалось какъ-то: Кольцовъ былъ гениальный лирикъ, пѣвецъ народа; многостороннимъ лирическимъ поэтомъ онъ не былъ потому, что не получилъ никакого образованія. Никитинъ тоже воронежскій поэтъ и также воронежскій мѣщанинъ, но не имѣетъ ничего общаго съ пѣсеннымъ кольцовскимъ лиризмомъ. Онъ, правда, стремится вступить въ область другаго лиризма — лиризма мысли, лиризма социальности; но объ этомъ нечего ему и думать! Странные, право, всѣ мы люди! Мы все еще повторяемъ, что только и снѣту, что въ окнѣ; что развитіе ума, свѣжесть и крѣпость мысли совершается только подъ вліяніемъ дипломовъ; что для того, кто не носилъ форменнаго сюртука съ свѣтлыми пуговицами, съ краснымъ или синимъ воротникомъ, нѣтъ уже никакого спасенія, хотя бы натура его была не дюжинная!

Но какъ бы то ни было, втеченіе пяти послѣднихъ лѣтъ талантъ г. Никитина далеко ушелъ впередъ, и между двумя его книжками, появившимися въ послѣднее время, нѣтъ ничего общаго, кромѣ названія.

Новое, прекрасное изданіе стихотвореній г. Никитина составлено съ необыкновенною строгостію и осмотрительностію. Изъ изданія 1856 года вошли въ него не болѣе двадцати піесъ, но исправленныхъ и передѣланныхъ до такой степени, что нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ мотива, (въ-особенности стихотворенія XXVII и LI) *) ничего не имѣютъ общаго съ прежними. Другія піэсы, вошедшія въ новое изданіе, перепечатаны изъ *Отечественныхъ Записокъ*, *Русской Бесѣды* и *Народнаго Читенія*; нигдѣ не были напечатаны слѣдующія піэсы: *Ъхаль изъ ярмарки ухарь-купецъ*, (стр. 137), *Старый слуха* (стр. 140), *Разсказъ ямщика* (стр. 119), *Мертвое тѣло* (стр. 146).

Желающій познакомиться съ талантомъ г. Никитина, какъ лирическаго поэта, напрасно будетъ искать въ его стихотвореніяхъ такой піэсы, по которой можно было судить о характерѣ и направленіи его лиры. Г. Никитинъ не выставляетъ намъ своей лиры. Есть, правда, у него стихотвореніе *Поэту* (стр. 54), въ которомъ авторъ утѣшаетъ избранника боговъ въ ничтожности жизни и въ непродолжительности печали тѣмъ, что для него

Весь міръ сокровища раскрылъ.

Поэму, говоритъ г. Никитинъ своему поэту, *живой языкъ природы*

И скажешь ты: прекрасенъ міръ!

Утѣшеніе, какъ видите, плохое и взглядъ на поэзію не новый и не глубокій, который нисколько не подходитъ подъ характеръ поэзіи г. Никитина. Итакъ намъ придется самимъ отыскивать лиру нашего поэта. Съ этою цѣлію мы разсмотримъ сочиненія его по отдѣламъ, хотя такихъ отдѣловъ и не находимъ въ самомъ изданіи. Стихотворенія г. Никитина мы раздѣляемъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) Стихотворенія чисто-лирическаго, субъективнаго характера, выражающія внутренній міръ души поэта; 2) стихотворенія объективно-лирическаго, выразившіяся въ формѣ піэсы, или по поводу современныхъ вопросовъ, или вообще изъ жизни народной; 3) стихотворенія лирико-эпическаго народнаго,

---

*) Въ новомъ изданіи стихотвореній г. Никитина нѣтъ этой нумераціи піэсы; обозначаются одніи страницы.

представленные отчасти въ формѣ картинъ, отчасти въ формѣ поэмъ и 4) картины природы. Рассмотримъ каждый отдѣлъ особо.

На первой страницѣ своихъ стихотвореній поэтъ уже знакомитъ насъ съ собою, съ своею жизнію :

Съ суровой долею я рано подружился :
 Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ,
 Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
 Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.

Но все, что грізнаго есть въ жизни самой бѣдной —
 И горе, и разгуль, кровавый потъ трудовъ,
 Порокъ и плачь нужды, оборванной и блѣдной,
 Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Мучительные дни съ бессонными ночами,
 Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
 Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
 Потерями надеждъ, *бессильемъ противъ зла!*...

Даже поэтъ говоритъ намъ о томъ, что онъ, *измученный тоскою, старалъ въ медленномъ недурь, какъ въ оупь, что онъ мною испыталъ тяжелой горечи* (Стихотв. II), *что душа его болитъ и за себя и за другихъ, что онъ напрасно ищетъ покоя.*

Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
 Отъ жизни грязной и печальной. (Стихотвореніе XXII.)

Поэтъ груститъ, что онъ долженъ, съ разсвѣтомъ cadaго дня, мѣнять свой трудъ отраднѣй на *безпощадный холодъ, на бремя мелочныхъ заботъ* (Стихот. XXVI). «Все грязь да грязь!» восклицаетъ онъ (Стихотв. XL):

. . . . . Господь, помилуй!
 Устанешь, духъ переведешь,
 Опять впередъ! хоть не подь силу,
 Хоть плакать въ пору, — все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
 Нѣтъ воли сердцу и уму...
 Изъ-за чего вся эта мука —
 Извѣстно Богу одному.

Какъ видите, картинка жизни самого печальнаго, убивающаго свойства. Поэтъ какъ бы самъ сознается, что немногого можно ожидать отъ лиризма, воспитавшагося подъ ея вліяніемъ, подъ вліяніемъ *бѣдности и заботы*:

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени (стр. 130).

Пѣсня заботы не пѣсня:
Слушать — тоска одолѣеть; (стр. 145).

Мы назвали такую жизнь убивающаго свойства потому, что она сушить не мозгъ, а сердце, т. е., этотъ до безконечности разнообразный мѣръ чувствъ, игра которыхъ уже сама по себѣ составляетъ поэзію жизни, свѣтлый ея праздникъ. Если, почему бы то ни было, не было этого праздника, то чувство, по крайней мѣрѣ, поэтическое чувство, будетъ подолжаться и неспособно принимать шпрокіе, лирическіе полеты. Это мы замѣчаемъ и въ чисто лирическихъ стихотвореніяхъ г. Никитина: они монотонны, черезъ чуръ личны и отчасти сухи и бѣдны поэтическимъ чувствомъ. Личный лиризмъ — самая слабая сторона таланта г. Никитина, что особенно доказывается первымъ изданіемъ его стихотвореній, въ которомъ нѣкоторыя изъ пѣсней этого отдѣла отличались прозаическимъ характеромъ. Въ новомъ изданіи, къ счастью, этого нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ, мѣръ чувствъ и мыслей, чисто субъективный мѣръ нашего поэта, настранная музу его на печальный тонъ, задерживаетъ полетъ его фантазій и не даетъ ему возможности свободно отрѣшиться отъ всѣхъ, связывающихъ ее путъ. Блистательнымъ исключеніемъ можетъ служить стихотвореніе XIX, быть можетъ, лебединая пѣсня чистаго лиризма. Поэтъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ (стр. 37 — 38). Это воспоминаніе рождаетъ въ немъ улыбку и слезы. Но чувство поэта не расплывается въ слезахъ, не наводитъ тоски на читателей. И посмотрите, при какихъ ужасныхъ обстоятельствахъ родилось чувство поэта! Только съ слезами на глазахъ могли вырваться изъ души его эти, дышащія страстію, стихи:

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давить тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ....
Гдѣ вы — веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмолкло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ....
Зимняя вьюга шумить и гудать.

Это — не плаксивость, а стоны, далеко оторванные и осознанные отъ простаго чувства образы. Посмотрите и на самую картину дѣтства, обставленную въ такіа великолѣпная рамка:

Голову няня въ дремлетѣ сдвинула,
 На полъ съ лежанки чумокъ уронила,
 Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой,
 Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
 Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ....
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

Прогнали сонъ мой рассказы старушки.
 Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
 Ждетъ къ себѣ гости колдунья сѣдал —
 Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
 Замерь лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
 Смотрить деревья угрюмо, угрюмо!
 Сердце мое замираетъ — дрожить....
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
 На ночь постелю мою оправляетъ.
 «Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
 Божія сила да будетъ съ тобою....»
 Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
 Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
 Сплю и не сплю я.... лампадка горитъ.
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

Если бы г. Никитинъ ничего не написалъ болѣе, то за одно это стихотвореніе онъ долженъ быть признанъ поэтомъ съ сильнѣйшимъ талантомъ. Но повторяемъ, за исключеніемъ этой превосходной піесы, чистый лиризмъ г. Никитина ограничивается однимъ самымъ узкимъ субъективизмомъ. У нашего поэта даже сравнительно мало (не болѣе пяти, шести) такъ называемыхъ шесть зротическихкихъ; нѣкоторыя изъ нихъ проникнуты тою же узкостію личнаго лиризма (сравн. стихот. XXXII и XXXIX). Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что остальные (XVI, XXX, XXXI), написанныя въ формѣ картинъ, хороши, хотя хороши больше, какъ картины, а не какъ поэтическое выраженіе чувства.

Міросозерцаніе лирическаго поэта, талантъ котораго по преимуществу объективный, всегда бываетъ не большихъ размѣровъ. Оно не столько зависитъ отъ числа предметовъ, входящихъ во внутрь его духа, сколько отъ способности самого духа принимать ихъ и перерабатывать. Талантъ г. Никитина чисто объективный. Онъ стоитъ твердою ногою только на почвѣ объективности, когда *обозрѣваетъ* несущуюся мимо него жизнь, *обозрѣваетъ* не какъ холодный наблюдатель, не какъ желчный сатирикъ, — а то съ тоскою и воплями, то съ негодованіемъ, то

съ надеждою, и всегда страстію, съ сильнымъ поэтическимъ чувствомъ. Недостаточность чистаго лиризма еще не значить отсутствіе страсти, поэтическаго чувства. Независимо отъ таланта, поэтическое чувство возбуждается всеѣмъ тѣмъ, что заставляетъ кипѣть и замирать душу поэта. Нѣтъ ничего удивительнаго, если собственное наше я часто оказывается безспильнымъ для подобнаго возбужденія. Душа поэта — *глубина морская, покрытая недвижнымъ льдомъ*: мудрено проникнуть въ нее и разгадать ея тайны. Будучи поэтомъ объективнымъ, г. Никитинъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ истинно народный. Народная, т. е., простонародная жизнь нашла въ немъ достойнаго своего пѣвца, энергическаго и горячаго адвоката. Любящіе сопоставленія и до-сихъ-поръ не отказывающіеся отъ празднаго сравненія Никитина съ Кольцовымъ, теперь могутъ нѣсколько утѣшиться. Мы сами готовы служить имъ, если не для сличенія двухъ поэтовъ, ни въ чемъ другъ съ другомъ несходныхъ, то для обыденнаго, такъ сказать, опредѣленія ихъ дѣятельности: Кольцовъ пѣлъ устами русскаго народа, русской пѣсни, какъ бы самъ народъ могъ запѣть на его мѣстѣ; Никитинъ не умѣетъ пѣть такихъ пѣсенъ: онъ лирически мыслить о народѣ и мыслить превосходно.

Наша современная жизнь вообще, т. е., вопросы и сомнѣнія, насъ мучащіе, не могли не отразиться въ стихотвореніяхъ г. Никитина, какъ поэта-мыслителя; и дѣйствительно, у него мы находимъ пять піесъ (Стихот. XXXIII — XXXVII), посвященныхъ современности. Между ними *Горькія слезы*, *Опять знакомыя видѣнія* и *Разговоры* суть грозные ямбы, направленные поэтомъ и противъ себя —

Я слышала злу рукоплесканья.
Я все терпѣла, едва дыша;
Подъ пытку негодованья
Молчала рабская душа!

и противъ современнаго общества —

О Боже правый! вотъ она
И жи и подлостей страница —
На каждой буквѣ кровь видна...
Какой позоръ! Вотъ эти лица
Ханжей, предателей, льстецовъ,
Низкопоклонниковъ, рабовъ,
Рабовъ расчета и разрата,
Рабовъ бездушныхъ, ледяныхъ,
Рабовъ, продать готовыхъ брата,

И друга, и дѣтей родныхъ,
 Рабовъ бездѣля, скуки праздной,
 Страстишекъ мелкихъ и заботъ....
 И ты, въ своей одеждѣ грязной,
 Нашъ бѣдный труженикъ-народъ,
 Несущій крестъ свой терпѣливо,
 Ты, за кого краснорѣчиво
 Ведемъ мы споръ, добро любя,
 Пора ль на свѣтъ вести тебя. —

Но ъ-бокъ съ этими горькими обличеніями, мы читаемъ у нашего поэта стихи, полные благодушія и надежды:

Медленно движется время,
 Вѣруй, надѣйся и жди....
 Зрѣй наше юное племя,
 Путь твой широкъ впереди.
 Молніи насъ освѣтили,
 Мы на распутьи стоимъ....
 Мертвые въ мирѣ почилы,
 Дѣло настало живымъ.

Этотъ отдѣлъ стихотвореній, что доказываютъ и приведенныя выписки, насквозь проникнутъ горячимъ чувствомъ и отличается широтою поэтического полета; имъ особенно богато стихотвореніе, *Медленно движется время* (стр. 37). —

У г. Никитина есть нѣсколько стихотвореній (7—8), написанныхъ въ формѣ пѣсенъ (иногда кольцовскимъ размѣромъ); одни изъ нихъ имѣютъ характеръ субъективно-ларическій. Они мотивируютъ почти одно и тоже — если не чувство, то общественное положеніе: *радость и кручину, бѣдность, удалъ и заботу*. Но не смотря на однообразіе мотива, всѣ онѣ рѣшительно безукоризненны. Слѣдующее, напримѣръ, отличается истинно народными приемами и образцовою выдержанностію чувства:

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
 Золотыя да яркія перья!
 Прилетитъ, — вся душа встрепенется,
 Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазавати бы мнѣ радость обманомъ,
 Задержать и мольбою и лаской,
 Отъ тумана глаза бь прояснились,
 На веселый ладъ пѣсни сложились.

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
 Безъ разсвѣта да съ холодомъ — вѣтромъ:
 При тебѣ — вся краса изсушится,
 При тебѣ — въ головѣ помутится.

Ужь и будь ты, кручинушка, пепеломъ —
 Весь бы по полю въ бурю развѣять.
 Пусть бы травушка въ погѣ горѣла,
 Да на сердцѣ смола не кигѣла!

(Стр. 127—128.)

Пѣсни г. Никитина, относящіяся до народной жизни, отличаются тѣмъ же характеромъ сжатости и сдержанности чувства; это не кольцовскія пѣсни, идущія прямо въ сердце, это — пѣсни, сложившіяся подъ вліяніемъ другихъ условій, пѣсни не поющія, а гремящія, не пѣжныя, а суровыя. Никитинская пѣсня представляетъ въ сжатомъ видѣ все то, что даетъ народная жизнь его лиризму. Его *Нищій* и *Пахарь* могли бы обратиться въ тѣ лирическія піесы, о которыхъ мы скажемъ ниже, точно такъ, какъ послѣднія могли бы съюзиться до *Нищаго* и *Пахаря*. Что бы незаслужить упрека въ пристрастіи, мы должны замѣтить, что г. Никитинъ иногда повторяется: такъ у него *Пахарь* и *Соха* варьируютъ одинъ и тотъ же мотивъ. Но укажите намъ, много ли найдется въ нашей литературѣ піесъ, которыя бы превосходили *Нищаго* высотой поэтическаго полета, законченностію идеи и мужественною силою стиха? — Вотъ бредутъ по улицѣ нищіе. При взглядѣ на толпу ихъ, поэтъ жалѣетъ о судьбѣ несчастныхъ, жалѣетъ потому, что его возмущаетъ видъ разумнаго созданья *въ грязи и съ сумой*: явленіе, какъ видите, обыкновенное, прозаическое, выраженное въ двѣнадцать, правда, хорошихъ, но не болѣе, какъ хорошихъ стихахъ — чувство поэта еще не отрѣшилось отъ факта, еще не взлетѣло къ верху. Видъ городскихъ нищихъ переноситъ фантазію поэта къ другому явленію, въ иной міръ; онъ поднимаетъ завѣсу, скрывающую этотъ міръ отъ взоровъ оптимизма; поэтическое чувство его достигаетъ изумительной сосредоточенности, онъ принимаетъ истинно орлиную отвагу и звучитъ слѣдующимъ грознымъ стихомъ:

Но бѣдиѣ и хуже есть нищій:
 Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ,
 Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
 Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
 Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
 Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
 Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

Подъ-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
 Подъ-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;

Эти потрясающіе рѣскаты грома какъ бы стихаютъ въ отдаленіи, и невольно представляешь себѣ въ слѣдующихъ заключительныхъ стихахъ картину послѣ бури, сопровождаемой громохъ и ливнемъ:

О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ (стр. 131—132).

Кромѣ народныхъ пѣсень, у г. Никитина встрѣчается нѣсколько картинъ изъ сценъ изъ народнаго быта (стихот. XVII, XXIV, XXIX, XLI); лучшія изъ нихъ тѣ, которыя (какъ *Почлеизъ въ деревнѣ*) подходятъ по формѣ къ пѣснѣ, т. е., когда ни картина, ни личность не даютъ другъ друга, чего нельзя сказать, напримѣръ, о *Зимней ночи въ деревнѣ* (стр. 79), хотя піесу эту скорѣе можно отнести къ слѣдующему лироэпическому отдѣлу. — Недовольствуясь пѣснью, картиною, г. Никитинъ изображаетъ народную жизнь въ формѣ небольшихъ поэмъ (Стихот. IX, XLII, XLIV, XLV, XLVI). Форма эта намъ не нравится, какъ не нравятся такія лирическія піесы, въ которыхъ, какъ мы выразились, поэтъ бросаетъ въ глаза читателю одни голые факты. Эти полупоэмки — какіе-то гермафродиты, ни то, ни се: онѣ слишкомъ длинны для лирической піесы вообще, основанной на чувствѣ, и слишкомъ кратки для полнаго всесторонняго развитія содержащейся въ нихъ идеи. Не нравятся намъ подобныя піесы и у г. Никитина, за исключеніемъ *Пряжи* (стр. 94). Онѣ, пожалуй, и не дурны — есть въ нихъ и теплота чувства и драматическое движеніе, и не лишены онѣ характера народности; но, отчасти по нѣкоторой сантиментальности и идеализаціи (*Жена ямщика* и *Неудачная присуха*), отчасти по обнаженности факта (*Ссора*), а главное сравнительно съ лучшими произведеніями нашего поэта, онѣ выходятъ какъ-то блѣдны. — Истинный перлъ поэзіи г. Никитина составляютъ тѣ лироэпическія піесы, которыя можно назвать *песнями-поэмами*, если только названіе выразитъ сущность заключающагося въ немъ понятія. Пѣснями мы ихъ называемъ не обыкновенными, а *никитинскими*, выше нами разсмотрѣнными, поэмами — не столько по объему, сколько по эпической разнообразности содержанія, но поэмамъ все-таки сжатыми, *лирическими*, въ которыхъ живымъ ключомъ бьетъ чувство поэта, — и все это одѣвается тѣмъ чуднымъ, обаятельнымъ покровомъ, безъ котораго нѣтъ спасенія лирическому поэту. Къ такимъ піесамъ мы причисляемъ: *Бурлаки* (стр. 115), *Разсказъ ямщика* (стр. 119), *Бѣхалъ изъ ярморки узарь-купецъ* (стр. 137), *Старый слуга* (стр. 140), и *Мер-*

того мѣла (стр. 146). Мы рѣшительно затрудняемся отдать подробный отчетъ читателю въ этихъ прекрасныхъ произведеніяхъ. О какихъ, новидимому, обыденныхъ явленіяхъ говорить поэтъ! Одно изъ нихъ, по поводу *мертвого тѣла*, могло даже наскучить читателю: сколько нѣлось со времени Пушкина на эту тему:

Судь найдетъ, отвѣчай-ка,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь!

И г. Никитинъ запѣлъ ту же скучную пѣсню:

Парень-извозчикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ.
Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
Горло распухло, чуть-чуть годорить.

— Ну, умереть! вы скажете: — а тамъ куда-нибудь его бросить, пожалуй. И вамъ не хочется читать дальше. Боже мой! вѣдь все это страшно надоѣло! говорите вы. Но прочтите дальше. Предположеніе ваше отчасти оправдывается: извозчикъ умираетъ; но развязка совсѣмъ не та, какъ вы думали. Хозяинъ постоялаго двора убѣждаетъ товарищей умершаго спѣшить домой и взять съ собою трупъ его:

Мертваго можно одѣть-снарядить,
Въ сани ввалить, да веретьемъ покрыть;

Подлѣ села ого выньте на свѣтъ:
«Умеръ дорогою — вотъ и отвѣтъ!»

Но дѣло не въ неожиданности развязки: избитость сюжета выкупается неподражаемою прелестію картины путешествующаго съ мертвецомъ обоза и потрясающею душу драмою, которой оканчивается пѣса. Вотъ она, эта картина ужаснаго путешествія, нарисованная рукою великаго мастера:

Бѣлѣтъ свѣтъ въ степи глухой,
Стоитъ на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и старъ и сѣдъ,
Блеститъ на немъ мороза слѣдъ.
Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ.
А глубь небесъ въ огняхъ горитъ;
Вкругъ мѣсяца кольцо лежитъ;
Звѣзда звѣздъ привѣты шлетъ,
Холодный свѣтъ на землю льетъ.
Въ степи глухой обозъ скрипитъ;
Передній конь идетъ — храпитъ.

Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,
 Съ ума нейдетъ въ селѣ почлегъ,
 Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ,
 Теперь его все страхъ беретъ:
 Мертвецъ за нимъ въ саниахъ лежитъ,
 Живому степь бѣдой грозитъ.
 Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
 Растеть сѣдой — и рѣчь вестъ:
 «Мертвецъ въ саниахъ! мертвецъ въ саниахъ!...»
 Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
 По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
 «Товарищи! сюда вди!
 Эй, дядя-Петръ! мертвецъ встаетъ!
 Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!»
 Извозчики на кличъ бѣгутъ,
 О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ.
 Влестить ковыль, сквозь чуткій сонъ,
 Людскую рѣчь поделушалъ онъ...

Или, чтò, напримѣръ, новаго и занимательнаго въ этомъ *старомъ лакелѣ*, сосланномъ бариномъ на скотный дворъ за пропажу серебряной ложки? Уже надоѣли, скажетъ читатель, эти Филиппики противъ крѣпостнаго права, разные эти анекдоты: наладили на одно! Но въ лирической поэзiи дѣло не въ анекдотѣ, какъ бы онъ ни былъ трагиченъ и возмутителенъ, а дѣло въ томъ, какое впечатлѣнiе произвелъ этотъ анекдотъ на чувство поэта, и какъ выразилось это чувство? Впрочемъ, анекдотъ, который рассказываетъ г. Никитинъ, не совсѣмъ изъ обыкновенныхъ. Его *Старый слуга* имѣлъ причину, подвергнувшись такой невзгодѣ, *сознать отъ печали*: онъ не только былъ дядюкою своего барина, онъ былъ вѣрнымъ псомъ его, котораго послѣднiй, когда былъ еще рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, зануздывалъ, заставлялъ ползати на четверенькахъ и ѣздили на немъ, какъ на лошаdkѣ.

Ручку-ль барчуку шаловливый,
 Ножку-ль убьетъ за игрой, —
 Вздрогнетъ слуга боязливый:
 «Баринъ ты мой золотой!»

Шопотомъ тужить-горюеть:
 «Не досмотрѣлъ я, злодѣй!»
 Барскую ножку цѣлуеть...
 «Бей меня, батюшка, бей!»

— Ну, а дальше что? вы спросите: — вѣрно сдѣлался пьяницей и умеръ гдѣ-нибудь подъ заборомъ? Дѣйствительно такъ:

старикъ какъ-то вырвался въ городъ, загулялъ въ кабакъ и на обратномъ пути замерзъ. Кажется, и оправданія не нужно; впрочемъ, если хотите, вотъ оно :

Пей, безалазная доля!
 Пилъ онъ, и пѣлъ, и плясалъ ...
 Волюшка, милая воля,
 Гдѣ же твой свѣтъ запропаздъ?..

Странны критическіе наши возгласы: это не ново! это пакучило! это ни къ чему не ведетъ! Странно это равнодушіе къ эстетическимъ интересамъ, къ отдѣленію жизни отъ искусства съ одной стороны, а съ другой желаніе подчинить его интересамъ минуты! Прошла минута, — и подавай намъ что-нибудь новое, раздражай наши нервы чѣмъ-нибудь, болѣе пикантнымъ. Кого винить въ этомъ легкомысліи, въ этомъ верхоглядствѣ, въ этой лихорадочной жадѣ новизны, печальномъ признакѣ самаго сухаго матеріализма? Вина — въ круговой порукѣ, за которую подлежатъ отвѣту совокупность всѣхъ явленій нашего быта, т. е., наша общественная и домашняя жизнь, наше воспитаніе, школа, наша грѣшная школа.

Послѣ всего сказаннаго нами, кажется, не трудно угадать характеръ музы г. Никитина. Эта муза — не таинственная дѣва, поющая на семиствольной цѣвницѣ въ тѣмной тѣни дубовъ божественныя пѣсни, не шаловливая рѣзвухка-муза, подобно мотыльку, порхающая съ предмета на предметъ и оглашающая воздухъ своимъ веселымъ пѣніемъ, не задумчивая и томная муза, не муза мести и печали. Эта муза — серьезная и оригинальная, муза, принявшая образъ простой, русской дѣвушки, усвоившей себѣ современное образованіе, не умѣющее пѣть ни веселыхъ, ни меланхолическихъ пѣсень, но понимающей гармонію божественныхъ, наполняющихъ сердца *святымъ очарованіемъ* звуковъ. Эта оригинальная муза, правда, нѣсколько холодна съ перваго взгляда, да она и не скрываетъ того, что жизнь ея чувства отцвѣла, какъ *цвѣтъ сельный*; но за то въ душѣ ея много силы: коснитесь чувствительныхъ струнъ больнаго ея организма, и она издастъ мощный голосъ, звѣнящій скорбію и негодованіемъ, но въ этомъ звонѣ, тѣмъ не менѣе, слышится не изнеможеніе, а мощь *богатыря въ безысходной бѣдѣ*. Г. Никитинъ не проложилъ себѣ новаго пути на литературномъ поприщѣ (да и кто, спрашивается, изъ современныхъ нашихъ писателей проложилъ его себѣ?); онъ идетъ по той же тропѣ, какъ и другіе, — по *толевской*, народной, ведущей къ самопознанію тропѣ; но, какъ

лирической поэтъ, г. Никитинъ, смѣемъ сказать, народиле всѣхъ своихъ собратьевъ-лириковъ: въ его поэзи народная жизнь отразилась полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ у кого либо изъ нихъ,— и въ этомъ заключается его несомнѣнное литературное значеніе. Если назадъ тому пять лѣтъ, при первомъ изданіи стихотвореній воронежскаго поэта еще имѣло какое-нибудь значеніе восклицаніе одного критика: «*Однимъ словомъ г. Никитинъ далеко не замѣнитъ намъ Кольцова!*» то теперь, мы увѣрены, каждый убѣдится въ странности такихъ приговоровъ. Сравнить Никитина съ Кольцовымъ также бесполезно, какъ бы сравнить его съ Некрасовымъ, основывая это сближеніе на простонародности, присущей ихъ произведеніямъ. Для подобнаго сближенія еще недостаточно общности направленія: гораздо важнѣе — міросозерцаніе, оригинальность, свойственный каждому лирическому поэту *букетъ*, по выраженію новѣйшаго нѣмецкаго эстетика *). Такой букетъ, какъ мы доказали имѣеть муза г. Никитина; слѣдовательно, вопросъ о поэтическомъ его талантѣ, о самобытности его дарованія, долженъ быть поконченъ и сдать въ архивъ, что, впрочемъ, давно и сдѣлала образованная читающая публика, предупредивъ, какъ это у насъ теперь не рѣдко случается, запоздалый приговоръ критики.

Въ заключеніе, мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу картинъ природы, которыхъ довольно много встрѣчается въ стихотвореніяхъ г. Никитина. Для лирическаго поэта объективный міръ важенъ не самъ по себѣ, а потому, какіе звуки пробуждаетъ онъ въ душѣ художника: отсюда понятно, что физическая природа, и сама по себѣ, и какъ декорація, обстановка, входитъ въ область его міросозерцанія. Однакоже, тѣмъ не менѣе, лирическая поэзія возмется не за свое дѣло, если вдастся въ мелочную и трудную работу представленія картинъ, какъ картинъ, если при этомъ забудетъ о чувствѣ, о человѣкѣ; даже такъ называемыя картины въ античномъ, пластическомъ родѣ, какъ ни хороши онѣ бывають, мало дѣйствуютъ на современнаго читателя и наскучають, если поэтъ представляетъ ихъ въ изобиліи. Что ни говорите о прелести античной пластики, но новѣйшій, христіанскій лиризмъ, по преимуществу духовный, не долженъ только на нихъ покониться, предоставивъ соблазнитель-

---

*) *Theodor Fischer. Aesthetik. Dichtkunst. S. 1933: Es ist vielleicht das höchste, absolute Lob, wenn man von einem lyrischen Gedichte sagen kann: es habe Duft.*

ныя детали эпосу. Физическая природа также послушна кисти г. Никитина, какъ и жизнь человѣка. Онъ свободно и мастерски управляется съ нею особенно тогда, когда она служитъ канвою, по которой развиваются другія, духовныя, исполненныя драматизма картины. Тоже можно сказать о такихъ картинахъ природы, которыя только служатъ фономъ чистаго субъективнаго лиризма (см. стихотворенія II, V, VIII, XVI). Другія картины (стихотворенія IV, VI, VII, X, XIII, XV, XLI) бѣльшую частію имѣють цѣлью простое изображеніе ландшафта, преимущественно *вечера* или *ночи*: и ландшафтъ, дѣйствительно, выходитъ хорошъ и свѣжъ, но ему не достаетъ мягкости и, такъ сказать, бархатности колорита; лучшія въ этомъ родѣ піесы — *Утро* (стр. 13) и *Вечеръ послѣ дождя* (стр. 125). Но, по нашему мнѣнію, самымъ оригинальнымъ, прелестнымъ стихотвореніемъ въ живописномъ родѣ у г. Никитина должно назвать *Гильдо ласточки* (стр. 27).

Сравнивая обильную производительность нашихъ современныхъ стихотворцевъ-поэтовъ съ производительностію г. Никитина, мы не можемъ не пожалѣть о скудности послѣдней. Наша литература вправдѣ требуетъ отъ него бѣльшихъ трудовъ, бѣльшей плодovitости, а читатели Русскаго Слова — надѣются на скорое появленіе *Градскаго Головы*, отрывокъ изъ котораго былъ напечатанъ въ майской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ.

МИХАИЛЬ ДЕ-ПУЛЕ.

Воронежъ. Январь 1860 года.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Кобзарь. *Тараса Шевченка. Коштомъ Платона Семеренка.* Спб. 1860 года. Въ 8 д. л. 244 стр. (Съ портретомъ Шевченка.)

Недавно, въ предисловіи къ малороссійскому альманаху «Хата», мы нашли слѣдующее сопоставленіе именъ: Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Шиллеръ, Мицкевичъ, Пушкинъ, Гоголь, Квитка, Шевченко. Издатель альманаха и авторъ этого предисловія, г. Кулишъ, не разъ уже высказывалъ свое чрезмѣрно-высокое мнѣніе о слабыхъ попыткахъ малороссіянъ создать особую отъ русской, собственную народную литературу; но, кажется, еще въ первый разъ ставитъ онъ въ число міровыхъ поэтовъ, наравнѣ съ Шекспиромъ и Шиллеромъ, Квитку и Шевченка.

Мы вполне сочувствуемъ г. Кулишу въ его любви къ родинѣ, въ его желаніи блага и счастья ей, богатства и развитія родному его слову; но полагаемъ, что своими необдуманно-преувеличенными возгласами о величій и геніальности украинской письменности (и литературой-то этихъ попытокъ назвать нельзя) онъ только подрываетъ авторитетъ писателей, которыхъ хвалятъ. Всего-то писало по малороссійски два-три человѣка и эти два-три человѣка оказываются всемірными геніями. Каково богатство народнаго духа! Если, какъ того желаетъ г. Кулишъ, на малорусскомъ нарѣчій возникнетъ цѣлая широкая литература, эта литература, судя по началу, представитъ неслыханное и невиданное изобиліе «Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ». Г. Кулишъ дѣлаетъ, правда, въ упомянутомъ предисловіи небольшую уступку людямъ не столь легко приходящимъ въ восторгъ, какъ онъ: въ число геніевъ онъ не допускаетъ еще Марка Вовчка; но едва ли не скрѣпя сердце рѣшается онъ на эту уступку. «Гоголь въ *Вечерахъ на хуторѣ* стоялъ наравнѣ съ Маркомъ Вовчкомъ; а потомъ переросъ его неизмѣрно,» говоритъ г. Ку-

лишь. И такъ станемъ ждать отъ автора «Украинскихъ разсказовъ» новыхъ «Мертвыхъ Душъ», новаго «Ревизора». «Шевченко (продолжаетъ г. Кулишъ) въ первыхъ балладахъ не выше, чѣмъ Марко Вовчокъ въ своей *Сестрѣ*; въ *Катеринѣ* же онъ поднялся до Пушкина, какъ художникъ, а въ 1846 году — и до Мпцкевича, какъ поэтъ всеславянской.» До Шекспира, какъ поэта всенароднаго, остается, значить, всего одинъ шагъ. Возгласы г. Кулиша, трудящагося въ потѣ лица надъ созданиемъ украинской литературы, были бы только смѣшны — и больше ничего, еслибъ не касались писателя дѣйствительно высоко даровитаго, какъ Шевченко. Сравнить съ Шекспиромъ Квитку, посредственнаго автора посредственныхъ повѣстей, сказать, что передъ жалкими побасенками рутиннаго борзописца Гребенки — дрянъ басни Крылова (смотри ту же «Хату»), это черты высокаго комизма, въ родѣ разсказа Хлестакова о томъ, какъ у нихъ тамъ «и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я.» Вы отъ души хохочете надъ этой уморительной выходкой, но смѣхъ вашъ переходитъ немедленно въ досаду, какъ скоро къ именамъ Квитки и Гребенки примѣшиваются имя Шевченка. Этотъ оптимизмъ, для котораго все то хорошо, что написано по малороссійски, достигаетъ совсѣмъ не той цѣли, какая у него въ виду. Если г. Кулишу дѣйствительно дороги успѣхи его роднаго слова, то содѣйствовать имъ можно лишь серьезною и строгою критикою. Всякія похвалы останавливаютъ совершенствованіе. Скажите, какихъ еще благъ ждать литературѣ, у которой есть два такихъ писателя, какъ Шекспиръ? Квитка и Шевченко — прозаикъ и поэтъ — чего жъ больше? Чтобы дѣлать такія легкомысленныя сравненія, надо или быть самодовольну до слѣпоты, или имѣть слишкомъ узкое понятіе о судьбахъ народности малороссійской.

Какъ ни глубоко уважаемъ мы нашихъ лучшихъ писателей — Гоголя и Пушкина, мы никакъ не можемъ предположить, чтобы и они имѣли такое всемірное значеніе для будущихъ вѣковъ, какое имѣетъ и будетъ имѣть Шекспиръ. Еслибъ мы думали, что на всѣ вопросы даже ближайшаго будущаго Россіи найдется отвѣтъ у этихъ писателей, мы ограничили бы свой ходъ впередъ немногими шагами; еслибъ мы вѣрили, что иныхъ, болѣе совершенныхъ идеаловъ уже не создать искусству, мы не признавали бы совершенствованія въ жизни и въ мысли человѣчества.

Намъ кажется, мы окажемъ больше уваженія къ таланту г. Шевченка, если сравнимъ его не съ Шекспиромъ, а съ такими замѣчательными народными поэтами, какъ нашъ Кольцовъ, или шотландскій Бёрнетъ. Силой поэтическаго чувства, глубокимъ, сердечнымъ пониманіемъ лишеній и нуждъ, печалей и радостей народныхъ, безыскусственнымъ, прямымъ и яснымъ складомъ мысли и рѣчи, онъ не уступаетъ ни тому, ни другому. Отъ этой родственности съ народомъ, изъ самой среды котораго вышелъ г. Шевченко, думы и пѣсни его глубоко заважаютъ въ сердце и переходятъ изъ устъ въ уста на его родинѣ. Ему нечего было просить ее, чтобы она встрѣтила ихъ дружнымъ и ласковымъ привѣтомъ...

«Привитай же, моя нянько,
Моя Україно,
Моїхъ дітокъ нерозумнихъ,
Якъ свою дитину.»

Родныя сердца и безъ просьбъ отвѣчали дома горячимъ биеньемъ приносившимся издали пѣснямъ своего кобзаря, рожденнымъ горемъ, политымъ слезами.

«Думи мої, думи мої,»

плачется онъ на чужбинѣ:

«Лихо мині зъ вами!
На що стали на папері
Сумними рядами?
Чомъ васъ вітеръ не розвіявъ
Въ степу, якъ пилину?
Чомъ васъ лихо не приспало,
Якъ свою дитину?»

Эта горькая жалоба вырвалась изъ наболѣвшаго сердца, какъ и всѣ почти стихи Шевченки. Въ этомъ заключается тайна того могущественнаго вліянія, какое они оказываютъ на каждую впечатлительную душу. Глубокая искренность всякаго стиха, всякаго слова въ стихотвореніямъ Шевченки сказывается невольно сама собою; но едва ли не еще задушевнѣе, не еще горячѣе льются въ сердце его пѣсни, когда знаешь всю унылую судьбу поэта.

Земляки г. Шевченка знаютъ ее болѣе или менѣе близко изъ устныхъ преданій и рассказовъ; но русская публика почти незнакома съ біографіею украинскаго пѣвца. Поэтому насъ очень обрадовало появленіе въ послѣдней (второй нынѣшняго года)

книжкѣ «Народнаго чтенія» письмо г. Шевченка къ редактору этого полезнаго и добросовѣстнаго изданія, г. Оболонскому, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о происхожденіи и первыхъ годахъ жизни поэта. «Я бы желалъ (говорить г. Шевченко) изложить ихъ въ такой полнотѣ, въ какой покойный С. Т. Аксаковъ представилъ свои дѣтскіе и юношескіе годы, — тѣмъ болѣе, что исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины. Но я не имѣю духу входить во всѣ ея подробности. Это могъ бы сдѣлать человѣкъ, успокоившійся внутренно и уснокованный насчетъ себѣ подобныхъ внѣшними обстоятельствами.» Но этого спокойствія къ сожалѣнію нѣтъ еще у г. Шевченка, и онъ ограничивается лишь краткимъ очеркомъ внѣшнихъ фактовъ своей жизни — до 1844 года.

Тарасу Григорьевичу Шевченку теперь сорскъ шесть лѣтъ. Онъ родился 25-го февраля 1814 года, въ звѣнигородскомъ уѣздѣ кievской губерніи, въ господскомъ селѣ Кирилковѣ, въ крѣпостномъ состояніи. «Лишившись отца и матери на восьмомъ году жизни (разсказываетъ г. Шевченко), пріютился я въ школѣ у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра-попугая. Эти школяры въ отношеніи къ дьячкамъ тоже самое, что мальчики, отданные родителями или иною властью на выучку къ ремесленникамъ. Права надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ: они — позные рабы сего. Всѣ домашнія работы и выполнение всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Представляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячокъ — замѣтьте, горькій пьяница — и что я долженъ былъ исполнять съ рабскою покорностью, не имѣя ни еднаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться о моемъ положеніи. Какъ бы то ни было, только втеченіе-двухъ лѣтней тяжелой жизни въ такъ называемой школѣ, прошелъ я *рамѣтку*, *часловесць* и наконецъ псалтырь. Подъ конецъ моего школьнаго курса дьячокъ посылалъ меня читать вмѣсто себя псалтырь по усоншихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволялъ платить мнѣ за то десятую копейку въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Юною Линаремъ, такъ что, по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига, я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки пьяными. Дьячокъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими школярами, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли.

Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ въ отношеніи къ нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, носилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилию одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семей и миллионъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди — мектью и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе — розги, и, на сколько хватило дѣтскихъ силъ, оплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *кунштниками*, то есть гравированными картинками, вѣроятно самой плохой работы. Я не считалъ грѣхомъ или не устоялъ противъ искушенія — похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку.»

Не долго пробылъ мальчикъ у новаго учителя, дьякона, всего три дня; на четвертый у него не хватило уже терпѣнія таскать воду ведрами изъ рѣчки на гору и растирать для учителя на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. Учитель этотъ былъ художникъ, а именно маляръ. Такой же художникъ былъ и третій учитель, дьячокъ, къ которому бѣжалъ въ ближнее село Тарасовку молодой Шевченко; но этотъ учитель призналъ мальчика негоднымъ вѣроятно даже и для растиранія красокъ и ношенія воды, ибо на отрѣзъ отказался взять его въ ученіе. А между тѣмъ страсть къ живописи все больше и больше развивалась въ будущемъ поэтѣ и художникѣ.

«Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ (продолжаетъ рассказъ свой г. Шевченко), съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой мое воображеніе придавало однакожь какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, «пастыремъ стадъ непорочнымъ», съ тѣмъ, чтобы, ходя за громадскою *ватаюю*, читать свою любезную краденую книжку съ кунштниками. Но и это не удалось мнѣ. Поиѣщику, только что наслѣдовавшему достоянію отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такіе же шаровары и наконецъ — въ комнатныя казачки.»

Замѣчаніе г. Шевченка о новой его должности въ барскомъ домѣ очень метко и характеристично, и мы приведемъ его цѣликомъ. «Изобрѣтеніе комнатныхъ казачковъ (говорится въ письмѣ) принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украины, полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ казачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда козацкомъ сдѣлать козака ручнымъ съ самаго дѣтства — это тоже самое, что въ Лапландіи покорять произволу человѣка быстроногаго оленя... Польскіе помѣщики былого времени содержали козачковъ, кромѣ лакейства, еще въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Козачки играли, для панской потѣхи, веселыя двусмысленныя пѣсенки, сочиненныя народною музою съ горя подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорятъ поляки, *сюды, туды, наприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты съ чувствомъ просвѣщенной гордости называютъ это покровительствомъ украинской народности, которымъ де всегда отличались ихъ предки.»

«Мой помѣщикъ (разсказываетъ нашъ поэтъ про себя), въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на козачка болѣе практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моей народности на свой манеръ, вмѣнялъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающий подать стоящую тутъ же возлѣ него трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ прoderзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая украдкою картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика.»

Любовь къ живописи была преобладающею страстью въ г. Шевченкѣ въ эту пору его жизни. Онъ старался, гдѣ только можно, стащить картинку и срисовать ее съ должной вѣрностью. Такимъ образомъ у него составила цѣлая драгоценная коллекція произведеній смѣлой суздальской кисти. Ограничиваться и довольствоваться имп даровитый мальчикъ, разумѣется, никакъ не могъ, и когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, сталъ проситься у барина въ ученіе живописи. «Такъ какъ надежды моего помѣщика (говоритъ г. Шевченко) на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтраговалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цѣховому мастеру, нѣкому Ширяеву, въ С. Пе-

тербургѣ.» Здѣсь лубочныя картины смѣшались для молодого художника статуямъ Лѣтняго Сада, куда онъ ходилъ копировать съ нихъ въ свѣтлыя весеннія ночи петербургскія, когда

Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.

Приведемъ окончаніе разсказа г. Шевченка. «Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ (говорить онъ) познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до-сихъ-поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка я началъ пробовать акварелью портреты съ природы. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, козакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый человѣкъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренка мою работу, и она ему того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублемъ серебра. — Въ 1837 году Сошенко представилъ меня конференцъ-секретарю академіи художествъ, В. И. Григоровичу съ просьбой освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковского, портретъ, съ цѣлю разыграть его въ частной лотерей. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и вскорѣ портретъ Жуковского былъ у него готовъ. Жуковский, съ помощью графа М. Ю. Вельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями, и эту цѣною куплена была моя свобода, въ 1838 году апрѣля 22. — Съ того же дня началъ я посѣщать классы академіи художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободного художника.»

«О первыхъ литературныхъ опытахъ моихъ (заключаетъ г. Шевченко свое письмо) скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ Саду, въ свѣтлыя безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго знанію въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ Саду, напе-

чатана только одна баллада *Дрочина*. Какъ и когда писались послѣдовавшія за нею стихотворенія, объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ разсказѣ въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспоминать въ своемъ разсказѣ, до-сихъ-поръ — крѣпостные. Да, милостивый государь, они крѣпостные до-сихъ-поръ *)!»

И собственная судьба, и судьба ближайшихъ къ нему людей сообщали произведеніямъ г. Шевченки глубоко-грустный тонъ, такъ сильно дѣйствующій на сердце. Тѣсная связь пѣвца съ народомъ, связь и кровная, и нравственная, одинаковыя радости, одинаковыя страданія, дали характеръ чисто-народный его пѣснямъ. За то про г. Шевченку можно сказать, какъ онъ говоритъ про кобзаря Перебендю:

«Хто ёго не знае?»

Нѣтъ вѣроятно ни одного теплаго сердца на его родинѣ, въ которомъ не жили бы его думы.

Въ «Перебендѣ» г. Шевченко представилъ прекрасный поэтический образъ малороссійскаго кобзаря, и, говоря о г. Шевченкѣ, нельзя не остановиться на этомъ стихотвореніи, какъ, говоря о Пушкинѣ или Лермонтовѣ, нельзя преидти молчаніемъ пьесъ, въ которыхъ выражался взглядъ ихъ на значеніе и призваніе поэта.

Кто не знаетъ стараго слѣпаго Перебендю? Вездѣ онъ ходитъ да играетъ на кобзѣ. А кто играетъ, того люди знаютъ и любятъ. Онъ разгоняетъ ихъ горе, хоть и самому тяжело жить на свѣтѣ. Про всякого есть у него своя пѣсня, кому какая больше подъ стать. Запоетъ иной разъ про «Чалаго», свернетъ на «Горлицу»; дѣвкамъ на лугу одно поетъ, нарнямъ въ шинкѣ другое, женатымъ опять третье; на базарѣ затягиваетъ пѣсню про Лазаря;

---

*) Неужто въ русскомъ обществѣ не найдется сочувствующихъ людей, которые, общими силами, выкупили бы изъ крѣпостнаго состоянія ближайшихъ родныхъ г. Шевченка?

«Або, щобъ те згада,
Тяжко-важко заспіває,
Якъ Січъ руйновали.»

Эта погибель Сѣчи, къ которой обращается съ такимъ упрямымъ постоянствомъ память народная въ народныхъ пѣсняхъ, внушила не мало унылыхъ думъ и г. Шевченку. И онъ, какъ изображенный имъ «хищный» кобзарь, запоетъ, засмѣется, а свернетъ на слезы.

Вѣтеръ вѣтеръ, гуляетъ по полю; кобзарь сидитъ на могилѣ и играетъ на кобзѣ. Вокругъ него далеко синѣетъ, какъ море, степь, и все-то за могилю могла. Вѣтеръ развѣваетъ «сивый усь, старую чуприну» пѣвца; или притихнетъ да послушаетъ, какъ поетъ кобзарь, какъ смѣется его сердце, какъ плачутъ его слѣпныя очн...

Нарочно ушелъ пѣвецъ въ степь и сѣлъ на могилу, чтобы никто его не выдастъ, чтобы люди не слышали; вѣдь то Божье слово, вѣдь то на свободѣ сердце бесѣдуетъ съ Богомъ, поетъ славу Господню; а дума несется на край свѣта сизокрылымъ орломъ и пыгаетъ у солнца: гдѣ ночуетъ оно и какъ встаетъ? и слушаетъ, что говоритъ море, и у черной горы спрашиваетъ: отчего ты нѣмая? и опять мчится въ небо, потому что на землѣ горе; нѣтъ на ней, на широкой, уголка тому, кто все знаетъ, все слышитъ: и что море говоритъ, и гдѣ солнце ночуетъ. Никто-то не приметъ его на свѣтѣ.

Хорошо ты, мой кобзарь, хорошо ты, родной, дѣлаешь, что пѣть и бесѣдовать ходишь на могилу...

«Добре еси, мій кобзарю,
Добре, батьку, робишь,
Що співати, розмовляти
На могилу ходишь!
Ходи собі, мій голубе,
Поки не заснуло
Твое серце, та виспівай,
Щобъ люде не чули.
А щобъ тебе не цурались,
Потурай імъ, брате.
Скажи, враже, якъ павъ каже:
На те вінъ багатой.»

Первыя произведенія г. Шевченка были преимущественно посвящены воспоминаніямъ о старомъ бытѣ Украины, который многими малороссіянамъ представляется идеаломъ и для буду-

цаго. Таковы поэмы: *Гайдамаки*, *Гамалія*, стихотворения: *До Основьяненка*, *Иванъ Пидкова*, *Тарасова нічъ*.

Особенно полно гайдамацкой грусти и силы посланіе къ Основьяненкѣ; могучіе стихи этой пьесы сразу западаютъ въ память и уже не забываются. Въ звукахъ этихъ стиховъ есть что-то родное и стону вѣтра, рыскающаго по казачьей степи, и ропоту днѣпровскихъ пороговъ, и заунывному воплю чайки...

«Бьютъ пороги; місяць сходить,
 Якъ и перше сходявъ...
 Нема Січи, пропавъ и той,
 Хто всимъ верховодивъ!
 Нема Січи; очерети
 У Дніпра питають:
 «Де-то наши діти ділись,
 Де вони гуляють?»
 Чайка скігльить літаючи,
 Мовъ за дітьми плаче;
 Сонце гріє, вітеръ віє
 На степу козачімъ.
 На тімъ степу скрізь могили
 Стоять та сумують;
 Питаютьця у буйного:
 Де наши панують?...»

Много могилъ чернѣетъ въ полѣ; много въ нихъ скоронено. Но не умерла слава; не умерла и расскажетъ, что дѣялось тутъ когда-то,

«Чия правда, чия кривда
 И чіи ми діти.
 Наша дума, наша пісня
 Не вмире, не загине...
 Отъ де, люде, наша слава,
 Слава України!»

Посланіе г. Шевченка отправлено на родину съ чужой стороны, и заключеніе его полно глубокой, слезной тоски по родинѣ. «Тебя люди любятъ», говоритъ поэтъ остающемуся дома другу: «у тебя хорошій голосъ. Пой имъ, мой голубь, про Сѣчь, про могилы, когда которую насыпали, кого положили. Пой про старое время, про то, что было да мпповало... Пой, родной, чтобъ поневолѣ весь свѣтъ услышалъ и узналъ, что дѣялось на Украинѣ — за что она погпбала, за что слава козацкая по всему свѣту прошла. Пой, родимый, орель сизый! Пусть и я поплачу, пусть и я свою Украину еще разъ увижу, пусть еще разъ послушаю, какъ море играетъ, какъ дѣвица подъ вербою

распѣваетъ пѣсню, пусть еще разъ улыбнется сердце на чужбинѣ, пока не легло въ чужую землю, въ чужомъ гробу.»

Довольно большая поэма «Гайдамаки» и баллада «Гамалія» воспѣваютъ именно эту «славу козацкую», о которой г. Шевченко говоритъ въ посланіи къ Квиткѣ; но ни въ той, ни въ другой не находимъ мы того пыла и одушевленія, какими проникнуто его воззваніе къ земляку и другу. И въ поэмѣ, и въ балладѣ слишкомъ рѣдко встрѣчаемся мы съ тѣми простыми и сильными тонами, въ которые переходитъ украинская народная пѣсня, заводя рѣчь о борьбѣ съ ляхами, какъ въ «Гайдамакахъ», или съ турками, какъ въ «Гамаліи». Постройка обѣихъ пьесъ слишкомъ искусственна; нѣтъ той порою однообразно-льющей, но живой и непринужденной рѣчи, какою отличаются стихи Шевченка, когда онъ не старается произвести нѣчто въ родѣ романтической поэмы, а поетъ, какъ ивется. Конечно, въ «Гайдамакахъ», занимающихъ почти сто страницъ въ книгѣ, не могли не сказаться мѣстами и неподдѣльное чувство, и художественная сила, свойственныя нашему поэту; но они являются тутъ далеко не въ той степени, какъ можно бы ожидать. Главная вина неудачи, по нашему мнѣнію, заключается въ неловкости самаго приѣма. вмѣсто простаго, исподволь развивающагося разсказа, въ поэмѣ г. Шевченка находимъ какую-то искусственную отрывочность, рѣзкіе переходы изъ тона въ тонъ, плохо скрытыя, а подчасъ даже и явныя старанія произвести эффектъ, и т. д.

Гораздо меньше подобныхъ стараній въ двухъ пьесахъ съ такимъ же историческимъ характеромъ — въ «Иванѣ Підковѣ» и въ «Тарасовой нічи»; но за то онѣ и производятъ гораздо больше впечатлѣнія на читателя. Нельзя однакожъ не замѣтить большаго однообразія въ чертахъ, которыми г. Шевченко передаетъ свои историческія воспоминанія. Такъ, напримѣръ, ни одно изъ этихъ воспоминаній не обходится безъ синѣющей, какъ море, широкой стени, безъ рядовъ могилъ, гдѣ спитъ козацкая слава,

«Де лягло спочити
Козацькеє біле тіло,
Въ китаїку повите.»

Намъ скажутъ, что эти черты просты и прекрасны, какъ черты народной поэзіи; согласны, но онѣ много теряютъ, повторяясь слишкомъ часто.

Вообще въ числѣ произведеній г. Шевченка мы съ большимъ сочувствіемъ останавливаемся на тѣхъ, въ которыхъ онъ не

касается исторіи, а описываетъ домашнія радости и печали своего народа. Особеннымъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользуются двѣ его поэмы: *Катерина*, посвященная В. А. Жуковскому на память 22-го апрѣля 1838 года, то есть дня выкупа г. Шевченка изъ крѣпостнаго состоянія, и *Наймичка*.

Въ «Катеринѣ» плѣнительны многія частности, хотя самый вымыселъ ея, можно сказать, дѣтски слабъ. «Любите, чернобровыя, только не москалей; москали — чужіе люди, насмѣхаются надъ вами. Москаль любить шутя — шутя и бросить. Уйдетъ къ себѣ въ Московщину, а дѣвушка пропадай.» Вотъ на какой узкой и жалкой мысли основана поэма.

Не слушала Катерина ни отца ни матери, и полюбила Москаля. Полюбила молодого, въ садочекъ ходила, пока не загубила себя и свою долю. Мать зоветъ ужинать, а дочь не слышитъ. Гдѣ гуляетъ съ москаликомъ, тамъ и заночуетъ. Не ночь не двѣ цаловала она карія очи. По всему селу пошла недобрая слава. А пусть себѣ злые люди говорятъ, что хотятъ! Катерина любить и не чувствуетъ, что близко горе. Пришли недобрыя вѣсти — затрубили въ походъ; москаль ушелъ въ Туречину... А Катю накрыли (общественная казнь дѣвушкамъ, уличеннымъ въ связи). А ей и горя мало, что коса покрыта. За мизаго и потужить все равно, что пѣсню спѣть. Обѣщался чернобровый, если не пропадетъ, воротиться.. Тогда Катерина будетъ московкой, забудетъ горе. А покажѣсть пусть толкуютъ люди, что хотятъ!

Прошло полгода, и у Катерины стало тяжело подъ сердцемъ... А скоро пришлось ей и дѣтскую люльку за печкой качать.

Катерино, сердце мое!
Лишенько съ тобою!
Де ти въ свѣті подінесся
Зъ малимъ сиротою?
Хто спитае, привітае,
Безъ мизаго въ свѣті?
Батько, мати — чужі люде,
Тяжко зъ ними жити.

Оправилась Катерина. Отворитъ оконце, поглядываетъ на улицу; качаетъ дитя да поглядываетъ... Все нѣтъ да нѣтъ... Неужто и не будетъ? Пошла бы въ садъ поплакать, да люди увидятъ. Зайдетъ солнце — Катерина ходитъ по садку, носить на рукахъ сына... «Вотъ тутъ я его поджидала; вотъ тутъ съ нимъ говорила... А тутъ... а тутъ... Ахъ, сыночекъ ты мой, сыночекъ!» — И досказать силы нѣту.

Зеленѣютъ въ садикѣ черешни и вишни. Какъ и прежде выходила, Катерина вышла. Вышла, но ужъ не поетъ, какъ прежде пѣла, когда москаля молодого подъ вишнею поджидала. А тѣмъ временемъ злые люди тѣшутъ свою волю — говорятъ недобрыя рѣчи. Что станешь дѣлать? Будь съ ней милый чернобровый, умѣлъ бы справиться. Но далеко онъ — не слышитъ, не знаетъ, какъ смѣются злые люди надъ его Катериной, какъ Катерина плачетъ. Можетъ быть и убить чернобровый за тихимъ Дунаемъ; а можетъ быть въ Московщинѣ своей любить другую: Нѣтъ, не убить онъ; живъ онъ и здоровъ. Да гдѣ жъ найдеть онъ такія глаза, такія черныя брови? Нѣтъ въ Московщинѣ, хоть изъ края въ край ее пройди, нѣтъ нѣгдѣ другой Катерины... А досталось горе на долю!... Умѣла мать черныя брови дать, карія очи; да не умѣла дать счастья. А безъ счастья лицо бѣлое — словно цвѣтикъ въ полѣ; печетъ его солнце, треплетъ его вѣтеръ, всякой захотѣлъ — и сорвалъ. Умывая же бѣлое лицо свое частыми слезами. Воротались москалики, да другую дорогой.

Въ этомъ прозаическомъ, хотя мѣстами почти буквальномъ пересказѣ исчезла музыкальная прелесть языка, стиха и рифмы; но и во немъ, кажется, можно получить нѣкоторое понятіе о поэтической свѣжести описаній, картинъ, разсказовъ г. Шевченки. Отрывокъ отъ стиха: «Катерино, сердце мое!» до стиховъ:

«Бо вернулись москалики
Иными шляхами,»

изложенный нами, кажется отрывкомъ изъ чудной народной пѣсни.

И такихъ мѣстъ не мало въ поэмѣ.

Не меньше прелести, по нашему мнѣнію, и въ началѣ второй главы, гдѣ отецъ и мать журятъ Катерину.

Сидитъ отецъ въ концѣ стола, на руки склонился; не смотритъ на свѣтъ Божій: тяжело пригорюнился. Около него старая мать сидитъ на скамьѣ, и сквозь слезы черезъ силу выговариваетъ дочери: «Что же свадьба, дочка моя? Гдѣ же твой женихъ? Гдѣ же сваты и дружки, гости и поѣзжане? Въ Московщинѣ, дочка моя! Ступай, ищи ихъ! Только не сказывай добрымъ людямъ, что есть у тебя мать. Въ проклятый часъ ты родилася. Кабы знала, утопила бы тебя въ тотъ же день. Досталась бы ты гадинѣ, только-бъ не москалю. Дочка моя, дочка моя, цвѣтикъ ты мой румяный! Какъ ягодку, какъ пташечку, любила я тебя, росла — на горе... Ахъ, дочка моя! что ты надѣлала?..

Иди жъ теперъ, ищи себѣ матери въ Москвѣ; моихъ рѣчей не слушала, такъ ея послушай. Иди, дочка, найди ея; найди ея, приласкайся. Будь счастлива въ чужихъ людяхъ; къ намъ не ворочайся! Не ворочайся, дитя мое, изъ дальняго краю.... А кто жъ мою головушку безъ тебя скоронить? Кто заплачетъ надо мною, какъ дитя родное? Кто посадить на могилѣ красную калину? Кто безъ тебя душу грѣшную поминать будетъ? Дочка моя, дочка моя! дитя мое милое! иди отъ насъ!»

Благословила да и упала замертво. Отецъ тоже говорить: «Что жъ стоишь, несчастная?» Зарыдала Катерина и бухъ ему въ ноги.

«Прости мині, мій батечку,
Що я наробила!
Прости мині, мій голубе,
Мій соколе милій!»
— «Нехай тебе Богъ прощае
Та добрі люде;
Молнсь Богу та йди собі —
Мині легше буде.»

Черезъ силу встала Катерина, поклонилась, вышла молча изъ хаты; и остались сиротами старый отецъ и мать. Пошла она въ садикъ вишневый, Богу помолилась, взяла земли подъ вишнею, на крестъ навязала; промолвила: «Не вернусь! Въ далекомъ краю, въ чужую землю чужіе люди меня скороняютъ; а своей земли щепотка надо мною ляжетъ и расскажетъ чужимъ людямъ про горе мое да про бездолье.»

Вышла Катерина изъ села. Слово тополь, стала въ полѣ у битой дороги; какъ роса передъ разсвѣтомъ закапали слезы. За слезами за горькими и свѣта не видитъ; только сына обнимаетъ, цѣлуетъ да плачетъ. А онъ-то, какъ ангельчикъ, ничего не знаетъ, крохотными рученьками ищетъ родной груди. Сѣло солнце, за дубравой небо покраснѣло. Утерлась она, пошла дальше... вотъ и изъ глазъ пропала. Въ селѣ долго говорили много всякаго зла про Катерину; но не слышали ужъ тѣхъ рѣчей ни отецъ, ни мать.

Такъ-то на свѣтѣ дѣлаютъ люди съ людьми! Того вяжутъ, того рѣжутъ, а тотъ самъ себя губить.... А за что? Богъ знаетъ. Свѣтъ и широкъ, кажись, а нѣту въ немъ и уголка одинокому. Тому судьба дала простору, что краю не видно, а другому оставила лишь мѣстечко, куда скоронить. Гдѣ же тѣ люди, гдѣ же тѣ добрые, что сердце собиралось жить съ ними, любить ихъ? Пропали, пропали!

Глава эта заключается слѣдующими удивительными стихами, которымъ, вѣроятно, суждено стать любимю народною пѣсней. Приводимъ ихъ въ подлинникѣ, такъ-какъ никакой переводъ не можетъ дать о нихъ приблизительнаго понятія.

Есть на свѣті доля,
 А хто її знае?
 Есть на свѣті воля,
 А хто її мае?
 Есть люде на свѣті —
 Срібломъ-златомъ ссяють,
 Здаецця, панують,
 А доли не знають, —
 Ні долі, ні волі!
 Зъ нудьгою та зъ горемъ
 Жупанъ надівають,
 А плакати — соромъ.
 Возьміть срібло-злото
 Та будьте багаті,
 А я візьму слези —
 Лихо виливати;
 Затоплю недолю
 Дрібними слезами,
 Затопчу неволю
 Босими ногами!
 Тоді я веселий,
 Тоді я багатий,
 Якъ буде серденько
 По волі гуляти!

Мы не станемъ продолжать подробнаго изложенія всей поэмы г. Шевченка. Намъ хотѣлось указать въ ней лучшія мѣста; но они въ ней такъ часты, что пришлось бы большую часть поэмы привести цѣликомъ. Гораздо легче указать недостатки. Собственно въ рассказѣ, впрочемъ, и ихъ очень немного. Рѣдко-рѣдко мелькнетъ неловкій или лишній стихъ, попадетъ неточное выраженіе. Если бъ не изысканный, рутинный конецъ, къ которому, впрочемъ, и не трудно было придти, задавшись такимъ содержаніемъ, поэма г. Шевченка была бы безукоризненна.

Но и по бѣглому рассказу слѣдующихъ за уходомъ Катерины изъ дому событій можно судить, какъ неловко составленъ планъ поэмы и сколько въ немъ допущено избытыхъ и неестественныхъ положеній.

Вотъ въ чемъ заключается дальнѣйшая судьба Катерины. Она идетъ съ сыномъ въ Московщину, останавливается на ночлегъ, и узнаетъ, что идутъ изъ похода москаля. Она бросается

къ нимъ; спрашиваетъ, гдѣ старшій; узнаетъ своего милаго; проситъ и молитъ взять ее съ собой; тотъ же хочетъ знать ея; она бѣжитъ за сыномъ въ хату, чтобы хоть этимъ разжалобить измѣнника; но пока она ходитъ, отецъ уѣзжаетъ. Дѣю кончается тѣмъ, что съ горя Катерина кидается въ прорубь, а малютка ея попадаетъ въ руки къ кобзарю, съ которымъ ходитъ, питаясь людскимъ подаваніемъ. Еще изысканнѣе, чѣмъ случайная встрѣча Катерины съ москалями, встрѣча ея сироты съ отцомъ. Онъ шелъ съ кобзаремъ въ Кіевъ, и на встрѣчу имъ попался барскій экипажъ шестернею. Въ экипажѣ сидѣлъ баринъ съ барыней. Мальчикъ подбѣжалъ, прося милостыни. Барыня дала ему грошъ.

«А павъ глянувъ... одвернувся..
 Пізнавъ препоганій,
 Пізнавъ тії карі очи,
 Чорні бровенята..
 Пізнавъ батько свого сина,
 Та не хоче взяти.»

Затѣмъ экипажъ уѣзжаетъ, покрывая пылью и кобзаря и мальчика.

Безъ многихъ разсужденій ясно, какими живыми нитками спито содержаніе «Катерины», и, восхищаясь чудно-поэтическими красотою отдѣльныхъ сценъ и мотивовъ ея, вдвое негодуетъ на странную и нехудожественную постройку цѣлаго.

Зато слѣдующая поэма г. Шевченка: *Наймичка*, есть, по нашему мнѣнію, высоко художественное, стройное и прекрасное произведеніе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Достаточно одного такого произведенія, чтобы оставить по себѣ надолго неувядающую память.

Вотъ въ чемъ содержаніе «Наймички».

«Бувъ собі дидь та баба», начинается г. Шевченко свою повѣсть, какъ начинаются почти всѣ украинскія сказки. У нихъ не было дѣтей и они очень горевали, что не на кого имъ порадоваться въ домѣ подъ старость.

Тяжко дітей годувати
 У безверхій хаті,
 А ще гірше старітися
 У білихъ полатахъ, —
 Старітися, умірати,
 Добро покидати
 Чужимъ людямъ, чужимъ дітямъ
 На сміхъ, на рострату.

Случай неожиданно утѣшилъ ихъ. Имъ подкинули младенца. Настасья и Трофимъ обрадовались несказанно, окрестили спроту и назвали Маркомъ. Не могутъ на него натѣшиться старики — не знаютъ, куда его дѣть; гдѣ положить, куда посадить и что съ нимъ дѣлать.

Прошелъ годъ, и пришла на хуторъ наниматься въ работницы чернобровая, бѣлолицая молодница. «А что! возьмемъ, Настя!» говоритъ Трофимъ. — «Возьмемъ, Трофимъ!» говоритъ жена. «Хоть и подросло дитя, а все за нимъ уходу много.»

Сторговались. Молодница рада-радехонька, словно съ паномъ повѣнчалась. Хлопочетъ и суетится она и въ хатѣ и на дворѣ, а пуще всего около дитяти. Холитъ его, тѣшитъ его; поетъ ему, играетъ съ нимъ, и съ рукъ не пускаетъ. Старики не нахвалятся ею. Только каждый вечеръ она, бѣдная, проклинаетъ свою долю и горько-горько плачетъ. Но никто того не знаетъ, никто не видитъ, кромѣ маленькаго Марка. И онъ не знаетъ, отчего нянька умываетъ его слезами; не знаетъ Марко, отчего она такъ его дѣлуетъ; сама не съѣстъ и не допьетъ, а его накормитъ; не знаетъ Марко, что какъ случится ему подчасъ шевельнуться ночью въ колыбелькѣ, она сейчасъ и вскочитъ, и перекреститъ его, и тихо укачаетъ. Какъ проснется Марко, тянется ручонками къ Ганнѣ и называетъ ее мамою. И растетъ дитя, и вырастаетъ.

Прошло немало лѣтъ, немало воды утекло. Старикъ Трофимъ овдовѣлъ, и самъ чуть не умеръ съ горя. А Марко ужъ чумакуетъ; пора ему и жениться. Высватали ему невѣсту. Трофимъ только о томъ и горевалъ, что не дожидла до этого семейнаго праздника его Настя.

«Хто въ насъ буде мати?»

.....

Та й залився слезами.

А наймичка, у порогу,

Вхопилась руками

За одвірокъ, та й зомліла.

Тихо стало въ хаті;

Тільки наймичка шептала:

«Мати... мати... мати!»

Стали свадьбу готовить. Марко сталъ-было просить Ганну быть ему посаженной матерью; но она на отрѣзъ отказалась: «Вы-де люди богатые, а я наймичка — всѣ смѣяться будутъ. Пойду лучше помолюсь всѣмъ святымъ въ Кіевѣ, а потомъ опять вернусь къ вамъ въ хату, если примете. Пока есть силы, по-

тужусь...» Благословила она своего Марка, заплакала и вышла изъ воротъ.

Безъ нея съиграли свадьбу, и какъ воротилась она, встрѣтили и приняли ее молодые, какъ мать родную. «За что они меня любятъ? за что уважаютъ? Боже ты мой милосердый! Можетъ, они знаютъ. Можетъ, они догадались. Нѣтъ, не догадались; добры они...» И наймичка горько зарыдала.

Ужъ у Трофима и внучки есть... Ганна все живетъ въ хатѣ, и все-то ходитъ въ Кіевъ Богу молиться. Когда уходитъ она, жена Марка, провожая ее, проситъ, чтобы скорѣе она возвращалась, что безъ нея грустно въ хатѣ, словно мать изъ хаты ушла.

Разъ пришла Ганна съ богомолья совсѣмъ больная, и слегла въ постелю. Марка въ ту пору дома не было. Уѣхалъ онъ куда-то далеко съ обозомъ. Все больше и больше разнемогалась наймичка, и только и молила Бога, чтобъ дожидаться ей возврата домой Марка, чтобы еще разъ увидаться съ нимъ.

Идетъ Марко съ чумаками, идетъ, распѣваетъ, и не торопится. Всѣмъ везетъ онъ много подарковъ; а того не знаетъ, что дѣлается дома.

Пришелъ онъ, поздоровался со всѣми, спрашиваетъ, гдѣ Ганна, и жена ведетъ его къ больной.

Вошелъ Марко въ горницу, и пролепетала больная: «Слава... слава Богу! Подойди ко мнѣ... А ты, Катя, выйди. Надо мнѣ его кой о чемъ спросить, надо ему кой-что рассказать.»

Вышла Катерина, а Марко наклонился къ изголовью наймички. «Марко! посмотри, посмотри ты на меня: что со мною сталося? Я вѣдь не Ганна, не наймичка; я...» Да и смолкла. Марко плачетъ и дивится. Опять она открыла глаза, и покатились у нея слезы.

«Прости мене! Я каралась
Весь вѣкъ въ чужій хаті...
Прости мене, мій смичку!
Я... я твоя мати.»
Та ѿ замовила...

Зомлівъ Марко,
Й земля задрижала.
Прокинувся... до матери —
А мати вже спала!»

Эта полная чувства и поэзіи простота, которою отъ первой строки до послѣдней проникнута «Наймичка», свидѣтельствуется

о высокой художественной зрѣлости поэта. Съ такою же простотой встрѣчались мы и во многихъ прелестныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ г. Шевченка, написанныхъ имъ въ послѣднее время. Не знаемъ, почему въ «Кобзарѣ» не нашли мы ихъ. Впрочемъ, полный ихъ сборникъ составилъ бы книжечку не меньше той, которая издана теперь, и насъ можетъ-быть ждетъ еще наслажденіе вскорѣ опять читать новое собраніе стихотвореній украинскаго поэта.

Мы слышали, что предпринимается изданіе стихотвореній г. Шевченка въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Сколько помнимъ, г. Шевченка переводили гг. Мей, Гербель, Плещеевъ, Бергъ. Вотъ кстати ненапечатанный переводъ одной изъ балладъ:

Иванъ Подкова.

I.

Было время — по Украйнѣ
 Пушки грохотали.
 Было время — запорожцы
 Жили-пировали.
 Пировали, добывали
 Себѣ славы, воли.
 Все-то минуло — остались
 Лишь могилы въ полѣ,
 Тѣ высокія могилы,
 Гдѣ лежитъ зарыто
 Тѣло бѣлое казачье,
 Китайкой повито.
 Тѣ высокія могилы
 Чернѣютъ какъ горы,
 Да про волю съ вѣтромъ въ полѣ
 Ведутъ разговоры.
 Славу дѣдовскую вѣтеръ
 По полю разноситъ...
 Внуку услышитъ — пѣсню сложитъ,
 И съ той пѣсней коситъ.
 Было время — на Украйнѣ
 Въ пляску шло и горе:
 Какъ вина да меду вдоволь —
 По колѣна море!
 Да, жилось когда-то славно
 У насъ на Украйнѣ!
 Даже вспомнить-то, такъ сердцу
 Словно легче станеть.

II.

Встала туча надъ Лиманомъ,
 Солнце заслоняеть;
 Лютымъ звѣремъ оице море
 Стояеть, задвываетъ.
 Дѣбрь надулся. «Что жъ, ребята,
 Время мы теряемъ?
 Въ лодки! море расходилось...
 То-то погуляемъ.»
 Высыпали запорожцы.
 Весь Лиманъ покрыли
 Ихъ ладьи. «Играй же, море!»
 Волны заходили
 Вкругъ что горы, и не видно
 Ни земли, ни неба.
 Сердце ноеть; казакамъ же
 То-то и потѣха.
 Плывуть себѣ, распѣвають...
 Чайка вкругъ порхаетъ...
 Атаманъ въ передней лодкѣ —
 Ведеть, куда знаетъ.
 Ходить вдоль по лодкѣ; трубка
 Въ зубахъ догорѣла;
 Самъ туда-сюда все смотритъ:
 «Гдѣ-то будетъ дѣло?»
 Черный усъ свой закрутилъ онъ,
 За ухо чуприну;
 Поднявъ шапку — лодки стали...
 «Сгинь ты, вражья сила!»
 Поплывемте не къ Синопу,
 Братцы атаманъ;
 А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
 Къ самому султану.»
 «Ладно, батька!» загремѣло.
 «Ну, спасибо, братцы!»
 И накрылся. Вновь горами
 Волны громоздятся...
 И опять онъ вдоль по лодкѣ
 Ходить, не садится;
 Только молча, исподлобья
 На волну коется.

Къ новому изданію «Кобзаря» приложенъ прекрасно нарисованный г. Микѣшинымъ и прекрасно вырѣзанный г. Гогенфельденомъ, очень похожій портретъ г. Шевченка.

М. Л.

Сочиненія Подолинскаго. Двѣ части. Спб. 1860 года.

Какъ бы грустно ни раздавался въ душѣ нашей скептической голось на счетъ русской литературной дѣятельности по отношенію ея къ обществу, какъ ни досадно было бы сознать намъ, что русская сатира, русская обличительная литература во второй половинѣ нашего вѣка преслѣдуетъ тѣже общественные пороки, тѣже нравственныя отклоненія, какія были за сто лѣтъ у насъ, все же нѣкоторыя явленія этой литературы, изданіе наприимѣръ въ настоящемъ году вновь стихотворныхъ произведеній г. Подолинскаго, поэта, начавшаго дарить своими звуками и приемами русскую публику тридцать четыре года тому назадъ, даетъ намъ право заключать положительно, если не о дѣйствительномъ развитіи общественнаго сознанія въ эти годы, то о замѣненіи въ русской поэзій старыхъ и никуда негодныхъ идеаловъ новыми, полными жизни. Новое, изящное изданіе поэтическихъ трудовъ Подолинскаго наводитъ мысль на выгодное для общества и невыгодное для поэта сравненіе. Вновь перебравъ всѣ струны этой лиры, такъ молодо и громко когда-то звучавшей, вновь прослушавъ эти гармоническіе, но къ сожалѣнію безъ всякаго дѣйствительнаго содержанія звуки и сравнивъ съ этими неопредѣленными представленіями то, что волнуется и мучитъ насъ въ современности и что находитъ теперь выраженіе въ поэзій, мы заговоримъ гордо объ успѣхѣхъ и развитіи, о болѣе глубокомъ содержаніи, о болѣе здоровыхъ и дѣйствительныхъ идеалахъ и можетъ быть съ грустнымъ упрекомъ сожалѣнія отзовется о самомъ поэтѣ, явившемся въ наше современное собраніе въ смѣшномъ теперь костюмѣ тридцатыхъ годовъ и сыплющемъ передъ нами фразами блаженнаго романтическаго времени. Дѣйствительно странна и неумѣстна эта поэзія въ то время, когда людямъ совсѣмъ не до поэзій, когда намъ некогда толковать, какъ толковала критика въ годы начальной поэтической дѣятельности г. Подолинскаго: «о свѣжести въ стихахъ, о ровности въ разсказѣ, о постепенности въ переходахъ, о точности въ языкѣ», разбирать поэтическій языкъ г. Подолинскаго: «нѣтъ ли въ немъ насильственныхъ оборотовъ, изысканныхъ выраженій, непріятнаго сочетанія словъ чисто-русскихъ съ славянскими» или отыскивать въ немъ стихи прозаическіе. Въ то время критика, бывшая совершенно по плечу тогдашней поэзій, такъ и смотрѣла на нее. Раичъ, знаменитый переводчикъ Тасса и издатель журнала «Галатея», былъ вполне увѣренъ, что «Дивъ и Пери», «прекестный плодъ Музы г. По-

долинскаго», обнаруживаетъ въ немъ самообытность и самостольность поэтическаго гения (!). «Отъ него мы вправѣ надѣяться всего прекраснаго, говорить тотъ же современный поэту критикъ, тономъ г. Погодина въ знаменитомъ диспутѣ съ профессоромъ Костомаровымъ; за это ручаются его скромность и примѣтное желаніе учиться, совершенствоваться. Дарите, г. Подолинскій, чаще дарите насъ душистыми цвѣтами, которые вы такъ счастливо умѣете собирать на Парнассѣ». И г. Подолинскій дарилъ періодически въ журналахъ этими «душистыми цвѣтами», поэтическими игрушками и бездѣлушками, звучными какъ колокольчики и пустыми какъ они, игрушками изъ мишуры и фальшиваго золота, яснымъ и законченнымъ, но безъ содержанія стихомъ.

Въ лучшіе годы извѣстности г. Подолинскаго, въ эти тихіе, спокойные тридцатые годы, когда, за немѣнѣишемъ ничего лучшаго и дѣйствительнаго, въ нашей литературѣ раздавались только безплодные толки о классицизмѣ и романтизмѣ, публика обливалась слезами надъ «Чернецомъ» Коллова или надрывалась отъ смѣху надъ похождениями Ивана Выжигина, когда въ русской наукѣ самымъ живымъ вопросомъ былъ вопросъ о происхожденіи варяго-руссомъ, процвѣтала такъ называемая *романтическая школа*. Она была конечно не вредна въ туманной области поэзіи; здѣсь даже она принесла пользу, расширивъ предѣлы поэтическаго міросозерцанія, но на жизнь имѣла она губительное дѣйствіе, разорвавъ связь ея съ дѣйствительностію и окруживъ ее туманною атмосферою ненужныхъ и нелѣпыхъ представленій. Эти юноши, заучивавшіе наизусть стихи г. Подолинскаго и другихъ великихъ романтиковъ нашихъ, жившіе постоянно въ душномъ экзотическомъ воздухѣ мечты, выходили въ жизнь съ такимъ вывихомъ, какой не вылѣчивали потомъ долгіе и скорбные годы опыта и дѣйствительная жизнь, въ которой и тѣни не было романтическихъ бредней. Романтическая школа отшибала ихъ на всю жизнь еще въ дѣтствѣ, какъ вянька Ляпкина-Тяпкина, и отъ нихъ всегда потомъ несло водкой романтики: розами, фіалками и прочими невинными благоуханіями. Но, странное дѣло, — и поставимъ это въ честь широтѣ и глубинѣ русской природы — тогдашнее общество представляетъ намъ чрезвычайно мало трагическихъ коллизій, повидимому необходимыхъ при такомъ разладѣ жизни дѣйствительной и ея духовнаго содержанія. Русскіе люди умѣютъ скоро и удобно примиряться со всякой средой, со всякою сферою жизни,

и противорѣчіе между романтической поэзіею и неромантической жизнію не мучило и не тревожило ихъ. Романтическіе стихи были десертомъ для помѣщичьихъ обѣдовъ, нектаръ и амброзія поэзіи заѣдались жирными деревенскими пирогами; эпикуреизмъ, барство и тяжелый сонъ соединялись въ какую-то татарскую смѣсь съ возвышеннымъ познаніемъ въ поэзіи, и если дѣйствительному и живому поэту, поэту дѣла, а не фразы удавалось вывести въ литературу нисколько не подкрашенные лица, а настоящіе типы, какіе даются жизнію, то эти странныя лица, съ которыми умѣли такъ легко примириться въ жизни, въ литературномъ царствѣ, населенномъ эльфами, ундинами и разнымъ романтическимъ вздоромъ, вызывали брань и осужденіе со всѣхъ сторонъ. Ревизоровскіе типы приобрѣли при своемъ появленіи творцу ихъ не славу великаго поэта, а крики осужденія романтической школы, сладкій сонъ которой былъ нарушенъ звуками проснувшейся жизни. Въ этомъ обществѣ, гдѣ парадировали рыцари-ротмистры Марлинскаго, фразистые и бѣдные содержаніемъ, герои романтики, странно было бы требовать пониманія жизни и участія къ ней. Поэзія г. Подолинскаго также далека отъ жизни, какъ и поэзія учителя его, великаго отца русской романтики — Жуковскаго. Дальше содержанія и мотивовъ послѣдняго г. Подолинскій не пошелъ.

Извѣстность доставила ему еще въ 1826 году поэма «Дивъ и Пери», написанная чрезвычайно звучными и гладкими стихами. Не будь въ русской литературѣ перифразированной изъ Мура Жуковскимъ поэмы «Пери и Ангелъ» (*Paradies and the Peri*), не явилась бы въ свѣтъ и поэма г. Подолинскаго. Сродство ихъ и взаимное отношеніе очевидны. Но какое же отношеніе къ тогдашней русской жизни, глубоко-прозаической, страшно не развитой, могли имѣть всѣ эти поэтическіе образы зороастровый религіи, съ которыми познакомили читающую публику Европы англійскій поэтъ Томасъ Муръ. Въ Европѣ, при ея старомъ развитіи, при ея вѣковомъ образованіи, въ которое входили элементы всѣхъ странъ и вѣковъ, при ея богатой литературѣ, перепробовавшей всѣ струны, намъ легко понять ея эклектизмъ, насъ не поражаютъ такія явленія, какъ Восточно-западный Диванъ старика Гёте или Лалла-Рукъ Мура. Въ Германіи недостатокъ дѣйствительной политической жизни, филистерская ничтожность среднихъ классовъ, отчужденіе и ненародность высшихъ, простой народъ безъ признаковъ еще существованія, могли вызвать въ концѣ XVIII вѣка и школу веймарскихъ идеалистовъ

и романтическую школу Шлегелей и К°. Это было естественное и необходимое бѣгство изъ жизни, неудовлетворявшей поэтическому созерцанію. Чего и чего не писали тогда и въ какія страны, въ какія эпохи не метались поэты! Частію это была и ученая поэзія, вызванная развитіемъ науки, напрімѣръ новымъ знакомствомъ съ Востокомъ. Для германской литературы это было существенное обогащеніе; съ ея космополитическими свойствами, она была вездѣ какъ дома и умѣла все усвоивать себѣ. Тамъ легко понять стихотворенія и поэмы въ антологическомъ, восточномъ, какомъ угодно духѣ. Нѣмецкая поэзія передаетъ поэтическія созданія всевозможныхъ народностей. Явленіе большихъ восточныхъ поэмъ «Лалла Рукъ» и «Любовь Ангеловъ» Томаса Мура также точно понятно въ богатой и разнообразной литературѣ Англіи, особенно если вспомнимъ историческія отношенія Великобританіи къ Азіи. Въ концѣ прошлаго вѣка совершились тѣ завоевательные подвиги Клейва и Гастингса, которые открыли англичанамъ незнаемый, но громадный, волшебный міръ Индіи съ неслыханными фантастическими богатствами. Множество ученыхъ англійскихъ ориенталистовъ: Ричардсонъ, Джонсъ, Вильсонъ, Кольбрукъ познакомили англійскую публику съ духовнымъ содержаніемъ таинственнаго восточнаго міра прямо изъ источниковъ, и Муру оставалось только этотъ знакомый уже образованной части общества англійскаго восточный міръ перестроить на западный романтическій ладъ, сокращая совершенно вѣрно восточный колоритъ, въ чемъ отдаетъ ему полную справедливость Байронъ, знавшій отчасти Востокъ. Кромѣ того такая поэма Мура, какъ «Поклонники огня» (the Fire worshippers) умѣла художественнымъ образомъ представить современное сознаніе свободы и оттого она имѣетъ не одно только художественное значеніе.

Эта восточная мнелогія, которую г. Подолинскій внесъ въ русскую поэзію, была также бѣгствомъ изъ жизни въ тридцатыхъ годахъ нашего развитія, но явилась не тѣмъ естественнымъ путемъ, какимъ явилась она въ литературахъ Запада, а чисто подражательнымъ образомъ, съ чужаго голоса. Нигдѣ не могло быть болѣе рѣзкой противоположности, какъ въ тогдашней русской жизни и поэзіи г. Подолинскаго. А между тѣмъ русскіе юноши, русскія барышни сочувствовали страданіямъ Пери, безпріютной изгнанницѣ летающей между небомъ и землей; они сожалѣли о ней когда она дѣлалась плѣнницей мрачнаго Дива и восхищались любви къ ней послѣдняго, просвѣтляю-

щей и искупляющей его. Этими образами, переданными въ красивыхъ стихахъ, съ звучными приемами, которыя легко ложатся въ память, г. Подолинскій началъ свою поэтическую дѣятельность. Она очевидно вызвана была Муромъ въ переводѣ Жуковскаго, но пришлось по вкусу тогдашней, романтически настроенной публики и сдѣлала его однимъ изъ любимыхъ второстепенныхъ поэтовъ нашихъ. Онъ самъ вѣрилъ въ долговѣчность этихъ чуждыхъ намъ восточныхъ представленій; онъ убѣжденъ былъ въ дѣйствительности и въ значеніи ихъ до того, что черезъ много лѣтъ послѣ перваго опыта, онъ вновь обратился къ нимъ и тѣми же звучными стихами рассказалъ «Смерть Пери», съ такимъ же блѣднымъ романтическимъ содержаніемъ. Гангесъ и Индъ, Иорданъ и Ливанъ, Нилъ и статуя Мемнона, Пирамиды и Меридово озеро, тронъ Аллы и звуки эдемскихъ арфъ, и сонмы тоскующихъ отверженныхъ ангеловъ, вся эта поэтическая эрудиція насильственно вошедшая въ русскую поэзію, были разсыпаны щедрою рукою въ этой поэмѣ, куда уносилось русское воображеніе изъ очень прозаическаго міра, представляющаго на каждомъ шагу пень да колоду. Поэтъ изъ этого міра звалъ въ волшебное жилище духовъ; онъ говорилъ:

«Тамъ природа — чудный сонъ;
 Намъ не свѣтитъ небосклонъ,
 Но окрестныхъ екаль вершины,
 Изумруды и рубины,
 Свѣтомъ яркаго огня
 Пламень солнца замѣня,
 Насъ радужнымъ блескомъ что — день осыпаютъ;
 Когда же вечерней порой потухаютъ,
 Свѣтъ лунный струится изъ лона цвѣтовъ
 И блещутъ лампы ночныхъ мотыльковъ.»

Жрецы истиннаго искусства, проповѣдники теоріи искусства для искусства непременно должны быть въ восторгѣ отъ такой поэзіи, которая дѣйствительно такъ далека отъ жизни и творить только въ собственное свое удовольствіе, тѣпась звуками и образами, какъ ребенокъ игрушками. Но намъ, людямъ не желающимъ разрыва поэзіи съ дѣйствительностію, знающимъ какъ губительно дѣйствуютъ на жизнь мечтательные образы безъ реальнаго содержанія, поэзія г. Подолинскаго сильно не по сердцу. Къ счастью, какъ мимолетное эхо чужаго голоса, она прозвучала безслѣдно; теперь она уже никого не взволнуетъ, не увлечетъ изъ міра настоящихъ страданій и настоящей борьбы

въ туманную область мечтаний. Нападать на нее, бороться съ нею было бы Донъ-Кихотствомъ. Этотъ пересаженный романтизмъ не пустилъ глубокихъ корней въ русскую почву. Правда онъ испортилъ нѣсколько русскихъ поколѣній, но вѣдь не онъ одинъ былъ причиною порчи. Его исторія совѣмъ не похожа на исторію германскаго романтизма, съ которымъ до-сихъ-поръ приходится еще воевать нѣмецкой критикѣ. Успокойся за русскую жизнь по отношенію къ русскому романтизму. Не разъ приходилось ей наряжаться въ чужія формы и щеголять въ нихъ какъ въ своихъ собственныхъ; онѣ не пристають однакожъ къ ней на долго и она умѣетъ съ ними также легко проститься, какъ съ маскараднымъ платьемъ.

Кромѣ восточной мнелогіи, опредѣлившей надолго поэзію г. Подолинскаго, силуэты байроновскихъ героевъ, съ ихъ губительными страстями, съ ихъ бесплоднымъ эгоизмомъ, въ жертву котораго они приносятъ все окружающее, ставя себя нормою, дѣйствительностію, отразились также въ его поэзіи, конечно въ сглаженномъ, уменьшенномъ видѣ, съ другими размѣрами и мелкими стихами. Какъ тамъ Жуковскій былъ взятъ за образецъ, такъ здѣсь Баратынскій, но ужъ никакъ не самъ Байронъ «Борскій», это тотъ же Артемій Баратынскаго, только въ нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ жизни. Юноша Борскій влюбляется въ дѣвицу, но отецъ его не хочетъ согласиться на этотъ бракъ, потому что «родъ Борскихъ былъ униженъ отцемъ Елены» и грозитъ ему проклятіемъ даже изъ гроба, если онъ не побѣдитъ своей страсти. Это-то проклятіе отцовское и составляетъ трагическое *fatum* поэмы и даетъ ей кровавую развязку. Какъ Чайльдъ-Гарольдъ, бѣжитъ Борскій изъ родины и странствуетъ по бѣлому свѣту. Но Чайльдъ-Гарольдъ живетъ и страдаетъ страданіями цѣлыхъ народовъ; онъ сочувствуетъ всему, что только можетъ вызвать къ себѣ сочувствіе; его стонъ — это стонъ Европы въ тяжелые, глухіе годы бурбонской реставраціи. Нашъ же Борскій, блѣдный скололъ байроновскаго героя

Полмира грустный гражданинъ,
Безъ цѣли шель онъ въ край изъ края,
И на развалинахъ Аовинъ
Стоялъ, о Свѣрль мечталъ,

именно въ то время, когда тамъ сосредоточивалась кипучая дѣятельность края, возставшаго на борьбу за независимость. Это типъ тогдашняго русскаго романтика, неспособнаго ни на какое благородное дѣло, кромѣ пустой фразы.

Послѣ такого полезнаго путешествія, Борскій возвращается на родину, гдѣ въ его отсутствіе умеръ отецъ его, бывшій помѣхою для любви сына. Прекрасная Елена осталась вѣрною Борскому; она тоскуетъ и ждетъ, ждетъ и тоскуетъ. Любовники свидѣлись и прежняя страсть возобновилась. Борскій забываетъ грозящее ему несчастіемъ проклятiе отца, и бракъ соединяетъ любящихся. Герой нашъ, не смотря на свою разочарованность, очаровывается вновь и влюбляется въ Елену: русская романтическая разочарованность, русскій байронизмъ источникомъ своимъ имѣли только любовь, и дальше этого чувства не шли; оно опредѣляло ихъ:

Кто рано жизнью утомленъ,
 Страстями жаркими измученъ,
 Тотъ сердцемъ къ жизни охлажденъ
 И съ тайной грустью неразлученъ;
 Онъ долго ищетъ, гдѣ нибудь,
 Душой усталой отдохнуть,
 Ему все дико, чуждо станетъ,
 Разлюбить онъ людей и свѣтъ,
 И онъ въ порѣ своей увянетъ,
 Какъ въ ранній холодъ поздній цвѣтъ;
 Но, если въ грудь его прольется
 Вновь чувства свѣтлаго струя,
 Въ душѣ родное отзовется, —
 Онъ снова чувству предастся —
 И сердце дѣль его судьба!

Но Борскій, какъ истинный романтикъ, не можетъ быть доволенъ соединеніемъ съ женщиной, страстно и долго любимой имъ; подъ вѣнцемъ онъ чувствуетъ страхъ въ душѣ; взоръ его, устремленный на жену — мраченъ и болѣзненъ; поцѣлуй новобрачной его тревожитъ и смущаетъ... Отчего такой разладъ въ дѣйствіяхъ и ощущеніяхъ героя? Оттого что герой этотъ, не смотря на то, что постоянно становится на ходули, что мелодраматически толкуетъ о душевной силѣ своей — пустой актеръ, съ желкою и ничтожною душонкою, боящійся призраковъ, пугающійся фантастическаго проклятiя. Молодую жену естественно приводитъ въ грусть и раздумье такое странное обхожденіе мужа, а онъ въ этой печали жены отыскиваетъ скрытую причину, мучится сомнѣніемъ и подозрѣніемъ, находитъ пріятныя мнимаго преступленія. Супруги-романтики начинаютъ портить жизнь взаимными упреками, взаимной ревностью. Разъ въ лунную ночь, Елена подымается съ постели, идетъ къ открытому

окну и шепчетъ слова, которыя кажутся Борскому призывомъ счастливаго соперника. Онъ вскакиваетъ въ бѣшенствѣ, бѣжитъ.

«Стои! грянулъ голосъ, — стои! не далѣ!»
 И вдругъ блеснуло лезвее,
 И кровь Елены на кинжалѣ —
 И рана въ сердцѣ у нее!

Въ этомъ видѣли тогда высокія страсти, сильныя порывы. Окровавленный и полуногой убійца бѣжитъ къ сельскому священнику, необходимому лицу романтическихъ поэмъ, выводившихъ миръ и безстрастіе какъ контрастъ волненію страстей. Пустыинникъ говоритъ ему, открывая истину:

твоя жена
 Невинна! Знай: — была она —
 Лунастикъ....

чего Борскій, какъ настоящій романтикъ, не смотря на долгіе годы любви, не смотря на брачную жизнь, не зналъ!! Замершій трупъ его нашли весною не далеко отъ елениной могилы. Такъ окончилъ свою ненужную жизнь этотъ романтическій герой, а когда-то онъ нравился, когда-то возбуждалъ къ себѣ участіе. Его пустыя, но звучныя тирады перечитывались съ эмфазою, съ обычною декламаціею, употребительною въ тридцатыхъ годахъ.

Особенное достоинство поэзіи г. Подолинскаго есть вѣра въ тѣ начала, въ тотъ романтизмъ, которыми онъ началъ свою дѣятельность. Онъ упорно держится старыхъ преданій, онъ не хочетъ разстаться съ мечтами своей молодости, не смотря на то, что жизнь обогнала ихъ, что морщины говорятъ о старости. Не вѣрьте романтикамъ, когда говорятъ они, что много пережили и много выстрадали; дѣлкая привязанность къ однимъ и тѣмъ же идеаламъ говоритъ совершенно о противномъ; они были капризными дѣтьми и такими останутся на всю жизнь; бесплодное отношеніе къ жизни вызываетъ въ нихъ однообразныя жалобы на охлажденіе, на усталость, но эти чувства имъ любы: это старый истертый халатъ, съ которымъ они ни за что не разстанутся. Если имъ въ жизни удастся когда-либо полюбить романтически женщину — они всю жизнь носятъ съ этою любовію, они смотрятъ на свою возлюбленную, какъ на Перя или Уядину, тогда какъ давно уже она успѣла сдѣлаться рылою купчихой, прозанческой любовницею какого-нибудь пьянаго чиновника. Такъ и романтическая муза г. Подолинскаго

осталась такою же, какою была тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Она напоминаетъ намъ романтическую барышню, съ годами сдѣлавшеюся сморщенной старой дѣвой, но все еще съ прежними вздохами, съ прежнимъ молодымъ трепетомъ рождающейся въ своихъ сердечныхъ воспоминаніяхъ, перебирающей завитые высушенные цвѣты и пожелтѣвшія записочки. Легенда «Панъ Бурлай», которою теперь дарить читателей г. Подолинскій, судя по свойству его таланта, могла быть написана и теперь или въ началѣ его поэтической дѣятельности и сохраниться въ портфели поэта до настоящаго изданія: такъ твердо вѣрится онъ въ старые мотивы. Написать подобную поэму въ наше время можетъ только неисправимый романтикъ. Бурлай — польскій панъ на Волини, удалецъ и забіяка, котораго вся жизнь проходитъ въ грабежъ и кутежъ, какъ въ XVII вѣкѣ. Его преступленіе, роковая причина его гибели, заключается въ томъ, что онъ въ пылу молодечества прострѣливаетъ глаза иконы. Вся легенда рассказана романтически, не такъ какъ народъ, передаетъ подобныя созданія своей набожной фантазіи. Панъ пируетъ въ гостяхъ у знаменитаго волшебника Твардовскаго, гонится за красавицей-русалкой, увлекающей его въ пропасть, гдѣ онъ и погибаетъ за свое преступленіе. Шайкѣ удалецевъ пана является старецъ-угодникъ, въ образъ котораго онъ такъ безразсудно выстрѣлилъ, и указываетъ имъ обгорѣлый и обезображенный трупъ преступника. Удалцы разсѣялись, замин Бурлая опустѣли и только часовня, гдѣ была икона, сдѣлавшая чудо, собираетъ толпы богомольцевъ.

Перебирая прочія стихотворенія г. Подолинскаго, намъ кажется, что мы слышимъ однѣ и тѣ же ноты, постоянно повторяющіяся и надоедающія однообразіемъ. Содержаніе ихъ все до костей пропитано романтизмомъ, очень далекимъ отъ дѣйствительности. Итальянскій «Ницій», убившій изъ ревности своего брата, не зная, что соперникъ его — братъ, тоскуетъ по Итали и всю жизнь раскаивается. На «Дѣвичь-Горѣ» стоитъ заколдованный замокъ и молится отшельница-дѣва. Молодой любовникъ-самоубійца, давшій клятву не пережить своей возлюбленной, носится, какъ «отчужденный», осиротѣвшею тѣнью, между небомъ и землею. На землѣ у него нѣтъ никого, а въ рай не пускаетъ его «златокудрый Серафимъ», говоря :

«Тѣнь преступная, куда ты!
Рая въ свѣтлыя палаты

Не достигнешь ты къ вратамъ;
 Ты не Бога любишь тамъ,
 Но любовь свою земную
 Переносишь въ жизнь иную,» и проч.

Это все та же Пери, у которой такое же неясное назначеніе. Вообще эти стихотворенія имѣютъ очень неопредѣленное содержаніе. Тутъ и фантастическія предсказанія, и тоскливыя думы на развалинахъ, и разговоры съ мертвецами, и однозвучныя мелодіи, и горячечной бредъ, словомъ, всё тѣ видѣнія, которыя возможны только въ поэзіи романтика или въ парахъ гашаща. Поэтъ романтической, какъ говоритъ г. Подолнскій

«Въ міръ необъятный, міръ яной,
 Перелета воображеньемъ,
 На міръ существенный съ презрѣльемъ,
 Глядитъ, какъ ангелъ не земной,
 И часто грудь его страдаетъ:
 Не зная радостей земныхъ,
 Онъ ихъ надменно отвергаетъ,
 А замѣнить не можетъ ихъ.»

Поэтъ романтической видитъ гурій небесныхъ, слышатъ «стройное созвучіе міровъ», видитъ такіе сны, какіе никогда не привидятся простому смертному; ночь у него полна самыхъ фантастическихъ призраковъ. Отношеніе его къ дѣйствительности большое и раздраженное; чѣмъ больше живетъ онъ, тѣмъ капризнѣе смотритъ на жизнь:

И на людей; и на природу
 Гляжу въ безчувствіи нѣмомъ,
 Черствѣя сердцемъ годъ отъ году,
 Смѣюсь ребячеству во всемъ.
 Себѣ, другимъ я въ тягость нынѣ,
 Не знаю чѣмъ себя развлечу,
 Средь многолюдства, какъ въ пустынѣ,
 Не жду ни съ кѣмъ желанныхъ встрѣчъ.

У него нѣтъ широкаго, примирительнаго взгляда на жизнь, который дается только людямъ, сочувствующимъ настоящимъ страданіямъ. Изъ міра дѣйствительной вражды и боли онъ уходилъ въ фантастическую область, созданную мечтою, которая не можетъ же всегда удовлетворять человѣка, какъ бы ни былъ онъ развитъ по романтически. Поневолѣ въ душѣ останется скорбная тоска, которая будетъ звучать вѣчнымъ упрекомъ. Хорошо

еще, если г. Подолинскій умѣетъ найти хорошую сторону въ этой скорби, если съ полнымъ сочувствіемъ онъ можетъ сказать:

И не напрасно, можетъ быть,
Тѣ пѣсни скорби отвѣчали;
Онѣ мнѣ сердце волновали,
И сердцу не дали остыть!
Среди живыхъ, оно живое,
Движеньемъ ихъ увлечено,
И поколѣнье молодое
Тепло привѣтствуетъ оно.

Теперь, въ разгарѣ жизни новой,
Пусть новый дѣятель кипитъ,
Смѣлѣе мысль, вольнѣе слово —
Широкій путь ему открытъ!
И жду я, — въ мысли вдохновенной
Творящій геній низойдетъ,
И надъ Россіей возрожденной
Далече крылья распахнетъ!

Но не обманывается ли въ своихъ чувствахъ нашъ поэтъ, не обольщается ли онъ современными фразами и на зовъ ихъ открываетъ въ своемъ сердцѣ такія струны, которыя никогда прежде не звучали? Вѣдь онъ самъ не разъ говорилъ въ стихахъ своихъ, что «время не отдаетъ отжитой молодости», что «холодный гнетъ долгихъ лѣтъ подавить взыгравшее сѣмя», что «оно не даетъ ни цвѣта, ни плода», какъ не можетъ въ груди поэта вдругъ развиться живое чувство современности, если всю жизнь гонялся онъ за романтическими призраками.

Повѣсти и разсказы *С. Т. Славутинскаго* Москва. 1860.

Три небольшіе разсказа г. Славутинскаго были помѣщены прежде въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Современникѣ»; теперь авторъ собралъ ихъ и издалъ отдѣльною книжкою. Въ послѣднее время какъ-то вывелось у русскихъ литераторовъ, издающихъ собранія своихъ произведеній, писать къ нимъ предисловія, изъ которыхъ бы можно было видѣть цѣль ихъ при изданіи и познакомиться съ взглядомъ ихъ на собственныя произведенія. Предисловія вообще вещь очень полезная и нельзя не пожалѣть, что они такъ рѣдко являются теперь въ чисто литературныхъ произведеніяхъ. Въ нихъ обыкновенно авторъ долженъ дать небольшой отчетъ и себѣ и публикѣ въ своемъ талантѣ, въ характерѣ своихъ произведеній, въ цѣли помыслия ихъ въ свѣтъ.

Скажи намъ напимѣрь г. Славутинскій, зачѣмъ онъ издалъ теперь три разсказа свои и почему онъ считаетъ ихъ достойными вниманія публики и вторичнаго печатанія ихъ, послѣ того, какъ они появились уже разъ на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ, — у насъ была бы готовая точка зрѣнія и тема для спора съ авторомъ. А теперь цѣль изданія для насъ не совсѣмъ ясна. Разсказы, лежащіе передъ нами, были незамѣчены въ первый разъ своего появленія въ журналахъ и издавать ихъ во второй разъ, право — не стоило. Они не выходятъ изъ ряда посредственности и ничѣмъ не отличаются отъ множества подобныхъ, хотя и носятъ современный характеръ, то есть, хотятъ имѣть дѣло съ народомъ.

Насъ всегда поражало въ тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ, которыя имѣютъ дѣло съ народомъ и представляютъ народный бытъ русскій — отсутствіе въ нихъ этнографическаго и мѣстнаго элементовъ, такъ важныхъ въ народной жизни, развивающейся подъ непосредственнымъ и близкимъ влияніемъ природы. За исключеніемъ Малороссіи съ ея рѣзкими особенностями, которыя невольно должны проявиться въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ южно-русскаго быта, мы не знаемъ ни одного угла Россіи, который бы воспроизвелъ въ нашей повѣствовательной народной литературѣ съ своими природными и мѣстными особенностями, отразившимся въ народныхъ нравахъ. Мы не говоримъ о блестящихъ картинахъ природы, о поэтическихъ изображеніяхъ ея, данныхъ намъ въ «Разсказахъ охотника» и въ крестьянскихъ романахъ г. Григоровича. Читатель, знакомый съ нашимъ отечествомъ, знаетъ, что природа, изображенная г. Тургеневымъ и Григоровичемъ, находится въ бассейнѣ Оки, что она передана художественно вѣрно. На этомъ природномъ фонѣ, необходимомъ условіи жизни, мы легче поймемъ народные типы. Лучшіе таланты очень хорошо понимаютъ это, но изображать природу въ связи съ народнымъ духомъ, — дѣло очень нелегкое и сознательно взяться за него можетъ только большой талантъ. А между тѣмъ, не смотря на огромное ровное пространство, на эту плоскость, въ которой кажется исчезли всѣ народныя особенности, на начала, индифференціи народную жизнь въ Россіи и дающія ей однообразную форму, и въ ней крадется множество и природныхъ и народныхъ типовъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Здѣсь богатая жатва для будущаго писателя; которые возмущаются за народную жизнь съ дѣйствительною любовью, но призванью, а не потому только, что

теперь рассказы изъ народнаго быта въ ходу или въ модѣ. Но такое художественное и спокойное отношеніе къ народной жизни еще не возможно теперь; оно придетъ со временемъ; оно принадлежитъ будущему. Его недостаетъ даже въ помидному спокойныхъ образахъ гг. Тургенева и Григоровича. Народъ лежитъ еще сонливой загадкой передъ современностію; онъ манитъ къ себѣ какъ роковая загадка, а не какъ ясный, сложившійся въ полную историческую форму образъ. Оттого отношеніе къ нему въ литературѣ не можетъ быть спокойно-художественнымъ. Оно порывисто и страстно; оно все пронизуемо недовольствомъ формамъ и условіямъ быта; оно хочетъ реформы, а не сохраненія, тогда какъ принципъ художественной литературы заключается именно въ консерватизмѣ: она хранитъ преданія. Такого консерватизма не можетъ и не должно быть въ настоящей литературной дѣятельности, имѣющей дѣло съ народомъ; чѣмъ больше въ ней страсти и увлеченія, чѣмъ больше ключей любви, тѣмъ она болѣе имѣетъ правъ на наше уваженіе.

У г. Славутинскаго, въ его рассказахъ изъ народнаго быта, нѣтъ ни зрѣлаго художественнаго взгляда на него, ни вѣрныхъ этнографическихъ картинъ, ни страсти и увлеченія, соединяющихся съ любовью къ народу. Хотя дѣйствіе перваго рассказа его, «Читальщица», и происходитъ, по словамъ автора, въ рязанской губерніи, но мѣстность представлена неопредѣленно и блѣдно. Героиня этого рассказа, сама читальщица — лицо, по положенію и по воспитанію уже вышедшее изъ народа, потерявшее народныя черты физиономіи. Авторъ встрѣчается съ нею на постояломъ дворѣ большаго села, гдѣ она читаетъ псалтырь во покойнику и ухаживаетъ за старымъ дѣдомъ своимъ, пьяницей и кутилой. Его поражаетъ строгая пуританская фигура дѣвушки, ея жизнь, вся отданная долгу, то есть, попеченіямъ о дѣдѣ, всегда недовольномъ ею, всегда ворчащемъ на нее за то, что не даетъ она ему пьянствовать. Отецъ ея происходилъ «изъ той глубоко-растлвннкой среды, которая у насъ въ народѣ слыветъ подъ названіемъ *питейной части*». Разбогатѣвъ, изъ цѣловальниковъ, онъ сдѣлался управляющимъ откупомъ, посреди безконечныхъ плутней и мошенничествъ, всегда умѣлъ выходить сухъ изъ воды, вышелъ въ купцы и жидъ въ свою волюшку, отдѣлываясь деньгами отъ неприятностей и придирчивыхъ властей. Читальщица была дочь загубленной имъ женщины, жены его, которую онъ смеро послѣ женитьбы вогналъ побоями и звѣрствомъ въ могилу. Она, какъ и мать ея, воспитывалась въ

другой средѣ, при лучшихъ условіяхъ. Она жила въ домѣ генеральши, училась у уѣзднаго учителя, выведеннаго авторомъ какъ особенный типъ практическаго ума, твердаго характера и глубокой любви, сдѣлавшихъ его чѣмъ-то въ родѣ народнаго наставника и постояннаго примирителя всякой вражды. Онъ выучилъ молодую дѣвушку грамотѣ, сдѣлалъ ее натурою религиозною и сосредоточенною и развилъ въ ней самое строгое пониманіе долга, пониманіе, по которому долгъ ставится выше всего. Отецъ, отдѣлавшись отъ нея, сдвѣвъ ее на воспитаніе въ чужой домъ, вовсе не думалъ о дочери, не хотѣлъ даже видѣть ее. Когда въ припадкѣ бѣшеней ссоры онъ убиваетъ свою любовницу, когда подозрѣніе общее указываетъ на него, какъ на убійцу, когда по слѣдствію его заперли въ острогъ, дочь стала ходить къ нему, стараясь любовію и участіемъ спасти его нравственно. На это смотрѣла она, какъ на исполненіе своего долга къ отцу, не смотря на то, что послѣдній и не любилъ ее и отворачивался отъ нея и, умирая, запретилъ ей выходить замужъ, что она и исполнила. По смерти отца, Таня (такъ звали героиню) переселяется въ село, гдѣ жилъ еще ея старый дѣдъ, развратный, грубый и промотавшійся цѣловальникъ. Для того, чтобъ исполнить долгъ свой по отношенію къ роднымъ, она, воспитанная въ дворянской обстановкѣ, совершенно забыла ее и сдѣлалась настоящею крестьянкою, помощницею всѣхъ деревенскихъ работъ, сидѣлкою у больныхъ, лѣкаркою. Не смотря на то, что заботы ея о дѣдѣ, желаніе отучить его отъ пьянства и нищенства, возбуждали въ немъ только злобу и ожесточеніе, она осталась до конца вѣрною своему долгу и тому призванію, которое считала она своимъ. Это лице читальщицы очевидно придумано и обдуманно заботливо авторомъ, но разсказъ выпягъ и вягъ и безцвѣтенъ и героиня по своей холодности не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія со стороны читателя.

Героюмъ другаго разсказа изъ народнаго быта является богатый и умный старикъ Прокофій Терѣхинъ, уважаемый всѣми въ больномъ селѣ Байдаровѣ, гдѣ главнымъ распорядителемъ и конечно грабителемъ былъ голова Вороненковъ, заклятый врагъ Прокофія. Послѣдній живетъ эгоистомъ, не думаетъ о мірской пользѣ и тогда только вступаетъ въ явную оппозицію головъ и дѣлается защитникомъ міра, когда тотъ отдалъ его роднаго племянника въ солдаты, когда «Мірская бѣда» (такъ называется разсказъ) дѣлается его собственнымъ семейнымъ несчастіемъ. Наврасно старается онъ собрать въ одно цѣлое всѣ

накопившіяся неудовольствія: втѣченіе многихъ лѣтъ на голову Вороненкова и ни въ комъ не находятъ сочувствія. «Да ты, Проконій Григорьевичъ, говорятъ ему односельчане, что жъ прежде его не учитывалъ?.. Бывало и на склды николи не придешь... А теперича вотъ подбиваешь... Вишь ты когда образумился, твердятъ ему съ укоризною; вотъ какъ куснулъ онъ тебя самого, ты эвто и сталъ заговаривать про мірское дѣло.» Его оставили одного тягаться съ кровнымъ врагомъ. Да и тутъ энергіи его достало только на то, чтобъ сходить къ окружному и получить отъ него пощечину, которая окончателъно убила его и нравственно и физически и онъ умеръ, не успѣвъ не отмстити за себя, ни помочь общему дѣлу, спасти міръ отъ грабительства и притѣсненій головы.

Третій разсказъ «Исторія моего дѣда, отрывокъ изъ записокъ» переноситъ насъ въ помѣщичью жизнь въ концѣ прошлаго вѣка. Безъ всякаго сомнѣнія это страницы изъ дѣйствительнаго историческаго быта и всѣ разсказываемые факты здѣсь истинны. Богатство, наприимѣръ, прадѣда его было все награблено въ Сибири, куда ѣздили, въ это «золотое дно» — наживаться. Прадѣдъ желѣзо въ своихъ повозкахъ замѣнилъ все серебромъ, чтобъ не обратить на себя вниманіе правительства. Тутъ всѣ черты XVIII вѣка: и богатые сосѣди, екатерининскіе вельможи, которые насильно отрѣзываютъ землю у бѣдняка и владѣютъ ею, какъ ни въ чемъ не бывало, и ношѣщики-гуляки, прихлебатели знатныхъ, составляющіе ихъ придворный штатъ, и бригадиры съ девятнадцатю тысячами душами, самодержавные владыки на весь окелотокъ, отъ которыхъ дрожать и губернскія власти, и разбойники, грабящіе селы и города и развѣзжающіе безнаказанно въ косныхъ лодкахъ съ волжскою пѣснью, и отъѣзжіе поля съ широкимъ барскимъ разгуломъ, и кошки и плети, и удары бича въ несмѣтномъ количествѣ псарю за смерть любимой барской суки, и неуваженіе личности и человѣчества, и плачь и стонъ забитаго, бѣднаго народа. Картина грубо-печальная, но слишкомъ понятная, слишкомъ близкая къ намъ. Воспроизвести художественно зтотъ вѣкъ удалось только Пушкину да Аксакову. Г. Славутинскій самъ сознается, что его «Исторія моего дѣда» очень напоминаетъ романъ Пушкина — Дубровский, не только въ цѣломъ, но и во многихъ подробностяхъ — ясное доказательство, что великій поэтъ умѣлъ схватить унікалыя и характеристическія черты вѣка поэтическимъ пониманіемъ, если

разказъ г. Славутинскаго взятъ изъ дѣйствительности. Но передъ изящнымъ разказомъ Пушкина онъ исчезаетъ совершенно.

Вообще вторичное появленіе въ печати этихъ трехъ разказовъ г. Славутинскаго не представляло никакой необходимости, вовсе было не нужно.

Н. —кій.

Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи *Н. Благовъщенскаго*. Спб. 1860.

Тотъ очень ошибается, кто подумаетъ, что въ лекціяхъ г. Благовъщенскаго разрѣшался какой-нибудь специальный филологическій вопросъ. Напротивъ того, ученый и талантливый профессоръ умѣлъ, не выходя изъ круга предмета, поставить вопросъ о Ювеналѣ на ту точку, съ которой онъ дѣлается интереснымъ для каждого образованнаго русскаго. Высказавши сходство направленій русской и римской литературы — сарказмъ, г. Благовъщенскій блистательно показалъ причины той безотрадной горечи, которая господствуетъ у Ювенала, въ противоположность направленію русской сатиры, въ которой слышится утѣренность въ свѣтлое будущее. Онъ показалъ, что сатира Ювенала была вѣрнымъ воспроизведеніемъ общества, вѣрнымъ по картинамъ, вѣрнымъ по мотиву. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ задушевнаго веселаго смѣха, который можетъ быть только тогда, когда писатель и читатель знаютъ, что есть выходъ для общества изъ порека, клейменнаго сатирой; въ нихъ одно отчаянье; — благородная личность сатира огненными красками клеймитъ свое время, — время имперіи.

«Многіе воображаютъ до сихъ поръ еще, говоритъ г. Благовъщенскій, что римская имперія — катастрофа. Но что же это за катастрофа, которая продолжается дѣльы столѣтій, не вызывая реакціи? Имперія возникла и необходимо должна была возникнуть въ Римѣ потому, что идея самоуправленія потеряла, наконецъ, свой смыслъ для массы народа. Возвратъ къ отжившимъ свой вѣкъ политическимъ формамъ былъ, повидному, возможенъ и очень легокъ. Римская монархія не была наследственной. Вслѣдъ за смертію каждого изъ своихъ цезарей, римляне имѣли законное право и полную возможность возстановить республику. Отчего же этого не случалось? Отчего въ самыя мрачныя эпохи цезарскаго деспотизма почти никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ благородныхъ мечтателей? Оттого, что, для выхода изъ этого положенія,

кроме политической возможности, необходима была возможность нравственная, а ее-то и недоставало римлянамъ. Среди такого падшаго общества легко и даже необходимо должны были явиться Тиберій, Нероны и Домицианы. Передовые люди древняго міра, и въ числѣ ихъ Ювеналъ и Тацитъ, хорошо понимали, что не эти цезари были виновниками того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась ихъ родина. Если бъ въ римскомъ народѣ сохранились какіе нибудь слѣды нравственнаго чувства, то, разумѣется, такіе правители были бы невозможны.» Характеръ римскаго общества представленъ г. Благовѣщенскимъ рельефно — со всѣмъ цинизмомъ, материализмомъ, гнусностью всякаго рода. Для этой картины авторъ не довольствовался однимъ Ювеналомъ, — онъ привелъ много интереснаго изъ другихъ писателей, объясняющихъ и дополняющихъ знаменитаго сатирика. Вотъ римскій сенатъ, который съ трепетомъ собирается для подачи мнѣнія о великомъ вопросѣ, предложенномъ Тиберіемъ..... о томъ, какъ приготовить необыкновенной величины рыбу. Вотъ аристократы, торгующіе своими женами. Одинъ изъ нихъ — Гальба — угощалъ у себя Мецената, и замѣтивъ послѣ обѣда, что онъ нѣжно поглядываетъ на его жену, притворился спящимъ. Одинъ изъ рабовъ Гальбы вздумалъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стянуть со стола бутылку вина, но Гальба вдругъ открылъ глаза и гнѣвно сказалъ своему слугѣ: «развѣ ты не знаешь, негодяй, что я сижу только для Мецената?» Типъ паразитовъ, извѣстный, впрочемъ, русской публикѣ по прекрасному очерку покойнаго Шестакова, представленъ г. Благовѣщенскимъ съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ. Напримѣръ — паразиты на публичныхъ лекціяхъ. «Если читалъ богатый человѣкъ, говоритъ авторъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности данниками и клиентами. Последнимъ нерѣдко платилось деньгами или натурой. Кроме того, есть поподѣ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые за извѣстную плату всякому предлагали свои услуги, и, вмѣстѣ съ клиентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеніе громкими восклицаніями и хлопаньемъ.» Жаль, что тѣ господа, которые въ Петербургѣ на публичныхъ чтеніяхъ позволяютъ себѣ выходки римскихъ паразитовъ, не думаютъ въ какое положеніе они ставятъ и лектора и себя.

Мы не будемъ продолжать указаній на содержаніе лекцій г. Благовѣщенскаго. Скажемъ только, что читателя найдетъ въ

нихъ художественную картину общественной, семейной, литературной жизни Рима временъ паденія, — картину показывающую въ авторѣ нѣчто побольше таланта и учености — благородное гражданское чувство и самостоятельность мысли. А потому можно надѣяться, что лекціи г. Благовѣщенскаго будутъ имѣть въ читающей публикѣ такой же заслуженный успѣхъ, какой онѣ имѣли въ аудиторіи.

Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ. Сочиненіе *Д. Каченовскаго*. Москва. 1859.

Это сочиненіе извѣстнаго нашего ученаго, профессора харьковскаго университета, было помѣщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1857 годъ. Цѣль автора, какъ онъ самъ высказываетъ, — дать читателямъ руководящую нить и возбудить молодое поколѣніе къ самостоятельному изученію государственныхъ наукъ. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ труда г. Каченовскаго: — обширной учености, ясности изложенія, твердости политическихъ взглядовъ, — намъ кажется, что онъ болѣе написанъ для людей знакомыхъ съ дѣломъ, нежели для начинающихъ. Сочиненіе весьма сжато, мнѣнія высказываются какъ результатъ извѣстнаго прежде читателю матерьяла. Напримѣръ, едва ли неприготовленный читатель найдетъ для себя что нибудь осязаемое въ страничкѣ, посвященной Монтескье и его знаменитой теоріи. Даже самая форма сочиненія — слишкомъ много представляетъ отвлеченнаго для молодаго человѣка. Кажется, что ученый авторъ самъ чувствуетъ этотъ недостатокъ: онъ обѣщаетъ издать, въ дополненіе къ «Взгляду» нѣсколько очерковъ. При этихъ очеркахъ, въ достоинствѣ которыхъ нельзя сомнѣваться, настоящее сочиненіе получить полное значеніе.

А. Л.

Мірозданіе. Чтеніе для всѣхъ. Выпускъ первый. Съ пятидесятью рисунками, рѣзанными на деревѣ художникомъ Рихау. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1860 годъ. Въ малую 8-ю д. л. стр. 210.

Вѣрьте мнѣ, читатель, или не вѣрьте, но я заявляю вамъ, что удивленіе мое, при чтеніи этой книжки, было такъ велико, что у меня захватило духъ, закружилась голова и я, желая начать мою рецензію латинскимъ изрѣченіемъ *non multum, sed multa*, написалъ его русскими буквами. Написалъ, и потомъ долго сидѣлъ и смотрѣлъ на эту диковину, не зная, чтобы это такое

было. Да что же это въ самомъ дѣлѣ такое, эта книга, кошмаръ какой-нибудь, или въ русской литературѣ начинаютъ въ очію совершаться чудеса. Кто не читалъ, тотъ по-крайней-мѣрѣ слышалъ о «Космосѣ» Гумбольдта; и читавшіе это сочиненіе и слыжавшіе объ немъ знаютъ, что «Космосъ» — сводъ современной намъ человѣческой мудрости, сводъ всего, что человѣчество успѣло вѣковымъ странствованіемъ, путемъ случая и науки подсморгнуть и уразумѣть въ раскрытой книгѣ природы; раскрытой, но написанной гіероглифами таинственнаго значенія, прозрѣваемаго время отъ времени только счастливыми избранныками. Представьте себѣ, что какой-нибудь ревнитель народнаго образованія захотѣлъ бы популяризовать такой Космосъ, изложить всю эту человѣческую премудрость общепонятно, популярно. Вы пожелаеи бы ему отъ души успѣха, но повѣрили бы въ возможность исполненія такого предпріятія только тогда, когда книга, или вѣрнѣе сказать изданіе, очутилось бы у васъ въ рукахъ. Вы изумились бы громадности задуманнаго предпріятія и удивившись бы успѣшности исполненія его. Послѣ этого вступленія читателю бѣдетъ понятно остолебненіе мое, когда, читая книжку, я узналъ уже изъ предисловія, что она содержитъ въ себѣ начала астрономіи, философіи природы, метеорологіи, электричества и магнетизма, химіи, ботаники, зоологіи, физиологіи человѣка и физиологіи духа или науки о душѣ. *«Каждой изъ наукъ, говорить далѣе предисловіе, посвящено на первый разъ не много мѣста. Тѣмъ не менѣе вся книжка представляетъ отнюдь (!) не поверхностное обозрѣніе и не перечень оторванныхъ явленій; напротивъ, основныя положенія науки изложены въ связѣ, съ тою целью, чтобы доставить хотя сжатый, но общій всеобъемлющій взглядъ на науку, т. е., чтобы и недоучившійся (!) и вовсе неучившійся (!) безъ посторонней помощи нашли въ краткомъ обзорѣ первоначальное руководство къ разумнѣю значенія отдѣльныхъ частей природы и законовъ, ею управляющихъ.»* Написать что-нибудь подобное Космосу или отыскать и перевести что-нибудь похожее на это произведеніе уже дѣло удивительное; взложить всю эту мудрость популярно — еще удивительнѣе, но умѣстить все это на двухъ стахъ десяти страницахъ малаго формата, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, и отдать это космосообразное произведеніе за *двадцать* копеекъ серебромъ — вѣдь это, согласитесь сами, читатель, изъ рукъ вонъ удивительно. *Inde stupor.*

Ужъ сколько разъ твердили мы, въ чемъ именно заключа-

ются основныя условія хорошаго популярнаго изданія, но все не въ прокъ. Что, кажется, можетъ быть труднаго въ томъ, чтобы изъ груды дѣльнаго матеріалу выбрать именно то, что соответствуетъ потребностямъ отечественной популярной литературы? Кажется легко, а на дѣлѣ выходитъ совершенно противное, и выходитъ противное не потому, чтобы дѣло было дѣйствительно трудно по самой сущности своей, а не ладится оно, благодаря вѣчнымъ атрибутамъ большей части русскихъ предпріятій — *авось да какъ-нибудь*; не ладится дѣло потому, что берущійся за него или видитъ въ немъ только свои барыши, несколько не стѣсняясь публикою, или не понимаетъ потребности послѣдней и не зная своего дѣла забываетъ, что

Бѣда, коль пироги начнеть печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ.

Книга г-на М. П. (этими двумя буквами издатель закончиваетъ изложенное имъ, на оборотѣ оберточнаго листа, происхожденіе предлагаемаго имъ изданія) въ состояніи ожесточить любого рецензента. Рецензентъ видитъ всю ничтожность ея, но не можетъ же онъ заклеить ее въ глазахъ публики двумя словами — *книга негодна*, — не изложивъ побудительныхъ причинъ такому приговору; надобно доказать публикѣ, что книга, не смотря на баснословную дешевизну свою, не стоитъ своихъ денегъ. А писать о пустякахъ съ тою цѣлью, чтобы доказать, что дѣло дѣйствительно о пустякахъ, и притомъ имѣть въ виду, что и рецензія, можетъ быть, не послужитъ острасткою другимъ явиться въ публику съ такими же пустяками — вѣдь это истинное мученіе.

Съ перваго же слова своего книга приводитъ въ затрудненіе и недоумѣніе рецензента. На оберткѣ значится, что вы имѣете дѣло съ *«мірозданіемъ»* 1860 года, а на первой страницѣ книги вы находите, что это не мірозданіе, а *«чтеніе для всѣхъ»*, напечатанное въ 1859 году; наконецъ на четвертой страницѣ издадель опять увѣряетъ васъ, что тутъ дѣло идетъ о мірозданіи, не указывая впрочемъ ни времени, ни мѣста изданія! Какъ бы то ни было, г-нъ М. П., какъ ревнитель русской популярной науки, рѣшился издать въ переводѣ, за немѣняемъ оригинальныхъ средствъ, рядъ краткихъ обзорѣй всѣхъ наукъ для *распространенія въ народѣ нужнѣйшихъ свѣдѣній*. Издатель соблазнулся, говоритъ онъ на своей оберткѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что оригиналь (*Die Schöpfung in ihrer Herrlichkeit*) разошелся

въ 200,000 экземплярахъ. И дѣльно; почему жъ и не соблазниться въ видахъ общей, и, слѣдовательно, и своей частной пользы. *Опытный литераторъ взялся за переводъ и не заставилъ себя долго ждать.* И прекрасно, и мы приведемъ тутъ не одинъ образчикъ его опытности. *Надо было ковать желѣзо, пока горячо* (что или для кого?). Немного темновато и канчиво, но извинительно, если г-нъ М. П. разубѣтъ подъ этиими словами свои личные интересы; почему же, въ самомъ дѣлѣ, не подумать и о самомъ себѣ, тѣмъ болѣе, что дѣло еще исправно, думаетъ добросовѣстный г-нъ издатель: *«Впоследствии можно быть разборчивѣе и взыскательнѣе, говорить онъ, господамъ строгимъ служителямъ науки.»* То есть, когда же, г-нъ М. П.? Не тогда ли, когда польстившись на заглавіе книги, положившись на ваше обѣщаніе и благодаря удивительной дешевизнѣ изданія, публика разберетъ его нѣсколько тысячъ экземпляровъ, и вы, получивъ малую толку въ карманъ, расклянчаетесь съ владѣтелями изданія? *Просмотрѣть листы перевода я яросль, продолжаетъ г-нъ М. П., нашихъ профессоровъ — каждое по своей части. Они, по благосклонности своей, исправили существенныя недостатки подлинника, нѣсколько устарѣлаго съ 1851 года, и дополнили его по возможности (?) новѣйшими открытіями (1).* Мы увидимъ далѣе, на сколько можно вѣрить издателю, или, другими словами, съ какими профессорами и корифеями науки онъ имѣетъ дѣло.

До-сихъ-поръ все обстоитъ, кажется, благополучно. Однакожъ, какъ бы ни были хороши краткія обзорѣнія, обѣщаемыя издателемъ, спрашивается, какое именно значеніе имѣетъ первый выпускъ этой серіи изданій? Не ясно ли, что это конспектъ всего того, что будетъ впереди, эссенція всего изданія. Предсловіе говоритъ вамъ ясно и положительно, что это популяризированное космообразное произведеніе. Итакъ, рѣшена на дѣлѣ великая задача овецствленія великаго въ маломъ; открыта и доказана на дѣлѣ возможность изложить не въ видѣ поверхностнаго обзорѣнія, но толково, популярно, во взаимной связи, основныя положенія ботаники на девятнадцати страницахъ (въ 8-ю долю листа, по двадцати пяти строчекъ крупнаго шрифта на каждой страницѣ), тѣлесной природы человѣка на восемнадцати, астрономіи на семнадцати, химіи на шестнадцати, психологіи на девяти, теоріи теплорода на семи, свѣта на четырехъ страницахъ. Нужно ли доказывать, что популярное изложеніе хотя бы только общихъ понятій о какой бы то ни было наукѣ рѣшительно не-

возможно въ такихъ микроскопическихъ размѣрахъ? А въ такомъ случаѣ, какую пользу можетъ принести этотъ первый выпускъ, въ которомъ заключается, ни болѣе ни менѣе, какъ перечень всего того, что будутъ содержать въ себѣ будущія издавнн? Къ чему такое введенiе? Какъ ни мала сумма, двадцать копеекъ серебромъ, требуемая за книгу, эти деньги все-таки слишкомъ велики, чтобы бросать ихъ по пустому, въ воду, покупая книгу рѣшительно бесполезную *для недоучившагося* и тѣмъ менѣе доступную и полезную *для учившагося*. Но позвольте, позвольте г-нъ рецензентъ, скажутъ мнѣ, вѣдь тутъ была рѣчь о профессорахъ, и вѣроятно о профессорахъ московскихъ, редактировавшихъ книгу каждый по своему отдѣлу! Какъ же вы позволяете себѣ такъ рѣшительно, черезъ чуръ рѣшительно отзываться объ ученыхъ.... И дѣйствительно, mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa! Этотъ опытный г-нъ литераторъ, такъ горячо принявшiйся за переводъ, и эти господа профессора — удивительные люди! Не говоря уже объ ихъ чрезвычайной скромности, съ которою они скрыли свои фамилии, прикрывшись снвною опытнаго литератора, они удивительны тѣмъ, что каждый по своей части дополнилъ книгу открытiями, и притомъ своими собственными. Перечислить эти открытiя значило бы выписать полъ-книги; слѣдуя скромности гг. ученыхъ, мы ограничимся указаниемъ только нѣкоторыхъ новостей, на выдержку, по каждому отдѣлу «мирозданiя». По части *астрономiи*: г-нъ профессоръ утверждаетъ, что на сѣверной части небеснаго свода есть группа звѣздъ, подобная (!) животному, далеко распустившему хвостъ; другая группа, которую мы зимою видимъ къ югу, изображаетъ (!) человѣка, опоясаннаго мечемъ (стр. 11). Вотъ популярное опредѣленiе того, что такое *западъ*: *западомъ называется направленiе, откуда движется земля* (стр. 18 — 19). По части *палеонтологiи* и *геологiи*: профессоръ этого отдѣла, а можетъ быть и самъ г-нъ М. П., издатель, открылъ и изобразилъ (стр. 60) звѣря, ему же имени нѣтъ, и увѣряетъ, изъ скромности, въ текстѣ, что это животное палеотерiй. Другой профессоръ говорить о *прямоотъельномъ* разрѣзѣ (стр. 61). По части *физикн*: профессоръ утверждаетъ, что теплота способна расширяться. *Это расширенiе теплоты*, говоритъ онъ, *дѣйствуетъ такъ сильно въ нѣкоторыхъ тѣлахъ, что никакая сила не можетъ оказать ему сопротивленiя* (стр. 79). Что такое морозъ? *Морозъ*, отвѣчаетъ московскiй физикъ, *есть состоянiе, при которомъ вода обращается въ ледъ* (стр. 81). «Гдѣ лежитъ снѣгъ, тамъ по при-

чпнѣ его малой теплопроводимости, температура почвы *редко опускается ниже точки замерзанія*, что отнюдь не представляет сильнаго холода (стр. 82).» Тотъ же физикъ, вѣроятно, говоритъ, что по незнанію законовъ оптики *легло бы было отвѣснваться въ воду, которая глубже величины человеческого тѣла* (стр. 85); что призмю, употребляемую въ оптикѣ, называется *треугольное стекло* (стр. 86). *Въ новѣйшее время, продолжаетъ тотъ же ученый, зампытили (!), что янтаръ при треніи, какъ и друиіи тѣла, напримѣръ смола и стекло, производятъ свпытяющуюся и искры дающую жидкость (!).* стр. 87. По части *метеорологіи*: *Впытры рождаются въ природѣ (!) отъ разныхъ причинъ (о боги!),* стр. 103. Опредѣленіе и описаніе *молніи*: стремленіе придти въ обыкновенное состояніе, или въ состояніе равновѣсія, дѣлаетъ то, что электричество проявляется въ высшей степени, что *воздухъ блещитъ* отъ облака къ облаку, или *бросается* (воздухъ?) на отрицательно-электрическую почву, причемъ *сопровождается* (воздухъ?) страшными взрывами, которые подвергаютъ опасности жизнь находящагося вблизи (стр. 91—92). По части *ботаники*: ученый москвичъ открылъ какія-то сѣменные тряпки (Saamenlarpen, стр. 133); открытіе, напоминающее блаженной памяти Н. Полеваго, который простую фразу — *le rare Jean XV ordonna la canonisation de l'abbé S-Ulderic* — перевелъ такимъ образомъ: *папа Иванъ XV повелѣлъ разстрѣлять пушками аббата Ульдерика!* По части *зоологій*: у водныхъ птицъ *открыта шелуха, отдѣляющая жировое вещество*, которое распространяется по перьямъ и не допускаетъ воду проникнуть сквозь перья (стр. 159). — Птицы *при двухъ ногахъ импыютъ два крыла* (то есть, при каждой ногѣ по крылу!), стр. 155—156. По части *энтомологій*: *въ глазъ обыкновенной мухи насчитываютъ до восьми тысячъ площадей* (изъ рукъ вонъ удивительно!), стр. 169. Наконецъ, образчикомъ популярной психологійи можетъ служить слѣдующій отрывокъ: *«въ нашемъ сознаниіи зампычаемъ ощущение, что душа есть какъ-бы камера-обскура, въ которую чувства непрерывно присылаютъ образы впышняго міра, и черезъ которую, даже когда чувства находятся въ состояніи совершеннаго покоя, проходитъ, при посредствѣ воспоминанія, неизсякаемый потокъ прежнихъ образовъ, который мы иногда тщетно силится прервать или удалить отъ себя.*

Ну, не удивительные ли люди эти гг. московскіе ученые и господинъ опытный литераторъ, соусердствовавшіе господину издателю? — Мы забыли, однакожъ, еще обстоятельство, на

которое указывает скромнѣйшій изъ смертныхъ, господинъ М. П. «Для книжки, говоритъ онъ, потребовалось около 50 рисунковъ на деревъ, которые отлично (!) исполнены нашимъ примчательнымъ (!) мастеромъ г-мъ Рихау. Раскрывши книгу на удачу, я попалъ сперва на страницу 159-ю, потомъ на 162-ю; на той и другой я нашелъ по одному черному пятну; я долго смотрѣлъ на эти пятна, то выпуча глаза, то прищурившись, но сколько я ни присматривался и ни прилаживался къ нимъ, искусство г-на Рихау взяло свое, потому что не прочитавши текста, едва ли есть возможность догадаться, что одно пятно изображаетъ лягушку, а другое — черепаху. И все-таки еще не все. Навный, скромный и учтивый до крайности г-нъ М. П., кланяваясь на всѣ стороны, отдаетъ должную дань удивленія типографіи, отпечатавшей удивительное «мірозданіе», такъ, что экземпляръ обошелся только въ пятнадцать копеекъ серебромъ. «Считая по пяти копеекъ съ экземпляра на комиссію и на проценты съ затраченнаго капитала года за два, впродолженіе которыхъ, по предположенію, *разойдется все изданіе* (ria desideria), — цѣна книжки назначается 20 копеекъ серебромъ.» Итакъ, барыша — ни копейки. Но этого мало. «Книгопродавцамъ дѣлается уступка при покупкѣ 250-ти экземпляровъ по 20-ти процентовъ.» Другими словами, издатель готовъ уступить книгу, стоящую ему самому двадцать копеекъ, за шестнадцать копеекъ серебромъ. Вотъ, благодѣтель-то рода человѣческаго! Говорите послѣ этого о какихъ-нибудь Говардахъ! И какъ послѣ этого не согласиться съ Уваромъ Ивановичемъ*), черноземною силою, который на вопросъ Шубина — «что же это, Уваръ Ивановичъ? Когда же наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди?» — съ невозмутимымъ спокойствіемъ, невозмутимую самоувѣренностію отвѣчаетъ Шубину, перебирая въ воздухѣ пальцами: «Дай срокъ... будутъ.»

Природа въ ея явленіяхъ. Составилъ П. Павловъ. Образование земли. Вулканизмъ: землетрясенія, огнедышащія горы и другія проявленія вулканической дѣятельности. Москва. 1860. Въ 8-ю д. л. IV и 106 стр.

Книга хороша. Я начинаю этими словами затѣмъ, чтобы не возбудить въ читателѣ несправедливаго предубѣжденія къ книгѣ. Начни я рецензію тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало начать ее, благо-

*) «Наканунъ». Тургенева. «Русскій Вѣстникъ», 1860 года, томъ 25-й, стр. 190.

даря предисловію самого г-на Павлова, нетерпѣливый читатель, составивъ себѣ сейчасъ же идею о томъ, чѣмъ покончить рецензентъ свой отзывъ объ книгѣ, пожалуй, не дочитаетъ статьи и осудитъ книгу. До такой степени заключеніе о достоинствѣ послѣдней, выводимое изъ предисловія къ ней, противоположно тому заключенію, къ которому приводитъ чтеніе самой книги. Странное дѣло. Случай или нѣтъ, мнѣ чрезвычайно рѣдко приходится встрѣчать дѣльныя предисловія даже при хорошихъ книгахъ. А между тѣмъ предисловіе такъ важно, что лучше его вовсе не писать, чѣмъ написать такъ неудачно, какъ написалъ его г-нъ Павловъ. Десяти строчекъ, которыми оно начинается, достаточно, чтобы дать совершенно ложное понятіе и объ авторѣ и о достоинствѣ его произведенія. Чтобы читатель не обвинилъ меня въ излишней, щепетильной придирчивости, я выписываю начало предисловія. *«Приступая къ изданію какой бы то ни было книгъ, всегда имѣешь въ виду какую нибудь цѣль...»* — Что жъ тутъ такого неумѣстнаго, подумаетъ читатель; мнѣ нравится эта простота изложенія; чѣмъ проще, популярнѣе, тѣмъ лучше. — Авторъ продолжаетъ: *«но читателю, вѣроятно, нѣтъ дѣла до цѣли автора (!)...»* Я, какъ рецензентъ, ухмыляюсь и люблю эффектѣмъ этой фразы, люблю удивленіемъ читателя. — «То есть, какъ же это? нѣтъ дѣла», говоритъ читатель, «да вѣдь книгу-то покупаю я, а не кто другой; такъ какъ же мнѣ нѣтъ дѣла до цѣли автора; я что-то не понимаю.» Авторъ, не предполагая, вѣроятно, такого возраженія или считая его не стоящимъ никакого вниманія, продолжаетъ: *«и потому не выскажу, какую цѣль имѣю я при изданіи этой книгъ...»* — Эффектъ идетъ, какъ видите, crescendo. Не скажу, говоритъ г-нъ Павловъ, благо, вы купили книгу; такъ-таки и не скажу. Ужасно рѣшительный человекъ долженъ быть этотъ г-нъ Павловъ! Милѣйшій, добрѣйшій г-нъ Павловъ, говорите вы ему, да будьте же вы сколько нибудь снисходительны.... Напрасно. Г-нъ Павловъ машетъ рукой и рѣшительно отказываетъ въ какомъ бы то ни было объясненіи: *«пусть не знаютъ, говоритъ онъ, достигли ли я желаемаго.»* Да и къ чему? Авторъ, пожалуй, и правъ. Если читатель интересуется болѣе или менѣе природою, и видя изъ заглавія книги, что дѣло идетъ о природѣ, купить ее, т. е., книгу, не прочитавши предварительно рецензій объ ней въ какомъ-нибудь журналѣ и не заглянувши при покупкѣ ея въ предисловіе, то дѣло кончено и все обстоитъ въ такомъ случаѣ со стороны автора благополучно. Вы купили книгу, читатель, такъ къ

чему говорить вамъ о цѣлѣ книги? Да и вамъ, читатель, нѣтъ никакого дѣла до того, достигаетъ ли книга своей цѣли, если ужъ вы, съ свойственною русскому человѣку беззаботностію, купили ее; если ужъ вы рѣшились сдѣлать доброе дѣло г-ну Павлову и купить его книгу, вамъ даже не слѣдуетъ заглядывать въ книгу, если бы даже и зашевелилось въ васъ грѣшное любопытство узнать, — достигъ ли авторъ желаемой *вами* цѣли, благо, онъ достигъ желаемого *имъ* результата.... Вѣдь заглянувши въ книгу, вы рискуете раскаться въ добромъ вашемъ дѣлѣ!

А между тѣмъ книга дѣйствительно хороша; она составляетъ первый выпускъ громаднаго изданія, написана на одну тему съ «Мірозданіемъ». То и другое предпріятіе задумано съ одинаковою цѣлью — популяризировать сводъ человѣческихъ познаній о природѣ; то и другое изданіе явилось въ Москвѣ, и притомъ въ одно время. Но на этомъ, къ счастью читателей, къ удовольствію рецензента и къ чести г. Павлова, останавливается сходство между обѣими книгами. Книга г. Павлова совѣтливый трудъ, и мы желали бы, чтобы онъ продолжалъ свое дѣло также хорошо, какъ онъ началъ, и довелъ до конца свое предпріятіе — ознакомить читателей со всѣми явленіями природы, излагая предметы съ современной точки зрѣнія, общепонятно, не утомляя воображенія, не истощая терпѣнія грудю безжизненныхъ сухихъ фактовъ, безконечнымъ рядомъ терминовъ. Руководства, которыми пользовался г. Павловъ, какъ нельзя болѣе говорятъ въ пользу вѣрнаго пониманія дѣла со стороны автора. Достаточно прочесть нѣсколько страницъ его сочиненія, чтобы убѣдиться, что вы имѣете въ рукахъ дѣльную, серьезную и въ тоже время занимательную книгу, изложенную довольно чистымъ, плавнымъ и яснымъ языкомъ; факты выбраны занимательные, поражающіе воображеніе и подстрекающіе любопытство. Первый выпускъ изданія г. Павлова говоритъ объ образованіи земли и вулканической дѣятельности земнаго шара, землетрясеній, огнедышащихъ горахъ, грязныхъ вулканахъ. Повторяемъ: книга занимательна, и кто только интересуется темою изданія г. Павлова — прочтетъ произведеніе его съ величайшимъ удовольствіемъ, и назначитъ ему почетное мѣсто въ своей домашней библіотекѣ, не смотря на *во ужасъ* приводящее предисловіе.

Начальные основанія астрономіи, изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ для начинающихъ Г. А. Яномъ. Переводъ

съ втораго, исправленнаго нѣмецкаго изданія. В. К. Съ звѣздною картою и 50 полптишными рисунками въ текстѣ. Москва. 1860. Въ 8-ю д. л., стр. 115.

Расходилась Москва на мировую тему. Хочешь, не хочешь, а позволь себѣ витать въ надоблачныхъ пространствахъ; мудрено ли закружиться головѣ? И оттого ли, что она закружилась, или отъ какой-нибудь другой невѣдомой причины, но только дѣло въ томъ, что при всемъ желаніи сказать доброе слово о книгѣ, затрудняешься, что именно сказать объ ней. Затрудненіе тѣмъ поразительнѣе; что въ книгѣ много неотъемлемыхъ достопаствъ. Она заключаетъ въ себѣ полный курсъ космографіи въ томъ объемѣ, въ которомъ она преподается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и авторъ, какъ видно изъ заглавія книги, избралъ сократическій способъ изложенія; въ вопросахъ, предложенныхъ ясно, дѣльно, исчерпанъ весь предметъ; отвѣты формулированы коротко и ясно; языкъ, хотя и отзывается пдіотизмами, вообще довольно чистъ; полптишажки, не отличаясь изяществомъ, удовлетворительны сами по себѣ и довольно удовлетворительно поясняютъ текстъ. Казалось бы, чего еще желать. И дѣйствительно, разсматривая книгу съ точки зрѣнія автора, положившаго написать космографію въ вопросахъ и отвѣтахъ, нечего сказать противъ книги, и рецензенту остается поручить ее благосклонному вниманію публики. Но рецензентъ долженъ постоянно имѣть въ виду другой вопросъ, а именно: какую пользу можетъ привести такая книга, и кому именно; и вотъ гдѣ именно кроется затрудненіе. Въ заглавіи книги сказано, что она назначена для начинающихъ учиться космографіи. Но если таково назначеніе руководства, то первымъ условіемъ его должна быть строгая, логическая послѣдовательность въ изложеніи предмета, особенно если въ руководствѣ принять сократическій методъ. Авторъ долженъ вести учащагося постепенно отъ общезвѣстныхъ фактовъ къ менѣе извѣстнымъ, подготавливая такимъ образомъ исподволь переходъ къ фактамъ неизвѣстнымъ; каждый послѣдующій вопросъ долженъ быть въ связи съ предъидущимъ, долженъ естественно вытекать изъ него, или быть необходимымъ послѣдствіемъ отвѣта, даннаго на предъидущій вопросъ. Въ руководствѣ Яна эти два существенныя условія хорошаго руководства нарушаются на каждой страницѣ. Васъ спрашиваютъ, напримѣръ, *«остаются ли при этомъ суточномъ движеніи взаимное положеніе и разстояніе свѣтилъ неизмѣнными?»* — и вслѣдъ за отвѣтомъ на этотъ вопросъ, не упоминаемъ, какимъ бы

то ни было образомъ, ни о точкахъ, ни о кругахъ, слѣдуетъ вопросъ: «для какой цѣли введено употребленіе различныхъ круговъ и точекъ на небесномъ сводѣ?» Итакъ, какъ руководство для начинающаго, для самоучки, книга неудовлетворительна; но при всемъ томъ мы не рѣшаемся сказать, чтобы она никуда не годилась. Она можетъ быть очень полезна для приготовляющагося къ экзамену изъ космографіи. Если какой-нибудь учитель космографіи, приготовляя билеты къ экзамену и разбивая предметъ свой на вопросы, вздумаетъ застаться и руководствоваться книгою г. Яна, онъ, то есть, учитель, останется доволенъ, а ученики, заблаговременно запасшіеся этими билетами и книгою Яна, будутъ еще довольнѣе. Вопросъ только въ томъ — рациональны ли экзамены по билетамъ?

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЭДГАРЪ КИНЭ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТРУДЫ.

Статья вторая.

III.

Переходъ отъ дѣтства къ юности. — Коллегія. — Новая любовь. — Первое причащеніе. — Судьба бонапартизма. — Первый актъ воли.

Пробужденіе сознанія было тяжело для молодого Кинэ. Съ самаго начала онъ былъ поставленъ между двумя противоположностями, примирить которыя стоило болѣзненныхъ усилій его дѣтскому разуму. Все, что было ему внушено материнскимъ воспитаніемъ, что казалось ему простымъ и яснымъ какъ бѣлый день, было чуждо и непонятно для всѣхъ, едва переступалъ онъ за порогъ своего дома. На все получалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: не понимаю. Мадамъ Сталь — не понимаю. Гамлетъ — не понимаю. Макбетъ — не понимаю.

Сердце его, начинавши распускаться, сжималось при этомъ отвѣтѣ, который казался ему неоткровеннымъ. Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы то, что было ему знакомо съ самыхъ раннихъ лѣтъ, могло быть непонятнымъ для людей взрослыхъ, которыхъ онъ ставилъ выше себя. Онъ видѣлъ скорѣе въ этомъ хитрость, желаніе поддѣлаться подъ общій тонъ.

Много нужно было ему времени, чтобы понять, что въ этомъ притязаніи на незнаніе была доля истины. Всѣ умы, даже самыя образованныя окружены были въ то время такой пустотой, что

потеряли слѣды всякой здоровой, живой идеи. Иронія — страшная сила, особенно когда она направлена противъ ребенка, а ею вооружались тогда все противъ всякой новой идеи, противъ всякаго откровеннаго чувства.

Гдѣ былъ выходъ бѣдному уму ребенка изъ этого міра отрицанья всего, что онъ считалъ прекраснымъ и истиннымъ, чѣмъ привыкъ питаться душа его?

Что оставалось ему дѣлать, какъ не замкнуться въ себѣ самомъ? Миляхъ въ трехъ отъ города, на вершинѣ холма, поросшаго соснами, находились старинныя развалины. Онъ забирался туда съ своими любимыми книгами. Тамъ со слезами отчаянія и негодованія онъ читалъ вслухъ, не боясь насмѣшки или сухаго отрицанья. Сосны, скалы, да вороны, кружившіеся надъ его головой, были его свидѣтелями. Этими-то безсловеснымъ свидѣтелямъ повѣрялъ онъ то, отъ чего съ насмѣшкой отступали люди.

Съ другой стороны было много такого, что казалось весьма естественнымъ другимъ и чего Эдгардъ не могъ понять. Когда, напримѣръ, ему доводилось слышать: «Я за того, кто мнѣ платитъ», онъ былъ увѣренъ, что говорящій насмѣхался. «Сколько испытаній мнѣ нужно было пройти, говорить Кинэ, чтобъ понять возможность рабскихъ словъ, даже среди полнаго рабства.»

Позволяя Эдгару военныя игры, о которыхъ мы упоминали, оставляя его въ обществѣ солдатъ и пѣльничковъ, родители его руководились мыслию приготовить его къ той жизни, которая его ожидала во время имперіи. Но когда для всѣхъ проницательныхъ умовъ стало ясно, что Наполеонъ отыгралъ свою роль, они увидѣли что такое воспитаніе не соответствовало болѣе тѣмъ переменамъ въ частной жизни, которыя безъ сомнѣнія должны были произведены такою важною переменною жизнью общественной. Тогда слово «коллегія» было произнесено. На первой разѣ рѣшено было отправить его въ коллегію его роднаго города. Это рѣшеніе поразило Эдгарда какъ громомъ, такъ мало онъ былъ къ нему приготовленъ. Наконецъ онъ долженъ былъ разстаться съ семействомъ. Онъ простился съ своими друзьями и достойнѣйшимъ роздалъ своихъ крошечковъ, сороку, коршуна. Воронъ же, котораго Эдгаръ держалъ всегда на волѣ и который пережилъ все перевороты государствъ, улетѣлъ за нѣсколько

дней, издавая дикіе крики, какъ бы предвѣщая, что ихъ счастливые дни кончились.

«Когда дверь коллегіи закрылась за мной, говоритъ Кинэ, мною овладѣла тупая грусть, которую время только увеличивало. Предо мной открылся рядъ безплодныхъ годовъ, бѣдныхъ пропшествіями, бѣдныхъ счастіемъ, во время которыхъ для невѣрной перспективы нѣсколькихъ сбивчивыхъ свѣдѣній, я терялъ то, что мнѣ давало живое сопркосновеніе съ вещамъ». Родители его жили въ двухъ дняхъ разстоянія, и онъ пересталъ ихъ видѣть.

Воспитаніе кончилось вдругъ, началось ученіе сухое и привужденное. Мѣсто откровенныхъ сердечныхъ изліяній, къ которымъ онъ привыкъ въ обществѣ матери, заступила принужденность съ учителями, съ товарищами, съ самимъ собою, потому что онъ чувствовалъ, что въ немъ остановилось разомъ развитіе ума и сердца. Сознаніе этого было для него причиною страданія столько же, сколько и сознаніе неволи, которую всякая вещь напоминала ему. Едва только окончивались классы, Эдгаръ взбирался на старую стѣну, которая служила оградой зданію, и задумывался смотря на поле, гдѣ видѣлся вдали знакомый ему лѣсъ. Любимымъ его мечтаньемъ было придумывать какой-нибудь способъ бѣгства. Боязнь огорчить родителей удерживала его отъ исполненія.

Товарищи его плѣна не могли доставить ему утѣшенія. Они пришли въ одно мѣсто такими различными путями. Между ними такъ мало было общаго!

Благодаря методѣ своего перваго учителя, который сталъ его учить по-латыни въ тоже время какъ и читать, онъ окончилъ свой риторическій классъ въ тринадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ его товарищи были семнадцати, восемнадцати лѣтъ. Все, что интересовало Эдгара, было для нихъ чуждо. Съ своими легендами острова Каброры, онъ казался имъ настоящимъ дикаремъ.

Съ другой стороны постоянные разговоры о породахъ, о модахъ, о серебряныхъ и стальныхъ цѣпочкахъ, удивляли столько же Эдгара, который только и думалъ о томъ, какъ бы скрылся навсегда, навсегда въ сѣртинскомъ лѣсу.

«Не нужно думать, говоритъ онъ, чтобъ это время не оставило слѣдовъ въ моей жизни. Воспоминаніе о немъ до-сихъ-поръ преслѣдуетъ меня, тяготитъ надо мною во снѣ какъ неожиданное бѣдствіе».

«О прекрасные цвѣты юности! о первые плоды весны! какъ вы были горьки для меня! и какъ я радуюсь теперь, что не буду больше васъ собирать».

Такимъ образомъ первое соприкосновеніе съ обществомъ внушило ему чувство глубокаго одиночества. Видя, сколько все занимавшее его, было чуждо другимъ, онъ рѣшился молчать. Онъ узналъ тогда сколь мало иногда возбуждаетъ сочувствіе въ другихъ тотъ внутренній міръ, въ которомъ мы живемъ и который считаетъ центромъ жизни. Все, что такъ рано пробудилось въ немъ при дуновеніи свободной жизни, онъ долженъ былъ схронить въ глубинѣ души. «Въ этомъ состояніи уединенія, сосредоточиванья, въ которое я болѣе и болѣе впадалъ, для моего спасенія нуженъ былъ, говорить онъ, кто-нибудь, кто бы меня понималъ безъ моихъ признаній, кто бы постоянно былъ со мной безъ моей просьбы. Но гдѣ найти подобное существо? Къ счастью я его встрѣтилъ и мы сдѣлались неразлучны». Это была сестра одного изъ его товарищей, которая пріѣзжала съ своей матерью навѣщать брата. Такъ какъ для подобныхъ посѣщеній не было особой комнаты, то Эдгарду разъ удалось видѣть свиданіе, происходившее въ корридорѣ. Молодая дѣвушка съ свѣтлыми золотистыми волосами, съ небесно-голубыми глазами, въ деревенскомъ головномъ уборѣ, граціозно надѣтомъ, поразила его. Она напоминала ему «La belle jardinière» Рафаэля. Ея серебряный голосъ, голосъ «самой весны», отозвался въ сердцѣ нашего героя. Онъ видѣлъ ее мелькомъ, проходя чрезъ корридоръ, потомъ онъ видѣлъ ее въ другой разъ издали въ саду; но этого было довольно, чтобъ образъ ея напечатлѣлся въ немъ и никогда не изглаживался. «Вездѣ я чувствовалъ себя, говорить онъ, въ присутствіи и подъ покровительствомъ этого милаго существа. Оно производило на меня благодѣтельное дѣйствіе перваго луча утренней зари».

«Мнѣ было довольно знать, что такое существо живетъ въ одномъ мірѣ со мною. Я не страдаю въ ея отсутствіи, потому что она меня никогда не оставляетъ.»

«Все это, скажутъ, продолжаетъ онъ, былъ только пустой бредъ фантазіи. Нисколько. Я никогда не могъ довольствоваться изображеніями своего воображенія, какъ реальностью. Мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, одну живую точку, одинъ звукъ голоса. Гдѣ ничего не было, я чувствовалъ пустоту, которую не старался наполнить. Я могъ на одномъ взглядѣ построить цѣлое зданіе счастья, но мнѣ нуженъ былъ, по крайней мѣрѣ, этотъ

взглядъ. Я никогда не могъ понять, чтобъ живое сердце могло довольствоваться чистою фантазіей.»

Любить было для него довольно. Онъ не имѣлъ еще самолюбія быть любимымъ. Первое чувство наполняло все его сердце, для другаго не было мѣста. Видѣть издали въ лѣсу бѣленькій ея домикъ было бы для него верхомъ счастья. Но ему не дано было этого и онъ мало оттого проигралъ. Столько провелъ онъ счастливыхъ часовъ, воображая это неизвѣстное жилище. Онъ выбиралъ для того самое глухое мѣсто въ своемъ миломъ Сертинѣ, прибавляя къ пейзажу нѣсколько сосенъ, мостикъ переброшенный черезъ ручей, дорожку усыпанную пескомъ.

До-тѣхъ-поръ природа возбуждала въ немъ только идею независимости, воли: бѣгать взадъ и впередъ, теряться въ лѣсу — вотъ о чемъ онъ мечталъ. Теперь ему нравится и пѣсня соловья и первая листва приближающейся весны.

Любовь эта никогда не увеличивалась, не уменьшалась и не должна была никогда кончиться. «Теперь еще, говоритъ Кинэ, когда я представляю нашу тихую весну въ Сертинѣ съ запахомъ зеленѣющей ржи, мнѣ чудится бродящій между цвѣтами, какъ добрый гений тѣхъ мѣстъ, образъ, который улыбается мнѣ и проходить.»

Весною 1816 года Эдгаръ Кинэ исполнилъ обрядъ перваго причащенія. Мадамъ Кинэ, протестантка, какъ мы уже имѣли случай говорить, сама предпочла окрестить сына въ католическую вѣру, потому что въ то время во французскихъ провинціяхъ смѣшивали протестантовъ съ евреями, что было бы невыносимо для ея материнскаго сердца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она внушала сыну самыя высокія, гуманныя идеи протестантизма, который въ ней былъ скорѣе естественною религіею чистой, любящей души. Она никогда не говорила ему ни о какихъ догматахъ и обрядахъ и откладывала церемонію причащенія, вопреки обычаю принятому во Франціи, какъ можно дальше, съ тѣмъ, чтобы онъ впоследствии могъ приступить къ этому съ полнымъ сознаниемъ. Теперь наступило время. Католицизмъ и протестантизмъ, двѣ вѣчно враждующія религіи — какая страшная дилемма для молодой души!

Стоило только его духовнику сказать: «Мать ваша осуждена на вѣки. Пришло время сдѣлать выборъ между церковью вашей

матери и моей». «Я никогда, говорить Кинэ, не сдѣлалъ бы этого выбора или лучше онъ былъ уже сдѣланъ и разумѣется не въ пользу того, кто его вызвалъ.

Но духовникъ умѣлъ сохранить неприкосновенными самыя вѣжныя фибры его сердца, онъ умѣлъ стать на такую высоту, что ни разу та страшная дилемма не представлялась уму неофита. Проповѣдь, которую онъ сказалъ во время самой церемоніи растрогала Эдгара, слезы лились по щекамъ его, онъ шепталъ свои протестантскія молитвы вмѣстѣ съ католическими. Тогда въ первый разъ осуществилось соединеніе двухъ враждующихъ церквей не въ теоріи, но на самомъ дѣлѣ, въ чистой душѣ ребенка. Онъ причащался и въ слѣдующее воскресенье.

Впослѣдствіи Эдгаръ Кинэ читалъ св. Писаніе, св. Отцевъ, О подражаніи Христу. Книги эти сильно на него подѣйствовали. Онъ видѣлъ потомъ готическіе соборы Франціи, Германіи и Испаніи, чудеса Рафаэля и Микель-Анжело, видѣлъ Римъ и св. Петра, видѣлъ папу, благословляющаго міръ. Онъ былъ восхищенъ, ослѣпленъ. Но все это было далеко оттого, что онъ чувствовалъ во время перваго причащенія. Мгновеніе то было единственное.

Большіе государственные перевороты имѣютъ гораздо больше вліянія на частную жизнь, нежели обыкновенно говорятъ о томъ историки. Необходимость разомъ пережѣнить направленіе ума, отрѣчься отъ всѣхъ прежнихъ убѣжденій, въ короткое время создать, такъ сказать, новую атмосферу, причиняетъ ужасныя нравственныя страданія. Эдгаръ Кинэ, жившій одною жизнію съ народомъ, не могъ избавиться отъ этого.

Такимъ образомъ ученіе, которое впослѣдствіи сдѣлалось его жизнію, было сначала ненавистно ему. Впродолженіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ бургской коллегіи, онъ безъ отвращенія не раскрылъ ни одной изъ тѣхъ книгъ, называемыхъ классическими, которыя ему давались. Не получая другихъ, онъ мало-по-малу потерялъ охоту читать и «миѣ кажется, говоритъ онъ, что большимъ счастьемъ было для меня то, что я ничего не удержалъ изъ того, чему меня учили», потому что одно, что пережило въ коллегіяхъ имперіи всѣ перевороты, была реторика.

«Мы не знали, говоритъ Кинэ, ни по гречески, ни по латини, ни по французски»; но ихъ заставляли сочинять рѣчи, по-

нѣствованія, въ которыхъ необходима была борьба двухъ великодушныхъ героевъ, отецъ, оспаривающій у сына право умереть вмѣсто него во время кораблекрушенія, пожара, на эшафотѣ. Эдгаръ обыкновенно выбиралъ кораблекрушеніе, потому что буря прерывала послѣднія слова героя, для которыхъ было такия образы довольно двухъ, трехъ строкъ. «Все это было очень посредственно; коротко — я вышелъ изъ коллегіи, не научась ни чему, но и не имѣя ничего забывать.»

Первое употребленіе, которое сдѣлалъ Эдгаръ изъ своей свободы было слѣдовать за толпой въ тогдашніе уголовные суды (cours prévôtales). На первый разъ судили Brillat-Savarin, самое популярное лицо въ той странѣ. Онъ былъ обвиненъ въ бонапартистскомъ заговорѣ, который имѣлъ цѣлью убійство всѣхъ аристократовъ и всѣхъ богатыхъ собственниковъ въ департаментѣ. Такое пелѣное обвиненіе должно бы было открыть всѣмъ глаза. Но оно было принято безъ противорѣчія. Въ тотъ же день Эдгаръ слышалъ другой смертный приговоръ, который былъ исполненъ на другой день. «Эта страшная минута до-сихъ-поръ представляется мнѣ. Она пробудила во мнѣ немного успувшій бонапартизмъ. Это первое кровавое пятно реставраціи никогда не могло изгладиться изъ моей памяти. До-тѣхъ-поръ я ничего не имѣлъ противъ нея, теперь я чувствовалъ начало ненависти.»

Среди такихъ обстоятельствъ, что стало съ легендой Наполеона? Эта легенда, какъ и все остальное, претерпѣла большое затмѣніе въ первое время, слѣдовавшее за 1815 годовъ. Портреты Наполеона вмѣстѣ съ символами, напомнившими его, орлами, знаменами; были изгнаны. Его фигура была меньше знакома современникамъ его, нежели потомству. Объ немъ запрещено было говорить. Все это заставляло мало-по-малу забывать его. Вѣрный океанъ старожила всякую вѣсть о немъ. Такимъ образомъ Франція привыкла постепенно жить, не говоря о Наполеонѣ, даже не думая о немъ. Это продолжалось семь лѣтъ. Нужно было неожиданнос, трудно-вѣрившееся извѣстіе о его смерти, чтобъ возвратитъ ему посмертную власть надъ умами. Впродолженіе семи лѣтъ изгнаніе погружало его мало-по-малу въ тѣнь, въ забвеніе. Смерть снова внезапно показала его всей землѣ и въ одно мгновеніе отдала ему навсегда царство молвы.

Съ Эдгаромъ Кинэ было тоже самое, что съ другими. Онъ

далеко скоронилъ внутрь себя имя и образъ героя. Образъ этотъ былъ въ немъ, но незамѣтно для него самого, бессознательно.

Между тѣмъ онъ получилъ другія впечатлѣнія. «Въ первый разъ, говоритъ Кинэ, я почувствовалъ сильную внутреннюю борьбу, когда подъ влияніемъ авторитетовъ, которымъ подчинялся мой разумъ, я долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: «Какъ примирить мое поклоненіе Наполеону съ тѣми свободными идеями, которыя доходили до меня со всѣхъ сторонъ и которыя я рѣшился не отбрасывать.»

Онъ не сдѣлалъ положительнаго выбора между Наполеономъ и свободой, не принесъ въ жертву одного другому; но въ немъ чувство свободы и всѣ идеи, имѣвшія къ ней отношенія, брали перевѣсъ; всякій день онъ болѣе и болѣе думалъ о нихъ и все менѣе и менѣе о Наполеонѣ. Фигура его постепенно стиралась въ его умѣ.

«Когда въ 1821 году раздалась страшная повѣсть о смерти Наполеона, говоритъ Кинэ, онъ воскресъ въ моей душѣ. Но было уже поздно, чтобы наполнить ее и занять въ ней первое мѣсто. Мѣсто это было занято другими призраками. Онъ оставилъ меня въ покоѣ на два или на три года, я ими воспользовался чтобы избавиться отъ самодержавія его генія.»

«Онъ предсталъ моему воображенію не какъ мой императоръ и властелинъ, а какъ призракъ, измѣненный смертью.» Кроме того, его товарищи возвращались одинъ за другимъ и рассказывали объ обращеніи его къ идеямъ, которыя онъ попираетъ ногами. Какое еще сильнѣе доказательство ихъ истины, ихъ могущества! Не значило ли это показать, что онѣ были непобѣдимы.

«Вотъ какимъ образомъ, говоритъ Кинэ, я примирилъ то, что мнѣ казалось прежде непримиримымъ, поклоненіе Наполеону и жажду свободы.»

Но Кинэ скоро замѣтилъ, что онъ не слѣдовалъ уже однимъ путемъ съ народомъ. Онъ оставилъ настоящую почву легенды. Въ первый разъ онъ отдѣлился отъ массы.

«Я сталъ разсматривать Наполеона съ исторической точки зрѣнія, онъ сдѣлался для меня прошедшимъ, къ которому обращалось мое размышленіе. Совсѣмъ другое было съ народомъ. То, что было для меня исторіей, для него было жизнью. Если онъ не думалъ о Наполеонѣ, то онъ не думалъ и ни о чемъ другомъ. Пока Наполеонъ жилъ, онъ ждалъ его, Наполеонъ умеръ, онъ ждалъ его еще.

«Какое роковое открытіе! Я понялъ, говоритъ Кинэ, что я шелъ теперь одинъ. Что-то порвалось между мною и народомъ. Я вступаю въ юность, разрывая то общее съ массою, что составляло силу моихъ первыхъ лѣтъ. Что жь такое! Нужно было отдѣлиться, чтобъ идти впередъ.»

«Не знаю, говоритъ Кинэ, совершается ли въ другихъ переходъ отъ одного возраста къ другому безсознательно, незамѣтно для нихъ самихъ въ моментъ перемены. Во мнѣ эта жизненная работа происходила скачками. Въ такой-то день, въ такой-то часъ я сдѣлался другимъ, чѣмъ былъ прежде. Я могу указать мгновеніе, въ которое, переставъ быть ребенкомъ, я начинаю быть человекомъ. Это было, когда я въ первый разъ совершилъ надъ собою актъ воли. Я ясно и раздѣльно сознавалъ перемену, какъ будто самъ себя передѣлалъ.»

Въ числѣ знакомыхъ Кинэ было семейство, находившееся въ довольно близкой связи съ однимъ царствующимъ домомъ. Обстоятельства поставили его въ необходимость довольствоваться очень скромнымъ положеніемъ. Оно состояло изъ брата и двухъ сестеръ. Эдгаръ бывалъ у нихъ. Младшая, лѣтъ шестнадцати, была правильной античной красоты: чисто римскій профиль; неподвижные, блестящіе глаза подъ густыми ресницами, черные какъ смоль волосы, украшавшіе немножко низкій лобъ, были раздѣлены на пряди и завязаны назадъ на подобіе древнихъ статуй; голова Агриппины, созданная для короны; лебединая шея; стройная талія; матовый цвѣтъ лица. Она произвела на молодого Кинэ впечатлѣніе движущейся статуи.

«Когда я вышелъ отъ нихъ, говоритъ онъ, я чувствовалъ двѣ вещи: во-первыхъ, что она овладѣла моимъ сердцемъ, зрѣніемъ, памятью; во-вторыхъ, что мнѣ нужно было избавиться отъ этого обаянія. Этотъ холодный гость, незнакомый еще наканунѣ, съ самаго начала былъ причиною невыносимой боли. Это ужъ не было милое видѣніе, явившееся мнѣ въ бургской коллегіи. Это была сила, которая подавляла меня. Подчиняясь ей, я въ тоже время рѣшался отъ нея избавиться». «Для этого мнѣ нужно было бы перестать ее видѣть. Но мнѣ слишкомъ мало было знакомо средство плѣчиться отъ чувства, совершенно для меня новаго; и я пользовался всѣми случаями, чтобъ видѣть ее.

«Едва занимался день, я выходилъ на возвышеніе, съ котораго вдали между деревьями замѣчалъ ея домъ. Я слѣдилъ за

полетомъ птицъ, которыя летѣли потому направленію и сѣдѣли на ея кровлю. Наконецъ я летѣлъ и самъ». Послѣ долгихъ колебаній, размышленій, онъ входилъ туда съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица, такъ что онъ ни разу не обнаружилъ того, что въ немъ происходило. Онъ проводилъ съ ней цѣлыя часы, испытывая печальное удовольствіе спартанскихъ дѣтей, которые, не морщась, подвергались истязаніямъ.

«Сколько заглушенныхъ стоновъ, когда я оставался одинъ въ комнатѣ». Разъ даже они слышны были во всемъ домѣ, но никто не подозрѣвалъ причины. Все было отсеено на счетъ нервовъ, нащлось даже лицо, предложившее ему гофмановскихъ капель.

«Наконецъ я открылъ правильную осаду противъ самого себя. Но скоро съ горестью увидѣлъ я, какую непобѣдимую силу имѣетъ исключительное поклоненіе красотѣ. Я видѣлъ въ ней чистую красоту, не лица ничего другаго и былъ ею ослѣпленъ.... Вѣрное предчувствіе говорило мнѣ, что если я найду когда нибудь сердце, сочувствующее моему, то не въ ней я долженъ искать его.... Я любилъ въ ней одну красоту.... А могли ли я сказать самому себѣ, что она не была красавица?»

Онъ старался отвергать свидѣтельство собственныхъ глазъ. Онъ разбиралъ по частямъ и разбивалъ въ прахъ свой кумиръ. Но при первомъ свиданіи вся эта длинная работа разрушенія сама разрушалась. Оставалась только очевидность красоты истинной, несомнѣнной, неопровержимой.

Тогда въ первый разъ Сертинъ показался ему плоскимъ, онъ не находилъ въ немъ мѣста для ея скульптурной фигуры. Онъ мечталъ о другомъ горизонтѣ, о другихъ странахъ, о Римѣ, о Греціи. Тамъ страна достойная ея, тамъ, далеко, на берегу спящаго моря.

Однажды съ такими мыслями онъ перешелъ съ ружьемъ въ рукахъ горы, закрывавшія сертинскій горизонтъ. Онъ и не подозрѣвалъ существованіе такихъ дикихъ, живописныхъ мѣстъ въ двухъ шагахъ отъ своего жилища. Но едва бросилъ онъ на нихъ взглядъ, ему хотѣлось дальше углубиться въ пустыню. Этотъ первый видъ альпійской природы возбудилъ въ немъ желаніе идти, но куда, онъ самъ не могъ бы сказать.

Наступилъ вечеръ, нужно было возвратиться, онъ спустился съ горъ въ тѣ мѣста, которыя такъ недавно любилъ, и которыя казались ему теперь тюрьмою.

Онъ находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Вдругъ послышалась знакомая пѣсня пастуха. Протяжная, дрожащая, сдержанная нота раздражила его.

«Я остановился, взвелъ курокъ и, взявъ въ ротъ дуло ружья, быстро пробѣжалъ шаговъ пятьдесятъ. Это движеніе было сдѣлано безъ всякаго размышленія. Но послѣ я нашелъ въ немъ слѣдующее темное чувство. Если ружье выстрѣлитъ въ то время, какъ я буду бѣжать, значитъ суждено свыше не быть мнѣ никогда человѣкомъ. Если нѣтъ, то это будетъ доказательствомъ, что я успѣю переломить самого себя, успѣю изгнать подавляющій меня образъ, буду чѣмъ-нибудь и сдѣлаю что-нибудь.»

«Я никогда больше не падалъ такъ низко. Послѣ этой лихорадочной ночи, я почувствовалъ свѣтъ. Съ этой минуты, онъ часто затмѣвался правда, но никогда не покрдалъ меня совершенно.»

IV.

Лионская collegia. — Уединеніе. — Латинскія древности. — Итальянскіе поэты. — Философія, математика, стихъ. — Воспоминаніе о товарищахъ. — Экзаменъ въ политехническую школу. — Возвращеніе въ Сертинъ. — Парижъ. — поѣздка въ Америку.

Осенью 1817 года, Эдгаръ Кинэ поступилъ въ лионскую collegiu, въ которой пробылъ три года. Черныя зданія, мрачныя своды, двери съ тяжелыми замками, высокія стѣны должны, казалось бы, навести на него страшную скуку. Но вышло противное. Онъ нашелъ здѣсь то, что было необходимо для его развитія, уединеніе и свободу.

Этимъ счастіемъ онъ былъ обязанъ музыкѣ. Для музыкальныхъ уроковъ отведи ему, за неимѣніемъ другаго удобнаго мѣста, узкое, темное углубленіе въ стѣнѣ, въ которомъ работники складывали свои инструменты. Когда онъ привелъ въ порядокъ кирпичи, которые были свалены въ кучу, ему оставалось четыре, пять квадратныхъ шаговъ, гдѣ онъ съ трудомъ могъ держаться стоя. Пюнитръ, налой, замѣнявшій письменный столъ, что больше нужно?

«Взглядываясь въ глубину свода, я увидалъ, говоритъ онъ, Рону и затрепеталъ отъ радости. О прекрасная, быстрая рѣка, бурный товарищъ, я рожденъ при шумѣ твоихъ волнъ и если все меня забыло, вспомяни обо мнѣ хоть ты. Ты единствен-

ный свидѣтель того, что я дѣлалъ, мыслить, мечталъ, страдалъ въ этомъ убѣжищѣ. Помогни мнѣ отыскать въ моей памяти эти погребенные часы.»

Директоръ коллегіи, аббатъ Руссо, былъ по счастью чело-вѣкъ ученый и любящій науку для нея самой. Онъ видѣлъ, что страсть къ ней пробуждалась въ его ученикѣ и что нужно было только дать ей свободу развиться. Высокой, сухой, молчаливый, немножко сгорбленный, съ желтымъ лицомъ, на видъ строгимъ, онъ былъ добръ, снисходителенъ. Нѣсколько дней сначала онъ наблюдалъ за нимъ; но потомъ, увидѣвъ, на что тотъ употреб-лялъ время, онъ далъ ему свободу. Съ-этихъ-поръ Эдгаръ могъ спокойно заператься въ своей кельи и проводить въ ней цѣлыя часы, не давая никому отчета ни въ своихъ поступкахъ, ни въ своихъ мысляхъ. Сколько разъ ему случалось нарушать заве-денный порядокъ, забываться въ своей конуркѣ во время клас-совъ, обѣдовъ, онъ никогда не слышалъ упрека за это отъ аб-бата Руссо.

«Я не надѣюсь, говорить онъ, чтобъ этотъ достойный чело-вѣкъ былъ еще живъ. Но гдѣбъ ни былъ онъ, я высказываю ему здѣсь мою горячую признательность. Кротостью, свободою, которыми онъ меня окружилъ среди дисциплины, непреклонной для всѣхъ, онъ далъ мнѣ три года спокойствія, мира и тиши-ны, продолженіе которыхъ умъ мой пробудился.»

Въ этомъ уединеніи душа Эдгара Кинэ испытала сильный кризисъ, одинъ изъ тѣхъ, послѣ которыхъ человекъ чувствуетъ неожиданно перемену во всемъ своемъ существѣ, замѣчаетъ въ себѣ прогрессъ безъ всякаго ученья. То, что было для него трудно, стало теперь легко. Глаза его видятъ то, чего прежде не замѣчали; уши слышатъ, чего прежде не слышали. Умъ пере-шагнувъ преграду, на которую притупленные чувства смотрѣли со страхомъ. Душа дала тѣлу сильный толчекъ впередъ.

Пока Эдгара принуждали къ классическимъ занятіямъ, они ка-зались ему тяжкою работою, умъ его и память упорно отказыва-лись отъ нихъ. Какъ только занятія эти перестали быть обя-зательными, онъ пристрастился къ нимъ.

«Я открылъ, говорить онъ, латинскую книгу, первую пова-шуюся мнѣ подъ руку. То были овидіевы Превращенія. Каково было мое удивленіе, когда я безъ затрудненія понялъ нѣсколько стиховъ. Я повторилъ этотъ опытъ надъ другими авторами, Плиніемъ старшимъ напримѣръ, и его я понялъ. Нѣсколько мѣ-сяцевъ прежде мнѣ и въ голову не пришла бы мысль подобной

попытка, которая тогда была бы, разумеется, безуспешна... Мне казалось, что порвались пути, связывавшія мой умъ, захѣса спасъ глазъ моихъ... Слова, которыхъ я прежде не зналъ, я отгадывалъ»...

И вотъ я спустился въ море латинской древности съ твердымъ намереніемъ прочесть все, что было написано римлянами... Древность открылась мнѣ не медленно, послѣ продолжительныхъ усилій, какъ этого достигаютъ обыкновенными путями. Она явилась предо мной вся разомъ, въ одно мгновеніе, какъ ясный день безъ разсвѣта».

Онъ не довольствовался текстомъ, а читалъ почти съ такимъ же жаромъ комментаріи эльзевировскихъ изданій, доставшихся ему отъ дѣда. Текстъ и комментаріи, все было для него хорошо, лишь бы онъ находилъ въ нихъ отраженіе древняго міра. Начавъ съ отрывковъ Эннія, съ Плавта, Теренція, Лукреція, онъ дошелъ до Клавдіана, а потомъ разомъ перешелъ къ Сидонію, Аполлинарію и Григорію Турскому.

Въ это время онъ серьезно заболѣлъ. Но онъ не хотѣлъ потерять ни одного часу; одинъ изъ его товарищей читалъ ему у изголовья лучшія книги Энеиды. «Ахъ! какъ сладко было бы умереть среди очарованій Дидоны. Кто увѣритъ меня, что въ этой лхорадочной страсти къ римскимъ древностямъ не скрывался образъ моей прекрасной римлянки».

Добрый аббатъ Руссо невинно поддерживалъ въ немъ эту лхорадку. Вся его бібліотека перешла черезъ руки Эдгара. Когда отецъ послѣдняго спрашивалъ у него о сынѣ, аббатъ отвѣчалъ: «Не знаю право къ чему могутъ повести его обширныя чтенія». Послѣ чего онъ давалъ своему ученику свои лучшія изданія, лучшіе тексты, улыбаясь и покачивая головой.

Когда это первое слѣное любопытство было удовлетворено, Эдгаръ Клеэ предпринялъ снова тотъ же длинный путь; но на этотъ разъ онъ прошелъ его медленнѣе, осматриваясь, такъ сказать, на каждомъ шагу. Комментаріи Скалигера, Сигоніуса, Эразма и другихъ знаменитыхъ филологовъ, собранные при эльзевировскихъ изданіяхъ, посвятили его въ тайны глубокой филологіи. Изъ нихъ научился онъ не оставлять ни одного слова, не взвѣсивъ его, не объяснивъ его происхожденіе исторіею, нравами, законами, обычаями. «Это было для меня первое откровеніе исторіи, которую я видѣлъ не въ фактахъ, мало меня интересовавшихъ, а въ переворотахъ языка».

До-сихъ-поръ онъ не дѣлалъ никакого выбора; поэты и прозаики, Виргилій и «Естественные вопросы» Сенеки казались ему равно хороши. Теперь его любимымъ авторомъ сдѣялся Тацитъ. Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ достоинствъ Тацита, это предпочтеніе основано было на личныхъ воспоминаніяхъ Эдгара Кинэ. Въ быстрыхъ перемѣнахъ, паденіяхъ и возстановленіяхъ троновъ онъ находилъ аналогіи съ происшествіями 1814, 1815 годовъ. Въ короткихъ царствованіяхъ Гальбы и Оттона онъ видѣлъ исторію Ста-Дней. Въ германцахъ Тацита, въ полчищахъ Арміи узнавалъ онъ непріятельскіе авангарды союзниковъ. «Благодаря этой аналогіи, исторія, которую я прежде терпѣть не могъ, стала для меня живою вещью, изъ мертвой, какою она мнѣ до того казалась... Когда я читалъ у Сидонія Аполлинарія, что варвары его времени наводили масломъ усы, эта маленькая подробность напоминала мнѣ то, что я видѣлъ сто разъ въ нашихъ нѣмецкихъ, венгерскихъ и кроатскихъ гарнизонахъ... Еслибъ современники мои углубились въ самихъ себя, они сознались бы, что историческій смыслъ огромныхъ человѣческихъ массъ былъ объясненъ имъ тою же причиною, тѣмъ же зрѣлищемъ разлитія народовъ за предѣлы ихъ прежняго ложа». Въ этомъ же заключается причина особеннаго пристрастія Эдгара Кинэ, послѣ Тацита, къ Григорію Турскому, о которомъ онъ предпринялъ было трудъ, находящійся у него до-сихъ-поръ въ рукописи. Но вдругъ онъ увидѣлъ, что мѣсто было прочно занято Гизо и Огюстеномъ Тьерри, и что ему нужно было искать другаго пути. «Я и не упоминалъ бы, говоритъ онъ, объ этой первой попыткѣ, еслибъ пзъ нея не было видно, что безъ всякаго посторонняго побужденія, въ глуши, историческое чувство пробудилось въ сонномъ умѣ, естественно, самопроизвольно, воспоминаніемъ о томъ варварствѣ, въ которое мы были погружены и изъ котораго только что вышли».

Въ церкви, во время службы, Эдгаръ читалъ Библію. Нельзя было не замѣтить его огромнаго in-folio, никто однакожъ не дѣлалъ ему замѣчія, такъ что онъ имѣлъ возможность окончить ее до послѣдней строчки и прочитать въ другой разъ. Потому онъ прочиталъ такимъ образомъ «Св. Августина» и «О подражаніи Христу.»

«Это безпрестанное чтеніе священныхъ книгъ въ церкви должно бы, казалось, пробудить мою прежнюю ревность. Я ничего не дѣлалъ ни для нея ни противъ нея, но она не возвращалась.... Нельзя сказать, чтобъ я былъ нечувствителенъ къ красотамъ богослуженія; но, имѣя постоянно предъ глазами тексты Ветхаго и Новаго Заветовъ, я привыкъ разсматривать ихъ съ исторической точки зрѣнія. Я не догматизировалъ, не отрицалъ ничего, я только объяснялъ все. Едва пробудилось въ умѣ моемъ историческое чувство, никакой блескъ не могъ ослѣпить меня. Ни одной минуты я не оставался въ нерѣшимости, не колебался....»

Эдгаръ поступилъ въ философскій классъ. Руководствомъ для преподаванія философіи служила книга подъ названіемъ «*Philosophia Lugdunensis*» лонская философія, въ которой на латинскомъ языкѣ опровергались всѣ системы, а между тѣмъ о нихъ самихъ не давалось никакого понятія.

Профессоръ философіи, любезный, изящный аббатъ, хорошо умѣвшій пѣть, дурно говорившій проповѣди, хотѣлъ сойдти съ этой битой дороги, но ни одна философская мысль не проникла тогда во Францію. Классы философіи были такимъ образомъ совершенно пусты для Эдгара.

За то для него философія заключалась въ математикѣ, которая должна была, по желанію его отца, быть главнымъ предметомъ его занятій.

Подобно многимъ, Эдгаръ Кинэ раздѣлялъ предубѣжденіе, что математика есть наука трудная, изсушающая воображеніе. Но по счастью ему попался профессоръ, какъ будто нарочно для него созданный. М. Chachuat, — такъ звали его, — сохранилъ костюмъ прошедшаго столѣтія: высокія брыжи, короткіе панталоны, волосы въ косахъ, прическа, которую онъ послѣдній во Франціи оставилъ, шляпа, которую онъ забылъ перемѣнить со временемъ директоріи; густыя брови въ видѣ дугъ гиперболы, большіе черные глаза, смотрѣвшіе въ безконечность. Онъ былъ разсѣянъ какъ Менакъ, но разсѣянность эта въ немъ происходила отъ безпрерывнаго созерцанія самыхъ возвышенныхъ пѣтій. Онъ былъ похожъ вмѣстѣ и на ребенка и на Кеплера, по крайней мѣрѣ своимъ энтузіазмомъ къ формуламъ, выражающимъ законы вселенной. М. Шапуа имѣлъ двѣ страсти: одну къ интегральному исчисленію, другую къ волшебнымъ сказкамъ.

Въ маленькихъ волшебныхъ существахъ онъ нашелъ какую-то аналогію съ бесконечно-малыми величинами, что приходилось по сердцу и ученику его. «Его энтузіазмъ, говоритъ послѣдній, возбудилъ во мнѣ сочувствіе къ тому, что было мнѣ еще совсѣмъ неизвѣстно. Съ перваго слова я доставилъ ему случай повѣрить мнѣ тотъ истинно священный пламень, которой онъ не осмѣливался никому показывать.» Эдгаръ высказалъ ему свое предубѣжденіе противъ математики, тотъ увѣрилъ его, что для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ высшей математики нужно такое же вдохновеніе, какъ и написать олимпіку Пиндара. «Онъ не только училъ меня математикѣ, продолжаетъ Кинэ, онъ сдѣлалъ больше, онъ заставилъ меня полюбить ее. Это былъ единственный учитель, который принесъ мнѣ пользу...»

Странность этой науки, по словамъ его, удивляла его. Все въ ней было для него ново, неожиданно. Онъ наслаждался непоколебимыми истинами, которыя казались ему изумрудными колоннами, неподвижными, твердыми, поставленными среди хаоса его, находившагося въ броженіи, ума. «Я съ безопасностью опирался на нихъ, говоритъ онъ, міръ укрѣплялся ими въ моихъ глазахъ и я осмѣливался идти дальше.»

Онъ любилъ какъ пнеогорецъ невозмутимую чистоту геометріи. Таинственный, но ясный языкъ алгебры, выразившій только общія истины, отбрасывая всѣ частности, казался ему языкомъ боговъ.

Еще больше онъ былъ увлеченъ аналитической геометріей. Мысль, возможность выразить кривую линію алгебраическими знаками, казалась ему также изящною, какъ Иліада. Когда уравненіе подъ его руками разрѣшалось на множество истинъ одинаково несомнѣнныхъ, вѣчныхъ, ему казалось, что онъ обладаетъ ключомъ къ тайнамъ міроздаія.

«Я обязанъ также математикѣ моимъ обращеніемъ къ парадоксамъ и я никогда себѣ не позволилъ ни одного, хотя былъ убѣжденъ, что это самое лучшее, вѣрное средство подѣйствовать на общество испорченное.»

Но увлеченіе Эдгара остывало, какъ скоро нужно было перейти къ подробностямъ, возвратиться назадъ, когда не наука становилась цѣлью, а экзаменъ. Съ высоты вѣчныхъ истинъ онъ падалъ тогда на землю, другія идеи толпились въ его головѣ. День проходилъ въ такихъ занятіяхъ. Ночью Эдгаръ Кинэ осторожно зажигалъ свою лампу и устанавливалъ ее такъ, чтобы ни одинъ лучъ не могъ измѣнить ему. Лежа въ постелѣ онъ

читалъ въ оригиналѣ итальянскихъ поэтовъ Данта, Петрарку, Аріосто, Тассо среди глубокой тишины ночи и часто засыпалъ, шепча дантовскія терцины, мерещившіяся глазамъ его въ блестящихъ образахъ. «Перечитывая потомъ этихъ великихъ поэтовъ, во мнѣ оставалось всегда утреннее впечатлѣніе тѣхъ минутъ, мнѣ чудился бой городскихъ часовъ на колокольнѣ... Эти минуты принадлежать къ самымъ сладкимъ въ моей жизни...»

Среди этихъ занятій, гдѣ онъ находилъ время производить цѣлый потокъ стиховъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. Всѣ его книги, всѣ тетради были ими исписаны, не исключая даже копическихъ сѣченій, къ великому неудовольствію его другаго профессора математики, Клерка, принадлежавшаго къ строгой школѣ Лапласа и Лагранжа.

То были крики скорби, страшной борьбы противъ собственныхъ чувствъ, пѣсни побѣды, признаніе новыхъ паденій, проклятія противъ самого себя, иногда противъ той, которой образъ неотвязно преслѣдовалъ его, хотя она была совершенно невинна въ этомъ внутреннемъ смятеніи.

«Страданія мои дѣлались сноснѣе, говоритъ Эдгаръ Кинэ, когда я выражалъ ихъ....»

«По мѣрѣ того, какъ я составлялъ эти стихи, я имѣлъ здравый смыслъ сжигать ихъ, сообщивъ ихъ прежде моему Арстарху, матери.» Ея критики не были ни слишкомъ строги, ни слишкомъ снисходительны. Она употребляла насмѣшку только тогда, какъ онъ впадалъ въ слишкомъ черную меланхолію и въ подражаніе римлянамъ.

«Я вижу съ удовольствіемъ, писала она ему однажды, что не смотря на твою неистовую страсть, ты не забываешь, мимоходомъ, запустить руку въ Тибулла и Проперція и это совершенно меня разувѣряетъ на твой счетъ.»

Онъ написалъ также въ это время стихотворную хроніку «Souvenirs d'enfance.» Это зародышъ произведенія, которое мы читаемъ теперь, спустя сорокъ лѣтъ, въ прозѣ, подъ названіемъ «Histoire de mes idées.»

«Я привязывался все болѣе и болѣе къ этому берегу, по мѣрѣ того, какъ я удалялся отъ него. Я вступаю въ будущее съ безпокойствомъ. Меня ослѣпляло то яркое солнце, которое начинаетъ блестять вмѣстѣ съ юностью, мнѣ хотѣлось опять погрузиться въ разсвѣтъ первыхъ дней.»

Эдгаръ Кинэ въ своихъ запискахъ посвящаетъ нѣсколько теплыхъ строкъ воспоминанію о своихъ товарищахъ въ ліонской коллегіи. Имена нѣкоторыхъ сдѣлались потомъ извѣстными, другіе были пожаты раннею смертію. Мы упомянемъ только объ одномъ.

«Жюль Жаненъ, говоритъ Кинэ, былъ моложе насъ двумя, тремя годами. Ахъ, добрый товарищъ! Что за прекрасная дѣтская головка, остроумная, открытая! Прекрасные, черные волосы, завивавшіеся въ кудри! Сколько откровеннаго, дѣтскаго смѣху раздавалось въ нашихъ темныхъ корридорахъ! Жюль Жаненъ хорошо игралъ на арфѣ. Онъ виѣтѣ съ Кинэ участвовалъ въ церковныхъ концертахъ. Кинэ игралъ на скрипкѣ, Жаненъ на арфѣ, учитель его на басѣ, другой на альтѣ, а профессоръ философіи подтягивалъ имъ своимъ звучнымъ, чистымъ голосомъ....

Наконецъ наступилъ день экзамена въ политехническую школу, куда назначалъ его отецъ. Эдгаръ чувствовалъ, какую неприятность нанесъ бы онъ ему, еслибъ дурно кончилъ экзаменъ. Эта мысль смущала его и онъ отвѣчалъ хуже, нежели могъ бы отвѣчать. Честь была спасена и только. Объявили, что онъ можетъ быть принятъ. Отецъ его имѣлъ великодушіе показать себя довольнымъ, *принимая во вниманіе его возрастъ.*

Послѣ этого Эдгаръ Кинэ простился навсегда съ коллегіей. Обрадовавшись своей свободѣ, онъ пошелъ въ Сертинъ пѣшкомъ, неся за плечами на палкѣ двухъ своихъ неразлучныхъ спутниковъ — скрипку и Библию in-quarto.

Онъ провелъ въ Сертинѣ нѣсколько времени среди самаго полнаго семейнаго счастья. Въ сестрѣ своей онъ нашелъ вмѣсто ребенка, какимъ ее оставилъ, высокую, стройную и хорошенькую дѣвушку. Они читали вмѣстѣ Гольдсмита, Вальтера Скотта, Байрона, Купера, которые для нихъ обоихъ были еще новы. Сколько приэтомъ было замѣчаній, примѣненій другъ къ другу героевъ и героинь, споровъ, которые разрѣшали матерью, умѣвшемъ всегда отдать справедливость обоимъ. У Эдгара спрашивали о прежней его страсти, онъ съ гордостью объявилъ, что побѣдилъ ее.

«Мы чувствовали, говоритъ онъ, что эти счастливыя минуты пройдутъ скоро и никогда не возвратятся и рѣшились наслаждаться ими, ничѣмъ ихъ не смущая.»

Но «миръ мой былъ возмущенъ, когда я слушалъ внутренній голосъ, призывавшій меня къ литературѣ. Я не довѣрялъ этому голосу, я видѣлъ въ немъ демона искусителя, который хотѣлъ завлечь меня въ сѣти. Если я поддавался ему, я чувствовала тѣмчасъ свое безсиліе.»

Это чувство безсилія было слѣдствіемъ тогдашняго положенія Франціи. Новое поколѣніе, которое должно было возобновить столько идей, самый языкъ даже, только рождалось. Ни одно изъ тѣхъ именъ, которые мы привыкли произносить въ продолженіе сорока лѣтъ, не выходило еще изъ мрака. Куда не обратимъ взоры, вездѣ пустота, въ поэзіи, въ исторіи, въ философіи... Ни одинъ голосъ не возвышался, чтобъ сказать: «вотъ дорога». Эдгаръ Кинэ былъ безъ путеводителя, безъ образца, которому онъ могъ бы слѣдовать, безъ товарища. Одиночество приводило его въ отчаяніе. Онъ не зналъ, что другіе умы страдали въ то время тою же болѣзнію.

Но въ этой общей болѣзни не было ничего похожего на сплннъ, на усталость, на пресыщеніе. То было скорѣе нетерпѣніе жить, лихорадочное ожиданіе будущаго, неутолимая жажда возраждающейся мысли послѣ безплодія имперіи.

«Франція похожа была на землю, только что вышедшую изъ продолжительной зимы. Ни листика, ни цвѣтка. Низкая трава едва пробиваетъ послѣдній снѣгъ. Птицы еще не возвращались, все молчитъ, но все въ ожиданіи новаго времени года, хорошее зерно молчаливо прозябаетъ въ бороздѣ. Земледѣлецъ имѣетъ вѣрное предчувствіе, что хлѣбъ взойдетъ.»

Это предчувствіе имѣлъ и Эдгаръ Кинэ, надежду на возрожденіе Франціи и вновь поддавался внутреннему голосу.

Но тутъ явилась новая борьба. Что дѣлать? Продолжать ли восемнадцатый вѣкъ, въ идеяхъ котораго онъ былъ воспитанъ, вскормленъ, или начать девятнадцатый?

Въ этомъ столкновеніи двухъ вѣковъ выдавались двѣ фигуры — Шатобрианъ и мадамъ Сталь. Но съ ними затрудненіе увеличивалось: такъ все было въ нихъ противоположно. Одинъ католикъ, другая протестантка, взоръ одного былъ обращенъ къ среднимъ вѣкамъ, другой устремленъ въ земное будущее. Языкъ Шатобріана былъ свободенъ, мысль казалась скованною. Блескъ его ослѣпленъ, но не освѣщенъ. Напротивъ того у мадамъ Сталь мысль была свободна, языкъ связанъ. При тускломъ свѣтѣ ея пророчанія Кинэ говорилъ самому себѣ: «Въ эту сторону нужно идти. Здѣсь жизнь, здѣсь все мои предчувствія.»

Когда отъ этихъ двухъ фигуръ Эдгаръ Кинэ обращалъ взоръ къ массамъ, онъ не видѣлъ никакого желанія, никакого стремленія къ новому; напротивъ того сомнѣнiе, насмѣшку при каждой попыткѣ сойдти съ торной дороги.

Литературная и философская революція очевидно должна была быть произведена не общимъ движенiемъ умовъ, а смѣлымъ перывомъ немногихъ, которые возмущаются пробудить уснувшую толпу. «Но кто осмѣлится начать? Никого нѣтъ?» спрашивалъ онъ самого себя.

«Удивленiе, недовѣрiе другихъ, безпокойство моей матери было единственнымъ отвѣтомъ.»

«Я пробуждался тогда вдругъ отъ прекраснаго сна...» Ожиданiе новаго мiра, предчувствiе новой жизни, надежда, уступали мѣсто дѣйствительности.

Между тѣмъ мнѣнiе выбрать положительную карьеру приближалась и не могла быть отложена. Эдгаръ Кинэ велъ объ этомъ продолжительныя совѣщанiя съ сестрою и матерью, которая вывела заключенiе, что Эдгаръ «имѣлъ отвращенiе отъ всѣхъ занятiй, которыя могутъ ему доставить кусокъ хлѣба.» Отецъ рѣшилъ за всѣхъ. Онъ объявилъ, что сынъ его назначенъ въ политехническую школу. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней, въ ноябрѣ 1820 года, Эдгардъ Кинэ уѣхалъ съ отцемъ въ Парижъ, гдѣ предстоялъ ему новый экзаменъ *).

Въ Парижѣ, въ самую рѣшительную минуту, онъ категорически объявилъ отцу, что не поступитъ въ военную службу, не желая служить подъ бѣлымъ знаменемъ. Призракъ 1815 года былъ еще свѣжъ въ его памяти. Послѣ такого отказа, Жеромъ Кинэ захотѣлъ сдѣлать его правовѣдомъ, для чего и оставилъ его въ Парижѣ. Такимъ образомъ пятнадцатилѣтнiй Кинэ очутился совершенно на свободѣ, кромѣ отдаленнаго влiянiя матери, съ которой велъ самую дѣятельную переписку. Въ своей маленькой комнатѣ, въ улицѣ Бюффо, онъ принялся изучать права съ обыкновеннымъ своимъ прилежанiемъ, отдавая остальное время любимымъ своимъ занятiямъ — поэзiи, которая не переставала пѣть въ душѣ его, исторiи, философiи.

Но вдругъ онъ былъ оторванъ отъ этого самымъ неожиданнымъ образомъ. Нѣкоторые изъ его родныхъ, богатые капита-

*) Здѣсь оканчивается къ сожалѣнiю «Histoire de mes Mées» и мы не можемъ съ такою же подробностью разсказать остальное время жизни, но имѣя уже такого прекраснаго источника.

листы присовѣтовали его отцу помѣстить его у одного банкира, что по ихъ мнѣнію было гораздо полезнѣе наукъ, ни къ чему не ведущихъ. Но Эдгаръ Кинэ слишкомъ много мечталъ, слишкомъ много слагалъ стиховъ, слишкомъ много дѣлалъ ошибокъ въ сложеніи, чтобы успѣть въ этой сферѣ, изъ которой онъ вырвался такимъ рѣшительнымъ поступкомъ, какимъ набавился отъ политехнической школы. Отецъ его разсердился на это и оставилъ его безъ всякой помощи. Покинутый всѣми, еще не ясно сознавая цѣль, къ которой стремился, Эдгаръ Кинэ долженъ былъ вести ту жизнь безъ завтрашняго дня, въ которой кажется суждено выработываться такимъ личностямъ. Одинъ другъ въ это время утѣшалъ его. То былъ его землякъ, простой рисовальщикъ на тканяхъ, но сердце артиста, способное понять поэтическое сердце своего друга.

Благодаря стараніямъ матери, Жеромъ Кинэ согласился примирится съ сыномъ съ условіемъ, чтобъ онъ продолжалъ прерванные занятія правомъ. Эдгаръ Кинэ согласился. Право могло имѣть для него теорическій интересъ, имѣя отношеніе къ исторіи и философіи; но онъ не могъ видѣть въ немъ средство сдѣлать себѣ карьеру въ томъ мірѣ, гдѣ все противорѣчило его мыслямъ и чувствамъ. Впрочемъ, благодаря усилію, которое сдѣлалъ надъ собою, и своимъ прекраснымъ способностямъ, онъ съ успѣхомъ окончилъ первые три экзамена.

Примирившись съ своими, онъ каждый годъ проводилъ вакаціи въ деревнѣ съ матерью и сестрою, среди воспоминаній дѣтства. Послѣдній годъ онъ остался тамъ на цѣлую зиму, впродолженіе которой призваніе его опредѣлилось.

Онъ пристрастился къ философіи, исторіи, къ изученію того первобытнаго міра, который былъ ему внушенъ дѣвственной природой Сертина. «Еслибъ я далъ естественный ходъ этому инстинкту, говоритъ онъ, я не могъ бы оторваться отъ идеи рождающейся вселенной; съ самого дѣтства я потерялся бы въ созерцаніи послѣдней воды петопа.»

Такимъ образомъ, не зная еще ни Вько, ни германскихъ философовъ-историковъ, онъ по собственному внутреннему побужденію преслѣдовалъ развитіе личности чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ въ сочиненіи *Histoire de la conscience humaine et de la personnalité morale*. Въ другомъ, болѣе обширномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Institutions politiques dans leurs rapports avec la religion* онъ олицетворялъ въ образахъ различныя эпохи христіанской цивилизаціи. Эти сочиненія не были напечатаны.

Одно обстоятельство разстроило его занятіе.

Одинъ изъ его друзей намѣревался ѣхать въ Америку. Эдгаръ Кинэ хотѣлъ ѣхать съ нимъ, онъ хотѣлъ увидѣть Новый Свѣтъ, землю Вашингтона и свободы. Домашніе успѣли его отговорить, другъ уѣхалъ одинъ. Но вскорѣ, возвращаясь къ прежнему желанію, онъ поѣхалъ въ Англію, разчитывая отправиться оттуда въ Америку. Съ намѣреніемъ познакомиться предварительно съ англо-саксонскими нравами и языкомъ, онъ зажилъ въ Англіи цѣлый годъ. Наконецъ онъ уже готовился сѣсть на корабль, чтобы плыть въ Америку, какъ вдругъ получаетъ письмо отъ матери, которое извѣщало, что сестра его опасно больна. Онъ откладываетъ свое путешествіе и спѣшитъ на родину обнять сестру. Сестра выздоровѣла, и онъ остался. Съ этого времени начинается настоящая литературная дѣятельность Эдгара Кинэ, очеркъ которой мы представимъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Обзоръ литературной дѣятельности Эдгара Кинэ.

Въ этотъ обзоръ мы намѣрены только слегка коснуться содержания и значенія сочиненій Эдгара Кинэ, относя къ особенной главѣ, подробный разборъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Первое изъ напечатанныхъ его сочиненій было сатирическая фантазія подъ названіемъ «*les tablettes du Juif Errant*», вышедшая въ 1822 году. Въ предисловіи къ послѣднему изданію его, онъ самъ отзывается о немъ, какъ о написанномъ «безъ искусства, безъ цѣли, безъ изобрѣтательности.» Но сужденіе это, кажется, слишкомъ строго. Въ немъ много остроумія и здраваго смысла. Это первая реакція правдивой мысли противъ философскихъ и литературныхъ системъ того времени, которыя въ сущности повторяли все ту же старую пѣсню на новый ладъ. Но талантъ Эдгара Кинэ былъ призванъ скорѣе творить, чѣмъ разрушать. Легкаго знакомства съ Гердеромъ по французскимъ критикамъ было для него достаточно, чтобы понять значеніе этого мыслителя въ философско-исторической наукѣ. Въ немъ онъ увидѣлъ союзъ германскаго гениа съ французскимъ гениемъ XVIII вѣка, онъ видѣлъ въ немъ, по собственному выраженію, разсвѣтъ прекраснаго дня, восходящаго надъ человѣчествомъ.» Кинэ рѣшился

перевести его «Идеи о философии истории человечества.» Представлялось одно затруднение, онъ не зналъ ни слова по-нѣмецки, такъ что ему пришлось три раза передѣлывать весь переводъ сначала до конца. Наконецъ онъ издалъ его съ присоединеніемъ введенія: *Introduction à la philosophie de l'histoire de l'humanité.* Въ этомъ введеніи двадцатидвухлѣтній мыслитель разобралъ и обсудилъ своего учителя такъ, что невольно удивляешься смѣлости, съ которою молодой человѣкъ погрузился въ самые глубокіе вопросы судебъ человѣческихъ. Тамъ уже встрѣчаются главныя идеи той исторической системы, которая служила впоследствии основаніемъ болѣе зрѣлымъ идеямъ автора. Свобода, какъ основаніе и сущность гражданской исторіи; порядокъ нравственный, господствующій надъ хаосомъ событій; царство сознанія, возвышающееся надъ слѣпымъ царствомъ природы; человѣчество, завернутое въ зародышъ въ каждомъ человѣкѣ; индивидуумъ отражающій судьбы плѣга рода; смутное чувство предшествующаго человѣчества въ каждомъ человѣкѣ, являющемся на свѣтъ; всѣ эти идеи впоследствии только утвердились въ немъ. «Къ чему служила бы жизнь, говоритъ онъ, еслибъ зрѣлый возрастъ не подтверждалъ юности, еслибъ старость не подтверждала зрѣлаго возраста.»

Въ тоже время онъ написалъ сочиненіе о Боссюэ, котораго разбираетъ на основаніи своихъ идей о философіи исторіи. Сочиненіе это не было напечатано.

Патріархъ германской литературы, Гёте съ похвалою отзывался о переводѣ Гердера и особенно рекомендовалъ введеніе.

Во Франціи успѣхъ былъ не меньше. Эдгаръ Кинэ, который до того времени имѣлъ только одного покровителя, водевилиста Балра рѣшился представиться съ экземпляромъ своего труда къ «новому Платону» Кузену. Философъ принялъ его на античный матеръ, въ постели, впрочемъ благосклонно. Вскорѣ эта благосклонность обратилась въ удивленіе. Прочитавъ книгу молодаго незнакомца, онъ сказалъ: «Да такъ начинаютъ великіе писатели». Кузенъ, философъ теперь обращенный, не подозрѣвалъ, что великій писатель, котораго онъ предсказывалъ раждавшуюся славу, сдѣлается самымъ сильнымъ противникомъ эклектизма и непослѣдовательности. У Кузена Кинэ встрѣтился въ первый разъ съ Мишлэ. Кузенъ, который подъ старость сдѣлался благочестивымъ поклонникомъ прелестныхъ развратницъ великаго вѣка, считался тогда водителемъ французской молодежи. Къ нему пришелъ и Мишлэ съ переводомъ Вико. Съ перваго же дня

знакомства эти два человека, Кинэ и Минле, завязали ту честную, святую дружбу, которую могли только увеличить тридцать два года трудовъ, несчастій и борьбы за общее дѣло.

Въ этихъ двухъ благородныхъ умахъ обручились геній Вилло и геній Гердера, произведя новый геній ни итальянскій, ни германскій, а общечеловѣческій.

Но Эдгаръ Кинэ не долго остался въ Парижѣ наслаждаться первымъ своимъ успѣхомъ. Въ 1827 году онъ уѣхалъ въ Германию, гдѣ вступилъ въ сношенія со всеми знаменитостями гейдельбергскаго университета, Нибуромъ, Шлегелемъ, Тикомъ, Гёрресомъ, Уландомъ, Даубомъ и въ-особенности съ Крейцеромъ. Тамъ онъ окончательно усвоилъ науку и поэзію Германіи, окончилъ благоговѣйное изученіе наставника и написалъ «Essai sur les oeuvres de Herder».

Но вдругъ онъ покидаетъ свои связи, свои любимые труды, покидаетъ Германию, обращая къ ней слѣдующія слова:

«Прощай гостепримная, мирная страна! Что могу я дать тебѣ взамѣнъ того, что отъ тебя получилъ? У тебя нѣтъ ни пріятнаго климата Франціи, ни драгоценной свободы Англіи, ни дикой природы Шотландіи, ни упоеннаго миртами воздуха романтическаго Прованса, ни античныхъ развалинъ Италіи. Но въ глубинѣ твоихъ молчаливыхъ долинъ, подъ дубами Арменія, пробивается чистый источникъ высокой мысли, къ которому соберутся рано или поздно утомленные народы».

Съ 1821 по 1829 годъ греческія дѣла возбуждали, какъ извѣстно, живѣйшій интересъ во всей Европѣ. Греція возражалась. Поэты слагали пѣсни въ честь родины прекраснаго. Эдгаръ Кинэ, опираясь на авторитетъ своихъ свидѣній въ эллинскихъ древностяхъ, предложилъ министру Мартиньяку послать въ слѣдъ за французской арміей ученую экспедицію для изслѣдованія Морей. Предложеніе было принято. Французскій институтъ назначилъ Кинэ членомъ экспедиціи. Ему довелось быть въ Греціи въ торжественную минуту. Война и чума опустошали еще Элладу и на ея древнія развалины нагромождались новыя, но въ то же время онъ былъ свидѣтелемъ высокаго зрѣлища возрожденія народа. Онъ описалъ свое путешествіе въ сочиненіи «La Grèce moderne et ses rapports avec l'antiquité», отъ котораго, если можно такъ выразиться, вѣетъ воздухомъ Эллады. Обнимая древнюю и новую Грецію, т. е., прошедшее, настоящее и будущее, книга эта, среди столькихъ пристрастныхъ сочиненій о Греціи

въ настоящее время, составляет не безплодное эхо эпохи греческаго возрожденія.

По возвращеніи въ отечество, встрѣтилъ онъ опять водруженнымъ трехцвѣтное знамя, недавно ниспровергнутое.

«Путешественникъ, говоритъ онъ въ предисловіи перваго изданія сочиненія о Греціи, путешественникъ оставившій свою родину въ траурѣ, находитъ ее въ радости. Онъ ушелъ, чтобъ не видѣть въ своемъ городѣ красноты на лбу каждаго прохожаго. И вотъ, возвратившись, — лучше золотыхъ лучей на лазурномъ заливѣ, лучше обогранныхъ вершинъ Тайгета, лучше женщины, заснувшей подъ тѣнью померанцевъ, лучше ночи на морѣ, лучше утра среди аллей античныхъ мраморовъ, — любятъ онъ наши мутныя рѣки и ихъ тусклое солнце, народъ на переулкахъ, наши готическія башни, которыя какъ прошлые вѣка нашей исторіи, привѣтствуютъ его возвращеніе знаменемъ Жемалла». По поводу совершившагося тогда во Франціи переворота, онъ написалъ нѣсколько брошюръ, какъ *De la philosophie dans ses rapports avec l'histoire politique, l'Allemagne et la révolution, Système politique le l'Allemagne*, въ которыхъ высказывалъ свои политическія убѣжденія, предсказывалъ за семнадцать лѣтъ паденіе системы, принятой Луи-Филиппомъ. Въ тоже время онъ помещалъ въ журналахъ, особенно въ *Revue des deux mondes*, свои чисто литературные и ученые труды. Между прочимъ онъ отрылъ въ бібліотекахъ неизвѣстныя до того времени французскія эпопеи XII вѣка, которыя расширяютъ на три столѣтія горизонтъ французской литературы. Это открытіе возбудило въ ученѣмъ мірѣ жаркій споръ, изъ котораго нашъ авторъ вышелъ побѣдителемъ.

Къ этому же времени относится небольшая статейка въ семь или восемь страницъ подъ заглавіемъ «*de l'Avenir des religions*» вызванная религиозными нововведеніями, занимавшими Францію въ первые дни ея пробужденія и въ особенности системою Сенъ-Симона. Въ ней Эдгаръ Кинэ широкой кистью начертилъ планъ капитальнаго труда цѣлой жизни «*Histoire des religions*». Главные выводы его можно было уже предвидѣть изъ этой статейки.

Другое, тоже небольшое сочиненіе «*De l'origine des dieux*», явившееся нѣсколько прежде, содержитъ зародышъ сочиненія «*Genie des religions*».

Въ это пребываніе въ Парижѣ онъ вошелъ въ дружескія сношенія съ тогдашними французскими знаменитостями Баллан-

шемъ, Амперомъ, Ламна, Форіелемъ, Машеномъ, де Жерандо и другими.

По смерти отца, въ 1832 году, онъ совершилъ путешествіа по Италіи, посѣтилъ Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, изучая нравы людей и событія.

«Я читалъ въ Ломбардіи, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія объ Италіи, записки Сильвіо Пеллико и удивлялся подобно другимъ, святости этой мученической души.»

«Еслибъ это высокое смиреніе, еслибъ эта покорность воли были послѣднимъ словомъ Италіи, ничего больше не оставалось бы, какъ проливать надъ ней вѣчныя слезы.»

«Но пока есть еще надежда и осталось дыханіе жизни, лучше не выгѣчиваться такъ скоро отъ ненависти, посѣянной Макиавелемъ и Петгаркой, единственной страсти, которая препятствуетъ мертвымъ разлагаться.»

Въ Италіи окончилъ онъ свое произведеніе «*Ahasvérus*, поэму въ прозѣ, задуманную еще въ юности, подъ сводами старинной церкви, по поводу которой онъ написалъ впоследствии «*Des arts de la rénaissance et de l'église de Brou.*»

Поэма получила названіе отъ своего символическаго героя. Блуждающій Ахасверъ представляетъ человѣчество, страдающее недугомъ ожиданія, жаждущее истины, человѣчество, бережное великой мыслью. Это не крикъ отчаянія, какъ говорятъ нѣкоторые, а напротивъ торжественный гимнъ надеждѣ, будущему. Принцесса Марія Орлеанская составила и исполнила къ этой поэмѣ два барельефа и одну группу. Извѣстный французскій живописецъ, недавно умершій *Ary Scheffer*, сдѣлалъ къ ней нѣсколько рисунковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были отгравированы. Въ отсутствіе Эдгара Кинэ, мадамъ Кинэ продала Сертинъ. Проѣзжая по близости, онъ хотѣлъ его видѣть. Но какъ все измѣнилось. Тамъ, гдѣ стоялъ ихъ домъ, онъ увидѣлъ только гладкое мѣсто, поросшее зеленью, ни одного признака прежняго строенія, ни одного даже дерева. «Съ этой минуты, говоритъ онъ, я почувствовалъ себя искорененнымъ изъ земли. Я принадлежалъ бурѣ, она могла меня подхватить и унести, куда хотѣла.» И въ этотъ разъ, не долго пробывъ во Франціи, онъ снова отправился въ Германію. Здѣсь написалъ онъ объ ней нѣсколько статей, составившихъ впоследствии первую часть книги «*Allemagne et Italie*», изданной въ 1836 году. Въ статьяхъ этихъ Эдгаръ Кинэ старался примирить два противоположные генія, германскій и французскій, призывая ихъ на общее дѣло

правды и свободы. Гёте умеръ. Эдгаръ Кинэ положиъ на голову поэта-мыслителя послѣдній вѣнокъ. «Гёте умеръ, говорятъ онъ. Вотъ минута вскрикнуть: *le roi est mort! vive le roi!*». Но въ то же время онъ радуется наступленію новаго періода германской литературы, привѣтствуетъ Кёрнера, Уланда, котораго называетъ нѣмецкимъ Беранже. Но вскорѣ судорожный порывъ, возбужденный новою школою поэтовъ, ослабѣлъ. Германія отъ неподвижнаго пантеизма Гёте перешла къ неумолимому отрицанію Гёрреса. Эдгаръ Кинэ обличаетъ зло, возстаетъ противъ сомнѣнія и отрицанія и призываетъ ее къ вѣрѣ въ человѣчество.

Въ 1834 году Эдгаръ Кинэ женился на дочери протестантскаго министра въ Гейдельбергѣ, и провелъ тамъ и въ Баденѣ первые мѣсяцы брака.

По возвращеніи въ Парижъ онъ напечаталъ стихотворное произведеніе «*Napoleon*». Вотъ какъ онъ объясняетъ самъ значеніе этой поэмы:

«Я избралъ Наполеона предметомъ героической поэмы въ то время, какъ его останки были изгнаны изъ міра. Я заявилъ его память, когда она вновь стала могущественною. Вотъ единственная лестъ, въ которой я могу себя обвинить....

«Я хотѣлъ сдѣлать Наполеона выше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Мой герой обрушился на меня самаго и раздавилъ меня своими обломками. Я старался ввести его въ ту вѣчно ясную сферу, въ которой держатся фигуры Прометей, Ахилла, до сихъ поръ господствующія надъ воображеніемъ человѣчества. Дуновеніе вѣка было сильнѣе меня. Наполеонъ не могъ остаться для насъ поэтической личностью.»

«Со мной случилось тоже, что съ Луканомъ. Исторія отмстила намъ обомъ, поставивъ на ряду съ его Цесаремъ и моимъ Наполеономъ, неумолимую дѣйствительность.»

Эпическая трилогія, которой «*Ahasvérus*» и «*Napoleon*» составляютъ первую и третью части, закончилась поэмою «*Prométhée*», вышедшею около того же времени. Это лучшее изъ стихотворныхъ произведеній Эдгара Кинэ. Прометей есть символическое изображеніе борьбы, совершающейся въ каждомъ изъ насъ, борьбы человѣка съ безконечностью, внутренней, никогда нескончаемой драмы.

Въ 1836 году написалъ онъ «*Histoire de la poésie épique.*» Это сочиненіе составляетъ, такъ сказать, предисловіе и комментарий попытокъ, сдѣланныхъ авторомъ воскресить эпическій родъ во Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ краткій, но полный обзоръ

поэтическихъ преданій чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ отъ Илиады до цикла Артура, Эддъ, Нибелунговъ и народныхъ пѣсень нынѣшнихъ славянъ.

Два года спустя написалъ онъ «Examen de la vie de Jesus». Это теологическая, философская и историческая критика знаменитаго сочиненія доктора Штраусса. Опровергая крайнія приложенія пантеизма нѣмецкаго ученаго, онъ доказываетъ въ тоже время, что Евангеліе, какъ и большія національныя поэмы, не могло быть произведеніемъ многоличнаго автора, массы.

Бросая взглядъ на этотъ первый десятилѣтній періодъ литературной дѣятельности нашего автора, нельзя не замѣтить чрезвычайнаго разнообразія его произведеній. Философія, исторія, критика, поэзія, политика, всѣ роды, всѣ предметы кажутся безъ порядка, безъ связи перемѣшанными въ его сочиненіяхъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ ними становится видно, что всѣ они выражаютъ одни и тѣ же принципы, одну и ту же идею и объясняются и пополняются одно другимъ, всѣ они написаны послѣ глубокаго изученія предмета и достались автору цѣною неустоимаго труда. Между ними нѣтъ ни одной брошюры, ни одного летучаго листа, которые можно бы было назвать посредственными.

Въ этомъ человѣкѣ такъ странно соединились талантъ журналиста съ геніемъ мыслителя, поэтическая живость воображенія съ глубокомысліемъ ученаго.

VI.

Профессорская и политическая дѣятельность Эдгара Кинэ. — Смерть матери. — Изгнаніе.

Официальная дѣятельность Эдгара Кинэ какъ профессора и потомъ какъ народнаго представителя, къ описанію которой мы переходимъ, сливается съ общей исторіей политическихъ, религиозныхъ и соціальныхъ споровъ, происходившихъ въ то время во Франціи. Изложеніе ихъ вывело бы насъ изъ естественныхъ предѣловъ этой статьи. Поэтому послѣдующій разговоръ представитъ какъ бы одинъ уголокъ огромной исторической картины, которая ожидаетъ художника.

Въ 1838 году министръ народнаго просвѣщенія Сальванди предложилъ Э. Кинэ, не смотря на то, что онъ не имѣлъ никакой университетской степени, наосреду иностранныхъ литера-

туръ въ Лионскомъ факультетѣ словесности. Оградивъ прежде всего независимость своихъ убѣжденій, онъ принялъ эту кафедру не какъ спокойное мѣсто, полученное за услуги, сдѣланныя имъ наукѣ, а какъ новый театръ дѣятельности, дававшій ему возможность замѣнить книгу живымъ словомъ, порой глубже западающимъ въ сердца.

Онъ открылъ свой курсъ 10-го апрѣля 1839 года вступительнымъ чтеніемъ о нравственномъ единствѣ новыхъ народовъ.

Промышленность и торговля, говоритъ онъ жителямъ большаго мануфактурнаго города, не исключаютъ искусствъ свободныхъ. Во всякой, даже матеріальной дѣятельности человѣка лежитъ въ основаніи идея, къ которой онъ стремится неизбежно, поэзія, искусство, философія. — Потомъ переходя къ настоящему предмету своего курса, онъ старался объяснить его значеніе. Цѣлью его не было научить своихъ слушателей болтать на двухъ, трехъ иностранныхъ языкахъ, или познакомить ихъ съ какимъ нибудь экзотическимъ произведеніемъ. Онъ хотѣлъ изгнать изъ французскаго словаря слово «étranger», уничтожить «Пиринеи» между народами, оплодотворить геній Франціи союзомъ его съ геніемъ другихъ народовъ. Но собственно литература достаточна ли для этой цѣли? Нѣтъ. Были народы, которые не оставили ни одной книги, и сказали впрочемъ міру свое слово. «Курсъ нашъ, говоритъ профессоръ, будетъ исторія цивилизаціи, извлеченная изъ памятниковъ мысли. Религія въ-особенности служитъ огненнымъ столпомъ, предшествующимъ народамъ въ ихъ историческомъ пути: она будетъ намъ путеводительницею. Но религія идетъ, окруженная поэзіей и въ сопровожденіи философіи: мы ихъ не будемъ раздѣлять».

Съ самого начала Э. Кинэ откровенно вступилъ на тотъ путь, по которому смѣло продолжалъ идти, пока не былъ остановленъ силою событій. Предметомъ перваго его курса въ Лионѣ была цивилизація древнихъ народовъ. Онъ послужилъ потомъ основаніемъ сочиненію «Le génie des religions». Лионское юношество тѣснилось вокругъ учителя съ неописаннымъ энтузіазмомъ. Парижъ узналъ объ успѣхахъ новаго профессора, и на одной изъ лекцій явился Сальванди, пріѣхавшій нарочно за тѣмъ въ Лионъ. По окончаніи лекціи министръ осыпалъ Кинэ похвалами за смѣлость и глубину его идей. Онъ читалъ въ этотъ разъ объ отношеніи религіи персовъ къ христіанству.

Но среди профессорскихъ занятій Э. Кинэ не забывалъ обязанности публициста. По поводу восточнаго вопроса, который

занималъ тогда политиковъ и дипломатовъ, и въ которомъ Франціи приходилось играть незавидную роль, онъ бросилъ двѣ сильныхъ брошюры, въ которыхъ откровенно высказалъ свое мнѣніе о положеніи Франціи, напоминалъ ей о славномъ, такъ скоро забытомъ времени, жалѣлъ о раздорѣ буржуазіи съ народомъ и предсказывалъ послѣдней готовую разразится надъ ней бурю. Не смотря на это Вильменъ, тогдашній министръ народнаго по-свѣщенія, создалъ нарочно для Кинэ катедру южныхъ литературъ во французской коллегіи (Collège de France) и пригласилъ его занять ее. Pamфлетистъ сначала колебался, боясь стѣснить свободу своихъ мнѣній. Онъ поблагодарилъ министра за сдѣланную честь, представивъ ему сколько его доктрины несогласны съ доктринами официальными. Вильменъ отвѣчалъ, что французская коллегія есть по преимуществу убѣжище свободной мысли. Назначеніе министра было утверждено собраніемъ профессоровъ французской коллегіи, какъ это національное учрежденіе стояло вѣдѣ министерскаго вліянія; Эдгаръ Кинэ пріѣхалъ въ Парижъ и тотчасъ приступилъ къ чтенію. Онъ понялъ, чего требовало отъ него это высокое мѣсто народнаго воспитанія и принялся за дѣло съ обыкновеннымъ своимъ жаромъ и талантомъ. Онъ хотѣлъ выгнать французское юношество отъ предразсудковъ прошедшаго, отъ современнаго равнодушія и испорченности и вывести на истинный путь.

Въ короткое время чтенія его объ итальянской литературѣ, съ которой онъ началъ, приобрѣли ему довѣріе и горячее сочувствіе молодыхъ его слушателей. Этого было довольно, чтобы возбудить совершенно иныя чувства въ ультрамонтанской партіи, бывшей въ открытой борьбѣ съ университетомъ. Она не упускала ни одного случая повредить профессору въ общественномъ мнѣніи и предъ правительствомъ. Противъ него направлено было множество статей въ журналахъ, которые были ея органами, и даже подъ священными сводами храмовъ, въ проповѣдяхъ, раздавался голосъ вражды и своекорыстныхъ видовъ.

Дѣло вызывало Кинэ на поле битвы. Онъ избралъ предметомъ своихъ чтеній — впрочемъ и естественный порядокъ курса привелъ его къ XVI вѣку, къ началу великой борьбы между старыми предразсудками и новой мыслью — вліяніе іезуитовъ на цивилизацію южныхъ народовъ. Не вдаваясь въ общности, не скрывая мысли подъ громкими фразами, съ историческими документами въ рукахъ, онъ показалъ, каково было это вліяніе, напечатлѣлъ инквизицію, Джордано Бруно, Вико, Галилея.

На первую же лекцію собралась толпа противниковъ исторической истины и здоровой мысли. Лишь только профессоръ явился, его осыпали градомъ свистковъ и криковъ. Чувствуя на своей сторонѣ правду, онъ спокойно остался на кафедрѣ, ожидая три четверти часа, пока наконецъ тишина не возстановилась. Тогда онъ началъ. Нѣсколько разъ обличительный голосъ истины былъ заглушаемъ шумомъ. Когда чтеніе кончилось, рукоплесканія и крики одобренія взяли перевѣсъ. Слѣдующія лекціи были не менѣ шумны. Но потомъ виновники безпорядка, видя бесполезность своихъ усилій, мало-по-малу удалились и курсъ былъ оконченъ среди благословѣнной тишины. Правое дѣло торжествовало.

Не менѣ волненія произвели эти лекціи и внѣ стѣнъ французской коллегіи. Курсъ Кинэ объ іезуитахъ былъ изданъ вмѣстѣ съ курсомъ Мишлэ о томъ же предметѣ въ одной книгѣ, которая переведена была на англійскій, нѣмецкій, итальянскій и голландскій языки. Споръ сдѣлался всеобщимъ, журналы разнесли его по всей Европѣ, полемика XVIII вѣка, казалось, возобновилась. Излишне прибавлять на чьей сторонѣ были всѣ честныя сердца.

Въ концѣ 1843 и въ началѣ 1844 г. Эдгаръ Кинэ объѣхалъ Испанію и Португалію, отыскивая живые аргументы для своихъ лекцій на самомъ театрѣ событій. Описаніе этого путешествія, «Мои ваканціи въ Испаніи» — одно изъ лучшихъ его произведеній. Вскорѣ по выходѣ оно переведено было на испанскій языкъ Лопецомъ.

Въ мартѣ 1844 года, онъ возобновилъ свои чтенія. Разкрывъ прошедшее, онъ обратился къ настоящему, онъ сталъ читать объ ультрамонтанизмѣ.

На этотъ разъ правительство сочло себя затронутымъ, если не прямо въ формѣ, по крайней мѣрѣ въ принципахъ, имъ руководившихъ. Бывши долго нейтральнымъ, оно приняло теперь сторону ультрамонтановъ.

Первымъ его движеніемъ было заставить замолчать Кинэ и вмѣстѣ съ нимъ Мишлэ и Мицкевича, слѣдовавшихъ тому же направленію. Послѣднему, какъ иностранцу, было просто запрещено продолжать лекціи. Но не легко было это сдѣлать съ двумя первыми, потому что профессора французской коллегіи, въ силу привилегій, данныхъ этому учрежденію, могли быть судимы и сѣбяемы только общимъ совѣтомъ своихъ товарищей. Самъ министръ призналъ это публично въ камерѣ перовъ.

По этому, когда наступило полугодовое собраніе профессоровъ, сдѣлано было официальное приглашеніе попросить гг. Кинэ и Мишлэ ограничить свои чтенія естественными предѣлами каедръ. Оба они объявили рѣшительно, что ничего не намѣрены измѣнить въ направленіи и содержаніи своего преподаванія. Тогда совѣтъ большинствомъ семнадцати голосовъ противъ семи рѣшилъ отвѣчать, что гг. Кинэ и Мишлэ никогда не выходили изъ предѣловъ своихъ программъ и что французская collegія одобряетъ ихъ чтенія.

Въ память этого слушатели collegія сдѣлали на общій счетъ золотую медаль съ портретами трехъ любимыхъ профессоровъ и съ надписью на другой сторонѣ: *Ut unum sint omnes*, потомъ: *La France et les auditeurs du Collège de France*, и поднесли каждому изъ нихъ по экземпляру.

Это не могло, разумѣется, успокоить правительство. Ультрамонтаны видѣли свое поражение въ такой солидарности между учителемъ и учениками. Съ другой стороны доктринеры, философы съ сожалѣніемъ стали замѣчать, что ихъ сухія и шаткія теоріи были забыты. Рукоплесканія, раздававшіяся въ амфитеатрахъ французской collegія, производили столь же неприятное впечатлѣніе и за предѣлами Франціи. Стали разсуждать о средствахъ къ прекращенію этого. Гизо предложилъ употребить самыя строгія мѣры. Сальванди соглашался съ нимъ, но не рѣшался. Ожидали удобнаго случая, или лучше, старались вызвать его. Каедръ Кинэ носила названіе «Языковъ и литературъ южныхъ народовъ». Совѣтъ одобрилъ программу: «Сравнительныя учрежденія и литературы южной Европы». Тотчасъ министерство отправило къ Эдгару Кинэ Низара съ просьбой выпустить въ программѣ слово «учрежденія» единственно для того, чтобъ сдѣлать удовольствіе министру, а что тѣмъ, молъ, не стѣснитса объемъ его курса. Кинэ отказалъ. На другой день программа была напечатана съ измѣненіемъ. Кинэ протестовалъ, поправки не было. Каедръ осталась пуста.

Между тѣмъ Мишлэ продолжалъ читать. Каедръ его «*Histoire et Morale*», по обширности своего объема, была вѣтъ всякихъ придирокъ. Однажды во время чтенія онъ упомянулъ имя Кинэ. Восторженные восклицанія заглушили его рѣчь; нѣсколько минутъ онъ не могъ читать.

На второй семестръ совѣтъ французской collegія хотѣлъ утвердить программу Кинэ въ первоначальномъ видѣ. Летронъ, администраторъ collegія, получилъ отъ министра приказаніе вы-

пустить слово «учрежденія». Эдгаръ Кинэ отвѣчалъ тогда въ письмѣ къ Летроу:

«Послѣ этого мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ объявить, что, измѣнивъ мою программу, противно королевскому указу 12 марта 1831 года, г. министръ ставитъ меня въ невозможность продолжать курсъ.»

Для замѣщенія Кинэ назначенъ былъ адъюнктъ. Но послѣ первой же лекціи онъ больше не захотѣлъ показываться.

Принужденный силою оставить кафедру, Эдгаръ Кинэ не переставалъ дѣйствовать. Онъ привелъ въ порядокъ и приготовилъ къ изданію большое сочиненіе «*Révolutions d'Italie*», въ которомъ онъ говоритъ, что Италія носитъ въ себѣ всѣ политическія, соціальныя и религіозныя раны, свои и чужія, что она не можетъ ни возродиться, ни умереть безъ того, чтобы въ то же время Франція не стала жить ея жизнью или не умерла ея смертью.

Въ іюлѣ 1847 года, вызванный чрезвычайно слабостью французскаго правительства, унижившаго Францію въ выгоду Англіи, онъ написалъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ своихъ памфлетовъ «*La France et la sainte Alliance en Portugal*».

«Я знаю, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ этого памфлета, что есть времена, когда умы и сердца становятся нечувствительны, когда всякая истина кажется бредомъ, годнымъ развѣ для дѣтей, когда всякое слово бесполезно для угнетателей и угнетенныхъ. Несправедливость накапливается въ молчаніи, ничего не боясь. Въ эти времена Провидѣніе дѣйствуетъ одно, глухо, въ самой основѣ вещей. Люди не слушаютъ, они заняты. Но правосудіе продолжаетъ работать въ тайнѣ и приготовляетъ возмездіе, ибо все золото вселенной не въ состояніи подкупить той верховной совѣсти, которая вѣчно рождается среди смерти всѣхъ совѣстей.... Для нея нѣтъ оконченнаго факта, въ совершившейся неправдѣ, она видитъ начало правды. Бѣдныя! къ чему имъ послужить наконецъ столько усилій все подкупить, когда они не подкупили Провидѣніе.» Наконецъ настала давно предвидѣнная имъ катастрофа.

Почти сейчасъ же по провозглашеніи республики, курсы французской коллегіи были возстановлены торжественно. Когда Эдгаръ Кинэ явился, стеченіе слушателей было такъ велико, что самая большая аудиторія французской коллегіи оказалась тѣсною. Должны были перейти въ огромный амфитеатръ Сорбонны, но и тутъ часть публики осталась на дворѣ.

Вскорѣ онъ былъ избранъ полковникомъ одиннадцатаго легіона національной гвардіи и народнымъ представителемъ національнаго собранія отъ энскаго департамента. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ не была блистательна: ему не доставало той практической ловкости, которая необходима, чтобъ выставиться наружу въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но онъ дѣйствовалъ честно, открыто, идеи имъ руководившія были справедливы, многія изъ его предостереженій слишкомъ скоро оправдались событіями.

Послѣ 2-го декабря онъ долженъ былъ оставить Францію. Прежде чѣмъ послѣдуемъ за нимъ въ изгнаніе, приведемъ одинъ замѣчательный эпизодъ.

Въ февралѣ 1847 года умерла мадамъ Кинэ въ Шарогѣ. Сынъ поѣхалъ туда, чтобъ отдать ей послѣдній долгъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для погребенія, протестантскій пасторъ, который былъ для этого приглашенъ изъ сосѣдняго города, далъ знать, что ему невозможно явиться. Эдгаръ Кинэ рѣшился замѣнить пастора надъ прахомъ матери.

Онъ шелъ во главѣ процессіи, состоявшей почти изъ всего населенія города. Прибывъ на кладбище, на краю материнской могилы, дрожащій отъ волненія, но поддерживаемый сознаніемъ святаго долга, онъ произнесъ слѣдующія, полныя глубокаго значенія, слова:

«Есть еще одна милость, которую я долженъ испросить для моей матери у Того, Кто можетъ все — даровать ея сыну необходимую силу для того, чтобъ произнести послѣднее верховное слово. Лишенная въ продолженіе жизни утѣшеній своей религіи, она страшилась всегда, что не услышитъ словъ мира въ эту минуту изъ вѣчнаго жилища мира.... Богъ истины и благодати, Котораго она чувствовала повсюду, въ протестантизмѣ и въ католицизмѣ, не попустилъ, чтобъ она была оставлена одна среди молчанія и скорби погребенія. Скорбь сына, дочери есть также священнодѣйствіе. Церковь живетъ во всей силѣ въ устахъ того, кто говоритъ съ разбитымъ сердцемъ. Въ отсутствіи пастора сынъ становится пасторомъ чрезъ священство скорби....»

Потомъ онъ прочиталъ нѣсколько мѣстъ изъ св. Писанія, какъ герой, молящійся всенародно, презирая смерть, надъ гробомъ мученика.

Рѣчь, которую онъ произнесъ по опущеніи тѣла въ могилу, есть одно изъ краснорѣчивѣйшихъ его произведеній..

Послѣ того еще два раза довелось ему совершить тотъ же актъ надъ прахомъ своей жены, и Георгія Муруне, сына своей второй жены.

Изгнаніе не поколебало его убѣжденій, а только увеличило ихъ силу. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ онъ продолжалъ дѣло всей своей жизни. Поэтъ, онъ пробуждалъ уснувшіе сердца; историкъ-философъ, онъ выводилъ практическія заключенія своей науки. Никогда мысль и слово его не были такъ сильны, какъ въ эти тяжелые годы изгнанія.

Въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Брюсселѣ, онъ окончилъ сочиненіе «*Révolutions d'Italie*», изданное въ Парижѣ въ 1852 году.

Въ слѣдующемъ году явилась драматическая поэма «*Les esclaves*», посвященная изгнанникамъ изгнанникомъ, *Exulibus Exul*.

«Я также, говоритъ онъ въ предисловіи къ ней, я также отдѣленъ отъ берега отцевъ непреходимою рѣкою. Я потрясаю воздухъ своей кимвалой, но не знаю, отвѣтитъ ли мнѣ хоть одинъ голосъ.»

Тѣ, которые сохранили пороки рабства — вотъ мысль поэмы — если и разобьютъ цѣпи, опять впадаютъ въ него, сами идя на встрѣчу тому, кто раздастъ «*rapem et circensis*».

Въ 1854 году было напечатано сочиненіе подъ заглавіемъ «*Histoire de la fondation de la république des Provinces-Unies*», за которое ему единодушно поднесенъ былъ дипломъ члена лейденской академіи. Наконецъ въ «*Revue des deux mondes*» онъ помѣстилъ прекрасный отрывокъ исторической критики «*Philosophie de l'histoire de France*», котораго впечатлѣніе еще свѣжо въ читающемъ мірѣ. Теперь вотъ уже пять лѣтъ, какъ онъ трудится надъ большимъ сочиненіемъ «*Philosophie de la révolution française*», которое, вѣроятно, скоро увидитъ свѣтъ.

Это обзорѣніе жизни Эдгара Кинэ мы заключимъ слѣдующими его словами:

«Жизнь, часто измѣнявшая мое матеріальное положеніе, не заставила меня перемѣнить мыслей. Мнѣ незнакомо страданіе быть въ противорѣчій съ самимъ собою. Сознаніе этого единства среди судорожныхъ движеній нашего времени есть высшее мое благо....»

Мысль, освѣщающая существованіе, вотъ лучший даръ, который небо можетъ послать человѣку.... Цѣлую жизнь мнѣ

приходилось слышать отъ людей объ ихъ иллюзіяхъ, но самъ я ни одной не испыталъ....

Ни одинъ изъ предметовъ не обманулъ меня. Каждый изъ нихъ былъ тѣмъ, чѣмъ обѣщали быть.... Цвѣты, весна, юность, счастливая жизнь въ родной сторонѣ ручались ли быть вѣчными? Свѣтъ подставилъ мнѣ ловушку? Нѣтъ. Сто разъ онъ предупреждалъ меня о томъ, что онъ, и я его понималъ. Какую жалобу я могу возвысить противъ него? Никакой.

Тоже было и съ людьми. Ни одна дружба не обманула меня изъ тѣхъ, на которыя я рассчитывалъ; но судьба дала мнѣ и такія, отъ которыхъ я ничего не долженъ былъ ожидать. То, что я любилъ, я находилъ каждый день болѣе достойнымъ любви....

Каждый день правда казалась мнѣ святѣе, слово священнѣе, искусство реальнѣе, реальность изящнѣе, поэзія истиннѣе, истина поэтичнѣе, природа божественнѣе, божественное естественнѣе...

П. ПАУЛИНСКІЙ

С М Ъ С Ъ.

Дорожныя записки.

II.

Съ рейда Θεодосіа представляется и большимъ и довольно красивымъ городомъ. Необыкновенно интересный видъ придаютъ ей высоты, уходящія амфитеатромъ въ глубину, которыя, замыкая городъ полукругомъ, выставляютъ зрителю ряды оригинальныхъ вѣтряныхъ мельницъ, машущихъ крыльями въ разныхъ направленіяхъ. На правомъ концѣ, у моря, и на лѣвомъ, высоко надъ моремъ, на скалѣ, сквозятъ остатки генуэзскихъ укрѣпленій. Набережная начинаетъ отстраиваться, и на всемъ протяженіи ея раздается стукъ топоровъ, каменщичьихъ инструментовъ и заунывная русская пѣсня, которую непремѣнно приноситъ съ собою нашъ сѣверянинъ куда бы ни шелъ онъ на работу — на границу ли Галиціи, къ подошвѣ Арарата или на живописные берега южнаго Крыма. Иногда въ пѣсняхъ этихъ недостасть смысла, но слыша издали тоскливые звуки и безконечную мелодію, тянущуюся на двухъ, трехъ нотахъ, гдѣ-нибудь подъ знойнымъ небомъ Кахетіи или Южнаго-Берега, вы, позабывъ великолѣпную природу, переноситесь въ необъятныя, плоскія пространства, усѣянныя мрачными соснами и березами, и припоминаете разные эпизоды изъ своей кочевой жизни. Шляпа сдѣланная гречневикомъ, подошвы убитыя четвернымъ рядомъ гвоздей и заунывная пѣсня, вызывающая какія-то затѣенныя воспоминанія, привѣтствуютъ васъ въ любомъ, самомъ отдаленномъ уголкѣ имперіи.

Но чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Θεодосіи, чѣмъ больше начинаютъ выясняться массы зданій и эти сѣрѣющія и желтѣющія линіи строеній раздробляются на отдѣльные дома и домики,

тѣмъ скорѣе изъ оптическаго обмана возникаетъ довольно печальная дѣйствительность, представляющая взору вашему художество построекъ и образчики развалинъ уже не гегуэзскихъ и наконецъ грязь и беспорядокъ уѣзднаго городишка.

Когда яликъ отвалилъ отъ парохода, и прыгая по волнамъ, полетѣлъ къ пристани, во время этого движенія ряды домовъ, стройные тополи, развѣсистые тамаринды, верхи церквей и колоколенъ, минареты и лиловая даль возвышенностей, надъ которыми спускались низыя облака, все это сливалось въ удивительно живописное цѣлое. Солнце, какъ нарочно выбѣгая изъ-за разрозненныхъ облаковъ, то сыпало массой лучей на зеленоватыя волны, то слегка трогало верхушки строеній, то ослѣпительно озаряло цѣлые ряды оконъ и потомъ на нѣсколько секундъ остывало невидимо. Но когда мы совершили половину пути съ отдаленнаго рейда, когда волны сдѣлались меньше и движенія ялика стали плавнѣе, картина выяснилась передо мною съ большими подробностями. Минутное очарованіе уже исчезло, прежде чѣмъ я ступилъ на городскую пристань. Неопрятные, забрызганные грязью дома, полуразрушенные заборы первые бросились мнѣ въ глаза; но дѣятельность у пристани примиряла меня съ убогой дѣйствительностью, при мысли, что владется уже первое основаніе будущаго благосостоянія города, долженствующаго вскорѣ сдѣлаться однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ портовъ Чернаго моря. Товары сгружались и нагружались, нѣсколько пассажировъ хлопотали о своихъ пожиткахъ.

Считаю здѣсь необходимымъ оговориться одинъ разъ и навсегда, что въ моихъ замѣткахъ весьма часто идетъ рѣчь о гостиницахъ. Иному это можетъ казаться довольно скучнымъ, тѣмъ болѣе, что приходится писать объ отрицательныхъ качествахъ временныхъ пріютовъ, но я взялъ себѣ за правило знакомить читателей и съ этимъ важнымъ для путника обстоятельствомъ, ибо у насъ нѣтъ печатныхъ путеводителей, которыми можно бы руководствоваться въ дорогѣ. Южные приморскіе города наши съ каждымъ днемъ дѣлаются любопытнѣе во многихъ отношеніяхъ, и вотъ почему я полагаю не бесполезнымъ правдивое указаніе туриста на предметы настоятельной надобности. Если одинъ изъ десяти читателей скажетъ мнѣ спасибо за какое нибудь дорожное извѣстіе или предостереженіе, — цѣль моя достигнута, потому что не пишу же я замѣтокъ собственно отъ нечего дѣлать или съ цѣлью самоусложненія видѣть ихъ напечатанными въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи. На-

ковецъ, кто подобно мнѣ постранствовалъ по Россіи, тотъ согласится, что путешественнику предстоитъ много разнообразныхъ лишеній и не тѣхъ, какія испытываетъ сибаритъ, не находя паркета, ковровъ и утонченной кухни въ томъ заколустыи, но лишенія серьезныя, напримѣръ, недостатокъ даже плохого помѣщенія и двухсуточный голодъ въ буквальномъ и конечно весьма непріятномъ смыслѣ этого слова. А вѣдь путь вообще безотраденъ и длиненъ и лежитъ онъ болѣею частью по пустынямъ такого печальнаго свойства, что однимъ надежнымъ оружіемъ представляется путнику лишь терпѣніе, которымъ и слѣдуетъ запасаться въ значительномъ количествѣ.

Ступивъ на еодосійскую пристань, я уже зналъ, что въ городѣ двѣ гостинницы: Европейская и Карсъ, изъ которыхъ первая слыветъ лучшею, какъ говорятъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Отправляюсь въ Европейскую, стоящую въ нѣсколькихъ саженихъ отъ берега. Но да не пугается читатель, я не стану вдаваться въ подробности для увеличенія объема статьи или съ дѣлю поострить, а ограничусь только возможно краткимъ изложеніемъ предмета. Проведя трое сутокъ на морѣ и подвергшись довольно большой качкѣ, весьма естественно, что мнѣ хотѣлось отдохнуть какъ можно комфортабельнѣе, тѣмъ болѣе что мнѣ предстояло не малый путь обогнуть западный и сѣверный берега Азовскаго моря и все это въ перекладной. Пароходы дѣйствительно заходятъ во всѣ порты, гдѣ у меня было дѣло, но такъ какъ они останавливаются лишь по нѣсколько часовъ, тамъ гдѣ мнѣ нужно пробыть дня два, три, — я и долженъ былъ пзъ самой Оеодосіи обречь себя на путешествіе въ телѣжкѣ.

При видѣ челоуѣка съ сумкой черезъ плечо, за которымъ несли чемоданъ и еще кое-какія вещи, къ воротамъ гостинницы выскочило два служителя, одинъ въ рубашкѣ, но съ приемами довольно джентльменскими, другой въ сюртукѣ, но за то съ мушкетскими ухватками.

— Есть номеръ?

— Пожалуйте.

— И порядочный?

— Помните, мы не пускаемъ сволочи, окромя людей благородныхъ; у насъ вотъ недавно стоялъ даже генералъ.

— Пожалуйста покажи поскорѣе.

Половой съ плебейскими манерами выхватилъ у моего носильщика что-то очень легкое, другой театральнымъ жестомъ указалъ мнѣ путь на узкую и грязную лѣстницу. Взойдя на

верхъ, мы уткнулись прямо въ кухню, въ которой работали два повара, въ костюмахъ, могущихъ отбить охоту познакомиться съ произведеніями кастрюль, издававшихъ чадъ на порядочное пространство.

— Намъ идти черезъ кухню? спросилъ я.

— Помилуйте, наша дорога будетъ направо.

Пошли мы направо по открытой галлерей, поворотили влѣво и остановились передъ дверью, затворявшею входъ въ мое временное жилище.

— Вотъ извольте, проговорилъ джентельменъ - половой, торжественно отворяя дверь и указывая мнѣ на кровать, столъ, диванъ и четыре стула не совсѣмъ печальнаго качества.

Комната была не маленькая, правда съ запахомъ, но за то на глухой стѣнѣ висѣло зеркало. Не было ни возможности ни надобности отыскивать другую квартиру, но я не могъ удержаться отъ вопроса: всѣ ли у нихъ такія квартиры и здѣсь ли жилъ генералъ?

— Нѣтъ, у насъ есть второй номеръ отличный-съ, мебель первый сортъ, тамъ и жилъ его превосходительство.

— А теперь онъ занятъ?

— Занятъ.

— А что вы мнѣ дадите пообѣдать?

— Все что угодно, сей часъ принесу карточку.

Половой юркнулъ и не успѣлъ я отпустить носильщиковъ и снять верхнее платье, какъ онъ уже словно выросъ изъ-подъ земли, подавая мнѣ крохотную записку въ родѣ рецепта. На картѣ стояло нѣсколько блюдъ, и хоть я видѣлъ кухню, ея жрецовъ и подозрительнаго цвѣта кастрюли, однако голодь не свой братъ и я обозначилъ себѣ скромный обѣдъ для успокоенія аппетита. Умѣя улаживаться въ какомъ бы то ни было помѣщеніи, я скоро распорядился съ разстановкой и раскладкой вещей, добылъ портфель, книги и расположился какъ дома. Черезъ пять минутъ на столѣ у меня красовались — приборъ, неизбѣжный кабачекъ съ горчицей, укусомъ густымъ какъ масло и масломъ похожимъ на укусъ, перцемъ и солью, и графинъ съ водою. Половой поставилъ все это съ выверткой, доказывавшей, что онъ, если не бывалъ въ Москвѣ, то образованіе свое получилъ въ какой-нибудь изъ харьковскихъ гостинницъ. Разставя въ порядкѣ всѣ эти принадлежности, онъ отошелъ, повернулся, посмотрѣлъ на свѣтъ въ графинъ чиста ли вода и переложилъ ножъ и вилку на другую сторону. Во мнѣ это возродило ма-

ленькое подозрѣніе, перешедшее тотчасъ же въ увѣренность, какъ только я взглянулъ на половаго, который переминался съ ноги на ногу.

— Что жъ обѣдать?

— Извините, борщъ вышелъ-съ.

— Такъ давай супъ.

— И супу не имѣется.

— Такъ слѣдующее.

— Что прикажете?

— Я же отмѣтилъ.

— Бишкету всего одна порція и та маленько подгорѣла.

— Ну жаркое наконецъ.

— Признаться обѣдъ вышелъ, развѣ прикажете изготовить.

— Къ чему жъ было приносить приборъ?

— Это для порядку-съ. А больше ничего не потребуется?

— Я хочу ѣсть.

— Не угодно ли чайку-съ, пока приготовимъ обѣдъ — это будетъ въ одну минуту.

— Давай хоть самоваръ.

— Сію мнуну. Чай, сахаръ *свой*?

— *Я вожу съ собою*, отвѣчалъ я опредѣлительно, потому что иногда на отвѣтъ: *свой*, вамъ подадутъ гадкаго трактирнаго чаю, отговариваясь, что мѣстоименіе *свой* понято по своему.

Самоваръ мнѣ поданъ былъ дѣйствительно скоро, но обѣда я ожидалъ довольно долго, хотя удовлетворилъ свой аппетитъ лишь отчасти, можетъ быть впрочемъ оттого, что все было не доварено и не дожарено.

Къ счастью главное опасеніе мое, именно непріятное и невольное знакомство съ темными обитателями трактирныхъ кроватей, въ Европейской гостинницѣ не сбылось, и не смотря на неопрятность — ни одинъ кровожадный гость не потревожилъ моего покоя.

Отъ прежняго генуэзскаго величія не осталось ничего въ Феодосіи, да и позднѣйшихъ турецкихъ памятниковъ почти нѣтъ въ бывшемъ *Кучукъ-Стамбуль*. По завоеваніи Крыма, говорятъ, здѣсь насчитывали восемьдесятъ фонтановъ, но съ-тѣхъ-поръ какъ городъ изъ варварскихъ рукъ перешелъ въ наши, количество ихъ уменьшилось до трехъ, изъ которыхъ чуть лишь не два продовольствуютъ жителей прѣсною водою. Правда, прежде въ Феодосіи считалась до 40,000 душъ, а теперь нѣтъ и осьми, но все же фонтаны могли бы существовать, не только

никому не мѣшая, а напротивъ доставляя въ изобиліи матеріалъ первой необходимости. Положимъ восемьдесятъ фонтановъ кажется много на такое небольшое населеніе, но все можно бы оставить въ разныхъ частяхъ города хоть двадцать и держать ихъ въ исправности. Мнѣ рассказывали, не знаю только правда-ли, что гѣтъ десять назадъ фонтанщикъ изъ Требизонда брался починить фонтаны за 5,000 рублей, но будто на это не послѣдовало разрѣшенія, и тѣмъ кончилось дѣло, и фонтаны засорились, разрушились и въ городѣ скоро не будетъ прѣсной воды, если объ этомъ не позаботятся безотлагательно.

Теперь городъ, приготовляясь къ новой, можетъ быть блестящей эпохѣ своего существованія, не имѣетъ ровно никакого характера. Это какая-то смѣсь плохаго европейскаго съ плохимъ азіатскимъ, и если изрѣдка попадаются домики порядочной постройки, то встрѣчаются и лачуги въ родѣ землянокъ; мѣстами видите рѣшетчатые окна и затѣйливыя крыши.

Остатки генуэзскихъ твердынь подверглись уже сильному разрушенію, хотя онѣ построены необыкновенно крѣпко и протпваются самымъ настойчивымъ усиліямъ человѣка, стремящагося развалить фундаментъ для извлеченія камня. Впрочемъ укрѣпленіе, стоящее на берегу моря, начинаетъ испытывать нѣкотораго рода дискомфортъ и скоро перестанетъ быть мѣстомъ склада всевозможныхъ гадостей, — потому что въ срединѣ его и вокругъ разводится садикъ, а стѣны уберутся вьющимися растеніями. Замокъ этотъ примыкаетъ къ городскому бульвару, обсаженному акаціями и тамариндами, и будетъ служить мѣстомъ пріятной прогулки.

Въ октябрѣ базары были еще наполнены всевозможными плодами: цѣлыя горы винограду, яблокъ, грушъ, айвы мангли своей свѣжестью жителя болѣе суроваго климата, и можно было за нѣсколько копеекъ приобрѣсть всего этого такое количество, что и не употребить одному человѣку. Вся большая улица, идущая параллельно морскому берегу, устлана лавками, въ которыхъ сидятъ греки, армяне, татары, изрѣдка евреи, предлагая покупателю незатѣйливые предметы, и только впоследствии, говорить, начали появляться разныя вещи, выходящія изъ нормы обыденнаго потребленія. Дѣйствительно, я самъ видѣлъ въ одной лавкѣ гаванскія сигары, не знаю какого достоинства, но за сотню которыхъ просятъ двадцать пять рублей серебромъ. Причина появленія подобныхъ товаровъ объясняется большимъ числомъ иностранцевъ, служащихъ при желѣзной дорогѣ, которые

получаютъ значительное жалованье. Вывѣски всѣ почти написаны по-русски, но есть кое-гдѣ и французскія. Но какъ бы вы думали, что отличаетъ Θεодосію отъ уѣздныхъ, а частью и отъ губернскихъ городовъ? — хорошіе и можно сказать щегольскіе извозчики, которые всѣ выѣзжаютъ на крытыхъ дрожкахъ, имѣютъ отличную запряжку и рѣдкую въ этомъ классѣ привычку не вымогать у сѣдока лишнихъ денегъ. Правда, городъ небольшой, ѣзды не много, однако есть города и небольшіе и не отличающіеся движеніемъ, а извозчики чуть только что васъ не грабятъ. Не знаю сколько пкхъ есть въ Θεодосіи, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ случилось мнѣ брать, вели себя при разсчетѣ безукоризненно и уѣзжали, выразивъ свою благодарность.

Недалеко отъ Европейской гостиницы стоитъ какое-то небольшое старинное зданіе, съ заколоченными окнами, у двери котораго положены каменные львы, довольно пострадавшіе отъ времени. Это музей древностей. Конечно, здѣсь не можетъ быть ничего особенно любопытнаго, въ чемъ я и убѣжденъ по собраннымъ свѣдѣніямъ, — но видѣть его собственными глазами не могъ, потому что въ первое посѣщеніе Θεодосіи не зналъ о его существованіи, а въ послѣднее, весьма короткое, не могъ отыскать его начальника. Директоръ керченскаго музея мнѣ однако же говорилъ, что тамъ есть кое-какія вещи, осмотръ которыхъ не можетъ быть лишнимъ для записнаго археолога.

Но взамѣнъ пыльных остатковъ древности я видѣлъ вещи болѣе утѣшительныя, именно прекрасную типографію при армянскомъ училищѣ. Не примите этого прилагательнаго за легкое украшеніе: оеодосійская типографія по своему устройству, по изобилію и изяществу шрифтовъ — можетъ поспорить съ любой одесской. Я видѣлъ оттиски на трехъ языкахъ — русскомъ, французскомъ и армянскомъ, и мнѣ кажется, я нисколько не погрѣшу сказавъ, что типографіи не остается ничего желать болѣе, и если она получитъ еще скоропечатную машину, тогда ей нуженъ только умственный матеріалъ, а за нею остановки не будетъ. Вы, можетъ быть, спросите: зачѣмъ же въ Θεодосіи такая типографія? Я постараюсь вамъ разъяснить это обстоятельство. Вамъ извѣстно, что въ Θεодосіи родина знаменитаго нашего Айвазовскаго, котораго, къ сожалѣнію, я уже не засталъ въ городѣ, по причинѣ отъѣзда его въ столицу. Здѣсь же поселился и ученый братъ его, архимандритъ Гавріилъ, который управляетъ нахичевано-бессарабской армянской епархіей, человѣкъ обладающій многосторонними познаніями и издававшій

армянскій журналъ въ Парижѣ. Онъ уговорилъ богатаго нахичеванскаго купца Халыбова основать въ Феодосіи училище на степени гимназіи, и когда дѣло было рѣшено, испросилъ дозволеніе — издавать журналъ «Радуга», для котораго и учреждена типографія. Я думаю, редакція «Русскаго Слова» получила уже первый нумеръ журнала, издаваемого на армянскомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ. Армянское племя, которое у насъ живетъ въ значительномъ количествѣ за-Кавказомъ и разбросано по югу Россіи — это промышленное, разумное племя давно уже нуждается въ образованіи, во-первыхъ, какъ въ необходимомъ современномъ двигателѣ народнаго благосостоянія, а во-вторыхъ какъ въ радикальномъ средствѣ уничтожить въ этомъ племени многіе важные недостатки, извѣстные всѣмъ, кто знакомъ съ армянскимъ населеніемъ Закавказья, да и нашихъ южныхъ провинцій. Въ первомъ N° «Радуги» упоминается объ этомъ слегка, и хотя тамъ вещи не называются собственными именами, хотя недостатки поставлены въ такомъ свѣтѣ, будто бы частные случаи приписываются несправедливо всей націи вообще, однако эта статья очень важна какъ сознаніе довольно рельефныхъ слабостей. Конечно, времена нетерпимости, кажется, миновали безвозвратно, и потому пріятно пожелать «Радугѣ» полного успѣха; пусть она, какъ радуга, возвѣстившая Нову у подножія Арарата, что не будетъ больше потопа, послужитъ предзнаменованіемъ, что армяне, позабывъ нѣкоторыя непохвальныя качества, пойдутъ по новому пути и пристанутъ какъ равные къ народамъ, вступающимъ на дорогу цивилизаціи и прогресса. Журналъ обѣщаетъ быть интересенъ и для насъ русскихъ — обнаруженіемъ нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній о націи вообще и объ армянскихъ крымскихъ древностяхъ въ-особенности, которыя безъ дѣятельнаго участія ученыхъ армянъ оставались бы вѣроятно на долго подъ спудомъ или появлялись урывками. Русскій и французскій отдѣлы печатаются въ небольшомъ объемѣ. За то армянская часть обширна и, судя по началу, какъ мнѣ говорили, можетъ принести пользу. На русскомъ и французскомъ языкахъ статьи печатаются собственно для того, во-первыхъ, чтобы знакомить образованный міръ съ армянской этнографіей и исторіей, а во-вторыхъ болѣе для того, что есть армяне, не знающіе природнаго языка, чему и въ Россіи видимъ примѣры.

Феодосійская типографія напечатала уже нѣсколько книжекъ на армянскомъ языкѣ, и одну на русскомъ, нѣчто въ родѣ ис-

торической повѣсти «*Феодора*» г. Гр. К., которая, незнаю, достигла ли въ столицу. Объ этой книжкѣ будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ о произведеніи мѣстной литературы. Авторъ ея въ предисловіи изъясняетъ, что въ азиатской Турціи нашелъ онъ одну лѣтопись, въ которую занесена жизнь одной интересной гречанки владѣтельница Сугдайя (Судакъ) и что на мѣстѣ въ Крыму, — удалось ему слышать преданіе объ этомъ же предметѣ. Что много есть въ Турціи малоизвѣстныхъ лѣтописей о южной Россіи, — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и потому надо быть благодарнымъ каждому, кто знакомитъ насъ съ отдаленной эпохой. Но спрашивается — необходимо ли въ наше время прибѣгать къ формѣ исторической повѣсти для того, чтобы передать нѣсколько строкъ скромной монастырской лѣтописи? Безспорно большому таланту нѣтъ предѣловъ, и смѣшно было бы требовать отъ Пушкина, чтобы онъ не писалъ своего Бахчисарайскаго Фонтана или отъ Лермонтова, чтобы онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ свои Мцыри. Но большому кораблю — большое и плаваніе. А вотъ г. Гр. К. было бы полезнѣе напечатать въ «*Радугѣ*» переводъ или извлеченіе найденной рукописи, не прибѣгая къ напрасной тратѣ времени. Преданіе о *Феодорѣ* разведено на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ и теряется много, уже собственно потому, что читатель, желая узнать содержаніе, обязанъ одолѣть всю книжечку, задуманную по методѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Θ.* Булгарина и исполненную по правиламъ не знаю какого совѣтника г. Кошанскаго. Авторъ, какъ видно, знакомъ съ древностями Крыма, и, кажется, онъ лучше сдѣлалъ бы, трудясь надъ разработкой памятниковъ и подготавливая матеріалы для будущихъ изслѣдователей. Его «*Феодора*» такая скучная, такая безцвѣтная вещь, о которой рецензенту не остается сказать ничего утѣшительнаго. Если бы по крайней мѣрѣ авторъ познакомилъ насъ съ эпохой, воспроизвелъ старину извѣстнаго періода, далъ понятіе о нравахъ и обычаяхъ. Но этого ничего нѣтъ въ книжечкѣ г. Гр. К. Основа, если хотите, заключаетъ драматическій элементъ, но вѣрность характеровъ и группировка лицъ, какъ видно, не подъ силу автору. Онъ сумѣлъ только на всѣхъ провести уровень безцвѣтности, умѣлъ даже изъ cadaго лица устранить долю оригинальности и представилъ нѣсколько маріонетокъ, придавъ имъ греческія имена и заставивъ двигаться по извѣстному рецепту. Молодая дѣвушка, утопающая въ аскетизмѣ, любовь къ ней двухъ братьевъ — одного добро-

дѣтельнаго юноши и другаго отчаяннаго изверга — вотъ канва, на которой вышиты разные мелодраматическіе узоры. Между тѣмъ, читая книгу г. Гр. К., вы видите, что писалъ ее чело- вѣкъ умный и образованный, можетъ быть даже много занимавшійся мѣстной исторіей, но не обладающій творческимъ талантомъ. Вѣдь часто бываетъ въ обществѣ, что умная особа, съ которой вы находите большое удовольствіе бесѣдовать, — садится вдругъ за фортепіано и поетъ фальшиво. Вамъ грустно, и дѣлать нечего. Или иной господинъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ пустится въ танцы настоящей карриатурой, — и смѣшно и досадно. Такъ бываетъ и въ литературномъ мірѣ.

При оеодосійской типографіи устроенъ кабинетъ для чтенія, который по богатству періодическихъ изданій можетъ послужить предметомъ зависти и для болѣе обширныхъ кабинетовъ: здѣсь получается до двадцати русскихъ, столько же французскихъ и десять армянскихъ газетъ и журналовъ. Не знаю вслѣдствіе какихъ данныхъ устроенъ кабинетъ на подобномъ широкомъ основаніи, окупятся ли его издержки въ городкѣ, образованное сословіе котораго весьма не многочисленно, но вѣроятно же имѣлась въ виду цѣль, къ достиженію которой разсчитаны были средства. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ благодарить ученаго отца архимандрита, устроившаго этотъ пріютъ для умственной пищи не только своимъ соплеменникамъ, но и каждому гражданину съ ограниченными средствами. Еслибъ оеодосійскій кабинетъ для чтенія и понесъ убытки, чего отъ души ему не желаю, то небольшая матеріальная потеря ничто въ сравненіи съ той пользой, какой можно ожидать для всѣхъ вообще жителей. Есть многіе города и не уѣздные, лишенные не только библиотекъ, но даже самыхъ жалкихъ книжныхъ лавокъ, словно опасующіеся пустить въ среду свою новый источникъ умственной жизни, пролпвающій такой яркій свѣтъ на всѣ вообще темныя стороны быта. Мнѣ говорили однакоже, что уже появились читатели, между которыми встрѣчаются бѣдные люди. Да, если бы вездѣ учредились хоть какіе-нибудь кабинеты для чтенія, образованіе подвинулось бы значительно, и хотя конечно чтеніе однихъ журналовъ не можетъ ни научить, ни перевоспитать чело- вѣка, однако лучше пусть читаютъ что-нибудь, нежели ничего не читаютъ, какъ это и случается въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ убиваютъ время на всѣ лады, не зная чѣмъ его наполнить.

Жизнь Оеодосіи вступаетъ въ новый фазисъ съ переселеніемъ иностранцевъ, число которыхъ значительно. Французы

устроили свой клубъ, куда ходятъ и прочіе граждане. Не знаю въ какой мѣрѣ будетъ полезно это общеніе для города, но нельзя не предвидѣть хорошихъ послѣдствій отъ долговременнаго пребыванія въ Θεодосіи образованныхъ иностранцевъ, изъ которыхъ многіе перевезли сюда свои семейства. Говорятъ, на ихъ вечерахъ очень весело, въ-особенности именуютъ одну молодую даму, которая умѣетъ оживлять общество и разнообразить свои собранія. Нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли землю и занимаются хозяйствомъ.

Въ горной части города путешественника поражаетъ длинное обширное зданіе, обсаженное изрѣдка деревьями и по замкнутости своей и особенной архитектурѣ, кажущееся казеннымъ строеніемъ. Это военный госпиталь втораго класса, снабженный всѣмъ необходимымъ, какъ-то: бѣльемъ, посудой, медикаментами, при которомъ находится потребное число медиковъ, прислуги — однимъ словомъ все разсчитано такъ, чтобы не было недостатка въ случаѣ если бы число больныхъ и увеличилось немного противъ положенія.

Впрочемъ Θεодосія пользуется такимъ благодатнымъ климатомъ, что вообще докторамъ тамъ дѣлать нечего, и если встрѣчаются больные, то весьма въ маломъ количествѣ, да и самыя болѣзни не принимаютъ угрожающаго характера, какимъ отличаются нынѣ на сѣверѣ или хоть и въ умѣренномъ климатѣ, во лишенномъ благодѣтельныхъ условій Южнаго-Берега. Напротивъ всѣ страждущіе грудью пріѣзжаютъ въ Θεодосію для возстановленія здоровья, и если организмъ не поврежденъ до извѣстной степени, если есть еще возможность удержать болѣзнь отъ сильно разрушающаго свойства, — больной можетъ быть увѣренъ въ своемъ выздоровленіи. Мнѣ кажется, что съ устройствомъ желѣзной дороги, все это побережье отъ Θεодосіи до Ялты покроется удобными домиками, которые населятся страждущими, и многіе тогда будутъ имѣть возможность зимовать въ тепломъ климатѣ, чего теперь лишены люди съ ограниченными средствами. Но вотъ вопросъ — когда будетъ готова наша желѣзная дорога? Читая по отчету, что возлѣ Θεодосіи начаты работы, я въ обратный поѣздъ рѣшился полюбопытствовать, т. е., удостовѣриться собственными глазами — что именно сдѣлали. Собственно возлѣ Θεодосіи ничего еще не начато, какъ говорятъ, потому будто неопредѣлена линія и неизвѣстно пойдетъ ли она лѣвѣе или правѣе. Носятся слухи, что послѣднее направленіе вѣрнѣе, ибо близость дороги къ морю представляла бы въ

случаѣ войны, возможность неприятелю прекратить сообщеніе. И вслѣдствіе этой неопредѣленности работы начаты за восемнадцать верстъ отъ города возлѣ деревни г. Айвовознаго. Мѣстность, по которой я ѣхалъ, чрезвычайно ровная, представляющая одно лишь неудобство — въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшие мочевины, требующія прочнаго фундамента подь рельсы. У самого начала работъ протекаетъ ручей, во-кругъ котораго почва чрезвычайно тонкая, такъ что вѣроятно будетъ необходимо значительный мостъ. По противоположной сторонѣ на возвышеніи вы видите взрытую землю и столбы для телеграфа. Человѣкъ семьдесятъ рабочихъ, на половину татаръ, вынимали землю и вывозили ее на сторону подь начальствомъ весьма болтливаго француза, который по-русски только говоритъ «работай!» и «зукъ снѣгъ» а по-татарски ни слова, но татаръ бранить по-французски. Если не ошибаюсь, всей работы произведено на шестьсотъ сажень, считая и небольшое пространство высыпанное землею, но въ будущемъ году, говорятъ, дѣло пойдетъ быстрѣе. Кажется бы пора. Болтливый французъ рассказывалъ, что дальше въ нѣсколькихъ мѣстахъ начаты работы въ такихъ же размѣрахъ; но во всякомъ случаѣ это мало, если принять въ расчетъ, что компанія въ пять лѣтъ обязалась положить рельсы въ одинъ путь. Дѣйствительно рельсовъ привезено уже множество, однако пока не окончится полотно и не устроятся мосты, — рельсы пролежатъ еще довольно долго безъ всякаго употребленія. Помѣщенія для рабочихъ, по моему не существуетъ, потому что два, три небольшихъ сарайчика грязныхъ и ажурныхъ, я думаю, не могутъ вмѣстить и половины даже тѣхъ, которые работаютъ въ настоящее время. Французъ говоритъ, что къ веснѣ будутъ готовы большіе сараки для нѣсколькихъ тысячъ и указывалъ даже мѣста, гдѣ будутъ эти строенія, но я ничего не могъ замѣтить, вѣроятно по неимѣнію съ собой бинокля, хотя и желалъ вѣрить, что дѣйствительно компанія приступаетъ наконецъ къ постройкѣ такого важнаго дѣла, какъ помѣщеніе для рабочихъ. Въ городѣ однакожъ носятя слухи не весьма утѣшительные. Разговаривая съ простолюдинами, я встрѣчалъ рассказы, которыхъ конечно нельзя принять безусловно, однако нельзя и считать пустымъ вымысломъ. Рабочіе говорятъ, что иныхъ обсыпывали, а съ другими позволяли употребленіе палки. Разумѣется здѣсь дѣло въ нѣсколькихъ копейкахъ и можетъ быть въ какой нибудь угрозѣ, но тѣмъ не менѣе факты эти наводятъ на печальное раздумье. Не

ужели же въ самомъ дѣлѣ въ отечествѣ нашемъ до того обыкновенно стремленіе къ наживѣ на чужой счетъ и къ дикому произволу, что и французъ, который на родинѣ не смѣетъ ни обсчитать рабочаго, ни поднять на него руку, въ Россіи позволяетъ себѣ и то и другое, имѣя одну только неоконченную отговорку: *savez vous dans ce pays si...* Русскій рабочій однакоже настойчиво требуетъ разсчета и хоть на него сыплются *zuki sine*, однакоже за частую слѣдуетъ удовлетвореніе; а татары, при видѣ несправедливости удаляются прочь, общія никогда не приходятъ болѣе на работу. Впрочемъ, нѣсколько частныхъ случаевъ, повторяю, не должны падать на компанію, а желательно только чтобы высшее управленіе дороги обратило вниманіе на это обстоятельство и уничтожило подобныя попытки низшихъ своихъ служителей.

Я прошелся вдоль начатой дороги въ сопровожденіи француза, который рассказывалъ, что работы идутъ медленно вслѣдствіе какихъ-то препятствій, встрѣченныхъ подрядчикомъ въ наймѣ рабочихъ. Въ городѣ тоже одинъ французъ мнѣ говорилъ, что въ Крыму рабочіе необыкновенно дороги и что подрядчикъ намѣренъ послать своихъ агентовъ въ дальнія губерніи законтрактовать нужное количество по дешевымъ цѣнамъ. Не знаю какъ это будетъ. Конечно есть мѣста, гдѣ поденьщикъ счастливъ, если получаетъ двадцать копеекъ, но тѣмъ не менѣе этотъ поденьщикъ знаетъ, что въ Крыму, на Дону и вообще въ Новороссіи рабочій легко добываетъ въ день рубль серебромъ, и потому кто рѣшится идти на югъ, тотъ не возьметъ низкой платы. *Идти на югъ* — вѣдь это иногда никакъ не менѣе 1000 верстъ, и если предположить, что путевыя издержки подрядчикъ приметъ на свой счетъ, то прогуляться пѣшкомъ на мѣсто и обратно такое разстояніе — чего-нибудь да стоить! Воспользоваться же невѣдѣніемъ бѣдняка отдаленной мѣстности — недостойно компаніи, и вслѣдствіе этого, мнѣ кажется, нечего разсчитывать на дешевизну рабочихъ по крайней мѣрѣ до Харькова, а лучше позаботиться объ успѣшномъ омончаніи позогна и мостовъ, потому что много уже прошло времени отъ учрежденія компаніи.

Изъ Феодосіи путь мнѣ предстоялъ по Арабатской Стрѣлкѣ и потомъ по сѣверному побережью Азовскаго моря. 20-го Октября день выдался теплый, солнечный, но я съ тревогою выбирался въ дорогу. У насъ не только нѣтъ печатныхъ путеводителей, но и всѣ устные рассказы туземцевъ о самыхъ близкихъ

мѣстностяхъ полны противорѣчій. Объ Арабатской Стрѣлкѣ одни мнѣ наговорили ужасовъ, другіе были отъ нее въ восторгѣ, третьи увѣряли, что во время бури море бросаетъ волны на дорогу, а половой рассказывалъ объ удивительномъ положеніи постоялыхъ дворовъ, гдѣ находится «все что угодно, oprичъ воды». Бездѣлица — нѣтъ воды на разстояніи 106 верстъ, и хоть стояло не жаркое время, однако пробыть десять часовъ безъ воды — обстоятельство не мелочное. А если гдѣ-нибудь случится задержка въ лошадяхъ! Конечно я могъ взять съ собою въ запасъ бутылку, но хороша вода, которая пролетитъ полсутки въ перекладной! Выѣхалъ я въ полдень по тракту на Геническъ. Сорокъ верстъ до Арабата проскакалъ я довольно быстро по угрюмой степи, не встрѣчая ни человѣческаго жилища, кромѣ станціи Парпачи, откуда дорога расходится на Керчь, — ни даже самаго ничтожнаго кустарника: только версты, и то оборванные и подгнившія торчатъ по дорогѣ, да гдѣ-нибудь проѣдетъ татаринъ на неуклюжей мажарѣ, влекомой парой верблюдовъ. Арабатъ — это ключъ къ знаменитой Стрѣлкѣ, по которой была проектирована желѣзная дорога. Здѣсь есть жалкая крѣпостца съ небольшими пушечками, осмотръ которой не представляетъ никакой занимательности. Станціонный смотритель рассказывалъ мнѣ однакожъ, что это крѣпостишка стрѣляла по неприятелю и кажется повредила ему два парохода.

Какой-то проѣзжающій съ семействомъ ожидалъ лошадей и хлопоталъ возлѣ своего тарантаса, а я попросилъ чего-нибудь пообѣдать, но получилъ обычный отрицательный отвѣтъ.

— Вы извольте напиться чаю, сказалъ мнѣ смотритель, потому что прѣсной воды нѣтъ на Стрѣлкѣ, а пообѣдаете ужъ завтра гдѣ-нибудь.

— Да гдѣ же?

— Можетъ быть въ Геническѣ, если будете ночевать на дорогѣ, а не то вѣроятно найдете въ Мелитополѣ.

Это значило, что если за сто верстъ не удастся утолить голодъ, такъ за сто восемьдесятъ и то еще подъ сомнѣніемъ. Со мной былъ сыръ, яблоки и хорошая булка, но я не могъ наѣдаться до сыта, потому что предстояло неизвѣстное будущее. Послѣ чаю, со страхомъ и трепетомъ взѣхалъ я на Стрѣлку. Вечерѣло. Слѣва на далекомъ горизонтѣ обрисовывались крымскія горы, справа песчаныя возвышенности заслоняли Азовское море. Закуривъ сигару, я смиренно предался своей участи,

и даже началъ философствовать: что, де, за важность пребыть полсутки? развѣ сила воли и проч.

При всей своей пустынности, при всей безотрадной обстановкѣ, Арабатская Стрѣлка довольно оживлена большимъ проѣздомъ. Это узкая полоса песку между двумя морями (отвратительный Сивашъ имѣетъ дерзость называться моремъ), соединяетъ восточную часть полуострова съ азовскимъ побережьемъ, Екатеринославомъ, Харьковомъ, Москвою, и потому на ней попадаются частые обозы. Наконецъ здѣсь торчитъ много домиковъ, въ которыхъ живутъ люди, содержащіе постоянные дворы и занимающіеся скотоводствомъ. Землянки эти, впрочемъ, не такъ часты со стороны Арабата. Нѣсколько верстъ проѣхалъ я довольный въ-особенности хорошей и гладкой дорогой. Въ это время стемнѣло. Осенняя прохлада начала добираться ко мнѣ во всѣ прорѣхи оставляемая небрежно-накинутой одеждой, что заставило меня закутаться плотнѣе. Вѣтерокъ потянулъ отъ Крыма. Я началъ однакоже чувствовать во влажномъ воздухѣ какой-то особенный запахъ, отдававшій водородомъ. Сначала мнѣ показалось, что недалеко разлагается какое-нибудь животное и запахъ этотъ пройдетъ; но чѣмъ далѣе мы ѣхали тѣмъ болѣе воздухъ насыщался удушливымъ непріятнымъ испареніемъ, дошедшимъ наконецъ до степени совершеннаго зловонія.

— Что это такъ дурно пахнетъ? спросилъ я у ямщика.

— Гдѣ?

— По дорогѣ.

— А! Это Сивашъ.

— И далеко это будетъ?

— Да по всей Стрѣлкѣ. Видите, вѣтеръ оттуда.

Дѣйствительно зловоніе постепенно увеличивалось, такъ что возбуждало даже тошноту въ свѣжемъ человѣкѣ. А ночь была чудная. Звѣзды появились отовсюду, молодой мѣсяцъ вырѣзался узенькимъ серпомъ на краю горизонта и вся эта картина южнаго неба отразилась въ Сивашѣ, угощавшемъ меня такимъ неожиданнымъ эс-букетомъ. Я дотога былъ раздраженъ этимъ мертвымъ водохранилищемъ, что мнѣ стало совѣстно за мѣсяцъ и звѣзды, которыя рѣшились смотрѣться въ гнилой заливъ и такъ отчетливо дрожать въ зеркалѣ, покрывающемъ смрадныя, гниющія пространства. Справа шумѣло Азовское море и однообразный переливчатый гулъ его какъ бы поглощалъ печальные звуки почтового колокольчика. Наконецъ я у первой станціи, и надо было видѣть какъ поспѣшно бросился я въ отверенную

дверь, съ цѣлью избѣжать отвратительнаго запаха. Но что Сивашъ со своимъ влажнымъ ароматомъ въ сравненіи съ воздухомъ, наполнившимъ станціонную комнату! Здѣсь дыхательный матеріалъ доходилъ до той степени густоты, въ которой, какъ говорится, можно повѣсить топоръ, — и топоръ держался бы словно на гвоздикѣ. Я поспѣшилъ вонъ, едва успѣвъ отдать по дорожную. Въ одиннадцать часовъ меня привезли уже на послѣднюю станцію. Писарь объявилъ мнѣ, что лошади будутъ готовы чрезъ пять минутъ, но сомнѣвался въ возможности переправы подъ Геническомъ, гдѣ надобно переѣзжать на паромѣ рукавъ Азовскаго моря, и что по всѣмъ признакамъ — не пришлось бы мнѣ ночевать на пустынномъ песчанномъ берегу, ожидая разсвѣта.

— Какъ же я буду безъ воды, отвѣчалъ я обезкураженный этимъ извѣстіемъ: я не могу пить горькаго разсола, которымъ вы довольствуетесь.

— Помилуйте, у насъ вода сладкая, даже если прикажете, мнгомъ пзготовимъ самоваръ.

— Въ такомъ случаѣ ночью.

Но въ это время бросился мнѣ въ глаза злобѣщій тарантасъ, видѣнный у Арабата.

— Гдѣ же я проведу ночь.

— Мѣсто будетъ. Проѣзжающій помѣстилъ свое семейство у хозяйки, а вы съ нимъ побудете въ станціонной комнатѣ.

Тутъ я только почувствовалъ, что собственный запахъ Сиваша потерялъ много своей остроты и мнѣ вздохнулось какъ-то свободнѣе. Лишнимъ будетъ описывать безпокойную ночь на неуклюжемъ диванчикѣ. Я пилъ воду и чай съ удовольствіемъ и даже, сверхъ всякаго ожиданія, угощенъ былъ яичницей, которая показала мнѣ вкуснѣе всевозможныхъ яствъ Дюссо и Бореля. На утро съ разсвѣтомъ я собирался въ дорогу. Мени заинтересовало названіе станціи — Тревогинская.

— Вѣроятно, подумалъ я, имя это дано не даромъ и съ нимъ связано какое-нибудь преданіе, а я вообще люблю развѣдывать вещи подобнаго рода.

Съ этой цѣлью позвалъ я старика писаря и предложилъ ему стаканъ чаю.

— Скажи пожалуйста, любезный, отчего эта станція названа Тревогинской? спросилъ я въ надеждѣ услышать какое-нибудь преданіе хоть изъ эпохи разбоевъ.

— Это на моей памяти, отвѣчалъ старикъ: здѣсь не далеко

былъ хуторъ чиновника Тревогина, и когда учреждали станцію, то и назвали ее по урочищу Тревогинскою.

Я разумѣется прекратилъ дальнѣйшіе распросы.

Послѣдній перегонъ хоть и обставленъ также грустно какъ и всѣ прочіе, однако здѣсь Стрѣлка расширяется, и вездѣ по дорогѣ мелькаютъ домики или уединенные хуторы, гдѣ люди, занимаясь скотоводствомъ, содержатъ все-таки постоянные дворы, не смотря на сильное соперничество. Возлѣ Тревогинской станціи первый разъ увидѣлъ я деревня, именно группу вербъ у небольшого озера, которыя вѣроятно посажены давно какою-нибудь благодѣтельною рукою, — потому что объема довольно порядочнаго. Перегонъ въ тридцать верстъ не показался мнѣ очень длиннымъ во-первыхъ по причинѣ гладкой и твердой дороги, а во-вторыхъ меня везли отличныя лошади, и я часамъ къ одиннадцати былъ у генической переправы. Морской рукавъ, черезъ который нужно переѣзжать на паромѣ, весьма не широкъ, но въ случаѣ вѣтра съ моря онъ наполняется сильно водою, и переѣздъ дѣлается затруднительнымъ. Мнѣ однакоже не встрѣтилось никакого препятствія, такъ что въ нѣсколько минутъ я уже былъ на другомъ берегу, гдѣ произошла интересная сцена. Проѣзжій, съ которымъ я встрѣтился на Стрѣлкѣ, былъ становой приставъ. Во время переправы, зоркій полицейскій глазъ его замѣтилъ въ толпѣ дорожныхъ одного преступника, ушедшаго недавно изъ тюрьмы. Обрадовавшись подобной находкѣ, становой ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты выхода на пристань, но полицейское сердце не выдержало и онъ сдѣлалъ ужасный промахъ. Не успѣлъ онъ выскочить на берегъ, какъ и обратился къ арестанту.

— А ты здѣсь зачѣмъ? Ребята держите его! обратился онъ къ народу.

Но арестантъ въ свою очередь не дремалъ и прежде чѣмъ успѣли люди осмотрѣться, онъ уже былъ верхомъ, кажется, на чужой лошади и исчезъ за ближайшими строеніями.

— Держи! Лови! раздалось отовсюду, однако никто не трогался съ мѣста, и проѣзжіе съ ужасомъ поглядывали на обезкураженнаго чиновника, который не щадилъ разныхъ энергичскихъ выраженій.

Я не дожидаясь развязки, да и не дождался бы потому, что подсудимый печезъ и будетъ гулять по бѣлу свѣту пока не попадется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Что же сказать вамъ о Геническѣ или «Тонкой», какъ называется онъ у окрестныхъ жителей. А велика сила привычки у народа: какимъ не назовите именовъ городъ или деревню, какъ ни подтверждайте и приказывайте — новое названіе не прививается. Тонкая да и Тонкая. Городокъ этотъ, или лучше сказать, мѣстечко самаго жалкаго свойства, хотя въ военное время онъ былъ важнымъ пунктомъ склада и подвоза хлѣба изъ портовъ Азовскаго моря. Здѣсь, говорятъ, интересно было сожженіе провіанта, но это уже всѣмъ извѣстная исторія. Въ Геническѣ нѣтъ ни одного порядочнаго домика. Онъ не отстроился еще послѣ недавняго погрома, хотя и стоитъ надъ моремъ. Сюда выгружаютъ много рельсовъ для еодосійской желѣзной дороги, которая пойдетъ въ четырнадцать верстахъ, и *когда она пойдетъ* не по картѣ, а въ дѣйствительности, вѣроятно и Геническъ будетъ похожъ на что-нибудь, между тѣмъ какъ теперь это уголокъ для обмана бѣдныхъ проѣзжающихъ. Слышитъ чужой человѣкъ про городъ, наконецъ видитъ рядъ домиковъ, лавки и базаръ и думаетъ запасти чѣмъ-нибудь или подкрѣпиться. Не тутъ-то было: есть деготь, соль, свѣчи, мыло, но ничего необходимаго для путника. Указывали мнѣ нѣчто въ родѣ постоялаго двора, и что же вышло? Я узналъ, что тамъ дѣйствительно иногда обѣдаютъ проѣзжающіе, но во время моего проѣзда случилась пятница и по этому случаю ничего не готовлено.

— Хоть бы рыбы какой-нибудь, проговорилъ я не смѣло молодой дѣвушкѣ, собиравшейся захлопнуть дверь.

— Какъ можно рыбы въ пятницу, что это вы? Да маменька въ эти дни не велитъ варить даже горячей пищи.

— А вы же что кушаете? моя мпая.

— Хлѣбъ съ соевыми огурцами.

— Нельзя ли и мнѣ одолжить того же.

— Нѣтъ, нельзя.

— Почему?

— Да я не знаю, что съ вась взять за это! Кабы маменька не ругали.

— За что же ругать? Вы возьмете какъ за порцію.

— У насъ нѣтъ порцій, а обѣдъ.

— Ну, возьмите какъ за обѣдъ.

— Развѣ прибавить капусты.

— Можете прибавить и капусты.

— Пожалуйте.

Я вошелъ въ довольно чистую комнату, и пока молодая хо-

зайка приготовляла импровизированный пятничный обѣдъ, я занялся обозрѣніемъ мѣстности. Мебель и прочія украшенія изобличали обыкновенное мѣщанство; но за зеркаломъ торчало нѣсколько номеровъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Какой-то, видно, не простой читатель, упражнялся съ однимъ номеромъ этой газеты: на поляхъ карандашемъ написаны были примѣчанія, изобличавшія юмористическое стремленіе. Здѣсь можно сказать однакожь при случаѣ, что изъ всѣхъ новороссійскихъ губернскихъ вѣдомостей безспорно лучшія — таврическія, которыя издаются какъ-то занимательнѣе, чѣмъ другія.

Скоро хозяйка поставила передо мной миску съ капустой, въ которой накрошены были соленые огурцы, и положила полбулки темнаго цвѣта, весьма непріятной наружности. Но разбратъ было нечего, и не имѣя вѣры въ Мелитополь, который, впрочемъ, отъ Геническа въ восьмидесяти верстахъ, я принялся утолять свой голодъ. Неспорченная натура молодой хозяйки не дозволила ей взять съ меня деньги за цѣлый обѣдъ и дѣвушка потребовала только за полъ-обѣда, принимая на себя гнѣвъ дражайшей родительницы.

— А развѣ матушка у васъ сердитая?

— Онѣ очень вспыльчивы.

— Значитъ добрая.

— Извѣстно добрая, только съ сердецъ иногда поколотятъ порядкомъ.

Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Геническа. Путь лежитъ дикой степью и ничего не представляетъ для самаго наблюдательнаго путешественника. Одно удовольствіе бесѣдовать съ ящичками, но послѣдніе по большей части выражаютъ свое неудовольствіе на хозяевъ, да и не ждите отъ нихъ разсказовъ объ окрестностяхъ, потому что это все почти пришельцы изъ орловской и курской губерній. Первая станція въ одиннадцати верстахъ, въ большемъ селеніи Юзкуй, гдѣ уже множество ногайцевъ, но вы не такъ обращаете вниманіе на ихъ жилища, потому что здѣсь есть, особенно съ пріѣзда, русскіе домики. Вотъ на второй станціи Еланъ-Загачъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ постоялыхъ дворовъ все ногайцы, и вы можете, если не изучать нравы и обычаи, то все-таки присмотрѣться къ быту народа совершенно вамъ незнакомаго. Эти ногайскіе аулы самый первый переходъ отъ кочевья къ осѣдой жизни. Жилищъ ихъ нельзя назвать кибитками, но также не назовете вы ихъ и избами, потому что это самая плохая народія на хату, или, лучше,

неловкое подражаніе землянкѣ Новороссійскаго края, хотя все построено изъ камня. Но надо сказать правду, видъ на ногайскій аулъ при этой грязи, при этомъ навозѣ, употребляемомъ на заборы, при совершенномъ отсутствіи деревьевъ — наводитъ уныніе на душу и безъ того истомленную однообразною дорогою. Ногайскіе татары имѣютъ особый типъ, одинаковый съ кавказскими ногайцами, весьма близкій къ калмыцкому: тѣ же маленькіе прищуренные глаза и выдавшіяся скулы. Народъ вообще некрасивый и въ высшей степени неопрятный. Женщины, особенно молодыя, гораздо лучше мужчинъ, и я видѣлъ дѣвушку, даже очень хорошеенькую, которую однакоже портило кольцо, продѣтое въ ноздрю. Попадаютъ же еще въ Европѣ подобнаго рода украшенія, въ деревнѣ, гдѣ смотрительша носитъ уже юбку въ родѣ криволипа.

За Еланъ-Загачемъ начали спускаться сумерки и своей сѣрой маптіей закрыли непривлекательную окрестность. Знаю только, что на послѣдней станціи подѣ Мелитополемъ я встрѣтилъ телеграфъ, идущій изъ Берислава. Верстахъ въ десяти отъ города, въ балкѣ, замѣтилъ я длинную тополевою аллею, пропадавшую далеко въ темнотѣ, и узналъ, что это усадьба одного нѣмецкаго колониста. Оттуда по неровной взрытой мѣстности поѣхалъ я къ Мелитополю, выслушивая рассказы ямщика о томъ, какъ здѣсь въ темныя ночи опрокидываются иногда экипажи, а въ грязную пору увязаютъ добрые люди и сидятъ по нѣскольکو часовъ въ ожиданіи помощи. Это, впрочемъ, случается вездѣ. На каждой станціи прибито описаніе дороги двухъ перегоновъ, подписанное губернскимъ почтмейстеромъ, и вы можете прочесть, что на нѣкихъ мѣстахъ весною и осенью «перездѣ затруднителенъ или невозможенъ.» Предосторожность хоть и излишняя, однако служащая оффиціально доказательствомъ, что по нашимъ дорогамъ ѣзда не безопасна.

Въ Мелитополь вѣхалъ я вечеромъ по весьма головному спуску подѣ гору, и потому ничего не могу сказать объ этомъ городѣ. При каждомъ толчкѣ мнѣ все представлялось, что я въ Тимѣ, Бобринцѣ или Золотоношѣ. Два-три домика попались недурные, остальные Богъ знаетъ на что похоже. Недавно это было еще деревня Кызляръ орѣховскаго уѣзда, но не знаю уже по какой причинѣ присутственныя мѣста изъ Орѣхова переведены сюда и Кызляру велѣно именоваться Мелитополемъ. Опять почему греческое, а не русское имя, не умѣю вамъ сказать, но должно же быть какаа нибудь причина. Говорятъ,

уѣздъ перемѣщенъ изъ Орѣхова потому, что послѣдній на самой границѣ екатеринославской губерніи.

Въ ожиданіи самовара, я пошелъ бродить по улицамъ Мелитополя. Во всѣхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ. Я нарочно шелъ тихо, и можетъ быть не скромно засматривалъ во внутренность жилищъ уѣзднаго человѣчества. Но любопытство мое извинительно или, лучше сказать, естественно: посмотрѣть, что дѣлается, въ восемь часовъ вечера въ городкѣ, черезъ который идетъ электро-магнитный телеграфъ, и гдѣ на станціи писарь употребляетъ стальныя перья. Въ одномъ домикѣ въ двухъ освѣщенныхъ комнатахъ бѣгали дѣти и играли съ собакой; на диванѣ сидѣли, должно быть, счастливые родители и любовались своимъ произведеніемъ; въ другомъ какой-то господинъ у стола набивалъ трубку и, зѣвая, кивалъ головой вѣроятно дрожавшей половинѣ, дородной барынѣ, которая въ глубинѣ, въ углу, поправляла лампадку. Въ третьемъ два еврея въ шапкахъ о чемъ-то горячо разсуждали со свойственными этому племени жестами; передъ ними стоялъ графинъ съ темнаго цвѣта жидкостью. Въ четвертомъ какая-то барыня раскладывала карты; занималась ли она пасьянсомъ или гадала не знаю, но на лицѣ у ней было написано вниманіе. Въ пятомъ господинъ съ бородою, распушенными волосами и въ широкой одеждѣ предавался наслажденію вкушать икру и балыкъ, а возлѣ него сидѣла женщина повязанная платкомъ и держала на колѣняхъ мальчика лѣтъ пяти или шести, какъ видно разбалованнаго, судя по его позѣ. Въ шестомъ старый воинъ барабанилъ пальцами по столу, сидя на стулѣ, и что-то говорилъ немолодой женщинѣ, которая разводила руками; передъ этой четой стояла на заднихъ лапахъ собака. При взглядѣ на послѣднюю я вспомнилъ, что подобныхъ животныхъ въ уѣздныхъ городахъ множество и что безоружному плохо въ закуткахъ заниматься наблюденіями. Тутъ же мнѣ пришло на мысль — какъ бы не попасть въ полицію, и я повернулся назадъ, но все таки заглянулъ въ окна противоположной стороны улицы. Тѣже незанимательные предметы, и ни въ одномъ домѣ не видѣлъ я, чтобы кто нибудь держалъ въ рукахъ книгу или газету. Мнѣ стало грустно, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что можетъ быть попалъ неудачно на нѣсколько домиковъ, а что въ другихъ найдутся и мыслящіе люди. Впрочемъ есть же въ Бессарабіи уѣздный городъ Оргѣвъ, гдѣ изъ всѣхъ періодическихъ изданій получался въ прошломъ году одинъ лишь экземпляръ Одесскаго Вѣстника и то за второе полугодіе. Но то

Бессарабія. Что же еще сказать о Мелитополѣ? Ровно ничего, не то я сильно погрѣшилъ бы, говоря о городѣ, въ которомъ пробылъ часа полтора и выѣхалъ, познакомься только съ однимъ станціоннымъ писаремъ. Кто знаетъ впрочемъ, можетъ быть здѣсь порядочное общество, живутъ весело и сюда несутся вздохи и мечты какого нибудь юноши, который не прохѣнялъ бы песковъ и выбоствъ Мелитополя на чистыя улицы и покойные тротуары хорошаго города.

На всемъ длинномъ и томительномъ пути до Бердянска, кромѣ нѣсколькихъ ауловъ попадается еще плохой городишко Ногайскъ, въ которомъ однакоже ни одного погайца, а живутъ малороссы и армяне. Физиономія его весьма непрезентабельная и только къ выѣзду, къ рѣкѣ Обиточной разстпается большой запущенный садъ, въ которомъ стоитъ казенный домъ — жилище городничаго. Жалкій городокъ этотъ имѣетъ однакоже множество лавочекъ, потому что армяне, подобно евреямъ, со страстью предаются мелочной торговлѣ. Все мое вниманіе устремлено было на Бердянскъ, къ которому я спѣшилъ, имѣя въ виду хоть молодой, но благоустроенный городъ, гдѣ обѣщала себѣ и отдыхъ и нѣкотораго рода комфортъ — на нѣсколько сутокъ. Аппетитъ мой, заглушенный, но неудовлетворенный разными гадостями, началъ возвышать голосъ и еще болѣе торопить меня переѣхать сороковерстное разстояніе. На послѣдней станціи, отчаянной землянки, смотритель краснорѣчиво описалъ мнѣ всѣ выгоды Бердянска для путешественника и торжественно приказалъ ямщику везти въ Парижскую гостиницу.

Отличная погода, сопровождавшая меня пзъ Феодосіи, начала измѣнять характеръ, и густой, холодный туманъ повалилъ отъ Азовскаго моря, переливаясь словно волны; потомъ началъ моросить самый мелкій дождикъ, тотъ неотвязчивый и неумолимый, который особенно умѣетъ какъ-то приставать осенью къ дорожному, находя тотчасъ же слабыя и чувствительныя стороны. Лошади были добрыя, дорога не успѣла еще испортиться, и ямщикъ мой ѣхалъ полной рысью, при чемъ куски грязи, взбрасываемые колесами, вертѣлись по сторонамъ словно другія колесы въ воздухѣ и обдавали меня своими брызгами. Иногда п отъ лошадиныхъ конытъ ко мнѣ долетали порядочныя комья, которые прямо залѣпляли глаза, или со свистомъ проносились мимо. Наконецъ небо начало немного проясняться, усилившійся вѣтеръ прогналъ облака и не вдали показалось нѣсколько высохшихъ мельницъ.

— Гдѣ же Бердянскъ? спросилъ я.

— Внизу по берегу, вотъ только спустимся подъ гору.

Я не имѣлъ никакого понятія о Бердянскѣ, зналъ только что это городъ, возникшій недавно изъ ничтожества, но ведущій уже значительную отпускную торговлю, слышалъ отъ многихъ проѣзжихъ необыкновенныя ему похвалы и хотѣлъ поскорѣе добраться до этого Эльдорадо. Дѣйствительно, когда я подѣхалъ къ довольно крутому спуску, передо мной открылся обширный, хорошо обстроенный городъ, съ прямыми широкими улицами, съ большимъ движеніемъ народа и множествомъ судовъ у пристани. Въ разныхъ мѣстахъ у домовъ развѣвались флаги иностранныхъ консуловъ, и на меня пахло Европой, послѣ печальнаго впечатлѣнія, оставленнаго ногайскими аулами. При вѣздѣ въ улицу мнѣ попалось нѣсколько извочниковъ, на перекресткѣ прогремѣла коляска на лежащихъ ресорахъ и наконецъ я очутился среди толпы, суетившейся на площади. Миновавъ базаръ, мы проѣхали мимо большого квадратнаго гостинаго двора на другую площадь возлѣ моря, гдѣ католическая церковь, противъ которой и рисуется вывѣска гостинницы. Двухъ-этажный домикъ о пяти окнахъ глядѣлъ какъ будто привѣтливо, а внизу въ растворенной двери стояла какая-то женщина.

— Есть номеръ?

— Заняты, но я могу вамъ дать комнату пока, отозвался, выходя на порогъ содержатель гостинницы ломанымъ русскимъ языкомъ, какъ говорятъ сербы или словуны.

Я сошелъ съ телѣги прямо въ ресторацію и искалъ глазами лѣстницы. Мнѣ указали дверь тутъ же рядомъ. Оказалось, что комната, великодушно мнѣ предложенная *пока*, была жилая горенка смежная съ рестораціей, но въ которой не имѣлось ни стола, ни кровати, а всю мебель составляли деревянный табуретъ и пара соломенныхъ стульевъ. Пріютъ, какъ видите, весьма удобный для человѣка, желавшаго отдохнуть съ дороги и заняться дѣломъ.

— Я не могу здѣсь остаться.

— Какъ угодно, а вы были бы покойны.

— Гдѣ же еще гостинница? спросилъ я у ямщика.

— Есть въ клубѣ и у еврея.

— Вези въ клубъ.

Подѣзжаю къ большому дому и вхожу въ залу, наполненную разноплеменнымъ народомъ, и освѣдомляюсь о помѣщеніи.

— Сей часъ, отвѣчалъ какой-то ловкій малый и повелъ меня показывать нумеръ.

Комната была громадной величны, но уже рѣшительно не заключала никакой мебели и замѣтно, что нѣсколько дней назадъ какъ выкрашена.

— Вѣдь эта пустая комната, сказалъ я.

Проводникъ согласился.

— Но это ничего, отвѣчалъ онъ: вы переночуйте какъ нибудь, а завтра *можетъ быть* достанемъ и мебель.

Плохое утѣшеніе! я вышелъ повѣсивъ голову. Оставалась надежда на еврейскую гостинницу. Поѣхалъ я въ этотъ послѣдній ресурсъ и остановился у одного дома, входъ котораго обозначался открытой деревянной лѣстницей. На верхнихъ ступеняхъ стоялъ засаленный дѣтина съ салфеткой въ рукѣ и оклаблялся при видѣ перекладной, предчувствуя практику.

— Угодно квартиру или обѣдать! спросилъ онъ меня прежде чѣмъ я успѣлъ встать съ телѣги.

— Квартиру.

— Пожалуйте.

Поднявшись по лѣстницѣ, я вступилъ въ необыкновенно грязный корридоръ, на другомъ концѣ котораго суетились служители и сидѣли гости за столиками.

— Позвольте, говорилъ половой, хватая меня за рукавъ, — это буфетъ, а квартиры здѣсь.

— Да гдѣ же?

— Развѣ вы невидите написаны нумера.

Тогда только я разсмотрѣлъ, что изъ корридора можно было насчитать четыре двери. Половой горделиво отворилъ дверь № 3. Двѣ деревянные скамьи, покрытыя рогожами, у единственнаго мрачнаго окна сосновый столъ и пара соломенныхъ стульевъ составляли всю мебель этой комнаты, если можно назвать комнатой конуру, пнѣющую дерзость называться номеромъ. Но я оставилъ бы мебель въ покоѣ; въ путешествіи по югу вообще и Новороссіи въ-особенности я привыкъ къ крестьянскимъ избамъ, но мебели не горюю; но квартира-то четыре шага длиною и три шириною; вотъ что ужасно, особенно при такой близости чайнаго заведенія, при прямомъ сообщеніи съ кухней, откуда несло еще хуже чѣмъ отъ Сиваша. Наконецъ можно ли было заниматься чѣмъ нибудь въ этой конурѣ, передъ которою можетъ гордиться самая убогая землянка поденщика, относительно по простора и даже чистоты. Я ушелъ смущенный и спустив-

шишь съ лѣстницы, еще не зналъ на что рѣшиться. Мимо по улицѣ проѣзжалъ шагомъ извозчикъ и съ такимъ участіемъ посмотрѣлъ на меня, что мнѣ показалось, онъ въ состояніи пособить моему горю, и я кликнулъ его.

— Не знаешь ли ты, любезный, квартиру?

— Какъ не знать! Помалуйте.

Оставя свою перекладную на улицѣ, я пустился отыскивать себѣ помѣщеніе. Съ перваго раза мы попали на очень хорошую, теплую и недорогую квартиру. Я мигомъ велѣлъ позвать ямщика и черезъ четверть часа дѣйствительно отдышалъ съ комфортомъ въ одномъ греческомъ семействѣ. Любезность, предупредительность хозяевъ и прислуги, покойная мебель, большія свѣтлыя окна, пріятная теплота и обѣщаніе приготовить обѣдъ какой мнѣ угодно — такъ благотворно подѣйствовали на меня, что умывшись послѣ дороги, я, не чувствуя усталости, принялся за работу.

Обращусь на мнуну къ тому, что сказалъ въ началѣ статьи о частыхъ описаніяхъ помѣщеній. Вѣдь, я думаю, если читатель узнаетъ что такое бердянскія гостиницы и подъ осеннимъ дождемъ не будетъ принужденъ переходить пройденныхъ мною мытарствъ, а прямо заѣдетъ въ какой-нибудь домъ, спросивъ у перваго извозчика: онъ будетъ мнѣ благодаренъ. Я полагаю, что гораздо лучше очеркнуть вѣрно извѣстную мѣстность, какъ она есть въ дѣйствительности, нежели приобѣгнувъ къ риторическимъ приемамъ, изображать витіеватымъ слогомъ тишину степи, шумъ моря, восходъ солнца и т. п.

Нѣсколько дней въ первый проѣздъ я прожилъ по дѣлу въ Бердянскѣ и дамъ вамъ понятіе объ этомъ городѣ на столько, на сколько могъ замѣтить самъ въ такое короткое время. Разумѣется я прошелъ и проѣхалъ если не по всѣмъ, то по многимъ улицамъ, заходилъ въ лавки, бродилъ по пристани, познакомился съ нѣкоторыми лицами изъ служащихъ и изъ обывателей, и надѣюсь, что описаніе мое будетъ болѣе или менѣе правдиво.

Бердянскъ, раскинутый теперь у подошвы горы на песчаной косѣ, не только прежде не былъ городомъ, но даже селеніемъ, а такъ какимъ-то притономъ Богъ знаетъ какого сброду. Эта часть азовскаго поморья представляла совершенную пустыню, и дикій ногаецъ одинъ только владѣлъ обширнымъ окрестными землями. Недалеко отъ устья рѣки Берды торчало нѣсколько землянокъ, въ которыхъ жили частью рыбопромышленники,

частью лица, покончившія съ родиною и ушедшія на вольныя земли отъ прежнихъ связей и отношеній. Князь М. С. Воронцовъ, заботившійся о разширеніи ввѣреннаго ему края, исходатайствовать разрѣшеніе учредить торговый городъ близъ устья Берды, которому и даны на вѣсколько лѣтъ извѣстныя льготы, мѣра эта оказалась удачною, и городъ началъ возникать быстро на самомъ берегу на такомъ низкомъ мѣстѣ, что, прорывъ землю глубиною не болѣе аршина, находятъ воду. Оттого въ Бердянскѣ у рѣдкаго дома нѣтъ колодезя, хотя вода чрезвычайно дурна на вкусъ и требуетъ большой привычки.

Съ одними льготами для купечества, еслибы мѣстность не благоприятствовала, городъ никогда не возникъ бы съ такою быстротою какъ Бердянскъ; но пунктъ былъ избранъ именно тамъ, куда устремилась хлѣбная торговля прилегавшихъ хлѣбородныхъ уѣздовъ таврической и екатеринославской губерній, искавшая давно уже выгоднаго сбыта. Морской портъ, хоть даже и на такомъ плохомъ морѣ какъ Азовское, все-таки имѣетъ свою цѣну, и едва возникъ Бердянскъ, а уже иностранные негоціанты учредили въ немъ свои конторы и открыли сношенія съ чужими землями. Теперь этотъ портъ отпускаетъ за-границу хлѣба почти на пять миліоновъ рублей, а между тѣмъ въ тридцатыхъ годахъ здѣсь торчало лишь нѣсколько жалкихъ избушекъ.

Подъѣзжая къ крутому спуску съ почтовой дороги, путешественникъ видитъ съ птичьяго полета понораму порядочнаго города со множествомъ большихъ каменныхъ строеній, крытыхъ желѣзомъ. Но если торговое движеніе и не подлежитъ сомнѣнію, то видъ благоустроеннаго города основанъ на нѣкотораго рода оптическомъ обманѣ. Довольно важный хлѣбный рынокъ Бердянскъ, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, окажется лишь хорошимъ складомъ для пшеницы, не болѣе, и всѣ эти обширныя правильныя зданія — по большей части хлѣбные магазины съ глухими стѣнами или рѣшетчатыми окнами. На цѣлой улицѣ, чуть только даже отъ площади, вы едва найдете нѣсколько жилыхъ домовъ, а остальные всѣ угрюмо выставляютъ вамъ окна, переплетенныя желѣзомъ и заколоченныя досками. Самый гостинный дворъ, превосходящій величиною гостинные дворы многихъ губернскихъ городовъ, состоитъ преимущественно изъ лавокъ, наполненныхъ сырыми товарами для простонародья, стекающагося сюда въ огромномъ количествѣ для заработковъ. Порядочнаго магазина нѣтъ ни одного, хотя и нѣтъ недостатка ни въ чемъ необходимомъ.

Собственно базаръ, не смотря на позднее время года, кипѣлъ народомъ, и я полагаю на немъ потребляется большое количество съѣстныхъ припасовъ, судя по изобилію этого матеріала. Но въ Бердянскѣ я былъ пораженъ многочисленностью торговекъ, продающихъ подсолнечниковыя сѣмячки. Извѣстно, что вещество это служитъ лакомствомъ простому народу, даже нѣкоторымъ образомъ какъ предметъ первой потребности, потому что многіе имѣютъ привычку щелкать сѣмячки даже пѣдя по дорогѣ; но все же я думаю въ Бердянскѣ около сотни дѣвочекъ сидятъ у гостянаго двора, на базарѣ и продаютъ это незатѣйливое лакомство. Я говорю къ тому, что выручка должна быть ничтожная, судя по ничтожной цѣнѣ сѣмячекъ. Еще если продавать ихъ вмѣстѣ съ другими припасами, можно имѣть выгоду, но дѣвушка лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, мнѣ кажется, могла бы заниматься болѣе прибыльной работой, между тѣмъ какъ здѣсь, торча цѣлый день въ обществѣ чернорабочихъ и матросовъ, она положимъ и выторгуетъ нѣсколько копеекъ, за то разбалуется непременно и легко можетъ поступить въ разрядъ тѣхъ существъ, которыя таскаются по улицамъ портовыхъ городовъ съ отвратительно наглыми физиономіями, чуть не въ рубищахъ. Стоитъ только прислушаться какими разговорами занимается продавщица сѣмячекъ базарная публика, то уже легко предвидѣть будущность дѣвочки, которая при другихъ условіяхъ могла бы выйдти порядочной женщиной. Всѣ онѣ чрезвычайно бойки и не краснѣютъ ни предъ какимъ циническимъ выраженіемъ покупателя, напротивъ яная поддерживаетъ крупный разговоръ и старается съострить, чтобы заслужить одобреніе своихъ подругъ и постороннихъ слушателей. Разумѣется все это дѣти самаго бѣднѣйшаго населенія, тѣснящагося въ отдаленныхъ замлянкахъ.

Посвящая все свое свободное время на изученіе, по возможности, города, я каждый день начиналъ съ путешествія по лавкамъ и базару, откуда уже устремлялся по разнымъ направленіямъ. На углу противъ среднихъ воротъ гостянаго двора постоянно сидѣла черноглазая дѣвочка лѣтъ одиннадцати и такъ бойко отвѣчала своимъ покупателямъ, такимъ звонкимъ смѣхомъ заливалась при какой-нибудь плоской шуткѣ, такъ разнообразно божилась, выхваляя свой товаръ, что однажды я невольно подошелъ ближе и, купивъ на копейку сѣмячекъ, завелъ съ нею разговоръ.

— Есть у тебя отецъ, мать? спросилъ я. •

- А на что вамъ?
- Да такъ.
- Тятеньки нѣтъ, а маменька.
- Торгуешь чѣмъ нибудь?
- Прежде торговала, а теперъ стала больно запивать.
- А кромѣ тебя дѣтей много?
- Маленькій братъ и сестра.
- Чѣмъ же вы живете?
- Я вотъ я продаю сѣмячки. Да на что вамъ знать?

Я подарилъ своей собесѣдницѣ новенькій гривенникъ, и она стала разговорчивѣе.

— Видите ли, у маменьки былъ любовникъ и давалъ ей денегъ, но онъ уѣхалъ и еще не вернулся, а у насъ большая бѣдность. Маменька заложила шубу и съ насъ бы стало, да водка много съѣдаетъ. Иной разъ моя торговля плоха, мало выручишь — и бовшся идти домой — приколотять.

Въ это время подошелъ покупатель, и моею собесѣдницѣ удалось выторговать нѣсколько грошей.

- Что же, много ты сегодня заработала?

Дѣвочка вытащила полотняный мѣшечекъ, взяла изъ-подъ корзинки мѣдные деньги и выложила все на руку.

— Семнадцать копеекъ серебромъ съ вашимъ гривенникомъ — значить семь копеекъ.

- А много ли барыша?

— Копейки три. Только я вашего гривенника не отдамъ маменькѣ.

- Отчего?

— Пропьютъ. Я лучше куплю себѣ бубликовъ и яблокъ.

— Ну прощай, милая.

— А вы часто бываете на базарѣ?

— Нѣтъ, я проѣзжій.

— Прощайте! Возьмите же себѣ сѣмячекъ на дорогу, такъ безъ денегъ.

— Спасибо, я отдамъ тебѣ и тѣ, что купилъ.

И я высыпалъ обратно въ корзинку лакомство, съ которымъ не зналъ куда дѣваться. Быстроглазая дѣвочка пристально посмотрѣла на меня, но къ ней подошли два матроса и я отправился дальше.

На пристани стояли небольшія суда. Иностранцы свозили на берегъ балластъ и высыпали его не далеко. Тутъ же грузился хлѣбъ на подводныя лодки, которыя доставляютъ его уже ко-

раблямъ, стоящимъ на рейдѣ. Движеніе довольно большое. Возлѣ пристани лежить въ складахъ казенная соль, что замѣтно по часовому, а дальше виднѣется таможенная застава. Здѣсь сыпучій песокъ и въ обѣ стороны отъ пристани тянутся жалкіе домики безъ всякой огорожи — пріюты бѣдныхъ рыбаковъ, разныя увеселительныя заведенія, гдѣ привольяѣ и чернорабочему и матросу выпить лишнюю чарку, подраться, покурить и убить время, какъ убивается оно въ портовыхъ городахъ пришельцами съ разныхъ сторонъ свѣта. Здѣсь въ началѣ сумерекъ раздаются уже звуки шарманокъ съ присвистомъ, припѣвами на разныхъ языкахъ, и въ небольшихъ окнахъ домиковъ, не далеко отъ берега, видно какъ мелькаютъ тѣни, но вы не знаете происходить ли тамъ драка, или подгулявшій людъ предается пляскѣ подъ влияніемъ нѣсколькихъ бутылокъ крымскаго вина или одуряющихъ паровъ полугара. Въ городѣ тоже довольно кабаковъ, погребовъ, чайныхъ трактировъ, хотя конечно всѣ эти заведенія носятъ не много другой характеръ чѣмъ на пристани.

Негоціанты и чиновники имѣютъ клубъ, гдѣ получается нѣсколько журналовъ и гдѣ зеленые столы собираютъ вокругъ себя любителей ералаша и преферанса. Говорятъ, по временамъ назначаются танцевальныя вечера, но мнѣ не пришлось этого видѣть, а интересно было посмотрѣть на веселящееся бердянское общество. Во время моего проѣзда, въ октябрѣ, явился фокусникъ Крессо, и давалъ въ театрѣ магическое представленіе и живыя картины. Поэтому случаю видѣлъ я театръ, который право хуже херсонскаго. Представьте себѣ сарай съ какими-то стойлами, съ обдеранными испачканными стѣнами, нетопленный, въ которомъ разгуливаетъ вѣтеръ и тупитъ по временамъ свѣчи, вообразите себѣ какой-то ящикъ въ мѣсто оркестра, въ которомъ сидятъ четыре еврея и пилятъ на ужаснѣйшихъ скрипкахъ, а впереди неопредѣленнаго цвѣта занавѣсъ въ родѣ засаженнаго паруса и вы имѣете полное понятіе о бердянскомъ театрѣ. Одно, что напелъ я въ немъ удобнымъ — обычаемъ сидѣть въ шубѣ, теплыхъ галошахъ и шапкѣ, что по крайней мѣрѣ предохраняетъ васъ отъ простуды, и если вы заплатили за кресло въ первомъ ряду, то кушлитъ себѣ, положимъ, не эстетическое наслажденіе, а возможность не принести домой насморка, флюса или кашля, что сплошь и рядомъ зпмо случается на провинціальныхъ театрахъ. Этотъ г. Крессо силачъ и фокусникъ какихъ много; показывалъ онъ силу и фокусы, какъ показываютъ ихъ безчленныя арти-

сты подобнаго рода. Но живыя картины съ *академическими* *по-*
зами заслуживаютъ нѣсколько словъ хоть для тѣхъ, кому не
выпало на долю удовольствіе видѣть ихъ въ дѣйствительности.
Для всѣхъ картинъ, представленныхъ на бердянскомъ театрѣ,
было только три лица: г. и г-жа Крессо и еще какой-то баринъ
съ дебелими, но не граціозными формами. Откроется занавѣсъ,
покажется группа дурно освѣщенная, плохо одѣтая, дрожащая
отъ холоду... публика похлопаетъ и снова опускается занавѣсъ,
оставляя зрителей во мракѣ. (Послѣ фокусовъ огни въ залѣ были
потушены). Потомъ послѣ долгаго антракта опять новая группа,
также дурно освѣщенная, еще хуже одѣтая, но сильнѣе дро-
жащая отъ холоду и т. д. Три или четыре картины занимали
болѣе часу, потому что каждую изъ нихъ ожидали минутъ пят-
надцать, сидя въ темнотѣ, при говорѣ публики и воѣ сквознаго
вѣтра, который пускалъ свои фуги иногда довольно продолжи-
тельно.

Но этотъ вечеръ памятенъ мнѣ тѣмъ, что послѣ театра
провелъ его между милыми, образованными людьми въ пріятной
бесѣдѣ, гдѣ позабылъ и убійственную еврейскую музыку, и хо-
лодный сарай, и самую жалкую пародію на живыя картины, ка-
кую врядъ ли кому удалось видѣть.

Бердянскій портъ, посѣщаемый ежегодно бѣльшимъ и бѣль-
шимъ количествомъ кораблей, требуетъ устройства, которое не
терпитъ отлагательства. Здѣсь нѣтъ мола, что такъ легко сдѣ-
лать при незначительной глубинѣ гавани, но почему непристу-
плено къ подобному сооруженію — неизвѣстно. Говорятъ, — я
впрочемъ не выдаю этого за достовѣрность, — что купцы дав-
но пожертвовали и сумму необходимую на устройство мола, ко-
торая лежитъ гдѣ-то въ приказѣ, но что составляется смѣта
самымъ медленнымъ образомъ, по нашему давнему обычаю. Го-
родъ получаетъ большіе доходы собственно съ приходящихъ
судовъ и суммы эти взимаются именно на устройство порта,
однако деньги эти ни въ какомъ случаѣ не идутъ не только на
улучшеніе гавани, но даже малѣйшая часть изъ нихъ не по-
ступаетъ на самые необходимыя расходы по этому предмету.
Начальникъ порта, напримѣръ, не имѣетъ средствъ содержать
нѣсколько гребныхъ судовъ для постоянныхъ потребностей,
не говоря уже о томъ, что не въ состояніи подать никакой по-
мощи бѣдствующему судну. Но объ этомъ предметѣ я буду еще
говорить при описаніи Таганрога.

Въ настоящее время Бердянскъ, по наружности, походитъ

на благоустроенный городъ; но если вы поживете въ немъ нѣсколько дней и присмотритесь ближе, то многого и многого еще остается пожелать для того, чтобы онъ былъ сноснымъ и своему постоянному жителю и путешественнику. Населеніе Бердянска, состоящее изъ пришельцевъ разныхъ странъ (говорю о простонародіи), по-крайней-мѣрѣ еще недавно не отличалось своей нравственностью, и только въ самое послѣднее время прекратились грабежи, которые происходили средѣ бѣла дня по улицамъ. Полиціи, при ея жалкихъ средствахъ, невозможно дѣйствовать успѣшно, если бы она того хотѣла, а пустынная береговъ, наплывъ народа и весьма жалкіе принципы многихъ авантюристовъ способствуютъ къ распространенію пороковъ, такъ легко прививающихся къ невѣжественной толпѣ, первоначально населившей здѣшнее побережье.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

Севастополь. 27 января 1860 года.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ ВОСПИТАНІИ ВЪ АНГЛІИ.

II.

Общества, управляющія развитіемъ народнаго образованія въ Англіи, вскорѣ послѣ своего учрежденія поняли необходимость заботиться не только о размноженіи и улучшеніи элементарныхъ школъ, но и о доставленіи этимъ школамъ всѣхъ необходимыхъ средствъ преуспѣянія. Они поняли, что печатая книги, раздавая деньги на постройку школъ они не могутъ еще исполнить своей задачи; что первое условіе преуспѣянія школы составляетъ хорошій, способный и преданный своему дѣлу учитель. Эти учителя находились до-тѣхъ-поръ въ самомъ жалкомъ состояніи; набираемые изъ всякаго сброда, они не имѣли ни необходимаго образованія, ни умѣнія привлечь дѣтей въ школу и сдѣлать имъ пребываніе въ ней дѣйствительно полезнымъ. Задача народнаго образованія, столь трудная и многосложная во всѣхъ странахъ, въ Англіи представляетъ, вслѣдствіе особенныхъ условій, еще болѣе затрудненій, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Съ прошедшаго вѣка народное хозяйство приняло въ Англіи совершенно новыя и отличныя отъ прежнихъ временъ формы — оно перешло съ удивительною быстротою изъ формъ натурального хозяйства и развитія промышленности посредствомъ ре-

месль въ новыя формы хозяйства денежнаго и развитія фабричной промышленности. Вслѣдъ за множествомъ новыхъ открытій, поставившихъ англійскую промышленность въ обладаніе столькими новыми силами, послѣдовало необходимо развитіе большихъ промышленныхъ предпріятій; прялка деревенскихъ жителей не могла конкурировать съ новыми машинами, хотя еще недвижимыми парами; вязаніе чулокъ, занимавшее цѣлыя графства, должно было сосредоточиться въ немногихъ городахъ, гдѣ устроены были машины, и такъ далѣе. Все это должно было содѣйствовать быстрому развитію промышленности, торговли и народнаго богатства, развитію, котораго мы не видимъ въ другихъ странахъ. — но характеръ этой промышленности долженъ былъ неблагоприятно повліять на характеръ и на благосостояніе низшихъ классовъ. Громадныя фабрики сосредоточили рабочее населеніе, селившееся до-сихъ-поръ по деревнямъ, въ этихъ дымящихся черныхъ городахъ; семейство, работавшее до-сихъ-поръ дома, было разбросано по разнымъ частямъ этихъ громадныхъ зданій; отецъ уходилъ рано изъ дому и усталый, изнуренный, если не пьяный, возвращался домой поздно вечеромъ, мать также стала большею частью проводить день внѣ дома; дѣти оставались безъ присмотра до шести или семи лѣтъ на улицѣ, гдѣ учились всякимъ порокамъ, семи лѣтъ посылались на фабрику (къ чему ихъ нерѣдко принуждали тѣмъ, что только подъ этимъ условіемъ давали ѣсть), гдѣ въ трудной и притупляющей работѣ они безъ предварительнаго образованія, безъ воспитанія и умственнаго развитія, или преждевременно отпѣтали «не усиѣвши разцвѣсть» или рано приучались работать самымъ ужаснымъ образомъ три дня въ недѣлю, чтобы пьянствовать на заработанныя деньги остальные четыре дня. — Въ такихъ обстоятельствахъ обществамъ распространенія образованія предстояла двойная задача: они должны были не только учреждать школы, но и всѣми силами стараться завлечь въ нихъ дѣтей и искуждать необразованныхъ грубыхъ родителей *пускать* своихъ дѣтей въ школу вмѣсто того, чтобы *посылать* ихъ насильно на фабрику; они должны были неослабно стараться о томъ, чтобы ученіе было и весело и приятно для дѣтей, ибо скучнаго педантическаго зазубриванія (какъ говорятъ у насъ) они не терпѣли; съ другой стороны, они должны были заботиться, чтобы учитель своимъ нравственнымъ вліяніемъ на дѣтей удерживалъ бы ихъ на хорошемъ пути. Другая задача состояла въ томъ, что школа, чтобы имѣть какое-нибудь значе-

ніе и вліяніе и чтобы принести пользу этимъ необузданнымъ и буйнымъ жителямъ улицъ, должна была замѣнять и самое семейство и *воспитаніе*, которое въ обыкновенныхъ случаяхъ дается дома и котораго не касается школа. Здѣсь не только нельзя было найти учениковъ, подготовленныхъ къ школѣ домашнимъ вліяніемъ, но нужно было вполне замѣнить эту домашнюю воспитательную дѣятельность и кромѣ того бороться съ пагубнымъ домашнимъ вліяніемъ. Слѣдовательно нужно было: «найти людей, которые бы могли дать ребенку то, чего «семейство не умѣло, не могло или не хотѣло дать; людей, «достаточно проникнутыхъ религіозною идеею, чтобы понять всю «святость такой задачи, довольно преданныхъ дѣлу, чтобы «предпринять его, и довольно умныхъ и развитыхъ, чтобы со- «вершить его добросовѣстно и съ пользою.» Конечно такихъ людей нельзя были найти въ прежнемъ сословіи школьныхъ учителей; ихъ невѣжество и неумѣніе дѣлали невозможнымъ для школъ такое образованіе, которое бы воспитывало и возрождало питомцевъ; такихъ людей нужно было *образовать*. Для этого были необходимы *Школы для образованія школьныхъ учителей и учительницъ*, созданіе ихъ вскорѣ сдѣлалась цѣлью стремленій разныхъ обществъ и вскорѣ эти заведенія стали ихъ надежнѣйшею опорой.

Около 1835 года почти одновременно возникло три подобныхъ заведенія: одно стараніями National Society; другое основано British and Foreign Society, третье было основано однимъ высоко образованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, г. Reynolds и послужило поводомъ къ составленію общества, извѣстнаго подъ названіемъ Home and Colonial Schools Society. Этотъ г. Reynolds — теперь еще директоръ этого заведенія, въ свою молодость занимался торговлею и былъ богатымъ банкиромъ; часто проходилъ онъ мимо бѣднаго квартала Лондона, и его доброе сердце поражаемо было несчастнымъ, безпомощнымъ состояніемъ уличныхъ мальчишекъ; онъ началъ съ того, что зазвалъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ нихъ, сталъ въ свободное время заниматься ихъ образованіемъ; вскорѣ онъ бросилъ дѣла и открылъ даровую школу. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ убѣдился, что своими одиночными средствами и усиліями онъ не можетъ принести столько добра, сколько бы того желалъ; это привело его къ мысли взять къ себѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей и готовить ихъ къ учительскому званію; жена ему помогала и взяла къ себѣ такимъ же образомъ нѣсколько молодыхъ дѣ-

вушекъ. Первый опытъ удался — г. Reynolds убѣдился, что главный недостатокъ англійскихъ школъ, — въ необразованности учителей; — онъ созвалъ meeting своихъ друзей, изложилъ имъ свое дѣло и свои желанія и убѣждалъ ихъ содѣйствовать ему въ благомъ предпріятіи. Какъ всегда бываетъ въ Англии, подобный вызовъ не остался безъ послѣдствій: тотчасъ же составила подписка, были выбраны распорядители и новое, богатое и самое лучшее въ Англии заведеніе для образованія учительницъ получило формальное существованіе на широкихъ началахъ и съ обширными средствами. Это было въ 1836 году.

Въ то же время, или нѣсколько позднѣе, общество National Society, имѣвшее во главѣ своей главныхъ сановниковъ церкви почувствовало необходимость не только имѣть одно заведеніе для учителей, но связать образованіе учителей съ церковью создать въ каждой *епархіи* подобное заведеніе (а training institution), поставить его подъ руководство особыхъ комитетовъ, состоящихъ изъ духовныхъ (diocesan committees) и заинтересовать все духовенство въ процвѣтаніи этихъ новыхъ разсудковъ образованія. Этотъ планъ, въ первые появившійся въ 1838 году, былъ принятъ въ Англии съ одушевленіемъ; никто въ Англии не боится дурныхъ послѣдствій отъ такой тѣсной связи образованія съ церковью и ея членами — духовенствомъ, а вліяніе его было (и до-сихъ-поръ остается) самое благоприятное на всю окружающую его сферу; причина этого безъ сомнѣнія лежитъ въ томъ, что не удаляясь отъ жизни, англійское духовенство было всегда доступно самымъ просвѣщеннымъ и вѣрнымъ взглядамъ на народныя потребности, на методы ученія; по своему образованію оно давно стоитъ впереди народа и высшихъ классовъ и потому всюду проникаетъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Въ два десятилѣтія число этихъ заведеній достигло до девятнадцати.

Наконецъ одновременно съ этими обществами, третье общество, British and Foreign Society основало свою знаменитую Brough Road Training Institution съ двумя отдѣленіями: одно для мужчинъ, другое для дѣвицъ. Позднѣе къ нимъ присоединились два заведенія, основанныя сектантами весплянцевъ и три католическихъ.

Для сравненія я возьму три года: 1847, 1852 и 1858, чтобы дать понятіе о величинѣ и о развитіи всѣхъ этихъ заведеній.

Въ 1847 году.

	Муж.	Жен.	Учени-	Уче-
			ковъ.	ницъ.
Въ заведеніяхъ принадлежащихъ собственно National Society было	2	2	37	21
Въ заведеніяхъ основанныхъ подъ наблюдениемъ епархіальныхъ комитетовъ	2	1	17	8
Въ заведеніи принадлежащемъ Home and Colonial Society, в которое исключительно женское, было	—	—	—	20
Въ заведеніи принадлежащемъ British and Foreign Society	1	1	15	15
Итого	5	4	69	64

Въ 1852 году.

Въ заведеніяхъ принадлежащихъ собственно National Society было	5	2	165	47
Въ заведеніяхъ основанныхъ подъ наблюдениемъ епархіальныхъ комитетовъ	8	6	84	43
Въ заведеніи принадлежащемъ Home and Colonial Society	—	—	—	32
Въ заведеніи принадлежащемъ British and Foreign Society	1	1	31	16
Въ заведеніи принадлежащемъ вселеянцамъ	1	1	15	5
Итого	15	10	295	143

Въ 1858 году.

Въ заведеніяхъ принадлежащихъ собственно National Society было	6	2	379	160
Въ заведеніяхъ принадлежащихъ епархіальнымъ комитетамъ	9	10	342	390
Въ заведеніи принадлежащемъ Home and Colonial Society	—	1	—	154
Въ заведеніи принадлежащемъ British and Foreign Society	1	1	65	56
Въ заведеніи принадлежащемъ вселеянцамъ	1	1	60	39
Въ заведеніяхъ принадлежащихъ католикамъ	1	2	26	60
Итого	18	17	872	859

Въ 1847 году всѣми этими заведеніями выпущено по 1858 годъ до 4200 учениковъ и ученицъ. Далѣе 1847 года преслѣдовать число выпущенныхъ ими учениковъ и ученицъ труд-

3*

но, за неизмѣнимъ вѣрныхъ списковъ. Home and Colonial Institution считаетъ, что съ своего основанія оно выпустило до 2800 учительницъ. British and Foreign Society въ своемъ отчетѣ за 1859 годъ говоритъ, что изъ его заведенія выпущено съ основанія заведенія воспитанниковъ и воспитанницъ до 3000. Но въ эти двѣ цифры вѣроятно входятъ тѣ лица, которыя (какъ часто случается) уже состоя при извѣстной школѣ, приѣзжаютъ въ Лондонъ и вступаютъ для усовершенствованія на два или три мѣсяца въ одно изъ этихъ заведеній; иначе нельзя согласовать этихъ цифръ съ приведенными выше, которыя перечислены изъ официальныхъ источниковъ.

Кромѣ того, три отдѣльныя другъ отъ друга вѣтви шотландской церкви имѣютъ пять заведеній мужскихъ и четыре женскихъ, которыя въ это же время выпустили около 1000 воспитанниковъ и воспитанницъ.

Въ маѣ 1859 года во всѣхъ этихъ сорока четырехъ заведеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, находилось 2833 воспитанниковъ и воспитанницъ; слѣдовательно они могутъ выпускать въ годъ до 1400 учениковъ и ученицъ (ибо курсъ двухъ годовою).

Всѣми ими было употреблено съ 1839 по 1858 годъ: на постройку зданій 378,350 фунтовъ стерлинговъ (около 2.282,106 рублей серебромъ), изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ была пожертвована правительствомъ, $\frac{1}{2}$ подписчиками, — и до 5,536 фунтовъ стерлинговъ на книги, карты и другія т. под. предметы (33,216 рублей серебромъ), изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ были пожертвованы правительствомъ и $\frac{1}{3}$ были собраны по подпискѣ.

Эти цифры лучше всего еще разъ указываютъ на энергію, съ которою въ Англіи различные классы дружно содѣйствуютъ общимъ предпріятіямъ; но для насъ еще болѣе важенъ внутренній духъ этихъ заведеній и ихъ устройство. Кромѣ религіознаго воззрѣнія, различнаго у cadaго изъ этихъ обществъ, мы не видимъ большаго различія между правилами, лежащими въ основаніи всѣхъ этихъ заведеній. Задача, которую они себѣ задали, должна была всѣхъ ихъ привести къ одной преобладающей идеѣ: обращать въ своихъ заведеніяхъ преимущественное вниманіе на нравственную, духовную сторону развитія будущихъ учителей; развить ихъ умъ и самостоятельное мышленіе; отдалить отъ нихъ всякое рутинное, бесплодное заучиваніе предметовъ и педагогическихъ приемовъ, а напротивъ развить въ нихъ критическій взглядъ, самобытность характера и практическое пониманіе своей задачи и той сферы, въ которой они призваны

дѣйствовать. Необходимость имѣть такихъ учителей поставила эти общества на истинный путь; гдѣ нужно людей, которые должны приковать къ себѣ дѣтей своимъ вліяніемъ, сдѣлать ученіе ученіемъ а не несчастіемъ для дѣтей, тамъ и нужно было другое приготовленіе чѣмъ то, которое дается учителю, посылаемому въ школу, куда возею или неволею, полицейскою властью соглашаютъ дѣтей и за неявку ихъ наказываютъ родителей, какъ это дѣлается въ Германіи. Эта мысль кажется всего яснѣе выразилась въ словахъ отчета о St.-Marks Training Institution, заведеніе съ которымъ я имѣлъ случай ближе познакомиться. Провсвѣщенный его директоръ Rev. Mr. Coleridge говоритъ: «цѣль «этого заведенія образованъ высшій разрядъ (a superior class) «учителей для приходскихъ школъ. Приготовляя такимъ образомъ орудіе для образованія дѣтей низшаго класса, что имѣеть «наше заведеніе въ виду? Дать ребенку вѣрное понятіе объ его «нравственныхъ и религіозныхъ обязанностяхъ, объ его истин- «ныхъ выгодахъ на землѣ и въ вѣчности; поставить его въ воз- «можность исполнить свои гражданскія обязанности, развитъ въ «немъ хорошія привычки къ правильному труду и уваженія къ «самому себѣ. Открывая ему его небесное и вѣчное назначеніе, «мы надѣемся дать ему лучшія средства исполнить достойнымъ «образомъ свое земное назначеніе. Задача не легкая и не вся- «кому доступная. Нужно быть воспитаннымъ, прежде нежели вос- «питывать другихъ нравственно и религіозно; нельзя сообщать «другимъ чувствъ, которыми самъ не пропитанъ. — Если учи- «тель *религіозенъ*, то это уже много; но конечно не довольно. «Онъ можетъ быть искреннимъ сыномъ церкви, не будучи *про- «свѣщеннымъ* сыномъ. Для христіанъ достаточно быть тѣмъ, чѣмъ «они суть, наставнику нужно *знать*, что онъ такое и почему онъ «дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Пасторъ сообщаетъ религіозное «образованіе непосредственно, но если наставникъ въ своемъ «посредственномъ воспитаніи не согласуется съ пасторомъ, то ка- «кихъ плодовъ можетъ послѣдній ожидать отъ своихъ наставле- «ній. Слѣдовательно цѣль заведенія — *образованъ характеръ учи- «телей* въ согласіи съ церковными началами. Въ объявленіи, чи- «таемомъ каждому вступающему въ заведеніе говорится: Влія- «ніе школьнаго учителя должно простираться далѣе стѣнъ шко- «лы, и его уроки охватываютъ весь горизонтъ жизни; хорошее «расположеніе къ своему званію и кроткій пріятный нравъ — «вотъ первыя условія для вступающихъ въ наше заведеніе, на- «значеніе котораго образованъ характеръ». Привода эти слова,

я не привожу индивидуальное мнѣніе директора этого заведенія; напротивъ того, во всѣхъ объявленіяхъ и отчетахъ различныхъ по религіозному направленію заведеній мы находимъ ту же мысль иногда въ близкихъ, къ приведенному мѣсту, словахъ. Home and colonial Training school for mistresses говоритъ въ своей программѣ, что не всякая молодая дѣвушка, обладающая требуемыми познаніями, можетъ съ пользою занять мѣсто учительницы въ школахъ; для этого требуется прежде всего: религіозныя и нравственныя начала, далѣе, естественныя качества и расположеніе (симпатическій характеръ, живой нравъ, самообладаніе, пріятное расположеніе духа и кроткая твердость характера); а уже наконецъ и необходимыя познанія. То же самое повторяетъ и British and Foreign Society. Потому первымъ условіемъ приѣма въ training Institutions всѣ эти общества поставляютъ то, что желающій или желающая должны представить свидѣтельства трехъ отцовъ семейства, знающихъ ихъ и приходскаго пастора, или пастора того вѣроисповѣданія, къ которому они принадлежатъ — въ заведеніи, принадлежащемъ British and Foreign Society. Эти лица должны объяснить свойство рекомендуемыхъ, ихъ характеръ, религіозность, и наконецъ основанія, на которыхъ они себя чувствуютъ въ состояніи дать свое свидѣтельство (далѣе продолжительное знакомство, частныя разговоры и прочее). Кромѣ того свидѣтельство въ здоровьи и неимѣніе тѣлесныхъ недостатковъ, могущихъ повредить имъ при исполненіи обязанностей своего званія. Тогда желающій держитъ экзаменъ въ законѣ Божьемъ, въ англійской грамматикѣ, въ умѣніи хорошо читать, въ краткой исторіи и географіи. Затѣмъ шесть недѣль онъ оставляется при заведеніи для испытанія и уже потомъ, когда его намѣреніе не измѣнилось и его характеръ признанъ годнымъ, онъ вступаетъ окончательно и подписываетъ обязательство (это не во всѣхъ заведеніяхъ), по окончаніи курса вступить въ званіе школьнаго учителя.

Поставивши такія высокія требованія для вступленія и такую возвышенную задачу для самыхъ заведеній, — англійскія общества должны были принять энергическія мѣры, чтобы дать этимъ заведеніямъ средства къ исполненію своей задачи. *Эти средства* можно подвести подъ слѣдующія рубрики:

- 1) Моральное вліяніе на учениковъ и наблюденіе за ихъ поведеніемъ,
- 2) Гармоническое развитіе умственныхъ и душевныхъ способностей, и тѣлесныхъ силъ.

3) Педагогическое образованіе.

Первое и самое важное изъ средствъ состоитъ не столько въ стѣснительномъ казарменномъ внѣшнемъ порядкѣ, сколько въ той нравственной близости, въ которой учителя находятся къ своимъ ученикамъ и наставницы къ ученицамъ. Всего лучше я могъ въ этомъ убѣдиться посѣщая St.-Marks Training Institution и Home and Colonial Institution for school mistresses. При кажущейся совершенной свободѣ я нашелъ, что въ томъ и другомъ заведеніи воспитанники и воспитанницы приучены были къ самому строгому повиновенію, учитель никогда не дѣлаетъ болѣе, какъ замѣчаніе. Въ Home and Colonial Training Institution ученицы обязаны въ концѣ дня на тетради изложить содержаніе уроковъ пройденныхъ въ этотъ день, вкратцѣ сдѣлать свои замѣчанія на слышанное, словомъ отдать себѣ отчетъ въ каждомъ часѣ дня. Педагогическія упражненія постоянно приучаютъ ихъ вмѣстѣ и повиноваться и повелѣвать. Приведемъ нѣсколько правилъ, сообщаемыхъ ученикамъ заведенія of the British and Foreign Society: «Мало того, чтобы постоянно присутствовать на урокахъ, нужно съ пользою употреблять промежутки, считать минуты, составляющія часы. Нужно всегда быть опрятными и держать свои платья въ порядкѣ; имѣть ближайшую свою цѣль постоянно въ виду. Кто намѣренно дѣйствуетъ противъ правила, установленнаго для общаго блага, тотъ есть общій врагъ всѣхъ. Будьте готовы помогать другимъ и сообщать имъ то, что случайно вы одни знаете, побуждать другъ друга къ достиженію цѣли. Помните, что вы отвѣтствуете передъ Богомъ за удобства, которыми вы пользуетесь и за способности, которыя вамъ дарованы. Вездѣ, гдѣ вы видите дурное — вы должны (замѣтимъ не доносить начальству какъ предписывается въ обществѣ заведенія другихъ странъ) показать свое *рышительное оужденіе*. Конечно въ этихъ заведеніяхъ мы не встрѣтимъ ни мундировъ, ни барабановъ, какъ къ несчастію это господствуетъ во Франціи. Каждый одѣтъ опрятно и въ женскихъ школахъ даже изящно и граціозно: форменной прически и тому подобнаго мы бы напрасно стали искать. Разъ или два въ недѣлю ученики имѣютъ право уходить куда имъ угодно; правила говорятъ: «мы предполагаемъ, что нравственные правила нашихъ учениковъ серьезны, и при благословеніи Божьемъ можно ожидать, что они предохранятъ ихъ отъ искушеній, представляемыхъ имъ жизнью». Только воскресенье всѣ должны — какъ и вся Англія — проводить въ молитвѣ и дома. — Дѣй-

ствуя на умъ и совѣсть, лица, управляющія этими заведеніями, достигаютъ дѣйствительно развитія характера лучше чѣмъ всѣми стѣсненіями въ мірѣ, притомъ характера самостоятельнаго, мыслящаго существа.

Это первое средство находится въ тѣсной связи со вторымъ, ибо гармоническое развитіе, мы полагаемъ въ полномъ развитіи всѣхъ сторонъ человѣка. Главное здѣсь общее гуманное образованіе — но въ Training Institution оно состоитъ (какъ мы видимъ изъ подробныхъ программъ нѣкоторыхъ изъ нихъ) изъ полнаго познанія англійскаго языка, изъ упражненій въ хорошемъ чтеніи и чистописаніи, въ подробномъ изученіи закона Божьяго, исторіи церкви, исторіи всеобщей и англійской, географіи, физики, механики, ариметики, алгебры и геометріи, естественной исторіи, а болѣею частью и музыки. Курсъ ученія раздѣляется на два года, и при такой полной программѣ у учениковъ свободнаго времени не много. Но, какъ мы увидимъ ниже, система правительственныхъ вспоможеній, которая побуждаетъ молодыхъ людей до вступленія въ приговорительное заведеніе проводить пять лѣтъ (отъ тринадцати до восемнадцати лѣтняго возраста) при какой-нибудь школѣ, даетъ имъ возможность хорошо подготовиться къ этому курсу и самому курсу быть менѣе элементарнымъ. Во всѣхъ этихъ предметахъ имѣется въ виду преимущественно развитіе мыслительныя способности воспитанниковъ. Въ грамматикѣ преимущественно обращаютъ вниманіе на синтаксическіе разборы, въ географіи на рисованіе картъ наизусть и на статистику странъ, ихъ взаимное торговое положеніе и т. д. Въ исторіи, пройдя ее вкратцѣ, преимущественно стараются возбудить въ ученикѣ охоту къ постоянному чтенію историческихъ книгъ, задавая ему прочесть ту или другую книгу и въ извлеченіи представить на нее свои замѣчанія. Разнообразя занятія, преимущественно стараются въ ученикахъ развитіе и укоренить желаніе не оставлять свое саморазвитіе и послѣ выхода изъ заведенія. — Какъ исключенія, нѣкоторые остаются на третій годъ и тогда они, кромѣ названныхъ предметовъ, учатся по-латыни и занимаются преимущественно музыкой и высшей математикой. Обыкновенно число уроковъ каждаго ученика отъ тридцати двухъ до сорока въ недѣлю; изъ нихъ: на математику отъ восьми до десяти; на законъ Божій отъ четырехъ до шести (кромѣ хожденія въ церковь и чтенія библіи утромъ и вечеромъ); на грамматику отъ двухъ до трехъ; на географію отъ двухъ до двухъ съ половиной; на исторію

отъ двухъ до двухъ съ половиной; на чтеніе отъ двухъ до трехъ; на педагогію до трехъ; на педагогическія упражненія отъ трехъ до семи; — остальные часы раздѣляются между естественными науками, музыкой и иногда рисованіемъ. Остальное время дня ученики занимаются сами и около двухъ часовъ работаютъ *въ саду*, или *на фермѣ*, или занимаются гимнастикой. Эти тѣлесныя упражненія не составляютъ родъ забавы, а напротивъ: работа въ саду и на фермѣ поставляется имъ въ обязанность; они раздѣляются на отдѣленія и, подъ руководствомъ старшихъ учениковъ, имъ задаютъ извѣстные уроки, которыя они должны исполнить. Для дѣвицъ эта работа въ саду замѣняется работами при домѣ: поочередно онѣ должны совершать работы на кухнѣ, мыть посуду, стирать мелкое бѣлье, гладить, убирать комнаты, и каждое утро сами убирать свои постели.

Наконецъ одно изъ важнѣйшихъ занятій и необходимое для полнаго развитія воспитанниковъ есть ихъ педагогическое образованіе. Въ первый годъ оно принимаетъ теоретическій характеръ, во второй преимущественно обращаютъ вниманіе на практику. Въ видѣ примѣра приведу программу теоретическаго курса въ Home and Colonial Training Institution: 1) о чувствахъ и ихъ практическомъ значеніи у дѣтей, 2) о характеристическихъ признакахъ дѣтскаго возраста, 3) нравственное и умственное сложеніе человѣка, 4) нравственныя и умственныя различія въ характерахъ людей, 5) начало воспитанія правильнаго и различныя системы его, (система Pestalozzi), 6) объ искусствѣ учить и проч. «Чтенія о всѣхъ предметахъ касающихся теоретическаго и практическаго изученія педагогіи» — говоритъ правительственный инспекторъ этихъ заведеній въ своемъ рапортѣ за 1858—9 годъ — «производятся во всѣхъ заведеніяхъ воплнѣ знающими «и просвѣщенными людьми, или какимъ-нибудь изъ воспитанниковъ и членовъ одного изъ университетовъ, или опытнымъ профессоромъ, или воплнѣ достойною преподавательницею. Эти чтенія всегда считались самымъ важнымъ предметомъ образованія воспитанниковъ. Программы этихъ преподавателей всегда «содержать точныя и ясныя правила систематическаго ученія. «Многіе изъ нихъ повидимому коротко знакомы съ началами философіи, къ которой должны быть возводимы всѣ методы ученія. Особенно въ послѣдніе года видѣнъ значительный прогрессъ: съ одной стороны ихъ практическія указанія получили «болѣе опредѣленности и полноты, съ другой стороны они съ «болѣею ясностью выводятъ основныя начала и повидимому

«много тѣмъ содѣйствуютъ къ образованію и развитію привычекъ обдуманнаго наблюденія, которыя должны характеризировать учителя, пользовавшагося выгодами систематическаго образованія». — Невозможно заподозрѣть въ излишней похвалѣ этихъ высоко образованныхъ людей, которыхъ правительство выбираетъ въ инспектора, уже потому, что всѣ дурныя стороны разныхъ заведеній они всегда выставляютъ въ особенно яркихъ краскахъ.

Обыкновенно едва ли не болѣе еще обращаютъ вниманіе на практическія педагогическія занятія. Для этого существуютъ при каждомъ training institution такъ называемыя model schools — образцовыя школы. Онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ школъ: особая школа для маленькихъ дѣтей, школа для дѣтей болѣе взрослыхъ, раздѣляемая обыкновенно на нѣсколько отдѣленій и школа смѣшанная или practising mixed school (т. е., гдѣ мальчики и дѣвочки вмѣстѣ), раздѣленная на множество мелкихъ отдѣленій. Эти школы достигаютъ большихъ размѣровъ: въ St.-Mark training institution въ нихъ помѣщается болѣе пятьсотъ дѣтей; въ Home and Colonial training institution до восьмисотъ дѣтей а при обонхъ отдѣленіяхъ (женскомъ и мужскомъ) заведенія, принадлежащія British and For. Society школы помѣщаютъ до тысячи учениковъ. Это нѣчто въ родѣ лабораторій, въ которыхъ производятся различнаго рода опыты. Во главѣ каждого класса находится особый опытный и хорошій учитель или учительница, и воспитанники заведенія проходятъ цѣлый рядъ упражненій одно за другимъ: 1) сперва они только присутствуютъ при урокахъ и такимъ образомъ замѣчаютъ приемы учителей въ разныхъ классахъ; вечеромъ они даютъ отчетъ въ своихъ замѣчаніяхъ и учителя даютъ имъ объясненія и наставленія; 2) за тѣмъ они помогаютъ учителямъ и даютъ уроки подъ ихъ руководствомъ; 3) одинъ изъ воспитанниковъ даетъ цѣлый урокъ, — обыкновенно изъ такъ называемыхъ object lessons — въ присутствіи главнаго педагогическаго профессора и своихъ товарищей; по окончаніи урока, каждый изъ товарищей дѣлаетъ свои критическія замѣчанія касательно метода, систематичности и ясности изложенія и наконецъ профессоръ присоединяетъ свои замѣчанія и по этому поводу даетъ нѣсколько практическихъ правилъ; — все это каждый изъ воспитанниковъ долженъ подробно записать въ тетрадь, что служитъ ему вмѣсто синтаксическаго упражненія, и на экзаменѣ обязанъ припомнить правила, данныя профессоромъ. — 4) Наконецъ ученикъ, въ концѣ своего пребыванія

въ заведеніи, принимаетъ на нѣкоторое время управленіе однимъ изъ отдѣленій школы подъ надзоромъ учителей. Мнѣ говорили директора разныхъ training institution, что такимъ образомъ на каждого воспитанника приходится въ недѣлю въ первый годъ отъ двухъ до трехъ часовъ практическаго упражненія, во второй годъ до семи и болѣе часовъ. Въ годъ ему придется дать о различныхъ предметахъ до двадцати уроковъ въ присутствіи товарищей, что называется critical lessons.

Такимъ образомъ мы видимъ, что все содѣйствуетъ тому, чтобы дать воспитанникамъ заведеній для учителей солидное, религіозное, и главное — практическое воспитаніе. Всегда помня будущее назначеніе воспитанниковъ, быть скромными школьными учителями, жить просто и даже бѣдно, ихъ и не приучаютъ ни къ какой роскоши; — одѣваютъ ихъ весьма чисто и прилично; но въ простое платье изъ чернаго сукна; отъ трехъ до четырехъ разъ въ день они садятся за столъ: два раза, утромъ и вечеромъ, чай; одинъ разъ среди дня завтракъ — хлѣбъ съ сыромъ и обѣдъ обыкновенно состоящій (какъ всегда въ Англіи въ среднихъ классахъ) изъ хорошаго куска говядины и пудинга или рыбы; встаютъ они въ шесть часовъ утра и ложатся въ половинѣ одиннадцатаго часа вечеромъ; два раза въ день ходятъ въ церковь и слушаютъ библію. Общая спальня совершенно не въ обычаѣ въ Англіи и каждый ученикъ имѣетъ болѣе или менѣе обширную, отдѣльную каморку; но занимаются они въ общихъ залахъ. За свое содержаніе и ученіе они обыкновенно платятъ отъ ста двадцати до ста пятидесяти рублей серебромъ (отъ двадцати до двадцати пяти фунтовъ стерлинговъ) въ годъ, но какъ увидимъ ниже, система правительственныхъ вспоможеній, при хорошихъ успѣхахъ ученика, освобождаетъ его отъ платежа на второй и даже третій годъ.

Что до финансоваго положенія этихъ заведеній, то можно вообще сказать, что они вполне удовлетворительны. Четырнадцать одобныхъ заведеній (о которыхъ я имѣю точнѣйшія свѣдѣнія) для учителей имѣютъ въ сложности до 40,000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода (около 240,000 рублей серебромъ). Эта сумма тратится на воспитаніе 843 учениковъ. Средняя цѣна, слѣдовательно, на каждого ученика около 47 фунтовъ стерлинговъ (282 рубля серебромъ). Но эта цѣна для каждого заведенія заключается между тридцатью шестью и пятьюдесятью двумя фунтами стерлинговъ. Траты эти можно раздѣлить на три категоріи: 1) траты на ученіе и другіе средства воспита-

нія; 2) содержаніе; 3) поддержка строеній и принадлежностей и тогда общая сумма издержек распредѣлится между этими категориями такъ, что на первую придется отъ 30% до 39%, общей суммы, на вторую отъ 56% до 51; на третью отъ 14%, до 10%. Доходы этихъ заведеній замѣчательно увеличались въ послѣдніе годы: отъ 29,000 фунтовъ стерлинговъ въ 1854 году, они дошли до 40,000 фунтовъ стерлинговъ въ 1858 году. Изъ этой суммы до 31% приходится на долю частныхъ пожертвованій, до 5% на долю платы учениковъ и 64% общей суммы прибавляетъ правительство. Въ однопнадцати женскихъ заведеніяхъ траты не такъ велики, средняя цифра на каждую воспитанницу не превышаетъ 31 фунта стерлинговъ (186 рублей серебромъ) и притомъ около 25% приходится на первую категорию расходовъ, около 60% на вторую и около 15%, на третью.

По окончаніи курса, воспитанники получаютъ дипломы, которые по успѣхамъ ихъ раздѣляются на три класса или разряда. Эти дипломы *не даютъ имъ права* на мѣсто и общество, въ заведеніи котораго они кончили свой курсъ, рекомендуетъ ихъ въ ту или другую школу, — и конечно получившихъ лучшіе дипломы рекомендуютъ на болѣе выгодныя мѣста.

Я уже имѣлъ случай указать на роль, играемую государствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Эта роль чисто вспомогательная. Эти вспоможенія распространяются какъ на школы такъ и на учителей, на *training institution* и на такъ называемый *pupil teachers* — юношей, приготавлиющихся къ учительскому званію. Въ 1839 году, послѣ долгихъ споровъ и преній въ парламентѣ, былъ установленъ, такъ называемый, *Комитетъ государственнаго совѣта для народнаго образованія* (*Committee of the privy council on Education*) и ассигновано было на вспоможеніе школамъ 30,000 фунтовъ стерлинговъ (180,000 рублей серебромъ). Въ 1846 году были произведены нѣкоторыя реформы въ системѣ этихъ вспоможеній, введена система вспоможенія такъ называемымъ *pupil teachers* и сумма увеличена до 100,000 фунтовъ стерлинговъ (600,000 рублей серебромъ). Съ этихъ поръ это цифра возрастала ежегодно; въ 1852 году она была доведена до 150,000 фунтовъ стерлинговъ (900,000 рублей серебромъ), а въ 1858 году дошла до значительной суммы 668,873

фунтовъ стерлинговъ (около 4,004,438 рублей серебромъ). Всего съ 1839 года по 1859 годъ (не включая послѣдняго) было ассигновано парламентомъ на дѣло образованія 3,665,000 фунтовъ стерлинговъ (около 21,990,000 рублей серебромъ).

1) Въ этой огромной суммѣ одну изъ главнѣйшихъ степеней составляютъ вспоможенія при постройкѣ, увеличеніи или снабженіи школъ матеріалами элементарныхъ школъ; на эту статью всего съ 1839 года пожертвовано 933,449 фунтовъ стерлинговъ, которые были розданы 4400 школамъ. Всякая школа, прося о вспомошествованіи, вступаетъ съ правительствомъ въ контрактъ и подвергается его инспекціи.

2) За тѣмъ на постройку и поправку training institntion было ассигновано въ этотъ же періодъ времени 169,000 фунтовъ стерлинговъ.

3) На стипендія pupil teacher'амъ и на плату за ихъ ученіе — 1,236,700 фунтовъ стерлинговъ. Training Institution находили до 1846 года значительныя затрудненія въ отысканіи способныхъ и подготовленныхъ молодыхъ людей для принятія въ заведеніе. Этому недостатку правительство рѣшилось пособить слѣдующимъ образомъ: оно объявило, что каждый экзаменованный (sertified см. ниже) учитель имѣетъ право держать у себя воспитанниковъ для подготовленія въ training Institution въ продолженіе пяти лѣтъ, слѣдовательно отъ тринадцати лѣтъ до восемнадцати-лѣтняго возраста; этихъ воспитанниковъ называли *pupil teachers*, ибо ихъ назначеніе было выѣсть съ тѣмъ помогать учителю въ классѣ. Для поступленія въ это званіе требуется экзамень, дѣлаемый правительственнымъ инспекторомъ, въ правильномъ чтеніи, письмѣ, элементарной географіи и законѣ Божіемъ; затѣмъ ежегодно правительство выдаетъ каждому изъ этихъ юношей вспоможеніе: на первый годъ 10 фунтовъ стерлинговъ (60 рублей серебромъ), на второй годъ 12½ фунтовъ стерлинговъ, на третій 15 фунтовъ стерлинговъ, на четвертый 17½ фунтовъ стерлинговъ, на пятый 20 фунтовъ стерлинговъ. Въ то же время учителю, при школѣ котораго онъ находится, выдается пять фунтовъ стерлинговъ за особые уроки, которые онъ обязанъ давать ему; за двухъ pupil teaches-овъ выдается учителю девять фунтовъ стерлинговъ; за трехъ 12 фунтовъ стерлинговъ и потомъ сверхъ того по три фунта стерлинговъ за cadaго свыше трехъ. Каждый годъ правительственный инспекторъ, осматривая школу, дѣлаетъ экзамень находящимся при ней pupil teaches-амъ и можетъ отнять у нихъ вспоможеніе, если останется недоволенъ ихъ успѣхами.

Въ концѣ этого пятилѣтняго курса *pupil teaches* не обязаны вступить въ *training institution* и ему не мѣшаютъ избрать другой родъ жизни или прямо поступить въ учителя въ какую-нибудь школу; тогда это вспоможеніе обращается какъ бы въ премію за хорошее элементарное образованіе. Число такихъ *pupil teaches* возрасло въ послѣдніе года съ удивительною быстротою и слѣдствіемъ того было, что заведенія для образованія учителей получили хорошо подготовленныхъ воспитанниковъ. Почти излишнее прибавлять, что это же относится и къ дѣвицамъ. Такимъ образомъ въ маѣ 1859 считали *pupil teaches* обою пола до 15,000; въ своемъ рапортѣ за 1858 годъ, члены комитета (они представляютъ этотъ рапортъ королевѣ, которая отсылаетъ его въ парламентъ) разсчитываютъ что до 87% изъ общаго числа вступающихъ въ это званіе убываютъ изъ списковъ втеченіе пяти лѣтъ и что потомъ по окончаніи курса до 76% общаго числа дѣйствительно вступаютъ въ *training institution*.

4) Слѣдующую статью въ расходахъ правительства составляютъ его ежегодныя пожертвованія на содержаніе такъ называемыхъ *королевскихъ воспитанниковъ* (*King's scholars*) и въ пособіе *training institution*. Съ 1839 по 1859 годъ, эта сумма достигла 328,000 фунтовъ стерлинговъ. Молодые люди, пробывшіе *pupil teaches*-ами впродолженіе пяти лѣтъ и выдержавшіе экзаменъ въ одно изъ *training institution*, по прошествіи года могутъ, кромѣ экзамена дѣлаемаго начальствомъ школы, подвергнуться испытанію со стороны правительственнаго инспектора; а выдержавшіе такой экзаменъ называются королевскими воспитанниками и получаютъ за прошедшій годъ двадцать три фунта стерлинговъ награжденія и четыре фунта стерлинговъ на книги (дѣвицы только семнадцать фунтовъ стерлинговъ и три фунта на книги), тоже и во второй годъ. Кромѣ того, въ концѣ каждаго года, всѣ ученики заведенія выдерживаютъ экзаменъ у инспектора, ихъ классифицируютъ на три класса и за прошедшій годъ *заведеніе получаетъ* за каждаго, смотря по классу, двадцать, или шестнадцать, или тринадцать фунтовъ стерлинговъ, а во второй годъ двадцать четыре, или двадцать, или шестнадцать фунтовъ стерлинговъ. Должно различать эти два рода вспоможеній: послѣднее вспоможеніе выдается за всѣхъ и *начальству заведенія*; вспоможеніе же королевскимъ ученикамъ имъ лично, и только выдержавшимъ особенно строгій экзаменъ. Такихъ королевскихъ учениковъ начальство обыкновенно избавляетъ отъ платы за содержаніе и беретъ себѣ эти двадцать три фунта, выдаваемые

правительствомъ, оставляя имъ четыре фунта на книги. Женскія заведенія получаютъ за каждую ученицу двѣ-трети означенныхъ суммъ.

5) Наконецъ важная статья правительственныхъ расходовъ составляется изъ вспоможеній экзаменованнымъ учителямъ и учительницамъ и ихъ помощникамъ. Съ 1839 по 1858 годъ на эту статью употреблено 370,000 фунтовъ стерлинговъ. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ *training institution*, проучивши два года въ одной изъ школъ, находящихся подъ правительственнымъ надзоромъ, можетъ черезъ начальниковъ (*managers*) школы обратиться къ правительству за вспоможеніемъ и при хорoшемъ отзывѣ о немъ какъ инспектора; такъ и правителей школы, правительство дѣлаетъ ему прибавку къ его жалованью. Чтобы эта прибавка была дѣйствительнымъ улучшеніемъ положенія школьныхъ учителей, а не сдѣлалась бы поводомъ къ тому, чтобы школы уменьшали на этомъ основаніи содержаніе учителей, правительство приняло слѣдующія правила. Ученики при выходѣ изъ *training institution* выдерживаютъ экзаменъ у правительственнаго инспектора и на основаніи этого экзамена дѣлятся на три разряда (*divisions*) и называются *certified* или экзаменованными учителями; смотря по этимъ разрядамъ различаются и надбавки и притомъ въ сообразности съ получаемымъ ими отъ школы содержаніемъ; такъ здѣсь три случая:

1) Учитель перваго разряда получаетъ

отъ правительства . . . . . 30 ф. стерл. вспоможенія.

учитель втораго разряда получаетъ

отъ правительства . . . . . 27 " " "

учитель третьяго разряда получаетъ

отъ правительства . . . . . 25 " " "

Въ томъ случаѣ, если *minimum* получасмаго имъ отъ школы содержанія доходитъ

въ первомъ случаѣ до 60 ф. стерл.

во второмъ " " 55 " "

• въ третьемъ " " 50 " "

2) Если же этотъ *minimum* не превышаетъ:

въ первомъ случаѣ 46 ф. стерл.

во второмъ " 43 " "

въ третьемъ " 40 " "

то и надбавка соотвѣтственно тому понижается

въ первомъ разрядѣ	до 23 ф. стерл.
во второмъ	» » 21 » »
въ третьемъ	» » 20 » »

в) Если наконецъ жалованье низходитъ :

въ первомъ разрядѣ	до 36 ф. стерл.
во второмъ	» » 33 » »
въ третьемъ	» » 30 » »

то, и надбавка соотвѣтственно тому низходитъ для учителей

перваго разряда	до 18 ф. стерл.
втораго	» » 16 » »
третьяго	» » 15 » »

Слѣдовательно правительственная надбавка возвышается

для учителей перваго разряда отъ 18 до 30 ф. стерл.

»	»	втораго	»	»	16	»	27	»	»
»	»	третьяго	»	»	15	»	25	»	»

при соотвѣтственной величинѣ содержанія. Эта нѣсколько запутанная система служитъ отличнымъ побудительнымъ средствомъ какъ для учителя, такъ и для начальника школы, потому, что привлекая въ свою школу болѣе дѣтей, они увеличиваютъ свой доходъ вдвойнѣ. Учитель всегда можетъ имѣть въ виду улучшить свое положеніе, не только возвышая свою надбавку въ одномъ и томъ же разрядѣ, но каждые пять лѣтъ онъ можетъ экзаменоваться и переходить въ высшій разрядъ, хотя бы его доходы, получаемые отъ школы и не увеличивались. Слѣдовательно тѣмъ или другимъ путемъ онъ всегда можетъ надѣяться на улучшеніе своего положенія, что всегда составляетъ лучшее побужденіе къ старанію и труду. Учителямъ, не бывшимъ въ заведеніи для образованія учителей, съ достиженіемъ тридцати пяти лѣтняго возраста, позволяется держать экзаменъ на степень такого (certified) или экзаменованнаго учителя одного изъ трехъ разрядовъ. Учительскій помощникъ также можетъ получить отъ правительства вспоможеніе, но не превышающее двадцати фунтовъ стерлинговъ. Все выше сказанное относится и къ учительницамъ, но только вспоможеніе всегда составляетъ двѣ трети соотвѣтственнаго вспоможенія учителю и также требуемое minimum содержанія. Если у учителя или учительницы нѣтъ при школѣ помѣщенія, то кромѣ этихъ minimum начальники школы должны еще надбавить десять фунтовъ стерлинговъ. Число такихъ, правительствомъ экзаменованныхъ учителей и учительницъ въ настоящее время 5,883 и помощниковъ 243.

6) Отъ 1839 по 1859 годъ было истрчено правительствомъ до 130,000 фунтовъ стерлинговъ на такъ называемыя *capitation grants*, т. е., поголовныя вспоможенія выдаваемыя самимъ школамъ по числу учениковъ, притомъ на *каждаго ученика*.

Число отъ 1 до 50 по . . . . . 6 шилл.
 Если ихъ будетъ больше 50 но меньше 100, то на
 каждого по . . . . . 5 »
 Если ихъ будетъ больше 100, то на каждого по . . . 4 »
 На каждую дѣвочку сообразно тому 5, 4 и 3 шиллинга.

Такимъ образомъ на 100 учениковъ по 5 шиллинговъ придется 25 фунтовъ стерлинговъ; если же ихъ будетъ 101, то по 4 шиллинга приходилось бы только 20 фунтовъ 4 шиллинга, потому и узаконено, что первая сумма удерживается безъ увеличенія до того времени, пока число учениковъ дойдетъ до 126 и тогда по 4 шиллинга составить 25 фунтовъ 4 шиллинга, и съ этой цыфры уже продолжаютъ надбавлять на каждого ученика по 4 шиллинга.

7) Последнюю важную статью въ бюджетѣ народнаго образованія составляетъ расходъ на жалованье *инспекторамъ*; съ 1839 по 1859 годъ, этотъ расходъ дошелъ до 314,000 фунтовъ стерлинговъ. Огромное число школъ, пользующихся правительственными вспоможеніями число такъ называемыхъ *pupil teacher*, необходимость *ежегодно осматрѣть* каждую школу, чтобы опредѣлить, достойна ли она на слѣдующій годъ правительственнаго вспоможенія — все это заставляетъ правительство съ каждымъ годомъ увеличивать число своихъ инспекторовъ: въ 1852 году ихъ было девятнадцать, въ 1859 году пятьдесятъ четыре (изъ числа которыхъ тридцать четыре главныхъ и двадцать помощниковъ). Жалованье и разъѣздныя деньги каждого простираются до 726 фунтовъ стерлинговъ (до 4,356 рублей серебромъ). Они назначаются особо для каждого рода школъ: для школъ подъ вліяніемъ *National Society* назначаются инспекторами обыкновенно духовныя лица и не иначе, какъ съ утвержденія и согласія этого общества; особые инспектора, и притомъ изъ свѣтскихъ, назначаются для школъ, состоящихъ въ связи съ *British and Foreign Society*, и также съ согласія общества, и такъ далѣе. Это, безъ сомнѣнія, увеличиваетъ число необходимыхъ инспекторовъ, ибо школы одинаково разсѣяны по Англій, и различные инспектора должны проѣзжать по тѣмъ же мѣстамъ.

Цѣль инспектора — удостовѣриться въ хорошемъ управленіи и порядкѣ школы, проэкзаменовать учениковъ; но ни въ подробности учения, ни въ методъ учения инспекторъ не можетъ вмѣшиваться; онъ лишь дѣлаетъ рапортъ о состояніи школы. Эти рапорты двойкіе: одинъ касается всего округа, посѣщеннаго инспекторомъ и печатается комитетомъ для представленія королевѣ и парламенту; здѣсь онъ дѣлаетъ общія замѣчанія о школахъ, имъ посѣщенныхъ, объ ихъ успѣхахъ или неудачахъ, объ ихъ нуждахъ, дѣлаетъ свои педагогическія замѣчанія, подаетъ свои мнѣнія и совѣты, сопоставляетъ статистическія данныя и выводитъ свои заключенія; другой рапортъ — говоритъ о каждой школѣ въ отдѣльности и также печатается и разсылается во всѣ школы. Такимъ образомъ каждая школа находится постоянно передъ судомъ общественнаго мнѣнія, каждый успѣхъ въ отдѣльномъ случаѣ дѣлается посредствомъ этой благодѣтельной публичности общимъ достояніемъ и служитъ примѣромъ; нововведеніе, сдѣланное умнымъ учителемъ въ одной школѣ, распространяется повсюду; но и каждая небрежность, невниманіе къ своимъ обязанностямъ находятъ себѣ громкое публичное порицаніе и грознаго обвинителя. Всѣ образованные люди въ Англіи считаютъ публикованіе этихъ толстыхъ рапортовъ за одно изъ самыхъ полезныхъ послѣдствій правительственной дѣятельности. Если изъ числа пятидесяти-четырехъ исключить двѣнадцать инспекторовъ, осматривающихъ Training Institution, то на остальныхъ сорока двухъ придется осмотрѣть до 8,461 школы, слѣдовательно на каждого около двухсотъ школъ; въ 1858 году дѣйствительно ими осмотрѣно 6,641 школа и при нихъ 2,743 самостоятельныхъ отдѣленій подѣ начальствомъ особаго учителя, слѣдовательно среднимъ числомъ каждый осмотрѣлъ до ста пятидесяти восьми школъ. Кромѣ того они проэкзаменовали до 15,000 pupil teachers и такъ далѣе; мы видимъ, что не всегда слѣдуетъ жалѣть о заплаченномъ жалованьи; напротивъ того, при большемъ жалованьи мѣньшее число лицъ сдѣлаютъ то, что при половинномъ жалованьи, конечно, не сдѣлало бы вдвое большее количество лицъ; правительство притомъ имѣетъ огромную выгоду: возможность выбирать на такія мѣста высоко-образованныхъ и достойныхъ людей, что и дѣлается въ Англіи.

Въ заключеніе приведу по вышеозначеннымъ статьямъ бюджетъ правительственныхъ расходовъ по народному образованію въ 1858 году:

1) На постройку, поправку и снабженіе элементарныхъ школъ	146,142 ф. ст.
2) На тѣ же предметы въ Training Institutions	10,388 » »
3) На стипендіи и обученіе of pupil teachers	221,719 » »
4) Ежегодныя пожертвованія на обученіе учениковъ въ Training Institutions и на королевскихъ учениковъ	73,731 » »
5) вспомошествованіе учителямъ и учительницамъ	74,041 » »
Вспомоществованіе учительскимъ помощникамъ	5,904 » »
6) Caritation Grants — поголовщина школамъ	49,522 » »
7) Инспекторамъ жалованья и проч.	40,000 » »
Разныя другія статьи въ круглыхъ числахъ	47,000 » »

Итого не считая шиллинговъ . . . . . 668,447 ф. ст.
(Около 4,010,682 р. сер.)

(Неточность съ выше приведенною суммою оттого, что я здѣсь не считалъ шиллинговъ и нѣкоторыхъ мелочей.)

Мы видимъ, такимъ образомъ, что расходы великобританскаго правительства на народное образованіе не такъ незначительны, какъ утверждаютъ это многіе; во французскомъ бюджетѣ расходы на народное образованіе не превосходятъ двадцати милліоновъ франковъ (въ томъ числѣ пять милліоновъ расходовъ дѣлаемыхъ департаментами), а въ Пруссіи едва достигаетъ двухъ милліоновъ талеровъ, въ Россіи за 1856 годъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія едва превышалъ два милліона рублей серебромъ. Притомъ во всѣхъ этихъ государствахъ эти суммы распредѣляются между элементарными школами, средними учебными заведеніями и университетами; въ Англіи же правительство вовсе не касается ни вторыхъ, ни послѣднихъ. Съ другой стороны мы видимъ, что въ Англіи право надзора, инспекціи не есть, какъ въ остальной Европѣ, право, непосредственно истекающее изъ верховной власти, а есть право приобретаемое правительствомъ, какъ бы частнымъ договоромъ. Въ этой исходной идеѣ лежитъ главное различіе между дѣятельностью государства въ континентальной Европѣ и въ Англіи.

Только что полученные мною отчеты обществъ за 1859 годъ даютъ мнѣ возможность въ яркихъ цифрахъ показать разницу между двумя видами государственной дѣятельности. Между тѣмъ,

какъ въ Европѣ государственная дѣятельность не дала или не дала развиваться частной дѣятельности, въ Англіи эта значительная помощь правительства послужила къ усиленію частной дѣятельности и рядомъ съ громадными суммами, расходуемыми частными обществами она занимаетъ второстепенное мѣсто. National Society считаетъ *), что съ своего основанія оно содѣйствовало постройкѣ 12,000 школъ, которыхъ одна постройка стоила до 5,000,000 фунтовъ стерлинговъ (30,000,000 рублей серебромъ); что въ настоящее время въ непосредственной связи съ нею и съ церковью, представляемою вышеназванными Diocesan boards) находится въ Англіи до 24,000 школъ помѣщающихъ 1,600,000 дѣтей; что ежегодное содержаніе этихъ школъ, кромѣ правительственной помощи, стоитъ обществамъ и частнымъ подписчикамъ до 900,000 фунтовъ стерлинговъ (до 5,400,000 рублей серебромъ); что расходы самого общества превышали за 1853 годъ 26,000 фунтовъ стерлинговъ, и что кромѣ того оно съ маленькимъ капиталомъ въ 500 фунтовъ стерлинговъ сдѣлало оборотъ въ печатаніи и продажѣ дешевыхъ школьныхъ книгъ на 20,000 фунтовъ стерлинговъ (120,000 рублей серебромъ). Въ эти расчёты не входятъ многочисленныя школы, находящіяся въ связи съ другими обществами, какъ, напримѣръ, школы, находящіяся подъ покровительствомъ British and Foreign society, которыхъ было въ 1859 году до 1,400, не считая католическихъ, Wesleyанскихъ и наконецъ шотландскихъ школъ, числомъ болѣе 1,000. Въ 1859 году British and Foreign society имѣло расходовъ на 12,000 фунтовъ стерлинговъ, основало въ Индіи заведеніе для учителей; оно поддерживаетъ двѣ англійскія школы во Франціи; около двадцати школъ на разныхъ островахъ Вестъ-Индіи; до сорока одной школы съ 2,000 учениковъ на островѣ Таити въ Тихомъ океанѣ; нѣсколько школъ въ разныхъ частяхъ передней Индіи и множество школъ въ Канадѣ. Дѣйствія общества Wesleyанскихъ школъ въ Африкѣ между свободными неграми и въ Австраліи еще значительно превосходятъ эти цифры.

Въ 1858 году правительство сочло нужнымъ нарядить комиссію для изслѣдованія состоянія элементарнаго образованія въ Англіи. Въ настоящее время плоды ея изслѣдованій еще неизвѣстны, но уже одно предположеніе, что эта комиссія стремится доказать необходимость вмѣшательства закона въ свободу

*) Report for the year 1859.

дѣйствій частныхъ обществъ было причиною множества протестующихъ прошеній, отовсюду обращенныхъ парламенту, и всеобщаго броженія умовъ и безпокойства всѣхъ истинныхъ друзей народнаго образованія въ Англіи.

Изъ всего сказаннаго не трудно составить себѣ понятіе о положеніи школьныхъ учителей въ Англіи. Изъ числа 3,600 экзаменованныхъ учителей и около 1,700 экзаменованныхъ учительницъ, о положеніи которыхъ мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, мы видимъ; что болѣе 2,200 учителей имѣютъ квартиры при школахъ; средняя цыфра ихъ жалованья нигдѣ не упадетъ ниже 77 фунтовъ стерлинговъ (462 рубли серебромъ); въ богатыхъ школахъ, состоящихъ въ связи съ господствующей церковью, средняя цыфра превышаетъ 90 фунтовъ стерлинговъ и доходитъ въ нѣкоторыхъ графствахъ до 100 фунтовъ стерлинговъ. Около тысячи учительницъ имѣютъ квартиры и получаютъ среднимъ числомъ до 50 и до 80 фунтовъ стерлинговъ жалованья. Въ школахъ, не вспомошествоваемыхъ правительствомъ, эти цыфры упадутъ на 50 фунтовъ стерлинговъ для учителей и на 25 фунтовъ стерлинговъ для учительницъ. Слѣдовательно, сравнительно съ положеніемъ учителей въ другихъ странахъ Европы эти результаты въ высшей степени блестящіе (смотри мое письмо о баденскихъ школахъ). Плоды такого обезпеченія отзываются на всей жизни и возвышеніи нравственнаго и умственнаго уровня между этими, столь полезными для общества людьми. Еще болѣе содѣйствуетъ тому практическое направленіе, даваемое имъ въ Training Institution. Въ Англіи школьный учитель въ деревнѣ играетъ значительную роль и имѣетъ положительное влияние. Наконецъ духъ соединенія въ круги и общества проникъ въ этотъ классъ, какъ преобладаетъ онъ въ Англіи во всѣхъ классахъ народа. Во всѣхъ частяхъ Англіи учителя образуютъ общества, сходятся для обсужденія интересовъ своего сословія, для педагогическихъ преній и разговоровъ. Что въ Германіи дѣлается по приказанію и вслѣдствіе предписаній начальства, то въ Англіи образуется само собою по свободной инициативѣ самихъ учителей. Нерѣдко такія собранія дѣлаются въ домѣ какого-нибудь священника, принимающаго на себя распоряженія по такому митингу; на подобные митинги часто съѣзжаются учителя цѣлаго графства или архіепископства. И здѣсь нельзя не обратить особеннаго вниманія на ту благотворную роль, которую въ дѣлѣ образованія приняло на себя англійское духовенство; вездѣ оно стоитъ впереди движенія и содѣйствуетъ всѣми си-

лами успѣху общаго дѣла. Съ 1853 года наконецъ образовалось центральное общество учителей, котораго цѣль держать годовой митингъ, куда бы съѣзжались учителя значительной части Англии. Уже давно существуетъ между тѣмъ общество учителей въ Лондонѣ, на засѣданія котораго (въ зданіи Training Institution принадлежащемъ British and Foreign Society), съѣзжаются учителя не только Лондона, но и многихъ окружающихъ его городовъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что если желѣзныя дороги содѣйствуютъ успѣхамъ централизаціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англии они равнымъ образомъ содѣйствуютъ и тому, чтобы укрѣпить разнаго рода союзы между лицами, имѣющими одинаковые интересы, нуждающимся въ обмѣнѣ мыслей; союзы, посредствомъ которыхъ старшіе члены легче могутъ передавать младшимъ плоды своей опытности; союзы, наконецъ, столь необходимые въ классѣ учителей, въ жизни которыхъ, исполненной тяжкаго труда и далеко не отрадной, такъ важно, чтобы каждый отдѣльный членъ ихъ семьи не чувствовалъ бы себя одинокомъ и имѣлъ бы крѣпкую нравственную опору въ сближеніи съ своими товарищами.

Мнѣ невозможно заключить свое слишкомъ краткое обзорѣніе народнаго образованія въ Англии, не сказавши хотя нѣсколько бы словъ о двухъ особаго рода школахъ; я разумѣю школы принадлежащія рабочимъ домамъ и вѣдомству попеченія о бѣдныхъ, и исправительныя школы (Workhaus's and Parochial Poor Union's schools — and Remostnatory and Industrial schools). Одно изъ самыхъ печальныхъ явленій англійскаго развитія, безъ сомнѣнія, развитіе пролетаріата. Страшныя жертвы, ежегодно приносимыя народомъ, чтобы сколько нибудь облегчить несчастное положеніе огромной массы населенія, поглощаютъ нѣсколько десятковъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Бѣдныхъ, неимѣющихъ работы, или неимѣющихъ возможности или охоты работать, приходъ обязанъ содержать на свой счетъ; ихъ сажаютъ въ такъ называемые рабочіе дома (я не говорю о помощи на дому, которая производится больнымъ, а говорю только о *бедомныхъ*) и здѣсь конечно находятся въ тяжелой необходимости сдѣлать имъ жизнь какъ можно болѣе несною, чтобы какъ можно рѣже обращались къ общественной помощи. Въ эти дома, представляющіе странное соединеніе рабочаго дома съ больницею, съ домомъ сумашедшихъ и съ депо для бродягъ, обязаны принимать и дѣтей бѣдныхъ родителей или оставляемыхъ родителями безъ призрѣнія (нерѣдко въ городахъ роди-

тели вдругъ уѣзжаютъ въ другое мѣсто и покидаютъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы) или незаконнорожденныхъ, покидаемыхъ матерями; въ этихъ громадныхъ зданіяхъ, похожихъ на казармы или фабрики, присуждены эти несчастныя дѣти получить свое образованіе и прожить лучшіе годы человѣческой жизни. Понятно, что поэтому старались отдалить эти школы (или пансіоны скорѣе) отъ рабочихъ домовъ и построить гдѣ можно особыя для нихъ зданія; но это до-сихъ-поръ удалось въ очень ограниченныхъ размѣрахъ: рядомъ съ 533 школами, находящимися при рабочихъ домахъ, образовалось лишь шесть школъ такъ называемыхъ district schools; въ первыхъ болѣе 44,000 дѣтей; во-вторыхъ не болѣе 3,000. Содержатся эти школы на счетъ приходовъ изъ суммы, собираемой на *Poor rate* (или *Poor tax*), окладчиками, выбираемыми самими прихожанами и дошедшей въ 1857 году до 49,000,000 фунтовъ стерлинговъ (294,000,000 руб. серебромъ). Кромѣ того, на улучшеніе положенія учителей въ этихъ школахъ правительство жертвуетъ около 160,000 фунтовъ стерлинговъ. Ученіе конечно элементарное, но очень сносное и притомъ часто соединяемое съ изученіемъ какого нибудь ремесла.

Reformatory schools (числомъ сорокъ восемь въ Англии и десять въ Шотландіи) имѣли въ концѣ 1858 года 2,302 мальчиковъ моложе шестнадцати лѣтъ и 495 дѣвочекъ, всего 2,797 содержимыхъ (отпущено въ 1858 году 535, вновь принято 1,009 *).

*) Изъ этого числа: 66 эмигрировали въ Сѣверную Америку.

118 получили мѣста.

34 поступили въ военную службу.

33 поступили въ морскую службу.

23 умерло втеченіе года.

144 возвратились домой къ родителямъ.

51 перешли въ другія школы.

66 были отправлены въ тюрьмы.

***) Изъ этого числа моложе 11-ти лѣтъ 104

отъ 11-ти до 13-ти „ 245

„ 13-ти „ 15-ти „ 440

старше 15-ти лѣтъ 220

1,009

Изъ этого же числа наказанныхъ въ первый разъ 895

содержимыхъ во второй разъ 312

наказываемыхъ въ третій разъ 148

„ въ четвертый разъ 70

„ въ пятый разъ 31

„ въ шестой и болѣе разъ 54

1,009

Первоначально это были заведенія, устроенныя исключительно на частныя средства благодѣтельныхъ людей, которые собирали испорченныхъ дѣтей и старались исправить ихъ и научить ремеслу. Правительство привзошло, и посредствомъ контрактовъ эти школы согласились принимать молодыхъ преступниковъ и получать вспоможеніе. Большею частью это фермы, гдѣ эти мальчики занимаются полевыми работами; но много изъ нихъ и городскихъ школъ, гдѣ ихъ обучаютъ столярному, башмачному или портному мастерству. Усиленная работа, здоровая пища, религиозное воспитаніе, строгая дисциплина и система денежныхъ награды (отлагаемыхъ для выдачи при выходѣ), человѣчное обращеніе, которое бы заставляло этихъ дѣтей забывать, что они преступники — вотъ главные основанія, на которыхъ стараются совершить перерожденіе этихъ юношей. Какъ много и здѣсь полагаются на моральное вліяніе, я могъ видѣть, когда посѣщаль не далеко отъ Лондона подобную школу, извѣстную подъ именемъ Red Nile. Это огромная ферма въ прекрасномъ мѣстоположеніи и окруженная обширными полями; въ трехъ отдаленныхъ другъ отъ друга домахъ помѣщается болѣе трехъ-сотъ мальчиковъ — и кругомъ всего заведенія даже нѣтъ и стѣны; нерѣдко лучшихъ побуждаютъ и награждаютъ тѣмъ что посылаютъ ихъ съ сельскими произведеніями въ ближайшій городъ для доставки купцамъ. Эти заведенія, столь практично устроенныя, стоили при постройкѣ до 150,000 фунтовъ стерлинговъ (900,000 рублей серебромъ), теперь продажа издѣлій нерѣдко покрываетъ часть издержекъ; правительство жертвуетъ ежегодно до 43,000 фунтовъ стерлинговъ, частныя подписки до 14,000 фунтовъ и кромѣ того часть издержекъ покрывается уплатою родителей (содержимыхъ дѣтей), которыхъ стараются заставить платить за ихъ содержаніе, чтобы удобствомъ такого воспитанія не побудить безыраственныхъ родителей заставлять дѣтей совершать преступленія (какъ тому были многіе примѣры). Нельзя отвергнуть, что значительное уменьшеніе числа молодыхъ преступниковъ (въ 1856 году ихъ было присуждено 15,000 къ разнымъ наказаніямъ, въ 1857 году 13,000, въ 1858 году 7,000), въ Англии можно приписать отчасти и благотворной дѣятельности этихъ исправительныхъ школъ, основаніе которыхъ и распространеніе принадлежатъ пятидесятымъ годамъ нашего столѣтія.

Кромѣ того считаютъ въ Англии до шестидесяти индустриальныхъ школъ и въ нихъ до 3,500 учениковъ; они по характеру сходны съ предшествовавшими, но только въ нихъ дѣти со-

держателя съ согласія родителей и не за преступленія, а просто изъ благотѣльной цѣли дать имъ образованіе и научить ремеслу.

Если привести къ итогу результаты народнаго образованія въ Англіи, то можно положить по крайней мѣрѣ въ Англіи и Шотландіи до 2,000,000 *учащихся дѣтей*; населеніе этихъ странъ по счисленію 1851 года равняется 21,000,000, слѣдовательно по одному на десять съ половиною жителей. Въ Пруссіи ихъ приходится по одному на шесть; въ Бельгіи по одному на восемь; во Франціи по одному на десять.

Но одной хорошей системы первоначальныхъ школъ недостаточно; выученное ребенкомъ скоро забывается и пропадаетъ втугѣ; необходимо, чтобы существовала возможность для молодаго чезовѣка самостоятельнымъ трудомъ и по доброй волѣ продолжать и послѣ школы свое образованіе, повторять и возобновлять приобрѣтенныя свѣдѣнія. Въ Германіи этому пособляется тѣмъ, что отъ четырнадцати лѣтъ, когда дѣти оставляютъ школы, до шестнадцати или семнадцати они обязаны ходить въ *Sonntags Wiederholung's Classen*. Въ Англіи роль этихъ классовъ играютъ всякаго рода заведенія для образованія рабочихъ; они распространены по всей Англіи подъ разными именами: *Mechanic's institutes* (институты для рабочихъ), *Mutual Improvement Society* (общества взаимнаго усовершенствованія), *Literary and scientific Institutions* (научное и литературное заведеніе), *Youths' Guardian Societys* (охранительныя общества для юношества), *Young men's Societys*, а особенно *Workmen Colleges* и *Atheneums*. По счисленію, сдѣланному въ 1850 году, общее число такихъ заведеній было 702 и число членовъ въ нихъ 120,000. Всѣ они имѣютъ при себѣ публичныя библіотеки, которыя всѣ вмѣстѣ владѣютъ до 815,000 томовъ и до 400 изъ этихъ заведеній имѣютъ залы для чтенія газетъ и журналовъ.

Изъ всѣхъ этихъ заведеній всего болѣе замѣчательны *Mechanic's Institutes*, которыхъ до 300 въ Англіи и Шотландіи. Члены платятъ въ нихъ среднимъ числомъ до одного съ половиною шиллинга (до пятидесяти копеекъ серебромъ или нѣсколько менѣе) въ мѣсяцъ за пользованіе библіотекой и за слушаніе чтеній о разныхъ предметахъ. Самые высшіе классы интересуются усѣхомъ этихъ заведеній; Лордъ Брумъ, Графъ Карлиль, Дикенсъ не пренебрегаютъ ими и читаютъ въ нихъ лекціи. Начало ихъ относится къ прошедшему столѣтію, когда профессоръ физики при гласговскомъ университетѣ г. Барбекъ началъ публичный

курсъ - о физикѣ для работниковъ въ 1799 году. Успѣхъ былъ изумительный, и въ концѣ курса простые работники поднесли серебряный кубокъ этому человѣку, который первый вспомнилъ о нихъ. Въ тоже время основано было въ Бирмингамѣ такъ называемое *воскресное общество* для обученія рабочихъ «практически необходимымъ для нихъ познаніямъ». Первоначальная цѣль *Mechanic's Institutes* была выучить работниковъ тому *мѣстному* ремеслу или искусству, которымъ до-сихъ-поръ они занимались, такъ сказать не понимая его, и тѣмъ наукамъ, которыя имѣютъ непосредственное приложеніе въ немъ. Какъ предварительный курсъ, предпосылали специальностямъ лекціи о химіи, физикѣ и механикѣ. Но къ несчастію желая привлечь больше членовъ, заведыватели этихъ заведеній удалились отъ первоначальной программы и средній классъ буржуазіи втерся въ эти заведенія и вытѣснилъ изъ нихъ до значительной степени нисшій классъ, который тогда обратился къ такъ называемымъ *Workmens Colleges*. Мнѣ особенно близко пришлось познакомиться съ *Mechanic's Institutes* въ Манчестерѣ. Это заведеніе, основанное въ 1824 году, значительно сохранило и свой первобытный характеръ. Оно первое затѣяло *выставки* въ Манчестерѣ и подало примѣръ другимъ городамъ Англіи и наконецъ всемірнымъ выставкамъ. Въ настоящее время оно имѣетъ *ежедневные* классы для мальчиковъ и дѣвочекъ свыше десяти и двѣнадцати лѣтъ, гдѣ за общее элементарное образованіе платятъ за шесть уроковъ въ день до восемнадцати рублей серебромъ въ годъ; кромѣ того французскій, нѣмецкій языки, рисованіе, музыка за особенную плату. Посѣщаются эти классы весьма охотно и теперь, по отчетамъ 1859 года, до 600 учениковъ обоего пола. *Вечерніе* классы, посѣщаемые преимущественно рабочими, числомъ болѣе 1,000, состоятъ изъ элементарной ариметики, грамматики, чистописанія, бухгалтеріи, географіи и линейнаго рисованія; кромѣ того нѣмецкій и французскій языки. Химія и механика оставлены. Уже составъ библіотеки, въ которой изъ 17,000 томовъ до 11,000 романовъ показываетъ, что направленіе заведенія измѣнилось. Въ *Workingmen's College* напротивъ послѣднія преобладаютъ. Финансовое положеніе *Mechanic's Institutes* довольно цвѣтущее, въ немъ 1,600 подписчиковъ на библіотеку и вечерніе классы и доходу общаго до 4,000 фунтовъ стерлинговъ (24,000 рублей серебромъ).

Въ Манчестерѣ, какъ и во всѣхъ почти значительныхъ городахъ Англіи, кромѣ того находятся, такъ называемые *Athenaeum* — это обыкновенно частное коммерческое предпріятіе, со-

стоящее изъ библиотеки, залы для газетъ, и гимнастической залы; ежегодная плата за все двадцать четыре шиллинга (болѣе семи рублей). Число членовъ 71,000, а томовъ въ библиотекѣ до 30,000. Мимоходомъ замѣчу весьма удобнѣйшій обычай въ Англии: всѣ такія библиотеки *абонируются* у книгопродавцевъ въ Лондонѣ, которые имъ на нѣсколько мѣсяцевъ присылаютъ постоянно полный запасъ новыхъ сочиненій и потомъ берутъ ихъ назадъ и посылаютъ новыхъ; такъ манчестерскій имѣетъ постоянно до 5000 томовъ отъ одного изъ книгопродавцевъ Лондона.

Наконецъ немаловажную роль въ общемъ образованіи занимаютъ и *городскія публичныя библиотеки*, основанныя съ нѣкотораго времени, преимущественно съ 1852 года, во многихъ городахъ Англии. Манчестеръ имѣетъ ихъ двѣ и въ нихъ до 70,000 томовъ. Въ этихъ библиотекахъ главное число книгъ историческихъ и политическихъ.

Въ мой планъ не входитъ разсказъ о множествѣ *penny reading libraries*, *penny reading rooms* (гдѣ читаютъ газеты за три копейки серебромъ въ недѣлю): все это давно сдѣлалось необходимою принадлежностью англійскаго работника и всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и деревень Англии; но замѣчу, что это все звѣнья одной цѣпи и члены одной семьи учреждений на пользу народнаго образованія и члены тѣмъ болѣе необходимыя, чѣмъ болѣе народное образованіе дѣлается доступно всѣмъ безъ изъятія классамъ народа.

Я оканчиваю такимъ образомъ свой краткій очеркъ. Послѣ всего сказаннаго не трудно мнѣ будетъ группировать тѣ практическіе результаты, которые мнѣ кажется можно вывести изъ всего этого для насъ русскихъ и для народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

1) До-сихъ-поръ наше правительство было почти единственнымъ дѣятелемъ въ этомъ общепольномъ дѣлѣ. Примѣръ же Англии показываетъ, что если совершенное отчужденіе правительства отъ участія въ народномъ образованіи можетъ отдалить на долго эпоху его распространенія, то и одна только исключительная дѣятельность правительства не можетъ имѣть полнаго успѣха. Рядомъ съ нимъ необходимо полное горячее участіе образованныхъ классовъ, которые дадутъ этому образованію и болѣе практическое направленіе и ближе поймутъ нужды народа, такъ что сдѣлаютъ это образованіе *не чуждымъ народа*. Но, чтобы это участіе могло развиваться, нужно дать ему про-

сторъ, не вмѣшиваться доктринернымъ тономъ въ программы, уставы и не отравлять лучшихъ надеждъ преданныхъ своему дѣлу людей — видѣть исполненіе *своихъ плановъ*.

2) Частая, постоянная, неожиданная инспекція — *обнародывающая* добытые результаты, есть главный рычагъ для того, чтобы поддерживать рвеніе въ начальникахъ школъ и въ учителяхъ.

3) Хорошее вознагражденіе трудовъ учителей и инспекторовъ есть одно изъ главныхъ условій хорошаго и добросовѣстнаго исполненія обязанностей.

4) Прежде всего необходимы средства для подготовки учителей. Здѣсь описанная система pupil teachers мнѣ кажется была бы у насъ у мѣста. Ихъ можно было бы ввести во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ; они бы и подготовили особый классъ учителей. Необходимо послать нѣсколько знающихъ людей для изученія подробнаго устройства Training Institutions въ Англии и Германии и для учрежденія подобныхъ заведеній у насъ.

5) Недостаточно изученія двухъ или трехъ странъ. Наша привилегія, какъ молодаго народа, пользоваться опытностью всѣхъ народовъ. Напримѣръ, невозможность при нашихъ средствахъ устроить сейчасъ же во всѣхъ деревняхъ школы понятна всякому; почему же пока не воспользоваться средствомъ, употребляемымъ съ успѣхомъ въ малонаселенныхъ частяхъ Норвегіи: тамъ извѣстный округъ имѣетъ учителя; имѣть школу куда бы дѣти бѣгали за десять верстъ нелѣпо и потому учитель переѣзжаетъ изъ деревни въ другую и въ каждой по очередно устраиваетъ въ какой-нибудь избѣ школу и въ продолженіе двухъ недѣль учить дѣтей — все лучше, чѣмъ ничего.

6) Невозможно съ успѣхомъ надѣяться *правительственными средствами* вездѣ основать школы; нужно привлечь добровольныя пожертвованія. Organising Masters (см. письмо второе) англійскихъ обществъ могутъ послужить примѣромъ. Почему правительству не попробовать разослать пока хоть въ двѣ или три губерніи нѣсколько человекъ, которые бы постарались возбудить частную дѣятельность, и содѣйствовали бы учрежденію мѣстныхъ обществъ для основанія школъ. Когда услышатъ, что это пріятно правительству, я увѣренъ, что многіе отзовутся на призывъ этихъ агентовъ. Потомъ, когда найдутся люди, которые примутъ дѣло къ сердцу, то и предоставитъ имъ свободу, сохраняя лишь право инспекціи.

7) Необходимо измѣнить нашу систему ученія, дать болѣе

простора умному учителю, дѣйствовать болѣе на умственные способности ученика и предметы ученія свести на болѣе практическую цѣль, дать мѣсто прикладнымъ наукамъ и такимъ образомъ содѣйствовать развитію мѣстныхъ ремеслъ; тогда русскій практическій народъ перестанетъ чуждаться школь и пойметъ пользу образованія.

8) Когда Англія такъ быстро развила свою фабричную промышленность, низшіе классы находились въ совершенномъ невѣжествѣ; страсть къ матеріальнымъ выгодамъ была причиною того, что всѣ кинулись на фабрики; но разстройство здоровья какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей было печальнымъ послѣдствіемъ ихъ жадности. Мы находимся въ совершенно одинаковомъ положеніи: наша промышленность быстро развивается и съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ей предстоитъ еще быстрѣйшее развитіе, между тѣмъ народъ находится въ совершенно грубомъ невѣжествѣ и даже не имѣетъ возможности получить образованіе; — нѣтъ ни религіознаго, ни нравственнаго оплота противъ всѣхъ золъ, необходимо связанныхъ съ фабричною промышленностью. Мнѣ самому случалось видѣть въ Россіи фабрики, гдѣ дѣти моложе десяти лѣтъ работали по ночамъ и жили въ жилищахъ, въ которыя не вступилъ бы даже и прландецъ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей отдаваемы были на эти фабрики помѣщиками, бравшими себѣ плату, или зарабатываемую; но многіе изъ нихъ были дѣти бѣдныхъ мѣщанъ *). Неужели примѣръ Англіи не спасетъ ихъ отъ этихъ бѣдствій? Тамъ хотя поздно, но принялся же наконецъ за законодательство для охраненія слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ.

Благо той націи, гдѣ образованіе не остановилось на извѣстныхъ классахъ и не отдалило отъ себя массу народа своею непрактичностью, гдѣ своими началами оно сходится съ коренными началами народной жизни; тамъ оно понятно, доступно народу и дѣлается необходимымъ элементомъ его бытія. Тогда не возможны уже разединеніе и вражда между разными классами націи; всѣ другъ друга понимаютъ и близки другъ къ другу, ибо всѣ воспитываются на однихъ началахъ и черпаютъ свои понятія изъ тѣхъ же источниковъ.

АНАТОЛІЙ КУЛОМЗИНЪ.

---

*) Впрочемъ, вниманіе публики было обращено на это явленіе въ Экономическомъ Указателѣ 1857 года, см. статью «О льняной промышленности въ костромской губерніи».

ИНОСТРАННАЯ СУДЕБНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Вопросъ о пользѣ публичнаго судопроизводства одинъ изъ тѣхъ, которые окончательно рѣшены и наукою и обществомъ. Публичность судопроизводства не только есть важная гарантія его правильности и безпристрастія, но и великая школа для народной нравственности. Нѣтъ предмета болѣе укрѣпляющаго чувство правды, какъ наглядное олицетвореніе ея, когда видятъ, что зло, правильно доказанное, получаетъ должное возмездіе, когда невинность торжествуетъ. Оттого на Западѣ залы уголовныхъ судовъ наполнены публикой, особенно, когда рѣшается важное преступленіе. Но не одни только тѣ лица присутствуютъ при процессѣ, которыя сидятъ въ залѣ суда, не одни они извлекаютъ моральную пользу, — присутствуетъ вся страна, весь свѣтъ. Журналы имѣютъ полное право печатать всѣ судебныя пренія (за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которыя происходятъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ, что бываетъ только тогда, когда публичность можетъ быть опасною для нравовъ). Всѣ политическіе журналы сообщаютъ и подробныя описанія болѣе интересныхъ процессовъ. Существуютъ и особыя газеты, специально посвященныя только судебной хроникѣ, таковы во Франціи превосходныя ежедневныя изданія *Le Droit (Journal des Tribunaux)* и *Gazette des Tribunaux* и множество мелкихъ.

Для настоящей статьи мы избрали слѣдующіе процессы, бывшіе во Франціи съ января текущаго года: 1) процессъ охотника выстрѣлившаго въ жандарма, который показываетъ, какъ при существованіи присяжныхъ, могутъ быть наказываемы преступленія совершенныя безъ свидѣтелей; читатель можетъ вспомнить, въ какомъ положеніи находится, напримѣръ, наша лѣсная стража, которая рѣшительно не можетъ судебнымъ порядкомъ доказать ни одного проступка, а поэтому восполняетъ самоуправствомъ недостатки закона; 2) процессъ мужеубійцы, осужденный вслѣдствіе блистательнаго *медицинскаго* слѣдствія; 3) процессъ адвоката Оливье, поучительный въ томъ отношеніи, что и самыя, по нашимъ понятіямъ, неважныя нарушенія права, отражаются со всею силою и даже несправедливо обвиненный находитъ себѣ вознагражденіе въ сочувствіи и уваженіи общества; 4) процессъ о бракѣ съ освобожденнымъ каторжникомъ, — показывающій взглядъ французскаго права на неразрушимость брака,

и наконецъ нѣкоторые другіе процессы замѣчательные въ нравственномъ или юридическомъ отношеніи.

Борьба адвокатовъ съ прокурорами. Процессъ адвоката Оливье.

Важное и весьма печальное происшествіе случилось въ парижскомъ судебномъ мірѣ. Священное право свободы защиты обвиняемаго, свободы адвокатскаго слова встрѣтило препятствіе и получило ударъ до-сихъ-поръ безпримѣрный. Конечно, ударъ этотъ самъ по себѣ очень не великъ; но велико его значеніе, если онъ останется безнаказаннымъ: судьи, опираясь на одинъ примѣръ, позволяютъ себѣ идти далѣе.

Случай этотъ произошелъ въ парижскомъ уѣздномъ судѣ 30-го декабря. Исправительное отдѣленіе этого трибунала судило извѣстнаго ученаго Вашеро (Vacherot) по взведенному на него обвиненію, что въ сочиненіи своемъ «De la Democratie» онъ оскорбилъ правительство, подрывалъ начала собственности и проч. Прокуроръ съ величайшей яростью произнесъ обвинительную рѣчь. Ожесточеніе его понятно: Вашеро одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые несогласились присягнуть Лудовику Наполеону послѣ переворота 2-го декабря, — за что онъ и былъ лишенъ каедръ. Адвокатомъ Вашеро былъ Оливье, — человекъ весьма замѣчательный и какъ адвокатъ, и какъ политическій дѣятель. Оливье депутатъ законодательнаго корпуса. Его мужественный и рѣшительный голосъ громко раздается при всякой стѣснительной мѣрѣ правительства; онъ произнесъ прекрасную рѣчь противъ репрессивныхъ законовъ (такъ называемыхъ законовъ общественной безопасности), предложенныхъ послѣ покушенія Орсини, онъ отказался подать голосъ на выдачу денегъ для веденія итальянской войны, — объявивъ, что французское правительство ничѣмъ не удостовѣрило о цѣли войны: хочетъ ли оно дѣйствительно освободить Италію, или только замѣнить австрійское господство своимъ. Противъ него въ законодательномъ корпусѣ обыкновенно выступаетъ самый краснорѣчивый и грязный членъ его — Гранье Касаньякъ. Какъ адвокатъ, Оливье пользуется также прекрасной репутаціей: ему случалось мѣряться съ успѣхомъ съ такими знаменитостями, какъ Беррье и Дюфоръ, напримѣръ въ процессѣ графини Гери.

Судъ парижской исправительной полиціи (одно изъ отдѣленій уѣзднаго суда) не пользуется слишкомъ хорошей репутаціей въ

смыслѣ основательности рѣшеній. По отзывамъ людей знающихъ дѣло, онъ болѣе заботится о скорѣсти, чѣмъ объ основательности рѣшеній. Особенно онъ старается отличиться, когда дѣло касается политическихъ интересовъ правительства. Такъ поступилъ онъ и въ дѣлѣ Вашеро. Прокуроръ въ своей рѣчи сдѣлалъ грубые намеки, которые никакъ не могли относиться къ Вашеро, а скорѣе къ Олливе. Поэтому Олливе началъ такими словами: «Г. прокуроръ сдѣлалъ возваніе къ самымъ раздражающимъ страстямъ. Это дурно.» Едва произнесъ онъ эти слова, какъ президентъ прерываетъ его: «Г. Олливе, вы сказали неприличность, исправьте это.» Олливе отвѣчалъ, что онъ пользовался законнымъ правомъ. Тогда судъ, по предоставленной ему власти, опредѣлилъ: «Наложить на адвоката Олливе трехмѣсячное запрещеніе», т. е., что онъ втеченіе этого времени не можетъ заниматься своей профессіей, а дѣло Вашеро отложилъ до слѣдующаго засѣданія, потому что безъ защитника нельзя судить обвиняемаго.

Все сословіе адвокатовъ взволновалось; публика также приняла большое участіе. Понятно, что здѣсь шло дѣло объ огражденіи независимости адвокатской профессіи и свободы защиты обвиняемаго, — и это не только мнѣніе адвокатовъ, но и главъ публичной министеріи, генераль-прокурора кассационнаго суда Дюпена. Совѣтъ парижской адвокатской корпораціи опредѣлилъ: 1) предложить Олливе апеллировать на рѣшеніе трибунала; 2) защищать его въ апелляціонномъ судѣ самому старшинѣ адвокатовъ (*bâtonnier*) Плюку со всѣми членами совѣта.

Дѣло было перенесено въ парижскій апелляціонный судъ. Олливе потребовалъ, чтобъ его судили въ общемъ собраніи департаментовъ этого суда; но это представленіе не было уважено кассационнымъ судомъ на законномъ основаніи: всѣ дѣла по жалобамъ на рѣшеніе исправительной полиціи должны идти въ департаментъ апелляціоннаго суда (*Chambre des appels de police correctionnelle*). Олливе основывалъ свою просьбу на томъ, что трибуналъ наложилъ на него домашнее наказаніе, слѣдовательно, дѣйствовалъ не какъ трибуналъ, а какъ совѣтъ ордена адвокатовъ, на рѣшеніе котораго подается аппеляція общему собранію апелляціоннаго суда. Съ перваго взгляда кажется странной просьба Олливе: департаментъ апелляціоннаго суда вершить дѣло публично, а общее собраніе, которое есть только совѣщательное, и судное только въ дѣлахъ относительно проступковъ противъ дисциплины лицъ судебного сословія, — въ

закрытыхъ засѣданіяхъ: «Зачѣмъ вы хотите пдти вмѣсто форума въ катакомбы», сказалъ Дюпенъ. Впослѣдствіи защитникъ Оливье объяснилъ это и объясненіе едва ли понравится правительству.

Во Франціи процедура идетъ быстро: 30-го декабря 1859 года трибуналь осудилъ Оливье, — 12-го января дѣло должно было вершиться въ апелляціонномъ судѣ, но Оливье остановилъ судъ объявленіемъ о некомпетентности, 10-го февраля кассационный судъ отвергъ просьбу Оливье, и 17 февраля окончательно поступио на рѣшеніе уголовно-полицейскаго департамента апелляціоннаго суда подѣ председательствомъ Партарые-Лафосса.

Послѣ обыкновенныхъ судебныхъ формальностей, одинъ изъ членовъ суда представилъ докладъ. Докладчикъ отозвался весьма мягко о поступкѣ Оливье, и изъявилъ увѣренность, что если онъ согласится взять назадъ слова, сказанныя относительно прокурора, то судъ приметъ это благосклонно.

Но Оливье рѣшительно отказался. «Какъ честный человѣкъ, я не могу этого сдѣлать, какъ адвокатъ, я не долженъ этого сдѣлать, не компрометируя свободы защиты обвиняемыхъ».

Послѣ этого объясненія защитникъ Оливье — старшина парижскихъ адвокатовъ Плокъ произнесъ слѣдующую превосходную рѣчь :

«Я считаю, съ этой минуты, мой трудъ оконченнымъ. Послѣ объясненій, которыя вы слышали отъ г. Оливье, объясненій, въ чистосердечности которыхъ никто не можетъ сомнѣваться, возможно ли усомниться въ томъ, что слова, произнесенныя въ засѣданіи 30 декабря были необходимы адвокату, или что они заключали въ себѣ превышеніе свободы, дозволенной для защиты обвиненнаго?»

Прежде всего отъ имени сословія, я долженъ выразить глубокую признательность совѣтнику-докладчику за его добрыя и благородныя слова. Да, мы здѣсь среди семьи и если эта семья не такъ многочисленна, какъ бы мы того желали; тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ благосклонность ея.

Въ письменномъ предложеніи, которое чрезмѣрная благосклонность генеральнаго прокурора Дюпена лишила меня права хвалить такъ, какъ бы я почелъ себя счастливымъ это сдѣлать, — въ письменномъ предложеніи, проникнутомъ жаромъ и свѣжестью, къ намъ обращались въ верховномъ судилищѣ съ этими словами:

«Не ошибайтесь, въ этомъ дѣлѣ говорится не о лицѣ, а о правѣ адвоката; о правѣ, затронутомъ въ отправленіи его должности, въ части по истинѣ святой его обязанности, въ свободной защитѣ обвиненныхъ.

«Дѣло въ томъ, чтобы узнать нарушилъ ли адвокатъ предѣлы умѣренности.

«Порядокъ суда, благочиніе засѣданія, достоинство судей, а также независимость адвоката, свобода защиты, вотъ начала дѣла, которыя нужно обсудить.»

«Благодаря генеральному прокурору Дюпену, вамъ представляется вопросъ ясно и вѣрно.

«Уваженіе къ судьямъ было ли нарушено?

«Свобода защиты, напротивъ, была ли ограничена не во время и грубо?

«Вотъ, повторю я съ знаменитымъ судьей, вотъ элементы дѣла, которые нужно обсудить!

«Заданная мною себѣ задача велика, она трудна, а потому болѣе, чѣмъ когда-нибудь, для преодоленія этихъ трудностей, я рассчитываю на вашу обыкновенную благосклонность.

«Мнѣ сказали, что на этомъ засѣданіи, на этомъ полѣ чести адвоката, я буду имѣть право все сказать гласно и даже представить вамъ истину во всей ея наготѣ.

«Эту неограниченную свободу слова, за которую мнѣ завидовали, я не хочу употребить во зло; и такъ какъ хорошо понимающему достаточно намекъ (*a bon entendeur le demi-mot suffit*), то я и не перейду за предѣлы намекъ.

«Мы думаемъ, что право нашего сословія не было уважено. Адвокатское сословіе глубоко тронуто. Я явился сюда, какъ истолкователь чувствъ всѣхъ нашихъ собратій, принести вамъ истинное выраженіе ихъ жалобы, и если я буду такъ счастливъ, чтобы заставить дойти до васъ нѣкоторые изъ звуковъ, вырвавшихся изъ ихъ сердецъ, вы всегда поймете меня также хорошо, какъ бы я это высказалъ.

«Приговоръ поразилъ Оливье въ то время, когда онъ принимался за трудное дѣло, тѣмъ болѣе трудное, что онъ защищалъ друга. Впродолженіе трехъ дней онъ не выходилъ изъ кабинета по приказанію доктора. Однакоже онъ желалъ явиться на засѣданіе. Онъ пришелъ въ кабинетъ судьи, чтобы объяснить ему причины, которыя побуждали его исполнить свою обязанность, не смотря на слабость его силъ. Впродолженіе трехъ дней, онъ вовсе не принималъ пищи. Какъ! это обстоятельство ни одного

разу не пришло въ голову судѣѣ. Онъ и не подумалъ о томъ, что Оливье нуждался въ отдыхѣ и продолжалъ нѣсколько грубый допросъ, который вамъ извѣстенъ.

«Мнѣ кажется, что если бы я имѣлъ честь быть судьей, то это бы было первою моею мыслію. Я бы остерегался, чтобы наставаніе не походило на пытку.

«Вѣрно то, что Оливье не искалъ спора. Онъ хладнокровно выслушалъ прокурорское предложеніе, умѣренное по формѣ, горячее и пристрастное по содержанію. Въ этомъ я не жалуясь на государственнаго прокурора.

«Обязанный преслѣдовать преступленія, посягательства на собственность, преступленія столь важныя въ наше время, я допускаю, что онъ долженъ быть горячъ, страстенъ даже, потому что страсть судебная имѣетъ также свои крайности, какъ и другія страсти. Но прокурорское предложеніе оскорбляло его кліента. Оно говоритъ:

«Сочинитель — человекъ, боящійся выразить откровенно свою мысль. Онъ принадлежитъ къ той несправимой партіи, которая только и мечтаетъ, что о раззореніи и разрушеніи, и которая употребляетъ въ дѣло средства, за которыми она старается спрятаться.

Это тайный коммунистъ, и въ своей книгѣ онъ ругаетъ жителей деревень за то, что они не хотятъ быть коммунистамъ. Наконецъ.... онъ принадлежитъ къ партіи, въ которой встрѣчаются люди, дающіе двойную присягу, которые присягаютъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ нарушить ее.»

«Вотъ что слышалъ Оливье тогда, какъ онъ былъ убѣжденъ, что книга, которую ему предстояло защищать, была плодомъ философскихъ убѣжденій, что авторъ ея жилъ въ мірѣ идей, былъ ученикомъ древнихъ философовъ, которые всѣ имѣли свои утопіи. Какъ же онъ могъ не быть взволнованъ?

«Онъ начинаетъ защищать. Едва успѣлъ онъ выговорить нѣсколько словъ, какъ былъ прерванъ этими словами: вы сказали непристойныя слова; откажитесь отъ нихъ. Оливье хочетъ объяснить свои слова; ему ствѣчаютъ: откажитесь. Отъ него не желаютъ никакого объясненія; не слушаютъ дальнѣйшей его рѣчи, которою онъ хочетъ объяснить свою мысль... Нѣтъ, сейчасъ же унизьтесь, откажитесь! Какъ будто униженіе служителя правосудія, дитяти семьи, не было также униженіемъ судьи и самой семьи.

«Изсгѣдуемъ же характеръ обстоятельствъ этого дѣла для апелляціоннаго суда, который никогда не произносилъ слова: уже поздно!

«Я допускаю даже, что Оливье поступилъ въ первую минуту слишкомъ живо; но вспомните, что дѣло плз о защитѣ друга противъ прокурорскаго предложенія, которое впродолженіе часа поражало его гнусными обвиненіями. Оливье выслушалъ его терпѣливо. Потомъ пришла та счастливая минута, когда мы можемъ наконецъ начать защищать нашего кліента.

«О! здѣсь нѣтъ никого, кромѣ нашей братіи, а потому я и спрашиваю у нея какое стеченіе чувствованій происходитъ въ насъ въ ту минуту: пылкость, гнѣвъ, воодушевленіе, сильное желаніе подѣйствовать сразу на судью.

«Въ головѣ хаосъ. Какое первое слово выйдетъ при такомъ состояніи? Мы не знаемъ. Въ эту только минуту тѣ, которые отъ природы впечатлительнѣе, наиболѣе находятся въ туманѣ. Они выжидаютъ искры. Будьте увѣрены, что, какъ скоро они придутъ въ себя, эта искра засвѣтится и громъ будетъ слышанъ. Но какъ сначала, при сокращенномъ изложеніи дѣла, которое адвокатъ наскоро набрасываетъ, и которое не всегда выражаетъ его мысль, вы закричите ему, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ! Подождите: дайте ему войти въ дѣло; онъ вамъ скажетъ, въ чемъ состоитъ это воззваніе къ страстямъ, о которомъ онъ говорилъ; вы увидите, что вы имѣете дѣло съ честнымъ защитникомъ, все объяснится.

«Кто лучше васъ знаетъ, что такое сердце человѣческое? Какъ! отказаться отъ своихъ словъ, когда произнесено одно только искреннее выраженіе убѣжденія? Послушайте то, что говорилъ Монтень:

«Я не знаю ничего болѣе постыднаго, какъ отпирательство отъ своихъ словъ, когда оно вынужденно властью; даже упорство извинительнѣе малодушія.»

«Предположите, что вмѣсто этой грубой остановки вы услышали бы нѣкоторыя изъ блазоразумныхъ словъ г. совѣтника-докладчика. Какое сердце было бы такъ упрямо, чтобы отказаться отъ требуемыхъ объясненій? Какая холодная душа, которой бы ледъ не растаялъ отъ такихъ словъ?

«Пусть не говорятъ, что судья нелзя было ихъ сказать. Если они здѣсь были у мѣста, то еще лучше были бы сказаны въ первой инстанціи.

«Но какая разница и въ сущности и въ формѣ! Все кончено въ одну минуту. — Отказывайтесь. — Я не могу, но я объяснюсь. — Отказывайтесь! Вы не отказываетесь, я наказываю васъ, и приговоръ произнесенъ.

«Намъ сказали, что засѣданіе было полемъ чести для адвоката. Безъ сомнѣнія, до-тѣхъ-поръ пока мы тамъ сражаемся съ благороднымъ противникомъ, предъ благосклоннымъ судьей. Но еслибы должно было выслушивать такія грубыя слова, то это бы было мѣстомъ печальнаго поединка, гдѣ бы видѣли всемогущаго противника противъ безоружнаго бойца и благочиніе засѣданія было бы злоупотребленіемъ силы.

«Не сочувствуете ли вы, что судья подчинился неизвѣстно какому пагубному увлеченію? Итакъ этотъ судья, который намъ всѣмъ извѣстенъ какъ человѣкъ просвѣщенный и вполне опытный, прижъняетъ къ дѣлу указъ 1810 года, и забываетъ, что этотъ указъ отмѣненъ приказомъ 1822 года. Итакъ, осудивши Оливье, онъ прибавляетъ: судъ отлагается на недѣлю, чтобы Вашеро могъ выбрать себѣ другаго защитника.

«Какъ! онъ былъ разстроены до того, что забыть общее право, онъ забыть, что аппеляція приостанавливаетъ исполненіе рѣшенія трибунала, и своею властью рѣшаетъ, что его приговоръ будетъ исполненъ предварительно, насильственно нарушаетъ условіе между кліентомъ и защитникомъ! Другъ передаетъ адвокату свою жизнь, свои чувства, свои впечатлѣнія; защитникъ проникся духомъ своего кліента. Онъ готовъ забыть свою собственную опасность, какъ храбрый солдатъ, чтобы защищать его. А судъ жестоко говоритъ Вашеро: вы изберете другаго защитника. Вы наказываете Оливье, но вы наказываете также Вашеро, и такъ не во время, что по истеченіи недѣли онъ остается безъ защитника и подвергается непомятому наказанію.

«Я говорилъ о поединкѣ; но это еще хуже поединка. Это встрѣча безъ посредника и свидѣтелей.

«Но предположимъ, что Оливье удался на минуту отъ обыкновеннаго хладнокровія адвоката; я думаю, что онъ и въ этомъ случаѣ только воспользовался правомъ защиты. И да будетъ мнѣ позволено сказать еще, послѣ тщательнаго изслѣдованія, произведеннаго совѣтомъ нашего сословія, что его словамъ нельзя было придать такого значенія, судя по голосу, кониъ они были произнесены. Они были произнесены не вспыльчиво, не презрительно. Всѣ свидѣтели соглашаются въ томъ, что они

произнесены адвокатомъ какъ бы съ сожалѣніемъ, не имѣли въ себѣ ничего раздражительнаго. Мы имѣемъ въ процессѣ только холодныя слова, собранныя въ протоколѣ. Посмотримъ теперь, нарушены ли имъ уваженіе къ судебному сословію.

«Въ чемъ заключаются обязанности и права адвокатовъ относительно прокурора? и я могу также задать вопросъ и попытаться разрѣшить его: какія права и обязанности судьи, присутствующаго въ борьбѣ, которая начинается между генеральнымъ прокуроромъ и адвокатомъ?»

«Первое необходимое условіе суда есть свобода въ защитѣ, особенно въ уголовномъ судѣ, гдѣ рѣшаются самые священные интересы человѣчества.

«Въ уголовномъ судѣ государственный прокуроръ не столько сановникъ, сколько противникъ. Одушевленный честными и пылкими убѣжденіями, какъ адвокатъ, онъ сражается во имя общества и законовъ. Требовать отъ него, чтобы онъ избавился отъ всякой страсти, невозможно. Безъ страсти не можетъ быть ни преній, ни убѣжденія. Эта пылкость свойственна самой борьбѣ. Голосъ прокурора есть и долженъ быть одушевленъ. Если бы онъ не былъ такимъ, если бы преступленіе не внушало ему глубокаго негодованія, я бы ему сказалъ: или вы богъ, или человѣкъ безъ сердца, потому что вы не испытываете той сильной ненависти, которую, по словамъ поэта, зло должно производить въ благородныхъ душахъ.

«Итакъ въ уголовномъ судѣ и предъ прокуроромъ полная откровенность, полный просторъ долженъ быть дозволенъ адвокату. Ограниченія, останавливанія опасны, и можетъ быть было бы лучше допустить защитника увлечься гнѣвомъ, чѣмъ заставить его упустить или уничтожить средство, доказательство, которое могло быть рѣшительнымъ для спасенія обвиняемаго.

«Но въ чемъ будетъ заключаться свобода защиты? Очевидно въ заботѣ, которую приметъ на себя судья уважать и охранять отъ всѣхъ и даже отъ прокурора, если понадобится, рѣчь адвоката.

«Адвокатъ имѣетъ двоякую роль. Онъ долженъ отражать нападеніе и въ то же время самъ нападать.

«Защищать и нападать съ равнымъ усердіемъ, съ одинаковымъ мужествомъ, вотъ въ чемъ заключается наша обязанность; вотъ перечень нашихъ обязанностей.

«А потому и римское право не даромъ сравнивало насъ съ тѣми воинами, которымъ отечество давало разомъ оружія оборонительныя и наступательныя.

«Да, наша жизнь боевая въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы солдаты правосудія, права и несчастія; и если законъ далъ намъ щитъ противъ прокурора, защитника общества, то онъ же вложилъ въ наши руки и мечъ.

«Безъ сомнѣнія борьба будетъ всегда благородная: она будетъ всегда, я не боюсь сказать это громко, съ нашей стороны исполнена глубокаго уваженія; но пусть никто не пытается забыть, что это борьба съ истиннымъ противникомъ и, слѣдовательно, она должна быть прежде всего сколь возможно свободою и избавленною отъ затрудненій и препятствій.

«Пусть же судья откроетъ арену прокурору и адвокату; пусть онъ останется безстрастнымъ зрителемъ борьбы и пусть онъ вмѣшивається между борющимися только тогда, когда правосудіе и законъ открыто не уважаются.

«Да, сановники, судьи ли, или прокуроры, должны быть терпѣливы къ адвокату, впрочемъ съ разборчивостью, и они только тогда перестанутъ быть терпѣливыми, когда защита обратится въ очевидное презрѣніе справедливости и закона.

«Вотъ, господа, мѣра нашихъ относительныхъ правъ и обязанностей, начертанная въ римскомъ законѣ.

«Во всѣ времена это ученіе было правиломъ французской магистратуры; во всѣ эпохи судебной жизни, мы находимъ прокурора столь же умѣреннаго и снисходительнаго, какъ и старающагося уважать наше усердіе, и нашу пылкость, не пугаясь и даже не удивляясь нашимъ отступленіямъ. Это было преданіемъ древнихъ судилицъ, преданіемъ парламентовъ.

«Даже предъ исключительными судебными мѣстами старой монархіи, предъ ея комтетами, которые были устроены только для конфискованія и осужденія, защита, ограниченная до того, что могла вести тяжбу только письменно, находила еще неограниченную свободу противъ государственнаго прокурора.

«Я приведу только одинъ примѣръ. Пробѣгите бумаги и документы процесса главнаго интенданта Фуке, и вы будете крайне удивлены, когда увидите съ какою смѣлостью Неллисонъ, въ своихъ безсмертныхъ рѣчахъ, даже въ Бастиліи, борется съ государственнымъ прокуроромъ Талономъ; съ какою ироніею и пре-

зрѣніемъ онъ разбираетъ его требованія и даже самую его особу. Однако исторія не говоритъ, чтобы Талонъ былъ этимъ взволнованъ и раздраженъ на своего противника. Не забывайте, тогда жили въ то время, когда правосудіе было прихотью монарха и его любимцевъ, когда судья не имѣлъ независимости, когда даже внутри самого исключительнаго судилища, для возбужденія усердія нерадивыхъ и для уничтоженія успій желающихъ добра, старались помѣщать одного изъ тѣхъ лазутчиковъ правительства, совершенно довольнаго порученіемъ нарушать правосудіе въ пользу политики, одного изъ тѣхъ людей, которые не боялись попробовать подкупить самого даже Ламуаньона и которые получили отъ великаго судьи тотъ благородный отвѣтъ, который вамъ всѣмъ извѣстенъ: «Знайте, господа, что судья во Франціи даетъ свое мнѣніе только одинъ разъ, не смотря даже на гербовую лицію».

«Прекрасныя слова, отзывъ на которыя чрезъ полтора вѣка мы находимъ въ устахъ судьи этого судилища, совѣтника Клавье. Въ знаменитомъ процессѣ, въ которомъ Бонне и Билекохъ начали съ такимъ мужествомъ и смѣлостью бороться противъ государственнаго прокурора, въ процессѣ Моро, одинъ изъ тѣхъ полицейскихъ подстрекателей, который почиталъ себя магистратскимъ лицомъ, просилъ Клавье согласиться на требованія государственнаго прокурора, который требовалъ смертной казни, обѣщая, что императоръ помиуетъ: «Императоръ помиуетъ приговореннаго, отвѣчалъ честный человѣкъ, а кто меня проститъ, когда я обвиню невиннаго?»

«Желаете ли вы примѣровъ недавнихъ временъ? Въ 1789 году гласность засѣданія и свобода защиты сдѣлались правилами общественнаго порядка и вошли въ сводъ законовъ.

«Назадъ тому двадцать пять лѣтъ, и къ счастью нашему такіе примѣры очень рѣдки въ нашихъ лѣтописяхъ, произошла большая борьба между адвокатами и генеральнымъ прокуроромъ. Одинъ изъ этихъ адвокатовъ имѣлъ своимъ защитникомъ одного изъ нашихъ учителей, который вскорѣ былъ сдѣланъ главою адвокатовъ и теперь сенаторомъ и министромъ. Это было въ 1833 году, я былъ очень молодъ и я еще слышу теперь, какъ г. Делангъ своимъ воодушевленнымъ словомъ начерталъ сводъ нашихъ правъ; не знаю отчего, но я сказалъ себѣ: въ этомъ заключается истина, въ этомъ заключается право. Вотъ какъ онъ выразался:

«Какъ отнынѣ будетъ существовать священное право защиты, если адвокаты обязаны будутъ остерегаться въ словахъ и чрезъ-то не выразить своего убѣжденія? если въ обвинительномъ актѣ будутъ матеріальные недостатки, какова должна быть осмотрительность, которую должно будетъ употребить, чтобы ихъ обнаружить? Гдѣ будетъ предѣлъ между нападеніемъ и оскорбленіемъ?»

«Что касается до этихъ важныхъ недостатковъ, защитникъ обнаружившій ихъ, будетъ ли имѣть право, безо всякаго нарушенія закона, произнести нѣсколько горькихъ словъ?»

И онъ прибавляетъ въ своемъ возраженіи:

«Я не нападаю ни на чьи намѣренія; но понимаю, что если человѣкъ энергическій, пылкій и страстный приметъ участіе въ преніяхъ, которыхъ основаніе наполнено было недостатками, то онъ можетъ почувствовать справедливое негодованіе и нападать на все то, что можетъ повредить обвиняемому, котораго онъ взялся защищать.»

«Тѣмъ примѣнимѣе въ дѣлахъ политическихъ это обстоятельство. Тамъ, вообще, адвокатъ сходится съ обвиненными; если нападаютъ на ученіе, это на его ученіе, на его религію, которая онъ долженъ защищать.

«Итакъ, если бы составленъ былъ обвинительный актъ, въ которомъ мнѣнія той партіи, къ которой адвокатъ принадлежитъ, предоставлены были ненависти страны и ея презрѣнію; самыя важныя обвиненія сдѣланы; непростительные недостатки присоединены къ жестокости нападенія и его опасностямъ, и адвокатъ пораженный въ своихъ самыхъ дорогихъ чувствахъ, не въ состояніи будетъ возвысить голоса, такъ какъ это ему предписываетъ его совѣсть! Ему можно будетъ только выражаться общими словами, чтобы уничтожить несправедливость обвиненія!

«Господа, дѣлаясь адвокатами, мы не отказываемся отъ своихъ убѣжденій, ими только можетъ быть мы приобретаемъ себѣ цѣну. Они присутствуютъ съ нами на засѣданія, и тому ли кто энергически, даже горячо обнаружить ихъ, сожалѣть о томъ, что онъ сдѣлалъ?»

«Я не допускаю и никогда не допущу мысли, чтобы право защиты ограничивалось робкими опроверженіями и чтобы адвокатъ не имѣлъ права нападать на то, что ему кажется достойнымъ хулы въ дѣлѣ. Обязанность адвоката при тѣхъ условіяхъ, которыя указалъ генеральный адвокатъ, есть обязанность обманщика и раба.»

«Наше право не таково ли въ 1860 году, каково оно было въ 1833 году? Въ мірѣ страстей и интересовъ политическихъ все перемѣняется, все принимаетъ другой видъ, но въ храмѣ правосудія право остается тоже самое, и я увѣренъ что нынѣшній хранитель великой печати *) не пожелаетъ измѣнить ничего въ своихъ словахъ, какъ это было назадъ тому двадцать пять лѣтъ. Припомните же, господа, что Оливье не сказалъ и сотою части того, что я вамъ приводилъ въ примѣръ.

«Другой примѣръ. Во время реставраціи, въ 1829 году, въ процессѣ Баву, при такомъ министрѣ юстиціи, который не терпѣлъ, чтобы пренебрегали правосудіемъ, вотъ какъ энергически г. Дюпенъ говорилъ генеральному прокурору Бельяру:

«Я не дѣлаю ни малѣйшаго упрека генеральному прокурору за то, что онъ написалъ эту фразу; онъ написалъ ее безъ сомнѣнія отъ глубины сердца и съ увлеченіемъ, которое проявляется въ каждомъ его дѣйствіи; но когда имѣютъ такія мнѣнія и когда пишутъ такія фразы, по крайней мѣрѣ должно быть снисходительнымъ къ другимъ и не обвинять ихъ такъ легко.»

«Нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ 1820 году, въ дѣлѣ, относящемся къ знаменитому публицисту, старому сановнику имперіи, тотъ же адвокатъ, отвѣчая судѣ, обладающему твердостью духа, г. де-Ватименилю, сказалъ:

«Господа, сперва я вамъ замѣчу то, что вѣроятно вы сами замѣтили, что обвиненіе приняло здѣсь, въ устахъ генеральнаго прокурора, характеръ язвительности, въ которомъ я не вижу дурнаго намѣренія, но который тѣмъ не менѣе противорѣчитъ самымъ жалкимъ образомъ съ безпристрастіемъ и хладнокровіемъ, котораго требуетъ обязанность обвинителя.»

«Вслѣдствіе такой защиты, исполненной съ жаромъ, г. Дюпенъ при выходѣ изъ засѣданія, увидѣлъ себя окруженнымъ тѣснившеюся толпою, которая передавала ему свою благодарность и свое удивленіе, тогда какъ Оливье оставилъ засѣданіе суда, приговоренный къ суровому наказанію. А между тѣмъ, г. Бельяръ и г. Ватимениль молчали и не считали себя оскорбленными.

«Я говорилъ объ адвокатѣ, который вносилъ въ свои рѣчи неодолимый жаръ и о которомъ можно кстатн сказать тѣмъ, на которыхъ онъ нападалъ: «я жалѣю о тебѣ, что попался въ его

*) Г. Делангль теперь, какъ извѣстно, министръ юстиціи.

страшныя руки.» Теперь посмотрите какъ въ 1821 году, въ процессѣ П. Л. Курье, адвокатъ, обладающій пріятностью и умѣренностью, говорилъ г. Брое (Broé), который не былъ мягкимъ и слабымъ прокуроромъ :

«.....Здѣсь, признаюсь, я напрасно силился понять систему обвинителя; мнѣ было невозможно постичь, вслѣдствіе какихъ доводовъ, не говорю разумныхъ, но по крайней мѣрѣ сносныхъ, можно было найти въ обвинительныхъ бумагахъ преступленіе оскорбленія противъ общественной нравственности, и обвиненіе даже своею чрезмѣрною несправедливостью пользуется выгодою напасть на противника и найти его въ расплохъ... вмѣсто истины, которую нельзя опровергнуть, стараются возбудить страсти; преступленіе противъ закона, которое нельзя доказать, стараются подмѣнять преступностью мнѣнія.»

«Итакъ вотъ что можно было сказать г. Брое въ такъ называвшееся въ моей молодости, самое дурное время реставраціи. Можно было его обвинять, что онъ возбуждаетъ страсти.

«Вотъ еще примѣръ, случившійся за нѣсколько лѣтъ до насъ. Въ нашемъ сословіи былъ человѣкъ, котораго теперъ нѣтъ, и о которомъ мы всѣ сожалѣемъ, пмя котораго я не могу произнести безъ того, чтобы не пробудить самыхъ дорогихъ воспоминаній адвокатовъ. Пайе (Paillet) никогда не говорилъ неблаго-разумнаго слова; никогда онъ не нарушалъ своего права, слогъ его былъ исполненъ пріятности и энергіи, онъ унесъ его съ собою, не передавъ своей тайны никому изъ насъ. Вотъ его языкъ въ одномъ знаменитомъ процессѣ.

«....Увы, господа, за чѣмъ случилось то, что само правосудіе, важныя и благородныя формы котораго составляютъ нашу безопасность и удивленіе, удалилось нынѣ отъ своихъ постоянныхъ преданій, какъ бы для того, чтобы дать новую пищу предубѣжденію.

«Припомню ли я вамъ это неслыханное вмѣшательство, да-же, наконецъ, эту пробную смѣсь производства двухъ судовъ, одного исправительнаго, другаго уголовнаго, безъ всякой связи, безъ всякаго отношенія другъ къ другу, столь различныхъ по своему содержанію, какъ и по вѣдомству, которое имъ указалъ законъ? Припомню ли я вамъ о преждевременныхъ, нескромныхъ, всегда враждебныхъ для обвиненной свѣдѣніяхъ; о бумагахъ процесса доступныхъ для всякаго, потому предоставленныхъ одна за другою тому пожирающему любопытству, которое онѣ

возбуждали, не будучи въ состояніи удовлетворить его? Наконецъ, что еще хуже, объ этомъ обвинительномъ актѣ въ двойномъ изданіи и въ различныхъ текстахъ, объявленномъ публикѣ гораздо прежде чѣмъ обвиненной, извѣстномъ всѣмъ, кромѣ ея одной, которая имѣла право и интересъ прочесть его.»

«Двойнаго правосудія не существуетъ. Вы не осудите выраженія Оливье, которыя блѣднѣютъ предъ столь энергическимъ языкомъ нашихъ учителей.

«Господа, бываетъ иногда для насъ худое время, какъ напри- мѣръ то, когда мы видимъ наказаннаго собрата; но мы имѣемъ также и хорошее время, а именно, когда одинъ изъ насъ, послѣ долговременнаго честнаго поприща, оставляетъ насъ, возвышается на лѣстницѣ судебной іерархіи, и произносятъ всѣмъ членамъ судебной семьи эти торжественныя слова, которыя вмѣстѣ служатъ для васъ правиломъ, а для насъ утѣшеніемъ въ нашихъ испытаніяхъ. Вотъ какъ выражался генеральный прокуроръ въ рѣчи при вступленіи въ должность:

«.... Что сдѣлаетъ однакоже судья посреди такого хаоса мнѣній? Я не боюсь его слабости. Безъ сомнѣнія, онъ никогда не выдастъ невиннаго по крикамъ толпы, онъ никогда не скажетъ, подобно худому судѣ, о которомъ говоритъ св. писаніе, слагая на другихъ отвѣтственность въ своихъ дѣйствіяхъ: Не повиненъ въ крови сего праведника.

«То, что меня пугаетъ, это жажда правосудія, которая находится въ его душѣ и которая поддерживаетъ его при исполненіи своего долга; это та страсть, основаніе которой такъ благородно, но которая привсемъ томъ дурна потому, что она страсть, потому что она не допускаетъ въ его душѣ спокойствія, въ которомъ онъ нуждается, въ его сужденіи — свободы; наконецъ въ его рѣчахъ умѣренности, безъ которой самое правосудіе похоже на насиліе.

«Въ этой борьбѣ, которая завязывается между судьей и обвиняемымъ, судья никогда не имѣетъ достаточно твердости противъ хитрости, отрицательства, дерзости виновнаго; онъ долженъ быть безпрестанно бдителенъ, его слово невозможно; но также его терпѣніе должно быть готово на все, его умѣренность изумительна. Не должно, чтобы онъ во зло употреблялъ свое слово, свое положеніе облеченное властью, рискуя увеличить тѣмъ смущеніе и неловкость несчастнаго, котораго и безъ того одинъ видъ засѣданія заставляетъ уже робѣть.»

«Да, если Оливье сказалъ, что затрогивать страсти дурно, то онъ только повторилъ то, что прилично было, безъ сомнѣнія, сказать главѣ прокуреріи. То, что можно было принять въ устахъ главы за выговоръ, было здѣсь выраженіемъ свободной защиты; то, что было обязанностью сановника, было правомъ адвоката.

«Я окончилъ трудъ, который себѣ задалъ и теперь дѣло принадлежитъ той гласности, которую вы желали ему доставить; оно принадлежитъ важному суду общественнаго мнѣнія, такъ высоко цѣнимому въ наше время; общественное мнѣніе, по словамъ генеральнаго прокурора Дюпена, не оставляетъ никогда безъ нѣкотораго утѣшенія даже и тѣхъ, которые погибають, когда въ ихъ дѣйствіяхъ можно найти великодушную мысль, которая, если не совсѣмъ ихъ оправдываетъ, по крайней мѣрѣ ихъ немного извиняетъ.

«Это утѣшеніе гласности будетъ ли единственнымъ результатомъ, извлекаемымъ сословіемъ адвокатовъ изъ этихъ преній? Будемъ ли мы оправданы или насъ только извиняетъ? Оправданы вами, прощены общественнымъ мнѣніемъ? Это предстоитъ вамъ, господа, сказать. Я не говорилъ въ пользу суда общественнаго мнѣнія. Я не имѣлъ желанія выходить на форумъ. Какъ адвокатъ, я воззвалъ къ правосудію судилища, единственно къ его холодному и нелицепріятному правосудію.

«Мнѣ извѣстно, что было время, когда громкіе отголоски общественнаго мнѣнія отвѣчали на пламенные и восторженные слова защиты, когда вся Франція, находясь сердцемъ при этихъ преніяхъ, выслушивала съ жадностью малѣйшее слово великаго адвоката, который защищалъ въ этомъ мѣстѣ публициста, поэта или памфлетиста. Я не обманываю себя, эти времена прошли. Я говорю объ этомъ съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія; въ наше время я не вѣрю въ форумъ.

«Но есть нѣчто, что лучше п форума и общественнаго мнѣнія, и это нѣчто — чувство врожденнаго правосудія, которое вы носите въ вашихъ сердцахъ. — Что касается до меня, то я вполне вѣрю въ правосудіе судилища, въ его свѣдѣнія, въ его высокую независимость и когда я говорю предъ нимъ, если я не вѣрю въ форумъ, я также не вѣрю и въ катакомбы *)»

Эта защита, хотя и произнесенная слабымъ голосомъ, производившимъ отъ нездоровья, была постоянно выслушиваема съ

---

*) Вся эта фраза о форумѣ и катакомбахъ — отвѣтъ на слова Дюпена, приведенныя нами въ введеніи къ процессу.

симпатическимъ интересомъ многочисленными слушателями и судьями.

Въ этомъ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ глава адвокатскаго сословія счумѣлъ согласить условія защиты съ уваженіемъ къ судебному сословію, такъ что никто не могъ считать себя обиженнымъ его рѣчью.

Генераль-прокуроръ Шексъ д'Эсть Анжъ рѣшительно осрамился. Дюпенъ (генераль-прокуроръ кассационнаго суда), не смотря на то, что онъ глава прокурерин, явно принялъ сторону адвокатовъ, сторону справедливости. Но Шексъ, который всю жизнь былъ адвокатомъ и только два года тому назадъ какъ сталъ генераль-прокуроромъ, ничего не нашелъ сказать лучшаго, какъ глупо поострить надъ нѣкоторыми мѣстами рѣчи Плока, послѣдовать своимъ положеніемъ и выразить удивленіе, что Оливье не извинился.

Плокъ отвѣчалъ ему гордо и съ горечью. «Не эти слова мы думали услышать отъ васъ, сказалъ онъ въ заключеніи. И я долженъ съ горестью сказать, — что каково бы ни было рѣшеніе суда, мы не забудемъ того, что не услышали отъ васъ слова дружбы.»

Апелляціонный судъ подтвердилъ приговоръ трибунала.

Пишутъ, что Оливье, согласно съ мнѣніемъ совѣта корпораціи адвокатовъ, рѣшился перенести дѣло въ кассационный судъ. Но едва ли онъ будетъ имѣть успѣхъ, не смотря на то, что генераль-прокуроръ этого суда, какъ видно, не одобряетъ приговора. Кассационный судъ не можетъ судить факта, онъ разсматриваетъ только правильность процедуры, правильность приложений и толкованіе закона.

Въ это же время случилось и другое схожее дѣло. Въ городѣ Тарбѣ при открытіи засѣданій ассизнаго суда — президентъ, обратясь къ защитнику обвиняемаго, маститому адвокату и извѣстному республиканцу Алемъ Руссо, сказалъ: «Я не получилъ во дворцѣ суда ни вашего визита, ни визитной карточки. Сдѣлаю ли это по забывчивости, или съ умысломъ, во всякомъ случаѣ это противно долгу адвоката и принятымъ обыкновеніямъ, — не дѣлайте этого впередъ.» Алемъ Руссо отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ это вовсе не по забывчивости, и что и на будущее время онъ не будетъ дѣлать визитовъ президентамъ. Послѣ этихъ словъ, судъ всталъ, объявилъ, что слова Руссо оскорбительны для него по тону, и наложилъ на него выговоръ.

Алемъ Руссо подалъ жалобу въ кассационный судъ. *Три часа*

разсуждалъ верховный судъ, и рѣшилъ, что такъ какъ выговоръ наложенъ не за то, что Руссо не сдѣлалъ визита, а за рѣзкій тонъ отвѣта, то кассировать рѣшенія нельзя, потому что взвѣшивать и обсуживать факты нарушенія уваженія къ суду, принадлежитъ только тому суду, который держитъ ауденцію. Но такое продолжительное разсужденіе показываетъ, что верховный судъ не будетъ смотрѣть равнодушно на стѣсненіе свободы адвокатовъ при отпращиваніи должности.

Замѣтимъ въ заключеніе, что Ваширо преслѣдуетъ злая судьба. 30-го декабря дѣло его не могло вершиться по случаю осужденія его защитника. На слѣдующее засѣданіе Ваширо не явился вовсе и былъ заочно осужденъ на годичное заключеніе въ тюрьмѣ и штрафъ въ тысячу франковъ. Онъ перенесъ дѣло въ апелляціонный судъ. Защитникъ его, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ, Мари, защищавъ его съ величайшимъ жаромъ и силою, рѣчь длилась три часа... и вдругъ ему сдѣлалось дурно. Судъ былъ отложенъ на недѣлю. Наконецъ 2-го марта дѣло Ваширо рѣшено: апелляціонный судъ уменьшилъ срокъ тюремнаго заключенія: вмѣсто года онъ назначилъ три мѣсяца.

Мужевѣйство.

Дѣло это производилось въ уголовномъ судѣ Ронскаго департамента (въ городѣ Лионѣ), подъ предсѣдательствомъ г. Марилла (Marilhat) на засѣданіи 5 марта 1860 года.

Засѣданіе началось въ десять часовъ.

Обвиняемая, женщина Вагуа, приведенная въ судъ, сорока трехъ лѣтъ, жила съ своимъ мужемъ въ Арбреслѣ (Arbresle).

Эта женщина, маленькаго роста, обнаруживаетъ худыя наклонности буйнаго и вспыльчиваго характера, своею физиономіею и своими движеніями. У нея маленькіе глаза, остроконечный и кривой носъ, тонкія губы, блѣдное лицо. Иногда она отвѣчаетъ съ вспыльчивостью, которую не можетъ удержать, на вопросы президента и на замѣчанія свидѣтелей.

Актъ обвиненія противъ нея излагаетъ слѣдующее:

Супруги Вагуа занимались въ Арбреслѣ портняжичествомъ; женатые уже одиннадцать лѣтъ, они постоянно жили въ несогласіи. Мужъ былъ кроткаго характера, но склоненъ къ пьянству. Напротивъ, жена экономная до скупости, буйнаго характера, выводила

безпрестанно мужа изъ терпѣнія своими грубыми оскорбленіями и упреками насчетъ его поведенія; эти оскорбленія часто оканчивались дракою.

Долгое время жена Валуа объясняла свою раздражительность и заносчивость присутствіемъ въ домѣ дѣтей ея мужа отъ первой жены; но когда обиды, доходившія до угрозы смерти, заставили мужа удалить изъ дому дѣтей, спокойствіе все-таки не водворялось въ домѣ. По прежнему Валуа былъ предметомъ брани для своей жены, которая, въ припадкахъ гнѣва, бросала ему въ голову первый попавшійся подъ руки предметъ и постоянно высказывала намѣреніе убить его.

26 декабря 1859 года, въ 10 часовъ вечера, произошла новая ссора между супругами. Валуа объявилъ своей женѣ, что на другой день онъ ей дастъ 100 франковъ и что она должна навсегда оставить его домъ; послѣ чего онъ вышелъ, обѣщая прійти въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Когда онъ воротился, то ссора опять возобновилась, и когда молодой Валуа, дитя десяти лѣтъ, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, прибѣжалъ на крикъ, то обвиняемая сошла съ нимъ въ нижній этажъ дома, гдѣ она затопила печку.

Валуа не замедлилъ къ нимъ присоединиться и приказалъ своей женѣ вернуться на верхъ, но она ему отвѣчала угрозой проколоть ему животъ желѣзнымъ дротикомъ, который она схватила.

Тогда Валуа, схвативъ въ свою очередь попавшуюся ему подъ руки палку, ударилъ ею жену, послѣ чего онъ обернулся, чтобы пойдти на верхъ въ свою комнату. Въ то время когда онъ выходилъ, обвиняемая, находившаяся на другомъ концѣ комнаты, взяла съ верстака большія портняжескія ножницы и бросила имъ въ мужа, который при этомъ даже не обернулся и спокойно поднялся на крутую лѣстницу, ведущую въ первый этажъ, проворчавъ нѣсколько ругательныхъ словъ и продолжая тащить за собою палку, которою онъ колотилъ жену. Что касается до ножницъ, они остались на полу и ни жена Валуа, ни сынъ не думали въ это время, что онъ былъ убитъ ножницами.

Мать и дитя остались въ нижнемъ этажѣ. Валуа улегся на верху; болѣе его не слышали.

Спустя часъ послѣ этой сцены, дитя, уснувшее возлѣ печки, проснувшись, увидѣло, какъ мать вытирала ножницы бумагою, которую она бросила въ огонь, говоря, что ножницы были нечисты.

Мать и сынъ поднялись въ свою очередь въ верхній этажъ, чтобы лечь спать. Въ это время обвиняемая вошла въ комнату мужа, чтобы взять тамъ подушку для дитяти; но только что вошла, какъ возвала дитя, крича: ахъ я несчастная, я убила твоего отца.

Сосѣди, прибѣжавшіе почти тотчасъ, застали жену Валуа, что она терла водою лицо умершаго мужа и старалась унять кровь, текшую изъ раны, нанесенной въ сердце. Потомъ, не будучи въ состояніи долго притворяться, она принялась отыскивать деньги въ комодѣ и даже въ платѣ своей жертвы. Въ то же время она рассказывала, что мужъ билъ ее остроконечною палкою, прибавляя, что тогда она бросила въ него ножницы, но полагала, что не попала въ него, потому что онъ поднялся на лѣстницу, какъ ни въ чемъ не бывало.

Валуа лежалъ на кровати, имѣя на лѣвой сторонѣ груди глубокую рану, произведенную острымъ инструментомъ, который пройдя часть желудка, достигъ сердца. Ножницы портнаго, приложенныя къ этой ранѣ, приходились какъ нельзя лучше своимъ острымъ лезвіемъ.

Все показывало, что смерть была скоростижна.

Трупъ имѣлъ положеніе покоя и черты лица равнымъ образомъ представляли выраженіе самаго глубокаго спокойствія. Вокругъ незамѣтно было никакого безпорядка или признака крови; едва на жилетѣ и фланелевой рубахѣ, которою Валуа былъ покрытъ, замѣтны были легкія кровавыя пятна въ томъ мѣстѣ, гдѣ была рана; наконецъ не было никакого испражненія пищи изъ желудка.

Доктора, призванныя разсмотрѣть всѣ эти обстоятельства, увѣряли, что невозможно, чтобы Валуа получилъ эту рану въ нижнемъ этажѣ, какъ это доказываетъ обвиняемая, и чтобы онъ послѣ этого могъ взойти на лѣстницу и пойдти лечь спать въ верхній этажъ въ томъ состояніи, въ которомъ его тѣло было найдено.

Напротивъ очевидно, что на него напала и его убила въ постели, во время перваго сна, его жена, которая воспользовалась для этого временемъ, когда молодой Валуа спалъ возлѣ печки.

Когда этотъ послѣдній, повторивъ рассказъ матери, говорилъ объ этомъ времени сна, которому онъ не придавалъ никакой важности, она старалась, на очной ставкѣ, которая обнаружила мѣру ея жестокости, заставить его отречься отъ своего показанія.

Дитя энергически настаивало на этомъ также какъ и на другой важной подробности, что отецъ его оборотился къ нимъ спиною въ то время, когда бросили въ него ножницы.

Когда чтеніе обвинительнаго акта было окончено, г. президентъ приступилъ къ допросу обвиненной.

Вопросъ. — Всѣ свидѣтели представляютъ васъ, какъ женщину очень вспыльчивую. — Отвѣтъ. — Меня никогда ни въ чемъ не упрекали, между тѣмъ какъ я служила во многихъ домахъ.

Вопросъ. — Вы вышли замужъ въ Арбреслѣ въ 1852 году. — Отвѣтъ. — Да, къ моему несчастію.

Вопросъ. — Вы вышли замужъ за Валуа, имѣвшаго дѣтей отъ первой жены? Вы хотѣли управиться сами съ Клавдіемъ Валуа, старшимъ изъ дѣтей? — Отвѣтъ. — Нельзя было болѣе жить въ домѣ. Они оба готовы были меня поколотить. (Вспыльчиво). Когда находишься въ несчастіи, всѣ нападаютъ на тебя, а между тѣмъ я дѣлала добро, я утѣшала несчастныхъ. Нужно было, чтобы или сынъ моего мужа, или я оставили домъ, потому что съ нимъ были постоянныя ссоры. Къ тому же я его боялась; онъ мнѣ говорилъ, что танцевалъ на животѣ Бедуина.

Президентъ. — Въ этихъ словахъ не было ничего такого, чтобы могло васъ пугать. Если происшествіе, о которомъ рассказываетъ Клавдій Валуа, было въ Африкѣ, когда онъ сражался противъ непріятеля, то онъ объясняется самымъ простымъ образомъ. Но вы не ограничились тѣмъ, что угрожали убить его, если онъ не оставитъ домъ отца, вы начали ругать его и сами съ нимъ драться.

Женщина Валуа ничего не отвѣчаетъ.

Вопросъ. — Вы также худо обходились съ вашимъ мужемъ? Однажды вы бросили чугунный утюгъ въ него. — Отвѣтъ. — Мой мужъ былъ добръ, по обыквенію, но пьяный онъ былъ зогъ, колотилъ меня и хотѣлъ задушить.

Вопросъ. — Какъ согласить эти два ваши отзыва: мужъ вашъ былъ добръ и при всемъ томъ онъ желалъ всегда васъ задушить? — Отвѣтъ. — Оттого, что вино дѣлало его злымъ. Да, онъ колотилъ меня, и если утверждаютъ противное, такъ это потому, что теперь всѣ протпвъ меня; я вспыльчива, но я хорошо работала.

Вопросъ. — Если мужъ вашъ иногда отправлялся въ трактиръ, то это потому, что вы дѣлали ему домашнюю жизнь не-

выносившоу. Вы дѣлали ему непріятныя сцены. Не имѣли ли вы частыхъ споровъ? — Отвѣтъ. — Увы, очень много!

Президентъ. — Вы объясняете смерть вашего мужа тѣмъ, что въ припадкѣ гнѣва, вы бросили въ него большія портяжескія ножницы и что остріе попало ему въ сердце.

Вы прибавили, что мужъ вашъ, получивши ударъ, былъ въ состояніи взойти на лѣстницу верхняго этажа и лечь въ постель, на которой вы нашли его мертвымъ? — Отвѣтъ. — Все это суцая правда.

Вопросъ. — Однакоже, вслѣдствіе отзыва докторовъ, невозможно, чтобы рана была сдѣлана при тѣхъ условіяхъ, на которыя вы указываете?

Обвиняемая. — Если бы эти доктора стали предо мною, я бы постаралась показать, что это возможно.

Президентъ. — Какъ вы можете быть увѣрены въ нанесеннои вами ударѣ, когда вы нанесли его въ припадкѣ гнѣва? На какомъ разстояніи вы бросили ножницами? — На разстояніи почти четырехъ аршинъ.

Президентъ. — Итакъ, принимая во вниманіе силу удара, невозможно, чтобъ вашъ мужъ могъ дойти до постели и невозможно, чтобы вы сохранили такъ вѣрно воспоминаніе объ происшествіи, если оно произошло такъ, какъ вы показываете? — Отвѣтъ. — При всемъ томъ это суцая правда.

Вопросъ. — Мастерская вашего мужа находилась въ нижнемъ этажѣ, а ваша комната въ верхнемъ. Комната, въ которой вы спали, примыкала къ дѣтской? Вы имѣли дѣтя отъ вашего мужа десяти лѣтъ; расскажите намъ, произошла ли между вами и мужемъ вашимъ ссора и за что? — Отвѣтъ. — Въ первый разъ мы поссорились по причинѣ, которую я здѣсь не могу сказать; тогда мой мужъ ушелъ.

Вопросъ. — Онъ ушелъ въ кофейню, гдѣ онъ сказалъ: Моя жена такъ меня разсердила, что я принужденъ былъ отъ нея скрыться. — Отвѣтъ. — Онъ не хотѣлъ объяснить истинную причину ссоры. Когда онъ возвратился домой черезъ часъ или полтора часа, мы вторично поссорились; онъ скрежеталъ зубами, онъ мнѣ угрожалъ разными способами. Тогда я вынуждена была взять его за волосы и удержать его въ постели, на которой онъ находился; потомъ я убѣжала въ боковую комнату, куда мой мужъ хотѣлъ слѣдовать за мною, угрожая выбросить меня за окно. Я ему не дала отворить дверь; я держала ее рукою, и скорѣе согласилась бы дозволить сломать руку, чѣмъ от-

нять ее отъ двери. Когда онъ пересталъ меня преслѣдовать, я сошла въ мастерскую, чтобы согрѣться; туда пришло и дитя. Мой мужъ къ намъ вернулся; онъ сказалъ мнѣ, чтобы я пошла наверхъ. Я не соглашалась, и такъ какъ онъ началъ опять грозить мнѣ, я взяла желѣзный дротикъ, говоря ему, что буду защищаться; потомъ я оставила дротикъ и бросила въ него ножницы, находившіяся на верстакѣ. Мой мужъ проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ подниматься на лѣстницу. Спустя часъ послѣ этого мнѣ понадобилась подушка; я пошла за нею въ комнату и нашла моего мужа мертвымъ, (обвиняемая начинаетъ плакать). Ахъ! Боже мой! сказала я малюткѣ, твой папа умеръ! Дитя побѣжало за сосѣдами.

Президентъ. — По вашимъ словамъ, мужъ вашъ, получивши ударъ, могъ еще дойти до комнаты: вы послушаете докторовъ, которые скажутъ вамъ, что это невозможно. Кромѣ того, есть еще одно важное обстоятельство. Ваше дитя было съ вами; оно видѣло, какъ вы бросили ножницами, и оно показало, что вы не ранили его отца. Оно сказало, что мужъ вашъ обернулся къ вамъ спиною въ это время?

Обвиняемая. — Я бы отдала весь городъ Лионъ, чтобы это случилось такъ. Если бы мой мужъ обернулся ко мнѣ спиною, я бы ранила его въ спину.

Президентъ. — Вы ранили его въ грудь и это случилось послѣ вашей ссоры; когда дитя уснуло, то вы пошли въ комнату вашего мужа и убили его во время сна. Вы на это имѣли времени около часу или полутора часа; потому что столько времени прошло отъ того времени, когда мужъ вашъ удалился въ свою комнату, до того когда дитя проснулось. Вы, впрочемъ, такъ хорошо поняли, что должны скрывать всѣ обстоятельства, могущія открыть ваше преступленіе, что вы обличили ваше дитя во лжи, когда его допрашивалъ слѣдственный судья и когда онъ признался, что уснулъ? — Отвѣтъ. — Но если дитя говорило правду, то нужно было бы его сюда привести.

Вопросъ. — Если его сюда не потребовали, то это потому, чтобы избѣжать неприятнаго зрѣлища, какъ сынъ помогаетъ обвинить свою мать.

Обвиняемая. — Допустимъ, что дитя могло спать; но мужъ мой былъ раненъ ножницами, какъ я вамъ сказала, въ минуту гнѣва.

По окончаніи допроса, засѣданіе прекращается на полчаса.

Когда опять началось засѣданіе, судъ выслушиваетъ свидѣтелей.

Горацій Тавернье докторъ. — Я былъ призванъ освидѣтельствовать рану, нанесенную на лѣвой сторонѣ трупѣ Валуа. Отверстіе раны было шириною около шести сантиметровъ, а лезвее, произведшее эту рану, не шире трехъ сантиметровъ. Лезвие проникло глубоко въ тѣло, оно достигло до сердца, и смерть должна была быть скоростпжнная. Къ этому заключенію насъ повели два наблюденія: первое, то что не было внѣшняго кровотеченія; ибо, если бы жертва жила только одну минуту, рана дала бы много крови. Второе, что не было никакого испражненія пиши; желудокъ былъ наполненъ пищеварительною массою, и никакая частичка не перешла въ животъ или чрезъ ротъ, — а этого не могло быть, еслибы жертва прожила хотя одну минуту. Наконецъ наше мнѣніе подтверждается видомъ раны. Еслибы Валуа не былъ раненъ во время сна и еслибы онъ былъ убитъ такъ, какъ это показываетъ обвиненная, отверстія раны были бы такой же ширпы, какъ и лезвее ножищъ. Необходимо было усиліе руки, которая поражала, чтобы вынуть оружіе и остріе лезвее, вслѣдствіе этого условія, дѣйствовало, разрывая тѣло.

Г. Тавернье оканчиваетъ свое показаніе, объясняя какъ происшествіе могло и должно было случиться и заключаетъ, что жена Валуа поразила своего мужа въ постели и, что жертва должна была умереть въ томъ положеніи, въ которомъ трупъ былъ найденъ.

Второй свидѣтель, г. Сенклеръ, докторъ въ Арбреслѣ, дѣлаетъ подобное же показаніе.

Показаніе третьяго свидѣтеля не представляетъ большой разницы.

Иванъ Делоршъ, работникъ. — Этотъ свидѣтель былъ сосѣдомъ Валуа. Г. Валуа былъ превосходный человекъ, которому жена дѣлала жизнь несносною. Ночью, когда совершенно было преступленіе, дитя Валуа пришло объявить ему, что отецъ его умеръ. Тогда онъ пошелъ къ Валуа, гдѣ нашелъ обвиняемую, которая сказала ему, что убила мужа, бросивъ въ него ножищами; но дитя, слушавшее слова матери, сказало ей: «Ты хорошо знаешь, мамаша, что ты въ него не понала.»

Обвиняемая кажется смущенною отъ этого показанія, она утверждаетъ, что не слыхала ничего подобнаго. Но свидѣтель поддерживаетъ свое показаніе энергически.

Стефанъ Роше. Онъ также ходилъ въ домъ Валуа послѣ совершеннаго преступленія, и видѣлъ обвиняемую роющуюся въ ящикахъ, чтобы отыскать деньги.

Президентъ обвиняемой. — Вы хорошо видите, что ваше поведеніе не похоже на поведеніе женщины, которую постигло несчастіе. Зачѣмъ искали вы денегъ?

Обвиняемая. — Я желала поддержать существованіе моего дитяти. Нужно же было подумать о будущемъ.

Свидѣтель. — Я забылъ сказать въ моемъ первомъ показаніи, что жена Валуа предложила мнѣ, въ эту минуту, выпить вина.

Обвиняемая вспылчиво. — Я! я вамъ предлагала.... Старая скотина!.... А! вы забыли это.... Скажите лучше, что вы выдумываете!....

Президентъ напоминаетъ обвиняемой объ уваженіи къ свидѣтелямъ.

Другія свидѣтельства не сообщаютъ ничего новаго.

Первый генеральный адвокатъ поддерживаетъ обвиненіе.

Адвокатъ Депре представляетъ защиту.

Потомъ президентъ дѣлаетъ краткое изложеніе пренія и представляетъ присяжнымъ вопросы, на которые они отвѣчаютъ утвердительно, но съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Жена Валуа, по этому приговору, была присуждена на вѣчную каторжную работу.

Уголовный судъ ронскаго департамента (городъ Ліонъ), подъ предсѣдательствомъ Мариза, на засѣданіи 3-го марта 1860 года.

Убийство ударами заступа и покушеніе на подобное же преступленіе.

Дѣло это привело большое стеченіе народа, рѣшеніе произвело много толковъ. Причина понятна: обвиненіе было страшное, а между тѣмъ не было ни одного положительнаго осязательнаго доказательства. Обвиняемый, по имени Монтель Бетуанъ, молодой человекъ благовидной фізіономіи, не носящей на себѣ никакого клейма преступленія. У него черные усы и такого же цвѣта бородка, онъ средняго роста и его нарядъ скорѣе похожъ на одежду городскаго работника, чѣмъ земледѣльца. Къ

этому онъ имѣеть самый безпечный видъ, такъ что обвиненіе, подвергающее его большой опасности, кажется, его совѣмъ не беспокоитъ.

Обвинительный актъ былъ слѣдующій:

Жанъ Монтель былъ уже три раза подъ судомъ за воровство. Живя съ давняго времени безъ постоянного жилища и опредѣленнаго занятія, выдавая себя то разнощикомъ, то поденщикомъ, онъ, для того, чтобы скрыть свое имя и прежніе случаи, поддѣлалъ свои бумаги, поставивъ въ нихъ вмѣсто своей собственной фамиліи, фамилію Муале или Малле.

Подъ этимъ-то послѣднимъ названіемъ онъ служилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1859 года работникомъ при виноградникахъ у разныхъ обитателей общины Морансе (ронскаго департамента) и между прочимъ у супруговъ Пуае (Pouet).

Втеченіе ноября мѣсяца Монтель явился подъ тѣмъ же именемъ къ Антонію Рюстану, земледѣльцу въ той же общинѣ, землекопомъ. Рюстанъ, пятидесяти двухъ лѣтъ, женатый, безъ дѣтей, жилъ съ своею женою, которая была еще старше его, въ уединенномъ домикѣ въ сосѣдствѣ съ супругами Пуае (Pouet). Монтель, получившій у него мѣсто и квартиру, былъ употребленъ для копанія винограда, находящагося въ мѣстечкѣ Кре, около километра отъ жилища Рюстана. Такъ какъ эта работа должна была скоро кончиться, то Рюстанъ предупредилъ своего работника, что онъ скоро его отъ себя отпуститъ.

30-го ноября, около семи часовъ утра, Монтель и Рюстанъ, позавтракавъ вмѣстѣ, отправилась на виноградникъ въ Кре, запасшись всѣми необходимыми для работы инструментами. Монтель моложе и сильнѣе своего хозяина, несъ крѣпкій и тяжелый заостренный заступъ, который онъ употреблялъ для окончанія копанія рва, который начиналъ всегда копать Рюстанъ.

Около получаса послѣ ихъ ухода, жена Рюстана, которая въ это время была въ кровати, услышала, что отворили ворота, которыя мужъ ее всегда запиралъ на ключъ, отправляясь на работу. Человѣкъ, пройдя быстро кухню, проникъ въ ея комнату, гдѣ было совершенно темно, приблизился къ ея кровати и, запинаясь спросилъ ее, нѣтъ ли у нея молотка, употребляемаго каменщиками. Жена Рюстана узнала голосъ Монтеля и почувствовала, что онъ одной рукой искалъ на кровати мѣсто, гдѣ она лежала. Въ ту же минуту она увидѣла, какъ другою рукою онъ взмахнулъ заступомъ, служившимъ ему постояннымъ ин-

струментомъ въ его работѣ. Монтель сдѣлалъ имъ сильный ударъ въ то мѣсто, гдѣ по его мнѣнію должна была находиться голова; но такъ какъ въ комнатѣ было темно, то онъ попалъ только въ конецъ праваго колѣна. Жена Рюстана, вскочивъ съ кровати, убѣжала боспомъ и просила помощи у супруговъ Поё (Poey), ея сосѣдей. Вскорѣ прибѣжали на ея зовъ; но уже Монтель убѣжалъ, бросивъ на лѣстницѣ заступъ, которымъ былъ вооруженъ. Въ это время сосѣдка ея, Марія Пенъ, услышавъ крики жены Рюстана и взглянувъ на домъ послѣдней, замѣтила человѣка быстро удалявшагося черезъ поля и перескочившаго стѣну около аршина вышиною, находившуюся на его дорогѣ. Немного далѣе молодой Вареоломей Персонъ, сынъ жителя Морансе, того же самаго человѣка замѣтилъ бѣгущимъ черезъ виноградники и былъ формально признанъ имъ за обвиненнаго Монтеля. Сильно безпокоясь объ участи своего мужа, жена Рюстана тотчасъ же послала его отыскивать. Его инструменты были найдены въ лѣскѣ, прилегающемъ къ винограднику Кре: нѣсколько минутъ позже въ той же самой ямѣ, которую онъ выкопалъ вмѣстѣ съ своимъ работникомъ подъ землею, только что взрытою, нашли его бездыханное тѣло распростертымъ лицомъ къ землѣ, пмѣвшимъ сзади на головѣ широкую и глубокую рану, причиненную острымъ и тяжелымъ инструментомъ. Ударъ былъ нанесенъ такъ сильно, что задняя часть черепа была совершенно разбита, перепонки и мозговая матерія разорваны и не на мѣстѣ. Смерть должна была быть скоростпжна. Нѣсколько кровавыхъ пятенъ было найдено на заступѣ, оставленномъ Монтелемъ въ домѣ Рюстана. Не было никакаго сомнѣнія; та же рука, тотъ же инструментъ нападавшіе на жену Рюстана, убили ея мужа.

Послѣдній былъ убитъ сзади, впезанно, во время работы; убійца, спрятавъ его въ той же самой ямѣ, которую старикъ выкопалъ, скрывъ инструменты его въ сосѣднемъ лѣсу, овладѣлъ ключемъ отъ воротъ его дома и успѣшилъ туда вернуться; будучи увѣренъ, что тамъ найдетъ престарѣлую женщину безъ всякой защиты, онъ не колеблясь направился къ кровати, гдѣ онъ зналъ, что она еще лежитъ и, ударивъ ее инструментомъ, который былъ у него въ рукахъ, онъ убѣжалъ при крикѣ своей жертвы, случайно спасшейся отъ него. Его-то замѣтили Марія Пенъ и Вареоломей Персонъ, перескакивающаго ограды и пробѣгающаго сосѣднія мѣста и виноградники Рюстана.

Побудительною причиною къ этому двойному преступленію было третье. Монтель зная, что Рюстаны должны вскорѣ получить около двухсотъ пятидесяти франковъ за три бочки вина, проданныя при немъ, съ жителя Морансе по имени Гюильона (Guillon). Отпущенный уже своими господами, которые знали его подъ именемъ Малье, принужденный отказаться послѣ недавнихъ и тщетныхъ поисковъ, отъ надежды отыскать какое-нибудь мѣсто въ окрестностяхъ, обвиненный думалъ тройнымъ преступленіемъ приобрѣсти себѣ разомъ совершенную безнаказанность и достаточныя средства, чтобы оставить страну, въ которой его истинное имя и прежніе случаи были невѣстны.

Провидѣніе не допустило, чтобы его преступныя намѣренія осуществились. Спустя три дня послѣ убійства Рюстана, Монтель былъ схваченъ жандармами въ общинѣ Тенась, куда онъ скрылся.

Его внезапное бѣгство, оставшійся въ домѣ Рюстана окровавленный инструментъ, которымъ онъ совершилъ преступленіе, точныя и подробныя показанія жены Рюстана и молодого Персона, дѣлали всякое оправданіе невозможнымъ. Напрасно Монтель говорилъ, что утромъ 30-го ноября онъ не сопровождалъ своего хозяина на работу; что оставивъ въ этотъ день домъ Рюстана съ тѣмъ, чтобы туда не возвращаться, онъ пошелъ въ сторону Марси-Лашассанъ (Marsy-Lachassagne), проходя мимо дома одного жителя Морансе по имени Корню (Cognu), у котораго онъ просилъ работы. Показаніе это было совершенно опровергнуто свидѣтелемъ Корню, котораго жилище притомъ было очень далеко отъ того мѣста, по которому долженъ былъ идти Монтель, чтобы достигнуть Марси, и отъ того направленія, по которому онъ бѣжалъ, немного спустя, послѣ совершенія преступленія, какъ замѣтилъ это свидѣтель Персонъ.

Прежде всего Монтель не долженъ былъ оставлять дома Рюстана 30-го ноября, какъ онъ утверждаетъ: свидѣтель, наканунѣ бывшій съ нимъ вечеромъ у супруговъ Рюстанъ, слышалъ, какъ онъ объявилъ, напротивъ, намѣреніе отправиться на другой день рано на работу.

Тотъ же свидѣтель подтвердилъ, что въ этотъ вечеръ обвиненный казался озабоченнымъ. Когда жена Рюстанъ прочтала предъ нимъ рассказъ объ убійствѣ, виновникъ котораго былъ обвиненъ по собственному своему признанію, не смотря на отсутствіе свидѣтелей и вслѣдствіе открытія тѣла его жертвы,

которое онъ закопалъ въ землю, Монтель вскричалъ, что нельзя приговорить человѣка къ смерти по его признанію, что для этого должны быть свидѣтели.

Тѣже самыя мысли имѣлъ обвиненный и послѣ того, какъ былъ схваченъ. На вопросъ одного изъ бывшихъ съ нимъ арестантовъ объ убійствѣ Рюстана, онъ ему отвѣчалъ: Когда бы я даже и убилъ его, то меня не могутъ въ этомъ обвинить потому, что во время преступленія не было свидѣтелей.

Только такая дерзость и невѣжественная увѣренность въ безнаказанности можетъ объяснить упорныя отрицанія Монтеля не смотря на обличающія показанія противъ него.

Допросъ обвиненнаго.

Вопросъ. — Вы находились уже три раза подъ судомъ за воровство.

Отвѣтъ. — Это правда.

Въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, вы получили мѣсто у Рюстана, который давалъ вамъ квартиру, кормилъ васъ и платилъ въ день тридцать су. — Отвѣтъ. — Да, сударь.

Вопросъ. — Разсчитывали ли вы долго оставаться у Рюстана. — Отвѣтъ. — Этого я не могъ знать потому, что мнѣ платили по-дневно.

Вопросъ. — Не присутствовали ли вы, нѣсколько дней предъ преступленіемъ на торгѣ, который былъ произведенъ между Гюльиономъ и Рюстаномъ, по которому послѣдній обязывался отдать Гюльиону три бочки вина по цѣнѣ восемьдесятъ два франка за каждую, которая должна была быть уплачена наличными деньгами.

Отвѣтъ. — Я не понялъ за сколько договорились; если Гюльионъ и сказалъ это, я не слышалъ.

Вопросъ. — Гюльионъ утверждаетъ, что его разговоръ съ Рюстаномъ былъ при васъ. Итакъ вы знали, что 25-го ноября Рюстанъ долженъ получить деньги за продажу вина. Вы должны были оставить его домъ нѣсколько дней спустя, кажется 1-го декабря?

Отвѣтъ. — Я долженъ былъ отойти отъ мѣста 28-го ноября, такъ какъ въ этотъ день я получилъ расчетъ.

Вопросъ. — Это не важно, тутъ всего разница въ двухъ дняхъ. 29-го вечеромъ, вы слышали разсказъ объ убійствѣ. Человѣкъ былъ зарытъ возлѣ дерева, преступленіе было совер-

шено безъ свидѣтелей, но собака этой жертвы была виновницею открытія этого преступленія! Тогда вы сказали, что нельзя приговорить виновнаго къ смерти, потому, что во время преступленія не было свидѣтелей?

Отвѣтъ. — Я этого не зналъ.

Вопросъ. — Въ тотъ же самый вечеръ, г. Мишале (Michalet) пришелъ къ Рюстану и вы сказали ему, что на другой день вы выкопаете восемь ямъ для виноградника въ Кре, на что Рюстанъ, прервавъ васъ, отвѣтилъ: О! довольно съ насъ будетъ и семи ямъ?

Отвѣтъ. — Это совершенно несправедливо.

Вопросъ. — Ваша система отрицанія негѣпа при формальныхъ показаніяхъ свидѣтелей, которыхъ мы услышимъ. Вы вышли 30-го ноября очень рано? — Отвѣтъ. — Я не могу опредѣлить точно времени потому, что не имѣю часовъ.

Вопросъ. — Завтракали ли вы съ Рюстаномъ предъ вашимиъ уходомъ? — Отвѣтъ. — Нѣтъ.

Вопросъ. — Однако жена Рюстана, занимавшая комнату, прилегающую къ кухнѣ, гдѣ вы завтракали, говоритъ, что она очень хорошо слышала и узнала вашъ голосъ. Вы разговаривали вмѣстѣ съ ея мужемъ? — Отвѣтъ. — Это вѣрно она ошиблась.

Вопросъ. — Она еще сказала, что вы отправились на виноградникъ въ Кре съ Рюстаномъ?

Отвѣтъ. — Это ложно.

Президентъ приказываетъ показать обвиненному заступъ, находящійся на столѣ между вещами обличительными, и спрашиваетъ у него не признаетъ ли онъ его за свой инструментъ. Монтель отвѣчаетъ, что онъ не работалъ заступомъ.

Вопросъ. — Однакоже, жена Рюстана объявила намъ, что копая яму, вы работали сзади ея мужа и что вы оканчивали всегда начатую имъ работу. А потому, эта работа не можетъ быть произведена лопаткою, для нея нуженъ крѣпкій и заостренный заступъ, такой, какой находится предъ нами? — Отвѣтъ. — Все это ложно.

Вопросъ. — Уходя изъ дому съ Рюстаномъ, вы въ немъ оставили жену Рюстана и дитя трехъ съ половиною лѣтъ, которое изъ милости приняли къ себѣ супруги Рюстанъ. Всегда, когда такимъ образомъ Рюстанъ уходилъ рано со двора, онъ затворялъ за собою калитку, которою онъ выходилъ, и онъ даже запералъ ее на ключъ для большей безопасности. Итакъ,

30-го ноября Рюстанъ отворилъ и затворилъ по обыкновенію эту калитку. Жена его явственно слышала шумъ ключа, скрипѣвшаго въ замкѣ. Спустя четверть часа вошелъ во дворъ человекъ, отворилъ калитку ключемъ, который онъ могъ взять только у Рюстана? — Отвѣтъ. — Это неправда, я не ходилъ въ домъ.

Вопросъ. — Жена Рюстана однакоже васъ узнала, когда вы подошли къ ея кровати и спросили у нея: Гдѣ я могу найти молотокъ, употребляемый каменщиками? — Отвѣтъ. — Эта женщина ошиблась.

Вопросъ. — Она видѣла васъ, не смотря на то, что въ комнатѣ было темно; вы ощупывали ея кровать, чтобы узнать мѣсто, которое занимало ся тѣло и вѣрнѣе направить вашъ ударъ?

Обвиненный (улыбаясь) — Ахъ! сударь, она ошиблась!

Президентъ. — Вы уклончивы въ своихъ отвѣтахъ, но свидѣтели единодушно подтверждаютъ то, отъ чего вы отпираетесь. Жена Рюстана, чувствуя себя пораженною ударомъ заступа, встала съ постели испуганная, просила помощи и скрылась въ сосѣднемъ домѣ.

Обвиненный. — Все это ложно.

Вопросъ. — Предположимъ, что жена Рюстана, показывая на васъ, ошибается. Но тогда почему другой свидѣтель видѣлъ васъ въ то время, когда жена Рюстана призывала себѣ на помощь, бѣгуцимъ задыхаясь по направленію къ Марси? — Отвѣтъ. — Я проходилъ поля. Онъ могъ меня видѣть, но я не бѣжалъ.

Вопросъ. — Вы оставили вашъ заступъ на ступеняхъ лѣстницы дома Рюстана. Еще разъ отказываетесь ли вы признать этотъ инструментъ? — Отвѣтъ. — Да, сударь, я не былъ приченъ къ тяжелымъ работамъ земледѣлія, а потому я и употреблялъ болѣе всего заступъ въ своихъ работахъ.

Вопросъ. — На этомъ заступѣ два пятна крови; это тотъ заступъ, который былъ употребленъ для убійства несчастнаго Рюстана; это тотъ самый, съ которымъ вы отправились утромъ на работу? — Отвѣтъ. — О! что касается до этого, нѣтъ.

Вопросъ. — Гдѣ же вы были, такъ какъ вы утверждаете что всѣ свидѣтели, видѣвшіе васъ у Рюстана или въ окрестностяхъ, згуть? — Отвѣтъ. — Я былъ въ полѣ, по дорогѣ въ Марси.

Вопросъ. — Проходили ли вы предъ домомъ Корню? — Отвѣтъ. — Да, сударь.

Вопросъ. — Однако чрезъ это мѣсто не проходитъ дорога въ Марсь? — Отвѣтъ. — Другой, болѣе прямой дороги, я не знаю.

Вопросъ. — Вы были арестованы 3-го декабря и заключены въ темницу Божэ (Beaujeu)? Вы были вмѣстѣ съ другимъ арестантомъ, съ которымъ вы разговаривали. Что вы ему говорили? — Отвѣтъ. — Онъ спросилъ меня отчего я не скрылся, а я отвѣчалъ: Я не имѣю нужды скрываться; я не совершилъ никакого преступленія; я не нахожусь въ опасности.

Вопросъ. — Это неправда. Арестантъ Рошъ, схваченный за грабежъ, говорилъ съ вами и вы, рассказавъ ему преступленіе, которое вамъ приписываютъ, прибавили: Когда бы даже я убилъ Рюстана, меня въ томъ не могутъ обвинить, потому что во время преступленія не было свидѣтелей? — Отвѣтъ. — Я этого не говорилъ.

Президентъ. — Будьте осторожны въ своихъ словахъ. Рошъ сдѣлаетъ свое показаніе формально; ему нѣтъ никакой выгоды врать; тогда какъ, что касается до васъ, странное заблужденіе, въ которомъ вы находитесь относительно безсилія правосудія когда доступки и обвиненіе не успены свидѣтелями-очевидцами, заблужденіе ваше только и объясняетъ то упорство, которое вы показываете, отрицая очевидность. — Отвѣтъ. — Я ничего не знаю; все это несправедливо.

Президентъ. — Садитесь (экзекутору). Введите перваго свидѣтеля.

Этотъ свидѣтель есть г. Оливе, докторъ, который даетъ отчетъ о состояніи раны, причинившей смерть г. Рюстана и объясняетъ какъ былъ нанесенъ ударъ заступомъ.

Инструментъ имѣетъ съ одной стороны конецъ довольно острый, оканчиваясь съ другой, лезвеемъ. Убийца ударилъ не направляя ни одной пзъ двухъ оконечностей заступа противъ головы Рюстана, но ударяя среднею частью желѣза, гдѣ прилагивается рукоятка. А потому онъ дѣйствовалъ этимъ заступомъ такъ какъ палицею, которая разможила черепъ.

Вторымъ выслушаннымъ свидѣтелемъ была вдова Рюстанъ. Это женщина шестидесяти двухъ лѣтъ, слабая, больная, которая приближается не твердымъ шагомъ къ эстрадѣ уголовного суда и отвѣчаетъ слабымъ голосомъ на вопросы президента, но съ точностью и даже съ замѣчательно приличными выраженіями.

Президентъ, свидѣтелю. — Клянетесь ли, что будете говорить сущую правду? Это не пустая форма, съ которою я къ

вамъ обращаюсь; заклинаю васъ собраться съ мыслями предъ Богомъ и присягнуть — не говорить ничего, ни болѣе ни менѣе, кромѣ истины?

Свидѣтель. — Клянусь.

Президентъ. — Разскажите намъ то, что вы знаете.

Свидѣтель. — Первый разъ я увидѣла обвиненнаго во время собравія винограда. 14-го ноября онъ пришелъ къ намъ въ домъ во второй разъ. Мы уѣзжали на ярмарку въ Вилле; мы отъѣхали нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ дитя, бывшее со мною, сказало мнѣ...

Президентъ. — Оставимъ бесполезныя подробности и будемъ заниматься только дѣломъ, которое теперь обсуживается. Онъ поступилъ къ вамъ на службу 14-го; вы заняли его работою съ этого дня.

Свидѣтель. — Да, сударь, онъ копалъ ямы въ Кре. На второй недѣлѣ его пребыванія у насъ, Гюльбонъ купилъ у насъ три бочки вина, по восьмидесяти два франка за каждую. Онъ взялъ ихъ 25-го ноября.

Вопросъ. — Заплатилъ ли онъ вамъ за вина наличными деньгами? — Отвѣтъ. — Да, сударь.

Вопросъ. — Итакъ обвиненный зналъ, что у васъ находились деньги? — Отвѣтъ. — Да, сударь, потому что Жанъ (обвиненный) находился при покупкѣ, которая произошла въ Кре.

Вопросъ. — 29-го вечеромъ Мишале приходилъ къ вамъ? — Отвѣтъ. — Да, сударь, онъ ужиналъ съ нами, послѣ ужина мы играли въ карты, я даже припоминаю те, что во время игры Жанъ былъ очень разсѣянъ, до того, что мужъ мой, который не имѣлъ привычки такъ выражаться, сказалъ ему: «Жанъ, играйте какъ слѣдуетъ или я... карты въ огонь. Прошу извиненія, что не могу сказать этихъ словъ.

Президентъ. — Продолжайте.

Свидѣтель. — Въ десять часовъ, мужъ мой отправился принести вина; я же взяла газету и прочла громко исторію г. Мондидье въ Парижѣ, который былъ зарытъ у дуба, въ лѣсу Бонди и ярушъ котораго былъ отысканъ собакою. Тогда я сказала Жану: Вы видите Жанъ, Богъ не оставляетъ никогда преступленія безъ наказанія. Жанъ отвѣчалъ, что нельзя обвинять чловѣка безъ свидѣтелей.

Вопросъ. — Знаете ли вы что было по уходѣ Мишале? —

Отвѣтъ. — Я слышала какъ Монтель сказалъ во дворѣ: Ну,

дѣти пора спать, потому что завтра мы должны рано встать, чтобы много поработать.

Вопросъ. — Расскажите намъ то, что вы видѣли на другой день? — Отвѣтъ. — Изъ моей комнаты слышно, что происходитъ въ кухнѣ. 30-го числа я была разбужена въ семь или въ четверть восьмага часа дитятею, которое шевелилось въ колыбели. Въ половинѣ восьмага Жанъ и мужъ мой завтракали, мужъ мой самъ приготовилъ супъ, какъ это и всегда дѣлалъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ ихъ ухода на виноградникъ, такъ какъ я опять заснула, я снова была разбужена шумомъ, который произошелъ оттого, что отворили калитку. Вѣроятно дождь идетъ, сказала я себѣ, что они возвратились съ поля. Однакоже одинъ человекъ всходилъ на лѣстницу, это былъ Жанъ: онъ входитъ въ мою комнату; онъ не могъ видѣть меня по причинѣ тениоты; но я его очень хорошо узнала и сказала ему: Жанъ, что вамъ нужно?

Президентъ. Вы его съ перваго разу узнали? Свидѣтель. О! сударь въ томъ я не могла ошибиться потому, что было немного свѣту, я могла различить предметы. Жанъ ничего не отвѣчалъ мнѣ, но онъ быстро приближался къ моей кровати, зашелъ за нее и, шупая руками, спросилъ: не имѣете ли вы молотка, употребляемаго каменщиками. Я еще не успѣла отвѣтить ему и перваго слова, какъ увидѣла, при отраженіи солнечныхъ лучей на бѣлой стѣнѣ, какъ онъ поднялъ свой заступъ на меня и ударилъ меня въ колѣно... При этомъ вдова Рюстанъ показала какимъ образомъ она получила ударъ заступомъ и обвиненный ударилъ ее также среднею частью заступа, какъ онъ это сдѣлалъ и мужу, по показанію доктора Олливе. Это обстоятельство производитъ большое впечатлѣніе на слушателей.

Свидѣтель продолжаетъ свое показаніе, рассказывая всѣ мельчайшія подробности обстоятельствъ, слѣдовавшихъ за покушеніемъ, бѣгство ея къ сосѣдямъ и открытіе трупа. Когда показаніе ея кончилось, она такъ слабѣетъ, что принуждена сѣсть. Президентъ позволяетъ ей удалиться; она возвращается на свою скамью, плача и рыдая.

Другіе свидѣтели не показываютъ ничего новаго; но всѣ они подтверждаютъ съ невѣроятною точностью, обстоятельства, сбранные въ обвинительномъ актѣ.

Одинъ изъ послѣднихъ свидѣтелей былъ молодой Персонъ, дѣтя восьми лѣтъ. Президентъ замѣчаетъ ему, что хотя онъ и

не даетъ присяги, тѣмъ не менѣе онъ долженъ уважать истину и сказать только то, что дѣйствительно было.

Вопросъ. Вы видѣли обвиненнаго въ день совершенія преступленія? — Отвѣтъ. Да, сударь, я видѣлъ этого (указывая на Монтея) бѣгущимъ по полю; это было въ то время когда г-жа Гюстанъ кричала.

Обвиненный. Дитя это ошибается, оно меня не видѣло.

Президентъ свидѣтелю. Жанъ Монтея не имѣлъ-ли чего-нибудь съ собою?.. не палку-ли?

Дитя припоминаетъ.

Обвиненный. Я не имѣлъ ничего съ собою.

Свидѣтель, обернувшись, увидѣло на столѣ обличительныя вещи, сумку около заступа; оно вскрикиваетъ, указывая на сумку: онъ имѣлъ это! (Сумка была снята съ обвиненнаго во время его арестованія).

Обвиненный кажется на минуту смущеннымъ этимъ показаніемъ, но вскорѣ онъ принимаетъ опять хладнокровный видъ и не поморщась выслушиваетъ другія показанія.

Когда списокъ свидѣтелей окончился, президентъ даетъ слово генеральному прокурору Голо.

Генеральный прокуроръ въ-особенности старается показать предварительное размышленіе, сопровождавшее эти два преступленія: убійство и покушеніе на второе убійство. Онъ противится допустить обстоятельства, уменьшающія наказаніе и припоминаетъ присяжнымъ разныя бодшія преступленія, поселившія ужасъ въ народѣ. Эти ужасныя покушенія налагаютъ необходимость строгаго приговора, который тѣмъ болѣе вынужденъ сегодня злобностью Монтея. Генеральный прокуроръ оканчиваетъ свои слова, взывая къ совѣсти присяжныхъ, которая не ослабнетъ предъ исполненіемъ долга, какъ бы ни были важны его послѣдствія.

Потомъ г. Демаре начинаетъ защищать Монтея. Онъ группируетъ обстоятельства, которыя по его мнѣнію должны внушить сомнѣнія, выгодныя для обвиненнаго. Онъ представляетъ картину судебныхъ заблужденій, стараясь извлечь выгоду своему кліенту изъ сомнѣній, которыя эта картина должна прозвести въ умѣ присяжныхъ. Послѣ сильныхъ споровъ, президентъ излагаетъ вкратцѣ пренія и представляетъ присяжнымъ вопросы, относящіеся къ убійству, къ покушенію на убійство, приписываемые Монтею и къ важному обстоятельству предварительнаго объ этихъ преступленіяхъ размышленія.

Присяжные начинаютъ обсужденіе въ половинѣ седьмого.

Въ это время толпа осаждаетъ входы залы засѣданія, стараясь оттолкнуть строгихъ сторожей, оберегающихъ двери. Въ залѣ начинаются самые оживленные разговоры; объясненія, мнѣнія сталкиваются со всѣхъ сторонъ.

Въ семь часовъ колокольчикъ, какъ бы по какому-то очарованію, измѣняетъ это смятеніе въ глубокое молчаніе. Присяжные входятъ и занимаютъ свои мѣста; старшина присяжныхъ, по приглашенію президента, читаетъ приговоръ, утверждающій всѣ пункты обвиненія.

Обвиненный приведенъ.

Генеральный прокуроръ требуетъ примѣненія закона, и послѣ краткаго сужденія уголовного суда, президентъ произноситъ приговоръ, по которому Монтель присуждается къ смертной казни. Обвиненный при этомъ не выказалъ ни малѣйшаго смущенія.

Юридическія мелочи.

— Извѣстно, что президентъ ассизовъ обязанъ представить на разрѣшеніе присяжнымъ не одно только главное преступленіе, но и всѣ другія, которыя съ нимъ связываются, или существованіе которыхъ открывается изъ преній; далѣе онъ составляетъ также въ видѣ вопросовъ, всѣ отдѣльные случаи, на основаніи которыхъ составляется вина и ея степень и т. д. 31-го декабря въ парижемъ уголовномъ судѣ рѣшилось дѣло маклера Жиблона, по которому было предложено присяжнымъ 1,200 вопросовъ! Одно сокращенное изложеніе основаній обвиненія и защиты продолжалось два часа. Терпѣніе судей и присяжныхъ показываетъ то высокое уваженіе, которое во Франціи имѣютъ къ правосудію. Замѣтимъ, что при всей длиннотѣ этого дѣла, присяжные нисколько не торопились. Одинъ изъ нихъ въ ту минуту когда президентъ хотѣлъ уже закрыть пренія, потребовалъ, чтобы эксперту предложенъ былъ еще одинъ вопросъ. Потребовала эксперта, — онъ ужъ ушелъ домой. Президентъ послалъ за нимъ экзекутора, и присяжные еще полчаса провели въ ожиданіи.

— Говорятъ, что правительство намѣрено предложить законъ о наказаніяхъ за пьянство. Нѣкоторыя общины, за неимѣніемъ

закопа, придумали разныя остроумныя толкованія, съ помощью которыхъ подводятъ пьяныхъ подъ штрафы. Такъ, напримѣръ, муниципалитетъ Бреста объявилъ, что пьяный подходитъ подъ законъ запрещающій — загораживать и затруднять сообщенія по улицамъ и бросать на нихъ нечистоты, — т. е., по толкованію муниципалитета самъ пьяный есть колода или что нибудь еще худшее.

— Въ орлеанскомъ уголовномъ судѣ судили одиннадцати-лѣтняго мальчика за воровство и зажигательство. По французскому закону полная вмѣняемость начинается съ шестнадцати лѣтъ. Если обвиняемый моложе, то присяжные должны рѣшить вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ сознаниемъ? Присяжные дали отрицательный отвѣтъ, — но судъ, по предоставленной ему власти, въ видахъ предупрежденія, опредѣлилъ содержать мальчика въ исправительномъ заведеніи до совершеннолѣтія.

— Маршалъ Рено де-Сенъ-Жанъ д'Анжели позвалъ въ судъ исправительной полиціи ломоваго извозчика Рено, за то что тотъ на своихъ брикахъ для перевозки мебели выставилъ надпись: Рено де-Сенъ-Жанъ д'Анжели. Маршалъ обвинялъ его въ присвоеніи своей фамиліи. Извозчикъ отвѣчалъ: у меня есть товарищъ по ремеслу однофамилецъ, и потому во избѣжаніе смѣшенія я присоединилъ къ моей фамиліи имя моей родины — города Сепъ-Жанъ д'Анжели. Судья ему замѣтилъ, что фамилія его товарища пишется нѣсколько различно. «И фамилія маршала, отвѣчалъ извозчикъ, также пишется различно отъ моей; онъ Рено, а я Рено».

Знаменитый Жюль-Фавръ защищалъ извозчика. Онъ потѣшился въ волю падъ глупостью маршала, который въдобавокъ и не аристократъ: его отецъ былъ простой гражданинъ и принялъ прибавку «де-Сенъ-Жанъ д'Анжели» на такомъ же основаніи какъ и извозчикъ. «Неужели, сказалъ адвокатъ, кто-нибудь можетъ смѣшать бѣднаго извозчика съ маршаломъ? Есть имя поважнѣе имени маршала, — имя д'Орлеанъ, — и однако адвокатъ Фонтенъ принялъ его для отличія отъ двухъ другихъ адвокатовъ однофамилцевъ». Судъ приговорилъ извозчика къ шестнадцати фраковъ пени.

ПИСЬМА ИЗЪ АЛЖИРА.

V.

2-го марта 1860 года.

Зима надъ нами жестоко подшутила. Вы, вѣроятно, знаете, что теперь въ католическихъ земляхъ настало время каранвала и что онъ празднуется маскарадами, балами и проч. Какъ на зло, у насъ теперь самая неблагопріятная погода. Уже десять дней льютъ дожди поочереды съ градомъ, и такіе дожди, противъ которыхъ ни одному зонтику или непромокаемому плащу не устоять. Однако алжирцы не приходятъ отъ этого въ отчаяніе: они не унываютъ. Глубокая грязь нисколько не препятствуетъ здѣшнимъ дамамъ отправляться на балы въ легкихъ нарядахъ, и на зло бурямъ, граду и дождю по нашимъ улицамъ тянутся кавалькады и скачутъ маски. Впрочемъ, вся эта кутерьма поднимается въ пользу бѣдныхъ и, слѣдовательно, забавляющіеся приносятъ себя въ жертву стихіямъ во имя идеи, а подобныя жертвы для идеи въ нынѣшней Франціи въ большой модѣ. Дамы лучшаго круга, составляющія общество «*Dames de Charité*», всевозможными ухищреніями вынимаютъ изъ вашихъ кармановъ одну десяти-франковую монету за другою и приэтомъ оказываютъ пріѣзжимъ иностранцамъ преимущество, не совсѣмъ выгодное для ихъ финансовъ. Къ довершенію зла, мало того, что платишь деньгами, приходится еще жертвовать и своею особою. Сегодня толкайся на балу въ толпѣ весьма двусмысленныхъ *citoyens de la nouvelle France*, — такъ-какъ всѣхъ впускаютъ, кто только можетъ заплатить пять франковъ, — чтобы набрать больше денегъ бѣднымъ; — завтра наряжайся въ какой-нибудь небывалый костюмъ и развѣзжай по улицамъ подъ проливнымъ дождемъ, для того, чтобы дать предлогъ опять собрать деньги въ пользу тѣхъ же счастливыхъ бѣдныхъ, которые сидятъ дома въ сухой комнатѣ въ то время, какъ за нихъ пляшетъ, ѣздитъ, маскируется и простуживается человѣколюбивый алжирскій «*beau monde*».

Между тѣмъ какъ высшій кругъ забавляется съ благотѣльною цѣлью, низшіе слои общества веселятся ради своего собственнаго удовольствія, не принскывая никакого другого предлога. Уже двѣ недѣли тому назадъ, газеты возвѣщали, что 15-го февраля г.г. мясники намѣрены проводить по городу «*le boeuf gras*». Эта церемонія (*Promenade du boeuf gras*), — какъ ни странна она

въ наше время, — не лишена, однакожъ, историческаго интереса, какъ образчикъ увеселеній образованнѣйшихъ народовъ среднихъ вѣковъ. Хроники относятъ начало ея ко времени Людовика IX Святаго.

Чтеніе этой назидательной исторіи не могло не возбудить моего любопытства и въ назначенный день я высунулъ голову въ окно, чтобы взглянуть на торжественное шествіе побѣдителя лещей и другихъ защитниковъ «Поста». Но алжирскимъ жителямъ приготовлено было въ этотъ день еще другое и болѣе рѣдкое зрѣлище. Представьте мое удивленіе, когда я увидѣлъ прелестныя, цвѣтушіе холмы Сахеля покрытыя снѣгомъ вершка на полтора! Забавно было изумленіе старожиловъ, проводившихъ гдѣтъ двадцать и болѣе въ Африкѣ и привыкшихъ видѣть зиму только въ отдаленіи, на вершинахъ Атласа. И дѣйствительно, пальмы и бананы подъ слоемъ снѣга имѣли какой-то странный видъ. Повѣсивъ голову подъ непривычнымъ бременемъ, они какъ будто стыдятся своего новаго наряда, боясь, чтобы ихъ не приняли за простыя ёлки или другую чернь растительнаго царства. На сѣверѣ зима даетъ ландшафту строгій и серьезный видъ, и не даромъ поэты называютъ снѣгъ саваномъ природы; на югѣ же, напротивъ, онъ похожъ на бѣлое платье пьерро, надѣтое на нѣсколько часовъ для шутки, и придаетъ всей картинѣ комическій оттѣнокъ.

Гг. мясники, полагаясь на свою здоровую натуру и на согрѣвательныя средства многочисленныхъ кофеенъ, не побоялись, однако, снѣга и града. За часъ до назначеннаго времени по нашей улицѣ понеслись, кто на арабскомъ конѣ, кто на жалкой клячѣ, — рыцари, маркизы, паяцы, мускетеры и другія маскерадныя личности къ сборному мѣсту. Въ полдень загремѣлъ маршъ зуавовъ и потянулось шествіе. Впереди шли музыканты, одѣтые въ костюмы арлекиновъ, пьерро и коломбинъ, за ними ѣхали гг. мясники въ весьма несвойственныхъ ихъ мускулистымъ фигурамъ нарядахъ времени Людовика XIV. За этую пеструю толпою катился на классической колесницѣ молодой мясникъ, представлявшій Геркулеса. Молодой полубогъ пренаивно употреблялъ свою палицу вмѣсто кнута, погоняя ею лошадей, столь же мало, какъ и онъ, понимавшихъ свою англійскую роль. Послѣ всѣхъ шло главное лицо фарса, — громадный быкъ убранный разноцвѣтными лентами, но кажется, не совсѣмъ довольный торжествомъ, потому что вырывался при каждомъ удобномъ случаѣ. Обойдя вокругъ города, кавалькада остановилась на «Place du

Gouvernement», гдѣ потомокъ побѣдителя войскъ «Поста», немедленно былъ проданъ съ аукціоннаго торгу за 2,200 Франковъ, и завтра всякій, кто въ состояніи платить по полтиннику (два Франка) за фунтъ мяса, можетъ ближе съ нимъ познакомиться. Какъ вамъ нравятся цѣны въ Алжирѣ?

Готовилась еще другая кавалькада, конечно въ пользу бѣдныхъ, — въ которой должны были принимать участіе городская молодежь и преимущественно войска, но холодъ и сырая погода помѣшали этому удовольствію, такъ что пока мы заплатили за одно обѣщаніе: такъ строго наблюдаютъ благодѣтельные дамы затѣмъ, чтобы мы не забывали нашихъ обязанностей къ ближнимъ! Теперь, впрочемъ, постъ скоро дастъ отдыхъ и ногамъ, и карманамъ.

Надоѣло вамъ, я думаю, — мое повѣствованіе о быкахъ, кавалькадахъ и, можетъ быть, даже о благодѣтельныхъ дамахъ; но вѣдь надо же было дать вамъ хотя легкое понятіе объ африканскомъ карнавалѣ. Впрочемъ можете утѣшиться: это послѣднія мои строки изъ Африки. Со слѣдующимъ пароходомъ, если Эоль позволитъ, я возвращусь въ Европу, а о ней уже писать нечего. Довольно и безъ меня мараи бумагу.

Вспоминая мое намѣреніе оставаться въ сѣверной Африкѣ нѣсколько лѣтъ, вы, вѣроятно, удивляетесь моему скорому возвращенію. Дѣло въ томъ, что когда мы разстались, я еще находился подъ вліяніемъ сказокъ о «маленькомъ Парижѣ» и о «Новой Франціи». Я думалъ найти молодую колонію, кипящую жизнью и предприимчивостью и быстро развивающуюся, благодаря щедрости природы и выгодному расположенію. Манили меня также мнѣшескій атласъ и классическіе слѣды временъ римлянъ. Я рассчитывалъ найти богатый рудникъ всевозможныхъ свѣдѣній. Но на этотъ разъ оправдалась наша русская пословица, что «славны бубны за горами».

Алжирія похожа на молодого человѣка, воспитаннаго по системѣ, еще очень недавно существовавшей у насъ на сѣверѣ. Чтобы не дать ей тратить силы по пустому, ей запретили всякій инициативъ, такъ какъ насъ остерегали отъ дурныхъ поступковъ запрещеніемъ всего, что не было приказано. Какъ за насъ мыслили начальники, такъ за нихъ мыслить министерство въ Парижѣ, и забываютъ однако при этомъ что подобно тому, какъ старшіе, отдаленные отъ насъ десятками лѣтъ, не могли понимать потребностей молодыхъ головъ, такъ точно и министерство, находящееся на разстояніи сотенъ миль отъ Алжи-

ри, не понимаетъ нужды страны. Всѣ недуги централизаціи и охранительной таможенной системы соединились, чтобы уже въ зародышѣ убить эту колонію. Она чахнетъ отъ избытка административной заботливости, подобно тому, какъ бывало, навидно на насъ лихорадку усердіе дежурныхъ. Чрезмѣрно-тяжелыя пошлины воспренятствовали Алжиріи завести значительныя торговыя сношенія съ иностранными государствами и сдали ее Франціи связанную по рукамъ и по ногамъ почти неразрывными узами. Тутъ опять, въ свою очередь, зависть фабрикантовъ создала еще тяжелѣйшія пошлины на всѣ вывозимыя отсюда промышленныя произведенія, и колоніи остался только вывозъ сыраго матеріала. Такимъ образомъ, только-что явившаяся промышленность была задавлена въ самомъ началѣ. Осталось еще одно средство существованія — земледѣіе. Но оно, подъ палящимъ втеченіе шести мѣсяцевъ южнымъ солнцемъ, возможно только при изобилии воды, а ее, къ несчастію, нѣтъ, потому что нѣтъ ни каналовъ, ни водопроводныхъ трубъ. Чтобы создать эти послѣднія, нужны капиталы, которые здѣсь накопиться не могли, а на сосѣднія страны нельзя надѣяться, чтобы онѣ положили свои капиталы на Алжирію. Прибавьте къ этому, что на каждый десять жителей приходится по администратору свѣтскому и духовному, которыхъ надобно содержать, и что эти господа, находясь въ большомъ отдаленіи отъ центральной власти, очень мало обдумываютъ свои поступки. Припомните еще, что я вамъ прежде говорилъ на счетъ путей сообщенія, которыхъ тутъ вовсе нѣтъ, — и тогда можете себѣ создать картину матеріальнаго развитія Алжиріи. Духовнаго, конечно, еще меньше. Науки и искусства могутъ процвѣтать только рядомъ съ изобиліемъ или достаткомъ матеріальныхъ средствъ. Гдѣ тутъ думать о роскоши, когда ежедневно приходится бороться съ нуждою и напрягать всѣ умственные силы на приобрѣтеніе обѣда. Къ тому же еще населеніе самое пестрое и разнородное, заброшенное сюда насильно со всѣхъ концовъ свѣта или вслѣдствіе неудачъ на другихъ поприщахъ, или иногда вслѣдствіе полицейскихъ неудобствъ жизни. Постоянно увеличивающійся застой въ дѣлахъ наводитъ уныніе на всѣхъ и молчаливая грусть трудящихся классовъ еще болѣе поражаетъ постороннихъ зрителей при шумѣ официальныхъ пировъ, тщетно старающихся дать общей физиономіи болѣе веселый и довольный видъ.

Согласитесь, что въ Алжирѣ мудрено жить для своего удовольствія. На мою же бѣду нѣтъ и признака грудной болѣзни,

которая въ состояніи была бы приковать меня къ этой пустынѣ, а цѣль моего прїѣзда уже давно удалась «in die blaue Ferne» будущихъ благъ.

Заняться римскими памятниками также нѣтъ никакой возможности, потому что они недоступны: во-первыхъ за неимѣніемъ удобныхъ для проѣзда дорогъ, и во-вторыхъ, по монополіи здѣшнихъ нанвныхъ ученыхъ, которые, подобно всѣмъ откупщикамъ, заботятся только о собственныхъ своихъ выгодахъ.

Итакъ, выходитъ, я прїѣхалъ сюда для того, чтобы сказать надгробную рѣчь надъ надеждами алжирцевъ. Дай Богъ, чтобы эта колонія, почерпнувъ жизнь въ новомъ торговомъ договорѣ съ Англіею, возродилась вновь и сдѣлалась хотя немного похожею на то богатое поле предпріятій, которымъ ее уже давно столь несправедливо выставляютъ многіе. Желаю ей всякого усгѣха, — она его стоитъ, — но меня сюда уже калачемъ не заманишь. До свиданія въ Петербургѣ, подъ нашимъ сѣренскимъ туманнымъ небомъ.

Н.

Съ устья Амура.

Николаевскъ на устьѣ Амура 31 мая 1859 г.

Вчера мы приплыли въ Николаевскъ и я пользуюсь остановкой на нѣсколько дней, чтобы предъ отплытіемъ въ Японію послать вамъ вѣсть о своемъ странствованіи. До-сихъ-поръ все какъ-то было неудобно, да отчасти и нѣкогда принятъ за перо.

Плаваніе наше по Амуру было совершенно весьма благополучно и весьма скоро. Пароходъ «Лена», на которомъ мы шли, велъ себя во все время очень хорошо и часто даже удивлялъ насъ своимъ быстрымъ ходомъ. Выйдя изъ Усть-Стрѣлочной станицы 12-го мая, онъ 19-го былъ въ Благовѣщенскѣ, а 30-го въ Николаевскѣ. Приэтомъ разстояніе отъ Софійска до Николаевска, двѣсти девяносто верстъ, было пройдено въ двадцать четыре часа. Такимъ образомъ пароходъ «Лена» со всѣми остановками сдѣлалъ рейсъ отъ Усть-Стрѣлки до Николаевска (двѣ тысячи шестьсотъ верстъ) въ восемнадцать дней, а отъ Благовѣщенска до Николаевска (тысяча восемьсотъ верстъ) въ одиннадцать дней.

Два года тому назадъ, спускаясь по Амуру въ маѣ 1857 года, я видѣлъ берега его совершенно пустынными, за исключеніемъ окрестностей маньчжурскаго городка Айхуна и рѣдкихъ гольдскихъ и гиляцкихъ деревень въ нижней части рѣки. По всему

Амуру отъ Усть-Стрѣлки до Маріинска существовали тогда только три русскіихъ поста: около устья Зеи, ниже устья Сунгари и при устьѣ Усури, изъ которыхъ послѣдній приплылъ на свое мѣсто въ одно время со мною. Теперь все измѣнилось. По пограничной части Амура отъ Усть-Стрѣлки до Хабаровки поселены казацкія станицы въ разстояніи отъ двадцати до семидесяти верстъ одна отъ другой; въ остальной части, отъ Хабаровки до Маріинска, — почтовые станціи до двадцати пяти верстъ другъ отъ друга. Казаки начали распахивать нетронутыя земли, косить нетоптанныя луга и разрабатывать огороды. Теперь во многихъ станицахъ можно достать живность, молоко, зелень и проч., такъ что плывущему по Амуру нѣтъ надобности запасаться всякою провизіею, какъ будто въ кругосвѣтное плаваніе. Пароходы находятъ въ деревняхъ и станціяхъ готовые дрова — сложенные на приглубый берегъ въ мѣстахъ удобныхъ для приставанія судовъ. Нагрузка идетъ скоро, такъ что пароходамъ не приходится тратить много времени на рубку сырыхъ дровъ по берегамъ Амура, какъ это было въ прежніе годы. Кромѣ этого, плаваніе пароходовъ весьма облегчается превосходною картою Амура, изданною въ нынѣшнемъ году въ Иркутскѣ, — управленіемъ генеральнаго штаба по инструментальной съемкѣ. До сихъ-поръ карты Амура были только глазомѣрныя, дополненныя отрывочными астрономическими опредѣленіями, — но въ 1857 году начата была инструментальная съемка рѣки и береговъ, продолжавшаяся до настоящаго года. По этой съемкѣ составлена и отпечатана въ Иркутскѣ карта рѣки Амура на сорока шести листахъ, въ масштабѣ двѣ версты въ дюймѣ. Кромѣ правильнаго очертанія береговъ, извилинъ главнаго русла, всѣхъ побочных протоковъ, заливовъ и острововъ рѣки, на этой картѣ вмѣстѣ съ этимъ выраженъ характеръ береговой мѣстности, какъ то: горы, равнины, низменности, лѣса хвойные, лиственные, мѣшанные, кустарники и проч. Но для судоходства особенно важны промѣры глубины и направленіе фарватера, которые выставлены на этой картѣ. Хотя промѣры эти не приведены къ одному горизонту, — но при всемъ томъ они служатъ большимъ пособіемъ для судоходства. Руководствуясь ими, всякое судно можетъ заранѣе видѣть, гдѣ оно можетъ встрѣтить глубокой проходъ, а гдѣ мель: а этого совершенно достаточно для рѣчныхъ судовъ, которымъ заранѣе придается малая осадка въ водѣ. При рѣчномъ судоходствѣ гораздо важнѣе и нужнѣе опредѣлить направленіе и извилины фарватера при всякой убыли или прибыли воды, не-

жели знать какая глубина на этомъ фарватерѣ: семь или семнадцать футъ. Такимъ образомъ, новая карта Амура, доставляя большое пособіе амурскому судоходству и пароходству, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ясное понятіе объ направленіи, характерѣ рѣки и ея береговъ. Плаваніе по Амуру открыто только съ 1854 года, но не смотря на этотъ краткій періодъ времени, смѣло можно сказать, что нѣтъ ни одной русской рѣки, которая бы имѣла такую подробную карту какъ Амуръ. Волга извѣстна всѣмъ конечно болѣе Амура, но до-сихъ-поръ все-таки нѣтъ ни одной карты этой рѣки, которая бы могла сравниться съ изданной теперь картой Амура *).

Прошлый годъ вновь учрежденный городъ Благовѣщенскъ означался только однимъ губернаторскимъ домою съ флигелемъ и казацкою станицею рядомъ съ нимъ. Теперь на этомъ мѣстѣ сгруппировалось нѣсколько домиковъ изъ которыхъ виднѣе прочихъ выказываются казармы линейнаго № 2 батальона и артиллерійскія, а также кварталъ амурской компаніи. Благовѣщенскъ есть главный городъ вновь образованной Амурской области и вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе нашихъ поселеній въ верхней части Амура. Казацкія поселенія наши отъ сѣянія Шилки съ Аргунью у Усть-Стрѣлочной станицы до хребта малаго Хингана, состоятъ изъ амурскаго коннаго полка. Штабъ первой сотни находится въ Албазинѣ, второй въ Камарской; третья сотня поселена у города Благовѣщенска, четвертая въ Константиновской, пятая въ Поярковой, шестая въ Иннокентьевской станицахъ. Ниже Благовѣщенска начинаются маньчжурскія деревни, жители которыхъ все болѣе и болѣе сближаются съ русскими и снабжаютъ ихъ продовольственными припасами за весьма дешевую плату. Напримѣръ, были случаи, что овесъ продавался на старую мѣдную монету по пяти копеекъ за пудъ, мука крупитчатая лучшаго сорта продается въ Айхунѣ по рублю за пудъ, говядина отъ рубля до двухъ рублей за пудъ и проч. Теперь, въ силу айхунскаго трактата, открыты семидневныя ярмарки по два раза каждый мѣсяцъ: одинъ разъ въ Благовѣщенскѣ, другой въ маньчжурскомъ городѣ Айхунѣ, находящемся на правомъ берегу, въ двадцати восьми верстахъ ниже перваго. На маньчжурскую ярмарку пріѣзжаютъ въ Айхунъ изъ Благо-

---

*) Карта рѣки Амура, 1859 г. на 46 листахъ, въ масштабѣ двѣ версты въ дюймѣ, продается въ управленіи генеральнаго штаба восточной Сибири, въ Иркутскѣ, по 75 рублей серебромъ за экземпляръ.

вѣщенска наши купцы и казаки, — на Благовѣщенскую ярмарку собираются маньчжуры изъ города и изъ окрестныхъ деревень, и даже нѣкоторые изъ маньчжурскихъ торговцевъ поставили въ Благовѣщенскѣ свои лавки. Маньчжурскій народъ вообще, какъ замѣтно, охотно сближается съ русскими и вѣроятно сблизился бы въ это время еще болѣе, еслибы этому не припятствовали маньчжурскія начальства и мелкіе чиновники. Прибрежные жители видятъ выгоду отъ торговли съ русскими, видятъ что ихъ не принуждаютъ отдавать свои товары по назначенной цѣнѣ, и потому естественно охотно торгуютъ и сближаются съ русскими. Въ Айхунѣ теперь открытъ входъ всѣмъ русскимъ во всякое время; — всякій можетъ свободно разгуливать по всѣмъ улицамъ, заходить въ лавки и покупать что угодно. Русская серебряная и мѣдная монета, особенно стараго чекана, принимается съ большой охотой; впрочемъ маньчжуры начинаютъ принимать и наши ассигнаціи, и сейчасъ же покупаютъ на нихъ у нашихъ купцовъ товары.

Подойдя къ Айхуну на пароходѣ «Лена», графъ Н. Н. Муравьевъ - Амурскій вышелъ на берегъ, гдѣ его встрѣтилъ и поздравилъ съ приѣздомъ посланный отъ амбана (губернатора) гусайда (штабъ-офицеръ) съ синимъ шарикомъ на шапкѣ. Мы всѣ отиравились съ графомъ въ домъ амбана, — хозяинъ встрѣтилъ насъ какъ почетныхъ гостей на порогѣ одной изъ наружныхъ дверей и проводилъ во внутренность дома. У каждой дверей остановка и церемонія, кому прежде переступить порогъ, — кончалось тѣмъ, что графъ долженъ былъ проходить первымъ, за нимъ слѣдовалъ амбанъ. Мы усѣлись въ той же комнатѣ, гдѣ въ прошломъ году шли переговоры айхунскаго трактата; началось обыкновенное маньчжурское угощеніе теплой водкой, сладями, чаемъ, наконецъ подали въ маленькихъ чашкахъ вареную и жареную баранину и поросенка. Все это уже приглядѣлось и надоѣло. Графъ имѣлъ разговоръ съ амбанемъ о нашихъ пограничныхъ дѣлахъ, о взаимной торговлѣ и проч. Въ это время многіе изъ нашихъ разошлись по городу, заглянули въ лавки посмотреть, что тамъ есть. Шывущій съ нами въ Австралію французскій путешественникъ купилъ за семьдесятъ пять копеекъ дождевой зонтикъ изъ прозрачной матеріи съ китайскими узорами и не нахвалится своей покупкой. — Увѣряетъ, что въ Парижѣ любители, и въ-особенности англійскіе туристы, дадутъ ему за эту рѣдкость тысячу франковъ.

Кромѣ Благовѣщенска маньчжуры продаютъ свои продукты

и въ другихъ русскихъ селеніяхъ и въ-особенности въ станицѣ Константиновской, гдѣ иногда собирается цѣлая ярмарка. Всѣ эти русскія поселенія ниже устья Зеи, окружены обширными, привольными равнинами, на которыхъ можетъ удобно развиваться огромное скотоводство и хлѣбопашество. Здѣшняя богатая нетронутая почва ожидаетъ еще новыхъ поселенцевъ, новыхъ дѣятелей для своей разработки. Здѣшняя растительность чрезвычайно разнообразна, особливо въ щехахъ Малохинганскаго хребта: вмѣстѣ съ растеніями холоднаго климата здѣсь встрѣчаются дикій виноградъ, пробковое дерево, груша, яблоня и другія породы деревъ, такъ что эта полоса Амура кромѣ обширнаго и успѣшнаго земледѣлія, подаетъ надежды въ будущемъ на прибыльное садоводство и даже винодѣліе. Но это все конечно еще въ будущемъ.

Въ щехахъ малаго Хингана мы встрѣтили пароходъ «Амуръ», идущій съ почтой и пассажирами изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ. На буксирѣ у него былъ маленькій пароходъ «Надежда», который долженъ доставить почту отъ Благовѣщенска далѣе вверхъ по Амуру. Остановившись на нѣсколько минутъ, передали другъ другу петербургскія и николаевскія новости и отправились каждый своей дорогой. У начала щекъ расположено послѣднее поселеніе амурскаго коннаго полка — станица *Паикова*, отъ которой начинаются поселенія амурскаго пѣшаго батальона. Первая станица въ малохинганскихъ щехахъ названа *Раддевой*, — по имени зимовавшаго вблизи этого мѣста натуралиста Радде. Мѣсто для этой станицы было поручено выбрать по правиламъ науки самому г. Радде, и подъ его наблюденіемъ въ прошломъ году поселились здѣсь казаки. Но втеченіе лѣта, осени и зимы оказалось, что мѣсто, выбранное ученымъ натуралистомъ неудобно для поселенія; казаки стали жаловаться и рѣшились лучше сломать только что построенныя хаты и перенести ихъ *сверхъ по рѣкѣ* на новое мѣсто, чѣмъ оставаться на старомъ. Желаніе ихъ было исполнено, и весною нынѣшняго года Раддевка переѣхала на новое мѣсто, избранное самими казаками. Потомъ, въ глубинѣ живописной излучины этого горнаго корридора, скромно пріютилась станица *Полтевка*, а по выходѣ изъ щекъ Малаго-Хингана, среди дубовой рощи, расположена станица Катерино-Николаевская, штабъ амурскаго батальона *). Эти два пункта,

---

*) Въ послѣднее время штабъ этого батальона перенесенъ въ станицу Михайло-Семеновскую, близъ устья рѣки Сунгари.

одни изъ замѣчательнѣйшихъ и красивѣйшихъ мѣстоположеній по берегамъ Амура. Далѣе станицы этого же батальона расположены до устья Усури, по равнинному лѣвому берегу Амура, представляющему также особыя удобства для развитія земледѣлія и скотоводства.

При устьѣ Усури русскія поселенія переходятъ на правый берегъ Амура, такъ какъ отъ этой рѣки оба берега Амура принадлежатъ Россіи. На самомъ устьѣ Усури, на высокомъ правомъ берегу Амура, расположено поселеніе Хабаровка, которое поражаетъ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, — среди густой и роскошной южной растительности, состоящей изъ огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ, дубовъ, ясени, разныхъ породъ кустарниковъ и проч. Здѣсь поселенъ линейный № 3 баталіонъ, который успѣлъ въ одну зиму построить себѣ казармы, дома для офицеровъ, нѣсколько отдѣльныхъ домовъ и службъ и даже церковь. Пунктъ этотъ, кромѣ красоты своего мѣстоположенія, важенъ еще потому, что отъ него расходятся въ двѣ противоположныя стороны, два естественные водяные пути къ морю: одинъ на сѣверъ по теченію Амура къ Николаевску, другой на югъ, вверхъ по Усури, къ южнымъ портамъ русскаго берега Японскаго моря и къ границамъ Кореи. Отъ этого пункта также начинаются поселенія усурійскаго пѣшаго казацкаго батальона, расположенныя по правому берегу рѣки Усури до ея вершинъ. Поселенія эти поднимаются по Усури и занимаютъ свои мѣста только въ настоящемъ 1859 году.

Отъ Хабаровки внизъ по Амуру до Софійска поселеній нѣтъ, а для сообщенія устроены и устроятся почтовые станціи (числомъ двадцать восемь), на среднемъ разстояніи двадцати верстъ одна отъ другой, въ которыхъ зимою имѣются лошади и сани для проѣзжающихъ. Это протяженіе Амура не составляющее границы, а находящееся внутри нашихъ владѣній не предполагается занимать военными пограничными заселеніями, и оставлено для частныхъ лицъ и вольныхъ переселенцевъ. Это пространство отъ Хабарова до Софійска, составляетъ до шести сотъ верстъ, и на немъ, близъ рѣки Хунгари, предполагено отвести обширную площадь для російско-американской компаніи, желающей основать здѣсь земледѣльческое поселеніе для снабженія своихъ колоній хлѣбомъ и скотомъ.

Городъ Софійскъ, заложенный въ прошломъ году, представляетъ пока небольшую площадку, усѣянную пнями и окруженную

дремучимъ лѣсомъ, на которой строится церковь, большая казарма для роты N° 4 батальона, офицерскій флигель, и окончены нѣсколько домиковъ, въ томъ числѣ станція, квартира офицера, магазинъ и другіе. Теперь еще не дошла очередь до этого города: всѣ рабочія руки страны заняты болѣе необходимыми работами и постройками въ Николаевскѣ и на Усури, для пособія новымъ переселенцамъ. Черезъ года два, или три, — когда переселеніе казаковъ на Амуръ и Усури окончится, когда поселенія ихъ устроятся и упрочатся надежнымъ образомъ, когда необходимыя для порта и города постройки въ Николаевскѣ окончатся, — тогда вѣроятно обратятъ болѣе сильное вниманіе и на Софійскъ и начнутъ устраивать отсюда сухопутную дорогу въ заливъ де-Кастри, — которая одна только можетъ способствовать быстрому развитію и процвѣтанію новаго города.

Отъ Софійска пароходъ «Лена» направился лѣвымъ, — главнымъ и прямымъ, — русломъ Амура прямо къ Богородскому селенію, оставляя въ сторонѣ всѣ правые мелководные протоки, ведущіе къ озеру Кизи и Маринску. Русло это въ первые снято инструментально и прохѣрено въ прошломъ 1858 году. Теперь мы нашли, что оно весьма глубоко, мелей нѣтъ, берега приглубы, такъ что идти имъ гораздо надежнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ мелкими маринскими протоками. Такимъ образомъ, слѣдуя этимъ прямымъ и главнымъ русломъ Амура, мы миновали и Маринскъ и селеніе Иркутское. Въ послѣднемъ остался теперь только одинъ домъ, прочіе жители нашли выгоднѣе переселиться ниже Новомихайловскаго селенія, близъ Гиляцкой деревни Чолнокъ. Новое поселеніе это названо Воскресенскимъ.

Далѣе встрѣчающіяся селенія Богородское, Михайловское и Новомихайловское, уже достаточно окрѣпли, обстроились и устроились. Жители ихъ — русскіе крестьяне, изъявившіе добровольное желаніе переселиться въ низовье Амура и сплывшіе сюда въ 1855 году. Мѣстность, окружающая ихъ, лѣсиста и гориста, почему разчистка земли подъ пашни производится съ большимъ трудомъ. Впрочемъ, не смотря на это, поля прибавляются съ каждымъ годомъ: лѣса горятъ, вырубаются, мѣстность очищается и даетъ хорошіе урожаи. Скотоводство идетъ тоже своимъ порядкомъ; на прибрежныхъ лугахъ видны лошади, рогатый скотъ въ изрядномъ количествѣ, хотя конечно въ очень маломъ сравнительно съ тѣмъ, которое можно было бы держать при обширности здѣшнихъ луговъ и пастбищъ. Селеніе Михайловское есть самое большое изъ здѣшнихъ амурскихъ поселеній;

въ прошломъ году здѣсь освящена церковь, весьма красиво построенная въ русскомъ стилѣ.

Наконецъ 30-го мая утромъ въ восемь часовъ, мы подошли къ Николаевску. На рейдѣ виднѣлись три судна, которыя по приближеніи оказались: пароходо-корветъ «Америка», винтовой транспортъ «Маньчжуръ» и шкуна «Пурга». Всѣ эти суда, вмѣстѣ съ константиновскою и николаевскою батареями, салютовали при нашемъ приближеніи флагу генераль-губернатора, который былъ поднятъ на носу парохода «Лена». Транспортъ «Маньчжуръ» былъ назначенъ для генераль-губернатора и потому мы остановились на рейдѣ, и тотчасъ же стали перевозить на него свою поклажу съ парохода «Лена», который служилъ намъ сколько времени пловучимъ домомъ и къ которому всѣ мы уже болѣе или менѣе привыкли. На транспортѣ «Маньчжуръ» ожидало насъ великолѣпное помѣщеніе: каюты отдѣланы краснымъ деревомъ, кругомъ мягкая мебель, на полахъ ковры, въ отдѣльныхъ каюткахъ лампы, умывальники, столики, все это приспособлено съ умѣньемъ и съ комфортомъ. Не смотря на большое число спутниковъ графа, — всѣ мы размѣстились довольно удобно. Устроившись въ своемъ новомъ помѣщеніи, надобно было отправиться въ городъ.

Николаевскъ на мой взглядъ мало пзмѣнился съ прошлаго года: заднія улицы его нѣсколько выросли въ длину, но главная набережная линія мало прибавилась. Впрочемъ, мѣсто прежняго пороховаго погреба, бывшее года за два предъ этимъ въ верстѣ отъ города, теперь очутилось уже на краю улицы. Видно, что большая часть строеній, заложенная въ прошломъ году, теперь уже окончена, во многихъ уже живутъ, а вновь заложенныхъ казенныхъ строеній я не замѣтилъ. Лучшими частными строеніями въ Николаевскѣ по прежнему остаются дома и лавки торгующихъ здѣсь американцевъ.

Въ прошлыхъ годахъ бывало въ Николаевскѣ въ полдень раздается выстрѣлъ изъ пушки, по которому собираются объѣхать кто въ клубъ, кто къ адмиралу. Теперь съ увеличеніемъ народонаселенія и съ развитіемъ цивилизаціи, многое измѣнилось. На крышѣ зданія штаба устроена площадка и на ней поставлена мачта для сигналовъ. Пушка уже больше не стрѣляетъ, а за четверть часа до полдня поднимается на штабѣ шаръ, который ровно въ двѣнадцать часовъ спускается. Адмиралъ пережѣнилъ привычки и объѣдаетъ уже гораздо позже, чрезъ что для многихъ исчезла причина слѣдить за наступленіемъ полдня. Прежде

единственное сборище для обѣдовъ, закусокъ и бильярдной игры былъ клубъ, во второмъ этажѣ котораго было нѣсколько номеровъ, отводимыхъ бесплатно пріѣзжающимъ на службу. Теперь основалась компанія, устроившая гостиницу съ номерами для пріѣзжающихъ. Все это хотя и въ миниатюрѣ, однако все-таки приноситъ большую пользу: теперь можно хотя разсчитывать найдти въ Николаевскѣ за свои деньги уголь для пристанища на первое время, чего прежде не было. Бывало камчатскія дамы не тревожились пріѣздомъ сплывающихъ по Амуру петербургскихъ дамъ, — а сплывающія дамы снисходительно смотрѣли на камчатскія привычки и обыкновенія. Бывало, хотя камчатскія дамы быстро перенимали у пріѣзжавшихъ съ запада дамъ корсеты, кринолины, фасоны шляпокъ, платьевъ, бурнусовъ, рукавчиковъ и проч., но взамѣнъ этого западныхъ дамы весьма скоро выучивали камчатскій танецъ восьмерку. Бывало все николаевское общество, — какъ прибывшее съ востока, изъ Камчатки, такъ и наѣхавшее съ запада, изъ Сибири и изъ Петербурга, — превесело отплясываетъ, предъ ужиномъ каждая бала или семейнаго вечера, вмѣсто мазурки — *восьмерку*, — съ одушевленіемъ выдѣлывая всѣ запутанныя фигуры этого танца, начиная съ спокойнаго *променажа* и кончая бурнымъ и шумнымъ *переборомъ*, подъ родные мотивы русскихъ пѣсенъ, исполняемыя цѣлой семьей скрипокъ съ участіемъ треугольника, тарелокъ и всезаглушающаго барабана. Бывало пріятно смотрѣть какъ танцующіе западники и восточники, усталые и съ раскраснѣвшимися лицами, дружно примутся послѣ восьмерки за общій ужинъ и украшаютъ его и петербургскими каламбурами и камчатскими остротами и незамѣтно проведутъ и окончатъ вечеръ въ общемъ, какъ бы родственномъ согласіи и весельи. Теперь все не то. *Восьмерка*, столь много способствовавшая сближенію николаевскаго Востока съ Западомъ, — теперь весьма рѣдко танцуетъ и даже почти совершенно изгнана съ здѣшнихъ баловъ. За то, кого не спросишь изъ здѣшнихъ дамъ — весело ли провели зиму, почти отъ всѣхъ услышишь одинъ отвѣтъ: да, — но въ прежніе годы какъ-то было веселѣе, и танцовали больше.

Къ числу новостей Николаевска надобно отнести рѣчной пароходъ, привезенный изъ Америки Бѣрлингомъ, теперь собранный и спущенный здѣсь на воду. Конструкція его одинакова съ пароходомъ «Лена»: у него за кормой одно заднее колесо, на верху рубка для каютъ, а подъ палубой все назначено для груза. У него три руля, помѣщенные на корнѣ одинъ подлѣ

другаго, отъ этого конечно съ нимъ легче будетъ управляться на теченіи, чѣмъ съ пароходомъ «Лена», который вообще дурно слушаетъ руля. Предсказываютъ, что пароходъ этотъ съ полнымъ грузомъ будетъ сидѣть въ водѣ только два съ половиной фута, такъ что онъ будетъ доходить по Шилкѣ до Срѣтенска. Но не думаю, чтобы подобная конструкція парохода была удобна на извилистомъ фарватерѣ и быстромъ теченіи Шилки и верхняго Амура. Вѣроятно съ новымъ пароходомъ будетъ также трудно управляться въ этихъ мѣстахъ какъ съ пароходомъ «Лена», тѣмъ болѣе что онъ точно также не будетъ имѣть задняго хода противъ теченія, потому что его кормовая часть срѣзана вертикальной плоскостью, въ которую сильно ударяетъ теченіе. Хотя этотъ пароходъ почти уже готовъ, но неизвѣстно пойдетъ ли онъ въ нынѣшнюю навигацію по Амуру, потому что онъ до-сихъ-поръ принадлежитъ американцу, а по Амуру выше Софійска могутъ подниматься только суда подъ русскимъ флагомъ.

Другая новость въ Николаевскѣ — это хоръ музыки, недавно сформированный, но тѣмъ не менѣе весьма изрядно разыгрывающій различныя польки и марши. Хоръ составленъ изъ матросовъ и снабженъ духовыми инструментами по положенію всѣхъ хоровъ морскихъ экипажей. Онъ постоянно будетъ находиться при командирѣ портовъ и флотиліи и по этому составитъ не малое развлеченіе для жителей Николаевска.

По словамъ бывавшихъ въ Америкѣ, Николаевскъ весьма похожъ на тѣ вновь возникающіе города Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ также всѣ строенія деревянныя, вытянутыя по прямымъ линіямъ, а улицы и площади еще усѣяны пнями, которыхъ не успѣли выкопать и убрать. Впрочемъ главныя улицы Николаевска уже очищены отъ пней и содержатся въ чистотѣ, можетъ быть потому, что лѣтомъ по нимъ никто не ѣздитъ, потому что городъ такъ не великъ, что еще некуда ѣздить. Во всякомъ случаѣ пріятно видѣть русскій городъ не заваленный всякимъ соромъ и навозомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ болѣе части нашихъ городовъ.

Въ прошломъ году освящена въ Николаевскѣ деревянная церковь во имя Николая чудотворца. Не смотря на недавнее существованіе города, она оказывается уже тѣсною при здѣшнемъ народонаселеніи. Другая церковь, во имя Петра и Павла, находится при здѣшнемъ госпиталѣ. Вообще здѣшнее народонаселеніе растетъ и прибавляется съ каждымъ годомъ. Клубъ

здѣшній оказывается уже очень тѣсенъ для здѣшняго общества, и потому предполагается выстроить новый, съ большимъ заломъ, могущимъ удовлетворить здѣшнюю танцующую публичку. Въ прошломъ году въ Николаевскѣ считалось жителей мужескаго пола 2183, женскаго 369 человекъ, — жилыхъ домовъ казенныхъ 49, частныхъ 200, нежилыхъ строений казенныхъ 27, лавокъ казенныхъ одна, частныхъ одиннадцать, изъ нихъ пять американскихъ, — всего до 288 строений. Въ числѣ жителей находится войскъ различныхъ наименованій 1518 человекъ и ихъ женъ и семействъ 263.

Торговля Николаевска еще не установилась положительнымъ и опредѣлительнымъ образомъ. Въ 1855 и 1856 годахъ во время военныхъ дѣйствій и при неизвѣстности существованія нашего новаго порта на устьѣ Амура, было въ приходѣ по два иностранныхъ корабля. Въ 1857 году жажда большой поживы, а можетъ быть частію и любознательность, привлекли въ устье Амура семь иностранныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ гамбургскій и одинъ изъ Хонконга, отъ вновь составившейся въ этомъ городѣ американской компаніи для торговли съ Амуромъ, подъ именемъ Amur-companie. Дѣла иностранныхъ торговцевъ въ Николаевскѣ въ 1857 году шли такъ хорошо, что къ зимѣ уже началъ оказываться недостатокъ во многихъ предметахъ, напримѣръ, сигарахъ, винахъ лучшаго сорта, шелковыхъ матеріяхъ, ситцахъ, другихъ тканяхъ, посудѣ и проч., такъ что я помню, что зимою 1857 и 1858 года, нельзя было въ николаевскихъ магазинахъ — русскихъ и иностранныхъ, — найдти порядочной матеріи для платья, нельзя было купить чайника, панирость Миллера, русскаго шампанскаго, т. е., лучшаго сорта редереръ, или клнко, привезеннаго сухимъ путемъ изъ Москвы чрезъ Сибирь. Но вѣроятно иностранцы, видя небольшой городокъ и мало надѣясь на вывозъ своихъ товаровъ вверхъ по Амуру въ Сибирь, сначала не рассчитывали на успѣшное потребление привезенныхъ ими грузовъ и многіе изъ нихъ, какъ бы испугавшись конкуренціи большаго числа пришедшихъ кораблей въ 1857 году, положили или не посылать на слѣдующій годъ никакихъ товаровъ на Амуръ, или послать ихъ гораздо въ меньшемъ количествѣ. Не знаю по этой ли причинѣ или по другой, но только въ 1858 году пришло къ Николаевску всего четыре корабля, въ сложности до восьми сотъ пяти тоннъ вмѣстимостью, изъ нихъ два было гамбургскихъ, два американскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ верху Амура сплыло къ Николаевску девять

баржъ съ русскими товарами, поднимающихъ каждая отъ полутора до двухъ тысячъ пудовъ грузу. По оффиціальнымъ свѣдѣнiямъ въ 1858 году привезено было иностранныхъ товаровъ на 174,651 рубль, русскихъ на 72,444 рубля 75 копеекъ, а продано вмѣстѣ съ остатками отъ прежняго года — иностранныхъ на 228 рублей, русскихъ на 97,325 рублей.

Къ этому надобно прибавить казенную продажу муки, крупы, мяса, спирта, сплавляемыхъ съ верху Амура для народнаго продовольствiя, и продажу разныхъ товаровъ изъ казенной лавки. Всѣхъ этихъ предметовъ было продано казною въ 1858 году на сумму до 25,000 рублей. Такимъ образомъ всего въ 1858 году было привезено въ Николаевскъ товаровъ на 247,095 рублей 75 копеекъ, а продано на 325,655 рублей, а съ казенной продажей до 350,000 рублей. Изъ этихъ цифръ конечно можно вывести заключенiе, что въ 1857 году дѣйствительно было привезено товаровъ слишкомъ много, потому что часть ихъ распродалася даже въ слѣдующемъ 1858 году, но приэтомъ нужно взять въ соображенiе, что иностранные корабли разгружаются въ Николаевскѣ обыкновенно около iюля, слѣдовательно весьма естественно, что торговцы не могутъ распродать къ 1-му января, т. е., втеченiе пяти или шести мѣсяцевъ, всего того груза, который завезенъ на дѣлiй годъ. Недостаточность же привоза прошлаго 1858 года объясняется тѣмъ, что въ настоящее время — весною до прихода иностранныхъ кораблей — въ николаевскихъ магазинахъ рѣшительно ничего нѣтъ порядочнаго, и если осталось что-нибудь не проданнымъ, то это все такая дрянь, которая едва ли когда и можетъ быть продана. Недостатокъ во всемъ необходимомъ такъ ощутителенъ, что сахаръ, продававшiйся обыкновенно десять рублей за пудъ, теперь раскупается только изъ одной казенной лавки по двадцати два рубля за пудъ. Сами иностранные торговцы сознаются, что въ прошлую навигацiю они слишкомъ мало привезли товаровъ и утверждаютъ, что въ нынѣшнiй годъ будетъ больше и всего будетъ вдоволь. Но, судя по примѣру нѣсколькихъ уже лѣтъ, нельзя ожидать большой пользы для Николаевска отъ торгующихъ въ настоящее время здѣсь иностранцевъ. Вся эта братiя до-сихъ-поръ привозитъ товаръ посредственной доброты, какъ видно не идущiй съ рукъ въ другихъ мѣстахъ, и за все беретъ въ тридорога, пользуясь всеми обстоятельствами и натяжками, не смотря ни на какiя фактуры, ни на какiя таксы. Основавшiе здѣсь свои лавки иностранные торговцы въ высшей степени

придерживаются американскому девизу: *dollars*, — и на основаніи этого стараются только на рубль нажить десять. Даже пресловутая *Amur-companie* въ Хонконгѣ, — на магазинѣ которой въ Николаевскѣ выставленъ красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ и бѣлою же подписью, — до-сихъ-поръ привозитъ сюда болѣею частію грошевые товары, — какъ слышно залежавшіеся или купленные съ аукціона въ Хонконгѣ. По этому правильная торговля можетъ возникнуть на устьѣ Амура только при конкуренціи самостоятельной торговой компаніи, оборотами которой будутъ руководить не случайное барышничество или монополизмъ, а благоразумно-разсчитанные обороты, виды на постоянную прибыль и вообще болѣе правильный образъ дѣйствій. Поэтому Николаевскъ и весь Амуръ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прихода кораблей и открытія дѣйствій амурской компаніи, ожидая что тогда вѣроятно понизятся цѣны на многіе предметы, и что въ привозѣ появятся товары доброкачественные, къ которымъ уже привыкла болѣешая часть здѣшней публики, — кто въ Петербургѣ, кто въ Сибири. Здѣсь много и даже очень много хорошаго и полезнаго ожидаютъ отъ дѣйствій амурской компаніи, — посмотримъ, какъ-то она оправдаетъ эти ожиданія. А поприще для нея обширное: стоитъ только съ умѣньемъ взяться за дѣло. Не говоря уже о потребителяхъ и о потребленіи одного Николаевска, — потребленіи ежегодно усиливающимся, — передъ ней лежитъ весь Амуръ, торговля по рѣкѣ Сунгаріи съ маньчжурами, вывозъ отъ нихъ дешевыхъ продовольственныхъ припасовъ, — доставка иностранныхъ товаровъ на своихъ рѣчныхъ пароходахъ въ Забайкалье и оттуда сухопутьемъ въ Иркутскъ, — отрасли, которыя всѣ даже и закрыты отъ конкуренціи иностранцевъ. Посмотримъ, какъ амурская компанія сдумаетъ всѣмъ этимъ воспользоваться, и тогда только, чрезъ три или четыре года, т. е., когда привозъ товаровъ будетъ удовлетворять потребленію Николаевска, Амура и Сибири, можно будетъ правильно сообразить и опредѣлить обороты всей иностранной торговли на устьѣ Амура.

Теперь еще не пришло къ Николаевску ни одного иностраннаго корабля, впрочемъ и ожидать рано. Обыкновенно они входятъ въ Амуръ около 10-го іюня. Нынѣшній годъ къ тому же вскрытіе рѣки было здѣсь позднее, не смотря на то, что повсемѣстно, и въ европейской Россіи и въ Сибири, весна была ранняя. Амуръ вскрылся у Николаевска 6-го мая и этого же числа пришелъ сверху пароходъ «Амуръ», который за льдомъ не могъ

войдти въ заливъ предъ Николаевскомъ. Ледянь очистился отъ льда 18-го мая. Пронзлаго 1858 года вскрытіе Амура было одне изъ раннихъ: у Николаевска фарватерь очистился 30-го апрѣля, а ледянь 13-го мая. Въ этомъ же году въ разныхъ частяхъ своего теченія Амуръ вскрылся: въ Шилкинскомъ заводѣ 25-го апрѣля, у зимовья Радде въ Малохнганскомъ хребтѣ 4-го апрѣля, у устья Усури 9 апрѣля, выше устья Усури у горы Хармакко 12-го апрѣля, у Маринискаго поста 28 апрѣля. Въ нынѣшнемъ же 1859 году послѣдовательное вскрытіе Амура было таково: Шилка въ Срѣтенскѣ 11-го апрѣля, у станицы Катерино-Николаевской ледъ тронулся 5-го апрѣля, а очистился 17-го апрѣля, около устья Сунгари, южнѣйшаго изгиба Амура, навигація открылась гораздо ранѣе, такъ что 15-го марта тамъ уже ѣздили на лодкахъ. У Хабаровки, при устьѣ Усури, Амуръ вскрылся 9-го, а очистился 11-го апрѣля.

Р. С. Письмо это не понало на русскую почту ни въ Николаевскѣ ни въ де-Кастри; поэтому отправляется изъ Хакодате въ Шанхай по англійской почтѣ чрезъ Сингапурь, Суэць и Александрію. Теперь, утромъ 10-го іюня, мы подходимъ къ Сагарскому проливу; влѣво отъ насъ рисуются на горизонтѣ темныя силуеты гористаго Матсшая, вправо высокій и скалистый островокъ Осима, назади насъ длинный и гористый островъ Оносери, который мы миновали сегодня утромъ. Вдали видно до двадцати японскихъ джонокъ, идущихъ подъ парусами. Сегодня надѣемся прійти въ Хакодате, откуда постараюсь послать вамъ другое письмо.

Д. РОМАНОВЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Лекція г. Погодина о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

Между множествомъ петербургскихъ публичныхъ лекцій прошлаго мѣсяца заслуживаетъ особеннаго вниманія не лекція, а разсужденіе г. академика Погодина, то самое, которое читалось въ Москвѣ, въ обществѣ любителей россійской словесности «О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ,» по поводу и на основаніи неизвѣстныхъ доселѣ и новыхъ въ русской исторической литературѣ документовъ, обнаруженныхъ г. Устряловымъ въ VI

тогѣ его «Исторіи Петра Великаго». Чтеніе это происходило 14-го марта въ залѣ Пассажа, у Водова и Похитонова и доставило торжество бывшему московскому профессору. Зала наполнилась слушателями, которыхъ собрали конечно не «славянскія предпріятія» (въ пользу ихъ происходило чтеніе), а извѣстность г. Погодина, какъ стариннаго и рьянаго дѣятеля русской исторіи, популярность пріобрѣтенная имъ послѣ восточной войны и желаніе, можетъ быть, сравнить его историческій талантъ и изложеніе съ талантомъ и изложеніемъ любимаго петербургской публики, профессора здѣшняго университета г. Костомарова, не говоря уже объ интересѣ самого предмета. Безцвѣтная и жалкая личность царевича Алексѣя Петровича, его трагическая судьба, сдѣлавшая его искупительною жертвою преобразованія, которая никогда ясно не была представлена въ нашей исторической литературѣ, борьба въ сердцѣ отца, множество самыхъ запутанныхъ придворныхъ интригъ и козней, любопытнѣйшій моментъ въ русской исторіи XVIII вѣка, тяжелая эпоха для народа со всею своею страшною обстановкою, все это увеличивало участіе публики къ чтенію г. Погодина. Онъ былъ встрѣченъ самыми одушевленными рукоплесканіями, его проводили съ восторгомъ и вызовами; малѣйшій остроумный намекъ его, слово сказанное нѣсколько съ ироническимъ оттѣнкомъ, шутка или фигурное выраженіе, все вызывало общій восторгъ публики. Особенно долго раздавались рукоплесканія, когда г. академикъ, обращаясь съ полнымъ сочувствіемъ къ русской современности, сказалъ, что появленіе документовъ, обнародованныхъ г. Устряловымъ, надобно считать многозначительнымъ именно въ наше время, когда уже мы имѣемъ право и возможность произнести откровенный историческій судъ надъ событіями и лицами эпохи русскаго преобразованія.

Разбирая факты, относящіеся до жизни и дѣятельности царевича, г. Погодинъ нѣсколько идеализировалъ эту личность; даже отношенія его къ извѣстной Афросинѣ, онъ старался выставить въ нѣсколько нѣжномъ свѣтѣ, но печальное положеніе царевича, нелюбимаго отцемъ, прожѣлывшимъ прежнія супружескія отношенія на новыя, обстоятельства, по которымъ онъ невольно долженъ былъ встать въ тупую оппозицію реформѣ, давно задуманная и ловко веденная интрига Екатерины и Меншикова, которая привела къ гибели несчастную жертву, самый актъ обвиненія, представляющій меньше юридической правды, чѣмъ чиновничьей ловкости, все это вѣрно было указано г. Погодинымъ,

и съ нимъ нельзя было но согласиться. Главное лицо въ этой исторической драмѣ былъ, разумѣется Петръ, но г. Погодинъ не возвысился до окончательнаго и рѣшительнаго суда надъ личностію преобразователя въ этомъ дѣлѣ; онъ не могъ судить его, особенно здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ его, каждый камень говоритъ о немъ, на каждомъ шагу встрѣчается его имя и память. Весь историческій судъ надъ Петромъ г. Погодинъ выразилъ въ словахъ молитвы объ отпущеніи ему его прегрѣшеній, о дарованіи мира душѣ его. Этими словами, передающими право суда человѣческаго въ руки Божіи была заключена лекція. Безъ всякаго сомнѣнія она скоро появится въ печати и тогда гораздо легче будетъ познакомиться съ возрѣніемъ г. Погодина на этотъ эпизодъ русской исторіи.

Н. К.

II.

Диспутъ гг. Погодина и Костомарова.

Очень ошибаются тѣ, которые считаютъ диспуты наноснымъ схоластическимъ явленіемъ, непмѣющимъ у насъ корня въ народѣ. Правда, богатыри русскіе не любили толковать, и возраженія считали «за слова праздна и рѣчи бездѣльныя», на которыя отвѣчали мечемъ. Но какъ только дошло дѣло до убѣжденій, сейчасъ же являются диспуты. Первый примѣръ торжественнаго диспута, предъ лицомъ всего народа, былъ... *hopni soit qui mal у pense!*... — былъ поданъ Никитой Пустосвятомъ. Диспутъ этотъ, какъ извѣстно, окончился большими неприятностями для главнаго диспутанта. Но примѣръ не остался безъ подражаній: въ борьбѣ съ расколомъ, и правительство и Церковь нѣсколько разъ прибѣгали къ этой формѣ: назначались спорные пункты, опредѣлялись мѣста собранія, и въ назначенное время тысячи народа сходились послушать пренія. Впрочемъ, раскольники, помня неприятности, постигшія послѣ рѣзкаго диспута Никиту, обыкновенно соглашались на доводы безъ большихъ возраженій. И до-сихъ-поръ въ Кремлѣ на святой недѣлѣ происходятъ диспуты православныхъ съ раскольниками; по нѣсколько лѣтъ сряду сходятся одни и тѣ же противники, отлагая на годъ собраніе новыхъ доказательствъ, — и если не доходятъ до согласія въ главныхъ пунктахъ, — то доходятъ хоть до

взаимнаго уваженія свободы мысли. Въ виду этихъ фактовъ, можно ли сомнѣваться въ популярности у насъ диспутовъ?

Но торжественный диспутъ о вопросѣ науки никогда не былъ у насъ до 19-го марта, съ-тѣхъ-поръ, какъ стоитъ русская земля. Конечно, ученые публичныя диспуты бывають въ нашихъ университетахъ безпрестанно, иногда даже очень живые.

Что же особеннаго было въ предложеніи г. Погодина диспутировать съ г. Костомаровымъ о происхожденіи варяговъ? Кажется, это предложеніе переводится просто. Не тотъ ли смыслъ имѣетъ письмо г. Погодина: «Вы напечатали, г. Костомаровъ, въ «Современникѣ» статью, гдѣ доказываете, что варяги-русь, положившіе начало русскому государству, были не норманы, а литовцы изъ устья Нѣмана. Не угодно ли вамъ защищать эту статью, какъ защищаются магистерскія и докторскія диссертациі. Я буду вашимъ оффиціальнымъ оппонентомъ». Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не распространить и на сочиненія, написанныя не для полученія ученой степени, форму диспутовъ? Эта форма имѣетъ много хорошаго. Во-первыхъ, она хорошій палліативъ противъ furor typographicus, болѣзни, которая теперь особенно сильно свирѣпствуетъ у насъ, когда печатаются безконечныя протесты о томъ, что редакція такого-то журнала не совсѣмъ точно выразилась о степени участія протестанта, — о томъ, что одинъ господинъ далъ другому вмѣсто обѣщанныхъ пяти паевъ съ такого-то откупа, шесть, но худшихъ, съ другаго и т. д. На словесномъ диспутѣ многое, о чемъ, кажется, можно было бы напечатать цѣлую статью, объяснится вдругъ очень просто, всѣ посмѣются, и увидятъ, что не изъ чего и спорить. Далѣе, словесный диспутъ полезенъ потому, что онъ ясно устанавливаетъ пункты спора — и такимъ образомъ печатная война будетъ имѣть твердые предѣлы, — это *localiser la guerre*. Наконецъ, диспутъ вводитъ въ интересы науки тѣхъ, которымъ некогда или не по силамъ слѣдить за печатной полемикой.

Не смотря на то, диспутъ 19-го марта показался чѣмъ-то чрезвычайнымъ; всѣ объ немъ толковали, всѣ ждали его съ нетерпѣніемъ. Причина понятна. Тонъ дѣлаетъ музыку. Объявленіе г. Погодина было далеко отъ скромныхъ извѣщеній ректора университета, что въ часъ пополудни кандидатъ N. будетъ защищать диссертацию, къ чему и приглашаются любители просвѣщенія. Нѣтъ, это былъ грозный вызовъ на поединокъ. Г. Погодинъ, тяжелый на подъемъ, пріѣхалъ изъ Москвы, въ-подъ Дѣвичьяго поля, нарочно для этого въ Петербургъ. Вы-

зовъ его, напечатанный въ газетахъ, произвелъ большой эффектъ. Г. Погодинъ просилъ, чтобъ вызвали для него въ секунданты гѣни Байера, Милера, Шлецера. Дѣло, впрочемъ, кончилось безъ секундантовъ: г. Погодинъ не согласился, чтобы живые люди изрекли приговоръ; а г. Костомаровъ усумнился въ возможности найти въ Петербургѣ даму въ родѣ аэндорской волшебницы, да къ тому же и не выразилъ намѣренія безусловно покориться приговору гѣней.

Вотъ первая причина. Вторая — личность диспутантовъ. Г. Костомаровъ и изъ своихъ официальныхъ лекцій дѣлаетъ чрезвычайныя и публичныя — по необычному стеченію постороннихъ слушателей и слушательницъ; популярность его, какъ писателя и какъ преподавателя, весьма велика. Г. Погодинъ... но кто въ Россіи не знаетъ его имени и дѣятельности, какъ историка и оратора? За нѣсколько дней до диспута онъ вознакомилъ петербургскую публику съ своимъ сильнымъ талантомъ превосходной лекціей о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Не скоро придется услышать въ другой разъ словесный бой такихъ бойцевъ!

Наконецъ, — самый предметъ диспута, старый, избитый, но какой-то неутомимый; онъ представляется вдругъ въ новомъ видѣ, съ новымъ значеніемъ, тогда, когда думали, по выраженію г. Погодина, что онъ спитъ непробуднымъ сномъ, *quiescat in pace*. Что же въ немъ такого затрогивающаго? Отчего не хочется успокоиться на общепринятомъ мнѣніи о норманскомъ происхожденіи варяго-русовъ? Главный представитель этого мнѣнія, г. Погодинъ, самъ объяснилъ это на диспутѣ. «Я долго боролся съ самимъ собою, сказалъ онъ, при принятіи мнѣнія о норманскомъ происхожденіи руссовъ. Тяжело мнѣ было думать, что основатели русскаго государства были иноплеменники. И я уступилъ только неопровержимымъ фактамъ. Но мнѣ всегда пріятно ограничить мое мнѣніе.» Г. Костомаровъ считаетъ руссовъ все-таки иноплеменниками, не норманнами, а литовцами. Но литовское племя гораздо ближе къ славянскому, нежели нѣмецкое; Полевой принималъ мнѣніе Ватсона, что литовцы переходный народъ (*Uebergangsvolk*) между славянами и германцами; они въ глубочайшей древности находились въ религиозной связи съ славянами (кривичи отъ криве), какъ доказалъ г. Костомаровъ, — слѣдовательно, между ними были нункты общенія въ духовной сферѣ, такъ что и теорія г. Костомарова представляется какъ бы переходной ступеней отъ нѣмецкаго происхож-

денія начала русскаго государства къ національному. А главное потому пріятнѣе, что если основатели русскаго государства принадлежали къ тому племени, которымъ впослѣдствіи князя наши пахали землю, а не къ тому, которая осѣдала и ѣздитъ на многихъ славянскихъ племенахъ, — то, стало быть, и самое событіе не имѣло того внутренняго значенія, которое ему обыкновенно приписываютъ, не могло сообщить вкуса и цвѣта русской жизни.

Вотъ какъ много интересовъ представлялъ диспутъ 19-го марта! За три дни нельзя было достать билета, не смотря на высокую цѣну. Огромная зала университета была биткомъ набита и сидѣвшими и стоявшими, — всѣхъ было, если не ошибаюсь, до 2,000 человекъ, ученыхъ, литераторовъ, военныхъ, студентовъ, — и даже нѣсколько дамъ. Разумѣется, въ этомъ числѣ было много такихъ, которыхъ интересовалъ не самый предметъ диспута, а обстановка и процессъ. Да, процессъ. Какъ гоголевскій Петрушка читалъ для процесса чтенія, такъ есть много людей страстно любящихъ ученые споры только за механизмъ. Я зналъ одного почтеннаго номѣщика, безъ всякаго образованія, разорившагося на конскихъ заводахъ, который говаривалъ: «Если бъ я былъ богатъ, то приглашалъ бы въ свою подмосковную на лѣто ученыхъ, угощалъ бы ихъ великолѣпно, доставлялъ бы всѣ возможные развлечения, съ тѣмъ только, чтобъ они за обѣдомъ спорили при мнѣ!» Присутствіе этого почтеннаго класса, для котораго диспутъ служить чѣмъ-то въ родѣ пѣтушняго боя, сильно обнаруживалось топаньемъ и гамомъ, часто вовсе не кстати, что не мало смущало и утомляло диспутантовъ.

Г. Погодинъ открылъ диспутъ слѣдующими словами: «Мм. Гг! Ваше присутствіе здѣсь, на диспутѣ, который ничего не можетъ обѣщать, кромѣ скуки, показываетъ ясно, что мы созрѣли для преній о всякаго рода вопросахъ....» Здѣсь слова оратора были прерваны громомъ рукоплесканій и крикомъ «браво», отъ которыхъ потряслась зала. Напрасно г. Погодинъ голосомъ и знаками просилъ дать ему кончить фразу, — рукоплесканія не умолкали втеченіе нѣсколькихъ минутъ. И публика была совершенно права. Эта минута была прекрасна; каждый почувствовалъ себя сильнѣе и тверже. Мы помнимъ, что г. Погодинъ лѣтъ десять тому назадъ, разбирая одну диссертацию по русской исторіи, въ которой была выражена, но не проведена, мѣткая мысль о значеніи смутнаго времени, сказалъ: Вотъ тезисъ, который стоитъ диссертациі; посмотримъ теперь, стоитъ

ли диссертация тезиса.» Мы не обвиняя скажемъ почти тоже самое: эта минута стоила больше всякаго диспута! Онъ видимо получилъ второстепенное значеніе.

Г. Погодинъ въ письмѣ къ г. Костомарову говорилъ о намѣреніи выдвинуть «тяжелую артиллерію» для защиты своей теоріи. Но до этого не дошло дѣло. Сраженіе ограничилось перестрѣлкой, часто очень живой, маршами и контръ-маршами. Каждый изъ воевавшихъ болѣе высматривалъ позицію противника, нежели нападалъ. Г. Погодинъ согласился, что позиція г. Костомарова у устьевъ Нѣмана, откуда онъ соприкасался съ кривичами и другими славянскими племенами, союзниками его Жмуди по религіи и другимъ отношеніямъ — довольно сильна; что выбить его оттуда можно только долгой географической войной, для которой видимо онъ еще не снарядился вполне, — а поэтому споръ о мѣсть, откуда пришла Русь, отложилъ до печати. Далѣе, онъ согласился уступить г. Костомарову Олега и кучу свѣтлыхъ бояръ, участвовавшихъ въ заключеніи договоровъ съ греками, — литовское происхожденіе ихъ именъ ясно доказано въ статьѣ г. Костомарова. Съ своей стороны г. Костомаровъ спохватился, что позиція его у устьевъ Нѣмана совершенно открыта для морскихъ наѣздовъ нормановъ. «Я соглашаюсь, сказалъ онъ, что въ той Литвѣ, которая пришла съ Рюрикомъ, былъ норманскій элементъ. Норманы обыкновенно стремились къ устьямъ большихъ рѣкъ, и оттуда направлялись во внутрь страны. Естественно, что они не могли миновать устьевъ ближайшей къ Швеціи большой рѣки — Нѣмана.» Затѣмъ онъ уступилъ г. Погдину Игоря, Рюрика уступилъ съ оговоркой, но въ Ольгѣ, какъ ни настаивалъ г. Погодинъ, отказалъ, и вызвался защищать ее всѣми литовскими и союзными славянскими силами. «Посмотрите, говоритъ г. Погодинъ, какъ Ольга держитъ себя передъ греческимъ императоромъ, — вся ея свита встала, а она едва кивнула головою: чистая норманка!» — «Чистая литвянка или славянка», — отвѣчалъ г. Костомаровъ. Вообще, въ филологическихъ доказательствахъ г. Костомаровъ оказался по крайней мѣрѣ по количеству сильнѣе своего противника. Г. Погодинъ самъ чувствовалъ это, и хотѣлъ наверстать качествомъ: «Вотъ имена собственные князей и бояръ, которые вы производите съ литовскаго, означаютъ однако на этомъ языкѣ нарицательныя и прилагательныя; тогда какъ мои имена на-примѣръ, Игорь, встрѣчаются въ скандинавскомъ въ томъ же значеніи, т. е., какъ собственные.» Г. Костомаровъ отразилъ

это нападеніе чрезвычайно удачно: онъ напомнилъ, что у младенческихъ народовъ всѣ имена собственныя — не болѣе какъ качественныя прилагательныя и нарицательныя; и притомъ въ pendant Игорю привелъ литовскаго князя Утинеса, соотвѣтствующаго имени Утина, одного изъ бояръ временъ греческихъ договоровъ. Диѣпировскіе пороги также не доставили рѣшительнаго перевѣса ни одному изъ противниковъ.

На другомъ пунктѣ доказательствъ, на морскихъ походахъ въ Грецію, г. Погодинъ оказался сильнѣе своего противника. «До половины девятаго вѣка не было морскихъ нападеній на Грецію изъ русской земли, а во второй половинѣ и въ началѣ десятаго вѣка мы вдругъ видимъ, что цѣлыя флоты выходятъ изъ устьевъ Диѣпира, дѣлають нападенія, да и какія, на самый Константинополь. Не ясно ли, что въ Россіи въ это время совершился переворотъ, что пришло къ славянамъ другое племя опытныхъ мореходовъ, — а какое же это племя могло быть въ то время, кромѣ нормановъ?» Г. Костомаровъ возразилъ, что и нѣманская Литва также знала мореходство. Но г. Погодинъ ловко напиралъ не на одинъ фактъ морскихъ нападеній, а на громадныя размѣры его, на которые, дѣйствительно, едва ли бы хватало удали и умѣнья у чистой Жмуди.

Мы не будемъ передавать всѣхъ мелочныхъ подробностей диспута. Онъ былъ очень живъ и остроуменъ съ обѣихъ сторонъ. Конечно, онъ былъ бы еще занимательнѣе, еслибъ противники напередъ не условились въ пунктахъ нападенія и средствахъ отраженія. Или, даже пожалуй бы условились, но не такъ подробно... Впрочемъ, какъ мы сказали, главныя силы не вступали въ бой. Г. Погодинъ даже не затронулъ тѣхъ доказательствъ литовскаго происхожденія рюриковой Русы, которыя г. Костомаровъ выводилъ изъ исторіи Новгорода, изъ названія кievскихъ божествъ и урочищъ, изъ преданій, изъ превосходной параллели между событіемъ IX вѣка и завоеваніемъ Литвою западной Россіи въ XIV вѣкѣ. Отлагая окончательный бой до печати, г. Погодинъ, сознавая силу противника, сказалъ: «Я не могу вамъ уступить норманскаго происхожденія Руси (т. е. рюриковой, потому что теперь положительно доказано, что Русей, племенъ съ этимъ именемъ было нѣсколько, — между прочимъ г. Костомаровъ въ своей статьѣ доказалъ, на основаніи сказаній арабскихъ и свидѣтельства нашихъ лѣтописей, что было мордовское или черемисское племя — Русь), — если даже я вамъ и скажу, что она не норманская, не вѣрьте мнѣ, потому что вну-

три себя я все-таки непоколебимо убеждать въ ея норманскомъ происхожденіи.» Это — галицеевское: «А она все-таки вертится!» было очень эффектно.

На чемъ же заключили перемиріе противники? Они помирились на основаніи того начала международнаго права, которое во всё времена играло большую роль въ промежуткѣ между двумя фазами войны — на началѣ *Uti possidetis*. Взаимныя уступки были не велики:

Г. Погодинъ: «Я соглашаюсь, что въ числѣ рюриковой Руси могли быть литовцы, пожалуй и славяне. Но преобладающимъ, господствующимъ слоемъ во всёхъ отношеніяхъ — были норманы.»

Г. Костомаровъ: «Я соглашаюсь, что въ числѣ рюриковой Руси могли быть норманы и славяне, но главнымъ элементомъ были литовцы.»

Не въ одномъ мнѣніи о происхожденіи Руси расходятся противники, а въ томъ, что гораздо важнѣе — въ степени значенія Руси для нашей цивилизаціи. Г. Погодинъ повторилъ на диспутѣ мнѣніе, которое было имъ высказано много разъ въ другихъ словахъ: «славяне — это стаканъ воды, Русь — капля вина, — худаго или хорошаго, — но эта капля сообщаетъ видъ, цвѣтъ и вкусъ.» Не такого мнѣнія г. Костомаровъ, какъ видно изъ его статьи, хотя на диспутѣ онъ не повторялъ его, кажется, по простой причинѣ, потому что оно повело бы слишкомъ далеко, перенесло бы споръ на все содержаніе русской исторіи отъ Рюрика до нашихъ дней. Говоря о томъ, какъ въ XIV и XV вѣкѣ масса Литвы поселилась среди русскихъ, дала имъ князей и свое имя, и затѣмъ распустилась безъ слѣда въ славянской народности, г. Костомаровъ прибавляетъ: «Эта легкость, удобоподатливость литовской народности совершенно объясняетъ, почему пришельцы, появившіеся между славянами въ IX вѣкѣ, такъ скоро потеряли слѣды своего первобытнаго существованія, потеряли до того, что самое происхожденіе ихъ облеклось въослѣдствіи мракомъ и сдѣлалось предметомъ споровъ и догадокъ. Со всѣмъ другимъ было бы съ норманами, еслибъ наши пришельцы были ими. Нѣмецкое племя уступало только народностямъ, гораздо болѣе образованнымъ, что и случилось въ Италіи, во Франціи; въ Британіи, гдѣ образованность бриттовъ не до такой степени усвоила внесенныя Римомъ начала, какъ въ Галліи, оно успѣло утвердить надъ ихъ народностью свое господство въ лицѣ англо-саксовъ, хотя бритты были образованнѣе при-

шельцевъ. Славянскія племена въ Россіи, безъ сомнѣнія, должны были выдержать ту же борьбу, въ какой не устояли и папъ ихъ прибалтійскіе братья, въ какой едва держатся на ногахъ до-сихъ-поръ ихъ западныя соплеменники, а мы ничего подобнаго и слѣда не видимъ.»

Кажется, съ этого слѣдуетъ начать настоящій печатный диспутъ; опредѣлить, что значила Русь въ стаканѣ славянской воды — каплю вина, давшаго ей цвѣтъ и вкусъ, или порошокъ снѣга, распустившагося безъ слѣда. Другими словами: образовалась ли наша цивилизація подъ германскимъ вліяніемъ, или исключительно подъ византійскимъ и татарскимъ. Тогда и самый вопросъ о происхожденіи Руси приобрететъ важное значеніе. Впрочемъ, ни норманская, ни византійско-татарская побѣда не можетъ положить окончательный приговоръ будущей самобытности русской цивилизаціи. Мы узнаемъ, что извѣстная форма цивилизаціи тогда только проникла въ глубь народа, когда члены его, перенесенные на другую почву возсоздаютъ свободно ея начала. Такъ англичанинъ въ пустыни сѣверной Америки, Австраліи, Африки — приноситъ неизмѣнно: присяжныхъ, habeas corpus, газету, двухъ-камерный парламентъ. Русскіе частями также отрывались отъ родной почвы, напримѣръ, во времена московскаго государства. Но наши казаки и раскольники, выходя изъ территоріи государства, не уносили съ собою формъ его общественной жизни, — а основывали юридическій бытъ свой на другихъ началахъ...

Но мы забыли объ диспутѣ. Онъ былъ закрытъ словами г. Погодина. Г. Костомаровъ предоставилъ своему противнику всю нечетную часть: открыть и закрыть диспутъ, выразить сводъ мнѣній. Г. Погодинъ окончилъ диспутъ словами: «да здравствуетъ Русь, откуда бы она ни пришла!» Такъ какъ судей и посредниковъ не было, по требованію г. Погодина, то ему пришлось подъ конецъ исправлять должность нейтральнаго третейскаго судьи.

Оба диспутанта были вынесены студентами на рукахъ изъ залы. Публика разошлась съ самыми разнородными толками. Вотъ, впрочемъ, общее мнѣніе, сколько намъ удалось слышать: «Я думалъ, что диспутъ будетъ интереснѣе. Но, право, не жаль ни денегъ, ни времени. Когда бъ чаще бывали такіе диспуты, — какъ бы хорошо было...»

А. ЛОХВИЦКІЙ.

III.

Замѣтки о Москвѣ и провинціи.

Нынѣшній зимой намъ посчастливилось особенно въ публичныхъ лекціяхъ изъ политической экономіи. Это доказываетъ прежде всего потребность общества изучать экономическіе вопросы, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ въ томъ, что экономической наукѣ давно уже пора сдѣлаться у насъ предметомъ общаго образованія. Недостатокъ этотъ былъ особенно замѣтенъ года три назадъ, когда былъ поднятъ важнѣйшій современный русскій вопросъ, отъ удачнаго разрѣшенія котораго зависитъ вся экономическая будущность Россіи. Къ счастью теоріи, созданной чуждыми намъ условіями государственной и общественной жизни, не привились къ намъ и принципы, приложение которыхъ къ жизни привело къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, которые составляютъ язву настоящаго экономического быта западной Европы, не получили у насъ права полного гражданства. Вотъ почему торжественные обѣды петербургскихъ политико-экономистовъ во имя науки, послѣ-обѣденные спичи, договоръ о союзѣ на жизнь и смерть противъ опаснаго по своей жизненности направленія новой экономической школы, принимаютъ комическій характеръ. «Наука, какъ истина для всѣхъ одна, говорятъ экономисты въ своихъ спичахъ, мы не должны дѣлать уступокъ, будемъ стоять грудью за правое дѣло, не отступая ни шага, исключая тѣхъ приложений, которые вызовутся условіями жизни.» Да развѣ это не то, къ чему идетъ новая школа? Какое тутъ стояніе грудью и зачѣмъ оно, когда такъ облегчено отступление? Не застольными рѣчами поддерживается истина, а убѣжденіемъ, вытекающимъ изъ вѣрнаго пониманія условій жизни и особенностей экономического быта того народа, о которомъ идетъ рѣчь. А въ такомъ случаѣ нельзя брать на вѣру отъ другихъ готовую теорію, неоправдавшуюся даже у нихъ дома. Не для того ли брать ее, чтобы тѣмъ же путемъ дойти до тѣхъ же печальныхъ результатовъ? Чему же мы радуемся, когда насъ посѣщаютъ гости, пріѣзжающіе учить насъ тому, что нужно намъ въ другомъ, болѣе очищенномъ видѣ? Для чего при такихъ случаяхъ мы даемъ обѣды съ тостами и рѣчами? Для чего мы такъ торопимся на мало поучительныя лекціи забѣжкихъ учителей? Всѣ это мы говоримъ по поводу г. де-Молинарри и публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Москвѣ на французскомъ діалектѣ.

Изъ короткихъ замѣтокъ помѣщенныхъ въ «Нашемъ Времени» нетрудно составить понятіе о сущности и характерѣ чтеній г. де-Молинали. «Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ заявилъ, что политическая экономія вошла въ настоящее время, въ разрядъ тѣхъ предметовъ, которые пользуются свободнымъ пропускомъ въ Россію.» Чему же тутъ радуется г. де-Молинали? Дѣйствительно, что пропускъ этотъ не былъ прежде свободенъ; но почему? кому грозила опасность? рѣшительно никому. Могла ли такая кроткая, послушная и довольная всѣмъ наука быть для кого-нибудь опасной? Изъ перваго чтенія г. де-Молинали уже видно, что стоитъ все оставить идти такъ, какъ оно идетъ и на землѣ водворится рай. «Экономисты не имѣютъ притязанія навязывать своего ученія принудительными мѣрами, слѣдовательно если оно ошибочно, то всякому предоставляется право опровергнуть его доводами разума.» Неужели это исключительное преимущество политической экономіи? И будто возможно опровергать чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ доводовъ разума? «Если же оно истинно, если можетъ увеличить благосостояніе въ массахъ, и счастье человѣчества, то не обязаны ли правительства примѣнять это ученіе и, примѣняя его, не приобрести они вѣчнаго права на признательность народовъ, на славу болѣе чистую и требующую меньшихъ расходовъ, чѣмъ слава покупаемая дорого на поляхъ сраженій?» Какія скромныя требованія! Жаль только, что г. де-Молинали, говоря условно о возможности увеличенія благосостоянія въ массахъ, не сдѣлалъ историческаго обзора этого увеличенія на западѣ Европы, увеличенія приведшаго къ пролетаріату и къ печальнымъ событіямъ послѣдняго времени. Г. де-Молинали могъ бы привести много поучительныхъ примѣровъ, хорошо обрисовывающихъ нынѣшнее отношеніе труда къ капиталу, нынѣшнее отношеніе фабричнаго рабочаго къ фабриканту. Однѣ лонскія фабрики доставили бы примѣровъ на цѣлую лекцію и побѣда, одержанная г. де-Молинали надъ своими слушателями досталась бы ему не такъ легко, многіе можетъ быть не повѣрили бы краснорѣчивымъ похваламъ теоріи, которую г. де-Молинали позволяетъ опровергать доводами разума, и оставили бы лекцію не совсѣмъ довольные формулой *laissez faire, laissez passer*. А болѣзнь? для богатаго она болѣзнь и больше ничего, но для бѣднаго, для рабочаго она еще и разореніе. Съ перваго дня, какъ рабочій очутился въ постели, ему прекращается плата, а между тѣмъ расходы стали больше. Въ ресурсѣ остается еще больница, если

въ ней найдется свободная кровать, а если нѣтъ? Но этимъ еще некончается. По выздоровленіи нужно найдти работу, а всегда ли она есть? А если захворала работница-мать, куда дѣнутся ея дѣти и что будетъ съ ними? Соображая плату рабочимъ, капиталисты рассчитываютъ: четыре сантима на квартиру, семьдесятъ пять на пищу; а сколько въ экономію? Объ этомъ фабрикантъ не думаетъ. А денежные кризисы? не знаемъ говорилъ ли о нихъ г. де-Моллиари, описывалъ ли ужасное значеніе ихъ въ жизни фабричныхъ рабочихъ? Рабочій однимъ ударомъ превращается въ нищаго, въ нищаго полнаго силъ и мужества, полнаго желанія трудиться. Денежные кризисы, останавливающіе фабричное производство, поражаютъ въ Лионѣ сразу восемьдесятъ тысячъ городского населенія и девяносто тысячъ жителей изъ населенія сельскаго. И послѣ этого г. де-Моллиаръ увѣряетъ, что проповѣдуемая имъ теорія увеличиваетъ благосостояніе массъ и счастье человѣчества!

Иначе поступилъ профессоръ И. К. Бабстъ, читавшій въ Москвѣ публичныя лекціи въ одно время съ г. де-Моллиари. Г. Бабстъ вѣроятно не участвовалъ въ политико-экономическомъ договорѣ, сдѣланномъ въ Петербургѣ по случаю приѣзда г. де-Моллиари, и потому не стоитъ грудью за принципъ, вѣрность котораго до-сихъ-поръ еще не доказана вполнѣ на практикѣ никакимъ изъ политико-экономистовъ. «Нечего восхвалять, говоритъ г. Бабстъ въ первой лекціи (Моск. Вѣд. N 19) старое прошлое время, гдѣ будто бы не было той бѣдности и безпомощности, какъ теперь въ большинствѣ народонаселенія. Бѣдность оттого такъ бросается намъ въ глаза, что болѣе чѣмъ когда либо принимаютъ въ ней участіе. Если прежде бѣдность менѣе тревожила самаго бѣдняка, если онъ ждалъ спокойно себѣ помощи отъ благотворительности богатаго, то промышленное направленіе современной намъ жизни должно пробудить въ бѣдномъ, запуганномъ и придавленномъ народонаселенія, новыя понятія, вызвать новыя требованія. Въ развитомъ обществѣ бѣднякъ хочетъ не падающаго, а требуетъ труда. Онъ сознаетъ себя такимъ же гражданиномъ, и не подачкой съ богато-обставленнаго стола, а трудомъ хочетъ онъ жить и поддерживать свое существованіе и онъ создаетъ новыя формы промышленнаго быта, создаетъ ассоціацію и промышленные союзы— ту будущую форму европейской общественной и экономической жизни, которая должна доставить соразмѣрное по возможности каждому труду обезпеченіе.» «Знаменитый девизъ: *laissez faire, laissez*

passer, предоставленіе полной свободы каждому отдѣльному человеку, каждой отдѣльной корпораціи, помышлять самимъ о своихъ дѣлахъ, и избавленіе промышленныхъ интересовъ отъ всякаго контроля государственной власти, представляющей собою однако нужды и желанія общества, являющейся представителемъ общественныхъ интересовъ, точно также не мыслимо во всей отвлеченной чистотѣ, какъ и другая крайность, въ которую впадаютъ крайніе приверженцы административнаго вмѣшательства въ хозяйственные интересы народа и общества. Первые отрицаютъ возможность и право вмѣшательства центральной власти, потому что, къ несчастію, хозяйственная дѣятельность народа встрѣчала нерѣдко центральную власть подъ формами ордынскихъ баскаковъ, дѣйствовавшую почти исключительно съ фискальною цѣлью, смотрѣвшую на себя и на свои нужды, какъ на находящіяся совершенно внѣ интересовъ народнаго хозяйства. Противъ такого ордынскаго вмѣшательства выставленъ главнымъ образомъ и принципъ *laisser faire*; но предоставивъ полную свободу отдѣльнымъ хозяйствамъ, отдѣльнымъ интересамъ, ждаты полной гармоніи этихъ интересовъ есть утопія, потому что эта полная свобода — величина воображаемая покуда; это утопія точно такая же, какъ и утопія другой партіи, которая потерявъ подъ собою всякую историческую почву, требуетъ регламентаціи, представляя себѣ регламентирующее учрежденіе какимъ-то идеаломъ справедливости, правды, забывая, что такое учрежденіе существуетъ только въ воображеніи, и что мы покуда имѣемъ дѣло съ людьми, съ людскими интересами и страстями.» Этотъ тонъ много ближе къ истинѣ и примиряющее начало занятое г. Бабстомъ отъ Стюарта Милля во всякомъ случаѣ будетъ много плодотворнѣе тупаго, односторонняго взгляда капиталистовъ, проводимаго г. де-Моллиари. И стоило для этого пріѣзжать къ намъ изъ Белгій!

Но не одной позитической экономіей старались занимать нашу публику нынѣшней зимой. Харьковъ, напримѣръ, производилъ гальваническіе опыты помощью батареи въ тысячу паръ. За нѣсколько мѣсяцевъ до опытовъ были разосланы приглашенія къ разнымъ иностраннымъ ученымъ обществамъ, и всѣ нетерпѣливо ждали половины сентября. Наконецъ опыты начались. Первое засѣданіе было открыто для однихъ ученыхъ, только для просвѣщеннаго начальства сдѣлалъ исключеніе. На второе

засѣданіе допускались всѣ по билетамъ; публика нахлынула въ огромномъ числѣ. Батарея въ тысячу паръ! да тутъ можно сдѣлать хорошия вещи. Опыты производилъ профессоръ физики при харьковскомъ университетѣ, г. Лапшинъ. Онъ же составилъ для публики книжечку, заключающую программу и краткое объясненіе опытовъ. Все было предвидѣно и устроено, какъ слѣдуетъ. Наконецъ начались и опыты. Профессоръ открылъ засѣданіе рѣчью о значеніи предстоявшихъ опытовъ и потомъ прочелъ свою книжку, составленную такъ, что человѣкъ незнакомый съ дѣломъ не понималъ ничего. Затѣмъ, съ кафедры брызнула нестерпимый свѣтъ, началось шипѣніе, трескъ и сквозь него слабый голосъ профессора, старавшагося пояснить явленіе. Публика видѣла яркій свѣтъ, слышала шипѣніе и взрывы, но поняла ли она поясненія профессора, вопросъ этотъ остался неразрѣшеннымъ. За опытами съ электро-магнетизмомъ, появился на кафедрѣ микроскопъ, а въ книжечкѣ было сказано, что при помощи солнечнаго микроскопа будутъ разсматриваться *мифузори* *изъ сыръ!* Но и съ микроскопомъ вышла тоже неудача. Такъ напримѣръ, голосъ къ кафедре провозглашаетъ кристаллизацію, а въѣсто нея на полотнѣ появляется огромный и весьма характерный слезуэтъ одного изъ производителей опытовъ. Впрочемъ, общій видъ опытовъ былъ интересенъ. Говорятъ, что самъ профессоръ составляетъ ученый отчетъ о результатахъ этихъ рѣдкихъ опытовъ.

Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о публичной библиотекѣ въ Рязани. Къ 1-му декабря 1858 года находилось въ библиотекѣ 1,223 названія книгъ въ 2,625 томахъ, 4,300 номеровъ разныхъ періодическихъ изданій, и 36 названій журналовъ и газетъ, поступавшихъ въ 1858 году. Къ 1859 году, по 1-е декабря, поступило 192 названія книгъ въ 330 томахъ и 31 названіе періодическихъ изданій. Большая часть книгъ въ библиотекѣ на русскомъ языкѣ, около четвертой части на французскомъ и весьма небольшое количество на латинскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и греческомъ языкахъ. Въ 1859 году посѣтителемъ для чтенія книгъ и журналовъ было до 2,950 человѣкъ, считая нѣсколько посѣщеній одного и того же лица за отдѣльнаго читателя. Въ мартѣ, іюнѣ, іюлѣ, сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ читателей собралось гораздо болѣе, нежели въ прочіе мѣсяцы;

въ послѣдствіи ихъ было болѣе 400 человѣкъ; а самый бѣднѣйшій мѣсяцъ читателями былъ апрѣль, въ которомъ читали только 90 человѣкъ. Изъ 2,950 посѣтителей библиотеки 123 требовали отъ бібліотекаря книги, прочіе же читали одни періодическія изданія, лежащія на газетномъ столѣ. Преимущественно были въ употребленіи: С. Петербургскія и Московскія Вѣдомости, Иллюстрація, Отечественныя Записки, Русскій Вѣстникъ, Современникъ и Библиотека для Чтенія. Читатели эти были всѣхъ сословій, но рѣже другихъ посѣщали библиотеку чиновники, купцы и мѣщане. Причину этого надобно искать единственно въ мало-развитой потребности чтенія. Слѣдующій случай подтверждаетъ это замѣчаніе: одинъ изъ чиновниковъ просилъ бібліотекаря разрѣшить споръ: кого должно разумѣть подъ псевдонимомъ баронъ Брамбеусъ: Грановскаго или Сенковскаго? Рязанскія дамы посѣщали библиотеку также довольно рѣдко и не остаются такъ положенное время для чтенія, считая это для себя неприличнымъ.

Изъ числа 123-хъ читателей книгъ было 16 дворянъ и чиновниковъ, одинъ профессоръ семинаріи, одинъ учитель гимназій, одинъ учитель уѣзднаго училища, одинъ студентъ московскаго университета, 6 студентовъ семинаріи, 30 учениковъ гимназій, 62 ученика семинаріи, 5 купцовъ. Почти та же пропорція между читателями газетъ и журналовъ. Требования 123-хъ читателей книгъ выражаются слѣдующими цифрами: на собранія сочиненій русскихъ авторовъ 48 — въ-особенности брали сочиненія Гоголя, Жуковскаго и Пушкина; — на романы и повѣсти 38 — болѣе другихъ спрашивались «Ледяной домъ», «Послѣдній изъ Могилакъ» и «Три Мушкетера»; — историческія сочиненія 22; періодическія изданія прежнихъ лѣтъ 6; стихотворенія 3; книги духовнаго содержанія 2; описаніе путешествій 2; драматическія сочиненія одно; геологическое одно.

Подписчиковъ бібліотека имѣла 140 человѣкъ; изъ нихъ 94 дворянъ и чиновниковъ, въ томъ числѣ 21 дама; 13 купцовъ, 12 учениковъ гимназій, 7 учителей гимназій, 2 репититора Александровскаго воспитательнаго заведенія, 2 священника, 2 мѣдика, 2 иностранца, 3 мѣщанина, одинъ воспитанникъ духовной академіи и одинъ ученикъ семинаріи. Изъ журналовъ и газетъ требовались болѣе: «Отечественныя Записки», «Русскій Вѣстникъ», «Современникъ», «Библиотека для Чтенія», «Московскія Вѣдомости», «Иллюстрація», «С. Петербургскія Вѣдомости» и «Русская Бесѣда». Изъ отдѣльныхъ сочиненій русскихъ, болѣе дру-

гихъ читались: «Губернскіе Очерки» Щедрина, «Рыбаки» Григоровича, «Тысяча Душъ» Писемскаго, «Плѣнь у Шамиля» Вердеревскаго, «Обыкновенная Исторія» Гончарова, «Три страны свѣта», «Семейство Холжскихъ» и нѣкоторые романы Загоскина и Лажечникова.

Наибольшая доля грамотности приходится на долю семинаристовъ — изъ 123-хъ читателей книгъ 68 учениковъ и студентовъ семинаріи; болѣе половины! Только что они читаютъ? Вообще не мѣшаетъ, чтобы подобныя статистическія свѣдѣнія, касающіяся грамотности и образованія, составлялись бы еще полнѣе. Напримѣръ, что читаютъ дамы, считающія неврипчнымъ посѣщать бібліотеку? что читаютъ дворяне и чиновники, а главное, что читаютъ ученики?

Но встрѣчаются и факты преслѣдованія грамотности. Это несъема естественно въ обществѣ, гдѣ уровень общаго образованія еще не слишкомъ высокъ, гдѣ потребность чтенія развита слабо, гдѣ существуютъ сословныя предрасудки, гдѣ люди не умѣютъ понять всю важность, естественность и справедливость простыхъ экономическихъ отношеній между людьми, гдѣ наконецъ корпораціонный духъ и бюрократизмъ живутъ съ такою силой. И отчего намъ не считать себя европейцами? Окно въ Европу прорублено уже давно, по-французски говоримъ плавно, безъ грубыхъ ошибокъ, танцуемъ, читаемъ романы, происхожденія дворянскаго. Что же еще нужно, чтобы быть вполне европейцами? Недостаетъ намъ бездѣлицы: проникательный читатель и самъ знаетъ чего именно. Въ подтвержденіе этого приводимъ небольшую замѣтку объ обществѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ губернскихъ городовъ. Оно сложилось изъ самыхъ разнохарактерныхъ и разнообразныхъ элементовъ. Дворянства земледѣльческаго тамъ нѣтъ, но за то есть выслужившіеся чиновники, родословная которыхъ считается десятками чиновническихъ поколѣній. Кромѣ того чиновники, пріѣхавшіе по службѣ и наконецъ чиновники, прибывшіе изъ внутреннихъ губерній искать счастья или вождѣннаго чина коллежскаго ассессора. Купечества, если не считать двухъ, трехъ домовъ, тоже нѣтъ, но недостатку торговой и промышленной дѣятельности. Военные есть. Дамы сильно заражены мѣстничествомъ. Молодежь, подстрекаемая барынями, считающими себя львицами, часто выходитъ изъ границъ положенныхъ правилами всякаго, сколь-

ко-нибудь образованнаго общества. Все это отразилось на публичныхъ балахъ и маскарадахъ и на мѣстныхъ клубахъ. Это пародія на тѣ публичныя собранія, на которыхъ присутствуютъ дамы. Начиная съ того, что все и всѣ курятъ; но какъ боковыя комнаты близки къ залѣ, и курильщики дымятъ и въ самой залѣ, а дамы въ гостиной, то тотчасъ образуется въ прекрасной чистенькой залѣ страшная дымная атмосфера. Этого мало. Въ буфетѣ и въ боковыхъ комнатахъ солидные мужчины принимаются за горячій пушшъ, называемой ими изъ скромности чаемъ съ ромомъ и тогда спиртуозныя пары, смѣшавшись съ табачнымъ дымомъ, производятъ самый удушливый ароматъ. Но дѣло идетъ еще дальше: въ гостиной и въ танцевальной залѣ кидаются на полъ и растираются ногами окурки сигаръ и папирсъ, объѣдки фруктовъ, бумажки отъ конфетъ; а великосвѣтскія дамы увѣряютъ, что въ собраніяхъ варшавскихъ и въ петербургскомъ дается полная свобода курить, гдѣ кто хочетъ. Еслибы только этимъ все и кончалось, но увы! — то часть погружается между собой, то часть повздорить съ лакеемъ. Но вотъ исторія сдѣланная дамами. Тамошніе львята, гоняясь за львицами, начали врывать въ уборную и завоевали въ ней право гражданства. Хотя директоры и запрещали такое нарушеніе коренныхъ правилъ приличія и даже вывѣсили объявленіе, напечатанное такими большими буквами, какія только нашлись въ губернской типографіи, но львята не обращали на это никакого вниманія. Вотъ что изъ этого вышло. Одна дама пріѣхавшая на балъ въ поношенныхъ башмакахъ, принуждена была къ концу вечера отправиться въ уборную, чинить свою разодравшуюся обувь. Въ этомъ положеніи засталъ ее одинъ юноша, ворвавшійся въ уборную. Дама выругала дерзкаго. Обиженный пошелъ жаловаться своей патронессѣ, начальницѣ львицъ. Львица вступившись за угнетенную невинность, накинулась на барыню безъ башмаковъ и сдѣлала ей выговоръ. Барыня не утерпѣла и сдѣлалась съ львицей. Сцена вышла необыкновенная....

Проницательный читатель знаетъ очень хорошо, что подобныя случаи не составляютъ вовсе исключительной особенности сибирскихъ обществъ. Чтобы еще больше убѣдить его въ этомъ, мы можемъ сообщить нѣсколько интересныхъ фактовъ изъ жизни въкоторыхъ большихъ великороссійскихъ городовъ. Вотъ что рассказываетъ одинъ изъ корреспондентовъ Московскихъ Вѣдомостей. «Наступило время дворянскихъ выборовъ. Было повѣщено, что всякій, имѣющій билетъ отъ членовъ дворянскаго

собранія, можетъ занять мѣсто на хорахъ въ залѣ этого собранія. Въ одинъ изъ дней выборовъ мы съ г. N. и дамами являемся на хоры. Всѣ мѣста заняты посѣтителями, исключая одной скамьи. Скамья оказывается перевернутой и около нея г-нъ S — чиновникъ. Только что мы съ N показали намѣреніе перевернуть скамью и предложить мѣста дамамъ, какъ г. S. подскачалъ и объявилъ, что скамья эта приготовлена имъ для г-жи A., по ея приказанію. Объявивъ г-ну S., что мѣста на хорахъ не абсурдны и принадлежатъ тому, кто ихъ прежде занялъ, и что, притомъ, на скамьи могутъ помѣститься шесть особъ, а потому для г-жи A. мѣсто будетъ, если наши две дамы займутъ мѣста, мы перевернули скамью и предложили дамамъ. Г. S. совершенно упалъ духомъ! Ровно чрезъ полтора часа послѣ занятія скамьи, является во всеоружіи своего могущества г-жа A. Молніеносный взглядъ ея морщитъ бѣднаго стража-чиновника. Чрезъ десять минутъ къ г-жѣ A. летятъ со всѣхъ сторонъ съ «засвидѣтельствомъ почтенія», и — о ужасъ! — раздается громовая рѣчь г-жи A.: «Представьте, я приказала ему, M-r S., приготовить для меня цѣлую скамью, и — не правда ли, какъ онъ «мил» распорядился!.. О, ему не пройдетъ это даромъ», прибавила строгая повелительница съ принужденнымъ смѣхомъ, съ худо-скрытою желчью. Г. S. стоитъ убитый, уничтоженный. Окружающіе выражаютъ сочувствіе негодованію г-жѣ A.» Или другой корреспондентъ изъ другого большого провинціального города сообщаетъ: «Печатныя афиши извѣщаютъ «почтеннѣйшую публику», что въ шесть часовъ вечера вновь прибывшая труппа вольтижеровъ будетъ «имѣть честь дать большое конное представленіе.» На афишѣ означаются цѣны мѣстамъ съ прибавленіемъ, что *первыя* мѣста будутъ нумерованы. Въ назначенное время собирается публика, мы вносимъ въ кассу деньги за билетъ на *первое мѣсто* и садимся въ нумерованное кресло, въ *переднемъ* ряду. Представленіе начинается... Вдругъ является «сановитая особа» — одна изъ тѣхъ, которая пользуется въ подобныхъ случаяхъ даровыми мѣстами.

«Чиновникъ» былъ озадаченъ и потерялся — на минуту. Быстро изъ воксала принесены были кресла и разставлены впереди *первоя* ряда прямо передъ нами. Мы очутились во *второмъ* ряду; но этимъ дѣло не кончилось. Аристократія двинулась къ своему патрону: началось шумное переселеніе! Вскорѣ между новымъ первымъ рядомъ и бывшимъ первымъ протянулся еще рядъ, и мы очутились въ *третьемъ*!...

Или: «на масляницѣ, въ маскарадѣ, бывшій въ р—мъ собраніи, пріѣхала не дама, а женщина, вдова, купчиха третьей гильдіи, занимающаяся дѣлаіемъ разныхъ принадлежностей по части дамскаго туалета. Маменьки пришли въ недоумѣніе, дочки, надувшись, изображали собою оскорбленныхъ оперныхъ принцессъ. Но все негодование этихъ дамъ и барышень не могло выдержать сравненія съ негодованіемъ командира А*** полка. Командиръ объявилъ окончательно, что нога его, измѣрившая столько тысячъ верстъ для пользы службы, никогда не переступитъ болѣе черезъ порогъ р—аго собранія, и что онъ никогда не проститъ себѣ, что привезъ свою жену въ такое собраніе, гдѣ бываютъ «модистки».

Все это тѣмъ бы и кончилось, еслибы «модистка» не вздумала танцовать. Тутъ полковникъ не выдержалъ и обратился къ старшинамъ съ просьбою объ изгнаніи «модистки» изъ благороднаго собранія. Это бы непременно и случилось, еслибы старшины не обратились за разрѣшеніемъ вопроса къ начальнику губерніи, человѣку современному. Губернаторъ успокоилъ негодование бѣльшинства, но не былъ въ состояніи укротить полковника, который тутъ же оставилъ собраніе вмѣстѣ съ своею супругою. Офицеры же А*** полка, составлявшіе бѣльшинство танцующихъ кавалеровъ, получили отъ своего командира строжайшее приказаніе не танцовать съ «модисткой».

Нужно ли приводить еще подобные случаи, составляющіе прекрасный матеріалъ для характеристики нашего современнаго провинціального общества? Случаи эти можно считать десятками и всѣ они убѣждаютъ въ томъ, что око, прорубленное въ Европу, еще очень невелико, что свѣту пропускаетъ оно мало, а умѣнье выражаться на французскомъ діалектѣ слабо прикрываетъ наши татарскія замашки и азіатскую грубость. Вотъ почему плохо вѣрится въ пробудившуюся вдругъ въ насъ жажду къ просвѣщенію, въ тотъ азартъ, съ которымъ мы кидаемся на публичныя лекціи. Другой почтенный господинъ только и дѣлалъ весь свой вѣкъ, что козырялъ каждый вечеръ, и вдругъ, ни съ того ни съ другаго, начинаетъ посѣщать лекціи технической химіи или военной администраціи. И зачѣмъ ему понадобились эти знанія?

И гдѣ ни тронешь, вездѣ почти повторяется одно и то же. Въ 1 № «Современности» напечатано одно письмо А. Фомъ-

Гумбольдта къ К. Фр. Рулье. Письмо это показалось подозрительнымъ гг. С. Усову и Я. Борзенкову. Подозрѣніе ихъ основывалось на томъ, что, сколько имъ извѣстно, сношенія Гумбольдта съ Рулье ограничились только присылкою портрета съ собственноручною припискою, въ благодарность за доставленіе *Вѣстника Вѣстесвенныхъ Наукъ*. Въ бумагахъ и библіотекѣ Рулье нѣтъ подлинныхъ писемъ Гумбольдта, ихъ нѣтъ и въ редакціи *Современности*. Гдѣ же они? Тонъ письма Гумбольдта вовсе не похожъ на обыкновенный тонъ его писемъ и въ письмѣ стоятъ «дорогой мой Карлъ Францовичъ.» — Отчество не употребляется ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ языкѣ. Въ письмѣ Гумбольдта говорится объ устройствѣ въ Москвѣ *чего-то въ родъ Jardin des Plantes*, но такіе слухи до Гумбольдта не могли дойти при жизни Рулье, потому что первая мысль объ устройствѣ зоологическаго сада была заявлена слишкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Карла Францовича.

Для разъясненія дѣла гг. Усовъ и Борзенковъ обратились къ г. Кореневу, редактору «Современности», отъ котораго узнали, что ему доставлено не одно письмо или переводъ съ письма Гумбольдта, а цѣлый *десятокъ!!!* И всѣ переводы писемъ доставлены г. Волокитинымъ и писаны или переписаны собственной его г. Волокитина рукой.

Въ отвѣтъ на это, г. Волокитинъ разразился браннымъ письмомъ и обѣщаль представить какъ подлинныя письма Гумбольдта, такъ и переводъ ихъ, сдѣланный самимъ Рулье. А гг. Усовъ и Борзенковъ, считая удобіе всего рѣшить споръ третейскимъ судомъ, просятъ г. Волокитина назначить время и мѣсто для представленія автографовъ Гумбольдта и Рулье. Интересно знать, чѣмъ это кончится? Но если обвиненіе оправдается, то этотъ фактъ будетъ познаменательнѣе и рассказанныхъ нами обычаевъ поругаться въ собраніи или повздорить съ лакеемъ, и компческой обидчивости г-жи А. и полковаго командира полка А. Эти господа только грубы и смѣшны, но поддѣлка писемъ отзывается чѣмъ-то другимъ.

Если бы письма были и точно неподложныя, имѣютъ ли право владѣльцы ихъ печатать безъ согласія автора или его наслѣдниковъ? Вотъ еще вопросъ, который представляется въ настоящемъ случаѣ. Извѣстно, что Гумбольдтъ не любилъ, чтобы распоряжались его письмами безъ его согласія. Онъ высказывалъ это нѣсколько разъ. Въ 12 N. *Magazin für die Literatur des Auslandes*, за нынѣшній годъ приведено письмо А. фонъ-Гум-

больдта къ одному литератору. Этотъ литераторъ, желая сдѣлать сюрпризъ Гумбольдту въ день его рожденія, написалъ одно сочиненіе, въ которомъ пользовался частной корреспонденціей Гумбольдта. Но сюрпризъ не удался; Гумбольдтъ остался очень недоволенъ. «Появленіе писемъ въ печати для меня было очень неприятно, какъ всякое печатаніе писемъ, которыя я самъ не назначалъ къ печати и которыя до появленія ихъ въ свѣтъ не были мнѣ представлены, писалъ Гумбольдтъ. Я не признаю явное право собственности даже тѣхъ, кому письма адресованы, а еще менѣе право опубликованія со стороны тѣхъ, въ чьи руки письма попали случайно, были имъ подарены или ими куплены.» Такимъ образомъ вопросъ насчетъ писемъ проданныхъ г. Волокитинымъ принимаетъ другой размѣръ. Прежде всего истинныя ли они или нѣтъ? если подлинность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, имѣлъ ли г. Волокитинъ право продать ихъ какъ свою собственность, безъ согласія автора, или его наследниковъ, и безъ согласія лица, къ которому письма адресованы? Не мѣшаетъ, чтобы дѣло это кончилось поучительно. Мы еще плохо уважаемъ чужую собственность, а воспользоваться чужой мыслью и выдать ее за свою, у насъ и совсѣмъ не считается дурнымъ.

И въ подтвержденіе этого найдется свѣжій фактъ. У помѣщика изюмскаго уѣзда г. Антонова есть знакомый Гр. Д., который много пишетъ и печатаетъ, и какъ въ каждой его статьѣ встрѣчаются промахи, то онъ всегда отговаривается тѣмъ, что это *опечатки*. Господинъ этотъ берется писать о чемъ хотите; что на лету подхватить и чего недослушаетъ — добавляетъ своей фантазіей. Въ концѣ октября прошедшаго года, Гр. Д. былъ у г. Антонова, разспрашивалъ о торговлѣ хлѣбомъ, о Бердянскѣ, въ которомъ никогда не былъ, и карандашикомъ записывалъ на бумажкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 276 N° С. *Петербургскихъ Вѣдомостей* за 1859 годъ напечатана въ фельетонѣ статья г. Z. Z., подъ заглавіемъ «Вѣсти съ юга Россіи». Не знакомъ ли, спрашиваетъ г. Антоновъ (N° 68 С. *Петербургскихъ Вѣдомостей* 1860) г. Z. Z. съ Гр. Д., потому что многое изъ рассказаннаго мною Гр. Д. помѣщено въ статьѣ г. Z. Z., только совсѣмъ переназначенное и съ ошибками, вѣроятно происшедшими отъ врожденной суетливости Гр. Д.; или можетъ быть онъ потерялъ бумажку съ замѣтками и передавалъ г. Z. Z. на-обумъ,

потому что не только фамилии, но и факты перепутаны?» и вмѣстѣ съ тѣмъ г. Антоновъ указываетъ всѣ ошибки г. Z. Z. или Гр. Д., неизвѣстно кого именно. Во всякомъ случаѣ сближеніе фактовъ, представляемыхъ г. Антоновымъ такого рода, что легко является вопросъ, не скрывается ли подъ псевдонимомъ Z. Z. знакомый Антонову Гр. Д.? Во всякомъ случаѣ тутъ есть что-то неразъясненное; а главное что во всей статьѣ г. Z. Z. не достаетъ одного — правды; но зато страшное искаженіе фактовъ, сообщенныхъ г. Антоновымъ Гр. Д. — Грустно, если литературное мазурничество пробирается въ нашу еще очень молодую прессу; грустно если мы не понимаемъ, что быть честнымъ даже разсчитать!

Н. Ш.

IV.

Либеральныя тенденціи Московскаго общества любителей россійской словесности.

Еще Н. Ф. Павловъ, разбирая «Чинovníка» гр. Соллогуба, доказавъ читающей публикѣ, что можно брать взятки и быть честнымъ, и можно не брать взятокъ и быть нечестнымъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время уже поконченный. Точно также всякому благомыслящему и искушенному опытомъ жизни читателю извѣстно очень хорошо, что умѣнье говорить съ увлеченіемъ о прогрессѣ, о пользѣ и необходимости образованія, объ умилительности высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, и тому подобныхъ избитыхъ вещахъ, не есть еще непремѣнный признакъ прогрессиста. Изъ разсказа нашего о поддѣлкѣ писемъ Л. Гумбольдта, о вымышленныхъ разсказахъ гг. Z. Z. или гр. Д., — а кто изъ нихъ именно, сказать положительно не можемъ, — читатель убѣждается, что правда не всегда живетъ даже и въ литературномъ мірѣ. Наконецъ изъ послѣдующаго разсказа читатель убѣдится еще болѣе, что честное повидимому служеніе слову бываетъ иногда въ дѣйствительности совсѣмъ не такъ честно, какъ увѣряютъ въ этомъ сами служители, что въ глубинѣ сердца честныхъ служителей есть иногда какой-то темный отстой, что ради слова забывается иногда самое дѣло, что любить русскую словесность вовсе незначить дѣлать для нея что-нибудь полезное, однимъ словомъ, что можно быть великимъ поэтомъ въ душѣ, а неумѣть понимать поэзію хорошаго, честнаго дѣла.

Читателю извѣстно, что нынѣшнюю зиму составила въ Петербургѣ общество для вспомоствованія бѣднымъ литераторамъ и ученымъ. Г. Селивановъ, членъ московскаго общества любителей россійской словесности, въ засѣданіи общества 27-го января, сдѣлалъ членамъ слѣдующее предложеніе. Выписываемъ его вполнѣ.

«Милостивые Государя!

«Бывши не давно въ Петербургѣ, я отъ одного изъ учредителей комитета для пособія бѣднымъ литераторамъ слышалъ упрекъ Москвѣ за то, что она осталась равнодушною къ этому благородному и честному дѣлу. Упрекъ этотъ, вполнѣ справедливый и еще болѣе чувствительный Москвѣ, потому что въ ней находится наше Общество, Общество любителей Русскаго слова — мнѣ было грустно слышать, господа. Это тяжелое, это грустное впечатлѣніе принесъ я сюда, чтобъ раздѣлить его съ вами, — чтобъ вмѣстѣ съ учредителемъ комитета сказать: «Москвѣ стыдно оставаться равнодушною къ такому прекрасному дѣлу».

«Чтеніе третьяго дня *), намъ не оправданіе. Оно началомъ своимъ обязано не Обществу — мнѣ стыдно въ этомъ сознаться, — оно возникло и осуществилось волею одного изъ тѣхъ благородныхъ дѣятелей русскаго слова, котораго по несчастію не Москва считаетъ въ числѣ своихъ представителей.

«Даже и тогда когда Петербургъ подалъ примѣръ христіанскаго желанія помочь бѣднымъ братіямъ нашимъ по литературѣ — наше Общество безмолвствовало въ своемъ олимпійскомъ спокойствіи. Даже и тогда, какъ въ Петербургѣ собирались и собраны были тысячи — Москва молчала, какъ будто бы ей не было дѣла ни до нищеты братій своихъ, ни до христіанской любви, къ которой обязанъ всякій; ни до тѣхъ средствъ, которыми надо было проснуться, для того, чтобъ принести благодѣтельные плоды общему христіанскому дѣлу любви...

«Принадлежа къ Обществу и слѣдственно обязанный раздѣлять судьбу его, — я не хочу нести упрека въ томъ, что оставаюсь равнодушенъ къ общему, всякому честному человѣку дѣлу. Два раза говорю я объ устройствѣ чтеній нашему почтенному секретарю М. Н. Лонгинову, зная близкія отношенія его и къ г. президенту и ко всѣмъ сильнымъ нашего Общества, — предложеніе мое два раза было отвергнуто словами: нѣтъ, въ

*) Устроено гг. Тургеневымъ, Майковымъ, Фетомъ и Островскимъ въ загл. практической академіи.

Москвѣ невозможно подобнаго рода чтеніе! Они не могутъ удасться.

«Говорилъ ли г. секретарь отъ себя, — говорилъ ли онъ, зная мнѣніе большинства — я не знаю. Я такъ мало знакомъ съ этимъ большинствомъ, что мнѣ нѣтъ возможности повѣрить отъ кого происходилъ отказъ.... Я затанлъ въ себѣ горестное чувство, и занятый другими дѣлами, препятствовавшими мнѣ посѣщать Общество, пересталъ объ этомъ думать.

«Успѣхъ чтенія, бывшаго въ понедѣльникъ, доказалъ, что не Москва виновата въ томъ, что чтеній до-сихъ-поръ не было — что не въ слушателяхъ недостатокъ, — но въ читающихъ, но въ доброй волѣ тѣхъ, которые взяли на себя обязанность быть представителями русской литературы. На насъ, господа, на нашемъ Обществѣ лежала обязанность служить благородному дѣлу, начатому Петербургомъ — а мы не сдѣлали шагу для этого, — какъ будто это до насъ и не касается. Постараемся же загладить нашу ошибку; постараемся доказать нашимъ петербургскимъ братьямъ, что и у насъ есть сердце; что и оно бьется также искренно и сочувственно при страданіи людей, честно служившихъ слову, во имя котораго мы здѣсь собраны; — что и мы наконецъ хотимъ заявить передъ русскою землею, — что мы не даромъ сидимъ здѣсь и не забываемъ тѣхъ, которые усердно и добросовѣстно подвизались на томъ пути, по которому мы идемъ сами.

«Я имѣю честь предложить, милостивые государи, сейчасъ же открыть подписку для тѣхъ, которые пожелаютъ участвовать въ чтеніи; сейчасъ же выбрать комитетъ изъ трехъ членовъ — для разбора статей, которые будутъ предложены къ чтенію, и веденія всего хозяйственнаго порядка этого дѣла...

«Неужели гласъ мой будетъ гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ?... Не хочу вѣрить этому».

Какой самой естественный и логическій отвѣтъ могъ бы быть сдѣланъ на подобное предложеніе? Естественный и логическій отвѣтъ ясенъ самъ собой, но московское общество любителей *Россійской* словесности имѣетъ свой собственный, *Россійскій* взглядъ на естественность и логичность. И на основаніи собственно *россійскаго* взгляда общество сдѣлало съ начала «предварительное разсужденіе». Вотъ его сущность: «Многіе члены общества участвуютъ уже въ дѣйствіяхъ петербургскаго общества; нѣкоторые изъ нихъ устроили послѣднее чтеніе въ Москвѣ въ пользу онаго, что они готовы дѣлать и впередъ. Публичныя же чтенія Об-

щества Любителей *Россійской* Словесности происходили искони по уставу безвозмездно, чего Общество измѣнить и не считаетъ себя въ правѣ». А потомъ баллотировку, и предложеніе г. Селиванова было отвергнуто большинствомъ тринадцати шаровъ противъ двухъ.

Читатель, не зараженный *россійскимъ* взглядомъ на вещи, долженъ быть крайне удивленъ логикой «предварительнаго разсужденія». «Многіе члены общества участвуютъ уже въ дѣйствіяхъ петербургскаго общества!» Ну такъ чтожь? Отчего это участие — и въ чемъ оно? — мѣшаетъ читать въ Москвѣ? Или жертвуя отъ десяти до пятнадцати рублей ужъ невозможно въ тоже время доставить обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, пожертвованія другимъ путемъ? Что это неприлично, оскорбляетъ достоинство любителей *россійской* словесности?... Совершенно непонятно. «Нѣкоторые изъ нихъ устроили послѣднее чтеніе въ Москвѣ въ пользу онаго, что они готовы дѣлать и впредь»!! Да вѣдь это нѣкоторые, они устроивли чтеніе не какъ члены общества любителей русской словесности, а г. Селивановъ говорилъ именно объ обществѣ, а не объ отдѣльныхъ лицахъ; г. Селивановъ дѣлалъ упрекъ именно обществу, на которомъ по его мнѣнію лежала обязанность служить благородному дѣлу, для котораго общество не сдѣлало шагу. Разумѣется общество вправѣ поступить какъ ему кажется приличнее, но зачѣмъ же называть себя въ такомъ случаѣ любителемъ? Въ чемъ это любовь? Не въ томъ ли, что 27-го января 1860 года, общество собралось въ сто тридцать пятый разъ читать очень скучные и полезные развѣ только для *Россійской* словесности протоколы? Наконецъ: «Публичныя же чтенія Общества Любителей *Россійской* Словесности происходили искони по уставу безвозмездно, что Общество измѣнить и не считаетъ себя въ правѣ»!!! Мы вовсе не хотимъ доказывать обществу любителей *россійской* словесности, что пожертвованія его непременно нужны, насъ занимаетъ логичность его «предварительнаго разсужденія». Несчитаемъ себя вправѣ измѣнить уставъ! и только потому что по немъ дѣйствуютъ искони. Да вѣдь на этомъ основаніи намъ не зачѣмъ бы имѣть «Сводъ Законовъ»; толи дѣло «Русская Правда»! Эта приверженность къ старинѣ могла бы еще имѣть оправданіе, если бы съ измѣненіемъ исконнаго порядка страдалъ кто нибудь; но право никто не пострадаетъ, если общество не только измѣнитъ, но даже и совсѣмъ уничтожитъ свой уставъ. И потомъ что за комическая важность! Общество изъ

девяносто девяти членовъ! Общество, отъ котораго тепло можетъ быть только *Россійской* словесности, но ужъ никакъ не русской! Совершенный парламентъ: рѣшеніе міровыхъ вопросовъ, судьбы Европы! Не потому ли и важный тонъ, что въ пѣлой Россіи набралось 87 любителей, читающихъ въ засѣданіяхъ протоколы *)?

Но дѣло пошло дальше. Когда г. Селивановъ, получивъ отказъ, напечаталъ свое «предложеніе» въ С. Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ, секретарь общества г. Ленгиновъ разразился слѣдующей угрозой, напечатанной въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

«Въ № 32 Московскихъ Вѣдомостей г. Селивановъ напечаталъ читанное имъ 27-го января въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности предложеніе объ устройствѣ отъ Общества литературнаго чтенія въ пользу общества, основаннаго въ Петербургѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; предложеніе это было отвергнуто большинствомъ тринадцати голосовъ противъ двухъ по причинамъ самымъ основательнымъ, которыя публика въ свое время узнаетъ вкратцѣ изъ протокола засѣданія 27-го января. Если я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу напечатанія этого предложенія, то это только потому, что г. Селивановъ называетъ въ немъ меня и говорить, будто я сказалъ ему, что въ *Москву* невозможны подобнаго рода чтенія. Они не могутъ удаваться.

«Я не коснусь здѣсь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ вообще частный разговоръ идетъ къ дѣлу, которому дается оффиціальныи ходъ. Не буду говорить и объ упоминаніи, которое дѣлаетъ г. Селивановъ, относительно близости моей съ *сильными Общества*, въ чемъ само собою высказывается собственное его мнѣніе, что между членами его есть и *слабые*. Дѣло только въ томъ, что въ словахъ, приводимыхъ г. Селивановымъ, есть *недоразумѣніе* и именно съ *его стороны*, есть отъ того и *неточность*. Все это я отчасти имѣлъ случай объяснить ему словесно по прочтеніи его предложенія. Повтореніе словъ его въ печати заставляетъ и меня печатно повторить мои объясненія.

---

*) Общество любителей Россійской словесности основано въ 1811 году, оно кончило свои засѣданія въ 1829 году, а въ 1837 году прекратило совершенно всѣ дѣйствія. Въ маѣ 1858 году, общество возобновилось. Всѣхъ членовъ въ обществѣ 99, изъ нихъ дѣйствительныхъ 87 и почетныхъ 12. (Московскій Вѣстникъ No 9. 1859).

«Г. Селивановъ дѣйствительно говорилъ мнѣ, что хорошо бы устроить, именно въ *нашемъ обществѣ* или *отъ общества* чтенія въ пользу новорожденнаго петербургскаго Общества. Это доказывается тѣмъ, что онъ сдѣлалъ въ послѣдствіи, именно 27-го января, предложеніе въ этомъ смыслѣ, отвергнутое Обществомъ и вынѣ напечатанное.

«Такъ понялъ его слова и я, когда отвѣчалъ ему, что здѣсь, въ *нашемъ Обществѣ*, дѣло это не пойдетъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я думалъ или сказалъ, что въ Москвѣ такое чтеніе не удастся, какъ говорить г. Селивановъ.

«Мнѣніе мое оказалось въ послѣдствіи совершенно справедливымъ, что доказывается неприятіемъ предложенія г. Селиванова, которое я вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ членовъ считаю совершенно несогласнымъ съ цѣлю и уставомъ Общества.

«Что касается до того, будто бы я въ словахъ своихъ рааутилъ невозможность успѣха чтеній въ *Москвѣ*, то есть, высказывалъ предположеніе о равнодушіи къ нему московскаго общества, то это совершенно невозможно при ежедневныхъ примѣрахъ того, какъ наша публика усердно посѣщаетъ публичныя чтенія, лекціи и т. п. Но еще лучше докажу я фактами, что никогда я и не думалъ сомнѣваться въ успѣхѣ этого предпріятія въ *Москвѣ*.

«Какъ членъ Общества Любителей Россійской Словесности, и никогда не подалъ бы голоса въ пользу устройства подобнаго чтенія въ пользу другаго общества, съ платой за входъ. Это дѣло или частныхъ лицъ, или членовъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Будучи членомъ и сего послѣдняго, я въ ту же минуту согласился принять участіе въ устройствѣ чтенія, когда помнится, въ четвергъ 21-го января, пріѣхалъ ко мнѣ А. А. Фетъ и предложилъ мнѣ, чтобы я оказалъ содѣйствіе въ этомъ чтеніи, но не отъ нашего Общества, а отъ лица И. С. Тургенева, не за долго до того пріѣхавшаго въ Москву, и другихъ писателей. Безъ всякихъ притязаній, я взялся, не смотря на свое нездоровье, читать стихи А. С. Хомякова, согласно его желанію, выраженному имъ А. А. Фету, и стихи князя П. А. Вяземскаго. Времени оставалось не много, потому что И. С. Тургеневъ, статья котораго была капитальнымъ предметомъ чтенія, непремѣнно собирався уѣхать въ Петербургъ во вторникъ 26-го числа. Поэтому чтеніе назначено было 25-го. Я самъ, совѣщаясь съ А. А. Фе-

томъ, написалъ программу чтенія для напечатанія въ газетахъ. Черезъ полчаса послѣ того я отправился устраивать то, что было мнѣ поручено, и успѣлъ все кончить въ какіе нибудь два часа времени, такъ какъ дѣло на меня возложенное не терпѣло никакого отлагательства и до его окончанія нельзя было бы даже приступить къ приготовленіямъ для чтенія, на которыя оставалось только три дня. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, невѣрующій въ успѣхъ какого либо дѣла, или нерасположенный къ нему, мгновенно согласился принять въ немъ участіе и сейчасъ же отправился хлопотать объ его осуществленіи. Чтеніе устроилось при участіи И. С. Тургенева, А. А. Фета, А. Н. Островскаго, А. Н. Майкова и моемъ, хотя г. Селивановъ и не назвалъ меня съ прочими. Замѣчу при этомъ, что названные мною писатели состояли уже давно сочленами моими по Обществу Любителей Россійской Словесности, кромѣ А. Н. Майкова, избраннаго въ члены черезъ два дня, именно въ засѣданіе 27-го января, въ которомъ было отвергнуто предложеніе г. Селиванова. Изъ этого видно, что члены этого Общества вовсе не могутъ подлежать укору за преступное равнодушіе къ доброму дѣлу, въ которомъ обвиняетъ ихъ г. Селивановъ. Я увѣренъ, что многіе изъ нихъ и впредь готовы также какъ и я, содѣйствовать этому дѣлу, но лично, или какъ члены филантропическаго общества, а отнюдь не отъ имени общества литературно-ученаго. Результатъ будетъ тотъ же; т. е., будутъ собраны деньги для немущихъ, хотя и безъ громкихъ фразъ и безъ обращенія за справками хоть бы въ Петербургъ, чтобы узнать, какъ думаетъ тотъ или другой учредитель филантропическаго общества, со словъ котораго и г. Селивановъ стыдитъ Москву (т. е. вѣроятно, московскихъ литераторовъ, я не хочу играть словами) въ недостаткѣ христіанской любви и т. п.

«Остальныя мысли и выраженія въ предложеніи г. Селиванова не подлежатъ разбору или поясненію съ моей стороны, потому что касаются уже Общества Любителей Россійской Словесности, котораго я имѣю честь быть секретаремъ, но вовсе не имѣю полномонія быть его органомъ или защитникомъ. Большинство его (не во главѣ г. Селиванову, который говоритъ, что мало знакомъ съ нимъ) вѣроятно рѣшитъ, какъ поступить въ случаѣ когда одинъ изъ членовъ Общества, сдѣлавшій предложеніе, которое отвергнуто, подаетъ аппеляцію публикѣ и тѣмъ самымъ подтверждаетъ, что считаетъ Общество равнодушнымъ къ общему, всякому честному человеку, дѣлу и

благословенными въ своемъ олимпийскомъ спокойствіи и пр. Миѣ вовсе не хотѣлось бы занимать читателей и собою и подробностями, мало кому интересными, объ участіи моемъ въ устройствѣ чтенія 25-го января. Я дѣлаю это только по необходимости, потому что г. Селиванову было угодно, несмотря на достаточныя по моему миѣнію словесныя объясненія, повторить печатно недоразумѣнія и неточность относительно словъ моихъ, вкравшіяся въ его предложеніе.

Въ статьѣ г. Лонгинова высказалось также логика какъ и въ «предварительномъ разсужденіи» любителей русской словесности. Но кромя отсутствія логики тутъ видна еще и неясность. Г. Селивановъ приводитъ отвѣтъ г. Лонгинова на свое предложеніе: «нѣтъ въ Москвѣ невозможно подобнаго рода чтенія! Они не могутъ удасться»... А г. Лонгиновъ объясняетъ свои слова тѣмъ, что подъ именемъ Москвы онъ разумѣлъ общество любителей россійской словесности. И вѣрность своего миѣнія г. Лонгиновъ подтверждаетъ тѣмъ, что огромное бѣльшинство членовъ неприяло предложеніе г. Селованова. Г. Лонгиновъ увѣренъ, что многіе изъ членовъ общества любителей россійской словесности и впредь готовы, содѣйствовать этому дѣлу, но лично, или какъ члены филантропическаго общества, а отнюдь не отъ имени общества-литературно-ученаго. Это почему? Опять также логика! Парламентъ да и только! На основанія такого взгляда на вещи ясно только одно, что лицо мыслить по законамъ одной логики, а Общество любителей, составленное изъ тѣхъ же лицъ мыслить по другимъ законамъ; точкой же отпращенія служить Обществу желаніе сохранить въ чистотѣ свое искони боярское достоинство. Ну, точно степной помѣщикъ, очень довольный тѣмъ, что онъ баринъ!

Хорошъ конецъ статьи г. Лонгинова: «Большинство вѣроятно рѣшить, какъ поступить съ г. Селивановымъ, осмѣлявшимся подать на апелляцію публикѣ!» А отчего бы и не подать? Или тутъ государственныя тайны? Измѣна отечеству? Кто гибнетъ, кто страдаетъ отъ того, что публика узнала о предложеніи г. Селиванова и объ отказѣ общества любителей россійской словесности? Опять барство, да еще съ примѣсью какихъ-то замашекъ! Но чѣмъ же кончилась эта исторія? Кончилась она тѣмъ, что К. С. Аксаковъ предложилъ обществу заявить въ протоколѣ слѣдующее: «Общество Любителей Россійской Словесности принималъ въ соображеніе:

а) Что Д. членъ И. В. Селивановъ, опубликовавъ въ «Москов-

Отд. III.

10

скихъ Вѣдомостяхъ» и такимъ образомъ повторилъ публично написанное въ рѣзкихъ выраженіяхъ предложеніе свое, вслѣдъ за пзвѣщеніемъ, имъ же сдѣланнымъ, что Общество предложеніе его отвергло, напечаталъ уже порицаніе Обществу, и

б) «Что, опубликовавъ въ газетахъ это порицаніе, г. Селивановъ отнесся къ Обществу, какъ *посторонній*, сталъ *внѣ* Общества и напасть на него *извне*».

«Находить страннымъ, что г. Селивановъ, считаетъ себя членомъ Общества послѣ того, какъ онъ отнесся къ нему такимъ небывалымъ и неслыханнымъ образомъ».

Что же общество? Общество, согласившись въ *сущности* — значить съ чѣмъ нибудь оно и несогласно, а въ чемъ бы на-примѣръ? — съ мнѣніемъ г. Аксакова положило: «перейти къ очереднымъ занятіямъ». Неужели обществу не кажется смѣшнымъ это пустословіе, эта затхлая формальность, это комическое барство и боярство? Вотъ что значить заниматься Російской, а не русской словесностью! Тутъ добру не быть!

Но и г. Селивановъ не остался въ долгу. Онъ отправилъ къ предсѣдателю общества г. Хомякову такое письмо:

М. Г.

Алексѣй Степановичъ.

«Ежели 12 членовъ Общества, подъ вашимъ предсѣдательствомъ находящагося, вслѣдъ за г. Аксаковымъ, находятъ страннымъ, что я считаю себя его членомъ, то мнѣ разумѣется, должно казаться еще болѣе страннымъ то, что я принадлежу досихъ-поръ къ такому Обществу, которое, имѣя цѣлью распространеніе слова, — не только воспрещаетъ своимъ членамъ свободу этого слова, но преслѣдуетъ ихъ за это даже и въ такомъ случаѣ, когда предметъ и цѣль этого слова есть воззваніе къ чувству христіанской любви; воззваніе о помощи немущимъ братьямъ, честно подвизавшимся на поприщѣ этого слова.

Вслѣдствіе этого, я горѣйше васъ прошу не считать меня болѣе членомъ вашего общества.

Въ отвѣтъ на это, въ 66 № Московскихъ Вѣдомостей напечатано письмо г. Хомякова къ редактору.

М. Г.

Письмо отъ г. Селиванова имѣлъ я удовольствіе получить 22-го марта, т. е., въ тотъ самый день, когда оно уже было напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Докладъ объ ономъ будетъ представленъ при первомъ засѣданіи Общества Любителей

Русской Словесности, и конечно не подасть никакого повода къ спору, такъ какъ Общество не могло этого не ожидать.

Въ этомъ грустномъ письмѣ есть одна отрадная вещь: Общество изъ російскаго думаетъ сдѣлаться русскимъ. Не станетъ ли оно тогда смотрѣть на вещи вѣрнѣе, не измѣнится ли его логика? Подождемъ: вопросъ интересный. Но представляется и другой вопросъ: развѣ нельзя любить словесность, не составляя общества? Разумѣется можно, да только не такъ; и исторія съ г. Селивановымъ служить лучшимъ тому доказательствомъ.

Н. Ш.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Хорошее пріятно и вспомнить. — Диспутъ гг. Погодина и Костомарова. — Чтеніе въ пользу нуждающихся студентовъ. — Лекція г. Коссовича. — Школа для бѣдныхъ дѣтей. — Филантропія Петербурга. — Литературный спектакль. — Общество художниковъ. — Русское музыкальное общество. — Слухи. — Поддѣлыватели ассигнацій. — Шутки мосье Филиппа. — Что значить аеиша. — Нѣсколько словъ о Дрейшокѣ. — Джіованни Терранова. — Будущій составъ италяевской оперы. — Миссъ Вальфъ замужемъ. — Сеньора Фіоррети. — Концерты съ живыми картинами. — Нѣжная жена. — Подвигъ современныхъ рыцарей и человѣколюбіе доктора. — Донъ-Кихотъ еще живъ! — Гора родила мысль. — Новости на постоянной выставкѣ картинъ. — Благотворительныя лоттереи. — Ресторанъ Шотана. — Нѣчто о метеорахъ. — Кристальный дворець. — Вербы. — Модные пузыри. — Поздравленіе.

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Вы не можете представить себѣ, какое необычайное наслажденіе чувствую я каждый разъ, принимаясь за перо, съ сознаніемъ, что буду имѣть честь бесѣдовать съ вами... Правда, почти все, что я говорю въ нынѣшнемъ году, было говорено въ прошедшемъ.. замѣтите почти, но не все... Но во-первыхъ ничто не ново подъ луною, какъ говорятъ всѣ извѣстные философы новѣйшаго времени, а во-вторыхъ хорошее пріятно и вспомнить. Такъ недавно, напримѣръ, одна почтенная старушка, лѣтъ шестидесяти, говорила мнѣ, сокрушаясь:

— Ахъ, батюшка, какъ совѣсть-то меня мучаетъ; просто покою нѣтъ; вотъ такъ и стоитъ передо мною мой грѣхъ.

— Какой же это грѣхъ? полюбопытствовалъ я.

— Сказать совѣстно — отвѣчала старушка, нѣсколько кокетничая — развѣ на ухо шепнуть вамъ.

— Ну, шепните.

Старушка шепнула.... тайна — дѣло священное.

— Что вы говорите?! — воскликнулъ я въ ужасѣ: — Вѣдь ужъ вамъ шест.....

— Да вѣдь это было лѣтъ тридцать тому назадъ.

— И неужели — спросилъ я — съ тѣхъ поръ вы первый разъ почувствовали раскаяніе?

— Что вы, что вы, батюшка — сказала старушка, замахавъ руками — тридцать разъ каялась, каждый годъ каюсь.

— Ну, это, пожалуй и лишнее, — замѣтилъ я.

— Да, вѣдь, батюшка, приятно вспомнить! — шепнула старушка.

Вотъ видите, какъ устроено сердце человѣческое!.. Что жъ мудренаго, если фельетонистъ иногда тряхнетъ старинной и весной заговорить о благораствореніи воздуха, о непроходимой грязи на петербургскихъ улицахъ и другихъ неотъемлемыхъ, прелестяхъ времени, воспѣтаго поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ.. Вѣдь не выдумаешь же сказать, что въ нынѣшнемъ де году на улицахъ у насъ такая чистота и благодать, что барышня хоть въ розовыхъ башмачкахъ прогуляйся — не опасно; фельетонисту хоть и случается согрѣшить, порой, противъ правды; но это, смѣю васъ увѣрить, бываетъ только по нечаянности, а чтобъ изъ насъ кто-нибудь вралъ нарочито.... нѣтъ, я такихъ не знаю.

Все это присказки, а сказка впереди, сказка про богатыря Илью Муромца, который, не помню сколько-то лѣтъ, сиднемъ сидѣлъ, а потомъ какъ началъ шутки шутить на удивленіе крещеному міру, такъ только гляди да ахай.... Я, однакожъ, хватилъ кажется слишкомъ далеко; станемъ толковать просто о Петербургѣ. Новостей въ прошедшемъ мѣсяцѣ, не считая ласточекъ и грязи, очень много.

На первомъ планѣ диспутъ гг. Костомарова и Погодина.

Билеты на этотъ диспутъ были разобраны на расхватъ, сотни, если не тысячи, не дождались движенія воды, т. е., не достали мѣста; тщетно прелестная дама ломала въ отчаяніи свои бѣлыя руки и подымала высоко брови и глаза, говоря:

— Ah mon Dieu! je ne survivrai pas ce malheur!

Тщетно ливрейный лакей требовалъ билета *непримѣнно*.

— Потому сенаторъ сами изъ Москвы нарочно за этимъ приѣхали...

Тщетно кто-то даже, очень мелкаго званія, рѣшился на самозванство и крикнулъ:

— Дайте мнѣ билетъ — я генераль!

Ничто не помогало, несчастные выходили съ измятыми шляпами, избитыми боками и сокрушенными сердцами.

Чтобы не выходить изъ университета, здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о литературномъ вечерѣ въ пользу нуждающихся студентовъ. Вечеръ этотъ былъ составленъ слѣдующимъ образомъ: г. Тургеневъ прочелъ свой первый рассказъ изъ «Записокъ Охотника» — «Хоръ и Калинычъ», г. Островскій — «Семейную Картину» и сцены изъ комедіи «Свои люди — сочтемся» и, наконецъ гг. Майковъ, Некрасовъ и Полонскій читали свои стихотворенія. Публики было очень много и слѣдовательно выручена довольно значительная сумма. Вообще, должно замѣтить, въ послѣднее время Петербургъ очень горячо благотворить, и слушаетъ охотно не только хорошо знакомыя уже ему произведенія нашихъ поэтовъ и писателей, но и лекціи.

Лекцій публичныхъ у насъ, слава Богу, съ каждымъ днемъ больше и больше. Если между слушателями еще и попадаетъ множество такихъ, которые ѣздятъ на лекціи ради моды, себя показать и другихъ посмотреть, то все-таки и число искренно жаждущихъ знанія постоянно умножается. Это не бѣда, говорить русскій человекъ, что во ржи лебеда, а вотъ двѣ бѣды, какъ ни ржи, ни лебеды. Между лекціями въ настоящее время, я съ особеннымъ удовольствіемъ укажу на лекціи К. А. Коссовича, который читаетъ о санскритскомъ эпосѣ въ пользу школы для бесплатнаго обученія дѣтей недостаточныхъ родителей, находящейся за таврическимъ садомъ. Школа эта отраднѣйшее явленіе въ средѣ петербургской благотворительности, благоуханнѣйшій, скромный полевой цвѣтокъ между пышными оранжерейными растеніями. Петербургъ, это уже извѣстно не прочь благотворить, но не прочь, должно сознаться, и потрубить о своей филантропіи и вообще выставить ее на показъ. «На-те, полюбуйтеся, что я дѣлаю, вотъ я каковъ!» Доброе дѣло, разумѣется, остается все-таки добрымъ дѣломъ, родило ли его самолюбіе, желаніе ли похвастать, откуда бы ни шло оно, страждущему все-таки протянута рука помощи. Но Христосъ училъ: дѣлай добро такъ, чтобъ правая рука не знала чѣмъ творить лѣвая и въ этомъ-то смыслѣ помянутая школа и представляется мнѣ образцомъ истинной, высоко-христіанской благотворительности. Она явилась въ Петербургѣ тихо, скромно, безъ всякихъ печатныхъ объявленій и самовосхваленій; нѣсколько лицъ посвятили свое время и знаніе на пользу слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ бра-

тій нашихъ о Христѣ — и велика ихъ заслуга! Устройство этой первой школы вызвало уже и подражаніе: на вассильевскомъ островѣ явилось второе подобное же учрежденіе, дѣлающее честь студентамъ нашего университета; за нимъ явятся еще и еще... Дай Господи!

Куда ни оглянись, вездѣ встрѣчаешь по крайней мѣрѣ начатки; здѣсь стараются обезпечить нуждающихся литераторовъ, тамъ художники стараются помочь своимъ немущимъ собратіямъ; профессоръ подымаетъ вопросъ о рабочемъ классѣ; общество музыкантовъ даетъ средство бѣднѣйшимъ развить и усовершенствовать природное дарованіе, вездѣ, вездѣ занимается заря! Скоро ли разсѣется мракъ и явится желанный свѣтъ?...

Не увлекаясь, однакожъ, вопросами, вызывающими на размышленіе, я долженъ передать моимъ спсходительнымъ читателямъ слѣдующія три факта петербургской благотворительности:

1) Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ готовить спектакль. Первое представленіе, и вѣроятно не послѣднее, будетъ составлено изъ произведеній Гоголя, «Ревизора» и «Женитьбы», и Тургенева «Провинціалки». Въ немъ примутъ участіе многіе изъ нашихъ литераторовъ и нѣкоторыя любительницы и любители, какъ, напримѣръ, г-жа Мичурнина и студентъ Ловягинъ. Роль городничаго въ «Ревизорѣ» предложена г. Писемскому, а роль Хлестакова — г. Вейнбергу. Спектакль этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, возбудитъ въ петербургской публикѣ живѣйшій интересъ и привлечетъ столько зрителей, сколько ихъ помѣстится въ залѣ. Дѣстать билетъ на это представленіе будетъ не легко.

2) Художники также рѣшились подумать о своихъ немущихъ товарищахъ; они собираются другъ къ другу, и среди веселой и оживленной бесѣды рисуютъ и затѣмъ рисунки эти отдаютъ въ продажу. Вырученныя такимъ образомъ деньги идутъ на помощь бѣднѣйшимъ.

3) Русское музыкальное общество объявило недавно, что всякій желающій воспользоваться *бесплатно* уроками пѣнія г-жи Ниссенъ Саломанъ и гг. Лоди и Пиччиоли, можетъ являться, каждый понедѣльникъ отъ 12-ти до 2-хъ часовъ, въ комиссію общества, которой поручены распоряженія по этому дѣлу, въ румянцовскомъ музеумѣ, въ квартиру князя Одоѣвскаго. Я слышалъ, что кромѣ поименованныхъ выше преподавателей, общество пригласило еще г. Дютша, который будетъ учить начи-

нающихъ. Согласитесь, что для людей даровитыхъ, но бѣдныхъ, бесплатные уроки такихъ учителей — благодѣяніе. Да процвѣтаетъ русское музыкальное общество, на зло всѣмъ тѣмъ, кто удивляется, почему избранъ директоромъ нѣмецъ Рубинштейнъ. Носится слухъ, что кое-кто изъ обиженныхъ Богомъ и людьми жрецовъ музыки думаютъ составить новое, отдѣльное общество; но это, я полагаю, шутка. Такъ, кто-нибудь думай-думай, да и брякнуй.

Въ Петербургѣ, нечего грѣха таить, нерѣдко выпускаютъ такую утку, что не скоро ее и поймаютъ. За доказательствомъ ходить не далеко. Недавно кто-то распустилъ по городу слухъ о небываломъ происшествіи, и чуть ли не всѣ ему повѣрили. Но то была уже не шутка, а злая, подлая клевета, желавшая очернить доброе имя дѣвушки. Дѣло дошло до того, что въ него должна была вмѣшаться полиція. По Петербургу разнеслась молва, будто бы дочь одного очень богатаго купца совершила такое преступленіе, за которое должна подвергнуться ссылкѣ на каторжную работу и что отецъ этой несчастной дѣвушки даетъ нѣсколько тысячъ тому, кто, женившись на преступницѣ, освободитъ ее отъ наказанія. Говорятъ, нашлось не мало корыстолюбивыхъ дураковъ, кинувшихся отыскивать выгодную невѣсту. О времена! о нравы!

Кстати о нравахъ: въ вѣрестномъ городѣ Петербургѣ открыли недавно довольно порядочную шайку мошенниковъ, между которыми, увы! замѣшанъ и прекрасный полъ. Шайка эта занималась поддѣлкою кредитныхъ билетовъ, векселей, паспортовъ и т. д. и т. д. и состояла изъ титулярнаго совѣтника Карла Реймерса, бывшаго студента медицинской академіи Казимира Кямукаго, отставнаго коллежскаго регистратора Аристарха Тистрова, отставнаго канцелярскаго служителя Григорія Гильшелля, подруги его сердца едвой провизора Викторіи Сюзорской, литографовъ Николая Небельтау и Александра Линдберга и Софьи Реймерсъ-матери. Къ этой же милой компаніи принадлежали еще блаженный изъ острога бродяга Сипко, офъ же и Скорняковъ, и французъ-шуллеръ Викторъ Гюардъ. Общество на подборъ, тутъ есть и титулярный совѣтникъ и бывший студентъ, и бродяга, бѣжавшій изъ острога и прелестная, по всей вѣроятности, вдова провизора. Не считая разныхъ поддѣланныхъ векселей, паспортовъ и другякъ мошенничествъ, совершенныхъ этимъ отборнымъ обществомъ, у нихъ было приготовлено депозитокъ двад-

пяти пяти и десяти рублевыхъ на тридцать пять тысячъ, но *male parta male dilabuntur!* Кажется, такъ гласитъ латинская поговорка? Если совралъ — прошу извиненія. Всѣхъ упомянутыхъ рабовъ Вожихъ забрали, разумѣется, въ полицію, дабы поступить съ ними по законамъ. Вотъ-съ какіе бываютъ художники!...

Бываютъ и другіе, такіе, напримѣръ, какъ мосье Филиппъ — преемникъ Германна, Боско и т. д., по восходящей линіи до знаменитѣйшаго Пинетти. Этотъ профессоръ магіи, между множествомъ уже всѣмъ извѣстныхъ фокусовъ, показываетъ и совершенно новые; изъ нихъ больше всѣхъ удался ему фокусъ заманиванія публики. Каждое представленіе завершается розыгрышемъ лоттерей; сначала лучшимъ выигрышемъ были серебряныя ложки, вилки и ножи, затѣмъ дѣло дошло до лошади и саней. Вы знаете, какъ человѣкъ любить надѣяться и потому не удивитесь, что на этотъ крючокъ много поймалось почтенной публики; но кто уѣхалъ на лошади Филиппа — это, какъ говорилось въ старину, покрыто мракомъ неизвѣстности. Дѣло въ томъ, что мосье Филиппъ, какъ вы видите, умѣетъ привлечь почтенную публику; афиши его печатались на русскомъ, польскомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ; но самъ Филиппъ говоритъ только по французски и то весьма плохо. Умѣнье составить афишу, дѣло, какъ извѣстно, не маловажное и въ настоящее время доведено уже до возможной степени совершенства. Публика нерѣдко видитъ за цвѣтами краснорѣчія разставляемыя ей сѣти, но все-таки ловится. Такъ въ Парижѣ, рассказываютъ, одинъ актеръ объявилъ въ свой бенефисъ представленіе даромъ, слово даромъ было напечатано странно крупными буквами, затѣмъ слѣдовало добавленіе помельче: «для дамъ, изъ которыхъ каждую долженъ провожать капитанъ, платящій за мѣсто двойную цѣну» — и театръ былъ полонъ; вотъ что значитъ афиша. Только извѣстный маэстро Лазаревъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: этому невзрачному гению, происхожденіемъ славянину, афиши не помогаютъ. За то досталось же отъ него всѣмъ, кромѣ помѣйшаго Булгарина, досталось даже, кажется, Шекспиру. Дистонъ, разосланный недавно г. Лазаревымъ — вещь очень замѣчательная; изъ него ясно, что азартный маэстро въ то же время и азартный писатель. Маэръ, сиренныхъ «сабетонистовъ», г. Лазаревъ называлъ жрецами Ваала и вообще отбывалъ въ пухъ и въ прахъ. Очень остроумный человекъ этотъ г. Лазаревъ — ей Богу; но довольно о немъ; у насъ есть новости по сѣрьезнѣе.

Въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ блещетъ теперь яркое свѣтило — знаменитый пѣянистъ и композиторъ Дрейшокъ. Уже двадцать тому назадъ Петербургъ слышалъ игру этого артиста; но съ-тѣхъ-поръ виртуозность его развивалась до такой степени совершенства, дальше которой, кажется, нельзя и идти. И классики и романтики музыкальные, всё единодушно удивлены и восхищены ясной, отчетливой, чистой и ровной игрой Дрейшока. Совершенное спокойствіе, при необъясненной бѣглости, съ которымъ исполняетъ этотъ артистъ самыя трудныя пьесы, показываетъ какъ хорошо выработана у него техника. Правда, многимъ кажется это холодностью, на едва ли господа эти не ошибаются. Дрейшокъ дѣйствительно не принадлежитъ къ тѣмъ пылкимъ артистическимъ натурамъ, у которыхъ чувство проявляется въ игрѣ порывисто и обильно, иногда даже во вредъ чистотѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что бы игра Дрейшока не была вовсе согрѣта чувствомъ. Игра, въ которой нѣтъ вовсе чувства не увлечетъ никого, а игра Дрейшока увлекаетъ всѣхъ. Репертуаръ Дрейшока весьма великъ и разнообразенъ; несчитая пьесъ собственной композиціи, онъ исполняетъ пьесы Мендельсона, Бетховена, Баха, Вебера, Шопена.... послѣдній, впрочемъ, дался ему меньше другихъ.

Рядомъ съ Дрейшокомъ приличнѣе всего упомянуть о другой музыкальной знаменитости, пріѣхавшей недавно въ Петербургъ. Вотъ нѣсколько словъ объ этомъ гостѣ. Джіованни Терранова, композиторъ оперъ: «Orfano di Logona», «Паоли» и «Занра», родился въ Неаполѣ, былъ ученикомъ Раймонди и Мерканданте и считается не только замѣчательнымъ композиторомъ, но и отличнымъ пѣянистомъ. Въ послѣднее время онъ съ артистическою цѣлью путешествовалъ по Европѣ, былъ между прочимъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, гдѣ въ концертахъ и явился какъ композиторъ и какъ пѣянистъ. По отзывамъ иностранныхъ журналовъ, которымъ вѣрять, впрочемъ, опасно, Джіованни Терранова имѣлъ вездѣ успѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ выкажетъ свое дарованіе и въ Петербургѣ; подождемъ и послушаемъ.

Изъ объявленія дирекціи театровъ видно, что составъ итальянской оперы на будущій сезонъ измѣнился пока еще немного; изъ прежнихъ лицъ выбыли Джиральдини, Шартонъ-Демеръ, Врамбалла и Бальфъ. Последняя, какъ извѣстно, переходитъ съ какагого года сцены на гладкій паркетъ большаго свѣта, она вышла замужъ за баронета Крепитона, одного изъ видныхъ

представителей дипломатическаго міра. Поклонникамъ прелестной пѣвицы остается только пожелать ей на новомъ поприщѣ всевозможныхъ успѣховъ и счастья.

Изъ вновь ангажированныхъ сюжетовъ объявлено только о примадоннѣ Фіоррети. По слухамъ это очень искусная вокалистка, имѣвшая блистательный успѣхъ въ Неаполѣ, гдѣ она пѣла въ 1857 году.

Музыки было вообще такъ много въ великомъ посту, что я не рѣшаюсь даже пересчитывать всѣ концерты изъ опасенія наскучить читателю. Петербургскіе дилетанты имѣли случай послушаться всласть всевозможной музыки, начиная отъ очаровательной скрипки Вьетана и неменѣе очаровательнаго фортепіано Рубинштейна до абиссинской разладыцы маэстро Лазарева. Если къ концертамъ вокальнымъ и инструментальнымъ прибавить еще и концерты съ живыми картинами, то право становится непонятно, откуда въ Петербургѣ набирается столько слушателей. Концерты съ живыми картинами, должно отдать имъ полную спрavedливостъ, почти всѣ отличаются непроходимую скукою. Бывать на нихъ можно только ради доказательства безграничнаго терпѣнія и если на пути фельетониста много терній, то самые острые и язвительныя по моему мнѣнію — обязанность присутствовать на концертахъ съ живыми картинами. Боги! что это за мученіе! Вотъ уже около десяти лѣтъ мнѣ, увы! приходится убѣждаться, что въ этихъ концертахъ музыка хуже живыхъ картинъ, и живыя картины хуже музыки. Всѣ эти *русалки, купальщицы, воздушныя дѣвушки, аэрофы, венеціанки и венеціанцы съ юндолъ, возвращенія на родину, самданія* и т. п. избитые сюжеты, съ замѣчательнымъ упорствомъ повторяющіеся ежегодно, надоѣли какъ публикаціи Грегориуса о резиновыхъ колошахъ или фельетоны покойнаго Ө. В. Неужели нельзя найти что-нибудь новенькое?...

Я долго Роллера терпѣлъ,
Но даже Роллеръ надоѣлъ.

Это хоть и нескладно, но справедливо; даже въ концертѣ Роллера въ нынѣшнемъ году была въ глаза таже бѣдность въ составѣ живыхъ картинъ; о музыкѣ я ужъ и не заикаюсь. Если у насъ мало своего, почему бы не взять рисунки Гаварни, Надара?... Оставьте, пожалуй, *русалокъ и купальщицъ охотникамъ*, но дайте же что-нибудь и другимъ и авось тогда и залы театральныя не будутъ такъ пустышны, т. е., и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы.

Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе гласа; вопіющаго въ пустынѣ, вотъ анекдотъ. Вы конечно слышали о страшныхъ метеляхъ, которыми нерѣдко задерживались поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ. Одного почтеннаго мужа пріатели уговорили прокатиться въ Москву.

— Тамъ кутнемъ — говорили они — пожурюемъ. Что ты киснешь все дома и свѣта Божьяго не видишь.

— Ъдемъ — рѣшилъ почтенный мужъ; но встрѣтилось маленькое затрудненіе. Жена этого почтеннаго мужа рѣшительно вооружилась противъ предложенной поѣздки.

— Нѣтъ, душка — говорила она со слезами на глазахъ. — Я не пушу тебя въ Москву, ни за что не пушу. Въ газетахъ пишутъ безпрестанно объ ужасныхъ метеляхъ, ты можешь замерзнуть гдѣ-нибудь. О! страшно подумать! Ни за что, ни за что не пушу.

Почтенный мужъ уже рѣшился было остаться, но пріатели стали подтрунивать надъ нимъ; ты дескать подъ башмакомъ у жены, у тебя нѣтъ характера, нѣтъ воли и прочая, и прочая. Почтенный мужъ положительно объявилъ, что онъ ѣдетъ. Тогда жена, грустно опустивъ голову и глубоко вздыхая, сказала:

— Ну, дѣлать нечего, если уже ты непремѣнно хочешь ѣхать, поѣжай; но.... оставь во крайней мѣрѣ ломбардные билеты, акціи и часы съ цѣпочкой....

Я въ долгу еще передъ моими читателями, ибо не передалъ имъ печальное происшествіе, возбуждавшее въ Петербургѣ очень много толковъ. Не рассказывалъ я объ этомъ, потому что не зналъ истины, теперь же вотъ грустныя и точныя свѣдѣнія. Былъ балъ. Проходя по залѣ съ кавалеромъ, чуть ли не въ польскомъ, одна дѣвица коснулась рукомъ свѣчи, горѣвшей въ канделябрѣ; легкое платье вспыхнуло мгновенно. Испуганная дѣвушка побѣжала по залѣ, а оторопѣвшій кавалеръ, видно былъ не изъ храбрыхъ, опустилъ руки и.... задумался. Несчастная дѣвушка напрасно кидалась во все стороны, прекрасные рыцари сторонились, одинъ на томъ основаніи, что онъ не былъ представленъ этой дѣвицѣ, другіе вѣроятно потому, что вообще своя рубашка ближе къ тѣлу, и бѣдная дѣвушка погибла и погибла не одна. Сбѣгая въ совершенномъ безсознательствѣ по лѣстницѣ, она задѣла и зажгла другую дѣвицу. Первая умерла черезъ три часа; вторая опасно больна. Находчивость и храбрость

кавалеровъ, бывшихъ свидѣтелями этого несчастія по истинѣ изумительны! Ай да рыцарство XIX столѣтія! Ай да защитники слабого и прекраснаго пола! Не знаю правда ли, говорятъ, что и докторъ, за которымъ послали по этому случаю тоже отличился. Онъ отказался ѣхать, потому что лоздо. Интересно бы узнать фамилію этого милаго доктора — онъ стоитъ громкой извѣстности и сильнаго похвальнаго слова. Я знаю много грустныхъ фактовъ и, сознаюсь, въ ряду ихъ находчивость упомянутыхъ кавалеровъ и докторская готовность помочь ближнему займутъ почетное и видное мѣсто. Эти кавалеры и докторъ просто души!

Да не подумаетъ, однакожъ, кто-нибудь дурно о всей нашей молодежи; поименованные *избранники* составляютъ печальное и, слава Богу, рѣдкое исключеніе. У насъ не мало и рыцарей и даже такихъ, которые не прочь и отъ поединка. Ты еще живешь благородный Донъ-Кихоть? Живешь въ укоръ приличнымъ кавалерамъ и человѣколюбивымъ докторамъ! На гауптвахтахъ петербургскихъ.... но, позвольте, это уже не по моей части.

Было еще происшествіе на Охтѣ, это, какъ говоритъ Павелъ Ивановичъ Чичковъ, симпатичный анекдотецъ. Сначала въ одной изъ нашихъ газетъ появилось нѣсколько пугающее повѣствованіе о томъ, что на нѣкоторыхъ господъ охотниковъ напали чуть-чуть не разбойники. Посудите сами, какой ужасъ, въ просвѣщенной столицѣ — разбойники! Но изъ послѣдовавшаго за тѣмъ объясненія г. Саблина, командира округа охтенскаго пороховаго завода видно, что гора редила мышь. Вотъ отрывокъ изъ этого объясненія, появившагося на свѣтъ Божій 5-го марта:

«Были святки. Фейерверкеръ Тихомировъ одѣлся бондаремъ, съ паклею на головѣ, перекинувъ черезъ плечо обручъ, заткнулъ за поясъ топоръ и натягъ и взялъ въ руки лучковую пилу; а военный поселенникъ Родіонъ Степановъ сопровождалъ его, въ качествѣ продавца — музыканта (?), имѣлъ на головѣ, вмѣсто парика, солдатскій султанъ, а за плечами мѣшокъ съ товарами и въ рукахъ — гармоникку.

Эти *перлаженные*, возвращавшіеся уже домой на-веселѣ и были приняты за разбойниковъ господами охотниками.

«Ихъ было пять человѣкъ, а именно: отставной губернскаго секретаря Агачинскій, лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Пушкинъ, сѣверскаго драгунскаго полка поручикъ Граббе, авдешицкій Зичи и лейбъ-гвардіи гусарскаго полка князь Гелицынъ.

(Кромѣ того пять возчиковъ). Въ первыхъ саняхъ сидѣли двое чухонъ, служившихъ охотникамъ передовыми и, вмѣстѣ, провожатыми. Въ слѣдующихъ же затѣмъ, вторыхъ саняхъ сидѣли поручики: Граббе и князь Голицынъ; возчика у нихъ не было, а лошадей правилъ одинъ изъ нихъ.

Тихомировъ, разсердившись что чухны пронеслись неожиданно мимо его, безъ крика сторонись, вздумалъ выместить свою досаду на вторыхъ саняхъ, предполагая, что и тамъ ѣдутъ чухны. Съ этою цѣлью онъ бросился на лошадь этихъ вторыхъ саней и остановилъ ее подъ узцы, но увидѣвъ свою ошибку, отошелъ отъ саней, сказавъ: «это не чухна!»

«Поручикъ Граббе, вообразивъ, въ полуснѣ, что это какой-нибудь злой умыселъ, выскочилъ изъ саней и, въ свою очередь, напалъ на Тихомирова, нанесъ ему нѣсколько ударовъ кнутомъ, изъ которыхъ нѣкоторые прижились по лицу Тихомирова. Казалось бы достаточно было этой расправы, но поручикъ Граббе не удовольствовался этимъ, а еще болѣе убѣжденный въ своемъ предположеніи открытіемъ у Тихомирова топора, лучной пилы и какого-то металлическаго инструмента (вѣроятно натяга), брошеннаго Тихомировымъ на дорогу, окончательно принялъ его за злоумышленника, усадилъ его въ сани и увезъ въ Петербургъ, предавъ его съ торжествомъ въ руки правосудія. Такая же почти сцена повторилась, вслѣдъ за тѣмъ, и съ Степановымъ, къ которому слѣдующіе охотники приблизившись, остановили его и, не удовлетворившись его отвѣтами, что онъ наряженный и не имѣетъ при себѣ никакого оружія, кромѣ гармоники, клинцу переднихъ своихъ товарищей и съ ними вмѣстѣ усадили Степанова также въ сани...»

Такимъ образомъ смѣлые разбойники были пойманы; порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ!..

Отъ сихъ ужасовъ обратимся къ наслажденіямъ и событіямъ мирнымъ. Вотъ, наприимѣръ, къ свѣдѣнію знатоковъ и любителей живописи: на постоянную выставку, устроенную обществомъ поощренія художниковъ, поступило нѣсколько новыхъ и замѣчательныхъ произведеній, о которыхъ грѣшно было бы умолчать. Между ними особенное вниманіе заслуживаютъ: двадцать этюдовъ г. Лагоріо, только что привезенныхъ имъ изъ за-границы (имя г. Лагоріо, какъ превосходнаго пейзажиста давно и хорошо извѣстно нашей публикѣ и стало быть нѣтъ надобности распространяться о неотъемлемыхъ достоинствахъ его кисти); большая картина г. Сверчкова «Тройка», двѣ кар-

тины г. Соколова и картины гг. Бочарова и Попова. Я увѣренъ, что всѣ эти картины не застоятся на выставкѣ, у насъ, слава Богу, не мало истинныхъ любителей искусства и людей со средствами. Кто не можетъ приобрести какую-нибудь изъ прекрасныхъ картинъ, тому совѣтую хоть полюбоваться этими чудными произведеніями нашихъ даровитыхъ соотечественниковъ. Не только владѣть истинно хорошею вещью, но и взглянуть на нее великое наслажденіе. Постоянная выставка, какъ извѣстно помѣщается въ биржевомъ зданіи, на васильевскомъ островѣ, противъ дворцоваго моста, цѣна за входъ десять копеекъ. Доставляя себѣ наслажденіе, каждый посѣтитель постоянной выставки въ тоже время приноситъ крѣпечную лепту и на пользу ближняго — плата за входъ идетъ въ пособіе нуждающимся художникамъ. Доставить себѣ удовольствіе и принести пользу ближнему стоитъ — гривенникъ! А еще говорятъ, что въ Петербургѣ все дорого!..

Кстати, вотъ и другая возможность сдѣлать доброе дѣло, не только съ удовольствіемъ, но даже, при счастьѣ, и съ выгодой. Каждый легко пойметъ, что дѣло идетъ о лоттерей, устраиваемой ежегодно въ пользу дѣтскихъ пріютовъ; выставка вещей, назначенныхъ въ эту лоттерей, открыта въ залахъ городской думы. Главнѣйшіе выигрыши составляютъ вещи, пожертвованные Государемъ Императоромъ и другими особами августѣйшаго дома. Въ этой лоттерей нѣтъ проигрыша, въ томъ смыслѣ, что если кто-нибудь и не выиграетъ ни одной вещи, то выиграетъ удовольствіе помочь ближнему.

Къ числу помогающихъ ближнему, по всей справедливости, можно отнести хозяина новаго ресторана на малой морской, въ домѣ кн. Воронцова. Мосье Шотанъ помогаетъ ближнимъ, давая имъ возможность за умѣренную плату поѣсть хорошо. Въ этомъ ресторанѣ каждый день въ пять съ половиной часовъ собирается безчисленное множество посѣтителей и насыщается, за общимъ столомъ, весьма порядочнымъ обѣдомъ, который стоитъ всего одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ. Ресторанъ входитъ въ большую моду и грозитъ своимъ знаменитымъ сосѣдямъ; всякая конкуренція, само собою разумѣется, выгодна потребителямъ п потому нельзя не пожелать Шотану полного успѣха. Надо сознаться, у насъ до-сихъ-поръ почти во всѣхъ этихъ гастрономическихъ заведеніяхъ кормили очень плохо и брали очень дорого. Если ресторанъ Шотана и не идеалъ совершенства въ этомъ отношеніи, то все таки онъ далеко лучше другихъ подобныхъ

заведеній и, можетъ быть, послужитъ имъ добрымъ урокомъ и полезнымъ примѣромъ.

По поводу ресторановъ, хорошихъ обѣдовъ и вообще, такъ называемой, веселой жизни, мнѣ приходятъ на мысль петербургскіе метеоры. Боги! сколько появляется и исчезаетъ ихъ каждый годъ. Что это за милые люди, сколько въ нихъ порядочности и остроумія, сколько у нихъ друзей и пріятелей, пока они не разорятся. А это совершается въ Петербургѣ весьма быстро; бываютъ метеоры, остающіеся на горизонтѣ петербургской общественной жизни втеченіе года; но бываютъ не рѣдко и такіе, существованіе которыхъ длится не болѣе одного зимняго или лѣтняго сезона. Какъ бурно проживаютъ они этотъ короткій срокъ и какими грустными послѣдствіями сопровождается ихъ паденіе; друзья разбѣгаются и перестаютъ кланяться бывшему амфитріону, а женщины... О женщинахъ вотъ анекдотъ: одинъ изъ вышепомянутыхъ джентльменовъ, разорившись, принужденъ былъ съ стѣсненнымъ сердцемъ прекратить свои частые визиты къ одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ, когда-то увѣрившей его въ своей любви. Долго бѣдный джентльменъ не видѣлъ своей прежней подруги; наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ маскарадовъ они встрѣтились. Джентльменъ было въ сторону, но прелестная женщина сама подошла къ нему.

— Ахъ, какъ я рада встрѣтить васъ, мой добрый другъ, говорила она пожимая ему руку, какъ давно я васъ не видѣла.

— Какъ? воскликнулъ счастливый джентльменъ — неужели чувства ваши не перемѣнились?

— Дурно же вы думаете обо мнѣ.

— О! какъ я счастливъ!... Итакъ отношенія остаются между нами прежнія... Вы просто ангель!... Теперь только я понять и одѣнилъ васъ!... Слѣдовательно я имѣю право возобновить мои ежедневные визиты, я буду счастливъ по прежнему... о!...

— Знаете, — перебила женщина, — несчастіе ваше, т. е., ваше разореніе до того поразило меня и такъ близко моему сердцу, такъ огорчаетъ меня, что я не могу подумать объ этомъ равнодушно. Каждое ваше посѣщеніе будетъ напоминать мнѣ это ужасное несчастье и потому, добрый другъ, я попрошу васъ, ѣздите ко мнѣ какъ можно рѣже, я — буду покойнѣе...

Sic transit gloria mundi!..

Въ нашемъ милomъ климатѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь чув-

ствуется потребность въ тепломъ мѣстечкѣ, гдѣ бы можно было подышать чистымъ воздухомъ, полюбоваться яркою зеленью, понѣжить глаза, утомленные однообразною снѣжною бѣлизною. Нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ оказались неудачны, хотя на первый разъ теплыя мѣста для прогулки и привлекали многочисленныхъ посѣтителей. Но пассажъ, воздухъ котораго былъ пропитанъ постоянно запахомъ постнаго масла, зимній садъ въ Hôtel des princes, гдѣ постоянно можно было встрѣтить джентльменовъ въ сильномъ загулѣ и другія подобныя заведенія вскорѣ обратились въ пустыню. Цвѣточная выставка въ дворцовомъ манежѣ была очень пріятнымъ явленіемъ въ началѣ грязной весны предъидущихъ лѣтъ и доказала, что подобное же мѣстечко съ болѣе постоянною растительностью не останется безъ посѣтителей. Носится слухъ и весьма достовѣрный, что на скверѣ, противъ александрийскаго театра, будетъ устроенъ родъ кристалльнаго дворца съ зимнимъ садомъ. Если только учредители не вздумаютъ завести тамъ цыганъ, военныхъ пѣсенниковъ или подобныя увеселенія, то можно предсказать, что осенью, зимою и весной лучшая петербургская публика будетъ наполнять аллеи зимняго сада, а лѣтомъ онъ доставитъ прекрасный пріютъ семействамъ недостаточныхъ жителей, лишеннымъ удовольствія прозябать (т. е., зябнуть) въ картонныхъ домикахъ Крестовскаго острова или Новой Деревни.

Отъ петербургскихъ дачъ кстатѣ перейти къ вербамъ, гдѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить домики, также затѣйливо и также негѣпо устроенные, какъ виллы лѣснаго института и Каменнаго острова. Для какой цѣли устроивается это гулянье — рѣшить довольно трудно, скорѣй всего для того, чтобы хотя нѣсколько разбивать кровь, сгущенную отъ продолжительныхъ сидѣній въ департаментахъ и герметически закупоренныхъ квартирахъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ самымъ явнымъ расположеніемъ къ удару, можно избавиться отъ него на нѣкоторое время, сдѣлавши путешествіе вокругъ гостиннаго двора въ послѣдніе дни шестой недѣли. Есть особая каста, состоящая преимущественно изъ молодыхъ людей, которая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ *сербы*, чтобы показать свою удалъ и изобрѣтательность. Эта удалъ состоитъ въ томъ, чтобы, собравшись густой толпой, прервать сообщеніе, произвести тѣсноту и давку и, пользуясь этимъ, съ самодовольною улыбкою показывать проходящимъ дамамъ негѣпѣйшія произведенія вербной промышленности. Въ прежнее время каждыя *сербы* означивались какимъ-нибудь новымъ изобрѣтеніемъ въ родѣ кар-

тезіевой игрушки, перешедшей изъ физическихъ кабинетовъ подъ аркаду гостиннаго двора, классической курочки, змѣйки и, наконецъ, въ послѣднее время воздушныхъ шаровъ разнаго цвѣта. Воздушные шары уже года три пользуются особеннымъ вниманіемъ публики и нельзя пройти по невскому безъ того, чтобы не встрѣтить господина пожилыхъ лѣтъ съ веревочкой въ рукѣ и съ краснымъ шарикомъ надъ головою. Съ умпльно-пошлой улыбкой онъ оглядываетъ всѣхъ встрѣчныхъ и, кажется, ищетъ на лицѣ ихъ улыбки участія и одобренія. Цѣна шаровъ все понижается и можно предвидѣть, что въ скоромъ времени они уступятъ мѣсто какому-нибудь новому изобрѣтенію, какъ все выходитъ у насъ изъ моды и замѣняется новымъ, какъ, напримѣръ, публичныя лекціи уступили свое мѣсто литературнымъ чтеніямъ и ученымъ диспутамъ, которые въ свою очередь уступятъ мѣсто какой-нибудь новой потѣхѣ. Мы все обращаемъ въ игрушку, отчего же и не позабавится, пока молодцы? Болѣе прочнымъ авторитетомъ пользуются на вербахъ маленькія восковыя фигурки, съ претензіей изобразить ребенка въ корзинѣ, наполненной травкою и цвѣтами. Продавцы ихъ въ полномъ убѣжденіи, что игрушка изображаетъ маленькаго Моисея и даже съ презрѣніемъ и жалостію смотрятъ на того, кто не постигаетъ ея значенія. Мнѣ какъ-то случилось спросить: что стоитъ этотъ Купидонъ? Съ какимъ забавнымъ презрѣніемъ и даже гнѣвомъ взглянулъ на меня бородатый продавецъ игрушекъ, и сквозь зубы сказалъ: какой тутъ купидонъ, развѣ не вишь, что Моисей. Въ жизни все такъ перемѣшано, смѣшное и печальное, пустяки и важныя вещи, что невольно отъ одного предмета переходишь къ другому и потому не удивительно, если мы по поводу дѣтскихъ игрушекъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ грустномъ впечатлѣніи, которое производятъ на насъ здоровенные, бородатые молодцы, продающіе на улицахъ на пять копеекъ печенки или гнилыхъ апельсиновъ, или румяные франты, отмѣривающіе кружево или примѣривающіе дамамъ туфли и ботинки въ лавкахъ перинной линіи. Не полезнѣ ли, не приличнѣ ли бы даже было замѣнить весь этотъ народъ женщинами, и жирныхъ туеядцевъ обратить на болѣе полезную работу. У насъ такъ мало теперь рабочихъ рукъ, что самый посредственный мастеровой можетъ зарабатывать большія деньги. Увеличится число рабочихъ, будетъ дешевле и работа, а чрезъ это само собою уничтожится та баснословная дороговизна, которою Петербургъ перещеголяетъ скоро всѣ другіе города Европы.

Въ заключеніе поздравляю съ наступающимъ праздникомъ всѣхъ моихъ читателей и христіански цѣлую ихъ... всѣхъ, кромѣ самого себя.

Е. МОЛЛЕРЪ.

ПАМЯТНИКИ

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ГРАФОМЪ КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ настоящее время кажется уже созрѣло сознание, что для уразумѣнія смысла исторіи недостаточно однѣхъ повѣствованій о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеній, указовъ, дипломатическихъ сношеній и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственнаго и административнаго строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣропаній, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ не возможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія учрежденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакція «Русскаго Слова» полагаетъ не бесполезнымъ при своемъ журналѣ печатать въ видѣ приложений памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, большею частію до-сихъ-поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разбѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не рѣдко въ отрывочномъ видѣ. Съ этою цѣлію, съ

февраля мѣсяца, редакція приступаетъ къ изданію перваго тома Сборника, названіе котораго выписано выше. Въ составъ его войдутъ: 1) Повѣсть о посадникѣ Шплѣ, съ картинами; 2) Горезлочастіе; 3) Повѣсть о Димитріѣ, кievскомъ купцѣ и его сынѣ; 4) О премудромъ Акирѣ; 5) Повѣсть о грѣшной матери, съ картинами; 6) Повѣсть о корыстолюбцѣ, съ картинами; 7) Ерусаланъ Лазаревичъ по списку XVII вѣка; 8) Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи; 9) Повѣсть о Саввѣ Груцынѣ; — кромѣ того, нѣкоторые другіе памятники старинной русской литературы, выборъ которыхъ не рѣшенъ еще окончательно.

Памятники старинной русской литературы будутъ напечатаны или въ четвертку или въ большую осьмушку, смотря по тому, какой форматъ окажется болѣе удобнымъ для картинъ, которыя будутъ сняты фотографически. Собраніе этихъ картинъ, представляющихъ различныя стороны домашней старинной жизни русской, будетъ увеличено фотографическими снимками съ рисунковъ изъ Олеарія, Герберштейна, Струиса, Кленка и другихъ путешественниковъ, оставившихъ описанія о старинномъ бытѣ Россіи. Число всѣхъ фотографическихъ картинъ будетъ простираться до семидесяти; всѣ онѣ будутъ воспроизведены со всевозможною точностію, а тѣ изъ нихъ, которыя въ подлинникѣ раскрашены (такихъ будетъ до двадцати), въ такомъ же видѣ явятся въ снимкахъ.

Памятники старинной русской литературы назначаются исключительно для подписчиковъ «Русскаго Слова» и потому ихъ въ продажѣ не будетъ. Редакторъ «Русскаго Слова», принимающій на себя издержки по изданію памятниковъ старинной русской литературы, предлагаетъ гг. подписчикамъ своего журнала текстъ Сборника бесплатно. Приобрѣтеніе же собранія принадлежитъ къ нему фотографическихъ картинъ, превышающаго своею цѣною подписную цѣну на журналъ, предоставляется собственному ихъ выбору. За каждую раскрашенную картину платится девяносто копеекъ, за черную двадцать пять копеекъ. Соображаясь съ этою цѣною, гг. подписчики могутъ присылать свои требованія. При нежеланіи получить полное собраніе картинъ (необходимое только для роскошныхъ экземпляровъ), выборъ ихъ будетъ сдѣланъ редакторомъ Сборника, профессоромъ Костомаровымъ. Каждый подписчикъ можетъ получить не болѣе одного экземпляра Сборника.

Чтобы гг. подписчики Русскаго Слова не встрѣтили затрудненія въ немедленномъ удовлетвореніи ихъ требованій, редак-

ція покорнѣйше просить присылать эти требованія заранѣе *), обозначая въ нихъ сколько и какихъ картинъ (т. е., раскрашенныхъ или черныхъ) желаютъ они получить. При требованіи слѣдуетъ прилагать не менѣе третьей части цѣны желаемыхъ картинъ; остальные деньги можно доставить по выходѣ Памятниковъ старинной русской литературы, т. е., къ 1-му мая, о чемъ редакція извѣститъ своевременно.

Подписка на картины принимается: для ближнихъ губерній до 15-го апрѣля, для дальнихъ — до 15-го мая; требованія, поступившія послѣ этого срока, останутся неудовлетворенными.

Н. Костомаровъ.

Графъ Г. Кушелевъ-Безбородко.

---

*) Требованія слѣдуетъ адресовать такъ: въ редакцію Русскаго Слова, въ С.-Петербургѣ, на гагаринской пристани, въ домъ графа Кушелева-Безбородко.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Заботясь о возможной полнотѣ и разнообразіи содержанія своего журнала, редакція Русскаго Слова испросила позволеніе на открытіе въ немъ политическаго отдѣла. Содержаніе этого отдѣла будетъ слѣдующее :

1) Политическія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ современной исторіи, составляемыя или вслѣдствіе поднятія извѣстнаго вопроса правительствомъ и обществомъ въ Россіи и на Западѣ, или вслѣдствіе появленія замѣчательнаго сочиненія (политическая критика). Статьи этого рода будутъ являться въ каждой книжкѣ журнала.

2) Лѣтопись или систематическая хроника современной исторіи. Она будетъ состоять изъ двухъ частей :

а) Первая часть — русская лѣтопись, то есть, систематическое обозрѣніе: а) внѣшнихъ событій, б) законодательства въ обширномъ смыслѣ этого слова (законовъ и мѣръ правительства по части судебной, собственно законодательной, административной, военной, финансовой), в) движенія общественной и умственной жизни въ Россіи.

б) Вторая часть — иностранная лѣтопись, или обозрѣніе жизни западныхъ государствъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

Каждая часть лѣтописи ежегодно составитъ отъ 25 до 35 печатныхъ листовъ съ особенной пагинаціей. Но оба тома будутъ выходить не вдругъ въ концѣ года, а нѣсколько разъ: ежемѣсячно, или чрезъ два или три мѣсяца.

Замѣченныя опечатки въ «Письмахъ изъ Алжира», помѣщенныхъ въ № 12 1859 года, и въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ 1860 года.

Въ № 12 1859 года, въ I письмѣ :

напечатано :

должно читать :

Стр. Строка.

3	16	мейшджа	митиджа.
			Въ № 1 1860 года, во II письмѣ :
40	14	метровъ	литровъ.
			Въ № 2 1860 года, въ III письмѣ :
27	6	мулатами	мулами.
17	31	учаться	учатся.
24	28	ель-менць	ель-мензь.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 16.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Отвѣтъ А. Д. Петрова на статью кн. С. Урусова. — Воспоминаніе о пребываніи Петрова въ Петербургѣ въ 1858 году. — Три партіи игранныя имъ тогда съ кн. Урусовымъ. — Объ основаніяхъ, которыми руководствуется Шахматный Листокъ въ выборѣ партій. — Нѣсколько словъ объ игрѣ г-на Максимова. — Партіи: К. А. Яниша съ Монгредіеномъ и фонъ-деръ-Гольцомъ; В. В. Пеликана съ А. М. Максимовымъ. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. Урусова. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Въ декабрьскомъ выпускѣ Шахматнаго Листка помѣщена была записка князя С. Урусова о его недавнихъ состязаніяхъ съ величайшимъ русскимъ игрокомъ А. Д. Петровымъ. Печатавъ ее, мы воздержались отъ всякаго сужденія о сравнительной силѣ этихъ двухъ знаменитостей. Сказать голословно, что по нашему мнѣнію, князь Урусовъ не достигъ еще силы своего гениальнаго соперника, — было бы недостаточно, а доказать этого мы не могли, не имѣя въ рукахъ выигранныхъ г-мъ Петровымъ партій. Къ тому же мы думали, что самъ г. Петровъ пожелаетъ, можетъ быть, отвѣчать кн. Урусову. Мы не ошиблись; на дняхъ г. Петровъ прислалъ намъ изъ Варшавы чрезвычайно интересную статью, составленную имъ въ отвѣтъ на записку кн. Урусова. Любители шахматной игры конечно прочтутъ её съ особеннымъ удовольствіемъ.

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ КНЯЗЯ УРУСОВА.

Въ 1853 году, въ бытность мою въ С. Петербургѣ, я игралъ съ княземъ С. С. Урусовымъ въ шахматы два или три вечера: одинъ разъ въ домѣ графа Куселева-Безбородко, другой — не помню у какого-то любителя. Мы съиграли всего семь партій, изъ коихъ я выигралъ шесть, и одна была ничья, — ни одной не проигралъ. Князь Урусовъ и тогда считался сильнымъ игрокомъ, хотя И. С. Шумовъ, съ которымъ я также въ то время состязался, игралъ лучше его.

Въ 1856 году, по смерти генералъ-фельдмаршала князя И. Ѳ. Варшавскаго, я совсѣмъ пересталъ играть. Изрѣдка только случалось мнѣ розыгрывать по нѣскольку партій съ молодыми людьми, являвшимися ко мнѣ на испытаніе. Словомъ, я отсталъ отъ шахматъ, не получаю даже никакого шахматнаго журнала, кромѣ Шахматнаго Листка съ 1859 года, и только въ недавнее время, когда начали говорить и писать о Морфи, какъ о необыкновенномъ явленіи, я, изъ любопытства, сталъ разбирать игранныя имъ партіи, помѣщенныя въ шахматныхъ журналахъ.

Это равнодушіе къ шахматамъ происходитъ не оттого, чтобы я разлюбилъ ихъ или не находилъ бы въ Варшавѣ достойныхъ противниковъ, — напротивъ, здѣсь есть нѣсколько игроковъ замѣчательной силы, каковы: Рупрехтъ, Ружанскій, Земонскій, Петровскій, — но оттого, что въ свободное время, для отдохновенія, предпочитаю играть въ преферансъ.

Князь Урусовъ, пріѣхавъ въ Варшаву на короткое время, удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Это было 3-го Октября 1859 года, въ субботу, въ 12 часовъ, — и мы тотчасъ сѣли за шахматы. Ему досталось начинать. Онъ игралъ шотландскимъ гамбитомъ. Я слышалъ, что онъ много занимался этимъ дебютомъ, и сдѣлалъ новыя открытія. Потому я и не уклонялся отъ этого гамбита, желая видѣть его атаки. Вотъ 1-я Партія:

Князь Урусовъ. (Бѣлые.)	Петровъ. (Черные.)	5) 0—0	g8—f6
1) e2—e4	e7—e5	6) e4—e5	d7—d5
2) g1—f3	b8—c6	7) e5—f6°	d5—c4°
3) d2—d4	e5—d4°	8) f1—e1 †	c8—e6
4) f1—c4	f8—c5	9) f6—g7°	h8—g8
		10) f3—g5	g8—g7°

11) e1—e6°+ f7—e6°	14) d1—h5+ g7—g6
12) g5—e6° d8—e7	15) h5—c5°
13) e6—g7°+ e7—g7°	

Князь Урусовъ выигралъ офицера, долженъ былъ выиграть и партію, но онъ проигралъ ее... и въ то время не жаловался ни на насморкъ, ни на простуду, — проигралъ просто отъ великодушія, щадя слабого.

15) 0—0—0	32) a2—a3	a7—b6
16) c5—c4° c6—e5	33) f1—e2	c5—c4
17) c4—b3 d4—d3	34) e2—d2	b6—c5
18) c2—d3° d8—d3°	35) d2—c3	a6—a5
19) b1—c3 e5—f3+	36) f2—f4	b5—b4+
20) g1—h1*) f3—h4	37) a3—b4°	a5—b4°+
21) c1—g5 (единственное спасеніе) g6—g5°	38) c3—d2	c5—d4
22) b3—e6+ c8—b8	39) f4—f5	d4—e5
23) g2—g3 h4—f3	40) b2—b3	e5—f5°
24) a1—d1 d3—d1°+	41) b3—c4°	f5—e4
25) c3—d1° a7—a6	42) d2—c2	d3—c5
26) e6—e8+ b8—a7	43) d1—b2	e4—e5
27) e8—e3+ g5—e3°	44) c2—d2	b4—b3
28) d1—e3° c7—c5	45) g3—g4	c5—e4+
29) h1—g2 f3—e1+	46) d2—c1	e4—f2
30) g2—f1 c1—d3	47) g4—g5	f2—h3
31) f3—d1 b7—b5	48) g5—g6	h7—g6°

Игра кончилась тѣмъ, что я выигралъ. Въ этомъ положеніи не трудно уже выиграть. Конца партіи не упомяну. Имѣю привычку, извѣстную Карлу Андреевичу Янишу, не записывать игранныхъ партій, полагаясь на память, отчего ихъ, спустя нѣсколько времени, и забываю; а если и записываю иногда, такъ только тѣ, которыя проигрываю: это для того, чтобы въ свободную минуту разсмотрѣть гдѣ сдѣлалъ ошибку.

Въ тотъ же день послѣ обѣда мы съиграли двѣ партіи, изъ которыхъ одну я выигралъ, другую проигралъ. Потомъ въ продолженіе двухъ недѣль съиграли и остальные партіи; результатъ всѣхъ партій извѣстенъ читателямъ Листка.

Въ шотландскомъ гамбитѣ я защищался, въ восьмой ходъ, отъ шаха ладьи не слономъ c8—e6, — находя этотъ ходъ не

*) Если пойдетъ королемъ f1, то черный g6—a6 и игра тотчасъ проиграна.

хорошимъ, — а отступалъ королемъ на f8. Безъ сомнѣнія это лучший ходъ, но бѣлый имѣеть сильную атаку идя слономъ c1—g5. Тогда остается только пѣшкой g7 брать иѣшку f6; а затѣмъ 10) $\frac{g5-h6+}{f3-g8}$ 11) $\frac{f8-d2}{}$. (См. положеніе, означенное на таблицѣ Шахм. Листка за декабрь 1859 г. стр. 332).

Инстинктивно полагаю, что черный можетъ защититься и выдти изъ этого стѣсненнаго положенія пожертвованіемъ одной или двухъ пѣшекъ; но, признаюсь, не знаю, какая лучшая защита. Игралъ наслѣпо, по чутью, и хотя болѣею частью выигрывалъ, но это происходило оттого, что князь Урусовъ, кажется, упускалъ дѣлать лучшіе ходы.

Когда будетъ время и придетъ охота, займусь анализомъ этого дебюта.

Вотъ еще партія шотландскаго гамбита, и хотя выиграна мною, но защиту эту я считаю не совсѣмъ удовлетворительною.

Начало, какъ выше сказано, см. таблицу стр. 332*).

Кн. Урусовъ. Петровъ.

11)	c6—e5
12) d2—e4	c5—e7
13) h2—h3	e5—g6
14) d1—h5	c8—e6
15) f2—f4	d8—d5
16) g2—g4	d5—h5°

Лучшій ходъ для чернаго есть: f6—f5. Я не рѣшался его сдѣлать, опасаясь нападенія конемъ b1—c3, что давало бы бѣлому нѣсколько смѣлыхъ атакъ; но выгода осталась бы на сторонѣ чернаго.

17) g4—h5°	f6—f5
18) h5—g6°	f5—e4°
19) g6—g7	f7—f5

Черный теряетъ ладью, за то имѣеть три пѣшки въ центрѣ. По теоріи, игра чернаго слабѣе, а на дѣлѣ игра его лучше.

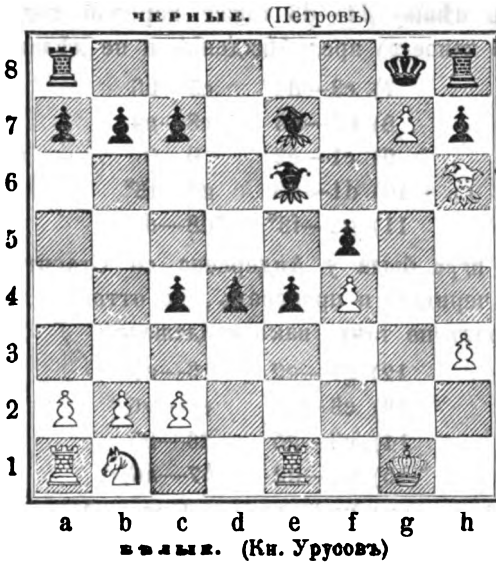
*) Для читателей, не имѣющихъ подъ рукою Листка за декабрь 1859 года, печатаемъ здѣсь эти одиннадцать ходовъ: 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3) $\frac{d2-d4}{e5-d4°}$ 4) $\frac{f1-c4}{f8-c5}$ 5) $\frac{0-0}{g8-f6}$ 6) $\frac{e4-c5}{d7-d5}$ 7) $\frac{e5-f6°}{d5-c4°}$ 8) $\frac{f1-e1+}{e8-f8}$ 9) $\frac{c1-g5}{g7-f6°}$ 10) $\frac{g5-h6+}{f8-g8}$ 11) $\frac{f8-d2}{}$.

Играя пѣшками какъ слѣдуетъ, черныѣ скорѣе можетъ выиграть или сдѣлать ничью, нежели проиграть.

Обращаю вниманіе любителей на это положеніе.

Положеніе игры послѣ 19 хода черныѣхъ.

Она продолжалась такимъ образомъ:

20) g1—h2	g8—f7
21) g7—h8 ^Ф	a8—h8 ^Ф
22) e1—g1	e7—f6
23) b1—d2	b7—b5
24) g1—g3	b5—b4
25) a1—g1	

Послѣдующихъ ходовъ теперь не припомню.

Я считаю также хорошею защитою въ шотландскомъ гамбитѣ, вмѣсто того, чтобы въ пятый ходъ играть конемъ g8 на f6 и подвергаться сильнымъ атакамъ, сыграть d7—d6 и продолжать такъ, какъ я игралъ въ 17-ой партіи до ошибочнаго хода королемъ g8 на h8. Вмѣсто этого хода слѣдовало пойти, (какъ я же говорилъ князю Урусову) h7—h6, и тогда игра моя была бы выиграна. (См. Шахм. Лист. стр. 333 и 334.)

Излагаю для ясности начало партіи.

Кн. Урусовъ.	Петровъ.
1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	b8—c6

3) d2—d4	e5—d4°
4) f1—c4	f8—c5
5) 0—0	d7—d6
6) c2—c3	g8—f6

Подвигать пѣшку d4—d3 также хорошій ходъ, но я имѣю противъ него какое-то предубѣжденіе, и не дѣлаю этого хода.

7) c3—d4°	c5—b6
8) b1—c3	c8—g4
9) c1—e3	0—0
10) d1—d3	g4—f3°
11) g2—f3°	d8—d7

Подобная игра была у Андерсена со Стаунтономъ. Стаунтонъ игралъ черными и проигралъ, но оттого, что въ слѣдующіе ходы игралъ не такъ, какъ надлежало.

12) g1—g2	c6—e7
13) c3—e2	e7—g6
14) e3—g5	f6—h5
15) d3—d2	h7—h6

Настоящій, правильный ходъ. Князь Урусовъ въ запискѣ своей пишетъ, что противъ этого хода онъ не отошелъ бы слономъ, а сыгралъ бы e2—g3 (см. Шахм. Лист. стр. 334). Я полагаю, что князь шутитъ: на дѣлѣ онъ не сыгралъ бы такъ. Не такой онъ игрокъ, чтобъ не могъ сообразить послѣдствій этого хода. Ступилъ бы конемъ на g3, то проигралъ бы въ 4 хода, вотъ какъ:

16) e2—g3	h5—f4 †
17) g5—f4°	g6—h4 †
18) g2—h1	d7—h3
19) f1—g1	h4—f3°

... и бѣлый теряетъ ферзя или получить матъ.

Повторяю, что послѣ хода черныхъ пѣшкой h7—h6, бѣлые, какъ бы ни играли, должны проиграть. И любители шахматной игры могутъ удостовѣриться въ этомъ подробнымъ анализомъ, а если встрѣтятъ какія сомнѣнія, то я могу имъ объяснить.

Замѣчаю, что если въ шестнадцатый ходъ бѣлые пойдутъ слономъ с4 на b3, то не должно брать слона пѣшкой (h6—g5°), а слѣдуетъ ступить королемъ на h7.

Князь Урусовъ приводитъ шестую партію, выигранную имъ, какъ въ высшей степени интересную. (Шахм. Лист. стр. 335).

Эта партія такъ дурно была играна съ обѣихъ сторонъ, что незаслуживаетъ никакого вниманія. Не будь выставлено имени князя Урусова и моего, то всякій порядочный игрокъ, разбирая ее, подумаетъ, что играли ученики, которые болѣе двухъ-трехъ ходовъ сообразить еще не могутъ. Такихъ партій не слѣдовало бы печатать.

Первую ошибку сдѣлалъ князь Урусовъ, сыгравши въ десятый ходъ слономъ с8 на е6 *): потерялъ пѣшку и долженъ бы былъ проиграть игру, по перевѣсу въ силахъ бѣлаго при лучшемъ положеніи, но я сдѣлалъ ошибку, ступивши въ девятнадцатый ходъ конемъ а3 на b5, что вело къ проигрышу. Въ двадцать-первый ходъ князь Урусовъ играетъ конемъ h6 на g4. Это дурной ходъ, непростительный для такого игрока, какъ князь Урусовъ. Для чего было искать мудреныхъ матовъ, когда можно было сдѣлать матъ въ нѣсколько ходовъ самымъ простымъ способомъ?... Надлежало говорить шахъ ферземъ на h2, потомъ брать пѣшку h3, потомъ шахъ ладьею h8 на f8, и если бѣлый король идетъ на право, то есть, на g5, то матъ въ четыре хода, а если на лѣво, то есть, на e5, то конь h6 на g4+ и въ слѣдующіе два-три хода матъ. Такъ должно было играть, и тогда можно бы было похвалиться игрою. Ступивши же въ двадцать-первый ходъ конемъ h6 на g4, князь Урусовъ могъ попасть на ничью.

Въ двадцать второй ходъ, князь пошелъ g4—h2, и называетъ это пожертвованіемъ вслѣдствіе разсчитанныхъ имъ впередъ большаго числа варіантовъ. Противъ этого хода я могъ ступить

*) Считаемъ необходимымъ перепечатать здѣсь эту партію; иначе анализъ г-на Петрова будетъ не ясенъ читателямъ, которые не помнятъ ее. А. Д. Петровъ. 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$, 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$, 3) $\frac{f1-c4}{f8-c5}$, 4) $\frac{0-0}{d7-d6}$, 5) $\frac{c2-c3}{d8-e7}$, 6) $\frac{d2-d4}{c5-b6}$, 7) $\frac{h2-h3}{c6-d8}$, 8) $\frac{c1-g5}{f7-f6}$, 9) $\frac{g5-h4}{g8-h6}$, 10) $\frac{b1-a3}{c8-e6}$, 11) $\frac{d4-e5^\circ}{d6-e5^\circ}$, 12) $\frac{f3-e5^\circ}{e6-h3^\circ}$, 13) $\frac{d1-h5+}{e8-f3}$, 14) $\frac{h4-f6^\circ}{e7-f6^\circ}$, 15) $\frac{g2-h3^\circ}{f6-f4}$, 16) $\frac{e5-d7+}{f8-e7}$, 17) $\frac{d7-b6^\circ}{a7-b6^\circ}$, 18) $\frac{a1-d1}{d8-f7}$, 19) $\frac{a3-b5}{f7-e5}$, 20) $\frac{h5-e2}{e5-f3+}$, 21) $\frac{g1-g2}{h6-g4}$, 22) $\frac{f1-h1}{g4-h2}$, 23) $\frac{h1-h2^\circ}{f4-h2^\circ+}$, 24) $\frac{g2-f3^\circ}{h2-h3^\circ+}$, 25) $\frac{f3-f4}{h8-f8+}$, 26) $\frac{f4-e5}{h3-h2+}$, 27) $\frac{e5-d4}{f8-f2^\circ}$, 28) $\frac{e2-e3}{h2-h5}$, 29) $\frac{d1-g1}{c7-c5+}$, 30) $\frac{d4-d3}{a8-f8}$, 31) $\frac{c4-d6}{f2-f3}$, 32) $\frac{g1-g7^\circ+}{e7-d8}$, 33) $\frac{e3-f3^\circ}{f8-f3^\circ+}$.

ферземъ е2—е3, и тогда всё рассчитанные варианты на отдаленный матъ изчесли бы, и чтобы не проиграть игры, черные должны бы были довольствоваться вѣчными шахами конемъ f3 на h5.

Я видѣлъ этотъ вѣчный шахъ не хотѣлъ отдать игры за ничью, имѣя перевѣсъ въ пашкахъ, хотѣлъ выиграть, и дѣйствительно не проигралъ бы, если бы въ двадцать-восьмой ходъ, вмѣсто того, чтобы сыграть ферземъ на е3, пошелъ бы имъ на g4. Слѣдовательно эта партія показываетъ только непростительныя ошибки игравшихъ.

По всему видно, что князь Урусовъ имѣетъ привычку записывать только выигранныя имъ партіи и только ихъ считать хорошими. Эта привычка не у него одного. У меня былъ дѣдушка Иванъ Алексѣевичъ Соколовъ, сильный игрокъ своего времени*), который также считалъ только тѣ партіи хорошими, которыя онъ выигрывалъ у Ильи Семеновича Котельникова, а всё проигранныя относилъ или къ нездоровью, или къ дурному расположенію духа. Къ несчастію же — я имѣю привычку, какъ выше упомянулъ, почти никакихъ незаписывать, и по этому не могу напечатать выигранныхъ мною вдвое болѣе партій, между которыми были и довольно хорошо игранныя.

Можетъ быть найдутся онѣ у свидѣтелей, записывавшихъ нѣкоторыя игры**). Вообще я игралъ первыя партіи не хорошо, пока не розыгрался и не вышелъ изъ летаргій: давно не игралъ съ сильными игроками. Но послѣднія партіи игралъ лучше.

Играю я въ шахматы уже полвѣка. Встрѣчалъ и сильныхъ игроковъ; давалъ имъ маты, и мнѣ давали, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ всегда одерживалъ превосходство, то есть выигрывалъ болѣе, нежели проигрывалъ, и давно уже не случалось мнѣ проиграть такъ много партій: изъ 21-й шесть. Это произошло оттого, что я отсталъ отъ шахматъ, а князь Урусовъ занимался игрою.

Что касается до китайской стѣны, которою я оградилъ себя, живя въ Варшавѣ, то на это объясняю, что дѣйствительно я никогда не искалъ случая играть съ европейскими знаменито-

---

*) Онъ игралъ даже съ чертомъ. См. Отечественныя Записки за октябрь мѣсяцъ 1844 года и Иллюстраціе 1845 года № 10: Сцены изъ жизни шахматныхъ игроковъ.

***) Редакція Листка, убѣдительноѣше просить Гг. варшавскихъ любителей, сообщить ей хотя нѣкоторыя изъ этихъ партій.

стами, какъ потому, что далеку отъ мысли оспаривать ихъ превосходство, такъ и потому, что не имѣю ни малѣйшаго желанія добиваться славы перваго игрока. Шахматы не ремесло мое, по служебнымъ же занятіямъ не имѣю времени на поѣздки за-границу и денежныхъ средствъ на эти поѣздки. Не былъ даже въ Лондонѣ на турнирѣ, и не ѣздилъ въ Парижъ подвигаться на игру Морфи. Но никогда не отказывался и не отказываюсь играть со всѣми кто ко мнѣ явится. Князь Урусовъ совершенно напрасно ставитъ мнѣ въ укоръ непринятый мною вызовъ г. Андерсена сыграть съ нимъ по перепискѣ. Вызовъ этотъ, сдѣланный назадъ тому десять лѣтъ, былъ адресованъ отъ имени бреславскаго шахматнаго клуба варшавскому; а какъ послѣдній въ то время не имѣлъ правильной организаціи, то и не могъ вести продолжительной игры по перепискѣ, съ какою либо надеждою на успѣхъ. Нужно было бы составить комитетъ, и быть увѣреннымъ во всегдашнемъ присутствіи въ Варшавѣ его членовъ, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ; я самъ на такое продолжительное время никакого обязательства на себя принять не могъ. Затѣмъ ни кому не покажется страннымъ, что эта игра не состоялась. Нынѣже варшавскій шахматный клубъ, получивъ прочное основаніе, чрезъ одного изъ своихъ членовъ, самъ предлагалъ берлинскому шахматному клубу сыграть по перепискѣ, — но предложеніе не было принято, или отложено.

Относительно мнѣнія князя Урусова, что мы, русскіе, опередили иностранцевъ въ шахматномъ искусствѣ, считаю долгомъ замѣтить, отложивъ патріотизмъ въ сторону, что, по моему мнѣнію, тамъ должно быть больше сильныхъ игроковъ, гдѣ игра эта въ большемъ употребленіи. Въ Россіи еще мало играютъ. Науки и искусства еще не достигли у насъ до высшаго развитія. Въ Англіи, въ Германіи и во Франціи играютъ больше нежели у насъ — и по этому въ тѣхъ странахъ и должны быть лучшіе игроки. Правда и то, что могутъ быть исключенія или явленія и въ Россіи, подобныя американскимъ... но и Морфи обрзовался среди многихъ, весьма сильныхъ игроковъ.

Что касается до матча съ Морфи, то по чему жъ и не поиграть! — и я готовъ играть, когда за меня будутъ держать пари; но я далеку отъ той мысли, чтобы считать себя равнымъ въ силѣ Морфи.

Что я играю хорошо, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — всѣ игранные со мною изъ петербургскихъ и здѣшнихъ игроковъ подтвер-

дять это; что князь Урусовъ играетъ не хуже меня, въ этомъ я готовъ ему вѣрить; но я совѣтовалъ бы ему, прежде нежели онъ будетъ держать пари за меня и прежде нежели онъ самъ приступитъ къ этому колоссу, съѣздить въ Лондонъ, Парижъ и Берлинъ, и помѣрятся силами съ Лѣвенталемъ, Стоунтономъ, Гаррвитцемъ, Ст. Аманомъ, Андерсеномъ, — (въ-особенности съ Лѣвенталемъ), тогда, судя по игрѣ этихъ пораженныхъ на голову игроковъ, онъ увидѣлъ бы, какую необычайною силою *въ умъ и вѣсти и развертывать игру* обладаетъ Морфи. Разсмотрите внимательно партіи его. Большая часть изъ нихъ отличаются основательностію, вѣрностію въ расчетъ и необыкновенною дальновидностію въ соображеніяхъ.

Согласенъ, что судить объ игрокахъ и опредѣлять ихъ силу по однѣмъ партіямъ и задачамъ съ точностію не возможно. Надобно ближе познакомиться съ ними и принять въ соображеніе и то, какое время употребляютъ они на обдумываніе ходовъ*).

Князь Урусовъ имѣетъ всѣ качества сдѣлаться сильнѣйшимъ игрокомъ; онъ и теперь обладаетъ способностію вѣрно рассчитывать, при самомъ сложномъ положеніи игры, на большое число варіантовъ; онъ дальновиденъ, знаетъ дебюты, имѣетъ необыкновенное терпѣніе, неутомимость, память. По всему вѣроятію можетъ играть не безъ успѣха съ лучшими заграничными игроками, а если и имѣлъ противъ меня неудачи, то можно отнести это къ нездоровью его, къ невниманію и отчасти къ моральному вліянію: всякій, садясь со мною играть, считаетъ себя какъ бы обреченнымъ на то, чтобы получить матъ.

На предложеніе его играть на деньги, отвѣчаю, что я на деньги никогда не играю. Изъ этого отказа князь С. С. Урусовъ можетъ выгодить какое ему угодно заключеніе.

А. Петровъ.

Любителю шахматной игры.

Варшава.

Февраль 1860 года.

---

*) Ни одного игрока не зналъ я, который бы такъ бѣгло игралъ, какъ покойный Гофманъ. Онъ болѣе минуты ни надъ какимъ затруднительнымъ ходомъ не задумывался, — и странное дѣло! если бы долѣе думалъ, то хуже бы сыгралъ. Онъ игралъ по первому влеченію — и игралъ мастерскіи.

Оставаясь по прежнему совершенно нейтральнымъ въ диспутѣ гг. Петрова и Урусова, я считаю однако не лишнимъ сдѣлать съ своей стороны замѣчаніе объ одномъ обстоятельстве, относительно котораго, какъ мнѣ кажется, г. Петровъ ошибается. Я говорю о состязаніяхъ его съ кн. Урусовымъ въ 1853 году. Г-нъ Петровъ утверждаетъ, что ими сыграно было тогда семь партій, изъ которыхъ онъ выигралъ шесть, а одна кончилась розыгрышемъ. Мнѣ же помнится, что они играли только четыре партіи, и что двѣ первыя выигралъ г. Петровъ, а двѣ остальные были ничьи. Можетъ показаться страннымъ, что я болѣе полагаюсь на свою память, чѣмъ на слова г. Петрова, въ вопросѣ о борьбѣ, которой я былъ только свидѣтелемъ, а онъ участникомъ. Но дѣло въ томъ, что г. Петровъ, привыкшій съ молодости одерживать постоянно верхъ надъ всѣми своими соперниками, легко могъ позабыть число выигранныхъ имъ семь лѣтъ тому назадъ партій. Борьба съ кн. Урусовымъ, не достигшимъ еще въ то время настоящей своей силы, не могла имѣть для г. Петрова особеннаго значенія. Напротивъ того для меня она имѣла огромный интересъ. 1853 годъ былъ самымъ счастливымъ временемъ моей шахматной жизни: я дѣлалъ быстрые успѣхи и, не зная что это общій удѣлъ всѣхъ начинающихъ, мечталъ достигъ современемъ большой силы. Игралъ я конечно въ то время очень плохо, но за то неутомимо; не разъ случалось мнѣ сѣсть за шахматы послѣ обѣда и оставить ихъ только на другой день утромъ. Также страстно занимался я и теоріей; день и ночь разбиралъ дебюты, партіи, задачи. Понятно, что игра несравненнаго Петрова должна была произвести на меня сильное впечатлѣніе. Дѣйствительно, тѣ обстоятельства пребыванія его въ Петербургѣ, когорыхъ я былъ свидѣтелемъ, сохранились въ моей памяти такъ живо какъ будто это было вчера. Я не имѣлъ удовольствія играть съ г. Петровымъ, не былъ даже ему представленъ и не сказалъ съ нимъ ни одного слова; но исполненный глубокаго, почти суевѣрнаго уваженія къ его таланту, внимательно слѣдилъ не только за игрою, но за каждымъ движеніемъ, за каждымъ словомъ великаго шахматнаго маэстро. Передамъ здѣсь вкратцѣ мои воспоминанія, чтобъ разъяснить вопросъ о числѣ тогдашнихъ партій и отношеніи выигранныхъ къ ничьимъ. Вопросъ этотъ не безразличенъ для опредѣленія относительной силы обоихъ состязателей; если кн. Урусовъ проигралъ двѣ партіи, а двѣ привелъ къ розыгрышу, то значить онъ игралъ тогда нѣсколько слабѣе Петрова, а если проигралъ

шесть изъ семи, то разница въ искусствѣ того и другаго была огромна.

Въ апрѣлѣ 1853 года А. Д. Петровъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ. Шахматный клубъ, основанный 26-го марта того же года, не имѣлъ еще тогда особаго помѣщенія; члены его собирались, обыкновенно по пятницамъ, у покойнаго графа А. Г. Кушелева-Безбородко. Въ одну изъ этихъ пятницъ произошло первое состязаніе Петрова съ Урусовымъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Москвы, чтобы помѣриться съ сильнѣйшимъ представителемъ отечественнаго искусства. Бѣлыя шашки и первый ходъ достались князю. Онъ сѣигралъ шотландскимъ гамбитомъ; Петровъ избралъ защиту, противъ которой, какъ объясняетъ теперь, *имѣеть предубѣжденіе* (5) $\frac{d4-d3}{d4-d3}$). Оно оправдалось; партія черныхъ быстро пришла въ разстройство и на тринадцатомъ ходѣ они принуждены были пожертвовать слона. Казалось игра бѣлыхъ несомнѣнно выиграна. Но тутъ то обнаружилась вся сила Петрова: черезъ нѣсколько ходовъ атака была уже въ его рукахъ; онъ завоевываетъ пѣшку, другую, приобретаетъ ладью за слона; наконецъ остается съ двумя пѣшками противъ одинокаго короля и противникъ его принужденъ положить оружіе. Напротивъ того кн. Урусовъ, завоевавъ слона, сдѣлалъ нѣсколько довольно слабыхъ ходовъ; потомъ, онъ снова сталъ играть мастерски, но дѣло было уже испорчено и всѣ старанія окончить партію хотя бы розыгрышемъ не имѣли успѣха. Дебютъ второй партіи былъ такъ называемый *Zweispriinger-spiel im Nachzuge* (1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$, 2) $\frac{g1-f3}{b3-c6}$, 3) $\frac{f1-c4}{g3-f6}$; побѣда тоже осталась за Петровымъ.

На слѣдующій вечеръ борьба продолжалась на квартирѣ кн. Дм. Сем. Урусова. Тутъ были: К. А. Янишъ, И. С. Шумовъ, Н. И. Козляниновъ, генералъ Клюпфель, полковникъ Винклеръ, и нѣсколько неизвѣстныхъ мнѣ любителей, въ томъ числѣ одинъ студентъ здѣшняго университета, который нарисовалъ потомъ, по памяти, Петрова играющаго съ Урусовымъ и нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ ихъ зрителей съ замѣчательнымъ сохраненіемъ сходства лицъ и положеній. Въ этотъ разъ кн. Урусовъ игралъ черными. Онъ далъ центральный гамбитъ: (1) $\frac{c7-e5}{e2-e4}$ 2) $\frac{d7-d5}{e4-d5}$ 3) $\frac{f8-c5}{e4-d5}$; г. Петровъ потому ли, что, мало занимаясь теоріей, не зналъ истинной защиты этого дебюта, или потому, что хотѣлъ нарочно запутать свою игру, чтобъ выказать потомъ все

свое умѣнье, но только на третьемъ ходѣ сдѣлалъ ошибку, сыгравъ слона на с4. Тогда 4) $\frac{c5-f2^\circ+}{e1-f2^\circ}$ 5) $\frac{d8-h4+}{}$ и черные возвращаютъ офицера при очевидномъ превосходствѣ положенія, которымъ, впрочемъ, они не вполне воспользовались: партія окончилась розыгрышемъ. Вторая (giuoco piano) имѣла тотъ же исходъ. Затѣмъ г. Петровъ, сколько мнѣ извѣстно, не игралъ болѣе съ кн. С. С. Урусовымъ, который, чуть ли не на другой же день, уѣхалъ изъ Петербурга.

Нѣсколько дней спустя г. Петровъ сыгралъ у Н. И. Козлянинова двѣ партіи съ братомъ своего перваго соперника, княземъ Дмитриемъ Семеновичемъ. Мнѣ помнится, что первую г. Петровъ выигралъ, а вторая была ничья, но положительно утверждать не смѣю; можетъ быть обѣ были имъ выиграны. Не смѣшиваешь ли г. Петровъ эти партіи съ тѣми, которыя онъ игралъ съ С. С. Урусовымъ? Послѣ того я только разъ видѣлъ г. Петрова, на шахматномъ вечерѣ у графа Орлова-Давыдова; онъ игралъ тамъ съ гр. А. Г. Куселевымъ-Безбородко и М. Н. Муравьевымъ; партіи не имѣли особеннаго интереса.

Теперь привожу самыя партіи игранныя А. Д. Петровымъ съ кн. С. С. Урусовымъ въ 1853 году, за исключеніемъ второй, которую, къ сожалѣнію, я не записалъ.

ПАРТІЯ № 92.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

(1853 г.)

Кн. Урусовъ. (Бѣлые.)	А. Д. Петровъ. (Черные.)		
		12) f3—g5	e6—e5
		13) f2—f4	c8—g4
1) e2→e4	e7—e5	14) e2—g4°	e5—b5°
2) g1—f3	b8—c6	15) g4—f5	b5—f5°
3) d2—d4	e5—d4°	16) e4—f5°	a5—c4
4) f1—c4	f8—c5	17) f5—d3	c4—e3
5) c2—c3	d4—d3	18) e1—e2	0—0—0
6) b2—b4	c5—b6	19) b1—d2	g8—h6
7) b4—b5	c6—a5	20) d2—c4	e3—c4°
8) c4—d3°	d7—d5	21) d3—c4°	h8—e8+
9) d1—e2	d5—e4°	22) e2—f1	d8—d2
10) d3—e4°	d8—e7	23) g5—h3	h6—g4
11) c1—a3	e7—e6	24) a1—e1	g4—e3+

25) e1—e3°	e8—e8°	45) e2—d2+	d6—c8
26) c4—b3	e3—c3°	46) c6—b5	f1—f4
27) f1—e1	d2—g2°	47) b5—a6+	c8—c7
28) h3—g5	b6—a5	48) d2—d5	c7—c6
29) e1—d1	c3—d3+	49) d5—g5°	f4—f5
30) d1—c1	a5—d2+	50) g5—g7	f8—f7
31) c1—b1	d2—f4°	51) g7—g4	b6—b5
32) g5—f7°	c7—c6	52) a2—a4	b5—a4°
33) h2—h4	c8—c7	53) g4—a4°	f5—f3
34) f7—g3	f4—g5°	54) a6—c4	f7—b7
35) h4—g5°	g2—g5°	55) g3—e1	b7—h7
36) h1—h7°	g5—g1+	56) c4—e2	f3—e3
37) b1—c2	d3—f3	57) e2—d3	h7—d7
38) h7—h2	b7—b6	58) d3—e4+	c6—b5
39) h2—e2	c6—c5	59) e1—d2	e3—e2
40) a3—b2	g7—g5	60) e4—d3+	d7—d3°
41) b3—d5	f3—f5	61) c2—d3°	e2—d2°+
42) b2—e5+	c7—d8	62) d3—d2°	b5—a4°
43) d5—c6	g1—f1		бѣлые сдаются.
44) e5—g3	f5—f8		

ПАРТІЯ № 93.

GIUOCO PIANO.

(1853 г.)

А. Д. Петровъ. Ки. Урусовъ.
(Бѣлые.) (Черные.)

1) e2—e4	e7—e5	15) b3—b4	c5—b6
2) g1—f3	b8—c6	16) h4—f6°	e6—f6°
3) f1—c4	f8—c5	17) c3—d5	f6—g7
4) 0—0	d7—d6	18) c2—c3	h8—g8
5) h2—h3	g8—f6	19) g2—g3	g4—f3°
6) d2—d3	c6—a5	20) d1—f3°	g7—g3°+
7) c4—b3	a5—b3°	21) f3—g3°	g8—g3°+
8) a2—b3°	c8—e6	22) g1—h2	g3—d3°
9) c1—g5	h7—h6	23) f1—g1	0—0—0
10) g5—h4	g7—g5	24) g1—g7	d3—f3
11) h4—g3	g5—g4	25) a1—f1	f3—f2°+
12) h3—g4°	e6—g4°	26) f1—f2°	b6—f2°
13) g3—h4	d8—e7	27) d5—c7°	c8—c7°
14) b1—c3	e7—e8	28) g7—f7°+	d8—d7
		29) f7—f2°	c7—c6
		30) f2—f6	d7—h7

31) c3—c4	b7—b8	56) a1—a2°	c4—e4°
32) h2—g3	h7—g7+	57) a2—b2	e4—e2+
33) g3—f3	g7—g1	58) b2—c1	b4—c3
34) f6—h6°	g1—c1	59) c1—d1	e2—e4
35) c4—c5	b6—c5°	60) d8—a8	e4—e3
36) b4—c5°	c1—c5°	61) a8—a8+	c3—d4
37) h6—h8	a7—a5	62) a3—a4+	d4—d3
38) f3—e3	c6—b5	63) a4—b4	e5—e4
39) h8—b8+	b5—c4	64) b4—a4	e3—f3
40) b8—b6	c5—b5	65) d1—e1	d3—e3
41) b6—d6°	b5—b3+	66) a4—a8	f3—f7
42) e3—d2	b3—b2°+	67) a8—a3+	e3—f4
43) d2—c1	b2—b5	68) e1—f2	f7—c7
44) c1—c2	a5—a4	69) a3—a2	c7—h7
45) d6—a6	c4—b4	70) f2—g2	h7—g7+
46) c2—b2	b5—a5	71) g2—f2	e4—e3+
47) a6—c6	a4—a3+	72) f2—f1	g7—h7
48) b2—a2	a5—c5	73) f1—g2	h7—g7+
49) e6—b6+	b4—c3	74) g2—f1	g7—d7
50) b6—d6	c5—b5	75) f1—e2	d7—d4
51) d6—d1	c3—b4	76) a2—b2	d4—e4
52) d1—d3	b5—c5	77) b2—a2	e4—b4
53) d3—d8	c5—c2+	78) a2—c2	b4—b3
54) a2—b1	a3—a2+	79) c2—c4+	f4—g3
55) b1—a1	c2—c4		игра ничья.

ПАРТІЯ № 94.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

(1853 г.)

Кн. Урусовъ. А. Д. Петровъ.	9) f6—d5°	g1—f3	
(Черные.)	(Бѣлые.)	10) d5—c3°	b2—c3°
1) e7—e5	c2—e4	11) d4—c3°	c1—d2
2) d7—d5	e4—d5°	12) c3—c6	h1—e1
3) f8—c5	f1—c4	13) f7—f6	a1—b1
4) c5—f2°+	e1—f2°	14) 0—0	b1—b4
5) d8—h4+	g2—g3	15) c8—e6	d1—b1
6) h4—c4°	b1—c3	16) e6—d5	e1—f1
7) g8—f6	d2—d3	17) b8—a6	b4—h4
8) c4—d4+	f2—g2	18) f6—f5	c2—c4

19) d5—f3°+	f1—f3°	35) e7—f7	a2—a4
20) e5—e4	d3—e4°	36) g7—g6+	f5—e5
21) a8—e8	h4—f4	37) f7—e7	c3—b4
22) e8—e4°	b1—e4°	38) f6—d7+	e5—d5
23) c6—e4°	f4—e4°	39) c7—c6+	d5—e4
24) f5—e4°	f3—f8°	40) a6—a5	b4—a3
25) g8—f8°	g2—f2	41) e7—e6	e4—d4
26) f8—f7	f2—e3	42) e6—f5	a3—b2
27) a6—c5	d2—b4	43) b7—b6	c5—b6°
28) c5—d3	b4—c3	44) d7—b6°	b2—c3
29) a7—a6	e3—e4°	45) b6—a4°	c3—a5°
30) d3—c5+	e4—d5	46) a4—b2	a5—b6
31) c5—d7	h2—h3	47) g6—g5	b6—d8
32) d7—f6+	d5—e5	48) b2—d1	g5—g4
33) h7—h5	c4—c5	49) h3—g4°+	f5—g4°
34) f7—e7	e5—f5		

Далѣе у меня не записано, но какъ бы ни продолжалась игра бѣлые очевидно не могли выиграть: на лучший для нихъ конецъ будетъ розыгрышъ. Стало быть вотъ уже двѣ ничьи въ состязаніяхъ гг. Петрова и Урусова въ 1853 году.

Ни одна изъ этихъ партій не можетъ быть названа образцовою; въ каждой, съ обѣихъ сторонъ, дѣлались ошибки. Но рядомъ съ ними есть и превосходно рассчитанные ходы, сильные атаки, мастерскія обороны. А потому надѣмся, что читатели разсмотрятъ эти партіи съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что теперь, послѣ статей гг. Петрова и Урусова, игры ихъ получаютъ особенный современный интересъ.

Многіе любители полагаютъ, что въ печати достойны появляться только партіи выдерживающія самую строгую критику, приближающіяся, по возможности, къ идеальному совершенству. Въ отношеніи къ шахматнымъ руководствамъ это совершенно справедливо: въ такихъ книгахъ надо дѣйствительно помѣщать только партіи образцовыя. Но шахматный журналъ, — не учебникъ; онъ долженъ прежде всего выражать степень развитія шахматнаго искусства въ извѣстное время, онъ долженъ стараться дать любителямъ ясное понятіе о силѣ и характерѣ игры лучшихъ современныхъ игроковъ; а какое же къ тому средство, какъ не обнародываніе возможно большаго числа ихъ партій? Всякій игрокъ, знакомый съ теоріей и имѣющій хотя искру таланта, можетъ иной разъ разыграть партію мастерски, почти образцово; и если печатать только такія партіи, то выдетъ, что

всѣ играютъ равно хорошо. Замѣтимъ также, что журналъ не можетъ ограничиваться сообщеніемъ партій только знаменитыхъ игроковъ; онъ непремѣнно обязанъ печатать, хоть изрѣдка, и партіи игроковъ второстепенныхъ, ибо ихъ игра показываетъ въ какой мѣрѣ распространены шахматныя знанія въ обществѣ. А это очень важно. Судить по одному или немногимъ игрокамъ о развитіи шахматнаго искусства въ данную эпоху, поведетъ часто къ ошибочнымъ заключеніямъ. Въ XVIII вѣкѣ жилъ Филлдоръ, но тѣмъ не менѣе, въ то время играли во Франціи, вообще говоря, очень плохо. Совсѣмъ другое видимъ теперь у насъ, въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что пальма шахматнаго первенства принадлежитъ не русскимъ; первоклассныхъ игроковъ у насъ очень немного. Но масса русскихъ любителей играетъ весьма не дурно. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ даже перевѣсъ надъ странами западной Европы. Нигдѣ не играютъ такъ много въ шахматы какъ въ Италіи; въ Римѣ напримѣръ въ каждомъ кафе, во всякое почти время, можно видѣть играющихъ. Кромѣ того одно изъ этихъ кафе, специально посвящено шахматамъ; тамъ по вечерамъ просто давка, съ трудомъ добьешься свободной шахматной доски. Но подойдите къ одному изъ столиковъ, за которымъ усѣлся какой нибудь аббатъ съ своимъ партнеромъ, классическимъ докторомъ въ громадномъ бѣломъ галстукѣ и поднятыхъ на лобъ очкахъ, да приглядитесь какъ они играютъ. Просто ахнете, такъ плохо*). Напротивъ того у насъ шахматная игра распространена очень мало; огромное большинство русскихъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія, а тѣ, которые умѣютъ играть, рѣдко встрѣчаютъ къ тому случай. При всемъ томъ у насъ много игроковъ, — т. е. много въ отношеніи къ общему числу играющихъ, — довольно хорошихъ, которые при болѣе частомъ упражненіи достигли бы, можетъ быть, значительной силы.

Партіи этого рода любителей мы непремѣнно будемъ сообщать время отъ времени. Такъ въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ одну игру А. И. Максимова съ пзвѣстнымъ уже нашимъ читателямъ В. В. Пеликаномъ. А. И. Максимовъ давно знакомъ съ игрою и имѣетъ къ ней рѣшительную способность. Но къ со-

---

*) Римскій шахматистъ Дюбуа, — не смотря на французскую фамилію, онъ чистый римлянинъ, — играетъ очаровательно, и смѣло можетъ стать въ ряду самыхъ первоклассныхъ игроковъ Европы. Кромѣ того есть въ Римѣ нѣсколько хорошихъ игроковъ: Филиберти, Беллотти и нѣкоторые другіе. Но масса тамошнихъ любителей играетъ крайне слабо.

жалѣнію, онъ никогда не хотѣлъ заняться теоріей, а потому часто дѣлаетъ ошибки въ дебютахъ. Когда ему удастся выдержать первыя атаки и дойти, безъ урона, до середины партіи, тогда онъ начинаетъ играть очень хорошо; это явный признакъ природной способности. Въ Парижѣ онъ сыгралъ нѣсколько партій съ Гаррвитцемъ à but, и хотя не выигралъ ни одной, однако сопротивлялся довольно долго; а ужъ и это не бездѣлица. Но прежде партіи гг. Пеликана и Максимова, приведемъ двѣ мастерскія игры К. А. Яниша, за сообщеніе которыхъ мы ему весьма благодарны. Первая играна въ Лондонѣ во время всемирной промышленной выставки 1851 года противъ извѣстнаго англійскаго игрока, президента лондонскаго клуба Монгредиена, съ которымъ г. Янишъ сыгралъ тогда двѣ партіи и въ обѣихъ остался побѣдителемъ. Вторая, въ томъ же году во Франкфуртѣ на Майнѣ, противъ сильнаго нѣмецкаго, нынѣ уже умершаго, игрока фонъ-деръ-Гольца.

ПАРТІЯ № 95.

GAMBITTO GRANDE.

(1851 г.)

К. А. Янишъ (Бѣлые)	Монгредиенъ. (Черные)		
		16) c4—f7°+	e8—d7
1) e2—e4	e7—e5	17) f7—h5°(4)	g4—h5°
2) f2—f4	e5—f4°	18) h1—h5°	h7—h5°
3) g1—f3	g7—g5	19) f4—g4+	d4—e6
4) h2—h4	g5—g4	20) g4—h5°	g8—f6
5) f3—e5	h7—h5	21) h5—b5+	c7—c6(5)
6) f1—c4	h8—h7(1)	22) b5—b7°+	e6—c7
7) d2—d4	d7—d6	23) e4—e5	f6—g4
8) e5—d3	f4—f3	24) e5—e6+	d7—e6°
9) g2—f3°	f8—e7	25) b7—c6°	g4—e3°
10) c1—e3(2)	e7—h4°+	26) d2—e3°(6)	e7—g5+
11) e1—d2	g4—f3°	27) d3—f4+	e6—f7
12) d1—f3°	c8—g4	28) e3—d3	g5—f6
13) f3—f4	b8—c6	29) c3—e4	c7—e8
14) b1—c3	c6—d4°(3)	30) c6—d5+	f7—g7
15) a1—f1	h4—e7	31) f4—e6+	и бѣлые вы- игрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 95.

(1) Это лучше чѣмъ g8—h6.

(2) Въ настоящемъ положеніи это наилучшій ходъ. Бѣлые теряютъ пѣшку и право рокировки, но за то получаютъ сильную атаку. Ходъ этотъ встрѣчается въ первый разъ въ партіи, игранный по перепискѣ между Бостономъ и Филадельфіею (Schachzeitung 1848 г. стр. 225).

(3) Остроумный, но не довольно основательно обдуманнй ходъ, дающій возможность бѣлымъ выиграть время и усилить атаку. Очевидно, что бѣлые не могутъ брать коня не потерявъ ферзя.

(4) Превосходно сыграно.

(5) Уйти королемъ на с8, было бы кажется лучше, но и въ этомъ случаѣ бѣлые имѣютъ превосходство положенія.

(6) Бѣлые просмотрѣли матъ въ два хода (26) $\frac{d3-c5+}{e6-e5}$ 27) $\frac{c6-c4 \times}{}$, но это едва ли можетъ быть сочтено ошибкою ибо они и безъ того навѣрно выигрываютъ, стало быть, небыло причины пскать именно наилучшихъ ходовъ.

ПАРТІЯ № 96.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

ФОНЪ-ДЕРЪ-ГОЛЬЦЪ. К. А. ЯНИШЪ.	16) g3—f4°	d5—f4°	
(Бѣлые.) (Черные.)	17) f3—g5	f4—d5	
1) e2—e4	e7—e5	18) f1—e1	h7—h6
2) g1—f3	b8—c6	19) g5—e4	c8—e6
3) d2—d4	e5—d4°	20) e4—c5	b7—b5
4) f1—c4	f8—c5	21) c5—e6°	f7—e6°
5) c2—c3	g8—f6	22) c4—b3	a8—c8
6) c3—d4°(1)	c5—b4+	23) e5—g4(3)	c6—c5(4)
7) c1—d2	b4—d2°+	24) e1—e6°	c5—c4
8) b1—d2°	d7—d5	25) b3—c2	e7—f5
9) e4—d5°	f6—d5°	26) c2—f5°	f8—f5°
10) d1—b3	c6—e7	27) e6—h6°(5)	f5—g5
11) 0—0	0—0	28) h6—h4	c8—e8
12) f3—e5	c7—c6	29) g1—f1	d5—b4
13) a1—c1	d8—b6	30) g4—e3	b4—a2°
14) b3—g3(2)	b6—d4°	31) c1—a1	a2—b4
15) d2—f3	d4—f4	32) a1—a7°	b4—d3

33) g2—g4	d3—b2°	37) a7—a6+	и бѣлые дѣ-
34) e3—f5	b2—d3		лаютъ розыгрышъ посредствомъ
35) f5—e7+	g8—f7		вѣчныхъ шаховъ.
36) e7—d5+	(6)f7—g6		

Примѣчания къ партіи № 96.

- (1) Обыкновенно играется 6) $\frac{e4—e5}{}$, что дѣйствительно нѣ-
скольکو сильнѣе.
- (2) Если бѣлые отдали пѣшку d4, чтобъ не мѣняться ферзя-
ми, то они ошиблись въ расчетѣ ибо черные все-таки вынудятъ
эту мѣну.
- (3) Миѣ кажется, что идти конемъ на d7, а потомъ на c5
было бы сильнѣе.
- (4) Самый лучший ходъ, такъ какъ спасти пѣшку e6 нѣтъ
возможности.
- (5) Очень хорошенкій ходъ; черные очевидно не могутъ
брать ладью.
- (6) Теперь черные должны или проиграть партію или подверг-
нуться вѣчному шаху.

ПАРТІЯ № 97.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

(Играна 8 января 1860 г.)

В. В. Пеликанъ.	А. И. Максимовъ.	17) c4—b3	a8—b8
(Бѣлые.)	(Черные.)	18) f3—d4	f8—c5
1) e2—e4	e7—e5	19) f6—g7°	h8—h7
2) g1—f3	b8—c6	20) d4—e6°	f7—e6°
3) f1—c4	f8—c5	21) b3—g3	g8—e7
4) b2—b4	c5—b4°	22) g7—f6	e8—d7
5) c2—c3	b4—a5	23) d1—c1	c5—b6
6) d2—d4	e5—d4°	24) g3—d3	e7—f5
7) 0—0	a5—c3°	25) e1—e4	b8—g8
8) b1—c3°	d4—c3°	26) e4—f4	d7—c8
9) d1—b3	d8—e7(1)	27) c1—b1	b6—c7
10) c1—g5	e7—f8	28) f4—b4	b7—b6
11) c4—e5	c6—a5	29) d3—a3	h6—h5
12) b3—c3°	a5—c4°	30) b4—b6°	a7—b6°(5)
13) c3—c4°	c7—c6	31) a3—a8+	c7—b8
14) f1—e1	h7—h6	32) a8—c6°+	h7—c7
15) g5—f6(2)	d7—d5(3)	33) c6—e6°+	c8—b7
16) a1—d1	c8—e6(4)	34) b1—b6°+	b7—a8(6)

35) e6—d5°+ c7—b7	39) g1—g2 g8—b8
36) b6—a6+ b8—a7	40) e5—e6 b1—b5
37) a6—a7°+(7)a8—a7°	41) d5—d2 и черные скоро
38) g2—g3 b7—b1+	за тѣмъ сдались.

Примѣчанія къ партии No 97.

(1) Ошибка: надо было играть ферзя на f6.

(2) Если бы черные взяли теперь слона, то игра по всей вѣроятности была бы ничья; по этому бѣлые ничего не рискуютъ жертвуя слономъ, отвести-же его значило бы прекратить атаку. При томъ-же пожертвованіе слона даетъ много шансовъ и на

выигрышъ. 15) $\frac{g7-f6^\circ+}{g7-f6^\circ}$, 16) $\frac{e5-f6^\circ+}{e8-d8}$, 17) $\frac{c4-f4}{d7-d5}$, (17) $\frac{d7-d6}{d7-d6}$ было

бы очень худо); 18) $\frac{f3-d4}{c8-d7}$, 19) $\frac{a1-b1}{b7-b6}$, (19) $\frac{d8-c8}{d8-c8}$ ведетъ къ тому же вѣчному шаху); 20) $\frac{d4-c6^\circ+}{d7-c6^\circ}$, 21) $\frac{b1-c1}{a8-c8}$, 22) $\frac{e1-e3}{d5-d4}$,

23) $\frac{f4-d4^\circ+}{d8-c7}$, 24) $\frac{c1-c6^\circ+}{c7-c6^\circ}$, 25) $\frac{e3-c3+}{c6-b7}$, 26) $\frac{d4-e4+}{b7-a6}$, 27) $\frac{e4-a4+}{a6-b7}$,

28) $\frac{a4-e4+}{b7-b8}$, 29) $\frac{e4-f4+}{b7-b8}$, вѣчный шахъ. Если-же 17) $\frac{d7-d6}{d7-d6}$, то

18) $\frac{a1-d1}{d8-c7}$, 19) $\frac{f3-e5}{h8-h7}$, 20) $\frac{e5-c4}{c8-d7}$, 21) $\frac{c4-d6^\circ}{c7-d8}$, 22) $\frac{d6-b7^\circ+}{d8-c8}$,

23) $\frac{d1-d7^\circ}{c8-d7^\circ}$, 24) $\frac{e1-d1+}{d7-c8}$, 25) $\frac{d1-d8+}{c8-b7^\circ}$, 26) $\frac{d8-f8^\circ}{a3-f8^\circ}$, 27) $\frac{f4-b4+}{b7-a6}$,

28) $\frac{b4-f6^\circ}{g8-f6^\circ}$, 29) $\frac{f3-a3+}{a6-b7}$, 30) $\frac{a3-b4+}{b7-c8}$, 31) $\frac{b4-d6}{f6-d5}$, 32) $\frac{d6-c6^\circ+}{d5-c7}$,

33) $\frac{c6-c5}{c8-b8}$, 34) $\frac{c5-b4+}{b8-c8}$, 35) $\frac{b4-g4+}{b8-c8}$ и черные на слѣдующемъ ходѣ

теряютъ ладью, и проигрываютъ. А если 19) $\frac{d8-c8}{d8-c8}$, то 20) $\frac{d4-f5}{b7-b6}$,

21) $\frac{f5-d6+}{c8-d8}$, 22) $\frac{d6-b7+}{d8-c8}$ вѣчный шахъ

(3) Пѣшки не берутъ на проходѣ согласно ст. V *Нового Устава*.

(4) Брать ферзя очевидно нельзя ибо тогда d1—d8×.

(5) Лучше было прежде сыграть g8—g2°+.

(6) b7—a7 было бы гораздо лучше, и могло бы привести игру къ розыгрышу, такъ какъ брать ферзя нельзя подъ опасеніемъ получить матъ.

(7) Чувство превосходства своего положенія весьма часто бываетъ причиною небрежной игры; такъ и здѣсь, слѣдовало играть d5—g8°+.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 10-я)

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

14. Три пѣшки противъ двухъ.

Діагр. CLXX. Черные начинаютъ и выигрываютъ: 1) $\frac{e1-d2}{d3-c4}$
 2) $\frac{e1-d2}{e2-e1\phi+}$ 3) $\frac{d2-e1^{\circ}}{c4-c3}$ черные выиграли.

Діагр. CLXXI. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ. — Черные начинаютъ — ничья.

1) $\frac{e2-e4}{b4-a3}$ 2) $\frac{e2-e4}{a3-b2}$ 3) $\frac{e4-e5}{b3-c2^{\circ}}$ 4) $\frac{e5-e6}{c2-d3^{\circ}}$ 5) $\frac{e6-e7}{c3-c2}$ ничья.
 1) $\frac{d3-d4}{c5-c4}$ 2) $\frac{e2-e4}{b4-a3}$ 3) $\frac{e4-e5}{a3-b2}$ 4) $\frac{c5-e6}{b2-c2^{\circ}}$ 5) $\frac{e6-e7}{c2-d2}$ 6) $\frac{e7-e8\phi}{c3-c2}$
 7) $\frac{e8-e4}{c2-c1\phi}$ 8) $\frac{e4-f4+}{d2-d1}$ 9) $\frac{f4-c1^{\circ}+}{d1-c1^{\circ}}$ 10) $\frac{d5-c4^{\circ}}{a3-b2}$ бѣлые выигрываютъ.

Но если 1) $\frac{e2-e4}{a3-b2}$, то $b4-a3$ 2) $\frac{e4-c5}{a3-b2}$ ничья.

Діагр. CLXXII. Если бы пѣшка черныхъ *a* стояла на *a6* игра могла бы быть выиграна бѣлыми, а теперь ничья.

Въ положеніи діагр. CLXXIII, черные выигрываютъ.

Для рѣшенія подобныхъ задачъ необходимо твердо изучить игру короля противъ трехъ пройденныхъ пѣшекъ (діаграмма CLXXIV). Задача эта состоитъ въ томъ, что начинающій долженъ выиграть.

Король долженъ стараться занять кѣтку b6, которая есть ключъ позиціи; а пѣшки должны не допустить короля до занятія этой кѣтки.

Напр. 1) $\frac{e8-d7}{}$ или d8 2) $\frac{a2-a4}{}$ (всегда должно начинать крайними пѣшками, дабы атаковать своевременно кѣтку b6)
 2) $\frac{d7-c6}{}$ или c7 3) $\frac{a4-a5}{c6-b5}$
 Или: 1) $\frac{a2-a4}{e8-d7}$ 2) $\frac{c2-c4}{d7-c6}$ 3) $\frac{a4-a5}{}$.

15. Три пѣшки противъ трехъ.

Здѣсь общее правило то же, что въ игрѣ 2-хъ пѣшекъ; а именно: если пѣшки несдвинуты — вѣроятнѣе выигрышь; если же сдвинуты — чаще бываетъ розыгрышь.

Діагр. CLXXV. Въ «Handbuch» ошибочно рѣшена эта задача. Истинное рѣшеніе есть:

При ходѣ бѣлыхъ игра выиграна.

При ходѣ черныхъ ничья.

1) $\frac{g4-g3}{}$ (въ Handbuch заставляютъ играть c6—c5) 2) $\frac{f2-f3}{c6-d6}$
 ничья, или $\frac{f2-g3^o}{g5-g4}$ тоже ничья. Кто первый ступитъ королемъ впередъ, тотъ проиграетъ.

Діагр. CLXXVI. Кто начнетъ тотъ и выиграетъ.

Черные 1) $\frac{f6-f5}{}$ и выигрываютъ; бѣлые 1) $\frac{f3-e4}{}$ выигрываютъ.

Діагр. CLXXVII. Черные начинаютъ и дѣлаютъ ничью.

Діагр. CLXXVIII. Если черные начинаютъ, то a7—a5 и выигрываютъ.

Если же бѣлые, то 1) $\frac{b3-b4}{}$ ничья.

Въ тождественныхъ положеніяхъ, мы уже замѣтили, болѣею частью первенство хода даетъ выигрышь. Далѣе увидимъ, что эта особенность не есть свойство какихъ либо исключительныхъ положеній, но общее большинство тождественныхъ положеній.

Въ положеніи діагр. CLXXIX, гдѣ бы ни стояли короли, лишь бы въ равномъ отдаленіи отъ своихъ пѣшекъ и притомъ въ своихъ предѣлахъ, начинающій выигрываетъ. Если же одинъ изъ королей будетъ ближе къ пѣшкамъ противника, то онъ во

всякомъ случаѣ выиграетъ. Напр. въ положеніяхъ діагр. CLXXX и CLXXXI первенство хода даетъ выигрышъ, а въ положеніяхъ діагр. CLXXXII и CLXXXIII бѣлые безусловно выигрываютъ.

Изъ этихъ положеній, вслѣдствіе ошибочнаго образа дѣйствій начинающаго, могутъ выдти и такія положенія, гдѣ первенство хода не даетъ выигрыша; но они, очевидно, составляютъ исключеніе изъ общаго правила, ибо предполагаютъ ошибку. Это мы замѣтили и въ игрѣ двухъ пѣшекъ противъ двухъ: несдвинутыя пѣшки всегда выигрываютъ, сдвинутыя же не всегда. Точно также и при трехъ пѣшкахъ: если сдвинемъ пѣшки — значеніе первенства хода измѣнится. Такъ въ положеніяхъ діагр. CLXXXIV, CLXXXV и CLXXXVI начинающій долженъ проиграть а въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ ничья; но это потому, что во всѣхъ сихъ случаяхъ игра со стороны начинающаго была ведена ошибочно.

Діагр. CLXXX. Здѣсь выигрышъ очевиденъ: каждый изъ королей устремится къ пѣшкамъ противника, и каждый займетъ положеніе подобное діагр. CLXXXIV, въ которомъ придется ходить тому, кто былъ за рукой въ началѣ игры.

1) $\frac{d1-e2 \text{ или } e1}{e8-d7}$ 2) $\frac{e2-f3 \text{ или } f2}{d7-c6}$ 3) $\frac{a2-a4}{h7-h5}$ 4) $\frac{c2-c4}{f7-f5}$ 5) $\frac{f3-g3}{c6-b6}$
 6) $\frac{b2-b4}{g7-g5}$ 7) $\frac{a4-a5+}{b6-a7}$ 8) $\frac{c4-c5}{f5-f4+}$ 9) $\frac{g3-f2}{a7-b8}$ 10) $\frac{b4-b5}{h5-h4}$ 11) $\frac{f2-g2}{g5-g4}$
 12) $\frac{g2-g1}{g4-g3}$. Теперь кому ходить, тотъ долженъ проиграть. Если бы опять пришлось ходить бѣлымъ — черные выиграли бы.
 12) $\frac{g1-g2}{b8-b7}$ 13) $\frac{b5-b6}{b7-b8}$ 14) $\frac{c5-c6}{b8-a8}$ 15) $\frac{c6-c7}{b8-a8}$ бѣлые выигрываютъ.

Анализъ этой игры можно найти почти во всѣхъ новѣйшихъ руководствахъ, а потому не вдаемся въ дальнѣйшія подробности.

Діагр. CLXXXI. Здѣсь выигрышъ гораздо замысловатѣе.

Первый ходъ долженъ быть непременно 1) $\frac{g1-g2}{b8-b7}$; въ противномъ случаѣ произойдетъ положеніе діагр. CLXXXVIII, т. е., розыгрышъ.

1) $\frac{g1-g2}{b8-b7}$ или А) 2) $\frac{a2-a4}{h7-h5}$ 3) $\frac{c2-c4}{f7-f5}$ (если $h5-h4$, то $g2-h3$)
 4) $\frac{a4-a5}{b8-b7}$ (если бы бѣлые двинули пѣшку b, то вышло бы положеніе діагр. CLXXXIV, въ которомъ первенство хода, какъ сказано выше, даетъ выигрышъ). 4) $\frac{b2-b4}{h5-h4}$ (или: 4) $\frac{b2-b4}{b7-a6}$ 5) $\frac{b2-b4}{h5-h4}$

6) $\frac{c4-c5}{a6-b5}$ 7) $\frac{g2-h3}{}$ 5) $\frac{g2-h3}{}$ (если бы c4—c5, то произошло бы положение диагр. CLXXXVII розыгрышъ) 5) $\frac{b2-b4}{b7-a6}$ 6) $\frac{b2-b4}{g7-g5}$ 7) $\frac{c4-c5}{a6-b5}$ (если f5—f4, то 8) $\frac{c5-c6}{}$ и 9) $\frac{b4-b5}{}$) 8) $\frac{h3-h2}{}$ (если h3—g2, то f5—f4 и черные выигрываютъ) 8) $\frac{g5-g4}{}$ (если f5—f4, то h2—g2) 9) $\frac{h2-g2}{f5-f4}$ (9) $\frac{b4-h3+}{}$ 10) $\frac{g2-g3}{f5-f4+}$ 11) $\frac{g3-h2}{f4-f3}$ 12) $\frac{h2-g3}{}$ 10) $\frac{g2-g1}{h4-h3}$ 11) $\frac{g1-h2}{f4-f3}$ 12) $\frac{h2-g3}{}$ бѣлые выигрываютъ.

А. 1) $\frac{a2-a4}{h7-h5}$ 2) $\frac{a2-a4}{f7-f5}$ 3) $\frac{c2-c4}{g7-g5}$ 4) $\frac{a4-a5}{h5-h4}$ 5) $\frac{g2-h3}{f5-f4}$ 6) $\frac{h3-g4}{b8-a7}$ 7) $\frac{c4-c5}{a7-b8}$ 8) $\frac{b2-b3}{}$ (а если бы 7) a7—b7, то b2—b4) 8) $\frac{b8-b7}{}$ 9) $\frac{b3-b4}{b7-b8}$ 10) $\frac{b4-b5}{b8-b7}$ 11) $\frac{b5-b6}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ положеніи диагр. CLXXXII бѣлые выиграютъ даже и при ходѣ черныхъ: 1) $\frac{a2-a4}{d8-c7}$ 2) $\frac{a2-a4}{c7-b6}$ 3) $\frac{c2-c4}{h7-h5}$ 4) $\frac{b2-b4}{h5-h4}$ 5) $\frac{c4-c5+}{b6-c6}$ 6) $\frac{a4-a5}{c6-b7}$ 7) $\frac{f1-g2}{f5-f4}$ 8) $\frac{g2-h3}{b7-b5}$ 9) $\frac{h3-h2}{f5-f4}$ 10) $\frac{h2-g2}{b5-b4}$ 11) $\frac{g2-g1}{h4-h3}$ 12) $\frac{g1-h2}{f4-f3}$ 13) $\frac{h2-g3}{b7-b5}$ лучш. ходъ 14) $\frac{b4-b5}{b8-b7}$ 15) $\frac{b5-b6}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ положеніяхъ диагр. CLXXXVII, CLXXXVIII и CLXXXIX розыгрышъ потому, что у бѣлыхъ пѣшкѣ b, а у черныхъ g нельзя двинуть: кто двинетъ тотъ и проиграетъ; оба должны ходить королями. Напр. 1) $\frac{b2-b4}{g7-g5}$ 2) $\frac{g1-g2}{b4-b7}$, или 2) $\frac{b4-b5}{g5-g4}$, или 2) $\frac{a5-a6}{b8-a7}$ 3) $\frac{b4-b5}{g5-g4}$ черные выигрываютъ.

Диагр. СХС. Во всѣхъ подобныхъ этому положеніяхъ начинающій долженъ выиграть.

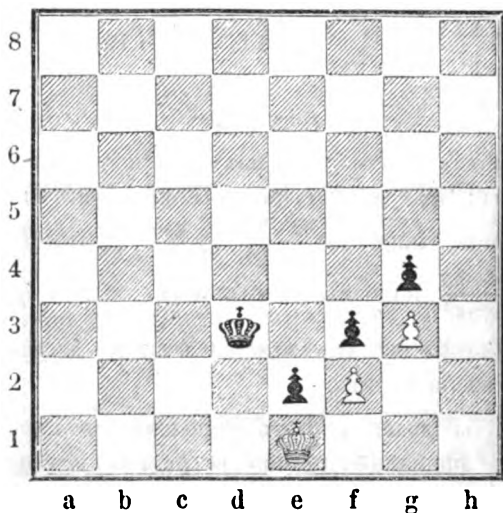
Первые ходы должны быть королемъ къ королю; потомъ, послѣ занятія оппозиціи должно устремить его противъ одной изъ пѣшекъ.

1) $\frac{e1-e2}{e8-e7}$ 2) $\frac{e2-e3}{e7-e6}$ 3) $\frac{e3-e4}{e6-d6}$ (если бы 3) $\frac{d7-d6}{}$, то: 4) $\frac{e4-d4}{d6-d5}$ 5) $\frac{d4-c5}{e6-e5}$ 6) $\frac{e2-e3}{e5-e6}$ 7) $\frac{e3-e4}{}$; или: 4) $\frac{d4-d5}{e6-e7}$ 5) $\frac{d4-d5}{e7-d7}$ 6) $\frac{d2-d3}{d7-c7}$ 7) $\frac{d5-e6}{}$; или: 4) $\frac{a2-a3}{a7-a6}$ 5) $\frac{a2-a3}{b7-h6}$ 6) $\frac{a3-a4}{h6-h5}$ 7) $\frac{h2-h3}{h5-h4}$ 8) $\frac{a4-a5}{}$ во всѣхъ случаяхъ бѣлые выигрываютъ.) 4) $\frac{e4-d4}{a7-a5}$ 5) $\frac{a2-a4}{h7-h5}$

- 6) $\frac{b2-b4}{d6-c6}$ лучш. ходъ 7) $\frac{d4-c4}{d7-d6}$ 8) $\frac{c4-d4}{d6-d5}$ 9) $\frac{d4-e5}{c6-c5}$ 10) $\frac{d2-d3}{c5-b4}$
 11) $\frac{e5-d5^{\circ}}{b4-a4^{\circ}}$ 12) $\frac{d5-c4}{a4-a3}$ 13) $\frac{d3-d4}{a5-a4}$ 14) $\frac{d4-d5}{a3-b2}$ 15) $\frac{d5-d6}{a4-a3}$ 16) $\frac{d6-d7}{a3-a2}$
 17) $\frac{d7-d8^{\circ}}{a2-a1^{\circ}}$ 18) $\frac{d8-d2+}{b2-a3}$ (или $b2-b1$ 19) $\frac{c4-b3}{}$ бѣлые выигры-
 ваютъ.) 19) $\frac{d2-b4+}{a3-a2}$ 20) $\frac{b4-b3 \times}{}$.

CLXX.

ЧЕРНЫЕ.

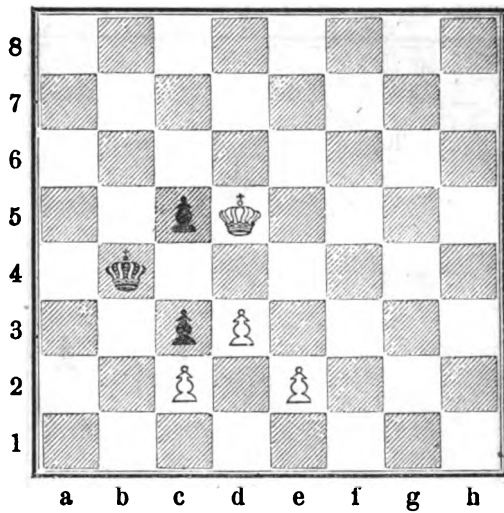

БѢЛЫЕ.

Черные начинают и выигрываютъ.

CLXXI.

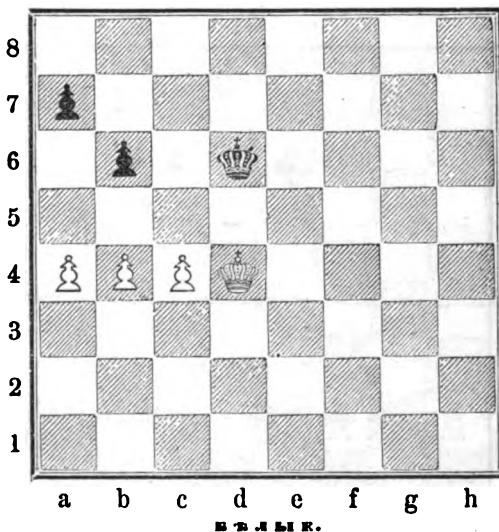
ЧЕРНЫЕ.

При своемъ ходѣ, бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

CLXXII.

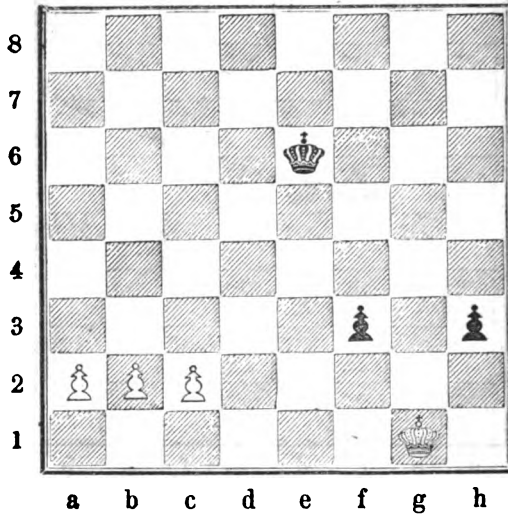
ЧЕРНЫЕ.

Ничья.

CLXXIII.

ЧЕРНЫЕ.

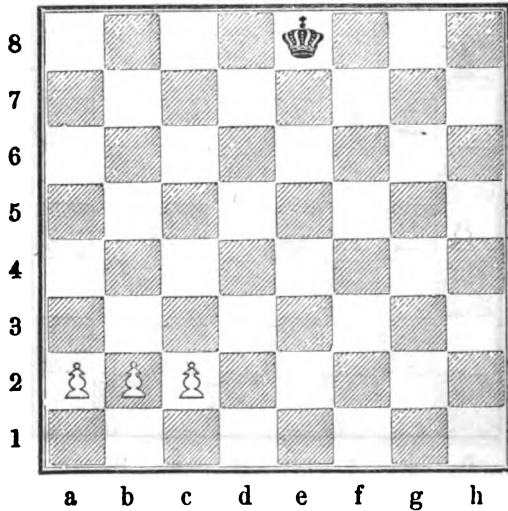

БЕЛЫЕ.

Черные выигрывают.

CLXXIV.

ЧЕРНЫЕ.

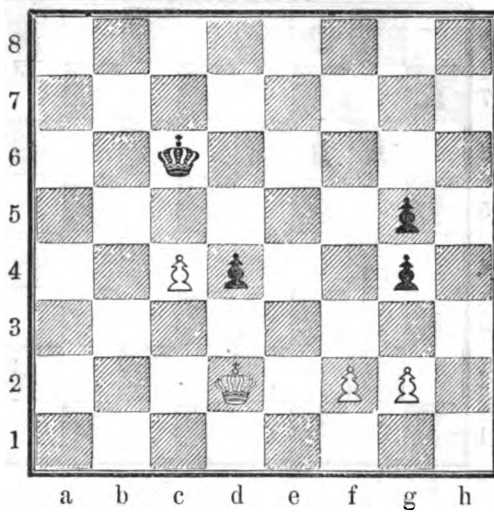

БЕЛЫЕ.

CLXXV.

ЧЕРНЫЕ.

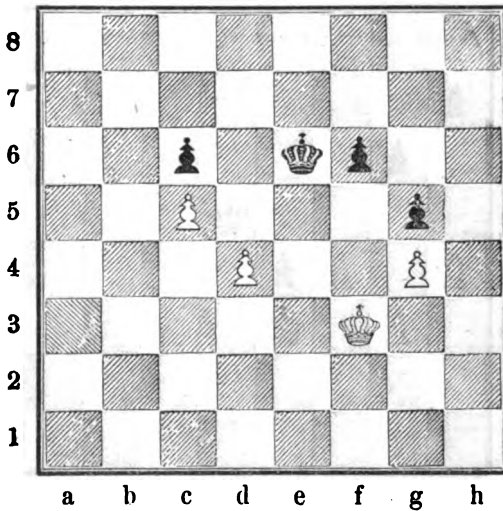

БѢЛЫЕ.

При своемъ ходѣ, бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

CLXXVI.

ЧЕРНЫЕ.

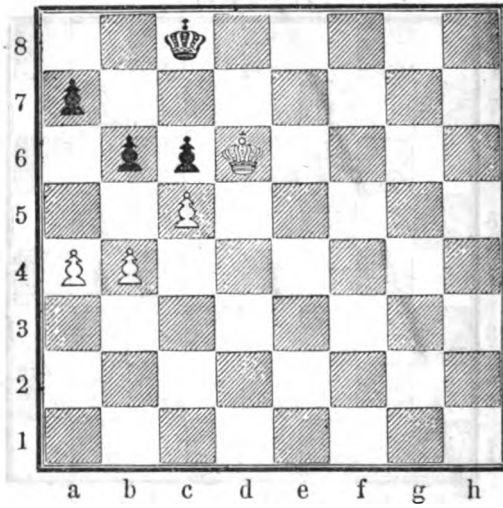

БѢЛЫЕ.

Начинающій выигрываетъ.

CLXXVII.

ЧЕРНЫМ.

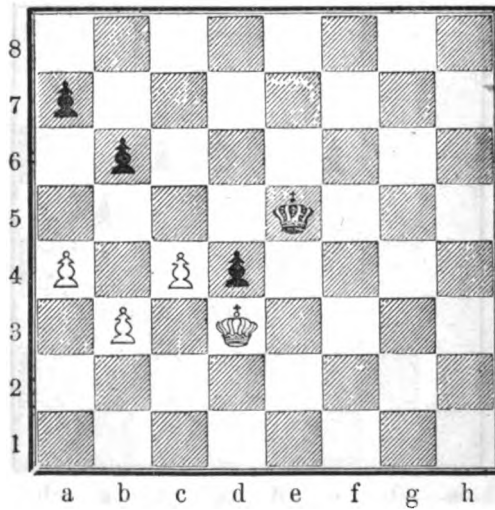

БѢЛЫМ.

Черные начинают и дѣлаютъ ничью,

CLXXVIII.

ЧЕРНЫМ.

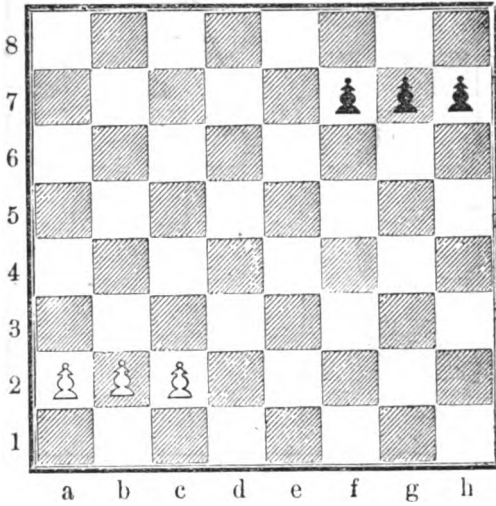

БѢЛЫМ.

При своемъ ходѣ, черные выигрываютъ; при ходѣ бѣлыхъ — ничья.

CLXXIX.

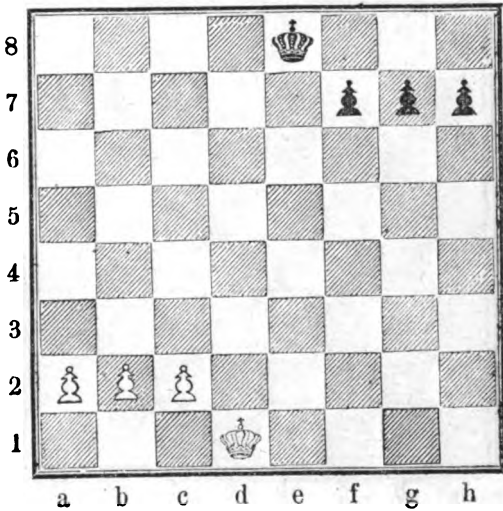
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CLXXX.

ЧЕРНЫЕ.

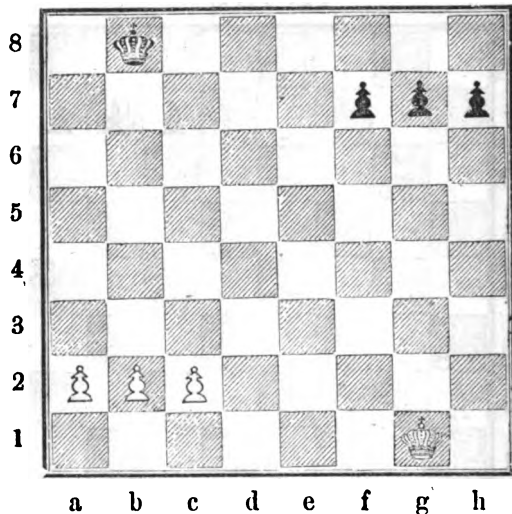

БЕЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

CLXXXI.

ЧЕРНЫЕ.

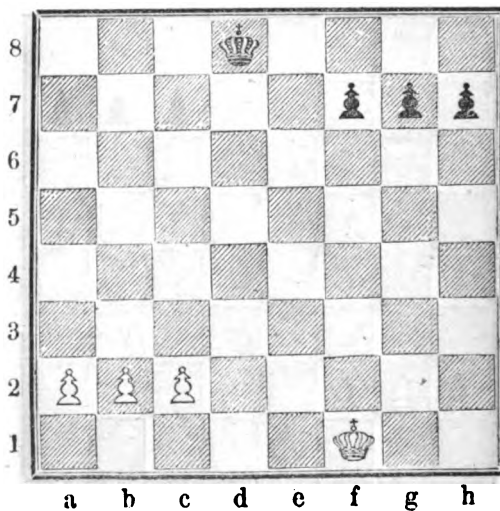

БЕЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

CLXXXII.

ЧЕРНЫЕ.

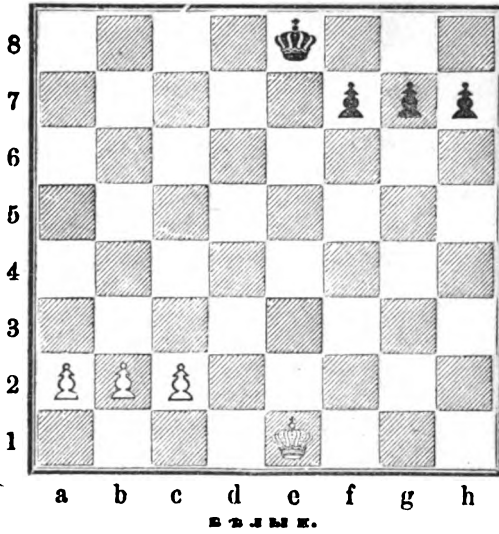

БЕЛЫЕ.

Кто бы ни начинал, белые выигрывают.

CLXXXIII.

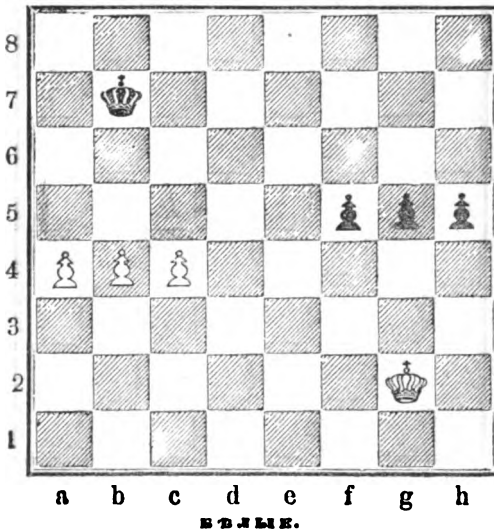
ЧЕРНЫЕ.

Кто бы ни начинать, бѣлые выигрываютъ.

CLXXXIV.

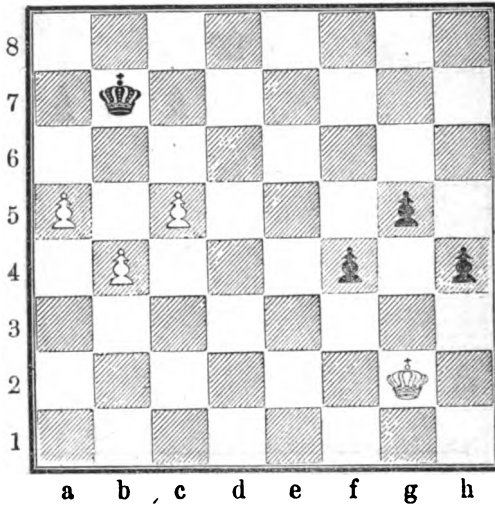
ЧЕРНЫЕ.

Начинающій проигрываетъ.

CLXXXV.

ЧЕРНЫЕ.

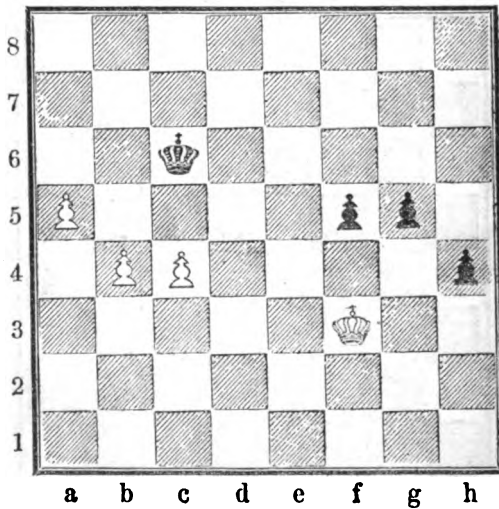

БѢЛЫЕ.

Начинающій проигрываетъ.

CLXXXVI.

ЧЕРНЫЕ.

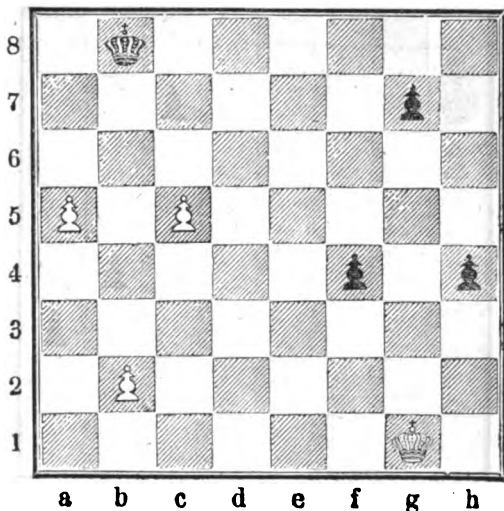

БѢЛЫЕ.

Начинающій проигрываетъ.

CLXXXVII.

ЧЕРНЫЕ.

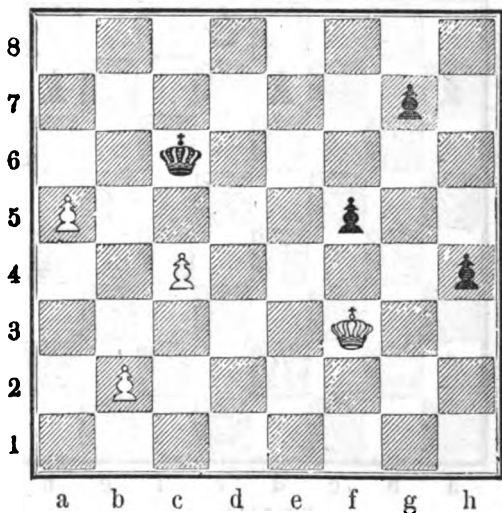

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CLXXXVIII.

ЧЕРНЫЕ.

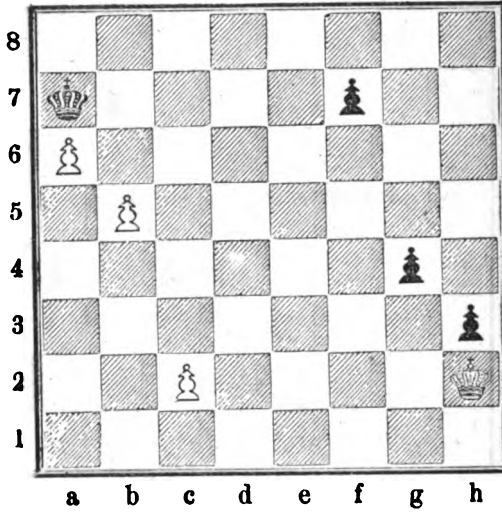

БЕЛЫЕ.

Ничья.

CLXXXIX.

ЧЕРНЫЕ.

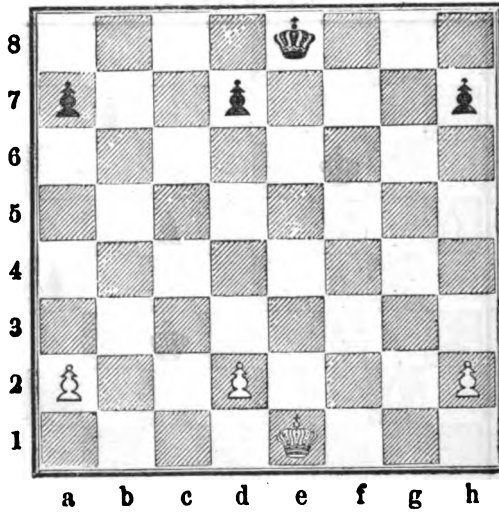

БЕЛЫЕ.

Ничья

CXC.

ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

Начинающий выигрывает.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 25.

- 1) e5—g3   d1—d2 (лучший ходъ)
- 2) g3—h4   d7—d6 (лучший ходъ)
- 3) h4—g3   d2—d4
- 4) g3—f2   d6—d5
- 5) f2—d4°~~×~~

№ 26.

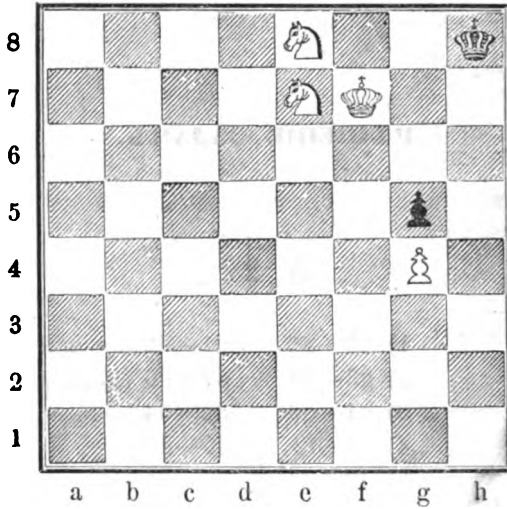
- 1) e1—h4+   f6—e5
- 2) h7—c7+   e5—d4°
- 3) h4—f2+   d.—e3
- 4) c7—c3~~×~~

Задачи.

№ 36.

В. В. Пеликана.

ЧЕРНЫЕ.

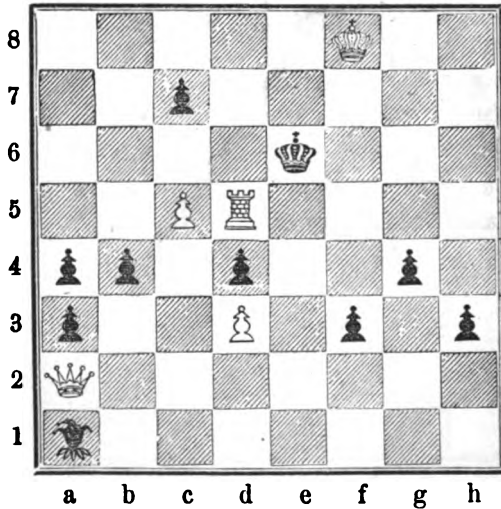
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 6 ходовъ.

№ 37.

Вильмерса (въ Вѣт).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденция. Г-ну*** (Воронежская губ., Острогожскъ.) Оба Ваши рѣшенія совершенно вѣрны; что же касается замѣчаній по поводу задачи № 15, то мы съ ними согласиться не можемъ. Вы говорите, что мы, въ рѣшеніи этой задачи, напрасно назвали первые два хода черныхъ (1) $\overline{f7-e6^{\circ}}$ 2) $\overline{d6-e5^{\circ}}$) *лучшими* ибо, играя иначе, черные не получаютъ, будто бы, мата въ означенное число ходовъ. Посмотримъ. Королемъ ходить нельзя: онъ въ патъ; слѣдовательно надо двинуть одну изъ пѣшекъ или слона или ладью. Въ первыхъ двухъ случаяхъ, (а также и въ томъ если сыграютъ ладью, только не на кѣтку d4) бѣлые отвѣчаютъ 2) $e6-g7 \times$ т. е. матъ уже на второмъ ходѣ. Если же черные пойдутъ ладью на d4, то 2) $\frac{e6-g7+}{f5-f6}$ 3) $\frac{e3-g5}{\times}$, наконецъ, если послѣ ходовъ 1) $\frac{g5-e6}{f7-e6^{\circ}}$ 2) $\frac{b2-e5}{\times}$ черные сыграютъ иначе чѣмъ показано въ нашемъ рѣшеніи, то тутъ же получаютъ матъ, а именно: двинуть ладью на какую угодно кѣтку тогда 3) $\frac{e3-g5}{\times}$, а пойдутъ слономъ или любую пѣшкой, то 3) $\frac{e3-f4^{\circ}}{\times}$. Вотъ почему мы назвали ходы 1) $\overline{f7-e6^{\circ}}$ и 2) $\overline{d6-e5^{\circ}}$ *лучшими*. Далѣе Вы говорите, что по Вашему мнѣнію тѣ только задачи правильны, рѣшеніе которыхъ не допускаетъ варіантовъ. Почему же такъ?—Я непремѣнно отвѣчалъ бы Вамъ подробно, по почтѣ, но къ сожалѣнію, не смотря на всѣ старанія не могъ разобрать Вашей подписи, а потому не знаю кому адресовать письмо.

Г-ну Стеллиху. (въ Саратовской губ.) Вы мастерски нашли *Найденьша*. Раньше Васъ сдѣлалъ это только г. Янишъ, но уступить первенство такому знатоку — не обидно.

И. Зотову (въ С. Петербургѣ). Проблема и конецъ партіи рѣшены Вамъ какъ нельзя лучше.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЬ I.

СТРАН.

Вступительная лекція по международному праву, читанная въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Профессора Д. П. КАЧЕНОВСКАГО	1	✓
Зоологическая этнографія. Н. А. СЪВЕРЦОВА	18	
Море и звезды. Стихотвореніе. А. А. ФЕТА	66	
Тополь. Стихотвореніе. Его же	67	
Тюрго и министерство его. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА	68	✓
Гайка. Повѣсть. Г-жи КОХАНОВСКОЙ	119	✓
Весеннія пѣсни. Стихотворенія. А. Н. АПУХТИНА	285	
Тирольскія элегіи Гавличка. Переведенныя А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ	289	
Тишь и мракъ. Стихотвореніе. Я. П. ПОЛОНСКАГО	301	

ОТДѢЛЬ II.

Критика. Стихотворенія Ивана Никитина. М. ДЕПУЛЕ		✓
Библиографія. Кобзарь. Тараса Шевченка. М. Л. — Сочиненія Подолинскаго. — Повѣсти и разсказы С. Т. Славутинскаго. Н. К—АГО. — Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи И. Благовѣщенскаго. — Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ. Сочиненіе Д. Каченовскаго. А. Л. — Мірозданіе. Съ рисунками художника Рихау. Переводъ съ нѣмецкаго. — Природа въ ея явленіяхъ. Составилъ П. Павловъ. — Начальныя основанія астрономія, изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ для начинающихъ. Г. А. Яномъ. Переводъ съ втораго, исправленнаго нѣмецкаго изданія. В. К. — В. Л. ХАНКИНА. 23		
Иностранная литература. Эдгаръ Кинъ, его жизнь и труды. Статья вторая и послѣдняя. П. ПАУЛИНСКАГО	74	

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Дорожныя записки. А. С. ЧУЖБИНСКАГО . . .	4
Объ элементарномъ воспитаніи въ Англии. А. Н. КУ- ЛОМЗИНА	31
Иностранная судебная летопись. Борьба адвокатовъ съ про- куроромъ. — Процессъ адвоката Олливе. — Мужеубій- ство. — Убійство ударами заступа и покушеніе на подобное же преступленіе. — Юридическія мелочи	62
Письма изъ Алжира. N.	99
Съ устья Амура. Д. И. РОМАНОВА	103
Общественныя и литературныя замѣтки. I. Лекція г. По- година о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Н. К. — II. Диспутъ гг. Погодина и Костомарова. А. В. Лохвицкаго. — III. Замѣтки о Москвѣ и провинціи. Н. Ш. — IV. Либе- ральныя тенденціи московскаго общества любителей россій- ской словесности. Его же.	116
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Хорошее пріятно и вспомнить. — Диспутъ гг. Погодина и Костомарова. — Чтеніе въ пользу нуждающихся студентовъ. — Лекція г. Коссовича. — Школа для бѣдныхъ дѣтей. — Филантропія Петербурга. — Литературный спектакль. — Общество ху- дожниковъ. — Русское музыкальное общество. — Слухи. — Поддѣлыватели ассигнацій. — Штуки мосье Филиппа. — Что значить афиша. — Нѣсколько словъ о Дрейшокѣ. — Джіованни Терранова. — Будущій составъ итальянской оперы. — Миссъ Бальфъ замужемъ. — Сеньора Фіор- рети. — Концерты съ живыми картинами. — Нѣжная жена. — Подвигъ современныхъ рыцарей и человѣколюбіе доктора. — Донъ-Кихоть еще живъ! — Гора родила мышь. — Новости на постоянной выставкѣ картицъ. — Благотворительныя лоттереи. — Ресторанъ Шотана. — Нѣчто о метеорахъ. — Кристальный дворець. — Вербы. — Модные пузыри. — Поздравленіе. Е. Θ. МОЛЛЕРА . .	147
Памятники старинной русской литературы, издаваемые Н. И. Костомаровымъ и графомъ Куселевъ-Безбородко. .	162
Отъ редакціи	165
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА	89